КО ДНЮ

СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ

РОЖДЕНІЯ

Н. М. КАРАМЗИНА.

ПИСЬМА

Н. М. КАРАМЗИНА

КЪ

И. И. ДМИТРІЕВУ.

Лит. Н. Брезе. С.П.Б. больш. Мощ. д. № 8/10

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

КАРАМЗИНЪ.

(1805.)

Изданіе II-го Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ.

ПИСЬМА
Н. М. КАРАМЗИНА
КЪ
И. И. ДМИТРІЕВУ.

ПО ПОРУЧЕНІЮ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ИЗДАЛИ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И УКАЗАТЕЛЕМЪ

Я. ГРОТЪ и П. ПЕКАРСКІЙ.

КЪ ПИСЬМАМЪ ПРИЛОЖЕНЫ СНИМКИ ПОЧЕРКА И ПОРТРЕТЪ КАРАМЗИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1866.

Напечатано по распоряженію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 24 ноября 1866 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, желая ознаменовать прочнымъ памятникомъ столѣтнюю годовщину рожденія писателя, имѣвшаго великое значеніе для нашей литературы, положило издать по этому случаю какую-либо оставшуюся послѣ него рукопись.

Узнавъ, что въ Москвѣ, въ частныхъ рукахъ, находятся неизданныя еще письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Отдѣленіе въ маѣ истекающаго года обратилось къ владѣльцу ихъ, М. А. Дмитріеву (умершему въ прошломъ сентябрѣ), съ предложеніемъ издать ихъ при Академіи Наукъ.

По изъявленіи имъ на то своего согласія, подлинныя письма были доставлены въ Отдѣленіе, которое и поручило намъ издать ихъ съ объяснительными примѣчаніями.

Появляющимся нынѣ томомъ дополняются извѣстныя до сихъ поръ письма Карамзина, частью разсѣянныя въ

разныхъ періодическихъ изданіяхъ, частью напечатанныя отдѣльно *.

Письма Карамзина къ Дмитріеву обнимаютъ сорокъ лѣтъ, начинаясь 1787-мъ годомъ и продолжаясь, съ рѣдкими перерывами, почти до самой смерти исторіографа († 22 мая 1826 года). Отвѣтныя письма Дмитріева, къ сожалѣнію, не сохранились.

Въ 1824 году самъ И. И. Дмитріевъ собралъ полученныя имъ до того времени письма своего друга въ трехъ переплетенныхъ тетрадяхъ; впослѣдствіи составилась еще четвертая, въ которую вошли и письма родныхъ Карамзина, послѣ его кончины писанныя къ Дмитріеву.

Возстановивъ въ цѣломъ рукописномъ сборникѣ строгій хронологическій порядокъ, часто нарушавшійся въ этихъ тетрадяхъ, мы напечатали всѣ письма Карамзина съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ и присоединили къ нимъ подробныя историко-литературныя и библіографическія примѣчанія, помѣщенныя во второй половинѣ настоящаго тома.

Вмѣстѣ съ подлинными письмами были получены въ Отдѣленіи и приготовленныя къ нимъ, года два тому назадъ, по просьбѣ покойнаго М. Дмитріева, краткія примѣчанія

* Они исчислены г. Лонгиновымъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 года (№ 7 и 8, «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина», стр. 868 и 869).

М. Н. Лонгинова. Тѣ изъ этихъ первоначальныхъ примѣчаній, которыми мы воспользовались, вездѣ отмѣчены у насъ поставленною въ скобкахъ буквою [Л].

Сверхъ того мы извлекли изъ примѣчаній г. Лонгинова свѣдѣнія о годахъ рожденія и смерти многихъ лицъ и, дополнивъ ихъ нѣкоторыми другими данными того же рода, помѣстили эти отмѣтки въ Указателѣ личныхъ именъ, приложенномъ нами въ концѣ тома.

Первый отдѣлъ писемъ Карамзина, до 205-го включительно, равно какъ и приложенія V—VIII, изданы Пекарскимъ; второй отдѣлъ писемъ, вмѣстѣ съ приложеніями I—III, — Гротомъ. Примѣчанія и Указатель составлены каждымъ изъ насъ къ той части текста, которая печаталась подъ его наблюденіемъ.

Во второмъ отдѣлѣ комментарія встрѣчаются примѣчанія, означенныя подписями: [Кн. В] и [С]. Они обязательно доставлены академикомъ княземъ П. А. Вяземскимъ и почетнымъ членомъ Отдѣленія К. С. Сербиновичемъ и основываются большею частью на ихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Карамзинѣ и близкихъ къ нему людяхъ.

Приложеніе IV, содержащее письма Карамзина къ Калайдовичу, доставлено академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, которому принадлежатъ и относящіяся къ этому отдѣлу примѣчанія.

За благосклонное содѣйствіе къ приготовленію нѣко-

торыхъ частей этого изданія Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить живѣйшую признательность, сверхъ поименованныхъ уже лицъ, еще слѣдующимъ: г. военному министру Д. А. Милютину, доставившему свѣдѣнія о военной службѣ Карамзина; г. директору Государственнаго Архива К. К. Злобину, дозволившему воспользоваться архивными документами относительно карамзинскаго имѣнія и участія Карамзина въ новиковскихъ изданіяхъ; г. управляющему московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи Н. В. Калачову, г. симбирскому губернскому предводителю дворянства А. И. Ермолову, отъ которыхъ получены бумаги о родѣ Карамзина, и бывшему профессору С.-петербургскаго Университета В. С. Порошину, приславшему изъ Парижа, по просьбѣ Пекарскаго, неизвѣстную доселѣ статью Карамзина на французскомъ языкѣ, составившую VIII приложеніе къ издаваемымъ письмамъ.

24 ноября 1866 года.

Я. Гротъ.

П. Пекарскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Подлинникъ приложеннаго къ настоящему изданію портрета писанъ масляными красками въ 1805 году, въ Москвѣ, живописцемъ Дамономъ (Атеней 1858, № 20, стр. 258, и № 21, стр. 340 и 342.)

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

КЪ ДМИТРІЕВУ.

I.

(1787—1817.)

1.

Любезный другъ Иванъ Ивановичь!

Вы въ началѣ письма вашаго имяновали меня М. Г.; но имянованіе *друга* мнѣ бы пріятнѣе было слышать изъ устъ твоихъ. Вы радуетесь, что я началъ пользоватся спокойною и пріятною жизнію, то вмѣсто моего на сіе отвѣта, потрудитесь прочесть нѣсколько начальныхъ строкъ письма моего къ Александру Ивановичу. Слѣдующее потомъ въ письмѣ вашемъ возклицаніе, открываетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторымъ образомъ неудовольствіе ваше на настоящую участь вашу; но позволь мнѣ, любезный другъ, сказать, что независящее отъ насъ самихъ, не должно угнетать насъ.— Поэма: *Возрожденный Владимиръ* еще печатается. Письмо ваше къ Ивану Петровичу я отослалъ. Дружба ваша ко мнѣ позволяетъ мнѣ надѣятся, что переписка наша продолжится, и подастъ мнѣ случай, чаще увѣрять васъ въ моей къ вамъ преданности и моемъ къ вамъ почтеніи. Сіи чувства сохранитъ къ вамъ навсегда покорнѣйшій вашъ слуга

Николай Карамзинъ.

Прости мнѣ, любезный другъ! что во многихъ мѣстахъ письмо замарано; я бъ конечно переписалъ оное, естьли бъ не увѣренъ былъ, что сіе вы безъ замѣчанія пропустите.

(На оборотѣ письма адресъ рукою Карамзина:)

Милостивому Государю моему
Александру Ивановичу
Его Благородію Дмитреву.
Въ С. Петербургѣ.

Отдать сіе письмо въ домѣ господина капитанъ порутчика семеновскаго полку Бестужева, а объ его домѣ спросить на полковомъ дворѣ семеновскаго полку.

Москва, 1787.

Часто здѣсь въ юдоли мрачной
Слезы льются изъ очей;
Часто страждетъ и томится,
Терпитъ много человѣкъ.
Часто здѣсь ужасны бури
Жизни океанъ мятутъ;
Ладія наша крушится
Часто среди ярыхъ волнъ.
Наслаждаясь, унываемъ;
Веселяся, слезы льемъ.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.
На кусту здѣсь Филомела
Нѣжны пѣсенки поетъ;
Ей внимая, воздыхаешь,
Вспомня, сколько бѣденъ ты.
Чѣмъ во внѣшности утѣхи
Чаще будешь ты искать,
Тѣмъ ты болѣе постраждешь,
Въ жизни горечи найдешь.
Что въ томъ нужды, что страдаешь
Ты почасту отъ себя?

Ты, страдая, смѣло можешь
Звать нещастливымъ тебя.
Но ты долженъ постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь возможешь утѣшаться,
Меньше мучить самъ себя.
Впредь не думай, что случиться
Можетъ страшнаго тебѣ;
Коль случилось, ободряйся;
Что прошло, позабывай.
Не ликуй ты при забавахъ,
Чтобъ не плакать послѣ ихъ;
Чѣмъ кто болѣе смѣется,
Тѣмъ вздыхаетъ чаще тотъ.
Ни къ чему не прилѣпляйся
Слишкомъ сильно на землѣ;
Ты здѣсь странникъ, не хозяинъ:
Все оставить долженъ ты.
Будь увѣренъ, что здѣсь щастье
Не живетъ между людей;
Что здѣсь щастьемъ называютъ,
То едина щастья тѣнь.

2.

Москва, 1787.

Любезной другъ!

Поздравляю тебя со вступленіемъ на 28 годъ. Желаю, чтобы будущее было лучше прошедшаго.

Но что же скажемъ мы о времени прошедшемъ?
Какими радостьми, мой другъ, питались въ немъ?

Мы *жили*, *жили* мы — и болѣе не скажемъ,
И болѣе сказать не можемъ ничего.
Уже нашъ шаръ земной едва не четверть вѣка
Свершаетъ круглый путь, вкругъ солнца обходя,
Какъ я пришелъ въ сей міръ, иль, попросту, родился;
Но все, мой другъ, мнѣ все казалось время сномъ —
Бывали страшны сны, бывали и пріятны;
Но значатъ ли что сны? не суть ли только дымъ? —

Посылаю къ тебѣ Шекспирову трагедію.—Ложа для Катерины Ивановны будетъ готова; она въ первомъ этажѣ, подъ № 19, въ шестомъ часу будетъ отперта. — Сожалѣю о твоей дряхлости. Нынѣ у тебя послѣ обѣда буду.

Щастье истинно хранится
Выше звѣздъ, на небесахъ;
Здѣсь живя, ты не возможешь
Никогда найти его.
Есть здѣсь щастіе едино,
Буде такъ сказать могу,
Коимъ въ мірѣ обладая,
Лучшимъ обладаешь ты.
Вѣрна дружба! ты едина
Есть блаженство на землѣ;
Кто тобою усладился,
Тотъ не даромъ въ мірѣ жилъ.
Небеса благоволили
Смертнымъ дружбу даровать,
Чтобъ утѣшить ихъ въ нещастьи,
Сердца бѣдныхъ усладить.
Буди ты благословенна,
Дружба, даръ святый небесъ!

Буди жизни услажденьемъ
Ты моей здѣсь на землѣ!
Но и дружбѣ окончаться
Время нѣкогда придетъ;
Сама дружба насъ заставитъ
Послѣ слезы проливать.
Время всѣмъ намъ разлучиться
Непремѣнно притечетъ,
Часъ настанетъ, другъ увянетъ,
Яко роза въ жаркой день.
Все изчезнетъ, что ни видишь,
Все погибнетъ на землѣ;
Самой міръ сей истребится
Пепломъ будетъ въ нѣкій день.

3.

Москва, 2 Марта, 1788.

Любезный другъ Иванъ Ивановичь!

Радуюсь, что ты доволенъ своею жизнію, или пересталъ скучать. Надѣюсь, что приближеніе весны имѣетъ цѣлебное вліяніе на твое здоровье. Все скоро оживится. Скоро птицы, соединясь въ хоры, воспоютъ хвалебную пѣснь веснѣ. Мой другъ! не уже ли мы съ тобою будемъ ходить повѣся голову? не уже ли не возмемъ участія во всеобщей радости, и, наморщивъ лобъ, скажемъ:

Вездѣ, вездѣ мы видимъ радость,
Вездѣ веселіе одно;
Но мы, печалью отягченны,
Уныло бродимъ по лѣсамъ, —
Въ лугахъ утѣхи не находимъ; —
Смотря въ ручей, мы слезы льемъ;

Слезами воду возмущаемъ,
Волнуемъ вздохами ее. —

Прости, мой другъ, прости! Я живу по прежнему; нѣтъ никакой важной перемѣны въ жизни моей.

Покорнѣйшій твой слуга
и вѣрный другъ
Н. Карамзинъ.

Отвѣтъ *).

Мой другъ! судьба опредѣлила,
Чтобъ я терзался всякой часъ;
Душа моя во мнѣ уныла
И жаръ къ поэзіи погасъ.
Узрюль весну я? неизвѣстно,
Но только то скажу нелѣстно,
Что естли щастливъ я въ тебѣ:
Любезна для меня природа
Во всѣ четыре время года
И не пѣняю я судьбѣ.

4.

Москва, Мая 18, 1788.

Желаю тебѣ, любезной другъ Иванъ Ивановичь, здоровья, въ которомъ у тебя по сіе время всегда былъ недостатокъ. Не уже ли весна не принесла тебѣ съ собою ничего добраго? Правда, что у насъ она не очень весела; по сіе время все еще холодно, такъ что въ одномъ кафтанѣ не льзя ходить.

*) Писанъ на оборотѣ письма Карамзина, рукою И. И. Дмитріева.

Любовникъ Флоры не играетъ,
Не рѣзвится у насъ въ лугахъ;
Борей шумитъ, древа качаетъ —
А мы сидимъ въ своихъ домахъ.

Ты меня очень одолжишь, если пришлешь мнѣ журналъ Фонъ-Визина. Не скоро еще М. М. Херасковъ отдастъ въ печать своего *Кадьма*, какъ я отъ него слышалъ; и такъ обѣщавъ вамъ скоро доставить сіе сочиненіе напечатанное, я васъ обманулъ, бывъ самъ обманутъ. — Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь ученыхъ новостей? У васъ не такъ, какъ у насъ: журналовъ множество, стихотворцевъ перечесть нельзя. Не повѣрю я, чтобы и твоя лира всегда такъ лежала; вѣрно ты по временамъ берешь ее, брянцаешь и мурлычишь кое что про себя отъ скуки. Пой, братъ, пой! пѣсни дѣло не худое. Кто упражняется въ поэзіи, кто нашелъ въ ней вкусъ, тотъ рѣже другаго будетъ въ жизни своей скучать; а скука есть злой червь, который точитъ цвѣтъ жизни нашей. Прости, любезной другъ!

Н. Карамзинъ.

(На оборотѣ письма адресъ рукою Карамзина:)

Ивану Ивановичу
Дмитріеву.

5.

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Страдаетъ тотъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все томится,
Нигдѣ покоя въ мірѣ нѣтъ.
Но тѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить;

Что скоро, скоро мы престанемъ
Страдать, стенать и слезы лить.
Въ духовны сферы вознесемся,
Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
Тогда, мой другъ, тогда узнаемъ,
Почто страдали столько лѣтъ.
Тогда, бывъ свѣтомъ озаренны,
Падемъ, поклонимся Творцу,
И слезы радости проливши,
Воскликнемъ къ нашему Отцу:
«Ты благъ, премудръ, могущъ чудесно!
«Ты все во благо превратилъ,
«Что намъ великимъ зломъ казалось!
«Ты насъ къ блаженству сотворилъ!»

Я радъ, любезной другъ, что ты терпѣливо сносишь свою болѣзнь. Нетерпѣливой человѣкъ во всякомъ случаѣ увеличиваетъ свое горе и бываетъ близокъ къ отчаянію; но тотъ, кто въ скорби вооружается терпѣніемъ, бываетъ къ щастливой перемѣнѣ гораздо ближе нетерпѣливаго, и самое настоящее зло не такъ сильно чувствуетъ, отъ того, что не ропщетъ и не жалуется. — Ивана Петровича посѣтить я намѣренъ.— Adieu! adieu! —Я всегда буду вѣрнымъ твоимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою.

Н. Карамзинъ.

PS. Выдаетъ ли Фонъ-Визинъ журналъ? и какія пьесы въ немъ помѣщаетъ?

(Адресъ на оборотѣ письма рукою Карамзина:)

Ивану Ивановичу
Дмитріеву.

6.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Поздравляю тебя съ праздникомъ и благодарю за письмо. Хорошо бы было, естьли бы письма мои кого нибудь утѣшать могли, но, мой другъ, позволь мнѣ на сей разъ сомнѣваться въ истинѣ сказаннаго тобою.

Вторично прошу тебя увѣдомить меня, выдаетъ ли Фонъ-Визинъ журналъ, и изъ какихъ піэсъ онъ состоитъ; если онъ хорошъ, то бы я выписалъ его. Да и что онъ стоитъ? Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь ученыхъ новостей? — Но прежде всего увѣдомь меня, каково твое здоровье, гдѣ ты нынѣ живешь? вмѣстѣ съ братцами или одинъ? — Видитесь ли вы съ Платономъ Петровичемъ?

Желая тебѣ всего добраго, остаюсь вѣрнымъ твоимъ другомъ и покорнымъ слугою

Н. Карамзинъ.

7.

Москва, Іюля 2, 1788.

Надѣюсь еще, любезный другъ Иванъ Ивановичь, что это письмо застанетъ тебя въ Петербургѣ.

И такъ другъ мой, болѣзнями отягченный, забываетъ слабость свою и въ энтузіазмѣ спѣшитъ на поле сраженія! Сердце его бьется скорѣе обыкновеннаго, кровь его волнуется, лице покрывается свѣжимъ румянцемъ, на челѣ у него сіяетъ мужество!... Браво, другъ мой! Только позволь спросить, возмешь ли ты съ собою въ походъ парики свои? Лучше не брать; — парикъ придаетъ важность профессору, а не воину. Можетъ быть потомки наши будутъ читать поэму, подъ заглавіемъ: *Шведская война*, въ которой ты ко-

нечно будешь играть непослѣднюю ролю, и гдѣ ты (NB. естьли не возмешь съ собою въ походъ париковъ), будешь именованъ *плѣшивымъ героемъ*. Какъ громко это прилагательное имя! Я живо воображаю тебя шествующаго большими шагами противъ Шведовъ, махающаго блестящею шпагою и по временамъ кричащаго: *ступай! ступай!* Какое Россійское сердце не порадуется, что и самые дряхлые люди въ нашемъ Царствѣ такъ храбры! Естьли же ты и самъ вздумаешь воспѣть великіе подвиги свои и всего воинства нашего, то пожалуй пой дактилями и хореями, Греческими Гекзаметрами, а не ямбическими шестистопными стихами, которые для Героическихъ поэмъ не удобны и весьма утомительны. Будь нашимъ Гомеромъ, а не Вольтеромъ. Два дактиля и хорей, два дактиля и хорей. Напримѣръ:

Трубы въ по|ходѣ гре|мѣли|крики по|воздуху|мчались.

Но оставя вздорныя шутки, скажу, что я очень буду жалѣть, естьли ты подлинно въ походъ пойдешь; по слабому твоему здоровью будетъ трудно переносить безпокойства, съ походомъ сопряженныя.

Петрова нѣтъ въ Москвѣ; почему и не могъ я сказать ему твоего комплимента.

Прости, любезный другъ! Надѣюсь, что ты ко мнѣ еще напишешь кое что, прежде нежели оставишь Петербургъ. Я буду всегда другомъ твоимъ.

Н. Карамзинъ.

8.

Москва, Августа 3, 1788.

Благодарю тебя, любезной другъ Иванъ Ивановичь, что ты помнишь меня посреди громкихъ звуковъ военныхъ

трубъ. Какъ бы желалъ я вдругъ перенестись къ вамъ въ лагерь и обнять Героя моего!

Что мнѣ писать къ тебѣ? Увѣдомлять ли тебя о новыхъ пѣсняхъ московскихъ музъ? Но онѣ всѣ уныли и молчатъ.— Ахъ, любезной другъ! Чада мира не раждаются во время войны!

Философствовать ли? Но тамъ не любятъ читать философическихъ диссертацій, гдѣ летаютъ пули.

Что же? — Пожелаю тебѣ отъ всего сердца добраго здоровья и спокойствія; попрошу тебя, чтобы ты и впередъ помнилъ меня и писалъ ко мнѣ (ибо вы можете писать о многомъ, что насъ интересовать будетъ) и потомъ скажу, что я всегда буду твоимъ другомъ.

Н. Карамзинъ.

9.

Москва, 3 сентября, 1788.

Радуюсь, мой любезной другъ Иванъ Ивановичь, что ты здоровъ и не скучаешь. Хорошо, весьма бы хорошо было, естьли бы нынѣшнія твои сильныя движенія въ духѣ и тѣлѣ совсѣмъ истребили въ тебѣ гнѣздо болѣзни, такъ долго тебя томившей. Да летятъ всѣ непріятельскія пули мимо тебя!

Какъ все вокругъ васъ шумно, такъ все вокругъ меня тихо. Многіе изъ моихъ знакомыхъ разъѣхались по деревнямъ, и я цѣлые дни просиживаю одинъ въ своей комнатѣ. Такъ-то участь людей различна! Вашей участи не завидую, хотя чувствую всю цѣну славы сражаться за отечество и усмирять враговъ, дерзнувшихъ нарушить его спокойствіе. Идите, Герои! побѣждайте и подарите насъ миромъ! уже плетутся лавровые вѣнцы для героевъ россійскихъ — от-

рутся потъ и кровь, и спокойствіе съ нѣжною улыбкою приметъ васъ въ свои объятія!

Пиши ко мнѣ, мой другъ. Скажи только, что ты здоровъ, и я буду доволенъ. Богъ съ тобою! — прости.

Твой другъ и слуга

Н. Карамзинъ.

10.

Москва, 17 Ноября, 1788.

Ивану Ивановичу.

«Многіе Барды, лиру настроя,
«Смѣло играютъ, поютъ;
«Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
«Мчатся по рощамъ, шумятъ.

«Многіе Барды, тоны возвыся,
«Страшныя битвы поютъ;
«Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
«Стонъ пораженныхъ и смерть.

«Многіе Барды, тоны унизя,
«Сельскую радость поютъ —
«Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
«Вздохи, утѣхи любви.

«Многіе Барды въ пьяномъ восторгѣ.
«Намъ воспѣваютъ вино,
«Всѣхъ призывая имъ утоляти
«Скуку, заботы, печаль.

«Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
«Душу приводятъ въ восторгъ?

«Всѣ ли *Гомеры*, *То́мсоны*, *Клейсты?*
«Гдѣ *Анакре́онъ* другой?

«Мало осталось Бардовъ великихъ». —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся,
Лира валится изъ рукъ.

Быстро Зефиры, съ *Невскихъ* предѣловъ,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ....

Я восхищаюсь! — въ радости сердца
Громко взываю, пою:
«Древніе Барды духъ свой вліяли
Въ новаго Барда *Невы!*»

Такъ бѣдной московской стихотворецъ, учащійся нынѣ разбирать по складамъ греческихъ поэтовъ, осмѣливается греческимъ стихосложеніемъ воспѣвать хвалу своему другу!—Какъ радуюсь, естьли подлинно я подалъ тебѣ поводъ спѣть такую хорошую пѣснь! Высокая гармонія да будетъ всегда душею пѣсней твоихъ! —

Прости мой другъ!

Н. Карамзинъ.

11.

Лондонъ, Іюня 4, 1790.

Любезные друзья!

Болѣе года я ничего о васъ не знаю — живы ли вы? гдѣ вы? что вы? Дружбы вашей никогда не забуду. Часто

о васъ вспоминаю. Что-то дѣлается въ сердцѣ любезнаго Александра Ивановича? Время и воинской шумъ разсѣяли ли мрачность его? Мое сердце не перемѣнилось по крайней мѣрѣ въ любви къ вамъ.

Я пишу къ вамъ на скорую руку, только для того, чтобы подать вамъ о себѣ вѣсть, будучи увѣренъ, что вы, друзья мои, берете участіе въ моей судьбѣ. Я проѣхалъ черезъ Германію; побродилъ и пожилъ въ Швейцаріи, видѣлъ знатную часть Франціи, видѣлъ Парижъ, видѣлъ *вольныхъ* французовъ, и наконецъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Скоро буду думать о возвращеніи въ Россію.

Увидя моихъ братій, поклонитесь имъ отъ меня. Сестрѣ отпишите отъ меня поклонъ.

Будьте живы и благополучны, друзья мои! До свиданія, до свиданія!

Вашъ другъ

Н. Карамзинъ.

12.

Москва, ноября 12, 1790.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Видѣніе мурзы получилъ, и къ Пѣвцу писалъ на сей почтѣ. Посылаю къ тебѣ объявленіе. Не сыщешь ли охотниковъ подписаться? — Гдѣ любезной Александръ Ивановичь? — Низко поклонись Николаю Александровичу Чирикову. Будь здоровъ и живи весело! Въ отвѣтъ хотя строку. Я живу на Тверской, въ приходѣ Василія Кесарійскаго, въ домѣ Плещеева. Прости!

Вѣрный твой другъ и слуга

Н. Карамзинъ.

13.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Слава Богу, что ты возвратился въ Петербургъ здоровъ. Компанія кончилась, и другъ мой уже не въ ставкѣ, но въ теплой и покойной комнатѣ пьетъ кофе.

Кажется, что я еще не отвѣчалъ тебѣ на послѣднее твое письмо. Стихи твои мнѣ полюбились. Какъ я удивился, узнавъ, что они ходятъ по Москвѣ! Ихъ хвалили всѣ, кто только ихъ читалъ.

Естьли что нибудь выдашь въ свѣтъ изъ трудовъ своихъ, то пожалуй сообщи своему покорному слугѣ, давно уже нечитавшему твоихъ произведеній; а я думаю, что теперь, возвратясь изъ похода, ты въ праздности не будешь.

На сей разъ прости. Люби меня и будь здоровъ. Во всю мою жизнь буду вѣрнымъ твоимъ другомъ

Николай Карамзинъ.

14.

Москва, 1791.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Очень, очень благодарю тебя за письмо и за стихи. Знаешь ли, что *быль* мнѣ лучше *картины* полюбилась, и не только мнѣ, но и всѣмъ тѣмъ, которымъ я читалъ сіи піесы?

Теперь я не имѣю времени много писать къ тебѣ, а скажу тебѣ только то, что дней черезъ шесть думаю выѣхать въ Симбирскъ. Прошу тебя, прошу Александра Ивановича, прошу любезную сестру Маѳу Михайловну пріѣхать въ Симбирскъ для свиданія со мною, гдѣ мнѣ нельзя пробыть болѣе десяти дней.

Засвидѣтельствуй мое почтеніе милостивой государынѣ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ и милостивому государю моему Ивану Гавриловичу.

Державинъ взятъ въ Кабинетскіе Секретари, пишетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ Петербургъ. Пожалуйте пріѣзжайте въ Симбирскъ; тамъ поговоримъ обо всемъ. Естьли вы, наприм. завтра или послѣ завтра, выѣдете, то мы пріѣдемъ туда въ одно время.

Твой другъ Н. Карамзинъ.

15.

Москва, 1791.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Благодарю тебя за письмо и за похвалу Элизѣ, которую мнѣ давно хотѣлось напечатать. Такимъ образомъ и прозаическія твои піесы будутъ служить къ украшенію московъ. Журнала! Въ Лефеврѣ я иное перемѣнилъ, для того что г. Французъ не все понималъ и умничалъ. Скажу тебѣ пріятную вѣсть — *пріятную*, говорю, думая, что ты вмѣстѣ со всѣми Евиными чадами имѣешь самолюбіе, или честолюбіе, и любишь, когда тебя хвалятъ. *Модная жена* очень понравилась нашей Московской Публикѣ, и притомъ публикѣ всякаго разбора. *Это прекрасно*, говоритъ франтъ — *въ иныхъ мѣстахъ очень вольно*, говоритъ модная дама съ стыдливою улыбкою. — *Быль* напечатана была прежде полученія послѣдняго письма твоего, и слѣдственно безъ поправки.

Любезному другу Александру Ивановичу и любезной сестрѣ Марѳѣ Михайловнѣ кланяюсь. Послѣдней прошу сказать, что она можетъ прислать въ Москву мальчика, чтобы учиться портному ремеслу; я знаю очень хорошаго женскаго портнаго. Тѣнь свою пришлю, когда найду *тѣносымателя*.

Туманскій задавилъ меня своими піесами. Между тѣмъ да будетъ тебѣ извѣстно, что Дмитревской вмѣстѣ съ Плавильщиковымъ и *Клюшкинымъ*, или *Кукушкинымъ* или *Кулушкинымъ*, издаетъ въ Петербургѣ журналъ *Зритель*, которой еще до меня не дошелъ. Да когда же ты будешь въ Москвѣ? Прости!

Другъ твой Н. Карамзинъ.

16.

Москва, 23 апрѣля 1791.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Можетъ быть я виноватъ передъ тобою, не писавъ къ тебѣ такъ долго. Только и ты виноватъ, не сказавъ мнѣ ни слова о томъ, гдѣ живешь, и куда мнѣ надписывать письма. И теперь пишу на удачу, не зная вѣрно, дойдетъ ли до тебя это письмецо.

Голова моя все еще въ худомъ состояніи, и часто жизнь бываетъ мнѣ очень непріятна.

Что, и *какъ* велишь, въ твоихъ стихахъ поправлю. Кто сочиняетъ, тому натурально заботиться о усовершенствованіи сочиняемаго—NB. естьли у него не болитъ голова, такъ какъ у меня.

Я очень радъ, что любезные наши Державины противъ насъ не перемѣнились. Увѣрь ихъ, любезной другъ, въ моемъ почтеніи и въ моей благодарности. При случаѣ можешь сказать Гаврилу Романовичу, что я все еще надѣюсь получить отъ него что нибудь для моего журнала. Херасковъ все обѣщаетъ. Теперь передѣлываетъ онъ своего *Владимира* и прибавляетъ десять пѣсней новыхъ. — По праву дружбы требую отъ тебя, чтобы ты, любезной другъ, пи-

салъ для московскаго Журнала. Твои піесы нравятся умнымъ читателямъ.

Благодарю за субскрибента, котораго ты мнѣ нашелъ между офицерами вашего полку. Сообщи мнѣ его имя и адресъ. Естьли Академія выдаетъ журналъ, то, сдѣлай мнѣ одолженіе, подпишись на него и пересылай ко мнѣ; а естьли нѣтъ, то купи мнѣ третью часть рускаго лексикона, издаваемаго Россійскою академіею, буде она вышла. Двѣ первыя у меня есть. Естьли руской переводъ комедіи Оптимисты напечатанъ въ Петербургѣ, то пришли мнѣ его. — Вотъ какъ употреби взятыя съ субскрибента деньги.

Завтра пошлю къ тебѣ и апрѣль и май мѣсяцы журнала. И впредь что отпечатано будетъ, стану къ тебѣ пересылать. Только пожалуй увѣдомь, гдѣ ты живешь. Тогда будешь ты получать прежде всѣхъ.

Ступайте, храбрые воины! Деритесь какъ Индѣйскіе пѣтухи! Ступай и ты, любезной другъ, естьли надобно. Только пожалуй не ударся головою о Прусское ядро, — ни объ англійское, ни о шведское. Будь живъ и здоровъ, и на первой почтѣ пиши ко мнѣ. Не забудь въ надписи прибавить къ *дому Плещеева: на Тверской*. Постилліоны наши не изъ Лаконіи.

Прости, мой другъ! Всегда тебя любитъ

Н. Карамзинъ.

17.

Москва, Іюня 1.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Благодарю за все, что получилъ отъ тебя. Къ Гаврилу Романовичу писалъ; а тебя прошу поблагодарить отъ меня г. Львова за его стансы, и попросить его, чтобы онъ и

впередъ сообщалъ мнѣ свои сочиненія. Скажи, какой это Львовъ?—Стансы будутъ напечатаны въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Пожалуй, любезной другъ, и впередъ пиши ко мнѣ, что услышишь о Московскомъ Журналѣ отъ людей, вкусъ имѣющихъ; пиши, не смягчая никакой критики.

Ты вѣрно читалъ въ Академическомъ Журналѣ оды Николева, будто бы сыномъ его сочиненныя, и оду Хвостова, подъ именемъ *стихотвореніе*. То-то поэзія! то-то вкусъ! то-то языкъ! — Боже! умилосердися надъ нами!

Что сдѣлалось съ Туманскимъ? Я получаю отъ него оду за одой, посланіе за посланіемъ. Къ нещастію, я не могу ничего напечатать, и притомъ по такимъ причинамъ, которыхъ нельзя объявить автору. Желалъ бы я показать тебѣ сіи безсмертныя произведенія малороссійскаго духа; желалъ бы показать тебѣ еще одну эпистолу, на сихъ дняхъ полученную изъ Вологды отъ одного Секретаря.—А ты пожалуй пришли мнѣ собраніе *мудрыхъ* писемъ.

Говорятъ, что войны не будетъ; и такъ ты въ походъ не пойдешь и будешь имѣть время писать стихи и написанное присылать ко мнѣ. Пожалуй не лѣнись.

Кто же изъ вашихъ офицеровъ подписался на мой журналъ? Деньги ты съ него взялъ, а отъ меня экземпляра не требуешь; однако жь я пошлю его на будущей почтѣ къ тебѣ.

Тверди Державинымъ, что я ихъ люблю и почитаю. — Прости, мой другъ! Всегда будетъ любить и почитать тебя

вѣрной твой другъ

Н. Карамзинъ.

Іюнь Журнала чрезъ нѣсколько дней поѣдетъ въ Петербургъ. — На другомъ листочкѣ пишу къ Александру Ивановичу.

18.

Москва, 23 Іюня 1791.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Благодарю тебя за письмо и за Іюнь мѣсяцъ академическихъ сочиненій. Мужественно и храбро пробился я сквозь тысячу Николевскихъ стиховъ; хотя тысячу разъ колебался, однакожъ, преодолѣвъ самого себя, добрался до конца. Конечно, есть нѣсколько порядочныхъ стишковъ; но сіи малочисленные изрядные стишки не могутъ сдѣлать сносною Эпистолы въ 1000 стиховъ. Признаться тебѣ, любезной другъ, что естьли бы всѣ стихи писать такъ, то я возненавидѣлъ бы стихотворство. Стихи Камарова, подобные прозѣ Семена Пирогова, заставляютъ меня по крайней мѣрѣ смѣяться; а это жесткое посланіе (и притомъ *лирическое!!!*) такъ натерло мой мозгъ, что онъ нѣсколько часовъ былъ подобенъ болячкѣ.

Прогулку въ Сарскомъ селѣ получилъ, и тотчасъ узналъ сочинителя. Я напечатаю ее въ августѣ (разумѣется, что имени моего тутъ не будетъ). Какого quiproquo ты боялся, по своей дружбѣ ко мнѣ? Однакожь не сказывай Гаврилу Романовичу, что я знаю автора.—Стихи изъ описанія Князева праздника также получилъ отъ него.

Журналъ Дирину пошлю завтра. — Прости, любезной другъ! Увѣдомь меня, какъ ты живешь, и съ кѣмъ по большой части проводишь время.

Сочинителю *Памелы* можешь и впередъ кланяться.

19.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Благодарю тебя вдругъ за два письма. Посылку къ сестрѣ Марѳѣ Михайловнѣ также получилъ. Только не знаю,

что съ нею дѣлать. На почтѣ, говорятъ, такихъ посылокъ не принимаютъ; а случая къ пересылкѣ теперь никакого не знаю. По крайней мѣрѣ, при первомъ случаѣ, какой найдется, пошлю, естьли по почтѣ нельзя будетъ отправить. Письмо твое къ сестрѣ, вмѣстѣ съ моимъ, пойдетъ въ середу. Пожалуй скажи, знаетъ ли нашъ любезной Державинъ, что *И* въ московскомъ Журналѣ означаетъ Ивана Ивановича Дмитріева? Получилъ ли онъ письмо мое, въ которомъ я писалъ къ нему, что Шуваловъ отпирается отъ пляски, бывшей нѣкогда у него на мызѣ, и подавшей поводъ къ сочиненію Эвтерпы? И что Державинъ говоритъ объ этомъ? Пожалуй, любезной другъ, не полѣнись меня увѣдомить.

Успокойся въ разсужденіи своихъ піесъ. Сколько мнѣ извѣстно, то никто изъ читателей журнала не возстаетъ противъ стихотвореній подъ буквою *И*. Ихъ читаютъ и хвалятъ. Стихи на деньги въ своемъ родѣ ни какъ не худы, и ты напрасно ихъ не любишь.—Я вызываю тебя по дружбѣ сочинить въ стихахъ сказочку или романсъ. У насъ еще въ этомъ родѣ ничего нѣтъ. Или не можешь ли по крайней мѣрѣ перевести Вольтерову сказку Les trois manieres, которая такъ начинается: «Que les Athéniens étoient un peuple aimable!» Пожалуй упражняйся въ поэзіи, и въ первомъ своемъ письмѣ ко мнѣ скажи, принимаешь ли мое предложеніе.

И такъ ты нынѣ сталъ основательнѣе, экономнѣе, дальновиднѣе и проч. и проч.? Ужъ передъ добромъ ли, мой другъ? Впрочемъ, желаю тебѣ успѣвать и во всякомъ благѣ.

Надобно, чтобы вы уже давно получили Іюнь мѣсяцъ журнала. Августъ дней черезъ семь можетъ отправиться въ Петербургъ. Тутъ увидишь сочиненіе одной дѣвицы, въ которомъ есть гладкіе стихи, но нѣтъ поэзіи.

Прости, мой другъ, и отпиши ко мнѣ поскорѣе. Да не можешь ли прислать мнѣ новыхъ своихъ сочиненій? Естьли

не хочешь ихъ печатать, то по крайней мѣрѣ дай прочитать, а то я могу поссориться съ тобою.

20.

Москва, Сент. 1, 1791.

Благодарю тебя, любезной другъ, за два письма; а потомъ скажу, что обѣ твои коммиссіи я исполнилъ, т. е. платье къ сестрѣ Маѳѣ Михайловнѣ послалъ съ ѣздоками, а политическій Журналъ (которой съ пересылкою стоитъ восемь рублей) отправилъ къ Ивану Гавриловичу на прошедшей почтѣ.

Естьли бы я зналъ, что невинной мой вопросъ (*знаетъ ли Д., что литера*, и проч. и проч.) можетъ привести тебя въ безпокойство, то ни за что бы не сдѣлалъ его. Но давно ли ты сталъ такъ подозрителенъ? Божусь тебѣ, что одно любопытство заставило меня спросить объ этомъ.

Благодарю тебя за лесть. Желалъ бы я превратить ее въ истину. — Пожалуй, любезной другъ, сказывай мнѣ, какія піесы или мѣста въ московскомъ Журналѣ тебѣ не полюбятся. Это можетъ былъ для меня полезнѣе.

Исполни же свое обѣщаніе, и переведи Вольтерову сказочку — переведи, и пришли мнѣ, чѣмъ много одолжишь меня.

Шмитъ, *Попугай* и *Ефремъ* конечно нелучшія изъ твоихъ піесъ, однакожь имѣютъ свою цѣну, и я увѣренъ, что многимъ изъ читателей онѣ полюбились. Въ журналѣ хороши и бездѣлки — и самые великіе поэты сочиняли иногда *Ефремовъ* и не стыдились ихъ. Впрочемъ я *изъ экономіи* не напечаталъ въ августѣ ни одной изъ твоихъ піесъ, кромѣ *Ефрема*; тутъ было довольно Державинскихъ.

Люди, мною уважаемые, иногда просятъ, чтобы я помѣщалъ въ журналѣ вялыя *риѳмосплетенія* или дѣтей ихъ,

или племянницъ, или племянниковъ. Иногда бываю принужденъ исполнять ихъ желанія.

Трудно, мой другъ, переводить поэтовъ; но естьли и на тотъ годъ буду выдавать журналъ (что однакожь очень невѣрно), то постараюсь перевести нѣкоторые кусочки изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ.

Александръ Ивановичь не отвѣчаетъ мнѣ на письмо, и я очень безпокоюсь о состояніи его здоровья. Пожалуй увѣдомь, каковъ онъ.

На сей разъ прости, любезной другъ! При случаѣ увѣряй Державиныхъ, что я ихъ очень, очень почитаю.

Вѣрной твой другъ и слуга

Н. Карамзинъ.

Климена мнѣ полюбилась, и я, съ твоего позволенія, напечатаю ее въ Журналѣ.

(Адресъ на оборотѣ письма рукою Карамзина:)

Его благородію
Милостивому государю моему
Ивану Ивановичу
Дмитріеву,
Гвардіи Семеновскаго полку г. Порутчику,
Въ С. Петербургѣ
У Семеновскаго моста въ домѣ Зимина подъ № 1711.

21.

Москва, 18 Ноября 1791.

Благодарю тебя, любезной другъ Иванъ Ивановичь, за твое письмо, а особливо за сказку, которую читалъ я два раза съ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ А. А. Петровымъ. Дѣло

рѣшено и Московскій Журналъ пойдетъ на 1792 г. Съ позволенія твоего, *Модная жена* выѣдетъ въ свѣтъ въ Генварѣ или въ Февралѣ мѣсяцѣ. Между тѣмъ прошу тебя прислать мнѣ и другую сказку, которой начало читалъ ты мнѣ въ Москвѣ, а естьли не находишь времени кончить ее, то пожалуй прими еще слабительное, чѣмъ много одолжишь покорнаго твоего слугу.—Надпись къ портрету: *и это человѣкъ*, и пр. очень полюбилась, и многіе твердятъ ее наизусть. — Николевъ бѣсится за тѣ пять или шесть строкъ, которыя въ ноябрѣ мѣсяцѣ написалъ я о его комедіи, и что-то пишетъ противъ меня. — На что тебѣ *Сильфида?* Естьли не ошибаюсь, то мы такимъ образомъ пѣвали ее въ Петербургѣ:

Плавай, Сильфида, въ весеннемъ эѳирѣ!
Съ розы на розу въ весельѣ летай!
Съ нѣжнаго мирта въ кристальный источникъ
На испещренный свой образъ взирай!
　　Май твоей жизни да будетъ весь ясенъ!
　　Пчелка тебя никогда не пугай,
　　Тамъ, гдѣ піешь ты свой сладостный нектаръ—
　　Птица Цитерина мимо лети!
Въ Оркусъ низыдя, Сильфида, покойся
Кротко въ Платоновомъ вѣчномъ вѣнкѣ!
Онъ возвѣщалъ утѣшеніе смертнымъ,
Псиши свободу, подобно тебѣ.

Любезному Александру Ивановичу кланяйся, а сестру Марѳу Михайловну поцѣлуй. Ноябрь при семъ посылаю, а когда самъ въ Симбирскѣ буду, не знаю. Пиши ко мнѣ еще въ Москву; туда же присылай и сказку. Прости! Твой вѣрной Карамзинъ.

22.

Москва, 2 Декабря 1791.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Сердечно благодарю тебя за всѣ стихи твои. Слава Богу, что Сызранской воздухъ имѣетъ для тебя силу вдохновенія! Пиши, мой другъ, пиши, и непремѣнно пришли мнѣ ту сказку, которой начало читалъ ты мнѣ въ Москвѣ; видишь, какъ я ненасытимъ! — Многія мѣста въ печальной твоей пѣсни на смерть Потемкина мнѣ очень полюбились. Все будетъ напечатано, и конечно къ удовольствію читателей Москов. Журнала.

О Державинѣ ничего не знаю; но думаю на сихъ дняхъ писать къ нему, и когда получу отвѣтъ, тебя увѣдомлю.

На газеты и на Политической Журналъ подпишусь, и мальчикъ будетъ одѣтъ съ головы до ногъ. Книги при семъ посылаю; а стиховъ на смерть Потемкина никакихъ не знаю, кромѣ тѣхъ глупыхъ, которые были напечатаны въ Вѣдомостяхъ.

Любезному Александру Ивановичу кланяюсь, и надѣюсь съ нимъ и съ тобою видѣться въ Симбирскѣ; но когда, не знаю — потому что у насъ еще нѣтъ пути. — Поцѣлуй за меня сестру Марѳу Михайловну.

Прости! Я простудился, и чувствуя сильную боль въ головѣ, не могу болѣе писать.

Вѣрной другъ твой

Н. Карамзинъ.

23.

Москва, 14 Іюня 1792.

Благодарю тебя, мой любезной другъ, благодарю сердечно за всѣ твои письма и за все удовольствіе, которое онѣ мнѣ сдѣлали.

Я очень радъ, что ты въ Державиныхъ по видимому не нашелъ перемѣны, и что они по прежнему любятъ своихъ пріятелей. Что принадлежитъ до Петрова, то мнѣ кажется, что они еще не знаютъ его — кажется, что и ты вмѣстѣ съ ними его не знаешь. Такого человѣка не льзя судить такъ, какъ судятъ обыкновенныхъ людей. Онъ дикъ и чувствителенъ — при незнакомыхъ молчаливъ и холоденъ, а съ другомъ сокровище. *Наивнаго* отвѣта его: *я привыкъ дома обѣдать*, не должно принимать за грубость — онъ напоминаетъ отвѣты Руссовы.

Дай мнѣ идею о *Водопадѣ* Державина, и скажи ему, что я дожидаюсь его съ нетерпѣніемъ — разумѣется, естьли это будетъ кстати сказать. Да сдѣлай одолженіе, сказывай мнѣ иногда мысли свои о піесахъ Московскаго Журнала, которыя заслужатъ твое вниманіе. — Для тебя въ Іюнѣ мѣсяцѣ будетъ нѣчто изъ Морицовой митологіи.

Увѣдомь, въ Петербургѣ ли Коцебу? Гаврило Романовичь можетъ поздравить себя съ такимъ хорошимъ переводчикомъ. Онъ имѣетъ *жени*, духъ и силу. Я хотѣлъ бы знать его лично.

Я очень безпокоюсь о любезномъ Александрѣ Ивановичѣ. Въ послѣднемъ письмѣ ты не говоришь объ немъ ни слова: каковъ онъ? Поцѣлуй его за меня.

Что принадлежитъ до меня, любезной другъ, то я довольно покоенъ. Мнѣ очень хочется недѣли на три ѣхать въ деревню, не далеко отъ Москвы.

Прости, мой другъ! Завтра пошлю журналъ и къ Ляпунову и къ Дирину. Вашъ полкъ занимается литтературою. — Каковъ тебѣ кажется Петербургской *Зритель*, которой жестоко разитъ Петербургскихъ актеровъ нижняго разбору и Венериныхъ жрицъ? Не можешь ли мнѣ сказать, что сочиняетъ тутъ Дмитревской?

Если муза твоя въ Петербургѣ спитъ, то я желаю ей скораго и радостнаго пробужденія.

Прости!

Что Львовъ, сочинитель Памелы? Стенаетъ ли онъ отъ *нечестивыхъ?* Чувствуетъ ли удары *Зрителя?*

24.

18 Іюля 1792.

Благодарю тебя, любезной другъ мой, искренно благодарю за два письма твои. Одно изъ нихъ получилъ я на канунѣ отъѣзда моего въ деревню, а другое третьяго дня. Теперь отвѣчаю на оба.

Я ни мало не сердился на тебя за то, что ты писалъ ко мнѣ объ Александрѣ Андреевичѣ. Напротивъ того еще благодарю тебя, потому что мнѣ очень хотѣлось знать, какъ думаютъ объ немъ Г. Р. и К. Я. По *человѣколюбію*, кототорое мнѣ приписываешь, желалъ бы простить тебя, но не могу, потому что ты ни въ чемъ не согрѣшилъ передо мною. Сколь ни люблю Александра Андреевича, однакожь соглашусь, что онъ можетъ показаться страннымъ тому, кто не хорошо знаетъ его — и особливо женщинѣ, даже самой любезной, и самой почтенной, напримѣръ К....ѣ Я....ѣ. И впередъ, мой милой другъ, прошу тебя писать ко мнѣ о ихъ расположеніи къ моему любезному нелюдиму.

Мысль, привести къ водопаду звѣрей кажется, мнѣ піитическою; въ разсужденіи солдата и П.... не скажу ничего — надобно прочесть стихи. Положеніе умершаго, думаю, хорошо и трогательно описано. Полушекъ не понимаю. Когда піеса будетъ окончана, нельзя ли достать ее для прочтенія?

Благодарю тебя, мой милой, за пріятныя вѣсти о Жур-

налѣ; но пожалуй сообщай и непріятныя, какія услышишь. Собственное твое мнѣніе для меня важно.

Что принадлежитъ до *Зрителей*, мой другъ, то я столько уважаю себя, что не войду съ ними ни въ какой бой. Пусть они уничтожаютъ примѣчанія на Кадьма и Гармонію, и все, все, что имъ угодно! Qu'est ce qu'il y a de commun entre nous? скажу я съ однимъ Французомъ.—Твой *Вахмистръ* въ Москвѣ гораздо щастливѣе, нежели въ Петербургѣ. У насъ его хвалятъ, и очень хвалятъ. Чудно для меня, что онъ не полюбился Г. Ро—чу! Вѣрно онъ читалъ его въ худой часъ. Вахмистръ есть и будетъ всегда превосходною піесою въ своемъ родѣ. Впрочемъ, я думаю, что Коклюшинъ не есть Петербургская Публика, и что львенокъ не имѣетъ причины торжествовать. Онъ имѣетъ причину горевать, не для того, что Коклюшинъ разумѣетъ его подъ Миніатюркинымъ, но для того, что онъ имѣлъ нещастіе написать Памелу, Храмъ безсмертія, и прочее. Только я не доволенъ тобою, что ты показалъ ему мое письмо — не доволенъ, и очень недоволенъ. Естьли тебѣ хотѣлось щелкнуть его по носу, то для чего ты не прочиталъ ему своей эпиграммы на трехъ Львовыхъ? Впрочемъ всего лучше предать его судьбѣ и Коклюшинымъ. Кто захочетъ жать съ ними на одномъ полѣ? — Позволь мнѣ еще удивиться тому, что ты хотѣлъ заставить часто упоминаемаго Коклюшина писать противъ *Московскаго Журнала*, по крайней мѣрѣ Аполлонъ Николаевичь Бекетовъ такъ мнѣ сказывалъ. Что за странная мысль? Уже ли ты, ты могъ думать, что я приму отъ него перчатку и выѣду на рыжакѣ съ ланцомъ? Признаюсь, что не смотря на мое *человѣколюбіе*, едва ли бы я простилъ тебѣ эту мысль. Скорѣе вступлю въ бой съ Пироговыми, Сызранскими Секретарями, Вележевыми, и проч. и проч.

Пожалуй, любезный, изъяви благодарность мою Гаври-

лу Романовичу за присланную имъ піесу, которая напечатана будетъ въ Іюлѣ.

Да увѣдомь, какъ любезной Өедоръ . . . Львовъ принялъ примѣчанія мои на его стихи къ Лирѣ? Не осердился ли онъ? Мнѣ это будетъ прискорбно. Онъ имѣетъ истинныя дарованія.

О какихъ *стихахъ къ истинѣ* говоришь ты? — Пиши, милой другъ мой и братъ по любви къ Музамъ! Пиши! Ты поэтъ — но не ужели тебѣ самому это неизвѣстно?—Чуть было не забылъ сказать, что Херасковъ *Сизаго Голубка* твоего называетъ прекраснѣйшею піесою. Это увѣряетъ меня, что онъ имѣетъ хорошій вкусъ.

Прости, любезный! Пиши скорѣе. Я теперь въ деревнѣ, но отвѣтъ твой найдетъ меня уже въ Москвѣ.

Жалѣю, очень жалѣю о смерти Катерины Ивановны. Въ такихъ лѣтахъ!

Прости! — Но чуръ не показывать моихъ писемъ, и вѣрить, что я очень, очень люблю тебя!

Какова Саконтала?

(На оборотѣ письма адресъ рукою Карамзина:)

Его Благородію

Милостивому Государю моему

Ивану Ивановичу

Дмитріеву,

Гвардіи Семеновскаго полку Г. Порутчику,

За Семеновскимъ мостомъ въ домѣ Г. Коммиссара Чулкова,

въ С. Петербургѣ.

25.[1]

Москва, 6 Сент. 1792.

Благодарю тебя, любезной другъ мой, за два письма твои, полученныя мною вдругъ по пріѣздѣ моемъ изъ деревни, гдѣ прожилъ я долѣе, нежели думалъ, и гдѣ прожилъ бы еще долѣе, если бы Субскрибенты не принудили меня оттуда выѣхать и предстать въ персональной наличности предъ лице Окорокова и наборщиковъ его. — За всѣ присланные стихи благодарю тебя, и прошу (NB. естьли надобно) поблагодарить и другихъ. И такъ ты записался нынѣ въ дамскіе стихотворцы и пишешь только по заказу! И я бы заказалъ тебѣ перевести Les trois manieres, одну изъ лучшихъ Вольтеровыхъ сказокъ (о которой, кажется, давно уже говорено было); но не будучи дамой, могу ли надѣяться? — Вообрази, что львенокъ все еще присылаетъ переводы для помѣщенія въ Московской Журналъ! Но полно; болѣе ни строчки не напечатаю. — Всякой день сбираюсь ѣхать къ Нелединскому за пѣснями. Но какая странная мысль, издать пѣсенникъ! Кому хочешь ты услужить? Хорошо, естьли своему карману; но и въ этомъ не ошибешься ли? Впрочемъ я не люблю *отстрашать* людей отъ ихъ предпріятій; и такъ издавай! Я подписываюсь на экземпляръ; только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы тутъ напечатанъ былъ и *сизой Голубочикъ*. — Для чего по сіе время не получаешь ты Миѳологіи? Для того, что издатель (т. е. издатель Миѳологіи, а не Московскаго Журнала) возненавидѣлъ жизнь и удавился. Вообрази, какой ударъ для матери, переводчицы *Инокъ!* Естьли хочешь, то я пришлю къ тебѣ письмо, писанное имъ къ дядѣ за нѣсколько часовъ передъ смертію. Ты удивишься! — Пожалуй увѣдомь меня объ Александрѣ Андреевичѣ. Онъ ко мнѣ давно не пишетъ. Нѣтъ ли у васъ чего нибудь новаго въ литтературѣ?—Въ какомъ состояніи

Бобровъ? Стихи его и Львова и Державина напечатаны въ августѣ, которой скоро выдетъ. Прости, мой любезной Поэтъ и Стихотворецъ! Пиши къ твоему Издателю

Карамзину.

26.

Москва, 21 Окт. 1792.

Послѣ осьмидневной болѣзни берусь въ первой разъ за перо, чтобы писать къ тебѣ, мой милой другъ Иванъ Ивановичь!

Благодарю тебя за два письмеца твои. Послѣднее огорчило меня извѣстіемъ о худомъ здоровьѣ твоемъ. Въ разсужденіи худаго хозяйства — надежда, надежда! — Впрочемъ когда есть свободное кофе, изрѣдка макароны и бланъ-манже, то можно еще терпѣть по-философски. Заимодавцы? Да развѣ ты уже лишился дарованія своего смѣшить ихъ и отправлять назадъ безъ платы, однакожь довольными? Я съ своей стороны для подкрѣпленія кошелька твоего посылаю тебѣ при семъ Нелединскаго пѣсни. Печатай Пѣсенникъ и собирай деньги съ Публики! Или ты уже оставилъ свое намѣреніе? Пожалуй увѣдомь. — Съ Булгаковымъ недавно видѣлся; но намъ помѣшали бесѣдовать о пользѣ человѣческаго к... Какой человѣкъ! — Хорошо сдѣлалъ, что отдалъ книжки Авдотьѣ Дмитріевнѣ; ей онѣ и посланы были. Іюнь пришлю съ Сентябремъ, которой уже отпечатанъ. Въ Октябрѣ и Ноябрѣ хочу помѣстить продолженіе и окончаніе Лідора. — Благодарю за стишки. Это не голубокъ, однакожь хорошо; а особливо обращеніе къ ласточкѣ и сіи стихи:

Розы ль дышутъ надъ могилой
Иль полынь надъ ней растетъ, и проч.

Знаешь ли, братецъ, что Николевъ оскорбился *Гимномъ восторгу*? Я увѣрялъ его, что Авторъ не думалъ объ немъ. — Что нашъ Гаврило Романовичь? Воспоминаетъ ли иногда объ насъ? — Прости, мой милой! Еще рука дрожитъ отъ слабости. Твой другъ

Карамзинъ.

27.

Москва, 3 Янв. 1793.

Поздравляю тебя съ 1793 годомъ, мой любезный другъ Иванъ Ивановичь! Желаю, чтобы ты въ теченіе его былъ здоровъ и щастливъ, любилъ меня по прежнему, игралъ на лирѣ пріятныя пѣсни и веселился съ друзьями своими какъ безпечной младенецъ.

Виноватъ! Признаюсь — но любилъ и люблю тебя сердечно. Всякую почту хотѣлъ писать, и всегда что нибудь мѣшало. Прибѣгаю къ твоему великодушію — прости кающагося!

И такъ ты сиротствуешь въ Петербургѣ? Пріѣзжай въ Москву; сдѣлай себѣ темной фракъ, застегни его до послѣдней пуговицы, и будь Журналистомъ! — Ты вѣрно не забылъ сего стариннаго плана.

Я вмѣстѣ съ тобою старѣюсь, мой другъ! Уже и предѣлы лба моего расширяются. Что дѣлать? Слезы не помогутъ; отъ вздоховъ заболитъ грудь. — Постараемся наилучшимъ образомъ проводить, или наипріятнѣйшимъ образомъ сокращать время наше!—Книги не приносятъ тебѣ удовольствія? Знакъ, что сердце твое безпокойно. Думаю, что экономическія обстоятельства наиболѣе тебя тревожатъ. Когда-то всѣ мои друзья будутъ богаты!—Придетъ весна, и мы будемъ веселѣе!

Мнѣ сказывали, будто издателей *Зрителя* брали подъ караулъ: правда ли это? и за что?

Увѣдомь, любезной другъ, какъ расположенъ Г. Р. къ Александру Андреевичу, и часто ли ты бываешь у перваго.

Ты желалъ знать, кто сочинялъ *русскую пѣсню*, напечатанную въ Сентябрѣ: Николевъ.

Прости, мой любезной, и почитай меня всегда твоимъ вѣрнѣйшимъ пріятелемъ и *другомъ*.

28.

Москва, Янв. 28, 1793.

Любезной другъ Иванъ Ивановичь!

Лучше не благодарить да прощать; лучше не благодарить да не думать, чтобы я когда нибудь забывалъ тебя.

Радуйся, мой другъ, распространенію лба моего; но не радуйся тому, что мнѣ съ нѣкотораго времени очень грустно. И такъ не одинъ ты горюешь!

Болѣзнь Александра Андреевича меня очень безпокоитъ. Я пишу къ нему на сей же почтѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидаю его отвѣта.

И такъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманской не благоволятъ ко мнѣ! Какое нещастіе! Я видѣлъ, какъ бѣдной Туманской хотѣлъ зацѣпить меня въ своемъ Журналѣ. Эминъ не сочинилъ ли какой нибудь эпиграммы?

Желаю сердечно, мой милой другъ, что бы ты былъ веселѣе, и чтобы состояніе любезныхъ родныхъ твоихъ не могло тебя безпокоить. Вчера я получилъ письмо отъ Александра Ивановича: онъ здоровъ.

Ода *на щастіе* гладка. Сочинитель имѣетъ вкусъ. Но находишь ли ты въ сей піесѣ новыя, живыя, глубокія чувства и творческое воображеніе?

Пожалуй, доставь приложенное письмо къ Василью . . . Сопикову, Петербургскому книгопродавцу. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Человѣкъ твой можетъ спросить объ немъ въ книжныхъ лавкахъ. — Прости, любезной!

29.

Москва 17 Февр. 1793.

Любезной Иванъ Ивановичь!

Не можешь вообразить, въ какомъ я безпокойствѣ объ Александрѣ Андреевичѣ. Ужели пришелъ конецъ его? Эта мысль для меня слишкомъ мучительна. Пожалуй, мой другъ, увѣдомь, и естьли можно, увѣдомляй меня всякую почту каковъ онъ — пиши хотя по одной строчкѣ. Болѣзнь Александра Ивановича мнѣ также очень прискорбна. Отвсюду непріятныя вѣсти! Вездѣ горизонтъ такъ черенъ и грозенъ! — Какое время, мой другъ!

Но можетъ быть пройдутъ тучи, хаосъ раздѣлится и солнце проглянетъ — друзья Александры наши будутъ здоровы, а мы покойны и веселы!

Прости, мой другъ! поручаю тебя твоему Генію. Оба года Журнала пошлю на первой почтѣ. Страхову скажу. Бумаги твои отдамъ Ивану; *огарки* или *оборыши* Московскаго Журнала также доставлю тебѣ. Будь спокоенъ по возможности!

30.

Москва, 21 марта 1793.

И такъ его уже нѣтъ! —

Одному мнѣ извѣстно, чего я въ немъ лишился — и сердце мое долго, долго не привыкнетъ къ своей потерѣ.

Мнѣ очень хочется имѣть всѣ бумаги покойнаго моего

друга. Естьли хочешь обязать меня, то попроси ихъ у брата его Ивана Андреевича. Надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ для меня это великое одолженіе; а естьли не сдѣлаетъ, то я прошу его возвратить мнѣ хотя одни письма мои, которыя ни для кого не могутъ быть интересны. Ты можешь отобрать ихъ и переслать ко мнѣ черезъ почту. Любезной другъ! я увѣренъ, что прозьба моя не покажется тебѣ неважною.

Увѣдомь меня, гдѣ его погребли, и можно ли почему нибудь узнать его могилу.

Сердечно благодарю почтеннаго и любезнаго Гаврила Романовича за его вторичное благосклонное предложеніе; но я по разнымъ причинамъ не могу имъ воспользоваться.— Теперь право не въ состояніи писать болѣе. Прости, мой другъ! будь здоровъ и покоенъ!

Н. Карамзинъ.

31.

Москва, 4 Мая 1793.

Благодарю тебя, любезной другъ мой, за два письма твои, полученныя мною почти вдругъ. Долгое время не имѣя о тебѣ никакого извѣстія, я начиналъ уже безпокоиться.

Благодарю и за исполненіе моей прозьбы. Я доволенъ, что письма мои сожжены; но для чего г. Петровъ не хотѣлъ отдать ихъ, не понимаю. Жаль мнѣ, что я заставилъ тебя ѣхать къ человѣку не весьма учтивому; но ты очень обязалъ меня.

Принимаю искреннее участіе въ твоихъ безпокойствахъ. Братецъ твой казался мнѣ такимъ тихимъ человѣкомъ, а дѣлаетъ такія дѣла!

Я надѣялся видѣть тебя весною, мой любезной другъ. Смерть Александра Андреевича помрачила душу мою на

долгое время, но не прохладила въ сердцѣ моемъ любви къ оставшимся друзьямъ. Я очень люблю тебя.

Недѣли черезъ три думаю ѣхать въ деревню, верстъ за триста изъ Москвы. Видъ сельской природы успокоитъ меня. Тамъ можетъ быть напишу нѣчто и для *Аглаи*, которою теперь мало занимаюсь.

Скажи пожалуй, что у васъ говорятъ о періодическомъ сочиненіи Клушина, о его важныхъ замѣчаніяхъ, анекдотахъ, рецензіяхъ, *нещастномъ М—въ*.

Господина Страхова я не видалъ. Слуга его принесъ пакетъ твой. Но онъ хотѣлъ самъ быть у меня — и естьли будетъ, то я отдамъ ему твои бумаги, два экземпляра Журнала и *огарки*.

Часто ли бываешь у Гаврилы Романовича? Не сердитъ ли онъ на меня за то, что я не принялъ его предложенія? Засвидѣтельствуй ему мое почтеніе, также и Катеринѣ Яковлевнѣ. — Пиши ко мнѣ, милой! Письма твои мнѣ очень пріятны. Прости! другъ твой Карамз..

32.

Москва, 2 Іюня 1793.

Сію минуту, любезной Иванъ Ивановичь, получилъ письмо твое, стихи и Державина Оду, о которой не скажу тебѣ ни слова. Переводъ самой не піитической. Briser les cachots и нѣкоторыя другія выраженія показываютъ, что переводчикъ не Французъ. Но нынѣ мнѣ право и критикомъ быть не хочется, въ то время, когда Клушины издаютъ журналы, пишутъ рецензіи, называютъ Жилблаза *періодическимъ* *) сочиненіемъ, *я* винительнымъ падежемъ (см. приклю-

*) Смотри рецензію на Фобласа. (Примѣчаніе Карамзина).

ченіе нещастнаго М—въ Февралѣ мѣсяцѣ) *облокачиваются* головою, и восхищаютъ le gros du Public комедіями *смѣхъ и горе*.

Но твоего *чижика* посажу въ чистую клѣтку, къ двумъ или тремъ разноцвѣтнымъ, маленькимъ птичкамъ, которыя, видя мрачность неба, не хотятъ летѣть на волю и сидятъ прикорнувши въ маленькомъ своемъ домикѣ, ожидая краснаго дня, когда грація Аглая собственною рукою отворитъ имъ дверцы.

Твою сказку, посвященную щекотуньямъ, прочитаю двумъ или тремъ щекотуньямъ, съ которыми не рѣдко вижусь.

Скажи, братецъ, что за человѣкъ Иванъ Розановъ, или Иванъ Розовъ, которой пишетъ такіе превосходные стихи? Да скажи еще, *къ которому сорту* читателей Клушина принадлежатъ Державинъ, Львовы, Козодавлевъ, Капнистъ? Можетъ быть я оскорбляю ихъ симъ вопросомъ, но ты не донесешь на меня. Впрочемъ въ свѣтѣ бываетъ много странностей—повѣришь ли ты напримѣръ, что Николевъ до небесъ превозноситъ *Меркурія*, удивляется знаніямъ и чувствамъ Клушина (съ которымъ онъ недавно познакомился) и говоритъ, что приключеніе нещастнаго М—ва гораздо лучше Вертера? Повѣришь ли, что Горчаковъ съ нимъ соглашается? Но старикъ Херасковъ и Нелединской крайне сожалѣютъ, что у насъ на Руси можно impunement писать такія нелѣпости.

Сей же доброй и почтенной старикъ Херасковъ сочинилъ Оду, которую при семъ къ тебѣ посылаю. Строфа, въ которой говорится *о Наказѣ*, прекрасна. Первыя три строфы хороши; шестая и седьмая также, осьмая превосходна, — но въ цѣломъ нѣтъ порядка. Согласно ли твое мнѣніе съ моимъ?

Я послалъ къ тебѣ черезъ почту журналъ и *огарки*. Не льзя ли послѣдніе возвратить мнѣ? А я на смѣну пришлю тебѣ другіе.

Да не можно ли узнать, почему Шноръ продаетъ хорошія свои литеры? я бы купилъ ихъ листа на два.

Апрѣля мѣсяца славнаго *Меркурія* я еще не получилъ отъ тебя.

Силуетеръ Германъ сдѣлалъ мнѣ прекрасной силуетъ Александра Андреевича, которой я всегда ношу въ карманѣ.

Пиши ко мнѣ по прежнему, т. е. подписывай письма въ домъ Алексѣя Александровича. Еще не знаю, когда поѣду въ деревню; но гдѣ бы я ни былъ, письма твои дойдутъ до меня. Въ Москвѣ останется человѣкъ, которой будетъ пересылать ко мнѣ и письма, и газеты, и журналы.

Прости, мой милой! Пиши чаще и больше, и люби всегда вѣрнаго твоего друга.

33.

Москва, 22 Іюня 1793.

Мой милой другъ и Ла-Фонтенъ!

При отъѣздѣ въ деревню хочу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ.

Благодарю за всѣ Петербургскія *стихоиды* и *прозаиды*,— повтореніе, скажешь ты. Извини, любезной! но я боюсь, чтобы ты совсѣмъ говорить не пересталъ, по ненависти твоей къ повтореніямъ.

Ода съ *возомъ* какъ возъ дровъ, а дрова, какъ извѣстно, употребляются не на худое. Изъ *политическихъ* стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе (прости мнѣ сей галлицизмъ). Бумага, на которой они напечатаны, довольно мягка. Я подозрѣваю, что Авторъ хочетъ отрыть

лавровый вѣнокъ Василья Тредьяковскаго, лежащій въ пыли и прахѣ,—отрыть и возложить его на свою пустую главизну.

Жаворонокъ очень хорошъ. Я хотѣлъ бы, чтобы стихъ: *и любви не помышляла*, былъ глаже, и чтобы вмѣсто *встрепенясь* поставилъ ты другое слово; надобно сказать *встрепенувшись*. *Пичужечки* не перемѣняй — ради Бога не перемѣняй! Твои совѣтники могутъ быть хорошими въ другомъ случаѣ, а въ этомъ они не правы. Имя *Пичужечка* для меня отмѣнно пріятно потому, что я слыхалъ его въ чистомъ полѣ отъ добрыхъ поселянъ. Оно возбуждаетъ въ душѣ нашей двѣ любезныя идеи: *о свободѣ* и *сельской простотѣ*. Къ тону басни твоей нельзя прибрать лучшаго слова. *Птичка* почти всегда напоминаетъ клѣтку, слѣдственно неволю. *Пернатая* есть нѣчто весьма неопредѣленное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чемъ говорится: о струсѣ или колибри.

То, что не сообщаетъ намъ дурной идеи, не есть низко. Одинъ мужикъ говоритъ *пичужечка* и *парень*: первое пріятно, второе отвратительно. При первомъ словѣ воображаю красной лѣтній день, зеленое дерево на цвѣтущемъ лугу, птичье гнѣздо, порхающую малиновку или пѣночку, и покойнаго селянина, которой съ тихимъ удовольствіемъ смотритъ на природу и говоритъ: *вотъ гнѣздо! вотъ пичужечка!* При второмъ словѣ является моимъ мыслямъ дебелый мужикъ, которой чешется неблагопристойнымъ образомъ или утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей! — И такъ, любезной мой *И*, нельзя ли вмѣсто *парня* употребить другое слово? — Мораль въ заключеніи кажется мнѣ неясною. Изъ басни слѣдуетъ, что не должно надѣяться на чужую помощь; къ чему же сказано: *не всегда въ намѣреньяхъ будь скоръ*! Развѣ къ тому,

что жаворонокъ не тотчасъ рѣшился оставить гнѣздо свое? Но это очень далеко и темно. — Вотъ мои замѣчанія, очень, очень не важныя!

Эпиграмма твоя на одическое вздорословіе стоила бы того, чтобы напечатать ее подъ симъ великимъ произведеніемъ Клушинскаго ума и естьли бы спросили тогда: «для чего Клушинъ написалъ *человѣка?*», то я отвѣчалъ бы: «чтобы любезной мой Дмитріевъ сочинилъ на него прекрасную эпиграмму». Скажи, братецъ, кто писалъ примѣчанія въ Апрѣлѣ Меркурія?

Литеры Шнора хороши и не слишкомъ дороги. Можетъ быть я куплю ихъ, только не теперь. Судьба университетской типографіи еще не рѣшена. Можетъ быть она достанется какому нибудь Водопьянову или Пономареву — вообрази же, въ какихъ рукахъ будетъ московская литтература!

Пять рублей за Fictions morales ко мнѣ не посылай, а оставь у себя на пересылку Меркурія и прочаго.

Черезъ часъ надѣюсь оставить Москву и быть въ чистомъ полѣ. Пиши ко мнѣ, любезной другъ, по прежнему, и какъ можно болѣе, чѣмъ крайне одолжишь меня.

Впрочемъ, будь здоровъ, будь веселъ! Какъ бы хотѣлось мнѣ съ тобою видѣться! Въ началѣ зимы думаю ѣхать въ Симбирскъ: не льзя ли вмѣстѣ? Пріѣзжай и поѣдемъ!

Прости, и люби всегда твоего вѣрнаго друга

Н. К.

34.

Орловское намѣстничество, Іюля 26, 1793.

Неписать ко мнѣ такъ долго! Не отвѣчать на мое письмо! — Не знаю, что думать; но знаю и чувствую то, что я о тебѣ въ превеликомъ безпокойствѣ, любезной другъ Иванъ Ивановичь! Сдѣлай милость, отпиши поскорѣе.

Я живу въ деревнѣ около мѣсяца, покойно и нескучно. Что у васъ въ свѣтѣ дѣлается, въ ученомъ и неученомъ? Увѣдомляй насъ пустынниковъ. — Теперь не хочу писать къ тебѣ много; право очень безпокоюсь. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ и благополученъ!

Вѣчной твой другъ

Карамзинъ.

П. П. Письма надписывай по прежнему, то есть въ Москву, въ домъ Алексѣя Александровича. Меркурія послѣ Апрѣля я не получалъ.

35.

Орлов. намѣстн. Село Знаменское, 17 Авг. 1793.

Благодарю тебя, любезной другъ, за два письма твои, которыя были мнѣ очень пріятны.

Прежде всего скажу тебѣ, что я очень буду жалѣть, естьли ты не найдешь меня въ Москвѣ, гдѣ думаю быть не прежде Ноября. Какъ бы хорошо было, если бы ты выѣхалъ изъ Петербурга по первому пути! Мы бы обнялись на берегу бѣдной Яузы и поскакали бы вмѣстѣ на берегъ великолѣпной Волги. Я вѣрно отправлюсь въ Симбирской край въ началѣ зимы, далъ слово и намѣренъ сдержать его. Какъ тебѣ ѣхать въ Октябрѣ? Вообрази себѣ ужасную грязь, скверную дорогу, тряскую кибитку, мокроту и сырость. Не лучше ли въ тысячу разъ катиться по бѣлымъ одѣяламъ зимы? — Впрочемъ, естьли Петербургъ тебѣ *очень* наскучилъ, то Богъ съ тобою! Я долженъ жертвовать своимъ удовольствіемъ твоей пользѣ. По крайней мѣрѣ въ Симбирскѣ увидимся. Только прошу увѣдомить меня о своемъ планѣ.

Я живу, любезной другъ, въ деревнѣ съ людьми милыми, съ книгами и съ природою, но часто бываю очень, очень безпокоенъ въ моемъ сердцѣ. Повѣришь ли, что ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю душу мою? Бѣгу въ густую мрачность лѣсовъ — но мысль о разрушаемыхъ городахъ и погибели людей вездѣ тѣснитъ мое сердце. Назови меня Донъ-Кишотомъ; но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, какъ я люблю—человѣчество! —

Кто предсѣдательствуетъ въ вашемъ *высокоумномъ комитетѣ?* — Что молодой Львовъ? Пишетъ ли? и какъ?— Желаю видѣть *полныя творенія* нашего Г. Роман. Вѣроятно, что изданіе будетъ великолѣпное.

И такъ голубокъ твой ожилъ въ Петербургѣ! ты знаешь, какъ я люблю его. Только голосъ мнѣ не очень полюбился; уныло, но *выраженіе* слабо. Музыка другой твоей пѣсни гораздо лучше. Не льзя ли, любезной поэтъ, перемѣнить въ ней послѣдней строфы? Она мнѣ не такъ нравится, какъ другія. *Персты* и *сокрушу* производятъ какое-то дурное дѣйствіе.

Господинъ Ц—оч. благодаритъ тебя за стансы, достойные твоей лиры. Только четвертую строфу портятъ *иль* и *ниже*. Послѣдняя также подвержена критикѣ. *Знать* (въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты употребилъ его) и *узнать* рифмовать можно, но мнѣ не нравятся первые два стиха потому, что связь ихъ слаба или *неразительна*. Ты сблизилъ, такъ сказать, *мечтаніе* съ *пороками*; но одно отъ другаго очень далеко по существу своему. Мечта есть ничто иное, какъ заблужденіе, и всегда достойна сожалѣнія; порокъ есть развращеніе сердца, и долженъ быть предметомъ омерзенія. Человѣкъ, окруженный пороками, гнушается ими, или самъ

дѣлается порочнымъ, но не мечтателемъ. Когда же между мечтами и пороками нѣтъ явной связи, то на что говорить:

Другъ! довольно мы мечтали
Тамъ, гдѣ всѣхъ пороковъ знать

ты перемѣняешь сію строфу и говоришь:

Другъ! еще ль мы не устали
Сердце въ насъ порабощать?

Но здѣсь не сказано, *чему* порабощать; а это, кажется, нужно. — Вотъ вся моя критика!

Германъ не могъ сдѣлать похожаго на меня силуета; а что тебѣ въ такой тѣни, которая не есть тѣнь друга твоего? — Не думай, чтобы я забывалъ твои желанія.

Прости, любезной! пиши скорѣе, когда думаешь оставить Петербургъ.

Бѣдной Розовъ! Но я не могу понять, какимъ образомъ можно находить богохуленіе въ стихахъ Розова!

Другъ твой

Н. К.

36.

Москва, 1 Декабря 1793.

Любезной другъ!

Пріѣхавъ въ Москву, я всякой день ждалъ тебя изъ Петербурга, и для того не писалъ къ тебѣ. Теперь, узнавъ, что ты еще не скоро выѣдешь, пишу.

Жалѣю, сердечно жалѣю, милой другъ мой, о твоихъ горестяхъ, хотя и не знаю, въ чемъ состоятъ онѣ. Теперь

и не спрашиваю. О вещахъ, столь близкихъ къ сердцу, писать не ловко; все остается до нашаго свиданія.

Нынѣшній годъ и для меня былъ не весьма щастливъ; сердце мое съ разныхъ сторонъ было тронуто. Какъ мало истинныхъ пріятностей въ жизни, и какъ много непріятностей! Можетъ быть слѣдующій годъ будетъ еще хуже. По-крайней мѣрѣ собственныя мои горести никогда не помѣшаютъ мнѣ брать участія въ горестяхъ друзей моихъ.

Дай Богъ, чтобы ты скорѣе выѣхалъ изъ такого мѣста, которое, какъ видно, не веселитъ тебя! Весьма, весьма желаю обнять тебя, моего друга. Живу теперь одинъ въ маленькомъ своемъ домикѣ. Алексѣй Александровичь и Настасья Ивановна остались въ деревнѣ. Пріѣзжай — за бутылкою пятидесятилѣтняго Рейнвейна поговоримъ о всякой всячинѣ; посмѣемся и поплачемъ.

Прости, любезной!

37.

Любезный другъ Иванъ Ивановичь!

Я почти увѣренъ, что это письмо не застанетъ тебя въ Петербургѣ однакожь на всякой случай пишу. — Какъ грустно мнѣ думать, что ты безъ меня пріѣдешь въ Москву! И какъ бы, напротивъ того, весело мнѣ было ѣхать вмѣстѣ съ тобою въ Симбирскъ! По первому пути возвращусь въ Москву, проживу тамъ нѣсколько дней или недѣль, можетъ быть что нибудь напечатаю, и отправлюсь на низъ. По крайней мѣрѣ дай мнѣ слово, *торжественное* слово, что для свиданія со мною пріѣдешь въ Симбирскъ. Мнѣ очень, очень хочется видѣть тебя, стараго моего поэта и сотрудника. Поживемъ вмѣстѣ хотя нѣсколько дней, тамъ,

Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я Природу полюбилъ, —
Ей первенцы души и сердца:
Слезу, улыбку, посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ.

Надѣюсь, что и любезной Александръ Ивановичь захочетъ со мною видѣться. Намъ право будетъ весело. — Благодарю тебя искренно за всѣ піесы твои. Пожалуй и впредь сообщай другу твоему всякое произведеніе Музы своей. Поправки въ *стансахъ* очень хороши. — Будь здоровъ и покоенъ, гдѣ бы ты ни былъ!

38.

Я живъ — люблю тебя; а дождусь ли въ Москвѣ, не знаю.—*Аглая* завтра публикуется; пошлю къ тебѣ.—Скажи Сергѣю Сергѣевичу Кушникову (или вели сказать ему) что я жду его всякой день въ Москву, и для того не пишу къ нему. Прости, мой другъ!

Н. К.

Стихи отъ де Мазюра къ И. И. Дмитріеву. *)

Усердно съ праздникомъ я друга поздравляю;
Честнѣйшимъ образомъ ему того желаю,
Чего себѣ едваль онъ можетъ пожелать. —
Желаніе сіе я вздумалъ отослать

*) Писаны рукою Карамзина на отдѣльномъ листкѣ, вслѣдъ за предыдущимъ письмомъ.

*

Со онымъ хлопцемъ-то, ко мнѣ сей день присланнымъ,
И сей же отъ меня къ тебѣ — ахъ! — отосланнымъ.
Желаніе сіе сосложено въ стихахъ,
Да вѣдаешь сіе, что умъ нашъ не въ голяхъ.

Семіонъ де Мазюръ.

PS. Еще не утерпѣлъ, чтобъ болѣ не сказати;
Хощу еще, мой другъ, сей день я похваляти.
Коль красенъ вить сей день, и коль—ахъ!—солнечнъ есть!
Тумановъ, мрака въ немъ совсѣмъ, совсѣмъ—ахъ! —нѣсть.
Мой духъ поэзіи теперь весьма играетъ,
И красный день зимы весьма онъ похваляетъ.

39.

Знаменское, 18 Апрѣля 1794.

Здравствуй, мой любезной другъ Иванъ Ивановичь! Я живу въ деревнѣ не скучно и не весело, имѣю удовольствія и неудовольствія, смѣюсь и плачу, ѣзжу верьхомъ и хожу пѣшкомъ, пишу и за перо не принимаюсь, читаю и не беру книги въ руки, сплю и бодрствую, пью медъ и ключевую воду — но никакой писатель не опишетъ всего, что я дѣлаю, и чего не дѣлаю. — Пять строкъ твоихъ заставили меня вздохнуть. Ты конечно повѣришь искренности сего вздоха, мой любезной другъ! — Я написалъ къ тебѣ Эпистолу во 186 стиховъ; но ты не увидишь ее до нашего свиданія. Пиши отъ скуки и отъ грусти: вотъ лучшая польза нашего ремесла, которое ремесломъ не называется! Пиши и присылай ко мнѣ, какъ въ старину бывало. Богъ съ тобою! Желаю тебѣ здоровья, спокойствія, радости, благополучія. Когда возвращусь въ Москву, не знаю. Пиши ко мнѣ по

прежнему, то есть надписывая письма въ домъ Алексѣя Александровича Плещеева на Тверской. — Salut!

PS. Перепиши всѣ свои стихи и пришли ко мнѣ. Ты обѣщалъ, а я напечатаю.

40.

Любезной, милой другъ!

Прости меня, что я такъ долго не писалъ къ тебѣ; нѣкоторыя безпокойства были причиною того. Я любилъ, люблю и всегда буду любить тебя. На сей разъ не скажу ничего болѣе. На слѣдующей почтѣ, то есть черезъ два дни, пространнѣйшее письмо. Теперь не имѣю времени. Прости мой любезной, и вѣрь, что я всегда буду вѣрнымъ твоимъ другомъ.

PS. Сію минуту получилъ письмо твое съ піесою Ѳ. П. Львова. Отвѣтъ на слѣдующей почтѣ.

41.

Іюня 7, 1794.

Отъ предѣловъ Малороссіи къ предѣламъ Волги.

Здравствуй, мой любезной другъ! Сердечно благодарю тебя за твое письмо, хотя на скорую руку писанное. Гдѣ ты теперь? Въ Царицынѣ или въ Сызранѣ? путешествуешь или живешь на одномъ мѣстѣ? Дай Богъ только, чтобы ты былъ здоровъ, благополученъ и веселъ. Вѣрь, что я очень люблю тебя.

Одному Богу извѣстно, когда—и гдѣ буду. Зная только, что мнѣ грустно. Ты отчасти знаешь причину. Все худо! Видно намъ не бывать щастливымъ! — Иногда забываюсь и отдыхаю; берусь за книгу, за перо, или иду гулять—вотъ лучшія мои минуты. Жаль, что ихъ не много! По большей

части думаю о настоящихъ и будущихъ непріятностяхъ. Состояніе друзей моихъ очень горестно. Алексѣй Александровичь страдаетъ въ Москвѣ, а мы здѣсь страдаемъ. Благополученъ тотъ, кто живетъ хотя въ хижинѣ, но живетъ спокойно и никому не долженъ! — Я беру участіе въ твоемъ горѣ, а ты въ моемъ; лучше естьли бы мы дѣлили другъ съ другомъ радости и удовольствія.

Непремѣнно пришли мнѣ свои піесы. Назови ихъ посылкою, положи съ ними какую нибудь книгу, или что нибудь, напиши цѣну, и въ такомъ случаѣ заплатишь только 19 копѣекъ за фунтъ. Пакетъ адресуй на имя *служителя Петра Агеева*, *въ Москвѣ*, *на Тверской*, *въ приходѣ Василія Кесарійскаго*, *въ домѣ Плещеева*. Я издамъ и напишу маленькое предисловіе, естьли ты не захочешь никому дедиковать своей книжки (стихами или прозой). Въ послѣднемъ случаѣ ты уже самъ будешь издателемъ, а я твоимъ повѣреннымъ или коммиссіонеромъ. Будь увѣренъ, что мы напечатаемъ не худо.

Прости, мой любезнѣйшій другъ! Письма ко мнѣ надписывай по прежнему. — Кланяюсь любезному моему Александру Ивановичу. Здоровъ ли онъ?—Кланяюсь также любезной сестрѣ Маѳѣ Михайловнѣ, естьли она возвратилась въ Сызранъ. Adieu! Твой другъ до смерти.

Н. Карамзинъ.

42.

Здравствуй, любезнѣйшій мой другъ Иванъ Ивановичь! Благодарю тебя за дружеское письмо твое и за твои стихи, которые по возвращеніи моемъ въ Москву немедленно будутъ напечатаны. Постарайся къ тому времени и еще что нибудь написать. Книжка будетъ поболѣе; удовольствіе читателей также.

Сердечно, сердечно радуюсь женидьбѣ Александра Ивановича. Поздравляю его искренно, отъ всей души, какъ истинной его другъ и доброжелатель. Можно ли, что ты не сказалъ мнѣ, какъ онъ женился, и на комъ? Развѣ ты не знаешь, какое участіе беру я въ судьбѣ его? Заглadь скорѣе свой проступокъ; увѣдомь меня обо всемъ подробно. Нетерпѣливо желаю знать исторію его нѣжнаго сердца. Надѣюсь, что и онъ ко мнѣ напишетъ.

Между тѣмъ знай, что другъ твой на сихъ дняхъ едва было не отправился въ Оркусово царство. Въ двухъ верстахъ отъ деревни Алексѣя Александровича, гдѣ я живу, напали на меня разбойники и убили бы до смерти, естьли бы мужики, ѣхавшіе съ поля, не заставили ихъ разбѣжаться. Я отдѣлался двумя легкими ранами. Когда увидимся, разскажу тебѣ подробности этова происшествія. За нѣсколько недѣль передъ симъ разнесся въ Москвѣ слухъ, что меня нѣтъ уже на свѣтѣ: этотъ слухъ могъ быть пророчествомъ.

Радуюсь, что Гавр. Романовичь помнитъ меня. Естьли буду живъ, покоенъ, и выдамъ вторую книжку *Аглаи* то напишу къ нему письмо.

Весьма желаю видѣть тебя нынѣшнею зимою въ Симбирскѣ; весьма желаю возвратиться съ тобою въ Москву. Это бы очень хорошо было.

Обнимаю тебя въ мысляхъ со всею дружескою нѣжностію. Будь здоровъ и благополученъ! Будь всегда моимъ другомъ!—Прости, милой землякъ! Поцѣлуй за меня сестру Мароу Михайловну. Adieu!

2 Августа, 1794.

43.

6 Сент. 1794.

Любезной мой Пѣвецъ! Salut ef fraternité!

Рѣдко, рѣдко пишу къ тебѣ; но естьли бы ты зналъ, въ какомъ я нынѣ расположеніи, то конечно бы не сталъ винить меня. Болѣе не скажу ничего.

Сердечно благодарю тебя за стихи къ *Волгѣ* и за *Ермака.* И ту и другую піесу читалъ я съ великимъ удовольствіемъ, не одинъ разъ, а нѣсколько. Браво! Вотъ Поэзія. Пиши такъ всегда, мой другъ. Только не льзя ли перемѣнить въ Ермакѣ *барабаны*, *потъ*, *сломилъ* и *вскричалъ?* Въ хорошемъ стихотвореніи я замѣчаю все и не пропускаю ничего безъ критики. Еще кажется мнѣ, что нельзя сказать *потупленная* голова (вмѣсто: *преклоненная*) и *въ одеждѣ равны.* — Въ началѣ третьей строфы *къ Волгѣ* не лучше ли сказать:

То нѣжнымъ *вѣтеркомъ* лобзаемъ,
То ревомъ *бури* и валовъ
Подъ черной тучей оглушаемъ
И *отзывомъ* твоихъ бреговъ, и пр.

Зéфиромъ, вмѣсто *зефúромъ*, я терпѣть не могу, и *отзывъ* для меня лучше, нежели *отгласъ.* — Ода и гласъ *Патріота* хороши *Поэзіею*, а не *предметомъ.* Оставь, мой другъ, писать такія піесы нашимъ стихокропателямъ. Не унижай Музъ и Аполлона. — Подражаніе Горацію, *состраданіе* и къ *свирѣлкѣ* достойнѣе твоей лиры по своему содержанію.

Желаешь ли знать новость? Копьевъ въ превеликой модѣ при дворѣ, и сама Государыня даетъ ему сюжеты для комедій.

Нетерпѣливо желаю узнать горесть твою, чтобы взять въ ней сердечное участіе. Теперь не спрашиваю. — Стран-

ное дѣло! Сперва говоримъ о стихахъ, а послѣ о душевной горести! но ты Поэтъ.

Прости, любезной! Я очень не веселъ. — Увѣрь любезнаго Александра Ивановича въ искренней моей дружбѣ. Онъ не хочетъ написать ко мнѣ ни строчки. Поцѣлуй сестру Марѳу Михайловну. Я безпокоюсь о братѣ Васильѣ Михайловичѣ, отъ котораго болѣе мѣсяца не имѣю писемъ. — Прости и люби меня!

44.

Москва, 8 Ноября 1794.

Гдѣ ты, милой мой Иванъ Ивановичь? Въ Астрахани, въ Отрадѣ или въ Сызранѣ? Я не получилъ отъ тебя отвѣта на послѣднее письмо мое. — Что твои 50.000 рублей? въ карманѣ ли? чего очень желаю, зная, какъ Поэты всегда нуждаются деньгами. Знаешь ли, любезный, что твой *Гласъ Патріота* напечатанъ въ Петербургѣ и ходитъ тамъ и здѣсь подъ именемъ Державина? Я за должность почелъ открыть истину нашимъ стихолюбителямъ и прибавить новый вѣнокъ къ вѣнкамъ твоимъ. — Я еще не печатаю твоихъ сочиненій, потому что со всѣмъ не имѣю времени читать корректуръ; а поручить корректуру не хочу, зная, какъ эти господа все портятъ. Къ Генварю или въ Генварѣ выдамъ, и напечатаю для тебя нѣсколько экземпляровъ на голландской бумагѣ. Доволенъ ли будешь такимъ титуломъ: *Стихи Аполлодоровы, изданные пріятелемъ его?* — Долго ли пробудешь въ Сызранѣ? Могу ли увидѣться съ тобою въ Симбирскѣ? — Я веду теперь самую разсѣянную жизнь, имѣю множество новыхъ знакомыхъ, et je ne suis presque jamais à moi; а когда дома, то пишу письма или работаю для Ридигера. Иногда забываюсь; иногда лучь удовольствія бле-

ститъ въ моемъ сердцѣ; иногда же—тоскую. А тебя люблю безпрестанно, мой милый другъ, и всегда надѣюсь быть достойнымъ дружбы твоей. — Смерть Катерины Яковлевны меня очень тронула. Я началъ писать стихи къ Гаврилу Романовичу, но не кончилъ. Прости, любезнѣйшій. Желаю скорѣе обнять тебя. Adieu, adieu!

45.

Москва, 12 Февр. 1795.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Я все еще въ Москвѣ, и все еще сбираюсь ѣхать въ Симбирскъ. Кажется, что дня черезъ четыре вѣрно выѣду, хотя мнѣ и не хотѣлось бы скитаться по бѣлому рускому свѣту.

Какъ поживаешь въ Петербургѣ, мой другъ? Весело ли, покойно ли? Что нашъ Александръ Ивановичь? Сказываютъ, что Гаврило Романовичь уже женился. Поздравь его отъ меня, естьли NB. *придется кстати.* —

Я нанялъ тѣ комнаты, которыя мы вмѣстѣ съ тобою осматривали, и живу теперь въ нихъ; но ты надписывай письма ко мнѣ по прежнему, то есть въ домъ Алексѣя Александровича. Мнѣ хочется возвратиться изъ Симбирска около десятаго марта. Какъ же скоро возвращусь, то и начну печатать твои стихи. Аглаю ты уже получилъ; *бездѣлки* получишь черезъ нѣсколько дней. На долго прощаюсь съ Литтературою. — Я просилъ тебя о дворянинѣ Арнаутовѣ, которой служитъ капраломъ въ четвертой ротѣ Семеновскаго полку: пожалуй, любезной другъ, возми его подъ свое покровительство, и выпроси ему чинъ. Надѣюсь, что ты не забудешь моей прозьбы. — Газеты и журналъ къ тебѣ посланы. Справся въ Петербургскомъ почт-амтѣ. — Прости,

мой милой другъ! Люби меня, и пиши ко мнѣ, хотя раза два въ мѣсяцъ. Adieu!

Твой вѣчной другъ
Н. Карамзинъ.

46.

Здравствуй, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь! Я возвратился изъ Симбирска и получилъ отъ тебя два письма; оба они не веселы. Что дѣлать, мой другъ! Покрайней мѣрѣ будь здоровъ. Скука не вѣчна. Естьли не можешь *никѣмъ* заниматься, то занимайся хоть *чѣмъ* нибудь. Читай, пиши, броди, мечтай. Я самъ живу.... Богъ знаетъ какъ. Многимъ кажется мое состояніе пріятнымъ и завиднымъ; но я знаю, каково мнѣ.—Въ Симбирскѣ былъ я не даромъ: продалъ свое имѣніе, не чужимъ, а братьямъ, за 16000 руб. Хорошо или худо сдѣлалъ, не знаю. — Сочиненія твои печатаются. Поправки, по письму твоему, сдѣланы. — Прости, мой милой другъ! Московская публика желаетъ скорѣе видѣть *и мои бездѣлки*. Не велишь ли пересылать къ себѣ экземпляра два по листамъ? — Люблю тебя всѣмъ сердцемъ; надѣюсь, что и ты меня любишь. Прости! Пиши ко мнѣ: *на Тверской, въ домѣ Ѳедора Ивановича Киселева.* Цѣлую тебя въ мысляхъ.

Москва, 5 апрѣля 1795.

При случаѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе Гаврилу Романовичу.

47.

Сію минуту, милой мой Иванъ Ивановичь, получилъ письмо твое. Все будетъ исполнено по волѣ твоей въ разсужденіи *и моихъ бездѣлокъ*. Завтра я скачу изъ Москвы въ деревню къ Настасьѣ Ивановнѣ, которая очень, очень

больна и не встаетъ съ постели; что, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, раздираетъ мое сердце. Ты конечно возмешь участіе въ моей горести.—Отсутствіе мое не остановитъ печатанія твоихъ сочиненій. Василій Сергѣевичь взялъ на себя корректуру и проч. Онъ будетъ пересылать къ тебѣ и отпечатанные листы. — Дай Богъ, чтобы я къ Августу мѣсяцу могъ возвратиться въ Москву съ покойнымъ сердцемъ. Очень радъ буду увидѣть тебя, мой другъ! Люби меня, мой милой! и пиши ко мнѣ въ деревню. Здѣсь останется мой человѣкъ, которой будетъ пересылать ко мнѣ письма. Прости, любезнѣйшій! И въ горѣ и въ удовольствіи я твой вѣрной другъ.

48.

Село Знаменское, Мая 13, 1795.

Любезнѣйшій мой другъ, Иванъ Ивановичь! можешь ли ты думать, чтобы я перемѣнился въ разсужденіи тебя, моего милаго? Пишу рѣдко — правда. Причиною этому — безпокойная жизнь моя, не другое что. Или ѣду или сбираюсь ѣхать; то въ Москвѣ, то въ деревнѣ; иногда же не хочется за перо взяться.—Сочиненія твои давно уже печатаются. Ко мнѣ прислали сюда въ деревню два первые отпечатанные листа. Думаю, что и ты уже получилъ ихъ; увѣдомь. Василій Сергѣевичь Подшиваловъ читаетъ корректуру. Просматривай каждой листъ, и какія ошибки найдутся, замѣть и пришли ко мнѣ записку; напечатаемъ errata.— Сестра Мареа Михайловна помолвлена за Никиту Никитича Философова; чему я радъ сердечно. — На сей же почтѣ пишу къ твоему Петрушкѣ, чтобы онъ отправилъ къ тебѣ и *Аглаю* и *бездѣлки*.— Теперь я живу въ деревнѣ, мой другъ, единообразно, но не скучно. Только непріятныя обстоятельства друзей моихъ тревожатъ мое сердце.—Никогда, никогда не думай, чтобы

любовь моя къ тебѣ могла охладѣть, уменьшиться; люблю тебя всѣмъ сердцемъ, и всегда любить буду. Естьли не ошибаюсь, то стихи на присоединеніе Курляндіи сочинены тобою: для чего ихъ не напечатать вмѣстѣ со всѣми? — Прости, милой!

Пиши ко мнѣ или въ Москву, въ домъ Киселева на Тверской, или прямо на имя мое въ городъ Болховъ. Я пробуду въ деревнѣ до Августа. — Что твое дѣло?

49.

Знаменское, Іюня 3, 1795.

Худое твое здоровье безпокоитъ меня, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь! Что съ тобою дѣлается? Хотя я не медикъ, однакожь увѣдомь меня, въ чемъ состоитъ болѣзнь твоя. Между тѣмъ, вмѣсто лекарства, посылаю тебѣ — добрыя мои желанія.

Я не такъ безпеченъ, какъ ты думаешь: все поправлено, какъ ты хотѣлъ, въ піесахъ твоихъ. Опечатокъ, кажется, никакихъ нѣтъ въ первыхъ листахъ *бездѣлокъ*; только въ препинаніяхъ не соблюдается нужной тонкости. — Думаю, что черезъ двѣ недѣли все будетъ отпечатано.

Благодарю тебя, мой другъ, за участіе, которое ты берешь въ здоровьѣ Настасьи Ивановны. Ей, слава Богу! лучше. Дай Богъ, чтобы ты, любезной другъ, могъ тоже сказать мнѣ объ своемъ здоровьѣ!

50.

Знаменское, Іюля 11, 1795.

Здравствуй, любезной мой Иванъ Ивановичь! Давно уже не имѣю отъ тебя писемъ. В. С. Подшиваловъ писалъ ко мнѣ, что ты былъ на пути въ Москву и возвратился въ

Петербургъ изъ Вышняго Волочка. Я удивился. Скажи, мой другъ, гдѣ думаешь провести зиму? Хорошо, естьли бы въ Москвѣ; но не надѣюсь. А ты вѣрно нашелъ бы удовольствіе въ Московской жизни. — Я все еще въ деревнѣ у моего друга, и пробуду здѣсь до Сентября. Ты хотѣлъ нѣкогда пріѣхать къ намъ! Какъ бы удивилъ и обрадовалъ насъ! (въ выноскѣ: «Настасья Ивановна очень любитъ тебя»). Твои пріятныя и скромныя *Бездѣлки* отпечатаны; думаю, что уже и публикованы. По возвращеніи въ Москву, сдѣлаю щетъ съ Клаудіемъ, и перешлю къ тебѣ сколько нибудь денегъ.—Хованской стихотворецъ, котораго ты знаешь, разбранилъ въ пухъ Василья Сергѣевича за то, что онъ въ какомъ-то стихѣ его не нашелъ смыслу. И еще недовольно: вызывалъ его на поединокъ въ публичномъ Университетскомъ собраніи. Нашъ пріятель Подшиваловъ отвѣчалъ ему, что онъ умѣетъ драться перомъ и кулаками, а не шпагою. Стихотворецъ еще болѣе разсердился, и клялся Стиксомъ, что онъ (Подшиваловъ) узнаетъ его въ свое время. Чѣмъ кончится исторія, неизвѣстно. — Печатаются ли сочиненія нашего любезнаго Гаврила Романовича? Увѣдомь, когда могу получить ихъ. Обнимаю тебя въ мысляхъ. Прости, милой! и люби всегда друга твоего

Карамзина.

51.

Знаменское, 9 Авг. 1795.

Я все еще въ деревнѣ, мой любезной другъ Иванъ Ивановичь! и едва ли въ половинѣ Сентября буду въ Москвѣ. Не думай, чтобы я отмѣнно любилъ деревню; нѣтъ, я люблю только друзей своихъ, и въ Москвѣ и въ Знаменскомъ.

Худо кашлять, худо имѣть слабой желудокъ, худо имѣть и тощій кошелекъ; послѣднее все не такъ худо, какъ первое. Петербургской климатъ не благопріятствуетъ твоему здоровью. Желаю скорѣе видѣть тебя бригадиромъ, и въ Москвѣ. Какъ бы хорошо было, естьли бы мы могли жить вмѣстѣ, стали бы по старому сочинять *бу-риме* и писать сатиры на плѣшивыхъ, т. е. на самихъ себя. Я хотѣлъ бы никогда не разставаться съ тѣми, кого люблю; хотѣлъ бы провести съ ними все то время, которое остается мнѣ жить на землѣ — вотъ одно изъ первыхъ моихъ желаній! Мы могли бы составить не скучное общество, естьли бы — естьли бы... mais avec un *si* on mettroit Paris dans une bouteille, со всѣми Роялистами и Республиканцами.

Василій Сергѣевичь пишетъ ко мнѣ, что онъ продаетъ всѣ экземпляры *Бездѣлокъ*, и надѣется послать къ тебѣ рублей 400. Я писалъ къ Клаудію и Ридигеру, чтобы они увѣдомили меня, сколько мнѣ надобно отдать имъ за напечатаніе; но еще не имѣю отвѣта.

Только въ минуту злой ипохондріи можешь ты почитать стихи свои *пылью*. Нѣтъ, мой другъ, ты имѣешь истинныя дарованія для Поэзіи, и Россійская Муза называетъ тебя любезнымъ сыномъ своимъ. Пиши, пиши, пиши!

Михаилъ Матвѣевичь (которой любитъ тебя) сочиняетъ комическую поэму, *странника*. Говорятъ, что она забавна.— И такъ новыя творенія нашаго Невскаго Барда, по словамъ твоимъ, неудачны? Музы имѣютъ свои капризы, и не всегда слушаются поэтовъ.—Дай мнѣ идею о *Добрынѣ*, естьли онъ что нибудь значитъ.

Желаю отъ всего сердца, чтобы процессъ твой какъ нибудь скорѣе кончился. Однакожь лучше выиграть, нежели проиграть.

Настасья Ивановна все еще слаба здоровьемъ. Я поцѣловалъ у нее руку, по твоему приказанію. Она благодаритъ тебя и очень желаетъ съ тобою познакомиться. Алексѣй Александровичь въ Москвѣ.

Прости, мой любезной другъ! дай Богъ, чтобы Игея излила на тебя весь сосудъ свой, и чтобы ты возвратился изъ деревни въ Петербургъ совершенно здоровъ, бодръ и веселъ.

Вѣрной и вѣчной другъ твой

Н. Карамзинъ.

Послѣдняя страничка въ *Бездѣлкахъ* твоихъ перепечатана.

52.

Знаменское, 2 Сент. 1795.

Здравствуй, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! На сихъ дняхъ получилъ отъ тебя два письма, за которыя благодарю моего друга. Хорошо, что меня помнишь; хорошо, что меня любишь. Но худо, что въ Сызранѣ былъ пожаръ; худо, что сгорѣлъ вашъ домъ. Воображаю себѣ ужасную сцену для твоихъ родныхъ! Между тѣмъ надобно благодарить Бога, что всѣ они остались здоровы. — Радуюсь, мой другъ, что Д. И. Затрапезновъ тебѣ полюбился; я самъ люблю его сердечно, какъ умнаго, и очень умнаго человѣка. Такіе люди у насъ рѣдки. Жалѣю, что онъ оставилъ Москву. — Между тѣмъ напомни ему обо мнѣ. Онъ хотѣлъ писать изъ Петербурга къ деревенскому своему пріятелю, и забылъ! — Ты зовешь меня въ Петербургъ: можетъ быть я и пріѣду къ вамъ въ началѣ зимы, но только.... *можетъ быть!* Теперь живу

безъ плана и лѣнюсь думать о томъ, что ожидаетъ меня впереди. — И такъ обо мнѣ говорятъ, что я удаленъ? За что же? И кому хочется выдумывать на мой счетъ такія печальныя басни!—Василій Сергѣевичъ, не увѣдомивъ меня, заплатилъ за напечатаніе твоихъ стиховъ: узнавъ о томъ, я на первой почтѣ писалъ въ Москву къ своему Петрушкѣ, чтобы онъ немедленно отправилъ къ тебѣ сто двадцать рублей изъ моихъ денегъ, у него оставшихся — получилъ ли ты ихъ, мой другъ? Увѣдомь. — Я все еще въ Знаменскомъ, и когда буду въ Москвѣ, не знаю. Прости, мой любезной, мой милой Иванъ Ивановичь! До гроба другъ твой

Н. К.

53.

Знаменское, 19 Сент. 1795.

На три письма не имѣю отъ тебя отвѣта, любезнѣйшій мой другъ Иванъ Ивановичь, и думаю, что они пропали. Болховской почтмейстеръ имѣетъ привычку жечь по выбору нѣкоторыя письма и оставлять у себя взятыя за нихъ деньги; для того пишу теперь черезъ Москву. Не вини же меня, любезной другъ! не говори, что я забываю тебя и лѣнюсь писать. Послѣднее письмецо твое такъ ласково и дружелюбно, что я долженъ поцѣловать тебя за него. Милой другъ, мизантропъ и меланхоликъ! Я люблю тебя какъ душу, и нетерпѣливо желаю съ тобою увидѣться. Все, все разскажи мнѣ, и печальное и смѣшное! Вмѣстѣ потужимъ и посмѣемся. Ты могъ обмануться въ стоикахъ и моралистахъ, въ книжникахъ и фарисеяхъ, но во мнѣ, какъ въ другѣ своемъ, никогда не обманешься; за это смѣло отвѣчаю — никогда не скажешь мнѣ: «*лжецъ! лицемѣръ! обманщикъ!*» Люди, люди! что вы и чѣмъ хотите казаться?.... видишь, мой другъ,

что я поддѣлываюсь подъ тонъ письма твоего! Въ заключеніе скажу еще: о tempora! о mores! и перемѣню матерію.— Я все еще въ деревнѣ, но по собственной волѣ своей, вопреки тому, что угодно было добрымъ людямъ сказать обо мнѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Дружба имѣетъ свои обязанности.—Думаю, что въ Ноябрѣ буду въ Москвѣ; но, кажется, не прежде.

Между тѣмъ пиши ко мнѣ; слова два-три, и я доволенъ! Обнимаю тебя въ мысляхъ. Человѣкъ дожидается письма. Прости, милой!

Вѣчной, вѣчной другъ твой Н. Карамзинъ.

54.

Знаменское, 17 окт. 1795.

Изъ пяти писемъ моихъ ни на одно не получилъ я отъ тебя отвѣта, любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичъ. Что это значитъ? Думаю, то, что они не дошли до тебя, и пропали въ Петербургѣ. Сперва имѣлъ я подозрѣніе на Болховскаго почтмейстера; но онъ доказалъ мнѣ картою, что письма мои отправлены въ Петербургъ. Сверхъ того я писалъ къ тебѣ два раза и черезъ Москву, и все отвѣта нѣтъ! Не понимаю и досадую! Иногда мнѣ приходитъ на мысль, что не отдаютъ ли петербургскіе почтальоны писемъ твоихъ кому другому? Напримѣръ, тому пріятелю, съ которымъ ты имѣешь судное дѣло? По крайней мѣрѣ вели справиться на почтѣ, куда дѣвались два письма, посланныя изъ Болхова на твое имя, одно отъ 13 Августа подъ № 2, а другое отъ 3 Сентября подъ № 5. Теперь пишу къ тебѣ черезъ В. С. Подшивалова. Желаю знать, что ты думалъ о моемъ мнимомъ молчаніи? Не правда ли, что винилъ, осуждалъ, бранилъ меня въ своихъ мысляхъ? Будь впередъ спра-

ведливѣе противъ своего друга. Мнѣ кажется, что я тебя люблю нынѣ еще больше, нежели прежде. Послѣднія меланхолическія письма твои очень растрогали мое сердце. Тысяча разъ желалъ я обнять тебя, моего любезнаго. Умѣю цѣнить твою дружбу, и надѣюсь всегда быть ее достойнымъ, и въ щастіи и въ нещастіи, и въ радости и въ печаляхъ.

Думаю, что буду въ Москвѣ около половины Ноября. Дай Богъ, чтобы ты нынѣшнею зимою могъ прожить со мною нѣсколько времени! — *Живой о живомъ и думаетъ*, говоритъ пословица. Дней пять занимаюсь я новымъ планомъ: выдать къ новому году русской Almanach des Muses. въ маленькой форматъ, на голландской бумагѣ, и проч. Надѣюсь на твою Музу: она можетъ произвести къ тому времени довольно хорошаго. Михаило Матвѣевичь, Нелединской и проч. что нибудь напишутъ; а ты могъ бы въ Петербургѣ сказать о томъ Гавр. Романовичу, Львову, Козодавлеву и прочимъ. Они бы также дали намъ нѣсколько піесъ. Начнемъ — а другіе со временемъ возьмутъ на себя продолженіе. Откроемъ сцену для русскихъ стихотворцевъ, гдѣ бы могли они безъ стыда показываться публикѣ. Отгонимъ прочь всѣхъ уродовъ, но призовемъ тѣхъ, которые имѣютъ какой нибудь талантъ! Естьли мало наберется *хорошаго*, помѣстимъ *изрядное*; но подлаго, нечистаго, каррикатурнаго, намъ не надобно. Такимъ образомъ всякой годъ могли бы мы выдавать маленькую книжку стиховъ — и дамамъ нашимъ не стыдно бъ было носить ее въ карманѣ. Что ты объ этомъ скажешь? — Тибуллова Элегія прекрасна на Рускомъ языкѣ, кромѣ трехъ или четырехъ стиховъ. Такой переводъ стоитъ десяти сочиненій; я прочиталъ его нѣсколько разъ сряду съ великимъ удовольствіемъ. —

Не правда ли, что я зажился въ деревнѣ? Между тѣмъ Московскіе мои пріятели заклинаютъ меня скорѣе возвра-

титься въ Москву, чтобы уничтожить разные слухи, разсѣянные обо мнѣ злобою и глупостію; одни говорятъ, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ; другіе увѣряютъ, что я въ ссылкѣ, и проч. Люди не хотятъ вѣрить, чтобы человѣкъ, которой велъ въ Москвѣ довольно пріятную жизнь, могъ изъ доброй воли заключиться въ деревнѣ, и притомъ въ чужой! и притомъ осенью! — Всѣ такіе слухи не заставятъ меня ни днемъ скорѣе выѣхать изъ Знаменскаго. Больно видѣть, что нѣкоторые люди безъ всякой причины желаютъ мнѣ зла; но пріятно, очень пріятно мнѣ увѣряться болѣе и болѣе въ безкорыстной дружбѣ и пріязни добрыхъ, благородныхъ душъ. — Цѣлую тебя, моего друга! Какъ желаю видѣться съ тобою скорѣе! Прости, прости, любезной! Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ это письмо дойдетъ до тебя, и что я буду имѣть отвѣтъ. Adieu!

Милая и почтенная Настасья Ивановна приказываетъ мнѣ написать къ тебѣ *самой ласковой* поклонъ отъ нее. При случаѣ можешь сказать Гавр. Романовичу, что я душевно люблю его и почитаю. Мнѣ хотѣлось бы видѣть его.

55.

Москва, 20 Декаб. 1795.

Любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь!

Наконецъ я въ Москвѣ, опять по старому ѣзжу изъ дому въ домъ, играя въ Бостонъ, и пр. и проч. Что ты дѣлаешь? Давно не имѣю отъ тебя ни строчки. Пиши для меня прозою, а для публики стихами. Всѣ здѣшніе стихотворцы отъ Михаила Матвѣевича до......, радуются мыслію объ Рускомъ Almanach des Muses; всѣ обѣщаютъ плакать и смѣяться въ стихахъ, чтобы занять мѣсто въ нашей книж-

кѣ. Содержатели типографіи также рады. Я на тебя надѣюсь, мой поэтъ, не смотря на твои оговорки. Пиши и присылай ко мнѣ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Да скажи мнѣ, что Гаврило Романовичь? и будетъ ли онъ въ Москвѣ? Естьли не будетъ, то попроси у него что нибудь для Almanach, которой назовется: *наши музы въ 1796 году.*—На твои деньги, которыя у меня остались, куплю *Москов. журналъ* и пошлю къ Ивану Гавриловичу черезъ почту. — Обнимаю тебя въ мысляхъ, и люблю всѣмъ, всѣмъ сердцемъ.

P. S.

Михайло Матвѣевичь отдалъ мнѣ для тебя экземпляръ *Пилигримовъ*: велишь ли прислать его къ тебѣ? — Да думаешь ли ты быть въ Москвѣ въ Февралѣ? Прости, милой другъ!

56.

Москва, 22 Генв. 1796.

Здравствуй, мой любезной, милой Иванъ Ивановичь! Пишу и буду еще писать черезъ почту. Между тѣмъ поздравляю тебя съ Капитанскимъ чиномъ; но пожалуй, не будь лѣнивымъ капитанъ-поэтомъ, особливо когда сердечной пріятель и другъ твой хочетъ выдать Almanach des Muses. Вообрази, что онъ отъ тебя не печатается; а естьли ничего не пришлешь, то и не будетъ печататься. Слышишь ли, лѣнивой человѣкъ? До Сызрана долго; намъ скорѣе что нибудь. — Пиши или самъ пріѣзжай въ Москву; въ ожиданіи обнимаю тебя мысленно. Прости, милой другъ!

Н. Карамзинъ.

57.

Москва, Февр. 2, 1796.

Здравствуй, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! Я писалъ къ тебѣ черезъ почту и съ княземъ Долгорукимъ, а теперь пишу съ Петромъ Аѳанасьевичемъ Пельскимъ, очень умнымъ и хорошимъ человѣкомъ, котораго знакомство можетъ быть для тебя интересно.—Стихи Державина и Капнистовы получилъ; изъяви имъ мою благодарность. Но Almanach des Muses не будетъ напечатанъ, естьли ты мнѣ ничего не пришлешь. Всего будетъ одна книжка, которая должна выйти къ веснѣ; и такъ пожалуй не откладывай до Сызрана, а пришли что нибудь скорѣе. Долго ли Поэту написать и поэму? — Между тѣмъ скажи, когда думаешь быть въ Москвѣ? Очень желаю видѣть, обнять тебя, моего друга.—Ты говоришь о моихъ новыхъ бездѣлкахъ: онѣ бездѣлки и болѣе ничего. Черезъ нѣсколько дней могу прислать тебѣ одну сказочку. — Обнимаю тебя въ мысляхъ. Прости, милой другъ!

Н. Карамзинъ.

58.

Москва, ... 1796.

Любезнѣйшій мой другъ Иванъ Ивановичь!

Жду тебя въ Москву. Пріѣзжай скорѣе. Весна приближается, снѣгъ сходитъ, и.... Almanach des Muses у ценсора. Пріѣзжай, пріѣзжай! — Между тѣмъ пожалуй доставь приложенное письмо капралу Арнаутову, котораго я тебѣ нѣкогда рекомендовалъ, и естьли онъ захочетъ ѣхать въ отпускъ, то сдѣлай мнѣ одолженіе, попроси объ немъ Секретаря или кого надобно. — Прости, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь!

Твой вѣчной другъ

Н. Карамзинъ.

59.

Москва, 18 Февр. 1796.

Здравствуй, мой любезной, милой другъ! Знаешь ли, что я въ самомъ дѣлѣ былъ на тебя сердитъ? За то единственно, что ты могъ почитать меня сердитымъ, легковѣрнымъ, непостояннымъ. Какъ тебѣ не стыдно? Меня надлежало бы посадить въ домъ сумасшедшихъ по крайней мѣрѣ дни на два—естьли бы я повѣрилъ, что ты могъ быть противъ меня виноватымъ; естьли бы я озлился на тебя, и для того перервалъ съ тобою переписку. Нѣтъ, мой любезной Поэтъ! я увѣренъ въ твоей дружбѣ, однажды навсегда; писалъ рѣдко, но писалъ; говорилъ и говорю объ тебѣ почти всякой день, а помню и люблю тебя безпрестанно. Для чего же пишу рѣдко? спросишь ты. Обвиняй все, кромѣ моей дружбы къ тебѣ; обвиняй малодушіе и слабость мою, которыя дѣлаютъ меня иногда излишно чувствительнымъ къ житейскимъ неприятностямъ, отвращаютъ отъ всякаго дѣла и мѣшаютъ даже собраться съ мыслями, нужными для того, чтобы написать пять или шесть строкъ къ любезному человѣку. Жалѣю, милой другъ, что судьба не велитъ намъ жить вмѣстѣ; сердце мое не скрывалось бы отъ тебя ни въ чемъ. Пока оставимъ ......

И такъ малой Поэтъ малой Россіи вооружается противъ любезнаго поэта великой Россіи? Не огорчайся, мой другъ. За тебя всѣ, всѣ; имя твое какъ свѣтлой алмазъ: черныя краски злословія не могутъ на немъ держаться. Твой талантъ не подверженъ никакому сомнѣнію, и Муза Руская при рожденіи твоемъ сказала: *Поэтъ*!

Бѣдные люди! какъ зависть безпокоитъ ихъ!

Между тѣмъ непремѣнно, непремѣнно пришли или привези съ собою что нибудь для *нашихъ Музъ*, хотя одну піесу,

хотя не большую; соберись съ духомъ и напиши. Сдѣлай это для меня. Мнѣ не хочется и печатать, пока отъ тебя не получу чего нибудь.—Прости, мой любезной другъ! Благодарю за присланные стихи Петербургскихъ Поэтовъ; всѣ помѣщу.—Завтра пошлю къ тебѣ *Юлію*.—Обнимаю тебя въ мысляхъ. Прости и люби меня всегда.

60.

Москва, 16 Марта 1796.

Худыя вѣсти, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! Я надѣялся черезъ нѣсколько дней видѣть тебя въ Москвѣ, а ты собираешься въ Финляндію! Теперь прошу и молю Бога, чтобы парадная шляпа твоя не возвращалась въ Петербургъ; ей у меня тепло и хорошо. Долго ли воевать? Пожалуй опиши въ гармонической одѣ всѣ прелести мира, и пошли ее ко всѣмъ дворамъ; авось либо они перестанутъ ссориться. — Будемъ все еще надѣяться, что парадная шляпа твоя не поѣдетъ обратно въ Петербургъ.

Къ Пушкинымъ писали изъ Москвы неправду: я не думалъ и не думаю жениться.

Будь спокоенъ въ разсужденіи Подшивалова; онъ любитъ тебя и почитаетъ, а молчалъ отъ хлопотъ и недосуговъ своихъ. На этой почтѣ хотѣлъ онъ самъ писать къ тебѣ.

Люди твои нынѣшній день пріѣх... получатъ отъ меня деньги, естьли будутъ имѣть въ нихъ нужду.

Прости, мой другъ любезной и сердечной! Нетерпѣливо желаю видѣть тебя скорѣе. Дай Богъ, чтобы войны не было, между прочимъ и для того, чтобы ты могъ выѣхать изъ Петербурга! Прости, обнимаю тебя въ мысляхъ. —Отошли письмецо къ Пу....у.

61.

Москва, 4 Іюня 1796.

Здравствуй, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! Когда-то мы увидимся! Когда-то будемъ спокойны и веселы! Тебѣ много хлопотъ и безпокойства, а мнѣ горя. Больше и больше теряю охоту жить въ свѣтѣ и ходить подъ черными облаками, которыхъ тѣнь помрачаетъ въ глазахъ моихъ всѣ цвѣты жизни. — Между тѣмъ *Аониды* (вмѣсто *Музъ*) печатаются. Не ужели ты ничего не пришлешь мнѣ? Морской офицеръ, твой *питомецъ*, читалъ мнѣ наизусть новую твою піесу, которая очень хороша. Я не хотѣлъ безъ позволенія твоего списать и напечатать ее, въ надеждѣ, что ты самъ доставишь ее искренно-любящему Музу твою и тебя. Пожалуй не будь упрямъ. Нынѣшній годъ выдетъ только одна книжка *Аонидъ*. *Приглашеніе къ обѣду* — останется между моими бумагами, и не пойдетъ въ типографію. Нѣтъ ли еще чего нибудь у Гаврила Романовича? Поблагодари отъ меня Николая Александровича Львова; его піесы уже напечатаны.—Д. И. Затрапезновъ не пишетъ ко мнѣ: попеняй ему. Да попроси его, чтобы онъ никому не показывалъ ни *соловья*, ни *посланія* моего. — Прости, мой милой другъ! Отъ всего сердца желаю тебя добраго здоровья и спокойствія.

П. П. Третьяго дня получилъ я изъ Швейцаріи письмо, которое обрадовало и огорчило меня. Пишутъ ко мнѣ, что старикъ Клопштокъ любитъ меня и желаетъ имѣть въ своей библіотекѣ всѣ мои *бездѣлки*: это пріятно. Но Лафатеръ гаснетъ, какъ догорающая свѣчка и не встаетъ уже съ постели: это меня очень тронуло.

62.

Москва, 6 Авг. 1796.

Salut à mon ami et confrère! Ты давно уже въ деревнѣ: здоровъ ли? спокоенъ ли? какъ проводишь время? Сколько часовъ въ день посвящаешь Генію поэзіи? Какія пѣсни разносятся Зефиромъ на поляхъ вашихъ? Чѣмъ плѣняется слухъ Дріадъ Симбирскаго намѣстничества Сызранской округи? Между тѣмъ скажу тебѣ, мой милой Иванъ Ивановичь, что я нѣкоторыя изъ коммиссій твоихъ исполнилъ, а другія надѣюсь скоро исполнить; книги въ Петербургъ послалъ, а денегъ отъ Подшивалова еще не получалъ. Вотъ тебѣ *Аониды* въ бумажкѣ; во француз. переплетѣ еще не готовы. Обнимаю тебя мысленно. Настасья Ивановна и Алекс. Александр. увѣряютъ тебя въ своей любви и почтеніи. Прости, любезнѣйшій! Въ другой разъ напишу больше. Ожидаю отъ тебя письма. Всѣмъ твоимъ роднымъ мое почтеніе; особливо любезному Александру Ивановичу. Прости!

63.

Москва, Авг. 28, 1796.

И такъ ты очень невесело началъ сельскую жизнь свою, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь? Надѣюсь, что продолженіе будетъ лучше. Старайся дать хорошій оборотъ своему воображенію, чтобы оно, вопреки Сентябрю, играло цвѣтами. Долго ли жить намъ подъ гнетомъ Рока? Наскучь горестью и скукою, мой любезной другъ, и будь веселъ какъ ребенокъ, сидящій на деревянномъ конькѣ своемъ.

У тебя есть Пегасъ: садись на него и погоняй изъ всей мочи; чѣмъ грустнѣе твоему сердцу, тѣмъ сильнѣе погоняй

его; онъ размычетъ твое горе по краснымъ долинамъ Ѳессаліи. Поэтъ имѣетъ двѣ жизни, два міра; естьли ему скучно и непріятно въ существенномъ, онъ уходитъ въ страну воображенія, и живетъ тамъ по своему вкусу и сердцу, какъ благочестивой магометанинъ въ раю съ своими семью Гуріями. Vive et scribe! Все, что произведетъ Муза твоя, будетъ очень пріятно твоему другу; въ этомъ позволь мнѣ быть увѣреннымъ.

Вообрази, что я ѣду въ деревню, тогда какъ другіе люди въ городъ возвращаются! Однакожь надѣюсь черезъ мѣсяцъ быть опять въ Москвѣ. Увѣдомь, когда могу тебя здѣсь видѣть. Нельзя ли намъ вмѣстѣ съѣздить въ Петербургъ зимой? —

Вещи твои давно отданы Платону Петровичу. Присланные тобою 150 рублей остаются у меня до твоего приказанія. Французской журналъ выписываю черезъ Биберову лавку; о цѣнѣ не знаю. На той почтѣ человѣкъ мой отправитъ къ тебѣ нѣсколько Французскихъ книгъ.

Гаврило Романовичь прислалъ ко мнѣ двѣ новыя піесы свои, и хочетъ, чтобы я непремѣнно выдалъ вторую книжку Аонидъ. Это отчасти зависитъ отъ тебя: пиши, пиши!

Обнимаю тебя мысленно. Прости, мой милой другъ! Завтра меня уже не будетъ здѣсь. Прости — поручаю тебя Богу Фебу и всѣмъ добрымъ богамъ.

64.

Ноября 6, 1796.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Возвратившись изъ деревни, я успѣлъ быть очень нездоровъ и выздоровѣть; читалъ піесу твою и больной и здоровой: она показалась мнѣ и въ томъ и въ другомъ состояніи равно

хорошею. Благородство въ мысляхъ, связь и свободное ихъ теченіе въ чистомъ слогѣ: вотъ ея достоинство. Пиши, мой любезной другъ; чѣмъ больше, тѣмъ лучше; чѣмъ разнообразнѣе, тѣмъ пріятнѣе. Сочини сказку, двѣ, три; выдумывай эпиграммы и доказывай, что Руские подобно Французамъ могутъ имѣть остроуміе. Тогда о второй книжкѣ *Аонидъ* не скажутъ того, что ты сказалъ о первой; не скажутъ, что въ ней нѣтъ ни сказокъ, ни эпиграммъ. Г. Р. Державинъ прислалъ мнѣ піесъ десять, изъ которыхъ на смерть Бецкаго самая лучшая. Одинъ стихъ разсмѣшилъ меня, и я вспомнилъ, что ты мнѣ сказывалъ. Мих. Матвѣевичь занимается изданіемъ своихъ сочиненій, и Поэму Владимира совсѣмъ передѣлалъ. Я прочитаю ему твое посланіе, которое будетъ для него безъ сомнѣнія очень пріятно.

Книгопродавцы даютъ тебѣ за пѣсенникъ 200 рублей: и такъ что велишь дѣлать съ этими деньгами?

Естьли спросишь, что я дѣлаю? то мнѣ стыдно будетъ отвѣчать: такъ мало, что почти ничего, имѣя впрочемъ охоту писать. Лишь только за перо, кто нибудь въ дверь, или корректура на столъ. 4 тома писемъ *Руск. пут.* выдутъ черезъ мѣсяцъ и будутъ къ тебѣ доставлены.

Прости, мой милой другъ! Настасья Ивановна очень любитъ тебя, равно какъ и Алексѣй Александровичь.

Пиши ко мнѣ и прозою и стихами. Пусть сердце твое говоритъ прозой, а разумъ стихами! Я люблю и сердце твое и разумъ твой. Обнимаю тебя мысленно. Прости, милой мой Поэтъ!

65.

Москва, Ноября 12, 1796.

Любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь!

Екатерины II не стало 6 Ноября, и Павелъ I нашъ Императоръ. Увидимъ, какія будутъ перемѣны. Государь сдѣ-

лалъ тотчасъ своими адъютантами Растопчина и Шувалова. Слышно, что бумаги Зубова запечатаны. Барятинскій отставленъ; на его мѣсто Шереметевъ. Александръ Павловичь будетъ править вашимъ полкомъ, а Константинъ Измайловскимъ; они гвардіи полковники; а самъ Императоръ остается полковникомъ конной гвардіи и преобр. полку. Сейчасъ ѣдемъ въ соборъ. Прости, любезной другъ! Еще вѣсти: говорятъ, что Вал. Зубовъ разбитъ и убитъ въ Персіи; не знаютъ точно, правдали это. Обнимаю тебя мысленно.

Н. К.

66.

Москва, 29 дек. 1796.

Очень, очень я обрадовался, мой любезнѣйшій другъ, узнавъ, что ты отставленъ съ чиномъ; теперь остается мнѣ желать, чтобы ты скорѣе получилъ выгодное мѣсто или въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Ради Бога будь ласковъ къ Настасьѣ Ивановнѣ. Она любитъ тебя какъ роднаго. Старайся видѣться съ нею чаще; утѣшь и ее и меня. Я могъ бы ѣхать въ Петербургъ; но не скажутъ ли, что я ѣду искать, добиваться, и пр.? Не лучше ли подождать всѣхъ васъ въ Москвѣ? Тетрадь твою пришлю на той почтѣ, списавъ всѣ піесы; а безъ того изъ рукъ ее не выпущу. За піесы И. М. Муравьева буду благодаренъ. — Ты въ такой живой картинѣ представилъ мнѣ К. Бѣл., что я засмѣялся отъ всего сердца. Со всѣми его странностями, онъ очень хорошій человѣкъ. Прости, мой милой другъ! Обнимаю тебя мысленно. Пиши ко мнѣ, и будь веселъ! Кашлять совсѣмъ не хорошо.

67.

Обнимаю тебя со слезами, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь. Громъ, которой грянулъ надъ тобою, отдался въ моемъ сердцѣ. Какой случай! Я былъ внѣ себя отъ удивленія. Невинность твоя не могла быть долго въ подозрѣніи; но какое положеніе! Милой другъ! какъ мнѣ жаль, что я не съ тобою! Тебя всѣ любятъ, но многіе ли такъ, какъ я? Боюсь, любезнѣйшій, чтобы этотъ случай не оставилъ по себѣ дурныхъ слѣдствій въ разсужденіи твоего здоровья. Ради Бога пиши ко мнѣ. Я надѣюсь, что милостивой нашъ Императоръ наградитъ тебя за претерпѣніе. Сто разъ цѣлую тебя со всею дружескою горячностію. Милая Настасья Ивановна любитъ тебя какъ истинной твой другъ. Ты конечно будешь съ нею видѣться. Какъ самая нѣжная сестра брала она участіе въ твоей исторіи; и твое и ея письмо читалъ я со слезами. Прости, мой сердечной другъ! Дай Богъ тебѣ здоровья, спокойствія и всѣхъ возможныхъ благъ!

Твой вѣчной другъ Карамзинъ.

5 Генваря, 1797, Москва.

68.

Москва, 21 Генв. 1797.

Дружба твоя, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, драгоцѣнна моему сердцу; всѣ ласковыя твои слова доходятъ до него и производятъ въ немъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Люби меня всегда, мой милой другъ, естьли ты любишь утѣшать людей!—Не вини меня, что я не съ тобою; вѣрь, что я сердечной другъ твой, и не вини. Больно мнѣ слышать о твоихъ домашнихъ безпокойствахъ; не то, такъ другое, и мы съ добрымъ сердцемъ, съ добрымъ расположеніемъ терзаемся

весь свой вѣкъ. Что-то такое мѣшаетъ намъ жить щастливо. Мой милой другъ! утѣшайся тѣмъ, что тебя многіе любятъ, и всѣ хорошо о тебѣ думаютъ. — Стихи твои очень хороши; ода или нѣтъ, все одно. Вотъ мои бездѣльныя примѣчанія:

Строфа 1. — «онъ *памятникъ* Россіи строилъ». — Какой памятникъ? Неясная мысль.

2-я строфа очень хороша.

Строфа 3 — вмѣсто *тропой* не лучше ли *стезёй?* — Вмѣсто *опущаютъ*, опускаютъ.

Строфа 4 — *вóзьметъ* не хорошо по ударенію.

Строфа 5 отмѣнно хороша.

Въ слѣдующихъ картина изобилія, успѣховъ наукъ, все очень хорошо.

«Смири свою ты *наглость*, время!» мнѣ не нравится. — «И славный щастливъ сталъ народъ», прекрасно!

Въ послѣдней строфѣ два послѣдніе стиха слабы; что нибудь и какъ нибудь, да посильнѣе, мой любезнѣйшій Поэтъ! Конецъ важенъ во всякой піесѣ; это вѣнецъ, куполъ зданія. Вообще я очень доволенъ твоею, какъ ты говоришь, *не-одою*; планъ, стройность, языкъ Поэзіи! — Кажи, печатай! пусть читаютъ знатоки и незнатоки!

Будь здоровъ, милой Иванъ Ивановичь, спокоенъ по возможности и люби, люби вѣрнаго и вѣчнаго твоего друга.

Н. Карамзинъ.

Наконецъ я списалъ всѣ стихи твои и завтра пошлю ихъ на тяжелой почтѣ въ Петербургъ на твое имя, естьли только примутъ; прежде я не могъ съ ними разстаться. Вели справиться дни черезъ два на почтѣ, есть ли посылка на твое имя изъ Москвы отъ 23 Генваря. Я боюсь, чтобы тетрадь какъ нибудь не затерялась. — Что нашъ Гаврило Романовичь?

69.

Москва, 26 Февр. 1797.

Есть ли маленькое письмецо мое тебя обезпокоило, прости меня. Мнѣ такъ было грустно! и теперь не весело; и теперь еще я не здоровъ, сижу дома, и наконецъ могу читать. Полно; это пройдетъ. Въ какое время вздумалъ было ты на меня разсердиться! Я же и не виноватъ. Богъ съ тобой. Сердце мое въ такомъ расположенiи, что я все и всѣмъ прощаю: даже и тебѣ твою авторскую вспыльчивость. Стихи твои перепечатаны. Апол. Николаевичь взялся отправить ихъ къ тебѣ нынѣшнiй день. — Не понимаю, какъ ты не получилъ своей тетради, отправленной мною съ Г. Грантомъ, здѣшнимъ Банкиромъ; пропасть ей кажется нельзя. Англичане и Банкиры не вѣтрены. — Настасья Ивановна очень тебя любитъ, и не понимаетъ, для чего не хочешь ты ѣхать къ Ѳедору Васильевичу обѣдать, когда онъ самъ этова требовалъ; когда онъ самъ желаетъ твоего знакомства. Будешь ли ты въ Москву? Впрочемъ, естьли сердце твое держитъ тебя въ Петербургѣ, живи тамъ. — Обнимаю сердечно моего сердечнаго друга. Прости!.

70.

Москва, Марта 11, 1797.

Дружеское письмо твое, мой любезнѣйшiй Иванъ Ивановичь, влило нѣсколько капель бальзама въ мое сердце. Но мнѣ больно, что я огорчилъ тебя, человѣка, которой истинно меня любитъ, которой самъ имѣетъ нужду въ утѣшенiи. Слабость, слабость! не стыжусь ее, но досадую. Будь покоенъ, милой другъ! надобно вѣрить Провидѣнiю; будетъ съ каждымъ изъ насъ чему быть назначено, и что мы заслуживаемъ; я не хочу другова, и соглашаюсь терпѣть, естьли не заслуживаю ни щастья, ни спокойствiя. Слабое сердце мое

умѣетъ быть и твердымъ, вопреки всему. Теперь главное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы не желать ничего, ничего: ни самой любви, ни самой дружбы. — Да, я любилъ, естьли ты знать хочешь; очень любилъ, и меня увѣряли въ любви. Все это прошло; оставимъ. Никого не виню. Ты говоришь о свѣтѣ, о моей къ нему привязанности: я смѣюсь внутренно. Естьли бы ты заглянулъ ко мнѣ въ душу! Правда, бывали минуты, бывали часы, въ которые другъ твой смѣшивался съ толпою; но съ моимъ ли сердцемъ можно любить свѣтъ? Я искалъ только средствъ жить щастливо въ уединеніи; теперь ничего не ищу. Называй же меня суетнымъ! Жизнь кажется мнѣ скучною, безплодною равниною: тамъ, впереди, что-то возвышается... надгробной камень — и вотъ эпитафія:

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ —
И Богу сердце возвращаю.

Пока будемъ жить; сердце еще бьется, кровь течетъ въ жилахъ. Будь здоровъ какъ я, но гораздо щастливѣе. Ты не хотѣлъ мнѣ сказать, что тебя дѣлаетъ нещастливымъ: не зная, беру во всемъ искреннее дружеское участіе, и желаю тебѣ спокойствія отъ всего сердца. Прости, милой. Мысленно обнимаю тебя.

71.

Москва, 18 Мая 1797.

Что значитъ холодной тонъ письма твоего, любезной мой Иванъ Ивановичь? Мнѣ кажется, что я противъ тебя не виноватъ, и даже не могу быть виноватымъ въ сердцѣ своемъ. Ты можетъ быть улыбнешься; однакожь я говорю,

что чувствую. Впрочемъ готовъ и виниться передъ тобою; но ты жестокой человѣкъ скажешь: *дѣла, дѣла, а не слова!* и строгимъ взоромъ заставишь меня молчать. Дѣла!... Право мнѣ кажется, что я для тебя и сдѣлать могъ бы многое. Ты опять разсмѣешься и напомнишь мнѣ.... ужинъ, за день твоего отъѣзда. Не называй же себя излишно искреннимъ: ты потаилъ отъ меня свое чувство; я узналъ о твоемъ — какъ сказать? — нѣжномъ неудовольствіи тогда, какъ пыль столбомъ вилась уже за твоею кибиткою на Петербургской дорогѣ. Это меня тронуло. Оправдываться ли? Мнѣ казалось тогда, что ты мыслями своими былъ уже весь въ Петербургѣ, и я въ отмщеніе уѣхалъ. Теперь жалѣю — и въ ожиданіи случая, въ которомъ, вмѣстѣ съ Лафонтеновымъ другомъ, могъ бы я предложить тебѣ кошелекъ и шпагу

(N'auriez-vous point perdu tout votre argent au jeu?
En voici. S'il vous est venu quelque querelle,
J'ai mon épée, allons)

скажу, что люблю тебя всею душею; то есть, знаю цѣну твоего сердца, ума, пріятныхъ и добрыхъ свойствъ твоихъ, и желалъ бы всегда жить съ тобою вмѣстѣ. Обнимаю тебя мысленно — и полно!

Аониды печатаются довольно скоро. Піесы твои и въ корректурѣ читаю съ великимъ удовольствіемъ. — Увѣдомь наконецъ, основалъ ли ты новую жизнь свою, и какъ располагаешь временемъ? Приказаніе твое исполнилъ; всѣмъ отъ тебя кланялся, и всѣ приняли поклоны твои съ благодарностію, всѣ, кромѣ Венгерца, которой, думаю, уѣхалъ въ Венгрію за хорошимъ виномъ. — Прости, мой милой другъ, *не свѣтской*, по словамъ твоимъ. Ничего не скажу о моемъ сердечномъ расположеніи. Настасья Ивановна очень довольна письмомъ твоимъ, хочетъ отвѣчать на этой почтѣ, но не

хочетъ показывать мнѣ своего письма; слѣдственно тутъ будетъ что нибудь обо мнѣ. Браните меня какъ хотите; лишь только любите. Прости, милой.

72.

Москва, 17 Іюня, 1797.

Нѣжные упреки въ письмѣ твоемъ мнѣ очень пріятны, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! Не хочу извиняться; скажу только, что *бесѣда* твоя никогда не могла быть для меня скучною—никогда! Въ человѣческомъ сердце много слабостей, въ моемъ довольно; однакожь я поѣхалъ тогда къ *Вор.* совсѣмъ не для того, чтобы забавлять ихъ сказками, *за-Аббата* и радоваться одобрительною улыбкою молодыхъ дамъ. Впрочемъ думай какъ хочешь; только люби меня хорошенько, мой милой другъ и братъ! Меланхолическая мысль твоя, что мы можетъ быть никогда уже не увидимся въ здѣшнемъ свѣтѣ, меня огорчаетъ....Конечно; почему знать? Только я никакъ не хочу тужить по тебѣ: оставайся ты! Мнѣ что-то все очень грустно, хотя и *не жгу теперь груди своей передъ каминомъ*. Желаю только спокойствія Настасьѣ Ивановнѣ и семейству ея. Естьли жизнь моя нужна въ свѣтѣ, то развѣ для нее; не смотря на частыя и смѣшныя ссоры, она очень любитъ меня. Я также сердечно къ ней привязанъ. Чрезмѣрно безпокоюсь, мой милой другъ, о *другомъ* человѣкѣ; она поѣхала изъ Москвы больная, увѣривъ меня самымъ нѣжнымъ, самымъ трогательнымъ образомъ въ любви своей. Не знать, что съ нею дѣлается! жива ли, здорова ли она! Писать — но можетъ быть ей не отдадутъ письма моего. Однакожь рѣшусь. Часто вижу печальные сны, и дѣлаюсь суевѣрнымъ. Клянусь Богомъ, что готовъ отказаться отъ любви ея, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была жива, здоро-

ва и щастлива? — Сію минуту получилъ письмецо твое отъ 11 Іюня, въ которомъ ни слова не говоришь о другомъ письмѣ моемъ: развѣ ты не получилъ его? я на одной почтѣ писалъ къ Гавр. Роман. и къ тебѣ. — Отъ него имѣю отвѣтъ. Увѣдомь, естьли перемѣнишь квартеру; я и теперь адресую письмо въ домъ Дирина. — Люби и ласкай Александра Алексѣевича. Онъ доброй и милой человѣкъ.

Обнимаю тебя, друга сердечнаго. Желаю тебѣ успѣховъ въ бухгальтеріи, а всего больше здоровья. Прости, милой братъ! мнѣ полюбилось это имя. Прости и люби!

73.

Москва, Іюля 6, 1797.

Милой другъ мой Иванъ Ивановичь! сердечно благодарю тебя за послѣднее письмо твое: оно очень ласково. Я какъ ребенокъ: люблю, чтобы меня ласкали друзья мои. Друзья! какъ будто бы ихъ у меня много! Первой, другой — и только что не обчелся. Вчера возвратился я въ Москву ночью, съ простудою, и въ превеликой усталости; нашелъ письмо твое, прочиталъ его два раза, и легъ на постелю въ пріятномъ расположеніи духа. Очень, очень люблю тебя. — Для разсѣянія ѣздилъ я по московскимъ окрестностямъ, видѣлъ прекрасныя мѣста и жалѣлъ, что у насъ не умѣютъ ими пользоваться. Черезъ нѣсколько дней опять куда нибудь поѣду. Между тѣмъ всякой день брожу еще пѣшкомъ, и такимъ образомъ дѣлаюсь перипатетическимъ философомъ. Радуюсь сердечно, мой милой другъ, что Александръ Алекс. заслужилъ твою пріязнь. Въ письмахъ твоихъ не можетъ онъ нахвалиться твоею ласкою, и благодаренъ тебѣ какъ нельзя больше. Онъ уменъ, любезенъ и скроменъ. Скажи мнѣ что нибудь о Дм. Ив. Затрапез. Здоровъ ли онъ? Скажи и ему что нибудь обо мнѣ. Ты знаешь мысли мои о его до-

стоинствахъ. — Исполняя твою волю, велю перепечатать тотъ листъ Аонидъ, въ которомъ напечатаны были стихи твои къ Деліи. — Нѣтъ ли въ Петербургѣ Voyage de Brydon en Italie? и что стоитъ? Книгопродавцы наши не получили еще ни одной книжки нынѣшнимъ лѣтомъ. Слышно, что нынѣшніе цензоры тому причиною, и что всѣ присланныя изъ чужихъ краевъ книги лежатъ въ Рижской и Петербургской таможнѣ.—Обнимаю тебя, любезнаго. Прости.

PS. Письма твои буду прятать, а не жечь.

74.

Москва, 10 Августа 1797.

Здравствуй, здравствуй, мой любезнѣйшій Академикъ, Оберъ-Прокуроръ, Статскій Совѣтникъ, и проч. и проч. Сердечно, сердечно радуюсь. Сдѣлалось то, чего тебѣ хотѣлось. Будь щастливъ, мой милой! Ты достоинъ всѣхъ лучшихъ даровъ Фортуны. Во всѣхъ твоихъ удовольствіяхъ беру и буду всегда брать искреннее, живое участіе. Александръ Алексѣевичь полюбилъ тебя всею душою и чувствуетъ всю цѣну твоей пріязни; онъ ее заслуживаетъ. — Я, мой другъ, надѣюсь когда нибудь сдѣлаться философомъ. Лѣтъ за десять передъ симъ, или больше, Н. И. Новиковъ, закладывая въ воспитательномъ домѣ свой домъ и деревню, просилъ меня быть въ числѣ *личныхъ* порукъ. Теперь выходитъ всей суммы около 150,000 рублей, и велѣно описать наше имѣніе; хотѣли даже описать и мои книги, и мои фраки. Такимъ образомъ я лишусь, можетъ быть и послѣдняго. Повѣришь ли, что это меня не трогаетъ? Если бы только мои Плещеевы могли выпутаться изъ долговъ, я согласился бы работать день и ночь для своего пропитанія.—Прости, мой милой другъ! Другое тревожитъ меня. Она живетъ или

страдаетъ въ 10 верстахъ отъ Москвы, больна, кровь льется изъ груди, и я не могу видѣть ее! — Прости. Бридона мнѣ уже не надобно. Сочиненія Гаврила Романовича въ ценсурѣ; скажи ему. Обнимаю тебя.

75.

Москва, 31 Авг. 1797.

Здравствуй, мой милой другъ! Больно слышать мнѣ о твоихъ безпокойствахъ, о твоемъ слабомъ здоровьи. «Боги ничего не даютъ даромъ», говорили Греки: «они все продаютъ, и за дорогую цѣну». Тѣ же Греки называли необходимость *золотою*; это золото часто кажется намъ сусальнымъ, но что же дѣлать? Надобно какъ можно равнодушнѣе покаряться уставу Судьбы. Жизнь есть игра; et très souvent ce jeu ne vaut pas la chandelle. Faisons toujours bonne mine! Старость еще отъ тебя далека, а будущее неизвѣстно. Я имѣю нѣкоторое право говорить о твердости; говорю и не краснѣюсь.—Читай свои экстракты, господинъ Оберъ-Прокуроръ; но хотя изрѣдко, хотя одною строкою увѣдомляй меня о своемъ здоровьи. Люблю тебя всею душою; желаю тебѣ какъ можно болѣе удовольствій, какъ можно менѣе неудовольствій — и мысленно обнимаю моего друга.

76.

Москва, Ноября 16, 1797.

Ты долго не писалъ ко мнѣ, я долго не писалъ къ тебѣ; и такъ развѣ мы оба виноваты. Люблю тебя сердечно, мой милой Иванъ Ивановичъ, и разлюбить не могу. Ни явно, ни тайно не виню тебя, для того что вины твоей не знаю. Ты добръ и меня любишь; я не женщина и не взыскателенъ: какому же разрыву быть между нами? Всегда буду благодаренъ тебѣ, когда меня вспомнишь; и конечно,

не останусь должникомъ твоимъ въ знакахъ нашей взаимной дружбы.

Какъ ты проводишь время, могу вообразить себѣ; какъ я живу.... едва ли стоитъ того, чтобы говорить. Главная печаль моя тебѣ извѣстна: нещастное состояніе Алексѣя Александровича. Все другое безпокоитъ меня теперь гораздо менѣе. Дальновидныхъ плановъ никакихъ не имѣю. Не ползаю передъ щастьемъ—нѣтъ! Le dos contre le dos. Когда сердце мое по старой привычкѣ вздохнетъ, заговоритъ, велю ему молчать. Надежда есть кокетка; ищетъ только рабовъ; обманетъ и посмѣется. Правда, что зѣваю не рѣдко.....

Какъ бѣденъ человѣкъ! Намъ страсти горе, мука,
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука.
Люби — и слезы проливай!
Покоенъ будь — и ввѣкъ зѣвай!

Этотъ *катренъ* сказалъ я одной молодой дамѣ, задремавъ подлѣ нее на диванѣ. Mais je fais encore des vers galants. Двѣ женщины въ маскахъ, въ плащахъ, подошли ко мнѣ въ маскарадѣ. Я узналъ ихъ, и сказалъ:

Ничто, ничто сокрыть Любезныхъ не могло!
　　На васъ и маска какъ стекло.
Прелестные глаза прелестныхъ обличаютъ;
Подъ маскою они не менѣе сіяютъ.
　　Взглянулъ — и сердце мнѣ
　　Сказало: *вотъ онъ!*

Одна изъ нихъ насадила у себя въ кабинетѣ *маленькой лѣсочикъ*, и хотѣла, чтобы я вдругъ написалъ къ нему стихи. Муза моя большимъ кускомъ мѣла въ минуту начертала на стѣнѣ слѣдующіе:

Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собственной рукой:
Кому же посвятила? —
«Богинѣ прелестей». — И такъ себѣ самой!

У другой, очень любезной женщины есть табакерка, на которой изображены *мраморной* столбъ и ландышъ. Что это значитъ? спросили у меня. Я отвѣчалъ:

Любезное глазамъ какъ *цвѣтъ* весенній тлѣнно
Любезное душѣ какъ *мраморъ* неизмѣнно.

Вотъ еще *катренъ* на эхо:

Мнѣ часто эхо измѣняетъ.
Твержу: «Милены не люблю!»
Но эхо въ рощѣ отвѣчаетъ:
Люблю!

Видишь, что и въ Москвѣ пишутъ стихи едва ли хуже вашего Сотника Родіона Чернявскаго!

Издатель французскаго *Сѣвернаго Зрителя* требовалъ отъ меня *чего нибудь.* Я послалъ къ нему: Un mot sur la litterature russe. Письмо мое напечатано въ Октябрѣ мѣсяцѣ журнала; но я не имѣю еще этой книжки.

Обнимаю тебя, моего друга. Поцѣлуй милаго Плещеева. Прости. — Скажи Александру Алексѣевичу, что я нынѣ *весь* въ италіянскомъ языкѣ; сплю и вижу Метастазія; его Libertà знаю наизусть. Прости, милой Оберъ-Прокуроръ. Люблю тебя всѣмъ сердцемъ.

77.

Москва, 10 Дек. 1797.

Милой мой Иванъ Ивановичь!

Письмо твое меня очень обрадовало. Дружба твоя кажется не простываетъ отъ Сенатскихъ дѣлъ; а это сердцу моему несказанно пріятно. Будь увѣренъ, милой другъ, что любовь твоя не переживетъ моей. По своему сердцу суди и о моемъ. Даю тебѣ *бланкетъ*: пиши за меня всѣ возможныя дружескія увѣренія—я подписываю, и не отопрусь отъ своей руки, пока будешь меня любить.

Воображеніе твое по старой привычкѣ все еще рисуетъ каррикатуры. *Спрятался въ свой кабинетъ, всунулъ спину свою въ каминъ*, etc.! Повинуясь твоимъ мыслямъ, я живо представилъ себя въ этомъ положеніи, и засмѣялся. — Нѣтъ, нѣтъ! Милая и нещастная вѣтреница скатилась съ моего сердечнаго горизонта безъ грозы и бури. Осталось одно нѣжное воспоминаніе, какъ тихая заря вечерняя. Но я все еще не попадаю въ долину Іосафатову; все еще на морѣ какъ Симбадъ мореходецъ! Боюсь кораблекрушенія, но распускаю парусы! Досадное сердце не слушается разсудка, твержу наизусть Эпиктета

Mais, hélas! on a beau faire,
Le coeur y revient toujours —

Il revient à son penchant naturel; il demande à aimer! Приманки соблазнительны. Какъ птичка лечу въ сѣти; какъ рыбка берусь за уду. Однакожь я еще довольно спокоенъ. На правой и на лѣвой сторонѣ вижу берегъ. Знаю, что такое женщина, что такое фантомъ любви, и въ самой неосторожности надѣюсь быть осторожень.

Теперь прозьба. Ради Бога, мой милой, увѣдомь какъ можно скорѣе Настасью Ивановну, получено ли въ новомъ Департаментѣ Сената, то есть въ департаментѣ нерѣшеныхъ дѣлъ, отъ имени Плещеевыхъ прошеніе о производствѣ ихъ дѣла съ Барятинскимъ. Ты знаешь, что отъ Сената была публикація: «естьли кто въ назначенной срокъ не представитъ прозьбы о рѣшеніи своего дѣла, то процессъ будетъ уничтоженъ». Ихъ дѣло, кажется, подъ № 42; отъ него зависитъ ихъ благосостояніе. Естьли меня любишь, то потрудишься справиться не откладывая. Бумага ихъ могла пропасть на почтѣ; можетъ быть не записана въ Сенатѣ; между тѣмъ срокъ проходитъ. Настасья Ивановна писала къ Оберъ-Секретарю Ананьевскому. Ты вѣрно его знаешь: милой! спроси у него, получилъ ли онъ ея письмо? Онъ былъ очень знакомъ съ ея отцомъ, Иваномъ Яковлевичемъ Протасовымъ, и можетъ быть что нибудь для нее сдѣлаетъ. Прошу тебя усильно.

Прилагаю Quelques idées sur l'amour. Не сказывай никому, что эта піеса моя. Я назвалъ ее сочиненіемъ одной дамы; и такъ не противорѣчь мнѣ.

Сочиненія Гавр. Роман. дѣлаютъ мнѣ множество хлопотъ. Ценсоры остановили въ печати два листа, а онъ упрямится, и не хочетъ перемѣнить замѣченныхъ ими мѣстъ. Что же пользы? Въ типографіи остановка, убытокъ, а мнѣ съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе.

Объ Аонидахъ и думать нечего. Ты не имѣешь времени писать, а мнѣ танцовать на сценѣ съ московскими нашими стиходѣями какъ-то большой охоты нѣтъ. Къ тому же я теперь въ разсѣяніи и долженъ еще работать для кошелька: переводить, собирать матеріалы для христоматіи. Обнимаю тебя, милаго моего друга.

Quelques idées sur l'amour.

On dit, que ce seroit à un homme, dont le coeur est enflammé d'amour, à écrire sur l'amour.

Mais dans cet état passif il n'est capable d'aucune combinaison d'idées; il n'a pas cette liberté d'espit qui lui seroit necessaire pour se separer de ses sensation, les approfondir, analyser, decomposer, voir leur but, leur ensemble, leurs nuances. Comme un homme, luttant contre la mort dans les flots d'un rapide torrent, n'a qu'un seul sentiment: celui de son péril; n'a qu'un seul desir: celui de se sauver par tous ses efforts—un amant, au fort de sa passion, ne sent aussi que son amour; ne desire aussi que de s'unir à son objet sous tous les points de contact. Toutes les facultés de son ame, l'attention, la raison, le jugement, sont frappés de néant; sa sensibilité ne se porte que d'un seul côté; ce n'est qu'un élan vers son amante chérie. Il craint la reflexion: elle interromproit le sentiment qui remplit son cœur, et dans lequel il vit pour être mort à tout le reste. Ce n'est que quand il revient à lui-même; ce n'est que quand l'orage de la passion se dissipe peu-à-peu, qu'il vous parlera de la force de l'amour qu'il vient d'eprouver; c'est à dire, il essaiera de faire la copie d'un original absent, de peindre par souvenir. La copie peut être bien belle, mais il lui manquera toujours quelque chose, et même beaucoup, beaucoup pour la parfaite ressemblance. Les souvenirs ne sont que des ombres vacillantes; un certain voile les couvre et en detruit l'harmonie, qui fait l'ensemble, l'expression, l'ame de l'objet. J. J. Rousseau, mourant d'amour pour md. d'Houdetôt, auroit brulé les lettres les plus passionées de son Heloise, parce qu'il les auroit trouvées trop froides.

Qui est ce qui nous peindra donc l'amour? Personne;

tel qu'il est dans le cœur des amans passionés, avec toute son énergie brulante, toute son effervescence delicieuse, personne. Mais on en a tant parlé? Oui; precisement parce que l'on n'a jamais sû en dire assez.

Celui qui n'a jamais eprouvé de grandes passions, croit ordinairement qu'on les exagere dans les romans; mais celui qui en a ressenti la violence, sait qu'il seroit plus facile de peindre à l'esprit l'immensité ou l'éternité, que de tracer par quelques traits de plume, la toute puissance de l'amour.

En nous decrivant quelques effets de cette passion, on croit la peindre elle-même; c'est comme si l'on disoit que le feu du soleil dans son foyer doit être bien chaud, parce que ses rayons raniment quelque-fois une mouche gelée!.... Ah! un vrai amant mourroit mille fois pour sa maitresse et ne feroit encore rien pour elle, rien de ce que son cœur voudroit faire pour lui prouver l'immensité de son amour.

Le courage d'un Scevola, livrant sa main au feu devorant et souriant de mépris pour le terrible ennemi de Rome; celui d'un Regulus retournant volontairement à Carthage pour y mourir dans les supplices les plus effrayans — tout cela disparoit devant le courage d'une foible femme, mais qui aime, mais qui se trouve dans le cas de faire des sacrifices pour son ami chéri.

C'est un délire sublime de la sensibilité, le feu le plus sacré qui brule dans nos ames et les éleve au-dessus de l'humanité. Le coeur d'un amant s'abreuvant, s'enivrant d'amour, s'unissant, se confondant avec celui de son amante, touche le ciel dans les extases de felicité, se perd, se retrouve dans le sentiment de son bonheur et s'y perd de nouveau. Des amans pareils sont, aux yeux de la Divinité, le plus beau spectacle sur la terre; ils se divinisent eux-

même par leurs sentimens, et s'il n'y en avoit que deux dans le monde, rempli de millions de méchans, le Ciel dans son juste courroux en seroit désarmé, et le genre humain n'aurait point à craindre de perir comme la ville de Sodome.

Examinez toutes les autres passions, et malgré les noms pompeux qu'on donne à leurs idoles, leur culte laisse toujours dans l'ame un certain vuide qui nous prouve leur insuffisance pour notre bonheure; mais une ame, aimante avec toute son énergie innée, seroit seule, avec l'objet de son affection, parfaitement heureuse dans l'univers, si l'univers n'etoit qu'un desert immense.

En voulant nous expliquer la felicité de la vie future, on nous dit, que nos ames y trouveront la plus pure jouissance dans la contemplation éternelle de Dieu: eh bien, les amans ont deja ici-bas l'avant-goût de cette felicité, dans le plaisir qu'ils ont à se devorer de regards; quant aux autres, ils ne comprennent rien à cette explication.

Un grand ecrivain a dit, qu'excepté le plaisir physique il n'y avoit rien de bon, rien de naturel dans l'amour. Ce grand ecrivain avoit une bien petite ame. Le plaisir physique n'est rien dans le veritable amour; l'objet en est trop saint, trop divin à nos yeux, pour exciter des desirs; les sens sont tranquilles quand le cœur est agité et il l'est toujours dans cette passion. Elle n'est pas naturelle, dit-il: peu d'ames en sont susceptibles, j'y consens; mais l'energie de ces ames ne se developpe que par ce sentiment; il faut qu'elles l'eprouvent, ou bien elles ne feront que languir dans la vie, devorées par le besoin d'aimer.

Un sentiment dénaturé pourrait-il être si puissant dans notre ame, au point d'absorber toutes les facultés, toute son activité? Attribuera-t-on ce miracle à la force de l'ima-

gination? Non, non! Les créations n'ont jamais cette chaleur brulante qu'un cœur passioné ressent dans les élans rapides! Non, c'est la nature, c'est elle-même, c'est sa force invincible qui nous éleve à cette sublimité de l'amour.

O vous, dont le cœur ardent retrouve dans ses sentimens la verité de mes idées, amans passionés, vous qui dans vos étreintes délicieuses savez oublier même jusqu'au mépris dû aux detracteurs de votre felicité! Vous serez toujours l'objet de mon culte; je vous porterai en offrande les larmes de mon cœur; je l'echaufferai au feu du votre, et je serai encore heureuse de votre bonheur. L'opinion des hommes froids et pervers peut-elle jetter quelques ombres sur vos ames rayonnantes? Peuvent-ils, ces êtres vils et méchans, mettre des obstacles à votre sainte union? Vous vous aimez: donc la bénédiction du Ciel est sur vous; vous êtes époux, et rien ne doit vous arreter. Mais la terre, rebelle aux loix du Ciel, s'ouvre quelquefois entre vous, et des abymes immenses vous separent: franchissez-les, ou bien perissez ensemble; c'est encore échapper à l'atteinte de la méchanceté; c'est encore être heureux en dépit d'elle! Mourir avec ce qu'on aime est si doux! Un Dieu juste et bon vous ouvre son sein paternel, vous, les enfans les plus chéris, parceque vous avez su aimer; et là, au mileu des intelligences celestes, votre bonheur sera sans fin, parce que votre amour sera éternel.... Et s'il n'y avoit ni avenir, ni Dieu; si tout n'etoit qu'illusion et poussière.... mourez toujour; vous avez vecu, vous avez savouré les plus purs délices de la vie; vous n'avez plus rien à faire dans le monde.

Par md. de Lim***

78.

Москва, 31 Дек. 1797.

Въ послѣдній день года пишу къ моему милому другу, желая, чтобы онъ встрѣтилъ новой годъ съ веселою улыбкою, провелъ его какъ можно лучше, любилъ меня какъ можно больше, писалъ ко мнѣ какъ можно чаще, жаловался на судьбу свою какъ можно рѣже, и проч. и проч.

Благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за исполненіе моей прозьбы и за отвѣтъ Настасьѣ Ивановнѣ.

Мысли мои *о любви* брошены на бумагу въ одну минуту; я не думалъ писать трактата, а хотѣлъ единственно сказать, *по тогдашнему моему чувству*, что любовь сильнѣе всего, святѣе всего, *несказаннѣе* всего. Философія и страстная любовь не могутъ быть дружны, мой милой Иванъ Ивановичь. Первая пишетъ только сатиры на послѣднюю; а тогда *жить и любить* было для меня одно. Разсуждать о страстяхъ можетъ только равнодушной человѣкъ; не въ бурю описывать бурю.

Графиня Авдотья Ивановна Воронцова, которую ты видѣлъ въ домѣ у Бѣлосельскаго, очень довольна, что тебя узнала лично. Она хорошая женщина и любитъ стихи, даже Рускіе.

Говори мнѣ всегда о терніяхъ и розахъ жизни своей. Приходы и расходы твои соразмѣрны ли? Милая рука бросаетъ ли цвѣточки на скучной путь твой по лѣсамъ и болотамъ Ерихонскимъ? Я къ совмѣстницамъ не ревную тебя; иное дѣло совмѣстники.

Еще impromptu или *назови какъ хочешь:*

Делiины слова.

О время! знаю власть закона твоего.
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;

Но нѣжность сердца моего
Останется со мною:
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ.

Печаль и радость.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другой *боязнь* дана.

Эпиграмма на жизнь.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.
Читаемъ по складамъ, смѣемся, плачемъ.... спимъ.

Нѣжно, нѣжно обнимаю милаго моего друга!

79.

Москва, 18 Генв. 1798.

Здравствуй, мой милой другъ! Благодарю тебя за дружеское письмо и за всѣ твои добрыя желанія. Согласенъ, чтобы весь 98-й годъ былъ для меня похожъ на конецъ 97-го. Восторги рѣдки и дороги; ихъ почти страшно желать, особливо за тридцать лѣтъ; довольно, чтобы не очень безпокоиться, не очень скучать, имѣть нѣкоторыя удовольствія, чувствовать иногда свою цѣну, рѣдко на себя досадовать — такъ я, кажется, заключилъ прошедшій годъ, и такъ хотѣлъ бы жить въ теченіе нынѣшняго; въ концѣ стараго написалъ разговоръ о щастьи, а въ началѣ новаго вздумалъ писать о скукѣ! Философія можетъ утѣшать насъ по временамъ; но жизнь, потерявъ свою новость для сердца, течетъ медленно, томно, вопреки всѣмъ прекраснымъ теоріямъ мудрости. Судьба моя во власти Провидѣнія; но мнѣ

не хотѣлось бы дожить до старости. Лучше жить не долго, да умереть хорошо, то есть покойно, тихо, безъ большаго страданія.

Вхожу въ твои чувства — и вѣрю, что наше Руское честолюбіе не ослѣпляетъ тебя. Отъ всего сердца желаю, мой любезнѣйшій другъ, чтобы ты нашелъ способъ жить болѣе по своему вкусу. Безпокойство твое о родныхъ мило и показываетъ всю доброту твоего сердца. Я знаю, какъ горестное положеніе любимыхъ людей тревожитъ душу!.... Нещастье въ здѣшнемъ свѣтѣ привязывается со всѣхъ сторонъ къ чувствительнымъ сердцамъ; не свое, такъ чужое, а все мучитъ ихъ.

У меня нѣтъ копіи съ письма моего къ издателю Французскаго Сѣвернаго Зрителя; оно напечатано въ Октябрѣ мѣсяцѣ журнала; естьли захочешь, то можешь найти его въ Петербургѣ. Издатель и читатели довольны; требуютъ еще, но я лѣнивъ. Развѣ мѣсяца черезъ два пошлю извлеченіе изъ новаго Русскаго Романа, который можетъ быть никогда не выдетъ на Русскомъ языкѣ.... хочешь знать титулъ? *Картина жизни*; но эта картина извѣстна только самому живописцу или маляру; и не глазамъ его, а воображенію.

Прости, милой другъ! Обнимаю тебя со всею дружескою горячностію. Буду у Платона Петровича, увижу вторую часть твоихъ стиховъ и съ удовольствіемъ буду читать корректуру. Радъ искренно, что ты не совсѣмъ забываешь Музъ. — Прости.

80.

Москва, 11 Февр. 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ! Я имѣлъ сердечное удовольствіе распрашивать о тебѣ у Дм. Полтарацкаго, которой, по его словамъ, видалъ тебя часто у Генералъ-Прокурора.

Напримѣръ, онъ сказалъ мнѣ, что ты говоришь объ дѣлахъ какъ профессоръ законовъ; что ты одѣваешься какъ придворной, и проч. и проч.

Мнѣ казалось, что *такъ* надобно было писать о Руской литературѣ для *иностранцевъ* слегка, безъ дальныхъ подробностей, съ оборотомъ à la françoise. Означенныя мною картины и чувства изъ русскихъ пѣсенъ не совсѣмъ выдумка; есть à-peu-près — чего и довольно. Отъ меня требовали *нѣсколько строкъ* о Руской литтературѣ вообще и при томъ извлеченія изъ моихъ писемъ. Но что объ этомъ говорить? Надобно писать, какъ намъ кажется; а другіе пусть судятъ, какъ имъ кажется.

Твои стихотворенія теперь переписываются. Я радъ читать корректуру, но не могу отвѣчать, чтобы совсѣмъ не было опечатокъ; проклятыя хоть какъ, такъ вкрадутся.

Настасья Ивановна не больна, однакожь и не очень здорова. Ты не ко мнѣ писалъ объ ея дѣлѣ, а къ ней самой: получивъ, я тотчасъ отдалъ ей письмо твое.

Прости, мой любезнѣйшій другъ, я не совсѣмъ здоровъ; отъ дурнова времени простудился. Видишь ли ты иногда Д. И. Затрапезнова и А. А. Витовтова. Скажи имъ отъ меня дружеское слово. Мысленно тебя обнимаю. Прости, мой другъ!

81.

Москва, Марта 1, 1798.

Salut et amitié, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь! Здоровъ ли ты? привыкъ ли наконецъ къ своей Оберъ-прокурорской должности? легче ли для тебя работа?

Я также работаю, то есть перевожу лучшія мѣста изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ; иное

для идей, иное для слога. Греки, Римляне, Французы, Нѣмцы, Англичане, Итальянцы: вотъ мой магазинъ, въ которомъ роюсь всякое утро часа по-три! Мнѣ надобно переводить для кошелька моего; а какъ благоразумie велитъ осыпать необходимость цвѣтами, то я въ разсужденiи переводовъ сочинилъ для себя огромной и *новой* планъ, которой мнѣ *пока* очень нравится и оживляетъ трудъ охотою. Посмотримъ, каково будетъ Цицероново, Бюффоново, Жанъ-Жаково краснорѣчie на Рускомъ языкѣ! Между тѣмъ не все для слога; многое помѣщу въ этомъ цвѣтникѣ и для любопытства, для историческаго свѣдѣнiя, для женщинъ, изъ новыхъ журналовъ, изъ книгъ не очень извѣстныхъ. Даже и восточная литтература входитъ въ планъ.—Матерiялы готовятся; изрядная тетрадь лежитъ у меня передъ глазами; дней черезъ десять отдамъ въ цензуру первой нумеръ. Вотъ тебѣ моя литтературная новость! Прости, мой милой!

82.

Москва, 15 Апрѣля 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшiй Иванъ Ивановичь!—Все, что ты сдѣлаешь по дѣлу Настасьи Ивановны, почту я за великое одолженie; и собственное твое доброе средце будетъ тѣмъ конечно довольно. — Платонъ Петровичь сказывалъ мнѣ, что ты въ письмѣ своемъ къ нему жалуешься на худое здоровье: долго ли тебѣ быть хилымъ? Учись у меня быть здоровымъ: во всякое годовое время, и во всякомъ расположенiи духа. Ты разсмѣялся на мой счетъ: я люблю, чтобы друзья мои смѣялись; не люблю только, чтобы они бранились. Впрочемъ ни Orlando furioso, ни щастливой Медоръ нейдутъ со мною въ паралель.

Перевожу, печатаю свой Пантеонъ, имѣю иногда пріятныя минуты, иногда очень безпокоюсь, всегда очень люблю тебя. Прости, милой другъ! Пиши хотя изрѣдка.

83.

Москва, 29 Апр. 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! О дѣлѣ напередъ; и такъ скажу тебѣ, что надобно Настасьѣ Ивановнѣ. У нихъ, какъ тебѣ извѣстно, дѣло съ Барятинскими въ департаментѣ старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ подъ № 42, кажется. Имъ хочется знать, скоро ли оно можетъ дойти до слушанія, и надобно ли имъ прислать повѣреннаго, или дѣло само собою по очереди рѣшится безъ дальняго ходатайства? Они уже отозвались на публикацію отъ Департамента, и черезъ почту прислали прозьбу въ Сенатъ о рѣшеніи дѣла. Ты самъ увѣдомлялъ, что прозьба Плещеевыхъ тамъ получена. И такъ (еще повторяю) довольно ли этова отзыва или надобно еще имѣть хожденіе по дѣлу? Слышно также, что иныя дѣла обходятъ по очереди, то есть, что на очередь не смотрятъ, а рѣшатъ тѣ, которыя предлагаются къ рѣшенію Генералъ-Прокуроромъ. Такъ ли это? И въ такомъ случаѣ нельзя ли тебѣ молвить слово, чтобы дѣла Плещеевыхъ не обходили, а рѣшили въ очередь? Мой другъ! кланяюсь тебѣ почти въ ноги: не полѣнись и сдѣлай. Пишу, кажется, довольно ясно. Но вы, дѣловые люди, не очень входите въ прозьбы и скоро забываете. Напримѣръ, я два раза писалъ къ тебѣ объ этомъ дѣлѣ; ты обѣщалъ стараться, и вдругъ опять спрашиваешь, что такое надобно Настасьѣ Ивановнѣ!! Мой другъ! Я немного знаю слабую сторону людей; но мнѣ не хочется сказать тебѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ: *и ты, Брутъ?* О себѣ просить я никого не хочу, ни самыхъ тѣхъ, которые

увѣряютъ меня въ отмѣнной благосклонности — ни самыхъ даже друзей моихъ; но о друзьяхъ прошу смѣло, не краснѣясь, и готовъ снести грубой отказъ. Къ тому же прозьба моя справедлива, не безразсудная. Тебѣ надобно только спросить и, естьли нужно, попросить *о законномъ рѣшеніи дѣла въ очередь*. — Я изъяснился; поставимъ точку.

Листовъ семь Пантеона пошлю къ тебѣ на той почтѣ. Время и у насъ хорошо, но я худо имъ пользуюсь.

Прости, мой другъ! Будь здоровъ, благополученъ и грусти развѣ только о каминахъ.

Любитъ тебя всею душою

твой другъ Н. Карамзинъ.

84.

Москва, 3 Іюня 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Письмо твое, полученное мною съ кн. Бѣлосельскимъ, очень невесело. Видно, что хлопоты Сенатскія не по твоему сердцу. Я разсмѣялся твоей мысли жить переводами! Руская Аиттература ходитъ по-міру, съ сумою и съ клюкою: худая нажива съ нею! Не подумай, чтобы я боялся имѣть въ тебѣ совмѣстника, будучи самъ записнымъ переводчикомъ; ты бы мнѣ не помѣшалъ. Я издаю *Пантеонъ*, а ты могъ бы издавать *Политеонъ*; всякой бы изъ насъ шелъ своею дорогою — но дѣло состоитъ въ томъ, что содержатели типографіи не богатѣютъ, и смотрятъ Сентябремъ на переводчиковъ. — Все еще не посылаю къ тебѣ вышеупомянутаго *Пантеона;* его на выпускаютъ изъ типографіи безъ ценсорскаго позволенія; но черезъ нѣсколько дней вѣрно получишь всю I часть. — Бѣлосельской все также милъ; искренно люблю его. Что ска-

жу о себѣ?... Сладкое и горькое, все перемѣшано въ моей чашѣ; боюсь, чтобы послѣднее не заглушило перваго. Обнимаю тебя нѣжно. Будь какъ можно щастливѣе!

85.

Москва, Іюня 17, 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Видно, что приказныя хлопоты не свойственны душѣ твоей, когда онѣ такъ тревожатъ и гнетутъ ее. Слѣдственно дорого платишь ты за свое оберъ-прокурорство. *Для такихъ упражненій надобно, имѣть самую холодную и песчаную душу;* иначе бѣдная пропадетъ съ грусти. Лѣнивые верблюды проходятъ благополучно мертвыя степи Каменистой Аравіи: гордой, пламенной конь томится, сохнетъ, умираетъ среди песчаныхъ ея морей. Ты будешь жить

Но все тужить!

Для чего я рѣдко пишу? Думаю, что тебѣ нѣтъ времени, часто ко мнѣ писать; а я люблю получать отвѣты на письма. Зная нѣсколько сердце человѣческое, знаю и то, что переписка со мною въ теперешнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть для тебя очень интересна. Увѣренъ въ дружескомъ твоемъ ко мнѣ расположеніи, но увѣренъ и въ томъ, что ты среди своихъ хлопотъ, надеждъ и страховъ, безъ нѣкотораго принужденія не можешь часто мною заниматься. Однимъ словомъ, скромность, а не лѣнь бываетъ причиною моего молчанія. Гавр. Ром. мнѣ не отвѣчаетъ; видно онъ разсердился — жаль. Пожалуй спроси у него, что онъ прикажетъ дѣлать съ напечатанною книгою. Надобно чѣмъ нибудь кончить. Я долженъ раздѣлаться съ типографіею. Естьли онъ не хочетъ выдавать напечатаннаго, то я брошу все въ огонь, и болѣе не скажу ему ни слова. Эта шутка будетъ мнѣ стоить рублей пять сотъ и поболѣе.

Прости, мой другъ. Люблю и всегда любить тебя буду. Пантеона все еще не могу послать, не имѣя позволенія отъ цензора. Въ мысляхъ обнимаю тебя.

Вѣчной твой другъ

Н. Карамзинъ.

86.

Москва, 27 Іюля 1798.

Желаю всего добраго отъ добраго сердца моему любезнѣйшему Ивану Ивановичу.

Я давно не писалъ къ тебѣ, думая, что ты долженъ мнѣ еще отвѣтомъ на мое послѣднее письмо. Витовтовъ сказывалъ мнѣ, что ты нашъ Д'Агессо, и приказной слогъ знакомишь съ ясною краткостью, чистотою, пріятностью. Vive le Procureur! весело быть первымъ, а мнѣ и послѣднимъ быть мѣшаетъ цензура. Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, которыя могли бы украсить *Пантеонъ*; но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно и Цицерона также — и Саллюстія также....grand Dieu! Что же выдетъ изъ моего Пантеона? Планъ издателя разрушился. Я хотѣлъ для образца перевести что нибудь изъ каждаго древняго автора. Естьли бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на олтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе, ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло! У насъ есть Академія, Университетъ, а Литтература подъ лавкою! Тебѣ сказали съ удивленіемъ, что я танцую! и ты повѣрилъ! Вздоръ мой другъ! Я умѣю по крайней мѣрѣ соблюдать Decorum автора. Мнѣ ли прыгать серною съ кирасирскими офицерами? Я на балѣ то же, что шуба лѣтомъ или *пара-*

соль зимою: вещь самая безполезная, и не трогаюсь съ мѣста, какъ гора Альпійская. Нѣтъ человѣка, которому бы такъназываемый свѣтъ былъ скучнѣе, нежели мнѣ.

Я послалъ къ тебѣ *Письма*, первую книжку Пантеона, Аглаю, и пр. Десяти рублей, о которыхъ пишешь, не получалъ; да и не надобно. Прости, милой! мысленно обнимаю тебя, и буду всегда вѣрнымъ другомъ твоимъ.

Н. К.

87.

Москва, 18 авг. 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Сердечно благодарю тебя за два письма, дружескія и милыя.

Пантеонъ издаю не для Университета, а для Публики, которая не стала бы его читать, естьли бы въ немъ не было ничего, кромѣ Демосѳена, Цицерона и другихъ классическихъ Риторовъ. Въ древности назывались *Пантеонами* храмы, посвященные *всѣмъ* богамъ: и громовержцу Юпитеру и кузнецу Вулкану, и важной Минервѣ и пьяницѣ Силену. Въ наше время называются *пантеонами* мѣста, посвященныя *всѣмъ* удовольствіямъ, гдѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, даютъ маскарады, балы, концерты и проч. *Пантеонъ* Литтературы долженъ быть ничто иное, какъ собраніе *всякаго* рода твореній, и важныхъ и неважныхъ; слѣдственно тутъ можетъ быть и сказка, и отрывокъ, и арабской анекдотъ; иное для слога, другое для любопытства. Естьли бы я переводилъ только самыхъ лучшихъ авторовъ, слѣдственно и самыхъ извѣстнѣйшихъ, то знающіе Французской и прочіе иностранные языки не стали бы читать моего собранія; а мнѣ хочется и для нихъ быть сколько-нибудь интереснымъ — и для того перевожу иное изъ журналовъ, мало извѣстныхъ, единственно для новости; посредственное неизвѣстное лучше

очень-хорошаго извѣстнаго. Однимъ словомъ, это родъ журнала, посвященнаго иностранной Литтературѣ. Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піесъ, непротивныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ обыкновеннымъ Рускимъ — то есть, не совсѣмъ пакостнымъ слогомъ. — Ласъ-Казасъ есть благочестивая піеса; она хороша для многихъ читателей; мнѣ въ ней полюбилась одна мысль. — Для чего не выдаю ничего собственнаго? Для того, что ничего, или почти ничего не пишу, даже и стихами! Голова моя какъ-то все несвободна; то заботы, то неудовольствія, то ..... Богъ знаетъ, что. Однакожь все сбираюсь; и выдавъ книжки три Пантеона (NB. для подспорья кошельку своему), вѣрно что-нибудь начну или начатое кончу. Только ценсура какъ черной медвѣдь стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придираются. Я кажется и самъ могу знать, что позволено и чего не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное. — Развѣ сообщить тебѣ какое нибудь impromptu!! Изволь. Я увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ. Вотъ надписи:

1.

(на голову.)

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало,
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

2.

(на глазную повязку.)

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

3.

(на сердце.)

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

4.

(на пальчикъ, которымъ Амуръ грозитъ.)

Награда скромности готова:
Будь щастливъ — но ни слова!

5.

(*на руку.*)

Когда рука
Любовника дерзка,
Не вѣрь ему; но вѣрь, когда она робка.

6.

(*на крыло.*)

Амуръ летаетъ для того
Чтобъ милую найти для сердца своего;

Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ,
И съ милою живетъ.

7.

(*На стрѣлу, которую Амуръ беретъ въ руку.*)

Страшитесь: прострѣлю!
Но кровью вы не изойдете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю!

8.

(*на ногу.*)

Когда любовь безъ ногъ? какъ надобно итти
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости*!

9.

(*на спину Амуру.*)

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

Аониды пришлю къ *моему другу*. — Александръ Алексѣевичь точно женится. Ему скоро надобно быть въ Москвѣ; а теперь онъ, думаю, еще въ Петербургѣ. Прости, мой милой другъ! Обнимаю тебя въ мысляхъ со всею дружескою нѣжностiю.

88.

Москва, 20 Сент. 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Я долго не отвѣчалъ на письмо твое для того, что хотѣлъ отвѣчать стихами; но по сю пору не собрался. *Свѣжихъ* стиховъ нельзя писать безъ углубленія въ самого себя, а меня что-то не допускаетъ продолжительно заняться своими мыслями. Все обѣщаю себѣ, отлагаю до спокойнѣйшаго времени — и перо мое вѣрно бы засохло въ чернилицѣ, естьли бы нужда не заставляла меня переводить, и то очень лѣниво. Иногда забавляюсь только въ воображеніи разными планами. Напримѣръ, мнѣ хотѣлось бы между прочимъ написать два похвальныя слова Петру Великому и Ломоносову. Первое требуетъ, чтобы я мѣсяца три посвятилъ на чтеніе Руской исторіи и Голикова: едва ли возможное для меня дѣло! А тамъ еще сколько надобно размышленія! Не довольно одного Риторства: надлежало бы доказать, что Петръ самымъ лучшимъ способомъ просвѣщалъ Россію; что измѣненіе народнаго характера, о которомъ твердятъ намъ его критики, есть ничто въ сравненіи съ источникомъ многихъ новыхъ благъ, открытымъ для насъ Петровою рукою. Надлежало бы приподнять уголокъ той завѣсы, которою вѣчная судьба покрываетъ свои дѣйствія въ разсужденіе земныхъ народовъ. Однимъ словомъ, трудъ достоинъ всякаго хорошаго автора, но не всякой авторъ достоинъ такого труда.

Ты спросишь: «о чемъ я хотѣлъ писать къ тебѣ въ стихахъ?» Объ Аонидахъ. Теперь скажу прозою, что совсѣмъ еще не оставилъ намѣренія выдать 3-ю книжку; но естьли хочешь, то охотно уступаю тебѣ мое право. съ условіемъ, чтобы ты самъ написалъ нѣсколько піесъ.

Я слышалъ, что ты сочинилъ quatrain на самоубійство Воейкова: пришли его, любезной другъ, естьли онъ подлинно существуетъ.

Теперь спрошу у тебя о важнѣйшемъ дѣлѣ. Правда ли, что мой милой Иванъ Ивановичь думаетъ жениться? Такъ писали ко мнѣ; но я не совсѣмъ вѣрю, судя по содержанію твоего послѣдняго письма. Впрочемъ никто болѣе моего не обрадуется твоей женитьбѣ. Ты конечно бы не ошибся въ выборѣ. — Что принадлежитъ до желанія твоего быть въ Москвѣ, то я вмѣстѣ съ тобою только что желаю, не имѣя надежды. Намъ свойственно роптать на судьбу и между тѣмъ слѣдовать ей; трудно рѣшиться и перемѣнить свою участь. Прости, мой любезнѣйшій другъ! Мысленно тебя цѣлую. Будь щастливъ и люби меня!

89.

Москва, 12 окт. 1798.

Сердечно благодарю тебя за твое дружеское письмо, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь. Я зналъ уже, чего ты лишился. Любезной нашъ Александръ Ивановичь рано убрался на ту сторону, на другой берегъ,

откуда съ вѣстью къ намъ никто не возвращался,

какъ говоритъ Шекспиръ. Разлука и временная и вѣчная, горестнѣе для тѣхъ, которые остаются на мѣстѣ; отъѣзжающему легче. — Сердце твое сказало и говоритъ тебѣ все, что я сказать могу. Оно излилось въ *элегіи*, которая для меня любезна и трогательна своею простотою и чувствомъ.

Въ романсѣ твоемъ очень нравятся мнѣ строфы вторая, четвертая, пятая и послѣдняя. Надгробіе очень мило. Вмѣсто *кроткой* лучше *тихая*. — А я, какъ авторъ, могу изчезнуть заживо. Здѣшніе цензоры при новой эдиціи Ао-

нидъ поставили × на моемъ *посланіи къ женщинамъ*. Такая же участь ожидаетъ и Аглаю, и мои бездѣлки, и письма Руск. Путеш., то есть, вѣроятно, что ценсоры при новыхъ изданіяхъ захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу нежели соглашусь на такую гнусную операцію; и такимъ образомъ черезъ годъ не останется въ продажѣ можетъ быть ни одного изъ моихъ Сочиненій. Умирая *авторски*, восклицаю: да здравствуетъ, Россійская Литтература!— впрочемъ ценсоры крайне обязываютъ лѣнь мою, которая въ ихъ строгости находитъ для себя оправданіе....

.... А пока еще нѣтъ ценсоровъ на чувства нашихъ сердецъ, будемъ любить, что насъ любитъ, и что намъ кажется мило!

Прости, милой другъ! Обнимаю тебя въ мысляхъ со всею дружескою нѣжностью.

PS. Гаврило Романовичь въ письмѣ своемъ сказалъ (говоря о женитьбѣ А. А. Плещеева), что *и ты намѣренъ жениться*. Я согласенъ съ тобою, что *добрую жену* скорѣе можно найти въ Сарептѣ, нежели на сценѣ большаго свѣта и въ такъ-называемой bonne compagnie.

90.

Москва, 8 Ноября 1798.

Здоровъ ли ты, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь! Не имѣю отъ тебя отвѣта на письмо, посланное мною съ Иваномъ Петровичемъ Бекетовымъ. Скажи по крайней мѣрѣ, что ты не боленъ и не забылъ меня.

А я—не боленъ и не забылъ тебя! Лѣнивъ по прежнему, въ надеждѣ быть трудолюбивымъ черезъ нѣсколько времени. Однакожь на сихъ дняхъ отправляю къ тебѣ пакетъ печатныхъ листовъ.

Хочешь ли знать, въ какомъ расположеніи духъ мой? Люди мнѣ почти тошны, а я все еще не могу отстать отъ нихъ, и сержусь самъ на себя. Смотрю на вещи безпристрастнѣе, нежели когда нибудь: тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже! Не люблю свѣта, и боюсь скуки въ уединеніи....

Las du monde, que j'apprecie,
De ce qu'on nomme *amusement*,
Je voudrois lire.... un baillement
Vient m'avertir que je m'ennuie!
Plus de piquante nouveauté!
Tout est dit, tout est repeté.
Le plaisir s'use pour les avis;
Il s'use encore pour les ésprits.

Мысленно обнимаю тебя. Будь здоровъ и люби друга твоего.

Н. Карамзинъ.

91.

Москва, 20 Нояб. 1798.

Здравствуй, мой любезнѣйшій *Дѣйствительный* Статскій Совѣтникъ! Мысленно обнимаю тебя. Будь всѣмъ, чѣмъ ты достоинъ быть — будь щастливымъ!

Естьли хочешь, чтобы я выдалъ третью книжку Аонидъ, то пришли (ради Аполлона!) собранные тобою стихи. Сказываютъ, что коллекція твоя очень богата. Московскія Музы нынѣшній годъ безплодны: зову на помощь Петербургъ. Ты одолжишь меня, естьли пришлешь нѣчто изрядное.

Завтра отправлю къ тебѣ Аониды, 1 кн., и разговоръ о щастьи. Пантеона пришлю три книжки черезъ двѣ недѣли.

Еще разъ обнимаю тебя, моего милаго друга!

Н. Карамзинъ.

92.

Москва, 13 Дек. 1798.

Любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичь!

Очень благодарю тебя и за два послѣднія письма и за пакетъ, отданный мнѣ Гм. Ляпуновымъ, котораго знакомству я радъ искренно, потому что онъ твой пріятель или знакомецъ. Стихи отчасти хороши, отчасти изрядны, кромѣ писаній безъ животворнаго духа; это Петербургской Н—въ. Ты и милостивъ и жестокъ. Какъ можно вымарать всѣ стихи свои? Они для меня всѣхъ дороже. Воля твоя: я воскрешу ихъ, сниму съ креста или крестъ съ нихъ. Если хочешь, можешь что нибудь поправить; только непремѣнно дозволь украсить ими Аониды, естьли хочешь, чтобы Аониды были мнѣ милы. Особливо ни какъ не уступлю тебѣ Романса, Элегіи, на исключеніе изъ оклада Ломоносова потомства, надписи къ Купидону, стиховъ къ Румянцову, къ новорожденной — то есть, все хочу напечатать. Можемъ не поставить внизу ни одной буквы изъ твоего имени; могу никому не сказывать, что это твои стихи; однимъ словомъ, соглашаюсь на всякой договоръ. Нынѣшній годъ я буду почти только издателемъ, не написавъ ничего или очень мало.—Гдѣ мы увидимся, въ Петербургѣ или въ Москвѣ? Думаю, что скорѣе въ первомъ, хотя ты и обѣщаешь сюда быть. Гдѣ бы то ни было, дай Богъ, чтобы мы увидѣлись въ радости.

Въ печатныхъ сочиненіяхъ Гаврила Романовича есть пропуски оттого, что они были въ манускриптѣ. Какая безпечность, послать рукопись въ типографію, не взявъ на себя труда прочитать ее!

Какъ лѣто было жарко, такъ зима холодна. Вы, дѣловые господа, менѣе нашего чувствительны къ дѣйствіямъ

природы; однакожь естьли ты все еще не носишь парика ни à la Titus, ни à la Brutus, ни à la Caracalla, то голова твоя должна теперь очень зябнуть.

Три книжки Пантеона отправлю къ тебѣ дни черезъ три; онѣ у переплетчика. — Прости, милой другъ. Люблю тебя всѣмъ сердцемъ. —Чья пѣсня *договоръ*? Не забудь сказать. Мысленно обнимаю тебя. Скажи что нибудь отъ меня князю Бѣлосельскому. Видишься ли съ Акександр. Алек. Плещеевымъ? Еще разъ прости, милой.

93.

Москва, 30 Дек. 1798.

Сердечно благодарю тебя, милаго друга, за ласковое, нѣжное заключеніе послѣдняго письма твоего; оно меня очень тронуло. Я право думаю быть въ Петербургѣ, только не такъ скоро, отчасти по экономическимъ, отчасти по другимъ обстоятельствамъ: буду же болѣе всего для того, чтобы съ тобою видѣться, поговорить, походить, вмѣстѣ у кого нибудь побывать, вмѣстѣ что нибудь посмотрѣть, etc. Чувствую уже дѣйствіе лѣтъ, которое вливаетъ въ насъ свинцовую тяжесть, гнететъ человѣка къ центру земли и затрудняетъ для него перехожденіе съ мѣста на мѣсто. Но физическая неподвижность не мѣшаетъ моему воображенію летать очень далеко. Когда Руской морозъ заставляетъ меня стучать зубами и стягиваетъ непріятнымъ образомъ всѣ мои фибры, тогда живо представляю себѣ щастливый климатъ Хили, Перу, островов Св. Елены, Бурбона, Филиппинскихъ, и веселюсь мыслію, что тамъ будетъ покоиться прахъ мой, подъ сѣнію вѣчно-цвѣтущихъ, вѣчно-плодоносныхъ деревъ. Тамъ согласился бы я дожить до глубокой старости, разогрѣвая холодную кровь свою теплотою лучей солнечныхъ; а здѣсь

боюсь и подумать о сѣдинахъ шестидесятилѣтія. Однакожь не думай, чтобы я такъ скоро намѣренъ былъ отправиться въ южную часть земнаго шара; нѣтъ, прежде побываю въ Сѣверномъ Петербургѣ, вгостяхъ у моего друга Ивана Ивановича.

Напечатаю, что позволяешь; другое останется въ хаосѣ бумагъ моихъ. Присылай, что хочешь и можешь, на почтовыхъ и на долгихъ. Аониды въ ценсурѣ; но у нихъ будетъ еще хвостикъ.

Обнимаю тебя сердечно. Имѣешь ли наконецъ новыя Делилевы поэмы?

Вѣрной и вѣчной другъ твой
Н. Карамзинъ.

94.

Пророчество на 1799-й годъ, найденное въ бумагахъ Нострадамуса.

Въ сей годъ глупцы и умъ не будутъ — антиподы,
Изъ глазъ мадамы *Шню* *) родится — василискъ,
Нѣмые съ сиднями составятъ — хороводы,
Изъ Рима въ Клинъ шагнетъ Трояновъ — обелискъ,
Поэта Дмитрева разлюбятъ — Аониды,
Оставятъ злыхъ людей въ покоѣ Эвмениды,
Амуръ явится вдругъ съ усами какъ — гусаръ,
Прекраснымъ дѣвушкамъ въ Москвѣ наскучатъ — балы,
Скупые засвѣтятъ безъ свѣчь одни — шандалы,
Чтобъ все воспѣть, родится вновь — Пиндаръ.

---

*) Содержательница кофейнаго дому, славная своимъ безобразіемъ. (Выноска Карамзина.)

Вотъ, что я выписалъ изъ одного Китайскаго журнала и что пришлось на заданныя тобою рифмы, любезной мой другъ Иванъ Ивановичь! Между тѣмъ рекомендую тебѣ вручителя письма, нашего Симбирскаго дворянина, г. Кулебакина. Ты знаешь отца его. Естьли можешь, то помоги ему при случаѣ. Страшные холоды сдѣлали меня полубольнымъ. Принимаю лекарство и браню нашъ климатъ. Здоровъ ли ты? Прошла ли твоя головная боль?— Съ дружескою нѣжностію обнимаю тебя, милаго моего друга.

Н. Карамзинъ.

95.

Москва, 7 Февр. 1799.

Любезнѣйшій мой другъ Иванъ Ивановичь!

Письма на три я не имѣлъ отъ тебя отвѣта, и былъ въ крайнемъ безпокойствѣ о твоемъ здоровьи. Наконецъ двѣ строки твои успокоили меня. Сердечно благодарю тебя за нихъ. Я недѣли три нездоровъ; гемороиды привели меня въ такое разслабленіе, что я не задохнувшись не могу взойти на самое низкое крыльцо, блѣднѣю, худѣю, и плачу отъ истерики какъ женщина. Лечусь; но болѣе надѣюсь на весну, нежели на докторовъ, естьли душа моя къ тому времени будетъ спокойна. Обнимаю тебя со всею нѣжностію дружбы. Вѣчно твой

Карамзинъ.

96.

Москва, 10 Марта, 1799.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! За двѣ твои холодныя записки едва ли должно мнѣ благодарить тебя. Однакожь надѣюсь, что ледъ приказныхъ дѣлъ не превратитъ

въ ледъ твоего сердца; теперь же и весна наступаетъ. Здоровъ ли ты по крайней мѣрѣ? Я все еще слабъ. Развѣ хорошее время будетъ моимъ лекаремъ. Вообрази, что около двухъ мѣсяцевъ не имѣю удовольствія ходить пѣшкомъ, отъ слабости. — Я не перестану жалѣть о томъ, что твоихъ стиховъ будетъ такъ мало въ нынѣшнихъ Аонидахъ.

Гдѣ твоя сатира, подражаніе Пóповой? Ради Аполлона пришли ее напечатать! Она очень хороша. М. М. Херасковъ сочинилъ оду, и прислалъ мнѣ экземпляръ для тебя, которой отправлю завтра. — Въ мысляхъ обнимаю моего друга, и буду вѣчно его другомъ.

97.

Москва, Апр. 4, 1799.

Здравствуй, мой милой Иванъ Ивановичь! Мы оба рѣдко пишемъ, но любимъ, надѣюсь, другъ друга по прежнему. Сохрани тебя Богъ отъ чахотки! Скорѣе можешь имѣть ипохондрію, къ которой есть въ тебѣ не малая склонность. Желаю, мой милой, чтобы скорѣе пришло то время, въ которое, по словамъ твоимъ, могъ бы ты жить совершенно для Музъ и дружбы. Мнѣ весело и воображать это! Тогда, чтобъ не упасть лицомъ въ грязь передъ тобою, и я началъ бы прилѣжнѣе молиться Аполлону стихами и прозой. Лѣтомъ жили бы мы въ маленькомъ, чистенькомъ домикѣ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, въ семи вéрстахъ отъ города, гдѣ я третьяго году писалъ *Дарованія* и стихи *къ вѣрной*, давно невѣрной. Мѣсто самое романическое! Тамъ бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсѣмъ холодные, вспомнивъ иное, засмѣялись — вспомнивъ другое, вздохнули — и эхо рощи засмѣялось бы съ ними.

эхо рощи вздохнуло бы съ ними. Изъ чувствъ рождались бы слова, изъ словъ стихи, изъ стиховъ можетъ быть наша слава, по крайней мѣрѣ наше удовольствіе. Горацій прославилъ *Тиволи*, а мы Самарову гору превратили бы въ Рускои Геликонъ. Прости, мой любезнѣйшій! Дай Богъ, чтобы ты былъ какъ можно здоровѣе и спокойнѣе! Обнимаю тебя со всею нѣжностію дружбы.

98.

Москва, 19 Мая, 1799.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Сколько времени не имѣю отъ тебя писемъ! Каковъ ты въ своемъ здоровьи? я самъ все не очень здоровъ, и на прошедшей недѣлѣ занемогъ было лихорадкою. Пиши хотя изрѣдко милой оберъ-Прокуроръ.

Аониды скоро выдутъ; есть не дурныя піесы. Я также намаралъ кое-что. Естьли буду поздоровѣе, то нынѣшнимъ лѣтомъ стану писать *прозою*, чтобы не загрубѣть умомъ. Въ противномъ случаѣ надобно думать о теплыхъ водахъ. Не вздумаешь ли и ты съѣздить со мною на нѣсколько мѣсяцевъ въ Карлсбадъ или въ Пирмонтъ? Я надѣюсь, что больнымъ даютъ паспорты.

Въ какомъ состояніи твоя библіотека? Я умножилъ свою новыми покупками, только не романами, а философскими и историческими книгами.

Прости, милой другъ! мысленно тебя обнимаю. Будь здоровъ, и какъ можно спокойнѣе!

99.

Москва 26 Іюня, 1799.

Здравствуй, мой любезнѣйшій кавалеръ Св. Анны! Желаю тебѣ всѣхъ возможныхъ пріятностей и знаковъ отличія въ службѣ.

Большую часть времени провожу теперь въ деревнѣ; однакожь здоровье мое худо. Со стороны Физики я сталъ совсѣмъ другой человѣкъ.

Посылаю Аониды, дурно и слѣпо напечатанныя. Видишь ли иногда Бѣлосельскаго? Напиши ему обо мнѣ; скажи, что и нынѣшній годъ мы пѣли въ Марѳинѣ, жалѣя объ его отсутствіи. Будь здоровъ и веселъ, мой любезнѣйшій другъ! Ѣду опять въ деревню.

100.

Москва, 25 Іюня, 1799.

Какъ давно ни строчки отъ тебя не имѣю, мой любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Отъ чего такое молчаніе? Я начиналъ безпокоиться о твоемъ здоровьи; но пріѣхавшій изъ Петербурга князь Голицынъ увѣрилъ меня, что ты, слава Богу! здоровъ, и что онъ за день до своего отъѣзда обѣдалъ съ тобою въ музыкальномъ клобѣ. Будь еще веселъ и доволенъ судьбою; однакожь мнѣ прискорбно будетъ, естьли ты станешь забывать меня. Впрочемъ не принуждай себя, и естьли не хочется тебѣ писать къ человѣку, которой всѣмъ сердцемъ любитъ тебя, то не пиши. Я буду навѣдываться о твоемъ здоровьи въ здѣшнихъ департаментахъ Сената.

Живу опять въ городѣ, жалѣя о деревнѣ. C'est là qu'on est heureux sans trop penser à l'être, говоритъ Ламбертъ.

Естьли я не былъ щастливъ въ деревнѣ, то по крайней мѣрѣ часто твердилъ этотъ прекрасной стихъ. C'est toujours quelque chose.

Наст. Ив. хотѣла писать къ тебѣ. Она давно уже обходится со мною холодно; но я бываю у нихъ довольно часто, люблю ихъ по прежнему и буду гораздо щастливѣе тогда, когда они успокоятся въ разсужденіи своихъ обстоятельствъ.

Пришли мнѣ Петербургской журналъ *Новости;* я очень буду благодаренъ.

Прости, милой Иванъ Ивановичь! Мнѣ очень хочется, что бы ты всегда, всегда любилъ меня и почиталъ вѣрнымъ твоимъ другомъ.

101.

Москва, 29 Окт. 1799.

Я также надѣюсь, милой Иванъ Ивановичь, что сердца наши не развыкнутся; до гроба буду любить тебя съ дружескою нѣжностію. Ты не веселъ, я также. Цвѣты жизни болѣе и болѣе для меня увядаютъ. Желаю только одного: умереть покойно. Не въ такомъ расположеніи выдаютъ журналы, любезной другъ. Надобно что нибудь желать сильно, чтобы работать прилѣжно; а я, въ отношеніи къ свѣту, ничего не желаю. Талантъ мой какъ Сибирской плодъ: не дозрѣвъ изсыхаетъ. Довольно, естьли иногда, улучивъ спокойную минуту, напишу стиха два. И за то благодарю судьбу. — Надпись къ портрету твоему мила. Присылай мнѣ, естьли что нибудь напишешь.

Молодой нашъ авторъ Измайловъ ѣздилъ въ Крымъ и на Кавказскую линію; описалъ, что видѣлъ, и скоро отдастъ въ печать. Я пришлю тебѣ книжку его.

Дружески обнимаю тебя, милой мой Иванъ Ивановичь. Живу и умру другомъ твоимъ.

Н. К.

102.

Москва, 14 Дек. 1799.

Здравствуй, мой милой Тайной Совѣтникъ! Сердечно, сердечно обрадовался я твоей выгодной отставкѣ, которая даетъ мнѣ надежду жить съ тобою въ одномъ городѣ. Дай Богъ, чтобы ты совершенно былъ здоровъ, и скорѣе къ намъ пріѣхалъ. Сердце мое нетерпѣливо желаетъ обнять друга. Я уже думаю, какъ бы жить съ тобою вмѣстѣ, и въ городѣ и за городомъ. Спокойная жизнь можетъ поправить твое разстроенное здоровье. Здѣсь многіе вмѣстѣ со мною обрадовались пріятному извѣстію, и всѣ желаютъ, чтобы ты въ Москвѣ поселился. Я сдѣлался-было полуслѣпымъ; и теперь еще глаза болятъ; однакожь увижу тебя издали. Пріѣзжай скорѣе, милой другъ; и пріѣзжай здоровымъ. Обнимаю тебя сердечно.

Н. Карамзинъ.

103.

Москва, Марта 28, 1800.

Почтенной деревенской житель, другъ любезнѣйшій, здравствуй! Давно ли въ Петербургѣ? Давно ли въ Москвѣ? И вдругъ мыслямъ моимъ надобно искать тебя въ дикихъ сторонахъ Волги, въ древнемъ дворянскомъ замкѣ, противъ утѣсистой горы, покрытой ..... не знаю, чѣмъ; помниться, соснами, какъ ты сказывалъ.

Беру искреннее участіе въ первыхъ горестныхъ твоихъ чувствахъ, мой другъ. *Одни старѣе, другія больнѣе.* Но пріѣздъ твой долженъ былъ утѣшить и старыхъ и больныхъ. Ты какъ Фебъ явился для освѣщенія этой мрачности, по крайней мѣрѣ на время. Между тѣмъ весна улыбается

на розовомъ облакѣ и сыплетъ на тебя свѣжіе цвѣты свои, за то, что ты нѣкогда воспѣлъ ее пріятнымъ голосомъ, вмѣстѣ съ богородскими жаворонками. Скажи ей и нынѣ, какое нибудь привѣтствіе въ стихахъ. Тебѣ ли молчать, когда говоритъ вся природа? А весною бываетъ она краснорѣчива. Разсыпай богатства Поэзіи на богатства Натуры. Поэтъ и Богъ, Богъ и Поэтъ: дай жизнь и цвѣтъ мыслямъ своимъ о двухъ великихъ предметахъ; онѣ давно уже хранятся въ магазинѣ твоего Генія. Это не помѣшаетъ тебѣ исполнять должности пансіоннаго содержателя. Поцѣлуй отъ моего имени любезнаго племянника; и я любилъ отца его! Между тѣмъ не забывай Москвы; возвратись къ намъ въ срокъ. Будь честнымъ человѣкомъ, и сдержи слово. Увидишь, какъ здѣсь хорошо лѣтомъ. Я надѣюсь тотчасъ послѣ святой недѣли переѣхать за городъ, на берегъ Москвы-рѣки, гдѣ книга, чай и трубка будутъ для меня гораздо пріятнѣе.

Посылаю тебѣ Хераскова Царя и Сумарокова стихи, въ которыхъ много шутливаго и забавнаго. Онъ имѣетъ талантъ. Скажи мнѣ свое мнѣніе. Я можетъ быть пристрастенъ.

Вообрази, что Рижская ценсура, то есть Туманской, остановила нѣмецкой переводъ моихъ писемъ! Какъ людямъ хочется дѣлать зло!

Я пишу теперь *нотицы* къ портретамъ Рускихъ авторовъ; естьли хочешь, то пришлю ихъ къ тебѣ.—*Бьетъ 11 часовъ; пора ѣхать ужинать.* Обнимаю тебя, милаго; будь спокойнѣе и веселѣе какъ можно. Живу и умру другомъ твоимъ.

104.

Москва, 2 Мая 1800.

Не имѣю отъ тебя ни строки, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь. Послалъ къ тебѣ книги, и на то нѣтъ отвѣта. Что за причина? Покрайней мѣрѣ я радъ, что ты пишешь къ Платону Петровичу; иначе такое странное молчаніе меня бы очень безпокоило. Даже и Decorum не соблюденъ Вашимъ Превосходительствомъ: Авторъ Поэмы Царя нѣсколько разъ спрашивалъ, полюбилась ли она тебѣ; а я, бѣдной человѣкъ, могъ только отвѣчать: *думаю—увѣренъ—но отвѣта нѣтъ!* Развѣ ты на меня сердитъ? За что же любезной? Я право болѣе нежели когда нибудь чувствую твою цѣну. Хоть брани, да пиши! Мнѣ и грустно и досадно. Время у насъ несносное: холодъ, снѣгъ, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ѣхать въ саняхъ. Я хотѣлъ рано убраться за городъ, на берегъ Москвы-рѣки; но теперь и думать нельзя; одна забава, играть въ бостонъ. Что ты дѣлаешь? и когда намъ ждать тебя? Я по уши влѣзъ въ Рускую исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ. Обнимаю тебя со всею нѣжностію дружбы. Будь здоровъ, и пиши—vale et scribe!

105.

Кунцово, 20 Мая 1800.

Пишу къ тебѣ, сидя на высокомъ берегу Москвы-рѣки, подъ тѣнью густыхъ липъ, и взглядывая на обширную равнину, которую вдали ограничиваютъ рощи и пригорки. Это мѣсто подарено Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отцу Натальи Кириловны, и въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ничего ему подобнаго красотою. Хозяинъ живетъ въ Петербургѣ, а я рву ландыши на его лугахъ, отдыхаю подъ вѣт-

вями его древнихъ дубовъ, пью чай на его балконѣ! Свѣтъ принадлежитъ тому, кто имъ наслаждается: это миритъ меня съ Провидѣніемъ и съ недостойными богачами.

Между тѣмъ, любезнѣйшій другъ, гуляя и наслаждаясь, и говоря съ Ж. Жакомъ десять разъ въ день: o grand Etre! O grand Etre! считаю остальные волосы на головѣ своей и вздыхаю. Прошли тѣ лѣта, въ которыя сердце мое ждало къ себѣ въ-гости какого-то неописаннаго щастья; прошли годы тайныхъ надеждъ и сладкихъ мечтаній! Разсудокъ говоритъ, что мнѣ уже поздно думать о пріобрѣтеніяхъ; даже и то, чѣмъ теперь наслаждаюсь, должно мало по малу изчезнуть. Такъ на шумномъ пиршествѣ утружденные гости одинъ за другимъ расходятся; музыка умолкаетъ; залы пустѣютъ, свѣчи гаснутъ, и хозяинъ ложится спать— одинъ! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряетъ желаній съ потерею надежды? Для чего, напримѣръ, переставъ быть любезными, хотимъ еще быть любимыми? — Helas!

Что можетъ быть любви и щастія быстрѣе?
Какъ мигъ ихъ время пролетитъ.
Но дружба намъ еще милѣе
Когда отъ насъ любовь и щастіе бѣжитъ.

106.

Москва, 20 Іюня, 1800.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь, и не для того, чтобы мстить тебѣ за долгое твое молчаніе—и не для того, чтобы завеселился—и не для того, чтобы заработался—а всего больше не для того, чтобы рѣдко о тебѣ думалъ. Напротивъ мнѣ очень грустно, что

ты далѣе и далѣе отлагаешь свой отъѣздъ. Жертвовать собою похвально и добродѣтельно; однакожь я дозволяю себѣ желать, чтобы ты скорѣе пріѣхалъ въ Москву. Я былъ бы щастливѣе съ тобою. Въ обстоятельствахъ моихъ сдѣлалась нѣкоторая перемѣна, и бѣдной другъ твой часто груститъ тихонько. И бостонъ уже меньше веселитъ меня; для того чаще бываю дома. На этихъ дняхъ сочинилъ я маленькую драматическую сельскую піесу для фамиліи Салтыковыхъ, она будетъ или не будетъ представлена черезъ три дни. На той почтѣ я пришлю къ тебѣ пѣсни, которыми заключается эта бездѣлка. Я перемѣнилъ квартиру, и живу на Никольской въ домѣ Шмита, естьли не покойнѣе, то по крайней мѣрѣ красивѣе. Прости до слѣдующей почты. Дружески и нѣжно обнимаю тебя.

107.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Къ сердечному моему сожалѣнію ты откладываешь свой отъѣздъ; а я жду тебя съ великимъ нетерпѣніемъ, ей Богу! Не можешь вообразить, какъ мнѣ грустно! Я не послалъ къ тебѣ ни піесы, ни куплетовъ, думая, что ты въ началѣ Іюля выѣдешь. Платонъ Петровичь сказывалъ мнѣ, что для тебя наняли квартеру; однакожь я надѣюсь, что ты согласишься жить со мною въ одномъ домѣ, на Никольской, у Шмита, гдѣ во второмъ этажѣ есть прекрасныя комнаты (шесть или семь); а я живу внизу, чисто и покойно. Какъ хочется, чтобы планъ мой состоялся! Это послужило бы къ большому для моего сердца утѣшенію; я привязался бы къ тебѣ какъ вѣрная твоя собачка, однакожь не мѣшая тебѣ ничего дѣлать. Стали бы читать, писать, говорить о дружбѣ и чувствовать ее....

Quand l'infortune ôte le droit de plaire,
Interesser est le bien le plus doux.
Чтожь можетъ быть любви и щастія быстрѣе?
Какъ мигъ ихъ время пролетитъ.
Но дружба намъ еще милѣе,
Когда отъ насъ любовь и щастіе бѣжитъ.

Пріѣзжай, пріѣзжай, мой милой другъ. Все, что тебя занимаетъ, будетъ занимать и меня. Сердечно тебя обнимаю.

108.

Москва, Ноября 15, 1800.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Нетерпѣливо ожидалъ отъ тебя писемъ, и благодарю за полученное, какъ оно ни грустно. Дай Богъ, чтобы ты скорѣе успокоился въ разсужденіи своей матушки, и чтобы она перенесла этотъ ударъ какъ христіанка. Воображаю, какъ больно хлопотать тебѣ съ такимъ печальнымъ сердцемъ. Ради дружбы, пиши ко мнѣ чаще. Ей Богу, сердечно желаю соединять хотя издали чувства мои съ твоими. Настасья Ивановна скоро ѣдетъ въ Петербургъ. Ты не забудешь моей прозьбы: ни слова, ни слова о моемъ расположеніи къ извѣстной тебѣ дѣвицѣ! Она есть ничто иное какъ страшная, безразсудная кокетка.... Съ княгинею я почти разстался. Суди теперь, на какую погоду указываетъ барометръ моего сердца! Назови все это дурачествомъ, естьли хочешь; но—будь только спокойнѣе и люби меня! Мой племянникъ, Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ, въ Петербургѣ. Онъ у тебя будетъ: обласкай его, милой другъ! Сто разъ обнимаю тебя мысленно.

109.

Москва, 3 Дек. 1800.

Мой любезнѣйшій другъ! ты спрашиваешь, что будемъ писать другъ къ другу? Я, что вздумается; ты, что занимаетъ тебя. Говори мнѣ о своей грусти, естьли это не умножаетъ ее; можешь быть увѣренъ, что говоришь не камню. Я же съ своей стороны увольняю тебя отъ слушанія моихъ Іереміадъ, и не буду жаловаться на вѣтреность Амариллъ моихъ, которыя (слава Богу!) перепрыгнули отъ меня за ручей и скрылись въ лѣсу. Пусть тамъ гоняются за ними Сильваны, Фауны и простые Сатиры! Третьяго дня исполнилось мнѣ 35 лѣтъ отъ роду —

Время нравиться прошло,
А плѣняться не плѣняя,
И пылать не воспаляя,
Есть худое ремесло,

говоритъ Нижегородской Поэтъ, надъ которымъ мы столько смѣялись у Хераскова. Онъ же еще, подражая Делилю, изобразилъ портретъ меланхоліи въ слѣдующихъ стихахъ:

Что Меланхолія? Нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья.
Веселья нѣтъ *еще*, и нѣтъ *уже* мученья;
Отчаянье прошло — но слезы осушивъ,
Она еще взглянуть съ улыбкою не смѣетъ,
И голову свою на руку опустивъ,
Видъ Злополучія (отца ея) имѣетъ.
Блаженство для нее задумавшись мечтать
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

Бьюсь объ закладъ, что ты не можешь столько желать своего возвращенія въ Москву, сколько я желаю его. Хотя бы къ веснѣ далъ мнѣ тебя Богъ! говоритъ мое сердце. Въ прошедшее лѣто я жилъ, наслаждался и мучился въ Кунцовѣ; въ слѣдующее хотѣлось бы мнѣ тамъ пожить съ сердцемъ на рукѣ, съ Дружбою, съ натурою и съ книгами. — Настасья Ивановна собирается въ Петербургъ; только недостатокъ въ деньгахъ ее задерживаетъ. Поздравь отъ меня сына ея Александра Алексѣевича, съ дочерью Надеждою. У него надежда родилась, у меня надежда умерла. Прости, милый! Всею душою обнимаю тебя.

Н. Карамзинъ.

110.

Москва, 23 Дек. 1800.

Милой другъ Иванъ Ивановичь!

Одно изъ самыхъ жаркихъ моихъ желаній есть то, чтобы ты скорѣе возвратился въ Москву; желаю, но мало имѣю надежды. Ты вѣрно заживешься въ Петербургѣ; день за день, а тамъ и зима пройдетъ. Настасья Ивановна конечно уже пріѣхала въ Петербургъ. Encore une fois: ne lui parlez jamais de mes sentimens pour la Demoiselle que je n'aime plus, et qui est amoureuse de ce petit musicien, que vous connoissez; j'en sais tous les détails. Elle-même a dit, qu'elle m'avoit aimé, mais que ce sentiment s'est eteint dans son coeur, attaché pour toujours à Ferroy. Telles sont les femmes, et je ne peux que la plaindre. Извини, любезной, что я пишу къ тебѣ объ этомъ, обѣщавъ не говорить о своихъ Амариллахъ. Оправданіе мое въ Обертовой баснѣ, которую ты очень хорошо перевелъ. Недавно просидѣлъ я у Платона Петровича до 11 часовъ вечера, и мы много объ тебѣ говорили. Видишься ли ты съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Куш-

никовымъ? Онъ предоброй малой; желаю, чтобы ты полюбилъ его. Мнѣ пріятно знать, что ты любишь Каверина; я самъ чистосердечно люблю его; онъ вѣтренъ, но уменъ и добръ. Скажи ему отъ меня что нибудь ласковое. Не рѣдко по вечерамъ бываю нынѣ дома, но все еще лѣнюсь писать; роюсь въ своей библіотекѣ и читаю. Видѣлъ ли ты оперу Капнистову съ музыкою Плещеева? Что это такое? Желаю, милой, что бы ты покрайней мѣрѣ былъ здоровъ, какъ я. Мысленно тебя обнимаю и нѣжно цѣлую. Вѣкъ кончается: вспомни обо мнѣ при наступленіи новаго. Знай, что 31 Декабря, въ 12 часовъ ночи, я буду пить за твое здоровье съ добрыми пріятелями, которые у меня будутъ ужинать.

111.

Москва, 14 Генв. 1802.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ!

Я нетерпѣливо ждалъ письма твоего, желая увѣриться, что ты благополучно доѣхалъ. Слухи о разбояхъ здѣсь все продолжались, и я не совсѣмъ надеженъ былъ на кистень твоего браваго калмыка. Ты нехотѣлъ мнѣ сказать ни слова о расположеніи твоего духа, и сократилъ письмо свое дурною оговоркою. У меня довольно времени на то, чтобы любить тебя и тобою интересоваться; иначе съ журналомъ вышла бы у меня ссора. Прошу тебя сердечно быть въ письмахъ говорливѣе; говори мнѣ о своихъ родныхъ, своихъ упражненіяхъ; я радъ слушать даже всѣ медицинскія подробности твоего здоровья. Чтобы на то убѣдить тебя, скажу, что нерѣдко самъ хвораю, и попрежнему безпокоюсь о Лизанькѣ, въ ожиданіи Марта мѣсяца. Пишу, пишу, и все думаю, что мало. Этотъ журналъ требуетъ великихъ трудовъ. Но естьли буду здоровъ и веселъ въ Мартѣ, то меня ста-

нетъ, и я набросаю въ книжки доволно собственнаго. Пренумерантовъ немало: около 580; вѣроятно, что и прибавится. Скоро пришлю тебѣ второй нумеръ; также и *слово Ек.* Хорошо и прекрасно, естьли бы ты въ щастливой часъ вздумалъ чѣмъ нибудь подарить журналиста, или, лучше сказать, друга своего; я сердечно бы обрадовался всякому цвѣтку твоему. Мнѣ пріятно будетъ знать и видѣть, что ты занимаешься старинным ъ хорошимъ ремесломъ. Лизанька самыми нѣжными словами увѣряетъ тебя въ дружбѣ и въ почтеніи. Прости, милой! Повѣрь, недовѣрчивой человѣкъ, что я душевно обрадуюсь каждому письму твоему. Старинный и вѣчной

твой другъ

Н. Карамзинъ.

112.

Москва, 12 Февр. 1802.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Кажется что ты очень сердитъ на меня; а я не виноватъ. И первая, и вторая, и третья книжка Вѣстника отправлены къ тебѣ въ свое время. Видно, что ихъ задерживаютъ въ Симбирскѣ. Не понимаю, какъ ты не получилъ моего отвѣта; я писалъ къ тебѣ на первой почтѣ. Мнѣ грустно слышать отъ тебя, что ты не выходишь изъ дряхлыхъ. Я самъ, мой милой другъ, занемогалъ безъ тебя раза четыре; и теперь съ трудомъ пишу отъ страшной головной боли. Дней шесть не думаю о журналѣ, и ни за что не принимался. Такъ трудно быть щастливымъ въ здѣшнемъ свѣтѣ! Когда все есть, такъ нѣтъ здоровья. Безпокоюсь также и объ Лизанькѣ; время рѣшительное приходитъ, и сердце у меня очень дрожитъ. Слышалъ ли ты о потери Пельскаго? Жена его

умерла родами. Онъ со всѣхъ сторонъ нещастливъ, и всякой день долженъ бояться своихъ заимодавцевъ. Я искренно пожалѣлъ о Храповицкомъ, котораго ты любилъ, и который былъ доброй человѣкъ, хотя и худой стихотворецъ. Посылаю тебѣ Похвальное Слово Екатеринѣ, дурно напечатанное. Въ Москвѣ нельзя думать о хорошихъ изданіяхъ. Теперь начнутъ критиковать меня: это гораздо легче, нежели писать. Богъ съ ними! Мнѣ грустно, что я долженъ писать въ Петербургъ, и нѣкоторымъ образомъ кланяться; это не ободряетъ талантъ. Искренно скажу, что я ничего не желаю; а хотѣлъ бы только, чтобы публика нашла удовольствіе въ этомъ произведеніи. — Будь здоровѣе и веселѣе, мой любезной другъ; утѣшайся тѣмъ, что родные утѣшаются тобою. Ты исполняешь долгъ сердца и добродѣтели; это важно и пріятно. Пожелай, мой милой, чтобы я или самъ умеръ въ Мартѣ мѣсяцѣ или былъ радостнымъ мужемъ и отцомъ. Обнимаю тебя сердечно и люблю всею душою. Свидѣтельствую мое почтеніе всѣмъ твоимъ ближнимъ. Елизавета Ивановна дружески тебѣ кланяется.

113.

Здравствуй, милой другъ!

Я отецъ маленькой Софьи. Лизанька родила благополучно, но еще очень слаба. Выпей цѣлую рюмку вина за здоровье матери и дочери. Я уже люблю Софью всею душою и радуюсь ею. Дай Богъ, чтобы она была жива и здорова, и чтобы я могъ показать тебѣ ее, когда къ намъ возвратишься! Желаю сердечно скорѣе увидѣть тебя. Прости, милой! будь здоровъ и покоенъ! Люблю тебя душею и сердцемъ. Императоръ прислалъ мнѣ табакерку съ брилліантами, не *очень блестящими*. Обнимаю тебя со всею нѣжностію дружбы.

114.

Москва, 3 Марта 1810.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Искреннее дружеское участіе, которое ты принималъ и въ нашей горести и въ моей болѣзни, требуетъ, чтобы прежде всего сказалъ я тебѣ нѣсколько словъ о моемъ здоровьѣ и нашемъ душевномъ расположеніи.

Собираюсь съ силами, ѣмъ и сплю какъ здоровой, однакожь нахожу себя еще слабымъ для постоянной головной работы, и только слегка занимаюсь своимъ обыкновеннымъ дѣломъ; сижу дома или выѣзжаю единственно для того, чтобы подышать чистымъ воздухомъ; вижу иногда нашихъ общихъ пріятелей и говорю о тебѣ: даже и Платонъ Петровичь былъ у насъ нѣсколько разъ! Нашъ молодой Князь теперь съ нами. Онъ показываетъ въ себѣ чувствительность, какой я не предполагалъ въ немъ, и которая всего болѣе ручается мнѣ за его сердечныя достоинства. Потеря, нами оплаканная, оставила глубокіе слѣды въ немъ и въ моей Катеринѣ Андреевнѣ. Можешь вообразить, какъ часто бываютъ горестныя воспоминанія!

Живо чувствую и пріятности и безпокойства твоего состоянія. Каждой имѣетъ свою судьбу: ты не искалъ, а тебя нашли. Крѣпись и бодрствуй! Милость Государя, совѣсть и доброе мнѣніе добрыхъ да будутъ твоею наградою за всѣ труды и скуку дѣлъ приказныхъ! Хорошо, кто въ твоемъ мѣстѣ засыпаетъ съ пріятною мыслію о садикѣ и друзьяхъ Московскихъ!

Марья Ивановна Протасова желаетъ узнать, не писалъ ли къ тебѣ опекунъ ея племянницы, дочери Василья Ивановича Протасова, о дѣлѣ его съ нею, и не предлагалъ ли тебѣ быть посредникомъ между ими? Она готова отдаться на твой судъ.

Съ великимъ любопытствомъ читалъ я на сихъ дняхъ проектъ законовъ; на иное сдѣлалъ бы свое примѣчаніе, но писать объ этомъ не ловко. Дай Богъ всего добраго нашему отечеству!

Графъ Ѳ. В. Растопчинъ пишетъ, что ты уже не жалуешься на свое здоровье; но слышу отъ другихъ, что ты раза два сидѣлъ дома отъ простуды. Видно Петербургъ сдѣлалъ тебя скромнымъ въ медицинскихъ матеріяхъ. Надѣюсь, что весна будетъ для тебя полезнѣе всѣхъ лекарствъ.

Сто разъ обнимаю тебя мысленно, любезнѣйшаго друга, буду до гроба

твоимъ другомъ.

Н. Карамзинъ.

Катерина Андреевна и Князь тебѣ усердно кланяются вмѣстѣ со всѣми нашими малютками.

115.

Москва, 10 Апр. 1810.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь! Благодарю тебя за доставленную мнѣ записку о нашемъ дѣлѣ. Оно дѣйствительно уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ; но я не зналъ того по своей безпечности.

Хорошо, что и по двѣ строки пишешь ко мнѣ. Воображаю, какъ ты занятъ. Здѣсь разсказываютъ о тебѣ анекдоты, въ которыхъ нѣтъ, думаю, ни слова правды. Нѣкоторые осуждаютъ тебя за двѣ вещи: за отставку двухъ писарей шестаго Департамента и за опредѣленіе въ Оберъ-Прокуроры Мамонова, еще не вышедшаго изъ-подъ опеки.

Мы, слава Богу! здоровы, хотя въ домѣ у насъ, т. е. между людьми, завелись горячки, равно какъ и во многихъ

другихъ домахъ. Сколько померло здѣсь въ нынѣшнюю зиму! Нашъ князь Щербатовъ ровно въ три мѣсяца похоронилъ жену, отца и мать.

Недавно узналъ я одного молодого человѣка, именемъ Копецкаго, служившаго въ Таганрокѣ при Кампенгаузенѣ. Онъ очень не глупъ, хорошо учился и пишетъ складно. Не можешь ли употребить его съ пользою? Онъ просилъ у меня одобрительной записки къ тебѣ, съ которою, думаю, и явится къ Вашему Превосходительству. Тургеневъ также весьма хорошихъ объ немъ мыслей; а вамъ Министрамъ люди надобны.

Прости, любезнѣйшій мой другъ! Пока живъ

твой другъ Н. Карамзинъ.

Жена моя дружески тебѣ кланяется, а малютки наши тебя цѣлуютъ.

116.

Москва, 22 Мая 1810.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Мы увѣрены въ твоемъ искреннемъ участіи. Мало того, что мы лишились своей милѣйшей дочери: и всѣ другія дѣти въ той же злой болѣзни. Сонюшка опаснѣе другихъ. Бѣдные отецъ и мать! Я не бьюсь головою объ стѣну, но едва ли когда нибудь возвращусь въ прежнее свое спокойное состояніе. Очень тяжело.

Прости, любезнѣйшій другъ! Пишу въ доказательство, что тебя помню и въ горѣ. Впрочемъ, что могу сказать?

На вѣки преданный тебѣ

Н. Карамзинъ.

117.

Остафьево, 7 Іюля 1810.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

По сіе время дѣти наши не могутъ еще совершенно освободиться отъ коклюша; однакожь мы спокойнѣе. Впрочемъ грустимъ сердечно. Незабвенная милая Наташа у насъ въ душѣ. Тутъ дѣйствуетъ не воображеніе, а Природа. Щастливъ, кто никогда не оплакивалъ дѣтей! Щастливъ, кто могъ прожить въ мірѣ безъ сильныхъ привязанностей! Покрайней мѣрѣ лучше не быть щастливымъ, нежели быть нещастнымъ. Съ Генваря мѣсяца я испыталъ много.

Желаю сердечно, любезнѣйшій другъ, имѣть лучшія извѣстія о твоемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы оно не помѣшало тебѣ пользоваться дальнѣйшею милостію Государя добраго и дѣйствовать усердно для общаго блага. Вижу мало людей, но слышу, что въ Петербургѣ отдаютъ тебѣ справедливость. На сихъ дняхъ былъ у насъ Графъ А. И. Пушкинъ: онъ не могъ нахвалиться тобою.

Стараюсь искать разсѣянія въ трудахъ; а въ свѣтѣ уже не найду его. Катерина Андреевна свидѣтельствуетъ тебѣ дружеское почтеніе. Прости, любезнѣйшій. Нѣжно обнимаю тебя въ мысляхъ

вѣчно твой другъ

Н. Карамзинъ.

118.

С. Остафьево, Іюля 11, 1810.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца благодарю тебя, угадывая, *кто* выходилъ мнѣ этотъ крестъ. Какъ лестна мнѣ Государева милость, такъ любезно и дѣйствіе твоей дружбы. Нѣкогда

сказалъ я тебѣ въ шутку, что не буду носить никакихъ орденскихъ знаковъ, если бы мнѣ и дали ихъ: теперь беру это слово назадъ. Памятники дружества священны; да и милостивое соизволеніе Императора отличить меня такимъ знакомъ награды трогаетъ мое сердце. Обнимаю тебя нѣжно.

Усердно исполняя Повелѣніе Вашего Превосходительства, прилагаю благодарственное письмо къ Государю и рапортъ въ Сенатъ (не зная формы), вмѣстѣ съ *ласковою* эпистолою къ М. М. Сперанскому, въ которой благодарю его за доброе расположеніе ко мнѣ, *свѣданное мною отъ почтеннаго моего друга* (цензура твоя пропуститъ ли это смѣлое выраженіе?) и слегка даю ему отчетъ въ моихъ историческихъ трудахъ, зная, что онъ любитъ Исторію; а наконецъ поручаю себя въ его покровительство. Распечатай письмо, если хочешь. Прилагаю еще 15 рублей въ Капитулъ Ордена за приложеніе Орденской печати къ Высочайшей Грамотѣ.

Все это очень хорошо, но милой Наташи нѣтъ на свѣтѣ! Грущу за себя и безпокоюсь за Катерину Андреевну. Она всякой день плачетъ. Я могу умѣрять грусть свою работою; а ей гораздо труднѣе.

Ѳ. П. Ключаревъ съ великимъ усердіемъ исполнилъ твое порученіе и доставилъ мнѣ твой пакетъ съ эстафетою.

Пріятельски кланяюсь Рейману и радуюсь, что онъ лечитъ тебя колумбою: ее даютъ обыкновенно, когда нѣтъ никакой рѣшительной болѣзни, а бываетъ только нѣкоторая слабость. Дай Богъ, чтобы ты никогда не имѣлъ нужды въ другихъ лекарствахъ!

Прости, любезнѣйшій. Еще разъ обнимаю тебя въ мысляхъ. На вѣки другъ твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Екатерины Андреевны Карамзиной:)

И я васъ, любезной и почтенной Иванъ Ивановичь, сердечно благодарю за всѣ доказательства вашей къ намъ дружбы. Желаю очень чтобъ вы были здоровы и счастливы. Никто больше васъ не заслуживаетъ счастья, но увы! не всегда тотъ счастливъ, кто бы долженъ быть; примѣромъ тому служитъ несравненной мой другъ Николай Михайловичь. Шесть мѣсяцевъ какъ его сердце страдаетъ; что будетъ впередъ не знаю, по сію пору дѣти, которые еще остались, кашляютъ.

119.

Москва, 4 Авг. 1810.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Ивановичь!

Не имѣю отъ тебя отвѣта на мое письмо, но надѣюсь, что ты здоровъ; по крайней мѣрѣ другіе, напримѣръ Нелединскій etc.... получили отъ тебя письма на послѣдней почтѣ.

Нечаянно и вдругъ рѣшился я съ Катериною Андреевною ѣхать въ Нижегородскую нашу деревню для защиты крестьянъ отъ Межевщика и Капитана Исправника. Это мнѣ крайне непріятно, особенно въ нашемъ грустномъ расположеніи. Мы оставили дѣтей въ Остафьевѣ, и завтра думаемъ отправиться въ Арзамасъ. Эта дорога напомнитъ мнѣ лѣта первой молодости и путешествіе мое съ тобою къ предѣламъ нашей общей родины.

Желаю возвратиться недѣли черезъ двѣ, буде можно. Между тѣмъ мысленно тебя обнимаю, отъ всего сердца желаю, чтобы ты, любезнѣйшій другъ, былъ совершенно здоровъ и трудился охотно для общей Государственной пользы.

Катерина Андреевна свидѣтельствуетъ тебѣ свое дружеское почтеніе. Прости. На вѣки преданный тебѣ другъ

Н. Карамзинъ.

Сію минуту получилъ отъ тебя письмо и благодарю дружески. Еще разъ обнимаю тебя и сажусь въ коляску.

120.

С. Остафьево, 8 Сент. 1810.

Любезнѣйшій другъ!

Съ больными глазами и съ разстроеннымъ здоровьемъ возвратился я изъ Нижегородской Губерніи, куда ѣздилъ вопреки своему сердцу, съ горемъ и съ безпокойствомъ, чтобы исполнить долгъ Господина; дѣла важнаго не сдѣлалъ, а себѣ повредилъ. Катерина Андреевна была моею спутницею: ибо мы дали другъ другу слово не разставаться, пока живы. Уже болѣе десяти дней, какъ я опять на мѣстѣ, но не могу еще заниматься обыкновеннымъ своимъ дѣломъ, чувствуя слабость въ глазахъ. Нынѣшній годъ есть для насъ черной по календарю Римскому.

Позволь, любезнѣйшій другъ, попросить тебя о дѣлѣ не безважномъ для моего сердца. Ты любилъ покойнаго Князя Андрея Ивановича, который и самъ любилъ тебя искренно. Не можешь ли изъ уваженія къ его памяти сдѣлать что нибудь для его сына, для нашаго молодаго и достойнаго Князя? Онъ теперь какъ сирота въ свѣтѣ и не имѣетъ покровителей. Умирающій отецъ поручилъ его мнѣ; люблю его какъ брата и нахожу любви достойнымъ: онъ уменъ и старается пріобрѣтать знанія. Думаю, что тебѣ не трудно выпросить ему Каммеръ-Юнкерство. Государь сказалъ въ Указѣ, что на этотъ чинъ имѣютъ право сыновья знатныхъ людей; а нашъ Князь есть сынъ, внукъ и правнукъ первыхъ

Государственныхъ чиновниковъ; какъ Исторіографъ прибавлю, что фамиліяВяземскихъ происходитъ въ прямой линіи отъ Владиміра Мономаха!! Этотъ молодой человѣкъ шесть мѣсяцевъ таскался по сѣвернымъ губерніямъ съ П. А. Обрѣзковымъ, писалъ у него въ канцеляріи, трудился, и не получилъ ничего. Обрѣзковъ говоритъ, что онъ представлялъ его къ ордену Св. Анны, но что сіе представленіе осталось безъ дѣйствія. Ты меня очень порадуешь, если выпросишь его въ Каммеръ-Юнкеры. Ему по молодости лестно будетъ имѣть чинъ придворной; онъ же довольно богатъ и не уронитъ этова званія, которое ободрило бы его къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ ученіи и въ дѣлахъ. Съ чиномъ Каммеръ-Юнкера онъ могъ бы пока остаться при своемъ прежнемъ мѣстѣ, то есть, при дѣлахъ Межевой Канцеляріи. Мнѣ пріятно будетъ сдѣлать ему это удовольствіе и быть въ томъ обязаннымъ моему другу, тебѣ.

Скоро думаемъ переѣхать въ Москву; стало холодно. Дѣти наши по сю пору все еще не могутъ совершенно оправиться. Они тебя цѣлуютъ и жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ дружеское почтеніе.

Графъ Хвостовъ былъ у меня въ деревнѣ: возьми этотъ визитъ на свой счетъ. Онъ даже написалъ и стихи ко мнѣ! Какъ щастливы люди, которые умѣютъ быть столь суетными въ 50 лѣтъ!

Прости, любезнѣйшій. Мысленно обнимаю тебя со всею дружескою нѣжностью. На вѣки твой другъ

Н. Карамзинъ.

Князь имѣетъ чинъ Титулярнаго Совѣтника.

121.

Любезнѣйшiй другъ!

Отъ глазной боли пишу не своей рукою. Сердечно поздравляю тебя съ двумя милостями добраго нашего Государя и дружески благодарю за увѣдомлѣнiе мѣня о томъ: никто конечно не беретъ живѣйшаго участiя во всѣхъ твоихъ прiятностяхъ. Дай Богъ, чтобы награды были всегда равны трудамъ твоимъ и пользѣ приносимой тобою отѣчеству. Какъ бы хотѣлось мнѣ обнять тебя!

Надѣюсь что ты получилъ письмо мое въ которомъ я говорилъ тебѣ о нашемъ молодомъ князе. Не буду повторять сказаннаго мною: я увереиъ въ твоей дружбѣ.

Въ прибавокъ ковсему претерпенному нами въ нынѣшнемъ году я слепну, и не могу искать утѣшенiя въ работѣ. Иногда тѣряю терпѣнiе; иногда обѣщаю себѣ быть твердымъ и на всю̂ готовымъ. Вообще здаровье мою̂ не очень въ хорошемъ состоянiи. Желаю имѣть лутчiя вѣсти о твоемъ.

Думаемъ на сихъ дняхъ переѣхать въ городъ гдѣ будемъ жить въ домѣ Николая Семѣновича Мардвинова, въ Новой Басманной.

Мая Катерина Андреевна свидѣтельствуетъ тѣбе дружеское почтѣнiе а малютки наши тѣбя целуютъ.

На вѣки другъ твой

Н. Карамзинъ.

Каково правописанiе? *)

С. Остафьево.
Сентября 19
1810 года.

---

*) Въ этомъ письмѣ только подпись и постскриптумъ рукою Карамзина.

122.

Москва, 16 Окт. 1810.

Любезнѣйшій другъ!

У меня все еще болятъ глаза; однакожь мнѣ хочется написать къ тебѣ нѣсколько строкъ своею рукою. Сердечно благодарю тебя, милой другъ, за всѣ доказательства нелестной твоей ко мнѣ любви, которая дороже мнѣ и крестовъ и чиновъ. Не могу отплатить тебѣ ничѣмъ подобнымъ; но люблю тебя вѣрно не менѣе, и съ живѣйшимъ удовольствіемъ говорю въ своемъ семействѣ, что ты нашъ первой и послѣдній другъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Молодой нашъ князь не зналъ, что я просилъ тебя объ немъ.

Мнѣ хотѣлось сдѣлать ему нечаянное для него удовольствіе. Я не давно видѣлъ въ газетахъ, что сынъ Юсупова пожалованъ въ Каммеръ-Юнкеры: нашъ Князь не уступаетъ ему въ заслугѣ предковъ и въ знатности рода. Отецъ его, какъ тебѣ извѣстно, былъ Намѣстникомъ при Екатеринѣ, дѣдъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, прадѣдъ служилъ Петру Великому въ первыхъ чинахъ придворныхъ, и такъ далѣе. Оставляю все на твое дружеское попеченіе, а когда тебѣ удастся сдѣлать это для насъ, то обрадуюсь не менѣе Князя: обрадуюсь и за него и за тебя, будучи увѣренъ, что тебѣ пріятно будетъ отплатить благодѣяніемъ сыну за искреннюю къ тебѣ любовь покойнаго отца.

Со всѣми своими мысленно тебя обнимаю. До гроба твой вѣрный другъ

Н. Карамзинъ.

123.

Москва, 3 Ноября 1810.

Любезнѣйшій другъ!

Я выхожу изъ слѣпыхъ и снова начинаю марать бумагу. Это хорошо; но худо, что ты не здоровъ. Впрочемъ я увѣренъ, что болѣзнь твоя такъ же похожа на болѣзнь покойнаго нашего Князя, какъ моя.

Ты совѣтуешь мнѣ писать о молодомъ Князѣ къ Н. С. Мордвинову: я готовъ; но мнѣ хотѣлось бы за все благодарить тебя одного.

Радуюсь, что ты берешь участіе въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Несторово *банное строеніе* есть не Польское Bania, а Греческое βαπτιςηριον, латинское Baptisterium, по русски *Крестилъница*, или особенное зданіе при нашихъ древнихъ церквахъ, гдѣ крестили: ибо крещеніе называлось у насъ *банею*.

Часто говорю о тебѣ, а чаще думаю. Сколько у тебя хлопотъ! но желаю, чтобы ты еще долго, долго былъ Министромъ: ибо это будетъ знакомъ твоего добраго здоровья.— Здѣсь Дм. Ник. Блудовъ и посѣщаетъ меня не рѣдко: онъ искренно тебѣ преданъ.

Со всѣми своими домашними обнимаю тебя мысленно. Надѣюсь, что ты уже выѣзжаешь. Прости, любезнѣйшій! На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

124.

Москва, 21 Дек. 1810.

Любезнѣйшій другъ!

В. Л. Пушкинъ успокоилъ меня на счетъ твоего здоровья, увѣряя, что ты сталъ здоровѣе прежняго. Дай Богъ,

чтобы это въ самомъ дѣлѣ такъ было! Я долго разспрашивалъ его о твоемъ образѣ жизни, твоихъ обѣдахъ и вечерахъ. Онъ гордится въ душѣ знаками твоей пріязни. Доброй малой! Я поздравилъ его съ новымъ достоинствомъ масона.

Здѣсь говорятъ о тебѣ съ отмѣннымъ уваженіемъ, отдавая полную справедливость твоему благородному характеру. У Публики есть иногда вѣрное чутье.

Сочиненія Муравьева тебѣ доставлю; а ты, мой любезнѣйшій Министръ, пришли мнѣ какъ можно скорѣе все, что выдетъ у васъ къ Новому Году или послѣ касательно Законодательства, Государственнаго образованія и проч. Разумѣется, что требую печатнаго, публичнаго, а не болѣе.

Изъ уваженія къ критикѣ Вашего Превосходительства вымаралъ я выраженіе: *какъ не многимъ*. — Сердечно тебя обнимаю.

На вѣки твой другъ Н. Карамзинъ.

Всѣ мои тебя цѣлуютъ.

125.

Москва, 2 Генв. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за пріятную вѣсть о нашемъ молодомъ Князѣ и за твое истинно дружеское въ томъ участіе. Отнынѣ и навсегда поручаю его въ твое особенное покровительство. Если переживешь меня, то не забывай, что доброй, старинной другъ твой возложилъ на тебя эту обязанность. Слѣдственно ты имѣешь два побужденія ему благодѣтельствовать: любовь ко мнѣ и къ покойному Князю.

Все мое семейство усердно поздравляетъ тебя съ Новымъ Годомъ. Дай Богъ, чтобы ты въ его теченіе былъ здоровъ и доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ!

Теперь, слава Богу! не имѣю ни глазной боли, ни гемороидовъ; пишу и проч.

Отъ всего сердца обнимаетъ тебя вѣрный твой другъ

Н. Карамзинъ.

126.

Москва, 19 Февраля 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Давно, давно я не писалъ къ тебѣ, и не отъ лѣни. Только въ нынѣшнюю ночь возвратились мы изъ Твери, гдѣ жили двѣ недѣли какъ въ очарованномъ Замкѣ. Не могу изъяснить тебѣ, сколь Великая Княгиня и Принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго, имѣвъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣскольку часовъ между нашихъ историческихъ чтеній. Великая Княгиня во всякомъ состояніи была бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ; а Принцъ имѣетъ Ангельскую доброту и знанія необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ. Не отвѣчаю за будущее; но теперь милостивое ко мнѣ расположеніе сей Августѣйшей четы составляетъ одно изъ главныхъ утѣшеній моей жизни. Разумѣется, что ты въ нашихъ разговорахъ былъ у меня часто на языкѣ; ежедневно, такъ или сякъ, о тебѣ упоминалось, безъ всякаго нарушенія правилъ скромности съ моей стороны.

Какъ удивило меня твое письмо *по секрету!* Ради Бога, мой любезнѣйшій, какъ можно скорѣе доложи нашему дражайшему Государю, что я сколь восхищаюсь симъ знакомъ Его милостиваго ко мнѣ расположенія, столь удивляюсь несправедливости Московскихъ донесеній: я только *одинъ разъ* въ жизни видѣлъ Шевалье де Месансъ, и онъ *никогда не бывалъ у меня въ домѣ*, ибо своею наружностію

и тономъ мнѣ не полюбился, и получивъ отъ меня сухой отвѣтъ на свои учтивыя фразы, не разсудилъ за благо ко мнѣ пріѣхать. Какъ можно доносить къ Императору столь ложно! Я даже подозрѣваю тутъ намѣреніе повредить мнѣ. Другъ твой едва ли можетъ быть обманутъ шпіономъ. Домъ нашъ есть уже давно монастырь, куда изрѣдка заглядываютъ одни благочестивые люди, напримѣръ, Гр. Растопчинъ, Нелединской, Обрѣзковъ, Сушковъ, Гр. Пушкинъ, бригадиръ Кашкинъ, Разумовской, Рябининъ, Оболенскіе. Вотъ наше общество: какъ тутъ замѣшаться Французу! Я же самъ почти никуда не ѣзжу; однакожь слышу, что Шевалье Месансъ вербуетъ здѣсь Масоновъ, ссылаясь на Петербургскую моду. Прибавь, любезнѣйшій, что Французскіе шпіоны никогда не подумаютъ войти въ связь со мною: я не фанатикъ и не плутъ. — Увѣдомь, когда объ этомъ скажешь Государю. Мнѣ больно то, что осмѣливаются писать къ Нему столь неосновательно.

Посылаю за Измайловымъ, которой въ Московскихъ газетахъ напечаталъ твое къ нему письмо, т. е. увѣдомленіе о пожалованіи ему перстня, и болѣе ничего, кажется. Но разспрошу его обо всемъ, и на первой почтѣ дамъ тебѣ отчетъ.

Выраженіе, что ты обо мнѣ тоскуешь, тронуло мое сердце. Вѣрю, ибо люблю тебя дѣйствительно со всею дружескою нѣжностью. Можетъ быть, я загляну въ Петербургъ, но безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, а единственно для тебя и для нашаго молодаго Князя. Довольный благорасположеніемъ ко мнѣ Государя добраго и Царской Фамиліи, пріязнею людей почтенныхъ, дружбою Дмитріева и любовію моего семейства, чего могу искать, кромѣ мира душевнаго поконецъ моей жизни? Занимаюсь пріятно въ своемъ кабинетѣ, имѣю нужное и молюсь Богу за отече-

ство. A propos какъ жаль, что не имѣю права похвастаться передъ тобою своею *философическою умѣренностью!* Не многіе отказываются, отъ чего я отказался; но пока не объявлю тебѣ секрета. — Жена моя сердилась на тебя за то, что ты въ послѣднихъ письмахъ совсѣмъ не упоминалъ объ ней: дружба бываетъ взыскательна.

Сто разъ обнимаю тебя. — *О Бесѣдѣ* Шишковской слышалъ. Желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ? Впрочемъ мое правило не злиться. Будь здоровъ, мой милой другъ.

Преданный тебѣ Карамзинъ.

127.

Тверь, 16 Марта 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Вчера имѣлъ я щастіе быть представленъ къ Государю въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Высочества, моей благодѣтельницы. Ты знаешь нашего дражайшаго Монарха еще лучше, нежели я: слѣдственно нѣтъ нужды говорить о рѣдкой добротѣ Его. Въ первыхъ словахъ Онъ сказалъ мнѣ поклонъ отъ тебя, прибавивъ, что тобою *весьма* доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Было слово объ историческомъ обществѣ, и разговоръ о разныхъ предметахъ продолжался около часа. Государь изволилъ много говорить съ моею женою, и въ Кабинетѣ и послѣ обѣда; между прочимъ звалъ насъ въ Петербургъ, разумѣется только въ знакъ ласки. Нынѣшній день будемъ также имѣть щастіе съ нимъ обѣдать. Все это есть слѣдствіе милостиваго къ намъ расположенія несравненной Великой Княгини: или оно никогда не перемѣнится, или я буду щастливъ менѣе прежняго, будучи дѣйствительно привязанъ къ Ней душею и сердцемъ. Она столь

мила, что бранитъ меня за эту меланхолическую мысль; однакожь я стою въ томъ, что непостоянство есть мода здѣшняго свѣта. — Ты шутишь, думаю, надъ моею излишнею скромностію: у меня нѣтъ секретовъ. Правда, я не сказалъ тебѣ объ одномъ милостивомъ предложеніи: это останется до нашего свиданія. — Люблю не быть малодушнымъ, однакожь весьма желаю, чтобы Государь выѣхалъ отсюда съ благопріятнымъ ко мнѣ расположеніемъ. Катерина Андреевна свидѣтельствуетъ тебѣ свое душевное почтеніе. Думаю, что еще напишу къ тебѣ изъ Твери. Между тѣмъ нѣжно и дружески тебя обнимаю, моего милаго и почтеннаго. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

128.

Тверь, 20 Марта 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Вчера мы въ послѣдній разъ имѣли щастіе обѣдать съ Государемъ: онъ уѣхалъ ночью. Сверхъ четырехъ обѣдовъ я съ женою былъ два раза у него во внутреннихъ комнатахъ, а въ третій при Великой Княгинѣ и Принцѣ читалъ Ему свою Исторію долѣе двухъ часовъ; послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало — и о чемъ же? О Самодержавіи!! Я не имѣлъ щастія быть согласенъ съ нѣкоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному краснорѣчію. Сердце мое всегда влеклось къ Нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего рѣдкаго Монарха: теперь люблю, уважаю Его по внутреннему удостовѣренію въ красотѣ Его души. Дай Богъ, чтобы онъ былъ щастливъ щастіемъ Россіи! вотъ первое желаніе моего сердца, привязаннаго къ нему и къ отечеству! — Прощаясь съ нами,

онъ вторично звалъ меня въ Петербургъ и примолвилъ, что мы не имѣемъ нужды въ наемномъ домѣ; что Дворецъ Аничковскій довольно великъ; что Великая Княгиня безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ помѣститъ насъ въ своемъ домѣ. Чувствую всю цѣну Его милости. Скажи Ему, любезнѣйшій другъ, *при случаѣ*, что я и по правиламъ и по сердцу преданъ на вѣки Монарху столь рѣдкому изящными качествами души. Послѣднія слова Его были: «что приказываешь къ Ивану Ивановичу?» Великая Княгиня хотѣла даже, чтобы я далъ Государю письмо къ тебѣ! «На это есть почта», сказалъ я съ низкимъ поклономъ. Пусть другіе забываются: мое дѣло помнить, что̀ есть Государь, и что подданный. — Онъ нѣсколько разъ говорилъ со мною о тебѣ, о твоемъ здоровьѣ, и не хочетъ вѣрить, чтобы ты когда нибудь бывалъ усерднымъ пѣшеходомъ. Исторію мою слушалъ Онъ, кажется, съ непритворнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ; никакъ не хотѣлъ прекратить нашего чтенія; наконецъ, послѣ разговора взглянувъ на часы, спросилъ у Великой Княгини: «угадайте время: двѣнадцатой часъ!» Однимъ словомъ, я долженъ быть совершенно доволенъ.

А ты, мой любезнѣйшій вѣрный другъ, будь совершенно здоровъ по желанію моего сердца. Сказывали мнѣ, что ты *излишно* изнуряешь себя работою и хочешь все самъ дѣлать; что ты *излишно* болишь сердцемъ въ малѣйшихъ непріятностяхъ по дѣламъ. Не мое дѣло учить тебя умѣренности въ трудолюбіи и хладнокровію, которымъ (сказываютъ) отличаются другіе Министры и въ особенности А. Д. Балашевъ. Остаюсь при желаніи, чтобы Богъ подкрѣпилъ твое здоровье. Но для чего ты, мой любезнѣйшій, не дѣлаешь движенія? для чего не ходишь пѣшкомъ? Отними *полчаса* у дѣлъ и ступай въ любую сторону, не однажды, не иногда, а *всякой день*, безъ изключенія; увидишь пользу:

говорю по опыту. Ты любишь жизнь: употребляй же всѣ средства продолжить ее.

Платонъ Петровичь давалъ мнѣ читать *исправленный* и подписанный Министромъ Уставъ новаго Историческаго Общества. Статьи объ освобожденіи членовъ отъ городскихъ повинностей, о полученіи изъ казны денегъ, о ценсурѣ и проч. выкинуты къ сожалѣнію Автора; но весь уставъ есть нелѣпость въ глазахъ знающаго человѣка и произведеніе смѣшнаго невѣжества въ этомъ дѣлѣ. — Нѣжно и сто разъ обнимаю тебя. Еще не знаю, нынѣ или завтра или послѣ завтра выѣду отсюда. Великая Княгиня хочетъ еще поговорить со мною. Навѣки преданный тебѣ

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Мужъ меня забылъ но я васъ прошу почтенной и любезной Иванъ Ивановичь, у него не перенимать и помнить ту которая на веки вамъ преданная.

129.

Тверь, 22 Марта 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Великая Княгиня непремѣнно желала, чтобы я вручилъ ей *рекомендательное письмо* къ тебѣ: суди о Ея милостивомъ къ намъ обоимъ расположеніи! Болѣе ничего не прибавлю. Она хочетъ узнать тебя короче; а ты чѣмъ болѣе узнаешь Ея прелестную душу, тѣмъ болѣе, по твоему выраженію, будешь благоговѣть передъ нею.

Черезъ нѣсколько часовъ отправляемся въ Москву, осыпанные знаками милости, столь безцѣнной.

Навѣки другъ твой

Н. Карамзинъ.

130.

Моска, 9 Апрѣля 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Сто разъ обнимаю тебя, поздравляя съ Праздникомъ, хотя уже и прошедшимъ. — Отдыхалъ и отдыхаю послѣ Тверскихъ путешествій, собираюсь съ мыслями и стараюсь возвратиться въ свое прежнее мирное состояніе духа, т. е. отъ настоящаго къ давно-минувшему, отъ шумной существенности къ безмолвнымъ тѣнямъ, которыя нѣкогда также на землѣ шумѣли.

Жалѣю, мой любезнѣйшій, что ты не видалъ Великой Княгини: она вѣрно желала видѣться съ тобой. Прошу тебя убѣдительно поправить это, когда она возвратится изъ Риги: думаю, что уже и возвратилась. Кромѣ отмѣнной живости ума, нахожу въ ней рѣдкую любезность и доброту. Милостивое расположеніе Ея къ тебѣ достойно твоей признательности.

Милость Государеву чувствую; а благодарность моя должна состоять въ усердіи къ работѣ, которая удостоилась его одобренія. О пріѣздѣ въ Петербургъ молчу, хотя и крайне желаю скорѣе обнять моего друга. Каковъ ни есть твой Карамзинъ, но имѣетъ правила души благородной.

И такъ, мнительной, но не мнимой другъ мой, ты желаешь знать, къ какой стати упомянулъ я о А. Д. Б.? Вотъ все дѣло: одинъ изъ Петербургскихъ, впрочемъ не весьма важный человѣкъ, хваля тебя, сказалъ, что ты слишкомъ чувствителенъ къ малѣйшимъ неисправностямъ по дѣламъ твоего Департамента, и не похожъ на токого-то, удивительно хлоднокровнаго. Болѣе ничего.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій: прикажи по приложенной запискѣ справиться въ Сенатѣ и скорѣе послать указъ,

пока не прошелъ срокъ. Князь нашъ еще не можетъ заниматься своими дѣлами и вся отвѣтственность лежитъ на мнѣ; боюсь своей безпечности въ отношеніи къ ближнему.

Жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ свое дружеское почтеніе, а малютки наши тебя цѣлуютъ. Будь здоровъ и спокоенъ.

Навѣки преданный тебѣ

Н. Карамзинъ.

131.

Москва, 1 Мая 1811.

Благодарю тебя за два письма, любезнѣйшій другъ. Великая Княгиня прислала мнѣ твое при своемъ письмѣ изъ Твери, и *благодаритъ меня за твою привѣтливость!* Она весьма довольна тобою и зоветъ насъ въ Тверь. Люблю Ее душевно и признателенъ ко всѣмъ Ея милостямъ; однакожь, будучи усерднымъ домосѣдомъ, не плѣняюсь мыслію скакать по большимъ дорогамъ, жить дней по десяти въ праздности и безпокоиться о дѣтяхъ. Время летитъ, а Исторія моя ползетъ. Хотѣлось бы дойти скорѣе хотя до Романовыхъ, и напечатать, пока есть сила въ душѣ и зрѣніе въ глазахъ.

Мнѣ грустно слышать о слабости твоего здоровья; однакожь надѣюсь, что лѣто и въ Петербургѣ будетъ для тебя здоровѣе зимы. Я на твоемъ мѣстѣ непремѣнно ходилъ бы пѣшкомъ всякой день, не смотря на множество дѣлъ. Это безъ сомнѣнія лучшее лекарство.

Ты ни слова не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ на мою прозьбу, чтобы справиться, получена ли во 2 Департаментѣ Сената апелляціонная жалоба отъ нашего Князя Петра Андреевича на рѣшеніе Костромской Гражд. Палаты, и посланъ ли туда указъ изъ Сената о присланіи дѣла въ сей Департаментъ.

Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ крайне огорченъ, что ты, давъ ему слово опредѣлить его брата, Александра Сергѣевича, въ Прокуроры въ Симбирскъ, на открывшуюся тамъ ваканцію опредѣлилъ другова. И по родству и по доброму моему мнѣнію объ Александрѣ Сергѣевичѣ я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ ему и намъ это одолженіе. Я просить не охотникъ; однакожь иногда безсовѣстно и не попросить.

Собираемся ѣхать въ Подмосковную; но Май пришелъ къ намъ съ холодомъ и съ градомъ.

Прости, милой другъ. Будь здоровъ, спокоенъ и люби меня какъ твоего

вѣрнаго друга

Н. Карамзинъ.

132.

Москва, 4 Мая 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Вручитель сего есть Николай Ивановичь Огаревъ, одинъ изъ нашихъ добрыхъ пріятелей. Онъ желалъ, чтобы я написалъ съ нимъ нѣсколько строкъ къ тебѣ: что весьма охотно дѣлаю, имѣя уваженіе къ его почтеннымъ нравственнымъ свойствамъ. Итакъ — *въ угожденіе не мнѣ, а собственнымъ твоимъ правиламъ* — ты обойдешься съ нимъ привѣтливо. Есть ли у него какое дѣло, и въ чемъ состоитъ, не знаю: это до меня не касается.

Мы собираемся ѣхать въ деревню; но погода мѣшаетъ. На сей разъ кончу, обнимая тебя мысленно со всею дружескою нѣжностію. Навѣки преданный тебѣ

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Мужъ мой меня забываетъ не хочу чтобъ и другъ его тоже дѣлалъ и для того напоминаю вамъ ту которая васъ искренно любитъ и почитаетъ.

133.

Москва, 11 Мая 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Къ крайнему моему удивленію пишешь ты, что не получаешь отъ меня писемъ; а я, напротивъ, на два послѣднія письма не имѣю отъ тебя отвѣта. Не уже ли пропадаютъ? чего однакожь не бывало. Великая Княгиня тотчасъ доставила мнѣ твое письмо: о чемъ я увѣдомлялъ тебя, и проч. И такъ Гр. Хвостовъ показываетъ мою эпистолу! Кажется, я только сквозь зубы промолвилъ что-то въ похвалу его стиховъ. Удивительное добродушіе!

Меня увѣряютъ, что ты потолстѣлъ: это хорошій знакъ. Лѣто Петербургское не стоитъ Московскаго, однакожь должно имѣть благопріятное дѣйствіе на твое здоровье, которое для меня дорого. Желаю какъ можно скорѣе узнать отъ тебя самого, что оно поправляется. Я, слава Богу! здоровъ съ своими. Послѣ завтра думаемъ отправиться въ Подмосковную. Работаю изрядно; впрочемъ, все какъ-то не спорится. — Прости, любезнѣйшій. Нѣжно обнимаю тебя. Навѣки другъ твой

Н. Карамзинъ.

134.

С. Остафьево, Мая 27, 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Прибѣгаю къ защитѣ Министра Юстиціи по дѣлу, которое для меня важнѣе моихъ собственныхъ.

Село Красное нашего Князя Петра Андреевича, въ Костромской губерніи, гораздо долѣе ста лѣтъ владѣло двумя или тремя большими пустошами, безспорно утвержденными за нимъ и въ Генеральное Межеваніе; никогда не было объ нихъ никакого дѣла. Прошло лѣтъ 30 послѣ межеванія. Вдругъ экономическіе сосѣдственные крестьяне представляютъ въ Уѣздный Судъ засаленную бумагу, безъ всякой *подписи*, безъ *свидѣтельства*, до нынѣ нигдѣ не *явленную*, и писанную *за 240 лѣтъ* до нашего времени!! Въ этой бумагѣ сказано, что какія-то женщины по смерти своей отказываютъ такую и такую пустошь Ипатьевскому Монастырю; а истцы наши, экономическіе крестьяне, говорятъ въ своей прозьбѣ Уѣздному Суду à peu-près такъ: «Изъ представляемаго завѣщанія явствуетъ, что сіи пус-«тоши принадлежали Ипатьевскому Монастырю; а хотя сей «Монастырь уже и давно не существуетъ, но какъ мы сами «ему принадлежали, и какъ упомянутыя пустоши состоятъ «во владѣніи Князя Вяземскаго: то да благоволитъ Судъ от-«дать ихъ намъ!» Уѣздный Судъ не отдалъ; но Костромская Гражданская Палата, не входя ни въ какое разбирательство, а ссылаясь единственно на заключеніе Прокурора, рѣшила *отнять пустоши у Вяземскаго и отдать крестьянамъ экономическимъ* по силѣ завѣщанія, писаннаго въ седьмомънадесять вѣкѣ!! Сего мало.

Повѣренной Князя подписалъ апелляцію, а второй Департаменъ Сената, по апелляціонной его жалобѣ, потребовалъ дѣло изъ Палаты; но Палата, отправивъ сіе

дѣло, опредѣлила *исполнить свое рѣшеніе*, по тому, что Князь Вяземскій пропустилъ будто бы пятью днями апелляціонной поверстной срокъ. Это ложь: въ Академическомъ Календарѣ показано, что отъ Костромы до Петербурга 903 версты: слѣдственно, считая *по закону* 25 верстъ на день, апелляторъ имѣетъ *тридцать семь* дней сроку. Апелляція Вяземскаго подписана Марта 3, а жалоба его получена въ Сенатѣ Апрѣля 8: слѣдственно еще *за день до истеченія срока*.

Князь на прошедшей почтѣ послалъ бумагу во второй Департаментъ Сената, прося, чтобы онъ, до разсмотрѣнія дѣла, уже присланнаго Палатою въ сей Департаментъ, указалъ остановить исполненіе нелѣпаго Палатскаго рѣшенія.

Именемъ дружбы и правосудія прошу тебя, любезнѣйшій другъ, удержать такое беззаконіе и скорѣе послать въ Кострому указъ о неисполненіи рѣшенія Палаты: если отдадутъ землю во владѣніе экономическимъ крестьянамъ, то они вырубятъ лѣсъ, а тамъ ищи.

Прилагаю о семъ дѣлѣ подробнѣйшую записку.

Въ Костромской Гражданской Палатѣ сидятъ не судьи, а разбойники: они требовали съ Князя трехъ тысячь рублей, и не получивъ ни копейки, сдѣлали опредѣленіе неслыханное, какъ-то самъ увидишь изъ дѣла. Они взяли нѣсколько тысячь съ истцевъ, экономическихъ крестьянъ, и послали двухъ изъ нихъ съ своими наставленіями и письмами въ Петербургъ, чтобы остановить въ Сенатѣ дѣйствіе жалобы Князя.

Съ нетѣрпѣніемъ буду ждать твоего отвѣта. Я увѣренъ, любезнѣйшій другъ, что ты не дашь восторжествовать плутамъ. Это дѣло крайне меня встревожило.

Завтра думаю отправиться въ Тверь, но пиши ко мнѣ въ Москву. Со всѣми моими обнимаю тебя нѣжно. Твой

Н. Карамзинъ.

135.

Тверь, 3 Іюня 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Говорю тебѣ изъ Твери: *здравствуй!* Великая Княгиня по своей обыкновенной милости предложила мнѣ писать къ тебѣ съ отправляемымъ отсюда курьеромъ. Видишь, что я исполнилъ твой совѣтъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ; но пріѣхалъ сюда безъ работы и безъ дѣтей, знавъ, что Великая Княгиня и Принцъ собираются ѣхать въ Вышній Волочокъ и далѣе. Пробывъ здѣсь четыре дни, завтра въ ночь отправляюсь съ женою назадъ въ Подмосковную, гдѣ остались наши малютки.

Полубогиня Тверская все также любезна. Герцогъ Ольденбургскій есть умной и весьма пріятной человѣкъ: я радъ его знакомству. Они живутъ здѣсь въ совершенномъ щастіи семейственномъ.

Съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя отвѣта на мою усердную прозьбу о дѣлѣ Князя нашего. Я писалъ къ тебѣ какъ къ Министру Юстиціи, требуя законной защиты отъ наглыхъ безсовѣстныхъ судей.

Обнимаю тебя съ дружескою нѣжностію. Будь всего болѣе здоровъ и спокоенъ духомъ! До гроба твой вѣрной другъ

Н. Карамзинъ.

136.

С. Остафьево, 15 іюня 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за увѣдомленіе по дѣлу Князя. Ради Бога защити его отъ неслыханной наглости. Теперь и дѣло въ Сенатѣ и моя записка въ твоихъ рукахъ; но

боюсь, что беззаконное рѣшеніе Гражданской Костромской Палаты беззаконнымъ образомъ исполнится прежде нежели Сенатъ получитъ отъ нее отвѣтъ и велитъ остановить исполненіе. Полагаюсь на твою дѣятельную справедливость. Это дѣло важно для всѣхъ честныхъ людей: что будетъ съ нашею собственностію, если такіе разбойники-судьи останутся безъ наказанія? Съ нетерпѣніемъ ожидаю развязки: ты Министръ Правосудія и другъ мой. Я не просилъ бы тебя съ такою ревностію, если бы дѣло было мое собственное.

Великая Княгиня и Принцъ, думаю, уже возвратились въ Тверь, осмотрѣвъ пути судоходства; но, можетъ быть, они отправятся послѣ и въ Петербургъ.

Строки, въ которыхъ ты изъявляешь искреннее желаніе видѣться со мной, тронули меня до глубины души. Ты еще въ *первый разъ* говоришь о томъ прямо отъ души. И такъ, если Богу угодно, въ самомъ началѣ зимы оставлю моихъ малютокъ и явлюсь съ женою у тебя, и *единственно для тебя*; проживу съ тобою дней восемь, и опять назадъ въ Москву. Ѣхать лѣтомъ затруднительнѣе. Не имѣю нужды увѣрять тебя въ истинной любви: глаза мои наполнились слезами. Я имѣю нѣкоторыхъ пріятелей, но ты единственной мой старой другъ: такъ и умру. Обнимаю тебя очень, очень нѣжно. Будь здоровъ и спокоенъ по возможности. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

Жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ дружеское почтеніе.

137.

С. Остафьево, Іюля 5, 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо твое скажу, что *трудъ ѣхать въ Петербургъ* для свиданія съ тобою будетъ мнѣ болѣе сердечнымъ удовольствіемъ, нежели трудомъ; Богъ видитъ, сколько желаю обнять тебя, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли! Какъ ни коротки иногда письма твои, но всякое изъ нихъ принимаю за истинный знакъ твоей дружбы. Въ вихрѣ дѣлъ и придворной жизни это имѣетъ большую цѣну.

Сердечно благодарю тебя, любезнѣйшій, за участіе принимаемое тобою въ жалкомъ дѣлѣ Князя. Но ты Министръ Юстиціи: можешь ли равнодушно видѣть такія наглыя беззаконія? Слѣдственно и у меня и у всякаго отниметъ имѣніе завтра, кто вздумаетъ, давъ судьямъ Гражданской Палаты тысячь пять! Я увѣренъ, что ты прочиталъ доставленную мною тебѣ записку объ этомъ дѣлѣ, и видѣлъ всю нелѣпость рѣшенія Палатскаго, внушеннаго явнымъ мздоимствомъ. Ты говоришь, что дѣло зависитъ теперь отъ удостовѣренія, пропущенъ ли срокъ, и что Сенатъ ожидаетъ объясненія отъ Палаты: развѣ только для формы? ибо Сенатъ по находящимся у него бумагамъ знаетъ, что апелляція подписана повѣреннымъ Князя 3 Марта, и что апелляціонная жалоба его вступила въ Сенатъ 8 Апрѣля; а какъ отъ Костромы до Петербурга по Календарю 903 версты, то на *поверстный* срокъ дается 37 дней, считая на день 25 верстъ: слѣдственно срокъ не пропущенъ, и Палата не должна была исполнять своего рѣшенія. Она, какъ вѣроятно, въ отвѣтѣ своемъ Сенату сошлется на Почтовую Карту; но Публика

не знаетъ сей карты, а знаетъ Календарь государственный, по коему и Сенатъ донынѣ судилъ поверстные сроки.

Я увѣренъ въ душѣ своей, любезнѣйшій другъ, что если бы Князь по какимъ нибудь обстоятельствамъ и пропустилъ срокъ (чего однакожь не случилось), то это дѣло, какъ *необычайно беззаконное*, наглое и нелѣпое въ отношеніи къ Гражданской Палатѣ требовало бы особеннаго доклада Государю, чтобы онъ приказалъ *не въ очередь* рѣшить его Сенату какъ можно скорѣе, дабы исполненіе Палатскаго рѣшенія не разорило цѣлаго невиннаго селенія. Именемъ святой справедливости заклинаю тебя въ семъ случаѣ доказать и честнымъ людямъ и плутамъ-судьямъ, что мы живемъ не въ вертепѣ разбойниковъ, а въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ нельзя такъ нагло отнимать собственности, и гдѣ наказываются Предсѣдатели и Засѣдатели взяткобратели, явно обличаемые въ томъ ихъ рѣшеніемъ: ибо какъ они ни глупы, но безъ тысячь не подписали бы опредѣленія *вопреки всѣмъ Законамъ, и не ссылаясь ни на одинъ изъ нихъ*, а говоря единственно: «согласно съ заключеніемъ Прокурора отнимаемъ землю у Вяземскаго». Все дѣло состоитъ въ нѣсколькихъ листахъ: нуженъ только часъ для его выслушанія. Оно уже въ Сенатѣ, какъ тебѣ извѣстно.

Видишь, любезнѣйшій, что это крайне тревожитъ мою душу. Я люблю Отечество, Государя и Министра: болѣе ни чего не прибавлю, кромѣ того, что судьи Костромской Гражданской Палаты (какъ пишутъ къ намъ оттуда) смѣются надъ жалобами Князя въ Сенатѣ и хвалятся своими Петербургскими связями. Конецъ этова неслыханнаго дѣла или успокоитъ меня или отвратитъ отъ всего.

Прости, любезнѣйшій другъ. Мысленно обнимаю тебя со всею нѣжностію души и сердца. Будь болѣе всего здо-

ровъ и спокоенъ. Жена и малютки мои дружески тебѣ кланяются. На вѣки твой

Карамзинъ.

Катерина Андреевна велитъ приписать къ тебѣ особенную ея благодарность за твои строки. — Великая Княгиня пишетъ, что она можетъ быть, около 18 Іюля отправится въ Петербургъ недѣли на три. Кутузовъ недавно обѣдалъ у нее и блѣднѣлъ и заикался, *принужденный* хвалить меня!

138.

С. Остафьево, 9 Авг. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Я безпокоился, долго не получая отъ тебя писемъ: получивъ, благодарю сердечно, любезнѣйшій, за оказанную справедливость по дѣлу Князя. Мнѣ стало легче. Что касается до моихъ *эпитетовъ*, то они были не *піитическіе*, *а историческіе*. Ты знаешь, кажется, что я не очень золъ въ отношеніи къ своимъ личнымъ непріятелямъ; но общественныя злодѣйства, которыя можно назвать язвою Государственною, трогаютъ меня до глубины души. Пишу къ тебѣ не на *гербовой* бумагѣ: слѣдственно могу сказать иное и слишкомъ сильно; не не стыжусь своего чувства. Ты Министръ, а я смѣю назвать себя патріотомъ: пользы наши сходятся, такъ какъ и наши сердца въ дружбѣ. Заключу тѣмъ, что нѣжно обнимаю тебя въ мысляхъ.

Никакъ не думаю обмануть тебя и себя въ намѣреніи ѣхать зимою въ Петербургъ для свиданія съ тобою. Сердечно желаю имѣть это утѣшеніе. Покровительница моя хотѣла пошутить на счетъ моей философической неподвижно-

сти. При первомъ случаѣ исполню твое порученіе въ отношеніи къ ней. Кромѣ Ея высокаго сана, прелестей и достоинствъ личныхъ, я долженъ любить Ее и за отмѣнно милостивое ко мнѣ расположеніе: эту пріятную должность исполняю усердно и не по-придворному.

Ты жалуешься на преждевременную старость, а я предсказываю тебѣ самую маститую: увидишь, что проживешь долго, долго, согласно съ твоимъ и моимъ сердечнымъ желаніемъ. Недавно читалъ я о признакахъ долголѣтія: всѣ ихъ нахожу въ тебѣ безъ шутки. Между тѣмъ не лѣнись ходить пѣшкомъ и въ хорошую и въ дурную погоду: это главное.

Живемъ въ тишинѣ сельской. Работаю усердно, и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вотъ прямо исторической предметъ! Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собою песчаную степь Африканскую, а передъ собою величественныя дубравы, красивые луга, богатыя поля и пр. Но бѣдной Моисей не вошелъ въ Обѣтованную Землю! — Еще разъ обнимаю тебя. Моя Катерина Андреевна сердечно благодаритъ за твое дружеское приписаніе. Навѣки твой другъ

Н. Карамзинъ.

139.

Москва, 27 Авг. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Мы думали жить въ деревнѣ до Октября, но Богъ сдѣлалъ иначе. Нашъ Князь нечаянно объявилъ намъ, что онъ помолвилъ жениться на княжнѣ Гагариной, дочери Кологривой, Прасковьи Юрьевны. Мы не имѣли даже ни малѣйшаго

подозрѣнія... Между тѣмъ мы должны разстаться, то есть жить въ разныхъ домахъ: онъ думаетъ скоро жениться и переѣхать въ Подмосковную; а твой Исторіографъ, не очень здоровой, не очень веселой, занимается теперь хлопотами новаго, особеннаго хозяйства. У меня открылась обыкновенная болѣзнь моя въ сильномъ градусѣ: теряю много крови, и проч. и проч. Будемъ утѣшать другъ друга въ нашей обоюдной хилости, но дай Богъ, чтобы ты не имѣлъ нужды въ моихъ утѣшеніяхъ философскихъ и былъ здоровъ по возможности. Бѣдная Исторія опять почти ни съ мѣста. Да будетъ воля Божія! Я было совсѣмъ изготовился къ Тверскому путешествію, получивъ отмѣнно милостивое письмо отъ Великой Княгини и любезное приглашеніе; но теперь не знаю, когда могу ѣхать: на сей почтѣ пишу къ ней о моемъ худомъ здоровьѣ. Не какъ Министру и придворному, а какъ другу скажу тебѣ, что я искренно и безкорыстно люблю Великую Княгиню; она же называетъ свою милость ко мнѣ *дружбою*, которая тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны для меня, что я не льстилъ и не ласкалъ. — Жена моя увѣряетъ тебя въ своемъ дружескомъ почтеніи, а я мысленно обнимаю. Навѣки преданный тебѣ

Н. Карамзинъ.

Не подумай, любезнѣйшій, чтобы я былъ сердитъ на Князя: люблю его какъ истинно роднаго. Онъ будетъ писать къ тебѣ о своей женитьбѣ. Повторяю сердечную мою прозьбу, чтобы ты былъ всегда его покровителемъ и милостивцемъ, въ память его отцу и въ слѣдствіе дружбы ко мнѣ. Если переживешь меня, то милостію своею къ нему будешь доказывать, что помнишь и мертваго друга. Говорю это отъ глубины сердца и на всякой случай.

Добрая моя жена думаетъ, что мнѣ лучше съѣздить въ Тверь для пріятнаго разсѣянія. И такъ мы опять положили туда отправиться на 3 или 4 дни.

140.

Москва, 13 Сент. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Тверь, я занемогъ и страдалъ около 10 дней отъ геморойдальной колики; а вставъ съ постели, ѣзжу теперь всякой день къ нашему больному Князю, которой лежитъ въ домѣ своей невѣсты. У него жестокой кашель съ лихорадкою, и легко можетъ открыться чахотка. Вообрази наше положеніе горестное! Молимъ Провидѣніе единственно о томъ, чтобы онъ выздоровѣлъ... Мнѣ совѣстно огорчать тебя нашимъ горемъ. Богу не угодно дать мнѣ спокойствія, которое теперь всего для меня нужнѣе. Прости, любезнѣйшій. Вѣрю твоему дружескому участію. Будь здоровъ и спокоенъ. Люблю тебя всею душею и сердцемъ. Обнимаю нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

141.

Москва, 21 Сент. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Я радъ случаю написать къ тебѣ нѣсколько строкъ съ г. Бемомъ, опредѣленнымъ къ тебѣ въ Канцелярію; знаю, что онъ хорошаго поведенія, имѣетъ ученыя знанія и былъ здѣсь отличаемъ Профессорами.

Безпокойство наше о Князѣ продолжается: ѣздимъ всякой день слушать его кашель.... Медики имѣютъ надежду; но я все еще не вижу рѣшительнаго облегченія. Здоровье мое однакожь поправляется: опять ѣзжу верхомъ. А моя Катерина Андреевна страдаетъ отъ тошноты: т. е. беременна. Это не совсѣмъ кстати въ нашемъ безпокойствѣ.

Обнимаю тебя нѣжно. Будь здоровъ и люби меня. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

142.

Москва, 8 Окт. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Я сердечно радъ, если строки, написанныя мною въ *Альбумъ* Г. Ланской, сдѣлали тебѣ нѣкоторое удовольствіе. Ты хвалишь меня за учтивость: признаюсь, что въ другомъ случаѣ она не была бы для меня столь легкою.

Ты совѣтуешь мнѣ выѣхать изъ Москвы, гдѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ имѣли мы столько горестей; но, любезнѣйшій другъ, отъ Судьбы не ускачешь! Дай мнѣ, если можешь, болѣе твердости и добродѣтели.

Я поправился въ здоровьѣ. Князю лучше, но сильный кашель еше продолжается, и состояніе влюбленнаго жениха не благопріятствуетъ выздоровленію молодаго человѣка, близкаго къ чахоткѣ. Намъ остается только молиться за него Богу.

При свиданіи и случаѣ изъяви, любезнѣйшій, благодарность мою Осипу Петровичу за статьи *Сѣверной почты* о списываніи грамотъ Кенигсбергскаго Архива, относящихся

къ исторіи Лифляндской и Русской. Это произведетъ безъ сомнѣнія хорошее дѣйствіе.

Обнимаю тебя отъ всего сердца. Жена моя дружески тебѣ кланяется, и малютки наши не забываютъ Друга въ отсутствіи. Будь здоровъ и спокоенъ по возможности. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

143.

Москва, 9 Ноября 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Я давно не писалъ къ тебѣ отъ разныхъ хлопотъ домашнихъ, и между тѣмъ успѣлъ съѣздить въ Тверь, гдѣ десять дней пользовался знаками милости Ихъ Высочествъ; теперь сѣлъ опять на гнѣздѣ, и не скоро тронусь съ мѣста.

Любовь наша къ Князю не перемѣнилась: съ сердечнымъ удовольствіемъ скажу тебѣ, что онъ ближе къ здоровью и по видимому чувствуетъ цѣну нашей дружбы; это для него еще лучше, нежели для насъ. Прочее зависитъ отъ Бога.

Не знаю, радоваться ли, что Москва не перестаетъ дѣйствовать на тебя, какъ магнитъ на желѣзо. По крайней мѣрѣ мои желанія всегда будутъ согласны съ твоими. Будь вездѣ здоровъ и доволенъ!

Моя Катерина Андреевна не очень здорова отъ своей беременности: къ сердечному сожалѣнію не могу еще сказать, когда увижусь съ тобою въ Петербургѣ. Не вини моей дружбы: она не холодна и пряма.

Нѣжно, нѣжно тебя обнимаю. На вѣки твой.

Н. Карамзинъ.

144.

Москва, 4 Дек. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Благодарю тебя и за письмо и за присылку стиховъ съ прозою. Кажется, что наши Петербургскіе Авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ *Славянскомъ* и *Русскомъ* безъ яснаго понятія объ ихъ различіи. Объ этомъ говорить будетъ долго; и такъ не скажу ничего.

Сердцу моему пріятно читать въ твоихъ письмахъ, сколь ты любишь Государя, рѣдкаго по Его любви къ добру. Никто ревностнѣе моего не желаетъ, чтобы Потомство прославило Его Царствованіе.

Слышу отъ пріѣзжихъ, что ты съ виду здоровъ, и сталъ гораздо полнѣе: такъ ли? — Вѣрю, любезнѣйшій, что приманки честолюбія не ослѣпляютъ тебя, и что ты нерѣдко повторялъ въ умѣ славнѣйшее изъ Соломоновыхъ изрѣченій. Нѣтъ сомнѣнія, что щастіе можетъ быть только внутри насъ: ты имъ пользуешься въ изрядной мѣрѣ и довольно.

Я пока здоровъ, пишу и часто выѣзжаю въ пріятельскія бесѣды. Когда Богъ приведетъ меня побесѣдовать съ тобою? Не отказываюсь отъ надежды видѣть тебя въ Петербургѣ; но когда, не знаю. Я уже писалъ къ тебѣ о беременности Катерины Андреевны. Разстаться съ нею для меня почти не возможно, а ѣхать съ брюхатою также не ловко. Передъ Богомъ могу сказать, что радостное свиданіе съ тобою есть одно изъ самыхъ живѣйшихъ моихъ желаній. — Обнимаю тебя нѣжно. Будь, любезнѣйшій, здоровъ и спокоенъ въ духѣ, и люби твоего

Н. Карамзина.

145.

Москва, 30 Дек.. 1811.

Любезнѣйшій другъ!

Такъ давно не имѣю отъ тебя ни строки! Здоровъ ли ты? Право безпокоюсь; то есть, право люблю тебя. Можетъ быть ты очень занятъ: желаю, чтобы не было иной причины твоему молчанію.

У меня въ домѣ поселился насморкъ и кашель: Катерина Андреевна и дѣти не очень здоровы; я также, хотя и выѣзжаю. Здѣсь какое-то повѣтріе: множество больныхъ. Слѣдственно теплыя зимы не здоровы въ Россіи.

Вѣроятно, что я до весны не тронусь изъ Москвы по беременности Катерины Андр. Она родитъ не прежде Апрѣля, и чувствуетъ себя вообще не очень хорошо. Я работаю, гуляю etc. etc. Все по старому, кромѣ того, что имѣю болѣе домашнихъ хлопотъ по хозяйству.

Новой Годъ наступаетъ; на прошедшій не смѣю жаловаться: покрайней мѣрѣ онъ не унесъ никого изъ моихъ сердечныхъ! Временное нездоровье, временныя огорченія сносны. — Обнимая тебя отъ всей души, желаю, любезнѣйшій, чтобы ты провелъ 1812 годъ какъ можно лучше, какъ можно спокойнѣе и веселѣе; а здоровье ставлю въ головахъ. Жена моя дружески тебѣ кланяется. Люби меня всегда и пиши хотя изрѣдка.

Твой Н. Карамзинъ.

146.

Москва, 11 Генв. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Наконецъ я получилъ отъ тебя письмо и обрадовался; а то, право, мнѣ было очень грустно. Нѣсколько моихъ писемъ оставалось безъ отвѣта, и я не зналъ, что думать.

Искренняя, старая моя любовь къ тебѣ стоитъ по крайней мѣрѣ десяти строкъ въ мѣсяцъ. Басня о двухъ Друзьяхъ выдумана не мною; однакожь умѣю безпокоиться о тѣхъ, кого люблю. — Видѣлъ ли ты Местра? Отдалъ ли онъ тебѣ мое письмо?

Графиня Остерманъ крайне желаетъ, чтобы ты продалъ ей свой домъ для заведенія въ немъ чего-то Богоугоднаго. Деньгами тебя не прельстишь: иначе она не стала бы торговаться и готова купить его за всякую цѣну, чтобы соорудить тамъ памятникъ своему брату. Какъ думаешь? скажи.

Въ новый годъ былъ я на балѣ у Гр. Гудовича, а послѣ занемогъ и сидѣлъ дома около недѣли; теперь опять на ногахъ, на конѣ и за письменнымъ столомъ своимъ.

Наша любезная Великая Княгиня въ Ярославлѣ. Не имѣю надежды видѣться съ нею въ теченіе нынѣшней зимы за беременностію моей жены. Иногда получаю отъ нее письма, всегда ласковыя и *дружескія*.

Прости, любезнѣйшій. Не забывай преданнаго тебѣ

Н. Карамзина.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Мужъ мой меня забылъ, но я васъ прошу у него не перенимать и быть увѣреннымъ въ моемъ дружескомъ почтеніи.

147.

Москва, 8 Апр. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Я давно не писалъ къ тебѣ въ ожиданіи сына или дочери; но Катерина Андр. все еще не родила: узнавъ же отъ Пушкиныхъ, что ты по своей дружбѣ обо мнѣ безпокоишься,

пишу и благодарю. Я довольно здоровъ, но не могу быть спокойнымъ, пока не увѣдомлю тебя, что жена моя родила и оправилась. Впрочемъ занимаюсь обыкновеннымъ дѣломъ; мало вижу людей, кромѣ больныхъ, которыхъ здѣсь много. П. А. Обрѣзковъ въ горячкѣ, Н. М. Сушковъ въ параличѣ, А. Ѳ. Малиновскій выздоравливаетъ.

Я имѣлъ щастіе получить письмо отъ Великой Княгини и самъ писалъ къ Ней. Умѣю любить Ее сердечно и безкорыстно; кажется, что Она этому вѣритъ.

Здѣсь говорятъ, что Императоръ уже поѣхалъ въ армію. Какъ у васъ будетъ пусто! Если будешь свободнѣе, то надѣюсь чаще имѣть о тебѣ извѣстіе отъ тебя самого.

Прости, милой другъ. Обнимаю тебя сердечно. Катерина Андреевна дружески тебѣ кланяется. Будь здоровъ и благополученъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

148.

Москва, 22 Апр. 1812.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій другъ! Написавъ къ тебѣ послѣднее письмо, я занемогъ лихорадкою, и теперь еще несовсѣмъ здоровъ; сижу дома и не могу заниматься обыкновеннымъ своимъ дѣломъ.

Вчера былъ у меня Огаревъ, которой опредѣленъ къ твоему Министерству и ѣдетъ въ Петербургъ. — Усердно и дружески рекоммендую его въ твое благорасположеніе. Онъ дикъ, неискателенъ, чувствителенъ, честенъ, уменъ, способенъ къ дѣламъ и весьма хорошо пишетъ. Прошу тебя узнать его короче: такихъ людей у насъ не много. Говорю не на вѣтеръ. Принцъ думалъ сдѣлать его Губернаторомъ въ Твери. Пожалуй не оставь моихъ словъ безъ вниманія. Огаревъ дѣйствительно можетъ быть очень полезенъ.

Всякой часъ жду малютки, но Катерина Андреевна все еще бродитъ. Считаю минуты и безпокоюсь.

Правда ли, что Тургеневъ поѣхалъ въ Вильну при Шишковѣ?

Прости, любезнѣйшій. Нѣжно обнимаю и цѣлую тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

149.

Москва, 9 Мая 1812.

Любезнѣйшій другъ!

6 мая родилась у насъ дочь Наталья. По сію минуту все идетъ хорошо: какъ Богъ дастъ впередъ! Только я опять не очень здоровъ и примусь, кажется, снова за хину; но это не бѣда: лишь бы моя Катерина Андр. благополучно оправилась и малютка жила въ замѣну старшей Натальи, незабвенной для нашего сердца. — На этой почтѣ я напишу и къ Великой Княгинѣ.

Недавно вступилъ къ тебѣ въ канцелярію одинъ молодой *Сибирякъ*, котораго имени не упомню; но которой мнѣ очень полюбился умнымъ разговоромъ и доброю физіогноміею. Я видѣлъ его въ Нижнемъ и въ Москвѣ, онъ стоитъ твоего вниманія, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстна одна весьма хорошая черта его характера.

Въ разсужденіи Огарева я желалъ бы, чтобы ты употребилъ его при себѣ къ обоюдному удовольствію начальника и подчиненнаго: онъ уменъ, способенъ къ дѣламъ и честенъ, какъ древній Римлянинъ, но дикъ.

Дай Богъ, чтобы ты, мой любезнѣйшій другъ, былъ доволенъ своимъ здоровьемъ и наслаждался въ душѣ спокойствіемъ, несмотря на хлопоты Министерскія. Помни и люби насъ. Обнимаю тебя отъ души. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

150.

Москва, 6 Іюня 1812.

Сердечно благодарю тебя за поздравленіе. Слава Богу, Катерина Андр. оправляется; а новорожденной мы привили оспу. Бѣдная еще не успѣла хорошенько взглянуть на здѣшній свѣтъ, а ей уже впустили ядъ въ жилы! Я нѣсколько дней былъ очень нездоровъ; теперь хожу и выѣзжаю, но не могу назвать себя совершенно здоровымъ. Иногда унываю въ душѣ.—Собираемся ѣхать въ Подмосковную: дай Богъ, чтобы ничто не помѣшало намъ прожить тамъ мѣсяца три-четыре въ тишинѣ и спокойствіи! Имѣю въ томъ нужду.

Я благодарилъ Великую Княгиню за милостивыя пени, и не считаю за нужное оправдываться. Иное дѣло, если бы она была въ Москвѣ или мы въ Петербургѣ: заочныя крестины только церемонія для свѣта. Она написала къ намъ прелюбезное письмо. Богъ знаетъ, когда увижу Ее; Богъ знаетъ, когда увижу и тебя, моего любезнѣйшаго друга, не смотря на искреннѣйшее, сердечное желаніе обнять тебя скорѣе!

Жена моя дружески тебѣ кланяется. Прости, любезнѣйшій. Будь здоровъ и благополученъ. Сто разъ цѣлую тебя въ мысляхъ. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

151.

Москва, 20 Авг. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Давно я не писалъ къ тебѣ: у меня была лихорадка за лихорадкою; а сверхъ того и наши государственныя обстоятельства не даютъ охоты писать. Я переѣхалъ въ городъ, отправилъ жену и дѣтей въ Ярославль съ брюхатою Кня-

гинею Вяземскою; самъ живу у графа Ѳ. В. Ростопчина и готовъ умереть за Москву, если такъ угодно Богу. Наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ: уѣзжаетъ множество. Хорошо, что имѣемъ Градоначальника умнаго и бодраго, котораго люблю искренно какъ Патріотъ Патріота. Я радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ *Московскою* удалою *дружиною* примкнуть къ нашей Арміи. Не говорю тебѣ о чувствахъ, съ которыми я отпускалъ мою безцѣнную подругу и малютокъ: можетъ быть въ здѣшнемъ мірѣ уже не увижу ихъ! Въ первой разъ завидую тебѣ: ты не мужъ и не отецъ! Впрочемъ душа моя довольно тверда. Я простился и съ Исторіею: лучшій и полной экземпляръ ея отдалъ женѣ, а другой въ Архивъ Иностранной Коллегіи. Теперь безъ Исторіи и безъ дѣла, читаю Юма о *происхожденіи идей!!*

Здоровъ ли ты? Обнимаю тебя со всею дружескою горячностію. Многіе изъ нашихъ общихъ знакомцевъ уже въ бѣгахъ. Я благословилъ Жуковскаго на брань: онъ вчера выступилъ отсюда на встрѣчу къ непріятелю. Увы! Василій Пушкинъ убрался въ Нижній! Прости, милой. До гроба вѣрный другъ твой

Н. Карамзинъ.

152.

Нижній, 11 Окт. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Выѣхавъ изъ Москвы въ тотъ день, когда наша Армія предала ее въ жертву непріятелю, я нашелъ свое семейство въ Ярославлѣ и оттуда отправился въ Нижній. Думаю опять странствовать, но только безъ жены и дѣтей, и не въ видѣ бѣглеца, но съ надеждою увидѣть пепелище любезной Мо-

сквы: Графъ П. А. Толстой предлагаетъ мнѣ идти съ нимъ и съ здѣшнимъ ополченіемъ противъ Французовъ. Обстоятельства таковы, что всякой можетъ быть полезенъ или имѣть эту надежду: обожаю подругу, люблю дѣтей; но мнѣ больно *издали* смотрѣть на происшествія рѣшительныя для нашего отечества. Осудишь ли меня? По тому же побужденію я и въ Москвѣ оставался. Вѣрю Провидѣнію. Не буду говорить много, хотя и съ другомъ. Во всякомъ случаѣ еще напишу къ тебѣ отсюда. Отвѣчай мнѣ скорѣе: по крайней мѣрѣ Катерина Андр. прочитаетъ твое письмо. — Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, но исторія цѣла: Камоэнсъ спасъ *Лузіаду*. Жаль многова, а Москвы всего болѣе: она возрастала семь вѣковъ! Въ какое время живемъ! Все кажется сновидѣніемъ. Прости, милой другъ. Живемъ здѣсь въ домѣ *Ивана Алексѣевича Аверкіева.* Скажи графу Растопчину, сколь искренно люблю его и почитаю: у него благородная, патріотическая душа. Кланяюсь любезному пріятелю Тургеневу. Обнимаю тебя мысленно. Жена дружески тебѣ кланяется: малютки также.

Вѣрный твой другъ Н. Карамзинъ.

153.

Нижній, 28 Окт. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Пишу къ тебѣ съ Н. И. Агаревымъ, которой нѣсколько времени жилъ съ нами въ Нижнемъ. Дозволь повторить, что я говорилъ тебѣ объ немъ прежде: не много въ свѣтѣ такихъ честныхъ, благородныхъ и даже умныхъ людей въ смыслѣ основательности, а не блеска мишурнаго. Обстоятельства его крайне затруднительны: онъ не можетъ служить безъ жалованья. Душевно обрадуюсь, когда узнаю,

что ты доставилъ ему хорошее мѣсто. Не презри моей усердной прозьбы, основанной на увѣреніи, что она дѣльная.

Живемъ день за день, не зная, что будетъ съ нами. Я теперь какъ растѣніе вырванное изъ корня: лишенъ способовъ заниматься, и едва ли когда нибудь могу возвратиться къ своимъ прежнимъ мирнымъ упражненіямъ. Не знаю даже и того, какъ и гдѣ буду жить. На сей разъ имѣю хорошій домикъ: здѣшній помѣщикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Степанъ Алексѣевичь Львовъ, уступилъ мнѣ свой, куда и надписывай ко мнѣ письма: теперь они будутъ для меня еще пріятнѣе, нежели въ иное время.

Москва возвратилась намъ безъ меча исторіографскаго: остаюсь съ моимъ семействомъ.

Обнимаю тебя со всею дружескою горячностію. Жена и дѣти тебѣ кланяются. Часто говоримъ о нашемъ Петербургскомъ Другѣ. Жаль, жаль, что судьба разлучаетъ насъ въ такое время. Будь здоровъ, любезнѣйшій.

Навѣки твой Н. Карамзинъ.

154.

Нижній, 26 Ноября 1812.

Любезнѣйшій другъ! Къ сердечному моему утѣшенію получилъ я вдругъ два письма отъ тебя. Скажу вмѣстѣ съ тобою: какъ ни жаль Москвы, какъ ни жаль нашихъ мирныхъ жилищъ и книгъ обращенныхъ въ пепелъ, но слава Богу, что Отечество уцѣлѣло, и что Наполеонъ бѣжитъ зайцемъ, пришедши тигромъ. Ты, любезнѣйшій, удивляешься неосторожности Москвитянъ; но отцы и дѣды наши умерли, а мы дожили почти до старости безъ помышленія о томъ, чтобы непріятель могъ добраться до Святыни Кремлевской:

не хотѣлось думать, не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось трусить въ собственныхъ глазахъ своихъ; насъ же увѣряли, ободряли; клялись сѣдыми волосами, и проч. Не брани меня за худой совѣтъ, данной мною Горяинову въ разсужденіи твоихъ книгъ: онъ явился ко мнѣ 30 или 31 Августа: тогда уже не было возможности отправлять книги за 700 верстъ, или надлежало бы заплатить ямщикамъ сумму необъятную. Судьба моей собственной библіотеки служитъ тебѣ доказательствомъ, что я не имѣлъ средствъ спасти твою: все сгорѣло; а твои книги еще можетъ быть и цѣлы, въ каменной палаткѣ, крытой желѣзомъ, куда хотѣлъ положить ихъ твой коммиссіонеръ. Сердечно желаю, чтобы ты былъ обрадованъ вѣстію о сохраненіи хотя библіотеки твоей, если уже нѣтъ сомнѣнія, что прекрасной домикъ твой исчезъ въ пламени. — Съ нетерпѣніемъ жду, чѣмъ заключится эта удивительная кампанія. Есть Богъ! Онъ наказываетъ и милуетъ Россію. Крайне желаю обнять тебя, моего друга; но еще не знаю, гдѣ буду жить, на Московскомъ ли пепелищѣ или въ Петербургѣ, гдѣ единственно могу продолжать Исторію, то есть, найти нужныя для меня книги, утративъ свою библіотеку. Теперь еще не могу тронуться съ мѣста: не имѣю денегъ, а крестьяне не даютъ оброка по нынѣшнимъ труднымъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ боюсь загрубѣть умомъ и лишиться способности къ сочиненію. Невольная праздность изнуряетъ мою душу. Такъ угодно Богу! Авось весною найду способъ воскреснуть для моего историографскаго дѣла и выѣхать отсюда. Здѣсь довольно насъ Московскихъ. Кто на Тверской или Никитской игралъ въ Вистъ или Бостонъ, для того мало разницы: онъ играетъ и въ Нижнемъ. Но худо для насъ, книжныхъ людей: здѣсь и *Степенная Книга* мнѣ въ диковинку. — Прости, милой старой другъ. Будь здоровъ и благополученъ. Всѣ Карамзины обнимаютъ тебя.

155.

Нижній, 18 Дек. 1812.

Любезнѣйшій другъ!

Съ сердечною горестію читалъ я письмо твое о нещастной судьбѣ Ѳедора Ивановича. Мнѣ давно разсказывали его исторію; а послѣ слышалъ я, что она несправедлива: къ нещастію оказалось противное. Варварство ужасное! Летѣлъ бы я обнять тебя горестнаго, если бы могъ. Очень, очень желаю не только ѣхать въ Петербургъ, но и поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ въ ожиданіи, когда Москва сдѣлается обитаемою. Время для меня дорого: склоняюсь къ старости; нѣсколько лѣтъ еще могу писать, пять, шесть, если Богу угодно; а тамъ на покой, временной или вѣчной: слѣдственно надобно пользоваться днями и часами для довершенія моего исторіографства. Здѣсь я теряю время, не имѣя нужныхъ книгъ. Только въ Петербургѣ могу продолжать работу. Къ этому прибавь утѣшеніе жить съ тобою, и суди о моемъ нетерпѣніи выѣхать изъ Нижняго. Но вотъ бѣда: крестьяне, изнуренные всякими налогами чрезвычайными, не даютъ оброка. Жена моя представила на службу 70 человѣкъ, которыхъ вооруженіе и прочее стоило намъ около 10,000 рублей: вотъ весь нашъ доходъ годовой. Даже и пенсіи не получаю, ибо казенная Московская Палата еще не открылась. Дадутъ ли мнѣ въ Петербургѣ чистой уголокъ въ какомъ нибудь казенномъ домѣ, т. е. комнатъ шесть? Государь самъ предлагалъ мнѣ жить въ Аничковскомъ дворцѣ; но тогда были другія обстоятельства: Ему теперь не до Исторіографа. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе. Нижній кажется для насъ ссылкою. Грущу и по своей библіотекѣ, которую я собиралъ четверть вѣка. Утѣшаюсь только мыслію, что Богъ черезъ насъ истребляетъ всемірнаго зло-

дѣя. Россійская Исторія можетъ сдѣлаться еще любопытнѣе. — Я былъ нездоровъ, и малютки наши также. Теперь опять гуляю на конѣ по высокимъ берегамъ Волги. Прости, любезнѣйшій. Пиши ко мнѣ изъ милосердія. — Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ утѣшительны дружескія строки. Сто разъ тебя обнимаю за себя и еще разъ за моихъ домашнихъ. Будь здоровъ и благополученъ. Навѣки твой другъ

Н. Карамзинъ.

156.

Нижній Новг. Генв. 14, 1813.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ наступившимъ годомъ, желая, чтобы онъ стоилъ Россіи и намъ менѣе крови и слезъ, пролитыхъ въ теченіе минувшаго. — Нещастіе нашей любезнѣйшей Великой Княгини искренно оплакивается нами. Не знаю, гдѣ она, въ Твери ли, въ Петербургѣ ли? Устоитъ ли ея молодость и здоровье въ этой бурѣ? Пиши ко мнѣ, что объ ней узнаешь. Слышно, что она никого не хочетъ видѣть въ своемъ горькомъ отчаяніи: такъ и быть должно. Одно время бываетъ утѣшителемъ. Хотѣлось бы мнѣ писать къ ней, но не смѣю. Богъ знаетъ, когда увижу Ее, и въ какомъ положеніи! Остаюсь въ прежнемъ невѣдѣніи о времени нашего отсюда выѣзда по извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ. Усердно желаю мира: тогда увидѣли бы мы, при чемъ останемся, гдѣ и какъ можемъ провести остатокъ дней своихъ. Но кажется, что война еще продолжится. Тамерланъ не околѣлъ, а Нѣмцы будутъ курить табакъ. — Мы теперь безпокоимся о своемъ Андрюшѣ, которой около трехъ мѣсяцевъ не здоровъ и страшно похудѣлъ. Прости, любезнѣйшій. Обнимаю тебя со всею дружескою нѣжностію. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

157.

Нижній Новг., Февр. 17, 1813.

Послѣ того, что я говорилъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, о нашемъ здѣсь пребываніи, ты не можешь сомнѣваться въ моемъ нетерпѣніи выѣхать отсюда благополучно. По сю пору я не въ Петербургѣ отъ того, что считаю безразсудностію ѣхать туда безъ денегъ и безъ извѣстнаго намъ дохода. Я мужъ и отецъ четырехъ дѣтей: мнѣ надобно имѣть болѣе, нежели прогоны. Доселѣ я жилъ своимъ: на пятомъ десяткѣ не хочется входить въ долги и кланяться. Состояніе крестьянъ жалкое: у меня нѣтъ духа требовать съ нихъ полнаго оброка, хотя и весьма умѣреннаго. Будущее также не ясно. Долго-ли станемъ воевать? Чего еще потребуется отъ насъ и крестьянъ для славы и безопасности Россіи? Однимъ словомъ, думаю, что мнѣ надобно еще по крайней мѣрѣ дождаться здѣсь лѣта, вопреки моему сильному желанію обнять тебя, видѣть любезнѣйшую Великую Княгиню и снова заняться моимъ исторіографскимъ дѣломъ, для котораго не имѣю здѣсь достаточныхъ способовъ. Болѣе нежели благодарность привязываетъ меня къ Великой Княгинѣ. Люблю Ее всею душею; но Ей не до меня. Слышно, что Она не хочетъ никого видѣть и живетъ только горестію, изнуряя свое здоровье. Это очень тревожитъ насъ. Мы богаты прискорбіями. Дай Богъ, чтобы Вамъ въ Петербургѣ было веселѣе, и чтобы Вы тѣшили насъ хорошими извѣстіями!

Изъяви мою искреннюю благодарность Митрополиту Сестренцевичу за книгу, которую ты мнѣ отъ него доставилъ: я съ удовольствіемъ написалъ бы къ нему письмо, если бы могъ согласить истину съ учтивостію; а лгать не хочется.

Ученая книга его безъ сомнѣнія заслужитъ похвалу нашихъ Журналистовъ.

Ты знаешь Бардовскаго? Онъ публиковалъ въ газетахъ, что Императоръ приказалъ ему описать бѣдствіе Москвы.

158.

Нижній, 13 Марта 1813.

Любезнѣйшій другъ! Мы лишаемся Андрюши. Что Богу угодно, то и будетъ съ нами. Много писать не могу. Катенька, Наташа и Сонюшка также не здоровы. Боюсь и за моего друга, жену. Обнимаю тебя отъ всего моего горестнаго сердца. Прости, любезнѣйшій. Твой другъ до гроба

Н. Карамзинъ.

159.

Нижній Новг., 30 Апрѣля 1813.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ мой! Я долго не имѣлъ сердца писать къ тебѣ въ нашей горести и тоскѣ. Катерина Андр. отъ безпокойства выкинула и еще не совсѣмъ здорова. Андрюша еще живъ и все также безнадеженъ. Болѣзнь его обратилась по видимому въ чахотку: онъ высохъ и заливается мокротами. Ждемъ непрестанно, чѣмъ Богъ рѣшитъ Судьбу нашу. Уже насталъ третій мѣсяцъ: силъ у меня не много въ запасѣ. Удерживаюсь отъ ропота: много въ свѣтѣ нещастливыхъ; не я первой, не я послѣдній. Мы здѣсь удалены почти отъ всѣхъ, кто насъ любитъ; но Богъ насъ видитъ, и да не оставитъ! Не время дѣлать планы. Выѣдемъ ли отсюда, и когда? не знаемъ. Отъ всего сердца предаемся во власть Божію.

Не смотря на свою тоску, съ умиленіемъ смотрю на подвиги Россіи. Мы наказаны, но спасены со славою. Отече-

ство наше, потрясенное бурею, укрѣпится можетъ быть въ корнѣ своемъ на новое тысящелѣтіе.

Прости, любезнѣйшій. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Очень васъ благодарю любезнѣйшій и почьтеннѣйшій Иванъ Ивановичь за ваши дружескія вспоминанія. Сама не часто къ вамъ приписываю, но за то часто объ васъ думаю и говорю съ сердечьнымъ чувствомъ. Мы несчастные изгнанники, когда уже въ Россіи всѣ радуются, еще горько плачемъ; увѣрены въ вашемъ дружескомъ участіи.

160.

Нижній, 20 Мая 1813.

Любезнѣйшій другъ! Мы погребли милаго Ангела, Андрюшу, болѣе десяти недѣль страдавъ безпокойствомъ и тоскою. Наша горесть велика и мы жалки самимъ себѣ. Было у насъ двое дѣтей прекрасныхъ, здоровыхъ, милыхъ: обоихъ схоронили. Такъ угодно Всевышнему. Жизнь и свѣтъ для меня стали бѣднѣе. Удерживаюсь говорить болѣе. Мысленно обнимаю тебя съ нѣжностію, зная, что ты берешь искреннее участіе въ нашей печальной судьбѣ. Мы собираемся ѣхать въ Москву, хотя и не имѣемъ тамъ вѣрнаго пристанища. Думаю отправиться послѣ и въ Петербургъ, чтобы выдать написанные мною томы Рос. исторіи и тѣмъ исполнить долгъ мірской чести. Но подожду возвращенія Государева. — Пиши ко мнѣ въ Москву: желаемъ быть тамъ къ 10 Іюня.

Теперь попрошу тебя. Предсѣдатель здѣшней Уголовной Палаты, Г. Ребендеръ, намѣренъ оставить службу или искать другова мѣста. Сдѣлай мнѣ дружеское одолженіе, опредѣли на его мѣсто въ Предсѣдатели Совѣтника здѣшняго Губернскаго Правленія, Ивана Алексѣевича Аверкіева, которой болѣе сорока лѣтъ служитъ съ честію и съ дѣятельностію. Онъ мнѣ коротко знакомъ, и весьма давно Коллежскимъ Совѣтникомъ. Смѣю тебя увѣрить, что не легко найти лучшаго Предсѣдателя для Уголовной Палаты. Пожалуй, не презри моей убѣдительной прозьбы, и возьми мѣры не забыть объ ней, когда откроется ваканція.

Прости любезнѣйшій. Мужъ и жена обнимаютъ тебя. Остальныя наши дѣти тебѣ кланяются. Будь здоровъ и благополученъ. Навѣки твой другъ

Н. Карамзинъ.

161.

Москва, 15 Іюня 1813.

И ты, мой любезнѣйшій, испыталъ жестокой ударъ! Тяжко лишиться нѣжной матери. Знаю, какъ она тебя любила; знаю, какъ и ты любилъ ее. Богъ и время да утѣшатъ тебя въ естественной и, смѣю сказать, добродѣтельной горести. Кромѣ общественныхъ бѣдствій, мы съ тобою имѣемъ сердечныя. Грустно, тошно. Я плакалъ дорогою: плакалъ и здѣсь, смотря на развалины. Москвы нѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни домы сгорѣли: самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Правительство имѣетъ нужду въ мѣрахъ чрезвычайнаго благоразумія. Впрочемъ это не мое дѣло: есть Богъ; онъ все знаетъ лучше нашего. Мое дѣло грустить о сынѣ,

жалѣть о другѣ и собираться въ Петербургъ, чтобы обнять тебя и напечатать свою Исторію съ дозволенія Государева. Не можешь ли *на нѣсколько дней* дать намъ у себя въ домѣ *три* или *четыре* комнаты, не болѣе? Мы живали и въ двухъ. Не хотѣлось бы мнѣ съ дѣтьми въѣхать въ трактиръ; да и богатство наше не велико. Разумѣется, что ты не долженъ церемониться со мною и дѣлать себѣ непріятность. Скажи искренно. Черезъ нѣсколько дней я найду себѣ или казенную квартиру или найму уголокъ по выбору и по удобности; не употреблю во зло твоего снисхожденія. Назначаю Августъ для путешествія къ Вамъ. Теперь хочется отдохнуть въ Остафьевѣ. Пиши ко мнѣ въ Москву безъ всякаго особеннаго адресса: я самъ посылаю за письмами на почту; ни одно не пропадетъ, какъ надѣюсь. Прости, любезнѣйшій. Желаю хорошаго мира; только не имѣю яснаго понятія о возможности заключить его съ Наполеономъ. Обнимаю тебя отъ души и сердца. Навѣки твой другъ

Н. Карамзинъ.

162.

С. Остафьево, 21 Іюля, 1813.

Любезнѣйшій другъ!

Увѣдомленный тобою о милостивомъ предложеніи вдовствующей Императрицы, я счелъ за нужное написать къ ней благодарное письмо въ шести строкахъ. Можешь ли думать, чтобы мы разъѣхались? Я жду тебя съ нетерпѣніемъ и до того времени отлагаю мыслить о Петербургѣ. Хочу знать, какъ и на долго ли ты оставляешь его, и гдѣ будешь, въ Москвѣ ли или поѣдешь для свиданія съ родными. Между тѣмъ чувствую всю милость Государыни. Я писалъ и къ Юрью Александровичу.

Пожалуй, увѣдомь меня о днѣ выѣзда твоего, чтобы я могъ встрѣтить тебя въ Москвѣ. — Мнѣ что-то очень грустно. Прости, любезнѣйшій, до скораго свиданія. Желаю обнять тебя здороваго. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

163.

С. Остафьево, 6 Іюля 1813.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за обѣщаемое гостепріимство. Если мы тѣмъ и не воспользуемся, по крайней мѣрѣ съ истиннымъ удовольствіемъ видимъ, что ты готовъ дать намъ пристанище. Буду ждать отъ тебя вѣсти о вѣроятности или невѣроятности скораго Государева возвращенія въ Петербургъ: что должно рѣшить нашъ выѣздъ отсюда. Едва ли непріятельскія дѣйствія не возобновятся: въ такомъ случаѣ не время думать о напечатаніи моей Исторіи, надобно будетъ подождать конца. Доживемъ ли до спокойствія? или найдемъ его только въ гробѣ? Я не здоровъ; всякой день лью слезы о миломъ Андрюшѣ и теперъ еще безпокоюсь о Наташѣ, которая пятой день въ жару, думаю къ зубамъ. Стоя на колѣняхъ подлѣ трупа Андрюшина, я просилъ Бога, чтобы Онъ удовольствовался этою жертвою: не знаю, исполнится ли эта молитва. Я очень перемѣнился, любезнѣйшій другъ, со времени разлуки нашей: остылъ къ пріятностямъ міра, и даже едва ли могу продолжать Исторію; для того болѣе и хотѣлъ бы напечатать, что готово. Чувствительность моя цѣла единственно для горестей. Иногда разсудкомъ убѣждаю себя быть суетнѣе! Впрочемъ да будетъ со мною, что угодно Провидѣнію. Не я самъ произвелъ себя; не я самъ захотѣлъ быть въ здѣшнемъ Свѣтѣ: это говорю

себѣ въ утѣшеніе. Сердечно желаю обнять тебя, Министра или уже не Министра, какъ Богу и тебѣ угодно, въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, или въ Остафьевѣ. Увѣдомь же меня, любезнѣйшій, есть ли у васъ слухъ о прибытіи Государя. Прости. Катерина Андр. увѣряетъ тебя въ своемъ дружескомъ почтеніи. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

164.

С. Остафьево, 10 Іюля 1813.

И такъ съ нетерпѣніемъ буду ждать тебя въ Москву, любезнѣйшій другъ. *Пожалуй увѣдомь меня, въ которой день выѣдешь.* Желаю встрѣтить тебя въ Москвѣ. Здѣсь уже знаютъ о твоемъ отпускѣ *на четыре мѣсяца*, и говорятъ, что Г. Болотниковъ будетъ на время править Министерствомъ Юстиціи. Судьба не пускаетъ меня въ Петербургъ: я собрался было туда, а ты оттуда! Мнѣ лучше, но маленькая дочь наша все нездорова. Ѣду теперь въ Москву, чтобы повидаться съ Докторомъ. Прости. Жена и дочери мои тебѣ кланяются. Обнимаю тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

165.

Москва, 23 Февр. 1814.

Сердечно благодарю тебя, любезнѣйшій, за твое дружеское письмо, которое для меня во всѣхъ отношеніяхъ было пріятно. Главное то, что ты доѣхалъ благополучно. Я нѣсколько безпокоился о твоемъ глазѣ. Министерствуй съ Богомъ; будь здоровъ, спокоенъ и не забывай насъ. Мы не очень веселы: у насъ Катенька занемогла лихорадкою; послѣ нашихъ нещастій можно боятся новыхъ. Нынѣшній день,

въ обыкновенной моей утренней прогулкѣ верхомъ, я упалъ съ лошадью и расшибъ себѣ ногу, такъ, что лежу; да и вообще чувствую себя какъ-то не хорошо. Со времени твоего отъѣзда я не выѣзжалъ ни пяти разъ, бывъ въ простудѣ. Катерина Андр., думаю, беременна. Дай Богъ, чтобы это было щастливѣе прошлогодняго! Если буду здоровъ и поспокойнѣе, то непремѣнно съѣзжу осмотрѣть твое строеніе изъ усердія и любопытства, хотя и не могу обѣщать тебѣ никакой пользы. Пиши ко мнѣ, когда можешь писать безъ усилія. Я холоднѣе сталъ къ свѣту и къ исторіи, а не къ тебѣ, старинному другу. Прости, милой. Катер. Андр. вмѣстѣ со мною обнимаетъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Ты не забудешь моей прозьбы и записки о Аверкіевѣ.

166.

Москва, 19 Марта 1814.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Ты, кажется, на сей разъ менѣе прежняго великодушенъ ко мнѣ: очень давно жду дружескихъ строкъ твоихъ и не получаю. Будь только здоровъ. — Я хожу, однакожь еще не вышелъ изъ хромыхъ. Дѣлается кризисъ въ моей жизни: перестаю ѣздить верхомъ, по крайней мѣрѣ на этой лошади, которая выучилась падать (желалъ бы прибавить: *у Наполеона!*). Въ семействѣ моемъ теперь нѣтъ лихорадки; но Катерина Андр. очень жалуется на тоску, вѣстницу зародыша. — Къ вамъ отправляется Капнистъ съ диссертаціею объ экзаметрахъ и съ громомъ на К. Лобанова-Ростовскаго. Я не видалъ его лѣтъ 15, думаю: онъ все такъ же молодъ духомъ! Ѳедоръ Полторацкой могъ сказать мнѣ нѣсколько интересныхъ словъ о тебѣ. Еще лучше, если бы ты самъ далъ мнѣ идею о твоемъ нынѣшнемъ Петербургскомъ житьѣ-бытьѣ. Гуляешь

ли пѣшкомъ? Завелся ли цвѣтами къ веснѣ? Мы думаемъ ѣхать въ Подмосковную, какъ только будетъ можно. Прости, любезнѣйшій. Не только мои большія дочери, но и Наташа воспоминаетъ о тебѣ, указывая мѣсто, гдѣ ты у насъ сиживалъ. Сонюшка ждетъ отъ тебя темы, чтобы сочинить какой нибудь трактатъ. — Нѣжно обнимаю тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Селивановской отправилъ къ тебѣ пакетъ съ объясненіями на свое типографское дѣло.—Не забудь моего Аверкіева.

167.

Москва, 30 Марта 1814.

Христосъ Воскресе, любезнѣйшій другъ! Обнимаю тебя нѣжно. Будь здоровъ и веселъ! Я кое-какъ брожу съ опухлою ногою. Домашніе мои почти совсѣмъ здоровы; но Катерина Андр. иногда очень страдаетъ отъ своей беременности. — На сихъ дняхъ получилъ я книги отъ Великой Княгини Екатерины Павловны и милостивое письмо отъ вдовствующей Императрицы, которая изъявляетъ желаніе видѣть меня чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Павловскомъ. Право не знаю, какъ благодарить Ее; не знаю также, отправлюсь ли въ Петербургъ лѣтомъ: это будетъ зависѣть отъ здоровья моей беременной. — Я видѣлъ твое новое строеніе: оно красиво. Нарочно поѣду въ садъ твой, когда онъ позеленѣетъ. — Еще разъ обнимаю тебя за себя, за жену и за дѣтей. Богъ съ тобою и съ нами! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

168.

Москва, 20 Апр. 1814.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ щастливыми и славными происшествіями. Я не прыгаю, но глаза мои иногда наполняются слезами благодарности къ Тому, Кто караетъ по справедливости и спасаетъ по милосердію. О Французы, жалкіе и смѣшные Французы! Кажется, что дѣло идетъ къ концу. Слава Александрова сладостна Русскому сердцу. Удивительно и трогательно!

Очень благодарю тебя за два послѣднія письма. Выдержи свой характеръ и будь спокоенъ: домъ твой достроится и все будетъ, какъ надобно. Въ саду твоемъ показалась-было зелень, но все опять замерло отъ морозовъ и снѣга. У насъ вторая зима и шубы возвратились на плеча.

Исполняя твое желаніе и приказаніе, Софья написала трактатъ о будущей твоей жизни у Спиридонія. Улыбнись, читая! Она не уступаетъ по крайней мѣрѣ нашимъ Журналистамъ въ искусствѣ марать бумагу. Не можешь ли прислать мнѣ книгу, изданную отъ Библіотеки, гдѣ напечатана рѣчь Гнѣдича? Ее хвалятъ.

Думаемъ переѣхать въ Остафьево, какъ скоро будетъ можно. Надѣюсь тамъ кончить Василья Ивановича и прибавить главу о состояніи Россіи, а послѣ увидимъ. Мысль описать происшествія нашего времени мнѣ довольно пріятна; но должно знать многое, чего не знаю. Не возьмусь за перо иначе, какъ съ повелѣнія Государева. Не хочу писать для лавокъ: писать или для потомства или не говорить ни слова. У меня есть Царь Иванъ Васильевичь: довольно для остатка дней моихъ и способностей!

Катерина Андр. очень страдаетъ отъ беременности. Сочту за милость Божію, когда она родитъ благополучно. Мужъ, жена и дѣти обнимаютъ тебя нѣжно. Будь здоровъ, спокоенъ и люби стариннаго твоего

Н. Карамзина.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Очень вамъ благодарна, любезной и почьтенной Иванъ Ивановичь за ваши пріятныя строки, желала бы вамъ тѣмже отплатить, но пеняйте вашему другу за его нерадѣніе выучить меня писать по руски, и отъ страха чтобъ не сказать какой нибудь *плоскости*, заключаю тѣмъ, въ чемъ вѣрно ни накакомъ языкѣ не ошибусь: что люблю и почитаю васъ отъ искреняго сердца.

169.

Москва, 11 Мая 1814.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! У меня лихорадка, и рука едва повинуется головѣ, хотя мнѣ уже и лучше. Не хочу пропустить этой почты, давно не писавъ къ тебѣ. Неимѣю нужды увѣрять тебя, какое живое участіе беру въ великихъ происшествіяхъ, въ особенности столь славныхъ для нашего любезнѣйшаго Государя. Я готовъ явиться на сцену съ своею полушкою, и если буду живъ, то непремѣнно предложу усердное перо мое на описаніе Французскаго нашествія; но мнѣ нужны, любезный, свѣдѣнія, безъ которыхъ могу только врать: почему и буду просить ихъ etc. Читалъ я Петербургское Краснорѣчіе, и хотя не знаю, что ты думаешь, но соглашаюсь съ тобою, довѣряя твоему вкусу. Мы очень славны: авось будемъ и разумны; всему есть

свое время. Я въ бреду написалъ-было нѣсколько строфъ; но теперь не имѣю силъ писать ни стихами, ни прозою. — Надѣюсь, что простуда твоя уже прошла. Какая весна! Здѣсь всякой день идетъ снѣгъ и топятся печи какъ зимою. У Катеньки шесть разъ была лихорадка. Прости, милой другъ. Не отъ лѣни перестаю я писать, обнимая тебя нѣжно и съ горячностію. Будь непремѣнно здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

170.

С. Остафьево, 15 Іюня 1814.

Я получилъ отъ тебя вдругъ два письма, любезнѣйшій другъ, и оба не очень веселыя. Дай Богъ, чтобы расположеніе твое перемѣнилось въ лучшее еще до нашего свиданія, здѣсь ли, въ Петербургѣ ли! Беременность Катерины Андреевны удержала меня: безъ чего мы уже были бы съ тобою. Опасаюсь ѣхать съ нею по худой дорогѣ Петербургской. — Бѣдной Петръ Алексѣевичь оставилъ насъ послѣ ужаснаго страданія. Я видѣлъ его за день до смерти и самъ снова занемогъ на нѣсколько дней. Елисавета Семеновна сдѣлалась тѣнью; положеніе ея горестно съ разныхъ сторонъ. Она теперь въ деревнѣ у мачихи покойнаго; а когда возвратится, то я напишу къ тебѣ, чѣмъ можешь одолжить ее.

Я былъ увѣренъ, что Гр. Хвостовъ представитъ тебѣ мой отвѣтъ на его письмо. Онъ пишетъ дѣйствительно для своего удовольствія: въ чемъ можемъ ему завидовать.

Радуюсь славѣ твоего новаго Прокурора, Кокошкина. Онъ не даромъ съѣздилъ въ Петербургъ. И нашъ Князь Петръ собирается ѣхать въ вашу столицу вкуса, пожинать Аполлоновы лавры. Москвѣ не до стиховъ.

Пожалуй, любезнѣйшій, скажи мнѣ что нибудь объ Огаревыхъ. Здоровы ли они послѣ своей горести, въ которой брали мы живѣйшее участіе?

Всѣ мы Карамзины, большіе и малые, обнимаемъ тебя съ сердечною любовью, какъ нашего вѣрнѣйшаго и милѣйшаго друга. Навѣки твой.

171.

Остафьево, 30 Іюня 1814.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Перечитывая твое последнее письмо, справедливо или нѣтъ я подумалъ, что ты на меня сердитъ: ошибаюсь ли? Успокой меня. Не хочу угадывать и оправдываться прежде времени, чтобы не быть смѣшнымъ даже и въ глазахъ Друга. Знаю твою нѣжность (сказалъ бы *деликатность*, да боюсь Шишкова), но знаю и любезную твою искренность.

Вообрази, что я только на сихъ дняхъ получилъ отъ тебя Шатобріана и рѣчь Гнѣдича: этотъ пакетъ лежалъ около мѣсяца на почтѣ, потому что живу въ деревнѣ. Благодарю тебя, любезнѣйшій. Своими замѣтками ты предупредилъ мое *увы!!* Все хорошо. Мы побѣдили Наполеона: скоро удивимъ свѣтъ и нашимъ разумомъ. Жаль, что я изъ могилы не услышу рукоплесканій Европы въ честь нашихъ Геніевъ Словесности.

На сихъ дняхъ я получилъ письмо отъ Нижегородскаго Прокурора, которой исполненъ живѣйшей благодарности за твою къ нему милость. Надѣюсь, что онъ изъявитъ то на дѣлѣ: будетъ прилеженъ и честенъ какъ Баярдова шпага.

Елисавета Семеновна еще не возвратилась отъ могилы своего добраго мужа, а нашего добраго пріятеля. Послѣ

отчаянія горесть, а въ горести хлопоты, которыхъ будетъ ей не мало, и какихъ я не хотѣлъ бы оставить своей женѣ.

Твой Московской Прокуроръ, увѣнчанный лаврами, самъ привозилъ ко мнѣ пакетъ отъ Уварова въ домъ Селивановскаго. Я не видѣлъ его. Онъ съ восторгомъ говоритъ о милостяхъ къ нему Императрицы; а Василій Пушкинъ лѣзитъ изъ кожи, доказывая, что онъ читаетъ лучше Кокошкина.

172.

С. Остафьево, 12 Іюля 1814.

Любезнѣйшій другъ! Послѣднимъ твоимъ письмомъ я былъ довольнѣе, нежели двумя *предпослѣдними:* мнѣ кажется, что оно писано не въ меланхолическомъ расположеніи, котораго не люблю ни въ себѣ, ни въ тебѣ. Ты говоришь о пріятной погодѣ, о веселой комнатѣ, о цвѣтахъ, хотя упоминаешь объ Экспедиторахъ; хотя жалѣешь о своемъ Московскомъ садѣ: однакожь вижу отсюда, что въ эту минуту ты менѣе прежняго скучалъ своею Петербургскою жизнію. Будь здоровъ и спокоенъ: это главное. — Я очень радъ, что ты доволенъ Огаревымъ, въ судьбѣ котораго беру искреннее участіе: она совсѣмъ не розовая; а онъ достойной человѣкъ. — Авторъ Мелодрамы былъ, сказываютъ, доволенъ твоею похвалою. Онъ скромной стихотворецъ и позволилъ нашему Князю Вяземскому марать безъ милосердія его прологъ: вышло, что ты читалъ; не хорошее, но сносное. — Я любопытенъ видѣть Французскія книжки, о которыхъ ты говоришь; можетъ быть найду ихъ въ Москвѣ. — На сихъ дняхъ я получилъ изъ Павловскаго.... угадай, что? Розу, сорванную для меня, смиреннаго, рукою Императрицы и высушенную Нимфами тамошнихъ садовъ, въ награду, какъ сказано, за

мое смиренное стихотвореніе. Въ то же время предложили мнѣ загадку: «Что мѣшало Ю. А. Нелединскому быть со-«вершенно щастливымъ, когда онъ въ бесѣдкѣ Флоры, сидя «между Государынею и Великою Княжною читалъ имъ «мою бездѣлку, въ пріятной *вечеръ*, близь кристальныхъ «*водъ*.» Я отвѣчалъ: *комары!* и думаю, что не ошибся. Похвали новаго Эдипа. Сфинксова загадка была не мудренѣе этой. Милость Государыни трогаетъ мою душу. Ты вѣрно при случаѣ скажешь Ей, какъ всѣ знаки Ея благоволенія для меня безцѣнны. — Прости, любезнѣйшій. Всѣ мои обнимаютъ тебя. Катерина Андр. съ трудомъ ходитъ отъ беременности. Нездоровье Наташи насъ очень безпокоило. Теперь ей лучше. Я какъ-то унылъ духомъ. Будь веселѣе меня. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

PS. Любезнѣйшій другъ! Я распечаталъ это письмо, чтобы приписать къ тебѣ нѣсколько строкъ изъ Москвы, послѣ моего свиданія съ Елисаветою Семеновною Обрѣзковою. Она какъ тѣнь; вся высохла. Помоги ей. Получишь отъ нее письмо, а другое къ Государю. Постарайся, чтобы оставили ей жалованье и столовыя деньги покойника: это составляетъ не болѣе 5500 рублей. Можетъ быть, она не долго проживетъ. Петръ Алексѣевичь не нажился въ службѣ, и оставилъ 200 тысячь рублей долгу; а имѣніе худое.

(На оборотѣ письма адресъ рукою Карамзина:)

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу
Дмитріеву,
Г. Министру Юстиціи.
Въ С. Петербургѣ.

173.

Москва, 9 Сент. 1814.

Здравствуй, любезнѣйшій! Радуюсь и сожалѣю: радуюсь, что могу скоро увидѣть тебя и прижать къ сердцу; жалѣю, что ты оставилъ службу, въ которой я, по любви къ отечеству и Государю, хотѣлъ бы видѣть всѣхъ умныхъ и честныхъ людей. Но такъ угодно Богу и тебѣ! Вы лучше моего знаете дѣло. Пріѣзжай же скорѣе къ намъ, друзьямъ стариннымъ и вѣрнымъ, если не веселиться, то покрайней мѣрѣ жить спокойно. Пусть заглядываютъ къ намъ и добрыя Музы: я еще умѣю плакать отъ нихъ, не завидуя смѣху, которой со мною раззнакомился.—Мы уже совсѣмъ переѣхали въ городъ. Весь домъ нашъ въ Кашлѣ. Ожидаю съ безпокойствомъ, однакожь и съ надеждою на милость Божію, родинъ Катерины Андр. Будь здоровъ и спокоенъ. Домъ твой уже въ шляпѣ и не боится осеннихъ дождей: стоитъ гигантомъ и смотритъ вокругъ себя на пустыри; но едва ли приметъ хозяина прежде весны. Сто разъ обнимаю тебя, милаго, истиннаго Друга. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

174.

Петерб. 15 Февр. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Здоровъ ли ты? — Благодарю тебя за весьма пріятное знакомство съ любезною Натальею Яковлевною: я провелъ съ нею нѣсколько пріятныхъ часовъ. Всѣ знатнѣйшіе о тебѣ спрашиваютъ и велятъ кланяться. Не могу сказать ничего, кромѣ того, что ѣзжу, обѣдаю, болтаю; къ старымъ прибавляю новыя знакомства etc. Всѣ или почти всѣ ласковы со мною, даже и иностранцы: Лордъ Каткартъ, Местръ,

Австрійской etc. Не успѣваю ѣздить. Государь обѣщался принять меня въ своемъ Кабинетѣ и *дозволилъ* мнѣ быть на балѣ у Императрицы. Душа моя спокойна, а тѣло въ большомъ движеніи. Обнимаю тебя. До свиданія въ половинѣ Марта, если не прежде. Сто разъ обнимаю тебя. Не забывай моей доброй, вѣрной жены. Будь здоровъ и люби твоего вѣчнаго, преданнаго тебѣ друга

Н. Карамзина.

175.

Царское Село, 25 Мая 1816.

Любезнѣйшій другъ! Мы пріѣхали благополучно 25 Мая въ пятомъ часу вечера и нашли свой домикъ пріятнымъ; уютно и все изрядно; только кабинетъ мой долженъ быть въ особенномъ флигелѣ: за то у меня тамъ двѣ комнаты. Императоръ уѣхалъ отсюда третьяго дни и будетъ назадъ послѣ завтра. Вдовствующая Императрица велѣла поздравить меня съ пріѣздомъ и сказать, что могу быть въ Павловскъ, когда хочу, и что она всегда приметъ меня съ удовольствіемъ. Увидимъ, такъ ли любезенъ будетъ Государь: едва ли! Мы еще никого не видали, кромѣ графа Ожаровскаго, *пока* весьма учтиваго. Я писалъ къ Натальѣ Яковлевнѣ: она въ Петербургѣ. Надѣюсь скоро увидѣться съ нею; а письмо къ Ланской отослалъ черезъ Вилламова. Еще не имѣю ни строки изъ Петербурга, т. е. ни отъ Тургенева, ни отъ Натальи Яковлевны, ни отъ К. Ѳ. Муравьевой; я къ нимъ только и писалъ. Слышно, что Дворъ переѣдетъ сюда къ 15 Іюня, послѣ отъѣзда Великихъ Княгинь. Я уже гулялъ верхомъ и пѣшкомъ. Здѣсь все еще уединенно; нѣтъ никого, а всѣхъ ждутъ. Завтра думаю съѣздить въ Павловскъ. Погода не лѣтняя. Во все утро былъ у насъ огонь въ каминѣ. Авось будемъ къ Сентябрю въ Москвѣ!

Впрочемъ не дѣлаю плановъ. Въ началѣ той недѣли заглянемъ въ Петербургъ. Болѣе нѣтъ вѣстей. Желаю написать къ тебѣ впредь что нибудь по любопытнѣе. Люби меня, какъ люблю тебя, и будь здоровъ, спокоенъ; гуляй въ саду и думай тогда объ насъ. Катерина Андр. дружески тебѣ кланяется. Обнимаю тебя съ горячностію. Прости милой другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

176.

Царское Село, 8 Іюня 1816.

Любезнѣйшій, милый другъ! у меня было-занемогла Катерина Андр.: теперь, слава Богу! ей лучше.—Государь призывалъ меня къ себѣ и говорилъ со мною весьма милостиво о вещахъ обыкновенныхъ. Увидѣвъ меня на балѣ въ Павловскѣ, въ розовомъ павильонѣ, тотчасъ подошелъ спросить о здоровьѣ жены, и на другой день прислалъ лакея Своего спросить о томъ же. Это милостиво, и тронуло меня. Императрицы также привѣтливы. Однакожь все еще не знаю, останусь ли печатать здѣсь исторію. Типографщики дорожатся или не имѣютъ нужнаго для такого печатанія. Будетъ, чему быть надобно, а пора мнѣ гдѣ нибудь основаться до конца жизни и работать постоянно, безъ всякихъ развлеченій. — Пользуемся дружескимъ обхожденіемъ любезной Натальи Яковлевны и гуляемъ съ нею въ прекрасномъ саду. Скажи ей, какъ мы чувствуемъ цѣну ея пріязни. — Ѣду въ Петербургъ, чтобы пожелать счастливаго пути Вел. Княгинѣ и Принцу Оранскому, да и просить денегъ изъ Кабинета, не весьма податливаго. Обнимаю тебя нѣжно. Пишу къ тебѣ уже третье письмо, и жду твоихъ. Будь здоровъ, спокоенъ, и люби твоего

Н. Карамзина.

177.

Царское Село, Іюня 27 1816.

Любезнѣйшій другъ!

На три письма я получилъ только одинъ отвѣтъ отъ тебя, бывшій въ дорогѣ двѣ недѣли. Сдѣлай милость, пиши ко мнѣ черезъ Наталью Яковлевну, въ ея пакетѣ: это вѣрнѣе и скорѣе.

Меланхолическія слова твои: *старость*, *одиночество*, *все блѣдно и скучно*, тронули меня до глубины сердца. Утѣшаюсь однакожь мыслію о твоей душевной твердости, въ которой всякой изъ насъ имѣетъ большую нужду. Пріѣзжай на время сюда: ты возвратишься спокойнѣе и довольнѣе въ Москву. Говорю по собственному, искреннему, глубокому чувству. Меня еще ласкаютъ; но Московская жизнь кажется мнѣ прелестнѣе, нежели когда нибудь, хотя стою въ томъ, что въ Петербургѣ болѣе общественныхъ удовольствій, болѣе пріятныхъ разговоровъ. Ты знаешь и свѣтъ и Дворъ лучше меня, думаю; но время изглаживаетъ, ослабляетъ впечатлѣнія. Люби, люби Москву: будешь веселѣе. Такое философствованіе готовитъ тебя къ слѣдующему. Не смотря на ласки Двора, вѣроятно, что мы возвратимся къ тебѣ въ концѣ Августа. Сверхъ цѣны нахожу, что у Селиван. можно печатать Исторію скорѣе, нежели въ здѣшнихъ типографіяхъ. Жить дорого, а квартиры *просить* не хочу. Смѣшно будетъ въ два года издержать напередъ то, что можетъ мнѣ принести Исторія. Я благодаренъ и доволенъ; однакожь.... ou peut-on être mieux, etc.? Воспоминаніе о пріятной Царско-Сельской жизни, о праздникахъ, обѣдахъ Павловскихъ, о любезной при-

вѣтливости Государя и Императрицъ, останется и въ воображеніи и въ сердцѣ. Не каюсь, что пріѣхалъ сюда; надѣюсь, что не буду каяться и возвратясь въ домъ Кокошкина. Я писалъ къ тебѣ, что Государь однажды призывалъ меня къ себѣ; встрѣчаюсь съ нимъ въ прогулкахъ: онъ всегда останавливается, чтобы сказать нѣсколько пріятныхъ словъ — и только. Онъ снисходителенъ, добродушенъ, какъ ты самъ знаешь. — Третьяго дни на балѣ въ Павловскѣ нашъ *умный* министръ говорилъ со мною въ уголкѣ часа два, и такъ *искренно*, такъ *обязательно!* Тутъ мы сошлись съ Клингеромъ: онъ разспрашивалъ о тебѣ. Наконецъ явился Милорадовичь съ военною трубою, и время показалось мнѣ коротко. — Три раза былъ я въ Петербургѣ и гулялъ по Невѣ съ женою, съ дочерьми, съ Огаревою и съ Тургеневымъ. Императрица звала насъ на Каменной островъ.— Въ дабавокъ къ извѣстіямъ скажу, что Пукаловъ посѣщалъ меня, но не засталъ дома; также и Затрапезновъ. Съ Капо д'Истріа видѣлся я только на балѣ. Онъ хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать; а если не будетъ, то и я никогда не буду у него. Они *образуютъ*. Стурза уже образовалъ Бессарабію, а принцъ Ольденбургской убѣдилъ Эстляндскихъ Дворянъ дать свободу крестьянамъ: за что и получилъ Владиміра.— Прости, милой другъ. Я не очень здоровъ, но благодарю Бога за жену и дѣтей. Иногда мысли въ туманѣ; но вспомню, что безъ Бога ничего не дѣлается, и дѣлаюсь спокойнѣе. Vive la Providence! Почти хотѣлъ бы сказать: vive la mort! Люблю жить съ женою, съ дѣтьми и съ друзьями; но мысль о смерти даетъ особенную пріятность жизни: все милѣе отъ того, что не вѣчно! Это не въ твоемъ вкусѣ: нужды нѣтъ. On ne se gène pas avec les amis. Еще прости, любезнѣйшій. Будь здоровъ и *долговѣченъ*, веселъ умомъ и спокоенъ сердцемъ. Твой навѣки.

Н. Карамзинъ.

Мы всякой день видимся съ доброю и пріятною Натальею Яковлевною; проводимъ вмѣстѣ вечера.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

И я прибавлю любезнѣйшій Иванъ Ивановичь изъявленіе своей благодарности за доставленіе намъ столь пріятнаго знакомства. Надѣюсь что сказанное вами о тоскѣ и скукѣ есть чувство минутное которое изчезаетъ когда вы входите въ свой пріятной садъ, по крайней мѣрѣ я сего желаю вамъ душевно, равно какъ и всѣхъ благъ сего смѣшнаго свѣта.

178.

Царск. Село, 18 Іюля 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Ты съ грустію писалъ ко мнѣ о смерти нищелюбиваго И. В. Лопухина, моего стариннаго благопріятеля, а я съ грустію же пишу къ тебѣ о кончинѣ Г. Р. Державина. Въ одинъ день узнали мы о той и другой. Меня кольнуло въ сердце. Естественно воспоминать объ усопшихъ только добромъ. Нашъ Пиндаръ готовился дать сельскій пиръ друзьямъ своимъ и палъ въ могилу, которая часто бывала риѳмою въ его стихахъ. До сей минуты не знаю никакихъ подробностей. Здѣсь мало занимаются мертвыми. Въ воскресенье мы обѣдали въ Павловскѣ: никто не сказалъ мнѣ ни слова о смерти знаменитаго Поэта! Одинъ Гречь ревнуетъ въ *Сынѣ Отечества*. Sic transit gloria mundi!

Въ первомъ письмѣ могу сказать тебѣ что нибудь рѣшительное о нашей судьбѣ: здѣсь ли останемся года на два или къ Сентябрю будемъ въ Москвѣ. Государь *безъ моей прозьбы* далъ приказаніе К. Волконскому, чтобы военная

типографія печатала мою Исторію на условіяхъ, какія предложу ей; но Г. Закревской учтиво пишетъ ко мнѣ, что онъ готовъ исполнить приказаніе, не ручаясь *за скорое* печатаніе! Я отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ не могу имѣть съ ними дѣла. — Помышляемъ теперь о Петергофѣ, гдѣ милостивый Императоръ велѣлъ К. Волконскому нанять для насъ домикъ, не сказывая намъ. О тебѣ не рѣдко воспоминаютъ въ Павловскѣ, особенно вдовствующая Императрица. — Мнѣ иногда бываетъ очень грустно, что я не въ Москвѣ: это не слово, а чувство. Иные дни проводимъ весьма уединенно; пишу въ особенномъ сельскомъ домикѣ; верхомъ гуляю въ саду Александровскомъ и въ звѣринцѣ. Мѣсто прелестное: только мнѣ кажется, что я не въ Россіи, когда слышу вокругъ себя языкъ чухонской. — Прости, любезнѣйшій. Будь здоровъ и какъ можно веселѣе! Ты не хотѣлъ увѣдомить меня объ Остафьевскомъ приключеніи. Хорошо, что это не имѣло слѣдствій. Алексѣй Пушкинъ сталъ, говорятъ, набожнѣе. Сто разъ обнимаю тебя. Часто, часто бесѣдуемъ о тебѣ съ Катериною Андр. и съ Натальею Яковлевною.

Навѣки твой Н. Карамзинъ.

179.

Царск. Село, 3 Авг. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Дѣло кончено, и мы остаемся въ Петербургѣ года на два: Государь приказалъ печатать мою Исторію въ военной типографіи. Я исполненъ благодарности, хотя и не радуюсь. Желаю, чтобы ты былъ правъ, и чтобы я потолстѣлъ отъ Петербургской жизни; но едва ли это желаніе исполнится.

Предаюсь въ волю Божію съ своею меланхоліею. Я *жилъ* въ Москвѣ: не придется ли *умереть* въ Петербургѣ? Мы наняли домъ близъ Литейнаго Двора, въ Захарьевской улицѣ, за 4,000 р.: онъ, кажется, хорошъ для насъ, и даже съ садикомъ. Нева близко, садъ Таврической недалеко. Располагаемся пробыть въ Царскомъ Селѣ до Сентября, но часто принужденъ буду ѣздить въ городъ по дѣламъ типографскимъ.

Мы два раза обѣдали у Государя; вчера звали и въ третій разъ, но, къ сожалѣнію, я былъ въ городѣ, а Катерина Андр. не рѣшилась итти одна во Дворецъ. Не можемъ нахвалиться любезною привѣтливостію милостиваго Императора и всей Царской Фамиліи. Въ Павловскѣ бываемъ и въ воскресенье и въ простые дни, раза два въ недѣлю; т. е. обѣдаемъ. Ласкаютъ равно и меня и жену. Однимъ словомъ, здѣсь не знаю ничего милѣе Царскосельскихъ и Павловскихъ хозяевъ. Признательность моя обыкновенно состоитъ въ любви. А доволенъ ли я? По крайней мѣрѣ не собою; не совсѣмъ доволенъ и другими: любя, желаю, желаю, желаю; а многія желанія безпокоятъ душу, какъ извѣстно.— Съ Петербургомъ я еще не возобновилъ знакомства: бываю тамъ всегда за какимъ нибудь дѣломъ, и почти никого не вижу, кромѣ Тургенева, Блудова etc. Умной и доброй Сѣверинъ въ *большомъ ходу*, какъ говорится, по дѣламъ дипломатическимъ: онъ лучшій работникъ у Гр. Капо д'Истріа и ѣдетъ при немъ съ Государемъ, слѣдственно увидишь его 14 Авг. въ Москвѣ. — Будь здоровъ, любезнѣйшій: это главное; все другое можетъ поправиться. Писалъ ли ты къ батюшкѣ о своихъ долгахъ? или еще сочиняешь письмо въ головѣ? Мои финансы также иногда безпокоятъ меня въ будущемъ. Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью:

жена моя слѣдуетъ примѣру мужа, а дѣти примѣру отца. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

180.

Царское Село, 21 Авг. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Слово твое, что мы видѣлись, можетъ быть, въ послѣдній разъ, меня очень тронуло. Конечно: какъ знать? Однакожь надѣюсь, что мы еще будемъ жить вмѣстѣ, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли, куда, если буду только живъ, возвращуся по изданіи Исторіи: я не придворной! Исторіографу естественнѣе умереть на грядѣ капустной, имъ обработанной, нежели на порогѣ Дворца, гдѣ я не глупѣе, но и не умнѣе другихъ. Правда, не мало времени въ двухъ годахъ: да будетъ воля Божія! Все дѣлается для чего нибудь, хотя мы и не знаемъ, для чего! Мнѣ бывало очень тяжело: теперь уже легче отъ привычки. — Ты какъ Поэтъ описалъ мнѣ украшенную Москву: le Roi est au camp, et Montauciel n'y est pas! Не полѣнись сказать мнѣ два слова о пребываніи Государя въ царствующемъ градѣ. Какъ обошелся съ тобою? Мы живемъ теперь въ глубокомъ уединеніи: вдовствующая Императрица провожаетъ Великую Княгиню до Нарвы. Гуляю одинъ, верхомъ, по садамъ Павловскимъ, въ Царскосельскомъ паркѣ, вокругъ Баболова. И здѣсь бываетъ хорошая погода: на примѣръ, вчера и нынѣ удивительная. Къ сожалѣнію, ѣду черезъ нѣсколько часовъ въ Петербургъ по скучнымъ дѣламъ типографскимъ. Едва ли въ исходѣ Сентября увижу первый листъ печатный: то нѣтъ бумаги, то малы станы; я далъ уже 8000 р. впередъ, а все не ладится. Между тѣмъ пересматриваю ноты, и для меня скучныя: каковы

же будутъ для читателей? Однакожь не имѣю духа поставить ×. Домъ нашъ въ городѣ расписываютъ. Боюсь и думать о томъ, сколько надобно будетъ проживать здѣсь!— О князѣ Петрѣ нѣтъ ни слуха, ни духа: это насъ безпокоитъ. — Пока мы здоровы: вотъ главный предметъ нашей благодарности къ Богу! Будь и ты совершенно здоровъ, любезнѣйшій! Всѣ мои обнимаютъ тебя. Люби и безъ грусти помни твоего

Н. Карамзина.

181.

Царское Село, 12 Сент. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за дружеское письмо. Кажется, что и Государь Москвою и Москва Государемъ довольны. Къ намъ пишутъ, что Онъ избралъ тебя въ Предсѣдатели Коммиссіи для раздачи полумилліона бѣднымъ: такъ ли? ты не говоришь ни слова.—Наступила пасмурная осень, и мы думаемъ къ 20 ч. переѣхать въ городъ, гдѣ типографія и корректуры будутъ ближайшими къ моему сердцу предметами! Желаю скорѣе начать это дѣло, чтобы скорѣе кончить и рѣшить судьбу остальныхъ дней моихъ. Не знаю, какъ расположу свою жизнь въ Петербургѣ. Вѣроятно, что у меня останется не много времени для общества или покрайней мѣрѣ для выѣздовъ. Какъ часто думаемъ и говоримъ о тебѣ! Вчера я видѣлся съ нашимъ любезнымъ Канцлеромъ. Онъ весьма доволенъ своимъ *наблюдательнымъ* путешествіемъ и возвратился съ новыми доказательствами мнимой истины старыхъ своихъ историческихъ парадоксовъ. — Ты познакомился съ Графомъ Капо д'Истріа: вотъ умнѣйшій человѣкъ нынѣшняго Двора; кажется искреннимъ, однакожь не безъ тонкости. Государь,

Императрица любятъ хвалить его, и я безъ лести могу имъ вторить. — Ты не любишь дѣлать пустыхъ вопросовъ: слѣдственно не спросишь, весело ли намъ? Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и съ нѣкоторымъ характеромъ люди перестаютъ думать о весельѣ. Умъ и сердце согласно предписываютъ мнѣ жизнь семейственную и работу. Невольная или, лучше сказать, естественная, благоразумная скромность удаляетъ меня отъ всякихъ льстивыхъ мечтаній самолюбія; если не могу, то и не хочу нравиться людямъ. Здѣсь многіе уже перестали быть ласковы со мною: у того я не былъ съ визитомъ; другому не сказалъ учтивостей, и проч.; иной считаетъ меня даже гордецомъ, хотя я въ душѣ ниже травы.— У меня еще болитъ нога; однакожь ѣзжу верхомъ и надѣваю башмаки, хотя нога и завязана. Нынѣшній день отправился обѣдать къ Императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Павловскъ на сихъ дняхъ опустѣетъ: Государыня ѣдетъ въ Гатчину. — Надписывай, любезнѣйшій, письма ко мнѣ въ Петербургъ, въ *Захарьевскую улицу, въ домъ Баженовой.* Прости. Будь какъ можно здоровѣе и спокойнѣе. Обними за насъ любезнаго Сергѣя Сергѣевича, и скажи доброй поклонъ Бекетовымъ. Гдѣ нашъ Дашковъ? Не знаю, куда писать къ нему. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

182.

С. Петербургъ, 1 Окт. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за три письма. Вчера прислалъ мнѣ А. Д. Балашевъ твои 4000 р., съ которыми вчера же ѣздилъ я къ Натальѣ Яковлевнѣ, но не засталъ ее; надѣюсь отдать ихъ нынѣ или завтра.

Въ отвѣтъ на *Тургеневское* письмо скажу: лучше кончить дѣло, какъ надобно, и поставить себя выше маленькихъ непріятностей; такъ думаю, и надѣюсь, что такъ и сдѣлаешь.

Вдов. Императрица, говоря мнѣ о тебѣ, сказала: mon fils rendoit toujours justice à Mr. Dmitriew. Елисавета Алексѣевна хотѣла знать подробности нынѣшней философской жизни твоей. Послѣдній обѣдъ у Нее былъ для меня очень пріятенъ. — За то теперь мнѣ и скучно и хлопотно. Типографія смотритъ на меня медвѣдемъ; въ домѣ всего не достаетъ, а денегъ выходитъ много. Ѣздить не хочется; все торопимся и ничего не дѣлаемъ. Только читаю корректуры; даже смотрю безъ удовольствія на первые листы. Меня такъ милостиво звали въ Гатчину, а я не трогаюсь съ мѣста. Жалѣю не только о Москвѣ, но и объ Царскомъ Селѣ! Ободримся!

Сейчасъ отдалъ я деньги Натальѣ Яковлевнѣ: былъ у нее. Дружба ея къ намъ очень любезна.

Прости, мой другъ! Душею и сердцемъ обнимаемъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Любезнѣйшій! Бѣдная старушка, мнѣ весьма извѣстная, Секретарша Аграфена Алексѣевна Шарапова, подала Государю прозьбу о вспоможеніи: удостой ее своего вниманія; она дѣйствительно въ жалкомъ состояніи. Живетъ на Поварской, у Покрова, въ домѣ Княжны Волконской.— Еще разъ обнимаю тебя.

183.

С. Петербургъ, 26 Окт. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Послѣднее письмо твое порадовало меня веселымъ тономъ своимъ и тронуло милымъ выраженіемъ твоей дружбы къ отсутствующему Исторіографу, котораго мѣсто заступилъ Исторіографъ Клоба etc. Мы душевно порадовались, что ноша долговъ свалилась съ плечъ твоихъ. Остальныя 6000 уже не могутъ быть тягостны. Теперь можешь утѣшаться прекраснымъ домомъ: онъ вполнѣ твой, и въ немъ жить лучше, нежели въ *трехъ философскихъ комнатахъ*. Ты не говоришь, но слышу отъ другихъ, что и Музы снова посѣщаютъ тебя, не смотря на 13 т. бумагъ, тобою разбираемыхъ. Все это хорошо для тебя, друзей и Публики. — О себѣ скажу, что намъ не очень весело. Исторія печатается худо и весьма худо. Сверхъ того военные господа, начальники типографіи, старались дѣлать мнѣ разныя неудовольствія, и въ отсутствіе Государя даже остановили было печатаніе, требуя, чтобы я отдалъ книгу свою въ ценсуру. Но теперь это кончилось. Государь велѣлъ печатать *безъ ценсуры*. Записку мою подавалъ князь А. Н. Голицынъ. Я не видалъ Императора, и едва ли увижу. Мы разстались по видимому съ Дворомъ: Богъ съ нимъ! — Нѣсколько дней безпокоитъ насъ Андрюша своимъ нездоровьемъ. Такова наша доля! отъ горя не уйдешь ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Катерина Андр. дружески тебѣ кланяется: не ея, но моя вина, если въ послѣднемъ письмѣ я не сказалъ объ ней ни слова. Прости, любезнѣйшій. Душею и сердцемъ обнимаю тебя. Будь здоровъ и наслаждайся спокойствіемъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Похожели на справедливаго, на любезнаго Ивана Ивановича осуждать не выслушавши обвиняемую? Я могу васъ осуждать и справедливо въ дружескомъ оскорбленіи: могли ли вы думать, чтобъ я когда нибудь не была расположена сказать вамъ всего пріятнаго и ласковаго? Н. М. обязался быть изъяснителемъ моихъ чувствъ, но иногда лень а иногда и забвеніе мѣшаютъ ему исполнить свою обязанность. Вините же вашего друга въ неисправности, а не меня, когда дѣло идетъ о моей привязанности и дружескомъ почтеніи къ вамъ любезный Иванъ Ивановичь.

184.

С. Петербургъ, 2 Ноября 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Читаю корректуры съ утра до вечера; слѣпну; досадую, что исторія моя худо печатается; выѣзжаю иногда; иногда вижу добрыхъ людей у себя; безпокоюсь то объ Андрюшѣ, то объ Сашѣ; съ умиленіемъ думаю о Москвѣ, о тебѣ, о тамошнихъ пріятеляхъ: вотъ мой *бюллетень*. Скоро забуду, какъ пишутъ Исторію: переѣхавъ въ городъ, я не прибавилъ ни строки къ IX тому! — Между тѣмъ Государь освободилъ меня отъ цензуры; но я не видалъ Его, и только однажды обѣдалъ у Императрицы вдовствующей.

По мнѣнію людей *знающихъ*, ты не долженъ имѣть ни малѣйшаго безпокойства, любезнѣйшій. Дѣлай свое дѣло, и будь увѣренъ, что заслужишь благодарность. Полагаю, что ты не забылъ о содержаніи послѣдняго письма твоего.

Вчера былъ у насъ Графъ Капо д'Истріа, и мы говорили о тебѣ. Нерѣдко вижу Канцлера и Графа С. Петро-

вича, которые любятъ тебя душевно. Первый началъ опять давать обѣды. Третьяго дни въ числѣ тридцати гостей былъ у него и Графъ Аракчеевъ. Въ понедѣльникъ обѣдъ у Куракина; поѣду, однакожь, не безъ философскихъ размышленій! На сихъ дняхъ я познакомился съ Генераломъ Жомини: человѣкъ любопытной.

Любезную Наталью Яковлевну видимъ рѣдко. Петербургъ не Царское Село. Увы!

Прости, милой другъ. Люби меня, пока я живъ; люби и Катерину Андр. за то, что она тебя сердечно любитъ. Будь здоровъ и по возможности веселъ. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

185.

С. Петербургъ, 3 Дек. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за два письма, истинно дружескія. Въ теченіе мѣсяца я два раза былъ нездоровъ отъ простуды, и теперь только что оправляюсь: еще не выѣзжаю. Впрочемъ, милой другъ, не воображай меня рыцаремъ печальнаго образа. Знаю, чего въ 50 лѣтъ надобно ждать въ этомъ свѣтѣ, сверхъ глухоты и слѣпоты, къ которымъ приближаюсь, и предаюсь во власть Божію. Здѣшняя моя дѣятельность, т. е. чтеніе корректуръ, идетъ порядочно: слѣдственно приближаюсь къ цѣли, къ изданію исторіи, и къ Москвѣ тихой. Въ военной типографіи напечатано 20 листовъ 1-го тома, и за недостаткомъ въ мелкихъ литерахъ для примѣчаній начали тамъ набирать III-й томъ; а второй печатается въ Медицинской, теперь еще медленно, но мѣсяца черезъ два пойдетъ скорѣе. Остается желать, чтобы я былъ

здоровъ хотя для корректуръ. Глаза слабѣютъ, но еще не измѣняютъ. — Душевно радуюсь, что ты здоровъ и споконъ, если не ошибаюсь. Прогулки твои сдѣлались пріятнѣе, имѣя теперь цѣль полезную. За то мои разстроились: не могу ѣздить верхомъ, отчасти по нездоровью, отчасти по о.... манежа. — Когда сидимъ дома, к.... *) иногда заглядываютъ добрые люди; но мы едва стоимъ того, не имѣя охоты ѣздить къ другимъ. Я былъ раза два у вдов. Императрицы, а Государя видѣлъ только издали во Дворцѣ въ Екатерининъ день. — Обнимаю тебя отъ души. Для слабой головы я написалъ довольно строкъ. Прости, милой другъ. Авось Богъ дастъ еще увидѣться съ тобою въ здѣшней жизни. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Жена моя, весьма тебѣ благодарная за дружеское поздравленіе, отвѣчаетъ тебѣ особеннымъ письмомъ, которое отправится на той почтѣ.

186.

С. Петербургъ, 25 Дек. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно поздравляю тебя съ праздникомъ. Въ сію минуту гремятъ пушки. Я не поѣхалъ во Дворецъ; сижу дома и пишу къ другу, желая, чтобы онъ былъ здоровъ и веселъ.

Н. А. Всеволожскій доставилъ мнѣ твое истинно дружеское письмо, и мы съ нимъ поговорили о тебѣ. Я увѣренъ, любезнѣйшій, что ни Капитанъ, ни Архимандритъ не

---

*) Въ подлинномъ письмѣ, при распечатываніи его, вырванъ лоскутокъ, отчего три слова остались неизвѣстны.

могутъ повредить тебѣ въ мысляхъ Государя. Онъ знаетъ, что ты принялъ на себя эту должность единственно въ угодность Ему; знаетъ и уважаетъ тебя. Ради Бога будь спокоенъ, презирая глупости и злость, сплетни и пустое важничанье. Если бы я имѣлъ доступъ къ Императору, то просто сказалъ бы ему о твоихъ досадахъ; но говорить ли о томъ съ Княземъ Александромъ Николаевичемъ? Сомнѣваюсь, потому что я берегу тебя во всѣхъ отношеніяхъ какъ самого себя. Онъ *только учтивъ* со мною; не могу требовать отъ него никакого усерднаго доброхотства. Еще подумаю и посовѣтуюсь. Ставя себя на твоемъ мѣстѣ, я поступилъ бы такъ: слѣдовалъ бы въ точности даннымъ Комитету правиламъ, совѣсти, разсудку, не уважая ничего болѣе; а если бы встрѣтилось мнѣ какое *существенное* неудовольствіе, то написалъ бы прямо къ Государю или къ Графу Аракчееву, взялъ бы свое или откланялся Комитету. Ты умѣлъ быть всегда твердымъ и гордымъ отъ душевнаго благородства. Стань же пятою на гадину: это лягушка, а не змѣя!

Ты угадалъ, что я не могъ писать къ К. Оболенскому о кураторствѣ. *Сенаторъ-кураторъ* все еще не оставляетъ меня въ покоѣ! Не смотря на то, я пожалѣю объ немъ, если приключится ему досада.

Вотъ письмецо къ доброму К. Шаликову. Я богатъ усердіемъ, а не способами служить людямъ честнымъ. — Обнимаю тебя, милаго. Катерина Андр. велитъ мнѣ сказать тебѣ отъ нее множество ласковыхъ словъ. Люби насъ, какъ мы тебя любимъ. Твой навѣки Н. Карамзинъ.

187.

С. Петербургъ, 31 Дек. 1816.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ. Будь, милой, здоровъ и веселъ!

Вотъ тебѣ на новой годъ новости: доброй Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ; а К. А. П. Оболенской сдѣланъ Кураторомъ Московскаго Университета. Сію же минуту получили мы зовъ отъ Государя на завтрашній ужинъ въ Эрмитажѣ. Надобно ѣхать, а мнѣ грустно: Катенька очень тревожитъ насъ своимъ несноснымъ кашлемъ.

Обнимаю тебя, любезнѣйшаго друга. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

(Приписка Е. А. Карамзиной:)

Отъ всей души поздравляю васъ съ новымъ годомъ любезной и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, желаю вамъ всѣхъ благъ, начавъ съ первѣйшаго съ здоровья.

188.

С. Петербургъ, 18 Генв. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за два любезныя письма, и радуюсь, что ты здоровъ: это для меня важная вѣсть. Отвѣтъ твой на мое письмо, доставленное черезъ Всеволожскаго, сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе. Ради Бога, будь спокоенъ.

Я засмѣялся, читая о Кошелевѣ: онъ будетъ Министромъ развѣ *вышняго* Просвѣщенія! Соединеніе двухъ Министерствъ послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ Кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клингеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ; но, по моей системѣ, будетъ единственно то, что угодно Богу. Государь желаетъ добра.

Мы были 13 Генв. на балѣ до втораго часу. Императоръ танцовалъ съ моею женою однажды, а съ нѣкоторыми отличаемыми дамами по два раза. Нынѣ спектакль у вдов. Императрицы: думаю быть тамъ. — Типографскія дѣла мои идутъ медленно, къ моему немалому сожалѣнію: потому что мнѣ хочется возвратиться въ Москву еще съ глазами, съ ушами и съ ногами, чтобы видѣть, слышать тебя и гулять въ твоемъ саду. Все другое въ сторону, здѣшній климатъ не хорошъ, особливо для Катеньки слабой и щедушной. Кашель ея почти прошелъ, но сдѣлалась лихорадка. — Мнѣ мѣшаютъ продолжать письмо. Обнимаю тебя, любезнѣйшій. Жена моя тебѣ дружески кланяется. Будь здоровъ и спокоенъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

189.

С. Петербургъ, 5 Февр. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Послѣднее лаконическое письмо твое доказываетъ, что *мое* или *мои* не дошли до тебя. Уже не въ первый разъ сомнѣваюсь въ исправности почты. Имѣя мало людей, пользу-

юсь услужливостью добраго А. И. Тургенева, которой отправляетъ мои письма на почту. Думаю, что Московской коммиссіонеръ его иногда задерживаетъ письма. Это вручитъ тебѣ Нижегородскій Прокуроръ, тобою облагодѣтельствованный и признательный.

Я въ *четвертый* разъ былъ нездоровъ и сидѣлъ дома 10 дней; теперь пока опять выѣзжаю. Жена брюхата; дочь (Катенька) не выходитъ изъ больныхъ. Между тѣмъ бодро читаю корректуры, и болѣе ничего не дѣлаю. Буду ли когда нибудь писать? не знаю.

На масляницѣ я обѣдалъ у Императрицы; былъ у нее съ женою въ спектаклѣ, на балѣ. Она милостива по прежнему. На сихъ дняхъ и Государь оказалъ намъ большую милость. Я осмѣлился черезъ письмо просить Его о А. М. Рябининѣ, котораго не велѣно было опредѣлять ни къ какому мѣсту. Вынесли справку, и Государь простилъ Рябинина, т. е. велѣлъ имяннымъ указомъ причислить его къ герольдіи. Это тронуло меня до глубины сердца, тѣмъ болѣе, что Императоръ очень колебался. Онъ сказалъ Графу Капо д'Истріи: Je voudrais bien faire une chose agréable à Mr. Karamzine; mais c'est une affaire fâcheuse: il y a eu une perte considerable d'argent et beaucoup de negligence aumoins. Жена моя въ день подписанія указа встрѣтила Его въ прогулкѣ и благодарила. Онъ отвѣчалъ ей: Je vous avoue, Md., que vous y etes entrée pour beaucoup (или что-то подобное). Я въ письмѣ къ Нему сказалъ, что связь моя съ Рябининымъ состоитъ въ дружбѣ нашихъ женъ (какъ и въ самомъ дѣлѣ). Изъ всѣхъ милостей Александровыхъ ко мнѣ эта есть главная: я обрадовался, думаю, болѣе самихъ Рябининыхъ. Que tout cela reste entre nous!

Не такъ щастливы были мы въ другихъ. Исполняя долгъ родства, я принудилъ себя просить К. Голицына о дѣлѣ Анны Сергѣевны Порошиной: слѣдствіемъ было то, что мы оба покраснѣли, и что у меня остался камень на сердцѣ. К. Голицынъ, думаю, не имѣетъ ко мнѣ особенно-хорошаго расположенія. Утѣшаюсь тѣмъ, что я принесъ жертву племянницѣ, хотя и безполезную. На томъ свѣтѣ разочтемся. — Здѣсь Духовные ко мнѣ ласковы: митрополитъ, Филаретъ, Иннокентій. Но многіе ждутъ моей Исторіи, чтобы атаковать меня. Она же печатается безъ ценсуры! Все это въ порядкѣ вещей. Есть Богъ! Надобно только имѣть терпѣніе. Да и на долго ли? Я уже крѣпко опускаюсь къ землѣ. Блестящій свѣтъ не для меня. Скорѣе бы въ Москву! Дворъ отъ васъ, а мы къ вамъ, если въ 1818 году будемъ еще живы.

Прости, милой. Знай, что я передъ тобою не могу быть дѣйствительно виноватъ. Люблю тебя всею душею. Катерина Андр. велитъ мнѣ написать къ тебѣ множество ласковыхъ словъ; главное то, что она любитъ тебя со всею дружескою нѣжностію.

Заключу печальнымъ извѣстіемъ о глухотѣ нашего любезнаго Канцлера: съ нимъ почти говорить нельзя, и я лишаюсь въ немъ одного изъ пріятнѣйшихъ для меня собесѣдниковъ.

Обнимаю тебя отъ души и сердца. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

190.

С. Петерб., 26 Февр. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за письмо дружеское отъ 11 Февр., а ты поблагодари отъ меня Графа Петра Александровича за его добрыя объ насъ воспоминанія. Онъ любезной человѣкъ, благородной въ душѣ. Такихъ не много въ Петербургѣ.

Не удивляюсь, что ваши списки лежатъ подъ спудомъ до времени: если утвердить ихъ, то надобно выдать деньги, а мы не Крезы. Медленность происходитъ, кажется, единственно отъ затрудненія въ выдачѣ большихъ суммъ. Никакъ не думаю, чтобы бумаги Коммиссіи шли мимо Графа Аракчеева въ другія руки для разсмотрѣнія. Увѣряютъ, что наши Финансы скоро процвѣтутъ, и черезъ 4 года рубль бумажный обратится въ серебряный. Аминь — буди, буди! Тогда Гурьевъ прославится не менѣе Сюлли и Кольберта. Настанетъ если не золотой, то по крайней мѣрѣ серебряной вѣкъ. Шутки въ сторону. Желаю тебѣ, любезнѣйшій, старой неоцѣненной безпечности столько же, сколько самому себѣ. Сердце мое увѣряетъ меня, что добрый Государь отдаетъ тебѣ справедливость. Будь только спокоенъ и дѣлай свое дѣло съ полною свободою духа.

Скажи доброму К. Шаликову, что я съ величайшимъ усердіемъ писалъ объ немъ къ К. Андрею Петр. Оболенскому. Надѣюсь, что онъ сколько нибудь уважитъ мою прозьбу.

Дѣло Анны Сергѣевны меня огорчило и трогаетъ до глубины сердца. Лучше, если бы адресовались не къ Главнымъ, а къ Секретарямъ. Теперь поздно. — Объ Ашанинѣ

я просилъ Осипа Петровича, которой едва ли и самъ знаетъ, какъ онъ расположенъ ко мнѣ. До сего времени я ничего не могъ сдѣлать для Набокова.

Два утра, и съ сердечнымъ удовольствіемъ, провелъ я на экзаменахъ, въ Екатер. Институтѣ. Добрая Марія! Богъ вѣрно любитъ Ее; любитъ и другъ твой. Питомицы обласкали меня. Изъ вышедшихъ теперь лучшая есть Корецкая.

Главная моя забота о женѣ; она должна родить въ Іюлѣ. Надѣюсь на милость Божію. — Едва ли поѣдемъ въ Царское Село.

Обнимаю милаго друга. Катерина Андр. увѣряетъ тебя въ искреннѣйшей любви. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

191.

С. Петербургъ, 12 Марта 1817.

Любезнѣйшій другъ!

На два письма не имѣю отъ тебя отвѣта: по крайней мѣрѣ скажу, что мы живы и почти здоровы; что любимъ тебя всею душею, часто говоримъ о тебѣ и всегда жалѣемъ о сердечномъ удовольствіи ждать тебя къ намъ въ 6 часовъ вечера, сидѣть съ тобою на скромномъ диванѣ нашемъ и бесѣдовать о всякой всячинѣ. Будетъ ли это опять? Будетъ, если будемъ живы.

Корректурная моя дѣятельность продолжается и доводитъ меня иногда почти до обморока. Вообрази, что печатаю вдругъ въ *трехъ* типографіяхъ: въ военной, медиц. и сенатской! но вообрази также, что до сего времени не могутъ кончить и 1 тома, хотя печатаютъ уже и второй, и третій, и четвертой!

Я писалъ тебѣ о глухотѣ Канцлера: не могу видѣть его безъ грусти; смотримъ другъ на друга, а бесѣдовать не можемъ; кричу изо всей силы, а пользы нѣтъ. Однакожь все еще обѣдаю у него разъ въ недѣлю: только что обѣдаю! Онъ скрываетъ грусть свою. Знатность и богатство теряютъ свою цѣну въ такихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ любезной графъ все еще занимается древностями Россійскими! Знаешь ли, что онъ уходилъ Макарьевъ и князя Грузинскаго? то есть, далъ мысль Государю перевести ярмонку въ Нижній. Желаю успѣха; но боюсь, чтобы это не повредило ярмонкѣ.

Если бы ты зналъ, какую піесу я поправлялъ, даже переводилъ на сихъ дняхъ! Не имѣю духа сказать; но и ты не поступилъ бы иначе на моемъ мѣстѣ.

Прости, любезнѣйшій. Катерина Андр. свидѣтельствуетъ тебѣ свое дружеское почтеніе. Обнимаю тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Не только гр. Хвостовъ, но и другіе спрашивали у меня, правда ли, что ты будешь Петербургскимъ жителемъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказалъ я рѣшительно.

Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что указъ объ увольненіи К. А. Н. Салтыкова отъ всѣхъ должностей подписанъ. Не много такихъ людей въ Петербургѣ. Онъ не хотѣлъ служить.

192.

С. Петерб., 26 Марта 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Христосъ Воскресе! Обнимаю тебя нѣжно. Будь здоровъ и спокоенъ.

Въ послѣднемъ письмѣ ты жалуешься на худое здоровье: надѣюсь, что приближеніе весны облегчитъ твою голову вмѣстѣ съ моею, которая не рѣдко бываетъ тяжела отъ чтенія листовъ корректурныхъ. До сего времени глаза и терпѣніе мое, почти *великодушное*, неизмѣнно служатъ мнѣ въ типографскомъ дѣлѣ.

Праздникъ встрѣтилъ я во Дворцѣ, но отъ множества людей въ церкви не могъ добраться до Императора, чтобы похристосоваться съ нимъ: видѣлъ Его и Императрицу Е. А. у вдовствующей Императрицы послѣ парада: онъ милостиво пожалъ мнѣ руку и спросилъ о женѣ. Государыня Марія Ѳеодоровна пожаловала мнѣ фарфоровое яйцо, которое будетъ храниться вмѣстѣ съ Павловскою розою. Вотъ мои *придворныя* вѣсти: онѣ нейдутъ далѣе! Съ визитами я никуда не ѣздилъ, кромѣ добраго Канцлера и доброй К. Ѳ. Муравьевой; а нынѣ собираюсь ѣхать къ А. Н. Зиновьеву на дачу, разумѣется для Анны Сергѣевны. Видишь что я дядя какъ дядя!—Катерина Андр. уже становится не легка. Думаю, что мы на лѣто останемся въ Петербургѣ, во первыхъ для ея родинъ, а во-вторыхъ и для скорѣйшаго печатанія. Мало думаю о будущемъ: вижу передъ собою только смерть или Москву въ 1818 году. Авось еще будемъ пить чай подъ сѣнію твоей липы! Главная моя усердная молитва къ Богу не переживать милыхъ. Судьбу Исторіи поручаю Судьбѣ! C'est une grande bataille livrée à l'ennemi; je peux la perdre pourvû que je ne perde point ma femme, mes enfans et mes amis! Отдай мою записку князю Шаликову. Прости любезнѣйшій. Я здѣсь не наживу новаго друга: люби меня по старому. Обнимаю тебя со всею нѣжностію. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

Скажи почтенному и любезному Сергѣю Сергѣевичу, что я мысленно обнялъ его въ праздникъ вмѣстѣ съ немногими, кого истинно люблю въ здѣшнемъ свѣтѣ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Христосъ Воскресе! Любезной и почтенной Иванъ Ивановичь поздравляю васъ отъ души съ свѣтлымъ праздникомъ, дай Боже чтобъ вы были здоровы тѣломъ и веселы духомъ, и чтобы всегда любили вашихъ друзей какъ они васъ любятъ.

193.

С. Петербургъ, 23 Апр. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Я очень страдалъ болѣе недѣли, сидѣлъ дома недѣли три, и теперь все еще не совсѣмъ здоровъ; однакожь выѣзжаю и хожу.

Если Богъ дастъ намъ увидѣться въ 1818 году, то безъ сомнѣнія найдемъ перемѣну въ другъ другѣ: ты старѣешься не болѣе моего. Старѣюсь и физически и нравственно, то есть, зрѣю для другой жизни, а для здѣшней перезрѣваю. Милыхъ люблю, кажется, не менѣе прежняго; но свѣтъ сталъ для меня мрачнѣе: теряю цѣну въ его глазахъ, онъ въ моихъ теряетъ.

А. Н. Оленинъ заступилъ мѣсто графа А. С. Строганова: сдѣланъ Директоромъ Академіи Художествъ.—Знаешь ли, кто теперь на мѣстѣ Мартынова? Доброй Поповъ, сочинитель Русскихъ статей о Библейскомъ обществѣ, Израильскомъ Комитетѣ, etc. — Я читалъ уставъ Коммиссіи *новаго погашенія*: будутъ ежегодно бросать въ огонь 30 мил-

ліоновъ. Гурьевъ долженъ быть волшебникомъ, когда мы такъ богаты. — С. С. Уваровъ въ большомъ кредитѣ у Князя А. Н. Голицына, какъ сказываютъ; а Лабзинъ, котораго я встрѣтилъ на берегу Невы, жаловался мнѣ на притѣсненія ценсуры! Въ числѣ его подписчиковъ сіяютъ имена Гурьевой, Сенатора Хитрова (моднаго), Филарета, Разумовскихъ etc. — Вышла книга Стурзы о Православной Церкви: прочитай ее. Есть въ иныхъ мѣстахъ краснорѣчіе. Авторъ доказываетъ истину Троицы тремя частями силлогисма; говоритъ, что воздухъ есть символъ ума, вода символъ страстей и проч. Всего болѣе жалѣю о томъ, что Стурза лишился жены; но жалѣю также, что онъ портитъ свой умъ мистическою *вздорологіею*.

— Вотъ тебѣ Невской бюллетень!

На сихъ дняхъ пошлю осмотрѣть Царскосельской домикъ, хотя и не увѣренъ, чтобы мы имъ воспользовались. Жена должна родить въ Іюлѣ. — Любезная Наталья Яковлевна не очень здорова: теперь однакожь ей лучше. Обнимаю тебя отъ души.

На вѣки твой Карамзинъ.

Еще добавлю: И. Б. Пестель едва ли останется Сибирскимъ Г. Г. Ему, говорятъ, очень худо по исторіи какихъ-то Сибирскихъ людоѣдовъ. — Прости, милой. На сей разъ я былъ вѣстовщикомъ, какъ надѣюсь.

194.

Царское Село, 22 Мая 1817.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Привѣтствую тебя изъ Царскаго Села, куда мы четвертаго дни переѣхали благополучно, и гдѣ наслаждаемся прекраснѣйшею погодою. Живемъ въ томъ же домикѣ, вновь расписанномъ хитрою

кистью Бруни, которой хотѣлъ-было между Музами, Несторомъ и Щербатовымъ, изобразить меня въ треугольной шляпѣ, но *внявъ мнѣнію* начальника Царскосельскаго, г. Захаржевскаго, долженъ былъ смарать всѣ фигуры. Снова гуляю въ садахъ и паркахъ, верхомъ и пѣшкомъ. На другой день пріѣзда были мы у Императрицы Елисаветы, на третій обѣдали въ Павловскомъ, на четвертый говорили съ Императоромъ въ саду. Вчера я поздравлялъ Императрицу Марію съ имянинами В. К., но возвратился обѣдать домой, по любви своей къ тишинѣ: во дворцѣ было множество людей. Боюсь между тѣмъ, чтобы не замедлилось печатаніе моей Исторіи: хотя мнѣ присылаютъ корректуры и сюда, но не такъ исправно, какъ въ городѣ. — Съ сердечнымъ удовольствіемъ читалъ я тѣ любезныя строки письма твоего, въ которыхъ ты говоришь о пріятностяхъ жизни: это было написано въ доброй часъ и меня тронуло. Будь, милой, всегда въ такомъ расположеніи! Твой характеръ веселѣе моего. Благодарю Бога за все доброе, что имѣю въ жизни; но я и въ молодости бывалъ меланхоликъ. Мнимой Наполеонъ говоритъ въ Manuscrit de St. Hélène: on a beau aimer la vie, mais personne ne voudroit y repasser deux fois. Я съ любопытствомъ читалъ этотъ манускриптъ: много рѣзкаго и хорошо сказаннаго; но это подлогъ. — Ты спрашивалъ объ успѣхѣ моего дѣла: печатаютъ вдругъ шесть томовъ, но только первый отпечатанъ, и то не совсѣмъ; надѣюсь, однакожь, что раздѣлаюсь съ типографіями къ Декабрю. Не могу думать о возвращеніи въ Москву прежде будущей весны. Много времени! — По дѣламъ твоей Коммиссіи вооружись терпѣніемъ до прибытія Государева въ Москву. Обнимаю тебя нѣжно. Богъ съ тобою и съ нами! Жена тебѣ дружески кланяется. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

195.

Царское Село, 6 Іюня 1817.

Любезнѣйшій другъ! спасибо за добрыя вѣсти: ты здоровъ и гуляешь въ собственномъ саду, сидишь подъ собственною липою. Неблагодарной! ты мнѣ завидуешь? Развѣ свое не милѣе чужаго? Я, можетъ быть, кончу жизнь странникомъ, таскаясь изъ дому въ домъ, изъ сада въ садъ; а ты владѣтель на землѣ: на что ни взглянешь, все твое.... даже и небо, съ того времени, какъ ты сдѣлался Членомъ Библейскаго Общества! о чемъ дошелъ до меня слухъ. Слѣдственно ты уже *съешь* не одинъ макъ, *садишь* не одинъ картофель! См. рѣчи Попова и Сѣверную Почту.

Четвертаго дни испугала насъ Катенька своею болѣзнію, сильнымъ жаромъ, которой продолжался цѣлый день. Она простудилась. Теперь ей лучше, и мы спокойнѣе.

Князь Петръ, поживъ съ нами дней пять, засѣдаетъ теперь въ Петербургѣ съ Арзамасцами, которые думаютъ выдавать журналъ. Мы говорили съ нимъ о твоихъ неудовольствіяхъ, любезнѣйшій. Остаюсь при старомъ мнѣніи. Постарайся все кончить къ Сентябрю. Увидишь добраго Государя и дашь ему отчетъ. Тогда или вы будете другъ другомъ довольны или снова будешь по крайней мѣрѣ свободенъ. Знаю, что легче совѣтовать, нежели имѣть терпѣніе; но не могу думать иначе. Будучи гордъ и за себя и за тебя, не говорилъ я о томъ ни съ Князьями, ни съ Графами.

На сихъ дняхъ мы имѣли счастіе обѣдать у Государя. Тутъ я видѣлъ Н. Н. Новосильцова: какъ онъ постарѣлъ! И все еще говоритъ объ Адамѣ Смитѣ. Здѣсь едва ли останется: ему трудно примкнуть и къ военнымъ и къ штатскимъ Царедворцамъ настоящаго времени; старыя же связи

его рушились: одинъ Строгоновъ умеръ, другой умираетъ, etc. Впрочемъ Дворъ къ нему милостивъ, и по справедливости: Новосильцевъ еще орелъ въ сравненіи съ другими; благороденъ душою, не лакей, и знаетъ — Адама Смита! но я не сравниваю его съ Графомъ Каподистріа: c'est une tête à idées. Хотя идеи не всегда ясны, и хотя онъ иногда доказываетъ безъ доказательствъ; хотя излишно мудритъ въ словахъ и любитъ метафизическія фразы: но выборъ этаго человѣка дѣлаетъ честь Государю. Онъ ѣдетъ къ водамъ до Сентября. Мы видались рѣдко. По крайней мѣрѣ я всегда говорилъ съ нимъ искренно, люблю его и обязанъ ему благодарностію за Огареву и за Рябинина. — Въ Павловскѣ бываю не рѣдко. Вдов. Имп. милостива. Душевно люблю Ее за благодѣтельность рѣдкую. Скоро будутъ здѣсь праздники. Я съѣзжу въ городъ съ поздравленіемъ и засяду дома съ женою, которая уже весьма не легка на подъемъ. Прости, милой другъ. Катерина Андр. тебѣ дружески кланяется; дѣти также, т. е. дѣвицы; сыновья еще глупы, хотя и милы. Богъ съ тобою и съ нами. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Наталья Яковл. уже съ нами. Канцлеръ уѣхалъ? Пиши ко мнѣ по старому въ Петербургъ: это вѣрнѣе.

196.

Царское Село, 3 Іюля 1817.

Любезнѣйшій другъ! Всякой день жду разрѣшенія отъ бремени жены моей. Между тѣмъ еще бродимъ по саду въ глубокомъ уединеніи. Весь блестящій свѣтъ въ городѣ. Я былъ тамъ на нѣсколько часовъ 25 Іюня и спѣшилъ назадъ домой. Мы люди не праздничные. Новобрачную хва-

лятъ: она миловидна; только блѣдна. Братъ ея также худъ и блѣденъ. Прусской климатъ хуже Русскаго. — Послѣзавтра здѣсь все зашумитъ: отправятся въ Павловское, а въ Царскомъ Селѣ перепутье. Тамъ въ Ораніенбаумъ, въ Петергофъ.... Мы же ни съ мѣста. Не оставлю жены ни для какой Иллюминаціи. Участвую въ общей радости, но издали. — Даже и любезная Наталья Яковлевна оставила насъ: жди отъ нее вѣстей о праздникахъ, о жалованіяхъ и проч.

Скоро будутъ собираться и къ вамъ. Я радъ за Москву; но жаль, что Исторія моя выдетъ въ отсутствіе Двора. Милостивый Государь сказалъ Катеринѣ Андр., что мы можемъ пріѣхать зимою въ Москву, а весною возвратиться въ Царское Село: это очень милостиво; но намъ ли съ дѣтьми скакать изъ мѣста въ мѣсто, въ мои лѣта, подъ старость, безъ суетныхъ обольщеній? Думаемъ остаться въ Петербургѣ до весны, а тамъ навѣки, т. е. до смерти, въ Москву, гдѣ дай Богъ намъ здоровымъ обнять тебя здороваго! — Печатаніе идетъ теперь медленнѣе. Авось къ Ноябрю или Декабрю отдѣлаюсь. Вообрази, что одинъ I-й Т. вышелъ совсѣмъ изъ дѣла, хотя *семь* печатается! Всего болѣе затрудняютъ *ноты*, отъ недостатка въ мелкихъ литерахъ.

Прости, милой другъ. Жена моя увѣряетъ тебя въ сердечной любви, а съ нею вмѣстѣ и дочери, которыя очень дорожатъ твоимъ добрымъ къ нимъ расположеніемъ. Обнимаю тебя съ нѣжностію. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Хочешь ли, чтобы я прислалъ къ тебѣ I-й томъ? Или уже всѣ вмѣстѣ? Королева Виртембергская написала ко мнѣ обязательное письмо, и даже по-Руски!

197.

Царское Село, 17 Іюля 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю за дружеское письмо. Немедленно отправлю къ тебѣ I-й томъ, на сихъ дняхъ: только надобно послать за нимъ въ городъ; здѣсь у меня одинъ экземпляръ, безъ котораго не могу обойтися для справокъ. Прошу тебя, любезнѣйшій, никому, никому не давать его, и сообщить мнѣ дружескія твои замѣчанія. Веленевые экземпляры еще не *подняты*: пришлю тебѣ *пока* на простой бѣлой бумагѣ: — я всѣмъ жертвовалъ и жертвую скорости печатанія: не только наружною красивостію печати, но и своими глазами; никто усерднѣе моего не читывалъ корректуръ. За недостаткомъ литеръ *примѣчанія* набираются разными: и корпусомъ и петитомъ. Бѣда не велика: не многіе будутъ читать ихъ. Къ Декабрю думаю отдѣлаться; но зимою не поѣдемъ въ Москву съ малютками: надобно дождаться лѣта, чтобы возвратиться туда, какъ мы выѣхали оттуда. Съ живѣйшею признательностію пользуюсь знаками Августѣйшаго благоволенія; но лѣта и характеръ склоняютъ меня къ тихой жизни въ семействѣ и съ дружбою. Уже не мое дѣло нравиться людямъ: я старъ, мраченъ, не гибокъ. Дай Богъ только, чтобы мы разстались съ Дворомъ въ такомъ къ нему расположеніи, въ какомъ мы теперь къ Государю и къ Императрицамъ: т. е. исполненные любви и благодарности! Они къ намъ ласковы. Я какъ Гуронъ не былъ на свадебныхъ праздникахъ и не представлялся новой Великой Княгинѣ: она же сама послѣ обѣда въ Павловскомъ подошла ко мнѣ съ милостивымъ привѣтствіемъ; говорила о Королѣ, о покойной Королевѣ, объ ихъ благоволеніи къ старому Рус-

скому Путешественнику. Государь пригласилъ насъ обѣдать съ молодыми и съ Павловскимъ Дворомъ. Жена по своей тягости отказалась: я былъ на этомъ пріятномъ обѣдѣ и гуляньѣ; обѣдали въ Александровскомъ дворцѣ, катались на шлюпкахъ, пили чай на колоннадѣ въ саду. Праздникъ въ Петергофѣ будетъ великолѣпенъ. Императоръ предлагалъ намъ опять тотъ же домъ: мы отказались, потому что жена можетъ всякой день родить; вѣроятно, что и я не поѣду. Все это хорошо, и даже трогательно для насъ, простодушныхъ людей, искренно преданныхъ Императорскому Дому; но думаю о Москвѣ! Готовь мѣстечко въ своемъ саду, гдѣ намъ пить чай и мирно бесѣдовать вдвоемъ или втроемъ. Ось міра будетъ вертѣться и безъ насъ! Поблагодарю Бога, когда съ *цѣлымъ* семействомъ и къ *цѣлому* другу Московскому возвращуся, и буду въ состояніи купить домикъ, а для роскоши и землицу съ огородомъ подъ Москвою. Буду ли продолжать Исторію или нѣтъ, все равно или почти равно: могу написать болѣе, но уже не могу написать лучше.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій, скажи князю П. И. Шаликову, что я немедленно отослалъ экземпляры его Генрика къ Тургеневу, но, къ сожалѣнію, не могу ручаться за успѣхъ, которой едва ли зависитъ и отъ добраго Тургенева: иначе онъ уже нашелъ бы способъ избавиться отъ докукъ моихъ: я прожужжалъ ему уши о Генрикѣ. Князь Голицынъ хорошій человѣкъ и всегда учтивъ со мною, но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; даже и текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ. Вообще могу сказать, что я не имѣю здѣсь никакой связи съ такъ называемыми важными людьми; эта мнѣ не честь, но и не безчестье. Я лѣнивъ, гордъ смиреніемъ и смиренъ гордостью. Суетность во мнѣ есть, къ сожалѣнію; но я искренно пре-

зираю ее *въ себѣ*, и еще болѣе нежели въ другихъ: слѣдственно она, по крайней мѣрѣ, не сведетъ меня съ ума. Болѣе нежели когда нибудь, въ искреннія минуты, чувствую свою ничтожность. — Прости, милой другъ! Будь здоровъ и спокоенъ. Всего болѣе желай мнѣ того, чтобы Катерина Андр. родила благополучно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Катерина Андр. кланяется тебѣ съ нѣжнѣйшею дружбою, а дѣти съ любовію и почтеніемъ.

198.

Царск. Село, 3 Авг. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Поздравляю тебя съ рожденіемъ маленькаго *Николая* Карамзина: если будетъ живъ, то будетъ любить тебя по примѣру своего отца. Дай Богъ только, чтобы жена, родивъ благополучно, благополучно и оправилась. Вотъ одно, что занимаетъ теперь мою душу. — Получилъ ли ты I-й Т. моей Исторіи, отправленный мною къ тебѣ черезъ почту? — Сто разъ обнимаю тебя съ нѣжностію.

Твой *Н.* Карамзинъ, père

199.

Царское Село, 21 Авг. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за высокую цѣну, которую даешь ты моей смиренной Исторіи, говоря, что она занимала тебя и поутру и въ полдень и вечеромъ. Знаешь ли,

что это меня тронуло до глубины сердца? Дружба твоя выше комплиментовъ. — Винюсь: едва ли не умышленно отступилъ я отъ *формы* въ дедикаціи, для *краткости!*

Жена, слава Богу! оправляется. Она въ десятый день имѣла щастіе принять въ нашемъ смиренномъ домикѣ Царскосельскаго Хозяина, то есть Государя. Вотъ новый знакъ Его къ намъ милости! Наканунѣ я у него обѣдалъ и послѣ обѣда былъ въ Кабинетѣ съ часъ или болѣе. Мы сидѣли дома съ Арзамасцами, и вдругъ говорятъ: Императоръ! Гости разбѣжались, и я едва успѣлъ встрѣтить Августѣйшаго въ передней комнатѣ. Ты повѣришь, когда скажу тебѣ, что сердца наши Ему преданы. Онъ спрашивалъ, зачѣмъ не хотимъ ѣхать въ Москву? и позволилъ намъ, если будемъ живы, встрѣтить Его весною въ Царскомъ Селѣ. Печатаніе продолжится, можетъ быть, до Генваря: будетъ еще не мало хлопотъ для изданія и продажи. Не удобно также ѣхать съ малютками зимою.

Для Архива твоего прилагаю списокъ съ ласковой записки Императрицы вдовствующей.

Нынѣ у насъ крестины. Мы могли бы покумиться съ Императорскою фамиліею, но не хотѣли трудить ни Государя, ни Императрицы. Это не прибавило бы Ихъ къ намъ милости; а подарковъ не желаемъ.

Читаю теперь Франклиновы письма: мнѣ пожаловала ихъ Имп. Елисавета, съ тѣмъ, чтобы я замѣчалъ карандашемъ все достойное особеннаго вниманія.

Вотъ тебѣ журналъ Царскосельской!

Однимъ словомъ, никто здѣсь столько не ласкалъ, не поилъ и не кормилъ насъ, какъ Царская фамилія. Малютки сыновья наши осыпаны Ея поцѣлуями, а дочери учтивостями и привѣтствіями въ ихъ прогулкахъ. За всѣмъ тѣмъ строгое благоразуміе велитъ мнѣ оставить чрезъ нѣсколько мѣ-

сяцевъ и прекрасную Неву и прекрасное Село Царское, чтобы доживать вѣкъ въ тихой Москвѣ съ семействомъ и съ дружбою. Я уже старѣюсь. Дай Богъ только управиться съ Исторіею безъ стыда, но не безъ.... угадай, чего? Мы здѣсь прожили 40 тысячь: желаю продажею Исторіи успокоить мою экономическую заботливость хотя лѣтъ на пять.

Прости, любезнѣйшій! Мы цѣлымъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Наталья Яковлена у насъ и тебѣ кланяется, а писать будетъ послѣ.

200.

С. Петербургъ, 26 Сент. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Мнѣ грустно было, что я давно не писалъ къ тебѣ. Нѣсколько времени употреблено мною на сочиненіе *Записки о москов. достопамятностяхъ* для вдов. Императрицы; между тѣмъ типографскія дѣла мои остановились, и я былъ въ хлопотахъ: еще и теперь не все въ порядкѣ. Мы уже 10 дней въ городѣ, и еще не дѣлаемъ визитовъ, большею частію пустыхъ, но предписываемыхъ учтивостію.

Мы разстались хорошо съ Императорскою Фамиліею. Передъ отъѣздомъ Императрицъ, я пять дней сряду ѣздилъ во Дворецъ! Теперь всему конецъ. Весь блескъ отъ насъ перешелъ къ вамъ. Жду отъ тебя добрыхъ вѣстей. Имѣю всѣ причины любить Государя, Императрицъ, и быть благодарнымъ.

Любезной Сѣверинъ безъ сомнѣнія уже сказалъ тебѣ о перемѣнѣ своей участи. Сердечно желаю ему щастія. Ты увидишь Графа Каподистріа: вотъ нашъ благопріятель! Въ послѣдній разъ онъ пробылъ у насъ часовъ пять, съ глазу на глазъ.

Вѣроятно, что мы будемъ жить уединенно: мнѣ какъ-то тяжело выѣзжать, и еще три мѣсяца надобно крѣпко работать глазами. Хорошо, если бы Богъ благословилъ мой трудъ въ главныхъ отношеніяхъ; а тамъ.... къ тебѣ бы въ Москву! Я не веселъ, но благодарю Всевышняго.

Скажи намъ о своемъ здоровьѣ; скажи, кончилъ ли ты свою Коммиссію. Пришлю тебѣ и второй и 3-й Т. моей Исторіи. Я воспользовался твоими замѣчаніями.

Люблю, люблю тебя, нашего неизмѣннаго друга. Жена и дѣти мои свидѣтельствуютъ тебѣ свою любовь и почтеніе. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Мы поговорили о тебѣ съ Гр. Сергѣемъ Петровичемъ. Канцлера еще нѣтъ здѣсь.

201.

С. Петербургъ, 15 Окт. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за добрыя вѣсти о себѣ. Надѣюсь, что ты во все время Государева пребыванія въ Москвѣ будешь доволенъ Его милостію, равно какъ и добрыхъ Императрицъ. Мы вчера много поговорили о тебѣ съ любезною Натальею Яковлевною. — Буду отъ тебя кланяться двумъ Графамъ, а ты отъ меня поклонись третьему,

Гр. Каподистрію, и очень нѣжно милому жениху, Сѣверину, которой всегда и во всемъ доказывалъ намъ свою дружбу. За то никто искреннѣе нашего не желаетъ ему щастія.

Мы теперь безпокоимся о малюткѣ: кормилица его уже двѣ недѣли не здорова. Никуда почти не ѣздимъ; видимъ мало людей, и я съ утра до вечера въ корректурахъ.

Увѣдомь, любезнѣйшій, *какой* листъ надобно перепечатать? Тотъ ли, гдѣ въ твоемъ экземплярѣ перемѣшаны формы, или другой? Буду ждать твоего отвѣта, и готовъ все перепечатать. Ты уже получилъ II-й томъ отъ добраго поэта Жуковскаго?

Пиши къ намъ. На сихъ дняхъ, пользуясь милостивымъ приказаніемъ Имп. Маріи, буду писать къ ней. Мы искренно и просто любимъ всю Цар. фамилію.

Публиковано ли въ Москов. газетахъ о моей исторіи. Я поручилъ это Жуковскому; а ты поручи К. Шаликову.

Жена пошла гулять по берегу Невы, но за нее скажу, что она всею душею любитъ тебя. — У насъ въ домѣ между людьми завелись болѣзни; но мы еще здоровы. Прости, милой другъ! На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

202.

С. Петербургъ, 1 Ноября 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за милое письмо. Всего болѣе желаю, чтобы ты былъ доволенъ Государемъ: пересуды Московской публики неважны. Говорю это въ отношеніи къ твоей Коммиссіи. — Будешь имѣть самый лучшій

экземпляръ моей Исторіи. Есть люди, которые находятъ, что она еще дорога; но здѣшніе книгопродавцы не того мнѣнія: они продавали бы ее рублей по семидесяти, если бы она имъ принадлежала.—На вопросъ твой о публикаціи отвѣчаю, что Государь пожаловалъ мнѣ деньги на печатаніе, а книгу оставилъ моею собственностію. Рѣшивъ прошлаго году недоумѣніе въ разсужденіи цензуры, онъ чрезъ министра приказалъ мнѣ сказать (по крайней мѣрѣ К. Голицынъ, т. е министръ, такъ написалъ ко мнѣ), что я безъ сомнѣнія не откажусь исполнить обрядъ и отослать, куда слѣдуетъ, нѣсколько экземпляровъ, т. е. въ Императорскую Библіотеку и проч. Слѣдственно и въ этомъ случаѣ Исторія предполагалась моею собственностію, какъ иначе и быть не могло. Государь при отъѣздѣ изволилъ сказать мнѣ, чтобы я адресовалъ экземпляръ ея прямо на Его имя (въ Москву). Натурально, что, пославъ къ Нему книгу, подожду недѣли двѣ и не отдамъ ее въ продажу.

Всѣ твои замѣчанія, любезнѣйшій, для меня важны и любезны. Скажи, что тебѣ не полюбилось, сверхъ того, что ты уже мнѣ замѣтилъ.

Мы теперь, слава Богу! здоровы. Что слышно о Дворѣ? Всю ли зиму пробудетъ онъ въ Москвѣ? Я писалъ къ Императрицѣ М. Ѳ., и *не таилъ* своей дружеской связи ни въ Цар. Селѣ, ни въ Павловскѣ. Пишу это съ усмѣшкою. Впрочемъ не дивлюсь молчанію: я не пришелъ на мысль — и только: для разговора такъ много предметовъ у васъ въ Москвѣ! — Прости, милой и очень милой! Жена, дѣти, всѣ мы обнимаемъ тебя.

Твой Н. Карамзинъ.

203.

С. Петербургъ, 22 Ноября 1817.

Любезнѣйшій другъ! мы, слава Богу! здоровы, но грустны: жалѣемъ сердечно о Князѣ Петрѣ Андр. Онъ рано испытываетъ ужаснѣйшее несчастіе для сердца родительскаго. Впрочемъ живемъ спокойно, изрѣдка выѣзжаемъ, и сверхъ чтенія корректуръ находимъ время читать книги. По старому обыкновенію обѣдаю разъ въ недѣлю у Канцлера, то есть, кричу изо всей силы. Онъ всегда воспоминаетъ о тебѣ съ нѣжностію, равно какъ и Гр. Сергѣй Петр. Изъ Арзамасцевъ одинъ доброй Тургеневъ бываетъ у насъ часто. Блудовъ ѣдетъ въ Лондонъ Совѣтникомъ Посольства: мѣсто хорошо; но лучше, если бы умныхъ людей, и съ дарованіемъ, употребляли въ Россіи, откуда я не выпустилъ бы и Дашкова. Давно не говорилъ я тебѣ объ *умномъ* Министрѣ: онъ не всегда ласковъ ко мнѣ и жалуется, что я хвалю Самодержавіе, а не *либеральныя* идеи; то есть, хвалю печи зимою въ Сѣверномъ климатѣ! Жизнь коротка: иногда хочется сказать правду людямъ. Съ Канцлеромъ уже не спорю, для того, что не хочу говорить о нѣкоторыхъ предметахъ *во услышаніе* всему Дому его. Графъ Сергѣй Петр. занимается нынѣ всего болѣе Грамматикою Русскою. Иногда мы оба смѣемся отъ добраго сердца. Онъ ѣдетъ — въ Одессу! На сихъ дняхъ отправляется къ вамъ посланникъ Баварской, Графъ Брей, человѣкъ съ умомъ, и здѣшній хлѣбосолъ: онъ желаетъ познакомиться съ тобою. — Письма твои, любезнѣйшій, радуютъ меня своимъ тономъ: кажется, что ты вообще доволенъ и спокоенъ духомъ: это главное, послѣ здоровья. Прости, милой другъ! Жены нѣтъ дома;

но могу отвѣчать тебѣ за нее въ ея дружескихъ чувствахъ. Всѣ обнимаемъ тебя мысленно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Дружеской поклонъ Поэту Жуковскому, Дипломату Сѣверину.

204.

С. Петербургъ, 10 Дек. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Послѣднее дружеское письмо твое меня не порадовало: оно грустно. Надѣюсь, что беззаконное рѣшеніе Межевой Канцеляріи не будетъ закономъ. Въ первое свиданіе съ Министромъ Юстиціи упомяну объ этомъ дѣлѣ. Онъ сдѣлался почти невидимкою. Непремѣнно напиши къ нему и пришли записку о всѣхъ обстоятельствахъ, а копію ко мнѣ, чтобы я могъ попросить и Оберъ-Прокурора: радъ быть твоимъ Стряпчимъ, милой другъ. Что твоя Коммиссія? Много ли еще остается дѣлъ? Желаю очень, чтобы ты еще при Государѣ отдѣлался. Въ Августѣ авось увидимся. Оба старѣемся, но оба будемъ тверды. Признаюсь, однакожь, что я надѣюсь болѣе на умиленіе, нежели на твердость своего сердца. Есть Богъ! По моей философіи Онъ занимается не только Дипломатикою здѣшняго свѣта, но и всѣми моими дѣлами: вотъ моя опора и въ старости и въ грусти! Свѣтъ для меня гаснетъ, или я для него гасну: такъ и быть! Не зная, для чего? знаю, что все должно быть, какъ есть. Между тѣмъ будемъ и въ старости любить другъ друга. Д. Н. Блудовъ съ нами разстался: мнѣ жаль его для себя. Прости, любезнѣйшій. Катерина Андр., двѣ дочери и три сына привѣт-

ствуютъ тебя дружески. Наша семья есть почти твоя. Царскосельскій уроженецъ недуренъ: онъ также будетъ любить тебя въ свое время. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

205.

С. Петербургъ, 24 Дек. 1817.

Любезнѣйшій другъ!

Посылаю къ тебѣ IV-й томъ; а листъ I-го, намѣсто испорченнаго, пришлю послѣ, вмѣстѣ съ перепечатанными листочками II-го и III-го.

Поздравляю тебя съ завтрешнимъ праздникомъ. Будь какъ можно здоровѣе, спокойнѣе и веселѣе!—Я сутки лежалъ, и двое не выходилъ изъ комнаты: теперь опять брожу: гуляю по утрамъ въ лѣтнемъ саду, среди инѣя, снѣговъ и статуй прикрытыхъ рогожами! Самые жестокіе морозы не прерывали моихъ прогулокъ, не сентиментальныхъ, не философскихъ .... не знаю, какихъ! Выду на Неву: смотрю, хвалю Петербургъ, пройду въ мысляхъ исторію его, и спѣшу домой завтракать съ женою. Стараюсь не грустить безъ причины; утѣшаюсь семействомъ и надѣюсь на милость Божію. Выѣзжаю какъ можно менѣе. Наше доселѣ неизмѣнное копье Тургеневъ. Типографскія дѣла идутъ къ концу, но еще много хлопотъ съ вставными листочками и съ переплетчиками. Едва ли прежде Февраля успѣю выдать. Иногородныхъ Субскрибентовъ доселѣ за 400, кромѣ Московскихъ. Иркутскъ взялъ 50 экз., а Парижъ 2.

Непремѣнно сообщи мнѣ записку о своемъ дѣлѣ, когда получишь ее.

Здѣсь все такъ тихо. Это нравится мнѣ болѣе шума. И у насъ были метеоры отъ сильныхъ морозовъ.

Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя, любезнѣйшій. Обними за меня Сѣверина, котораго мы истинно любимъ. Темно: не вижу бумаги. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

КЪ ДМИТРІЕВУ.

II.

(1818—1826.)

206.

Генв. 3, 1818.

Любезнѣйшій другъ! сердечно поздравляю тебя съ новымъ годомъ: дай Богъ тебѣ здоровья и спокойствія. Думаю, что въ этомъ все заключается. Я все не здоровъ; наконецъ уже не гуляю и сижу въ халатѣ. Нынѣшній день рѣшился принять лекарство. Между тѣмъ занимаюсь изданіемъ Исторіи. Получилъ ли ты 4-й т.? Теперь она въ рукахъ у переплетчиковъ, которые не лучше типографщиковъ. Можетъ быть, я уже прощаюсь съ *Друкарною* практикою! но съ тобою не прощаюсь. Хотя по всей вѣроятности Исторія и не дастъ мнѣ способа купить свой домикъ въ Москвѣ, однакожь располагаюсь тамъ провести остатокъ своей жизни, хотя и въ наемномъ домѣ: велимъ около Августа искать его.—Обнимаю тебя съ горячностію, хотя и съ больною головою. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

Жена вмѣстѣ съ мужемъ желаетъ тебѣ всѣхъ возможныхъ благъ въ здѣшнемъ свѣтѣ отъ начала до конца года.

207.

С. Петербургъ, 28 Генв. 1818.

Любезнѣйшій другъ! я все не очень здоровъ: выѣзжалъ, чтобы поднести Исторію Государю; былъ у Него въ кабинетѣ, имѣлъ щастіе обѣдать: слѣдственно одно дѣло сдѣлано; другое сдѣлается на сихъ дняхъ: т. е. выдетъ книга для публики.—Около Августа, любезнѣйшій, располагаемся быть въ Москвѣ. Дай Богъ, чтобы мы обняли другъ друга съ радостію! Дадимъ порученіе, немедленно по отъѣздѣ Двора, искать намъ жилища въ древней столицѣ: гдѣ я жилъ, провелъ молодость, началъ старѣться, тамъ должно мнѣ и умереть; тамъ земля дружелюбнѣе откроетъ мнѣ свои нѣдра, какъ старому знакомцу. Берега Невы прекрасны; но я не лягушка и не охотникъ до болотъ. — Любезная Наталья Яковлевна провела у насъ два вечера сряду. Разумѣется, что мы говоримъ о тебѣ; къ намъ пристаетъ и Тургеневъ. Государь былъ на четверть часа у Канцлера: это оживило его. Здѣсь всѣ были очень довольны привѣтливостію Императора. — Прости, любезнѣйшій. Дней черезъ шесть получишь остальные томы. Катерина Андр. свидѣтельствуетъ тебѣ свое душевное почтеніе и дружбу, а вмѣстѣ съ нею и дочери. Сыновья еще глуповаты: извини ихъ молчаніе. Обнимаю тебя со всею дружескою горячностію. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

208.

С. Петербургъ, 13 Февр. 1818.

Любезнѣйшій другъ! благодарю за милое письмо. Готовъ (но не прежде Іюля или Августа) скакать къ тебѣ на подмогу въ житейской ношѣ. Будемъ поддерживать другъ

друга въ преклонныхъ лѣтахъ, такъ, чтобы и *Бригадиры* не помѣшали намъ въ этой взаимной услугѣ (см. твое письмо ко мнѣ). Не имѣю ни малѣйшей нужды въ *энергіи*, чтобы выѣхать изъ великолѣпнаго Петербурга. Авось грузъ моихъ экземпляровъ къ тому времени уменьшится: я уже внесъ въ Опекунскій Совѣтъ, что мы должны, да и сверхъ того нѣсколько тысячь. Въ 2 года безъ трехъ мѣсяцевъ прожили мы 35 тысячь *сверхъ* нашего дохода, не смотря на всю экономію, такъ, что не можемъ купить домика въ Москвѣ, не смотря на продажу *тысячи-осьми-сотъ* экз. до сего дня. Одна Москва не показываетъ охоты имѣть Рос. Исторію, чему здѣсь многіе дивятся, полагавъ, что въ спокойной Москвѣ читаютъ болѣе, нежели въ разсѣянномъ Петербургѣ; я не такъ думалъ, и не дивлюсь, что въ Москвѣ и въ Иркутскѣ разошлося *почти* равное число экземпляровъ моей старины. Къ тому же я самъ Москвичъ: меня видали за Бостономъ: нѣтъ заманки для воображенія. Къ тому же у васъ Дворъ, балы или трауры! Надѣюсь, что ты уже давно получилъ свой экземпляръ Исторіи черезъ Тургенева, который все мое и всюду отправляетъ. Увѣдомь, какого листа недостаетъ въ I томѣ: я забылъ; пришлю его. — Прости, любезнѣйшій. Мы почти совсѣмъ здоровы. Хлопочу съ переплетчиками, съ лавошниками etc. Это не веселое, хотя и прибыльное дѣло. Обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

209.

С. Петербургъ, 21 Февр. 1818.

Любезнѣйшій другъ! Съ радостію обнимаю и поздравляю тебся. Vive le Conseiller privé *actuel!* Vive l'Empereur! Друзья твои радуются, а завистники горюютъ. Вчера, въ

Собраніи Департ. Сената, исчисляли, кого ты обошелъ, и даже изъ служащихъ Министровъ. Будь только здоровъ и спокоенъ; я могъ бы прибавить: не нуждайся въ деньгахъ! но это одно съ спокойствіемъ. Мы еще не видали Натальи Яковлевны. Завтра съ Тургеневымъ будемъ пить здоровье новопожалованнаго. Никто изъ Московскихъ не получалъ такого блестящаго знака Государевой милости. Сто разъ обнимаю тебя. Навѣки твой Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Я искренно радуюсь вашей радости и отъ души поздравляю васъ, любезной и почтенной Иванъ Ивановичь. Завтра будемъ въ маломъ кругу вашихъ и нашихъ пріятелей пить ваше здоровье. Дочери раздѣляютъ вашу радость, и поздравленія вамъ приносятъ.

210.

С. Петербургъ, 11 Марта 1818.

Любезнѣйшій другъ! я получилъ любезное письмо твое при Натальѣ Яковлевнѣ и сказалъ ей о твоемъ безпокойствѣ: она огорчилась. Мысль ея была поздравить тебя оригинальнымъ образомъ въ надписи письма (*Высокопревосх.* и проч.), и болѣе ничего. Ты не можешь сомнѣваться въ истинной ея къ тебѣ привязанности. Она радовалась сердечно вмѣстѣ съ нами и звала насъ къ себѣ на вечеръ, чтобы праздновать новую къ тебѣ милость Государеву.

Мы довольно поговорили о тебѣ съ Блудовымъ. Оставивъ тебя, онъ скоро оставитъ и насъ. Дай Богъ, чтобы выгоды службы удовлетворили всѣмъ потребностямъ души его. Онъ скучалъ праздностію. Жаль разстаться съ нимъ; но мы должны предпочитать его удовольствіе нашему.

Ты справедливо досадуешь на любезнаго Поэта Жуковскаго, что онъ не воспѣлъ Минина и Пожарскаго. Потребуемъ, чтобы онъ загладилъ эту вину новыми прекрасными стихами. Прилагаю маленькое письмецо къ нему и К. Шаликову.

Моя Исторія въ 25 дней скончалась: не осталось у меня ни одного экземпляра; сверхъ трехъ тысячь проданныхъ, требовали у меня еще шести сотъ. Не равняемся съ Англіею; однакожь это замѣчательно. Пусть мои пріятели, В. Л. Пушкинъ и К. Шаликовъ, успокоятся: наша публика почтила меня выше моего достоинства; мнѣ остается только быть благодарнымъ и смиреннымъ.

Надѣюсь, что добрый нашъ Государь будетъ всегда добръ къ тебѣ. Искренняя къ нему любовь есть одно изъ наслажденій жизни моей. — Прости, милой другъ. Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Листъ для 1-го тома прилагаю.

211.

С. Петербургъ, 8 Апр. 1818.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! спасибо за милое письмо твое; спасибо за то, что ждешь насъ съ пріятными мыслями. Августъ уже не такъ далеко. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ мысляхъ собираемся въ Москву. Но если ты изъ нее уѣдешь? а это возможно, при какомъ нибудь новомъ образованіи etc.; тѣмъ возможнѣе, что ты не очень привязанъ къ старушкѣ Бѣлокаменной. Ясно или неясно? Между тѣмъ идутъ у меня переговоры о новомъ изданіи Рос. Исторіи; въ цѣнѣ мы согласны, но требую залога въ вѣрномъ платежѣ. Все это едва дастъ намъ способъ жить, какъ живемъ. Но благодарю Всевышняго изъ глубины

сердца.—Тургеневъ ѣдетъ къ вамъ, съ извѣстіемъ, что вмѣсто Амвросія имѣемъ Михаила Митрополита. Амвросій остается только Новогородскимъ.—Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я всему радъ хорошему, но только хорошему. Все будетъ, какъ надобно. К. Петръ открылъ свое государственное служеніе переводомъ Государевой рѣчи, съ поправками Новосильцова. — Въ какомъ смыслѣ находишь ты книгу Стройновскаго примѣчанія достойною? Вчера Авторъ прислалъ ее ко мнѣ: загляну. Онъ *Экономистъ*, какъ слышу, и щиплетъ Шторха. Прости, любезнѣйшій. Я говѣю, т. е. ѣзжу въ Церковь всякой день. Между тѣмъ обѣдаю нынѣшній день у Графа Николая Петровича. Поговоримъ о тебѣ, какъ обыкновенно. Жена и дѣти мои увѣряютъ тебя въ своей искренней къ тебѣ привязанности. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

212.

С. Петербургъ, 29 Апр. 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за письмо отъ 21 Апр. И такъ ты не думаешь ни въ какомъ случаѣ измѣнить Москвѣ? Вѣрю. Здѣсь говорятъ о Намѣстникахъ: именуютъ человѣкъ восемь; въ томъ числѣ А. Д. Балашева, В. С. Ланскаго, Милорадовича и нѣсколько Генералъ-Адъютантовъ. Это учрежденіе всегда казалось мнѣ нужнымъ: успѣхъ зависитъ отъ выбора людей и отъ другихъ обстоятельствъ. Надобно будетъ многое перемѣнить въ организаціи Министерствъ, чтобы приладить къ нимъ Намѣстничества. Увидимъ. Дай Богъ всего добраго! Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ Конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—

въ *Сынѣ Отечества* въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смѣшно и жалко! Но будетъ, чему быть. Знаю, что Государь ревностно желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія — и слава Богу! Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей или, лучше сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по своему. Въ сей системѣ какой покой для ума зрителей, т. е. для нашей Братьи! Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся. — Весьма неохотно продалъ я второе изданіе Сленинымъ: они могутъ разориться, а мнѣ будетъ это прискорбно, кромѣ того, что не возьму денегъ. Противъ обыкновенія я не хвалилъ своего товара, а предостерегалъ купцевъ. — Мы беремъ живѣйшее участіе въ вашихъ торжествахъ: Императрица приказала Г. И. Вилламову написать ко мнѣ о рожденіи Александра; я благодарилъ и поздравилъ Ее. — У васъ холодно, и у насъ было не тепло; но третій день Нева освѣщена яркимъ солнцемъ. Я не здоровъ, въ простудѣ, но гуляю по набережной. Что сдѣлалось съ Жуковскимъ? нѣтъ ни слуху, ни духу. — Обнимаю тебя нѣжно отъ имени всего нашего семейства, мужа, жены и дѣтей. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

213.

С. Петербургъ, 9 Мая 1818.

Любезнѣйшій другъ! спѣшу съ любезнымъ нашимъ Поэтомъ отвѣчать на твое письмо отъ 2 Мая. Зная характеръ К. Лобанова, я увѣренъ, что письмо твое къ нему произведетъ гораздо болѣе дѣйствія, нежели моя словесная прозьба, которая заставитъ его думать, что ты самъ не хочешь отнестись къ нему. И такъ пожалуй напиши къ нему письмо

и пришли ко мнѣ: я вручу его самъ, поговорю съ нимъ и тебя увѣдомлю о слѣдствіяхъ. Между тѣмъ съѣзжу къ нему нынѣ или завтра, чтобы приготовить его къ твоему письму. Онъ такъ страненъ, что я почти раззнакомился съ нимъ; но это не мѣшаетъ нашему дѣлу. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего письма. — Мы здоровы, кромѣ Катеньки: она простудилась. Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Человѣкъ дожидается письма. Будь здоровъ, милой другъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

214.

С. Петербургъ, 16 Мая 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма къ Министру Юстиціи о дѣлѣ твоего Батюшки: отвезу его къ нему, и надѣюсь, что это подѣйствуетъ гораздо сильнѣе, нежели *одна* моя прозьба. Я совѣтовался и съ другими: всѣ того же мнѣнія.

Мнѣ грустно, что Гг. Профессоры Московъ. Университета оскорбились моимъ выраженіемъ въ *Запискѣ*, сочиненной мною для Императрицы. Я не думалъ ничего худаго, сказавъ: «надобно возстановить Университетъ и физически и *нравственно*». Это совсѣмъ не касается *нравовъ*. Я желалъ только, чтобы Университетъ еще болѣе возвысился, болѣе одушевился и сдѣлался полезнѣе. Желаніе мое отчасти исполнилось: Профессоры ободрены награжденіями. Общіе наши любезные пріятели распустили эту Записку по Москвѣ къ моему неудовольствію; она была писана совсѣмъ не для публики.

Я готовъ воспользоваться всякими замѣчаніями на мою Исторію. Увижу, что сказалъ К. въ Вѣстникѣ о Херсонскихъ

воротахъ. — Коцебу уже напечаталъ въ Германіи переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ съ большими ошибками въ смыслѣ и писалъ ко мнѣ, что желаетъ перевести всю Исторію. Я отвѣчалъ ему, что она уже переводится.

У тебя былъ портной Александръ и снималъ мѣрку: слѣдственно онъ сшилъ тебѣ новой мундиръ? слѣдственно ты щеголяешь? Я радъ. Мы ходимъ здѣсь въ шлафрокахъ, а по праздникамъ въ камзолахъ. Сижу дома или гуляю по Невѣ.

Увѣдомь, любезнѣйшій, пріѣхалъ ли въ Москву Ошанинъ, котораго ты мнѣ рекомендовалъ? Онъ поѣхалъ отсюда больной, и я объ немъ безпокоюсь. Петербургъ не благопріятствуетъ ни слабому здоровью, ни пустому кошельку.

Всѣ Карамзины, мужъ, жена, дѣти, обнимаютъ тебя съ любовію.

Сѣверинъ пожалованъ въ Коллеж. Совѣтники, а Стурза въ Стат., за образованіе Бесарабіи.

Будь здоровъ и люби всегда твоего

Н. Карамзина.

У Князь Петра родился въ Варшавѣ сынъ Николай.

215.

4 Іюня 1818.

Любезнѣйшій другъ! съ сердечнымъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ почтеннаго твоего родителя: я съ младенчества зналъ его и любилъ, когда онъ посѣщалъ насъ. Беру искреннѣйшее участіе въ твоей горести. Нѣтъ лѣтъ, въ которыя бы не тяжело было потерять отца. — Спѣшу дать отчетъ въ дѣлѣ. Третьягодни я былъ у Министра Юстиціи съ твоимъ письмомъ: онъ взялся быть ходатаемъ, и я давно не видалъ его столь любезнымъ. Вѣроятно, что ты полу-

чишь отъ него отвѣтъ, когда Оберъ-Прокуроръ доставитъ ему свѣдѣніе о дѣлѣ. — Сію минуту отходитъ почта. Прости до слѣдующей, другъ любезнѣйшій. Съ нѣжностію обнимаемъ тебя всѣмъ домомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

216.

С. Петербургъ, 13 Іюня 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Исполнивъ твое порученіе, я писалъ къ тебѣ объ успѣхѣ, т. е. о хорошемъ отзывѣ Министра Юстиціи. Мнѣ сказывали, что онъ писалъ о томъ къ Оберъ-Прокурору и отвѣчалъ тебѣ. Буду ждать твоихъ дальнѣйшихъ приказаній по этому дѣлу.

Увѣдомь, любезнѣйшій, о своемъ расположеніи: думаешь ли съѣздить къ своему семейству или останешься на лѣто въ Москвѣ? Что принадлежитъ до насъ, то мы рѣшимся въ Іюлѣ: ѣхать ли тотчасъ въ Москву или опять читать здѣсь корректуры до весны! Мысль о послѣднемъ не веселитъ меня. Если увижу, что печатаніе можетъ итти безъ меня, то непремѣнно отправимся на любезное Московское пепелище. Сленинскія 50 тысячь будутъ мнѣ дорого стоить, если здѣсь останемся.

Было у насъ тихо: теперь у васъ. Лѣто проходитъ, а мы въ городѣ. О Царскосельскомъ домикѣ опять ничего не слышимъ. Живемъ уединенно: гуляемъ по Невѣ и въ двухъ садахъ. Въ добрые часы описываю ужасы Іоанна Грознаго. Любезнаго Тургенева видимъ черезъ день за своимъ чайнымъ столикомъ. Сѣверина совсѣмъ не видимъ. Умной Графъ Каподистріасъ обѣдалъ у насъ на сихъ дняхъ, и мы провели

съ нимъ пріятно часовъ шесть. Онъ разсказалъ намъ всю свою исторію. Я люблю его, но вижу рѣдко. — Вчера съ любезною Натальею Яковлевною осматривали мы великолѣпныя комнаты Его Прусскаго Величества: это стоило около четырехъ сотъ тысячь, какъ сказываютъ. Ему достался и тотъ уголокъ, гдѣ скончалась Екатерина Великая.

Всѣ мы Карамзины обнимаемъ тебя съ нѣжностію, другъ любезнѣйшій. Будь здоровъ и какъ можно спокойнѣе. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Прилагаю записку къ почтенному Ивану Петровичу Бекетову: сдѣлай милость, отдай ему и доставь мнѣ его отвѣтъ: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Скажи мой дружеской поклонъ любезному Василью Львовичу Пушкину. Здоровъ ли онъ?

217.

С. Петербургъ, 27 Іюня 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ и безпокойствахъ приказныхъ; однакожь надѣюсь, что узелъ, завязанный покойнымъ Обрѣзковымъ, будетъ развязанъ или разсѣченъ Княземъ Лобановымъ, и земли останутся тамъ, гдѣ были.

Знаешь о нещастіи Сѣверина? Онъ 5 мѣсяцевъ блаженствовалъ съ своею любезною женою и внезапно ее лишился. Это насъ поразило. Я два раза былъ у него на дачѣ: видѣлъ его въ изступленіи; теперь онъ въ глубокой горести. Фамилія Стурдзы ознаменована для меня чѣмъ-то священнымъ. Какая судьба! Моя жена не перестаетъ плакать. За 10 дней передъ симъ доброй Сѣверинъ говорилъ ей о своемъ

блаженствѣ! Повторимъ старую пословицу, что въ здѣшней жизни щастье опасно.

Я видѣлъ Государя, Императрицъ. Они милостивы къ намъ по прежнему. Государь удивился, свѣдавъ, что въ нашемъ Царскосельскомъ домѣ живетъ Г. Фроловъ: ему велѣно было тотчасъ выѣхать, и мы думаемъ дней черезъ пять быть въ Царскомъ Селѣ. Здѣшніе праздники нѣсколько разстроились корью Вел. Князя Николая Павловича; однакожь болѣзнь легка, и въ Петергофъ отправятся. Нынѣ Эрмитажъ.

Каразинъ удивилъ меня, безъ моего вѣдома и съ безобразными ошибками напечатавъ записку о Москвѣ. Я долженъ былъ отнестись о томъ къ Министру Просвѣщенія. Пристойно ли критиковать заложеніе Церкви на Воробьевыхъ горахъ *послѣ* ея торжественнаго заложенія? Я могъ судить (и то не публично) о планѣ Витберга, еще не утвержденномъ; но *теперь*, и въ *журналѣ!* Каразинъ вѣрно не хотѣлъ отдать меня подъ судъ: въ такомъ случаѣ онъ весьма не разсудителенъ.

Пиши ко мнѣ, любезнѣйшій другъ, въ Петербургъ: это вѣрнѣе, нежели въ Царское Село.

Императрица отдала мнѣ письмо твое въ кабинетѣ, говорила о твоемъ горѣ, о твоихъ достоинствахъ очень мило. — Скажу вмѣстѣ съ тобою: гдѣ намъ ни жить, а надобно доживать вѣкъ свой друзьями. Если мнѣ еще на годъ оставаться въ Петербургѣ, то оставаться съ грустью большою: это говорю отъ души. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Свидѣтельствую вамъ свое душевное почтеніе, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, и скажу вмѣстѣ съ мужемъ, что

грустно, очень грустно будетъ еще рѣшиться остаться на годъ въ С. Петербургѣ, въ разлукѣ съ нашими Московскими друзьями, которыхъ такъ душевно любимъ. Но я все еще люблю надѣяться, что судьба наша не совсѣмъ рѣшена и что Г. *Гречь*, постарается намъ дать чистую отставку, чистымъ и правильнымъ печатаніемъ Исторіи. Въ ожиданіи счастливаго свиданія вѣрьте чувствамъ почтенія и любви преданной вамъ

К. Карамзиной.

218.

Царское Село, 11 Іюля 1818.

Наконецъ опять пишу къ тебѣ изъ Царскосельской кущи, откуда было вытѣснила насъ Дружина Государева, но куда съ новою честію ввелъ насъ самъ милостивой Государь, съ изумленіемъ свѣдавъ, что, вопреки Его повелѣнію, нашъ домикъ отданъ Г. Фролову, котораго ты не знаешь и не узнаешь. Вотъ слѣдствіе того, что я ни къ кому не прибѣженъ и всѣмъ чуждъ; но у насъ пока есть истинной благотворитель Александръ: Онъ не даетъ насъ въ обиду и честитъ *безкорыстно;* на примѣръ, велѣлъ заплатить 2000 рублей за домикъ для насъ въ Петергофѣ, на 48 часовъ! Я не продамъ души за 2000 р.; но въ ней живетъ истинная любовь къ Государю, произведенная и многими Его прекрасными свойствами и сердечною благодарностію. Мы наслаждались Петергофскимъ праздникомъ и Ораніенбаумскимъ, хотя иллюминація и фейерверкъ не весьма удалися. Время было прекрасное; людей множество, и всѣ на свободѣ. Не смотря на вѣтеръ, довольно сильной, мы съ женою, съ дѣтьми, съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ (кото-

рые всѣ у насъ жили въ Петергофѣ), сѣли на катеръ и носились по волнамъ Финскаго Залива часа два или болѣе; одна изъ нихъ облила меня съ головы до ногъ — но мы были веселы и думали о томъ, какъ бы съѣздить моремъ по-далѣе! Государь давалъ полдникъ на *Собственной дачѣ*; ужиналъ въ Ораніенбаумѣ: мы были также приглашены. Теперь живемъ уединенно. Государь смотритъ ученье полковъ въ Петербургѣ, а вдов. Императрица задержена въ городѣ болѣзнію Великой Княгини, вѣроятно корью, приставшею къ женѣ отъ мужа. Мы одни гуляемъ въ саду. Онъ прекрасенъ; но жаль, что въ немъ нѣтъ дубовъ, кленовъ, липъ Ораніенбаумскихъ. Помнишь ли видъ изъ тамошняго Дворца къ морю, которое волнуется за густымъ зеленымъ лѣсомъ? Я воображалъ тебя, любезнѣйшій другъ, съ нами. Не хочу однакожь звать тебя въ Петербургъ на житье: если и останемся еще здѣсь на годъ, то все будемъ глядѣть въ Москву. Мы въ Петербургѣ какъ на станціи; не имѣемъ дружественнаго пріюта; кланяемся многимъ, а сидимъ дома одни, пока не явится доброй Тургеневъ, или Жуковской. Однакожь мы не въ правѣ жаловаться: сами не льнемъ къ людямъ. Въ 50 лѣтъ кажется, что все это не стоитъ труда, пока Богъ къ намъ милостивъ, пока есть милое семейство, кусокъ хлѣба и другъ въ Москвѣ. День за день, а тамъ и конецъ. Дай Богъ только любви къ Нему и мира душевнаго!—Миръ праху Н. А. Дурасова! По крайней мѣрѣ онъ не дожилъ до бѣдности; давалъ бѣднымъ хлѣбъ, а богатымъ стерледей и шампанское. — У Сѣверина я былъ три раза на дачѣ: онъ въ глубокой горести, но молодъ и не безнадеженъ для душевнаго выздоровленія. Покойница была слабаго здоровья. Живость ея чувствъ и воображенія изнуряла тлѣнный составъ физическій. Она любила хвалить тебя; и ко мнѣ изъявляла доброе расположеніе. Будемъ воспоминать объ ней

съ умиленіемъ. Семейство Стурдзы имѣетъ удивительную судьбу.

Прости, милой другъ. Ожидаю первыхъ корректуръ. Не знаю, какъ найду время для всего, что мнѣ дѣлать надобно. Будь здоровъ, спокоенъ и люби твоего

Н. Карамзина.

Сердечно благодарю почтеннѣйшаго Ивана Петровича. Хорошо, если бы онъ захотѣлъ быть *вторымъ* Членомъ Москов. Архива Кол. Иностран. Дѣлъ: тогда и я сталъ бы искать себѣ *третьяго* мѣста на этой высокой скамьѣ, покрытой *благородною пылью*.

219.

Царское Село, Авг. 2, 1818.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! сердечно благодарю тебя за милое письмо, въ которомъ ты упоминаешь о нападеніи Вѣстника Европы на мою Записку. Я читалъ, но безъ сердца. Вольному воля. Браниться не люблю и не хочу. Я могъ бы отвѣчать только одно; а именно, что Записка о Московскихъ Достопамятностяхъ дѣйствительно написана мною, вопреки обязательному *невѣрствію* Г. Анонима. Но и въ этомъ нѣтъ большой нужды. Я старъ и лѣнивъ. Дѣлать зла не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ.

Мы, слава Богу! и здоровы и спокойны. Первые листы втораго изданія доказали мнѣ необходимость остаться здѣсь на зиму: иначе будетъ ошибка на ошибкѣ: чего при жизни не хочу видѣть. Остаюсь не безъ грусти. Здѣсь мы не на мѣстѣ, а жить уже не долго. Я увѣренъ въ твоей дружбѣ, слѣдственно увѣренъ и въ томъ, что тебѣ жаль не быть съ нами, какъ намъ жаль не быть съ тобою въ одномъ городѣ. Не смотря на знаки Государевой къ намъ милости, стре-

млюсь душею въ даль отъ блестящаго свѣта, съ которымъ у меня нѣтъ симпатіи. Тѣмъ живѣе чувствую потребность Дружбы, истинной, старой, неизмѣнной. Здѣсь у насъ только молодые друзья. Обнимаю тебя хотя мысленно, но очень, очень нѣжно. Дай Богъ по крайней мѣрѣ, чтобы ты былъ здоровъ и спокоенъ.

Здѣсь мы живемъ почти уединенно; разъ пять имѣли щастіе обѣдать у Государя; разъ въ Павловскомъ, куда Императрица недавно переѣхала; скоро останемся въ тишинѣ: недѣли черезъ 3 или 4 Государь и Императрицы уѣдутъ въ Германію. Если осень будетъ сносна, то проживемъ здѣсь до конца Сентября. Нанимаемъ за 5000 р. этажъ у К. Ѳ. Муравьевой, которую любимъ душевно. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя, милаго друга. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

Графа Сергѣя Петровича еще мы не видали. Рюрикъ уже пришелъ: скоро пріѣдетъ и Канцлеръ.

Сдѣлай милость, любезнѣйшій, увѣдомь меня, былъ ли у тебя Ашанинъ? Онъ выѣхалъ отсюда почти умирающимъ.— Душевно благодарю почтеннаго Ивана Петровича за его записку.

220.

Царское Село, 22 Авг. 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Дожди насъ залили, но мы живемъ надеждою на хорошее время: авось еще придетъ! Располагаемся, если можно, прожить здѣсь до исхода Сентября.

Повѣрь мнѣ, любезнѣйшій, что сердце мое умѣетъ чувствовать нужду въ твоемъ присутствіи. Мы также живемъ въ одиночествѣ, какъ и ты, хотя и часто сидѣли за Им-

ператорскими обѣдами, смотря на Гр. Аракчеева, слушая Гр. Кочубея etc. Теперь будемъ въ совершенной тишинѣ: вчера въ послѣдній разъ обѣдали у Государя: Онъ уѣхалъ смотрѣть полки въ Петергофъ, въ Стрѣльну, и 26 отправится въ Германію. Сохранимъ живѣйшую благодарность за милостивые знаки Его къ намъ добраго расположенія, и только *Его:* тѣмъ лучше. Мы старики не прочимъ себя для Двора, а Государя любить весело и вдали. Зачѣмъ *такъ часто* звали насъ, не знаемъ; зачѣмъ нѣкоторые весьма примѣтно (avec affectation) охолодѣли къ намъ, не вѣдаемъ. Вдов. Императрица по старому обыкновенію была милостива и ласкова до конца, то есть, до разлуки: Она уѣхала въ городъ; возвратится въ Павловское на нѣсколько часовъ и поѣдетъ въ слѣдъ за Государемъ. Вотъ въ послѣдній разъ наши придворныя вѣсти: впередъ могу сообщать тебѣ однѣ типографскія. Корректуры мои начались. Не знаю, куда дѣваться отъ переводчиковъ моей Исторіи, Нѣмецкихъ и Французскихъ: я не искалъ ихъ. Вотъ тебѣ Prospectus Парижской. Этотъ Julien пріятель Лагарповъ, извѣстенъ Государю и пишетъ складно. Нѣкоторыя изъ его сочиненій переведены на Нѣмецкой. Вообрази, что и Коцебу переводитъ мою Исторію — въ своемъ журналѣ!

Наталья Яковлевна сказывала мнѣ, что ты думаешь ѣхать въ деревню, но возвратись, любезнѣйшій, прежде глубокой осени. Что твой процессъ? Я видѣлъ здѣсь К. Дм. Ив. Лобанова: ему уже не долго быть Министромъ, какъ онъ говоритъ. Публика даетъ Графу Кочубею разныя мѣста: то сажаетъ его въ какой-то вышній Совѣтъ, Conseil de Régence, будто бы на случай Государева отсутствія; то дѣлаетъ главою Министерствъ Полиціи и Внутрен. Дѣлъ, жалуя О. П. Козодавлева въ Министры Юстиціи. По-

слѣдній на сихъ дняхъ въ первый разъ обѣдалъ здѣсь въ Царскомъ Селѣ и былъ, сказываютъ, очень доволенъ.

Кротость моя тебя сердитъ, но я люблю быть кроткимъ. Не стою ни за что, мнѣ не принадлежащее; а что мое, того у меня не отнимутъ. Я долженъ благодарить Бога. Ты говоришь о достоинствѣ *Исторіографа*: но Исторіографъ еще менѣе Карамзина (между нами будь сказано).

Прости, милой другъ. Отъ негоднаго пера я не писалъ, а маралъ. Я, жена, дѣти, всѣ обнимаемъ тебя отъ души и сердца.

Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

221.

Царское Село, 11 Сент. 1818.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Мы наконецъ живемъ въ тиши. Государь разстался съ нами очень ласково: былъ у насъ; заглянулъ даже въ мой кабинетъ, то есть, въ нашу спальню; подивился тѣснотѣ и безпорядку; говорилъ любезно о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ; говорилъ какъ Ангелъ; на другой день, въ 5 часовъ утра, уже почти садясь въ коляску, отдалъ К. Голицыну одну бумагу, чтобы показать мнѣ для перемѣны въ ней нѣкоторыхъ словъ, которыя Ему не нравились (а прежде Онъ, столь же милостиво, велѣлъ мнѣ поправить краткой манифестъ о мирѣ съ Персіею). Все это останется между нами. Знаки Его добраго расположенія для меня драгоцѣнны, потому что люблю Его душевно. Знай, любезнѣйшій, что я ничего не хочу, уже приближаясь къ старости. Полно! Благодарю Бога за то, что имѣю. Надобно доживать дни съ семействомъ, съ другомъ и съ книгами. Мнѣ гадки лакеи, и низкіе често-

любцы и низкіе корыстолюбцы. Дворъ не возвыситъ меня. Люблю только любить Государя. Къ Нему не лѣзу и не полѣзу. Не требую ни Конституціи, ни *Представителей*, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое!

Н. И. Тургеневъ сказываетъ, что ты мыслишь переѣхать въ Петербургъ: сдѣлай милость, изъясни мнѣ эту любопытную загадку, въ которой дружба моя беретъ столь живое участіе. Обрадуюсь тебѣ несказанно, но не позволю себѣ звать тебя: развѣ, развѣ ты продашь домъ свой?... Обнимаемъ тебя нѣжно, мужъ и жена и дѣти. Твой

Н. Карамзинъ.

Извини, любезнѣйшій, что письмо на полулисточкѣ: не случилось цѣлаго!!

222.

С. Петербургъ, 10 Окт. 1818.

Любезнѣйшій другъ! Наконецъ мы переѣхали въ городъ, въ домъ почтенной Катерины Өедоровны, гдѣ намъ жить просторно, но гдѣ мы еще не обжились. Я выѣзжалъ только одинъ разъ и простудился; однакожь, не смотря на сильной насморкъ, всякое утро хожу пѣшкомъ, отъ Аничкова моста ко Дворцу, берегомъ Невы до саду, и садомъ на Фонтанку, гдѣ нашъ домъ. Вѣроятно ли, что намъ должно сдѣлать 50 визитовъ? Можемъ остаться при одномъ добромъ желаніи. Дѣлаюсь часъ отъ часу лѣнивѣе на выѣзды. Завидовать ли молодости? По крайней мѣрѣ безполезно. Въ моемъ расположеніи духа не вижу большой разницы между Петербургскимъ и Московскимъ обществомъ, то есть, для

меня: домосѣду почти все равно. Если бы ты, любезнѣйшій, жилъ въ Петербургѣ, то я безъ сомнѣнія не захотѣлъ бы оставить его; но пока ты остаешься въ Москвѣ, то мысли мои стремятся подъ сѣнь Кремля: тамъ и дружба и покой и независимость. Какъ ни милостивъ былъ ко мнѣ доброй Государь, но я уже старѣюсь и смотрю не на гору, а въ нору. Хорошо и *разстаться хорошо*. Сыновья еще малы, а для невѣстъ Богъ можетъ послать суженаго и въ Москвѣ. — Постараюсь, какъ можно скорѣе, раздѣлаться съ Типографіею, которой худая дѣятельность меня теперь огорчаетъ.

Ты *вѣрно угадалъ*, кто охолодѣлъ ко мнѣ, угадываешь и причину: что же? Скажи хотя намекомъ. Я, право, ничего не знаю. Богъ съ ними!

Грустно мнѣ слышать, что твои экономическія обстоятельства не поправились. Когда увижу Министра Юстиціи, спрошу о твоемъ дѣлѣ.

Мужъ, жена, дѣти — всѣ обнимаемъ тебя, нашего вѣрнаго друга. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Домъ Катерины Ѳедоровны Муравьевой *у Аничкова мосту*, *на Фонтанкѣ*.

Я думалъ послать къ тебѣ рѣчь, написанную мною по желанію А. С. Шишкова для торжественнаго Собранія Академіи, но она не переписана, и мнѣ не хочется читать ее: это совсѣмъ не въ духѣ *Устава*. Скажутъ, что хочу дразнить людей, а я миролюбивъ. Доброй Шишковъ *одобрилъ* эту рѣчь: не знаю, искренно ли.

223.

С. Петербургъ, 11 Ноября 1818.

Любезнѣйшій другъ!

Давно не имѣю отъ тебя писемъ. Кажется, что ты долженъ мнѣ отвѣтомъ на мое послѣднее; но вексель остается безъ взысканія, и вотъ новой. Начну тѣмъ, что мы, слава Богу! здоровы, хотя и не совершенно. Катерина Андр. беременна: ей бываетъ дурно, а мнѣ тяжело. Теперь сердечная моя молитва объ ея благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени. Это еще далеко: въ исходѣ Мая или въ Іюнѣ. Если Гр. Каподистріасъ здоровой къ намъ возвратится, то снова посмѣется надъ мужемъ и женою: онъ говоритъ, что мы считаемъ годы новорожденными дѣтьми и томами Рос. Исторіи. Обрадуюсь дочери; обрадуюсь и сыну, если мать родитъ его благополучно.

Не весело мнѣ слышать о твоихъ приказныхъ хлопотахъ. Въ нѣкоторыя лѣта дорогъ покой. Ты не прашивалъ казенныхъ Десятинъ: за то казна отнимаетъ твои—чего бы не было, если бы ты еще управлялъ Юстиціею. Галіани сказалъ о Неаполѣ: on ne craint pas ici la justice, mais on craint l'injustice; т. е. боятся тѣхъ, у кого сила въ рукахъ, сила дѣлать добро и зло по волѣ. Это можно отнести и къ Россіи любезной. Щастливъ, кто независимъ; но какъ трудно быть щастливымъ, т. е. независимымъ! Такъ или сякъ, а мы всегда въ зацѣпкѣ. Утѣшеніемъ быть можетъ одно: все къ лучшему, когда есть Богъ! — Дѣло твое, вѣроятно, не кончится при нынѣшнемъ Министрѣ Юстиціи; а тамъ увидимъ, кого намъ Богъ дастъ.

Читалъ ли ты Correspondence de Galiani? Онъ былъ очень уменъ во многихъ отношеніяхъ, и гораздо умнѣе, го-

раздо плутоватѣе нашихъ Либералистовъ — слѣдственно умнѣе и умершей или безсмертной Гжи Сталь. Читая, я бранилъ его только за цинизмъ.

Второе тисненіе моей Исторіи идетъ весьма медленно, къ моему большому неудовольствію. Важныхъ прибавленій въ немъ не будетъ; а конецъ Іоанна будетъ напечатанъ особенно, т. е. въ IX т., если только удастся мнѣ кончить.

Что тебѣ сказать новаго? Бываю у почтеннаго глухаго Канцлера, которой видитъ мое лице, но не слышитъ моего голоса. Третьягодни взглянулъ я на блестящій свѣтъ ввечеру у Великаго Князя: онъ даетъ балы для общества Павловскаго, Царскосельскаго и для немногихъ городскихъ. Отъ времени до времени дѣлаемъ еще визиты. Колоть страшная: въ нынѣшнее утро бѣдной нашъ кучеръ упалъ съ лошади, и такъ повредилъ себѣ ногу, что я безпокоюсь. Вотъ тебѣ домашняя, худая вѣсть!

Академическая рѣчь моя есть безсмыслица для Академіи. Торж. Собраніе отложено до Декабря. Давно уже не видалъ я и Президента. — Посылаю тебѣ Prospectus здѣшнихъ переводчиковъ моей Исторіи, и въ заключеніе обнимаю тебя, милаго друга, съ нѣжностію. Катерина Андр. и все мое семейство слѣдуютъ моему примѣру. Будь здоровъ и люби твоего

Н. Карамзина.

224.

С. Петербургъ, 28 ноября 1818.

Любезнѣйшій другъ! сердечно благодарю тебя и за милое письмо и за милой даръ новаго изданія твоихъ стихотвореній. Радуюсь хорошему вкусу публики: это *пятое* изданіе доказываетъ его. Къ живѣйшему моему удоволь-

ствію, нашелъ я тутъ и новое: *Исторію* и проч. Мы читали и новое и старое въ кругу добрыхъ пріятелей. Академическую твою довѣренность храню до случая, а письмо твое и 25 р. отдалъ Сенъ-Томасу. Сленинъ впишетъ тебя въ число желающихъ имѣть новое изданіе Исторіи на веленевой бумагѣ. Какъ нетерпѣливо хочется и мнѣ увидѣться съ тобою, другъ любезнѣйшій! Не вздумаешь ли хотя на короткое время заглянуть сюда зимою? Трудно: знаю — и для того не смѣю звать тебя; молчу отъ геройства. Императоръ будетъ въ концѣ Декабря. Здѣсь танцуютъ; но балы не для насъ: мы были только на двухъ балахъ Вел. Князя. Жуковской не можетъ нахвалиться своею Августѣйшею ученицею; но между тѣмъ пишетъ однѣ грамматическія таблицы. Батюшковъ скрылся. Тургеневъ рѣже показывается. Видѣлъ ли ты книгу *о налогахъ* его брата, Николая Ивановича? Онъ страшной Либералистъ, но доброй, хотя иногда и косо смотритъ на меня, потому что я отъявилъ себя не-либералистомъ. И Князь Петръ въ Варшавѣ пылаетъ *свободомысліемъ*. А что любезной Василій Львовичъ? поетъ ли? играетъ ли? — Если нашъ Сергѣй Сергѣевичь присутствуетъ въ 7 Департаментѣ, то сдѣлай одолженіе, скажи ему, что я убѣдительно прошу его о дѣлѣ малолѣтныхъ Бабарыкиныхъ: они правы: слѣдственно онъ можетъ оказать имъ благодѣяніе правосудіемъ. Прости, милой другъ. Мужъ, жена, дѣти, всѣ обнимаютъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

225.

С. Петерб., 26 дек. 1818.

Любезнѣйшій другъ! поздравляю тебя съ праздникомъ и съ наступающимъ Новымъ Годомъ: дай Богъ, чтобы ты въ теченіе его былъ здоровъ и спокоенъ, не имѣя ни огорченій, ни досадъ. Для человѣка въ нашихъ лѣтахъ щастье есть отсутствіе золъ, а мудрость житейская—наслаждаться всякой день, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Вчера мы видѣли Государя въ блестящемъ собраніи Двора и въ церкви. Онъ возвратился, слава Богу! здоровъ и веселъ, по видимому. Не знаю, ожидаютъ ли важныхъ новостей; но вѣроятно, что Государь займется основаніемъ лучшей Администраціи. Я стараюсь ничего не желать, кромѣ добра Царю и Царству; не умничать, не предсказывать, не предвидѣть, а все оставлять на волю Божію. Между тѣмъ сижу дома. Жена уже болѣе мѣсяца не выѣзжаетъ, отъ кашля и коликъ: беременность ея очень тяжела и ей и мнѣ. Дочь Катенька лежала дней пять въ жару; теперь встала.— Сленины пришлютъ тебѣ I т. втораго изданія Исторіи; II и III печатаются, но Уткинъ не кончилъ портрета. Думаю, что Князь Петръ уже въ Москвѣ. Обними его за насъ; а мы, мужъ, жена, дѣти, всѣ тебя обнимаемъ съ нѣжнѣйшею любовію. Не зовемъ, но иногда ждемъ тебя въ Петербургъ. Будетъ ли зимній путь въ нынѣшнюю зиму, неизвѣстно: здѣсь грязь. Это во всѣхъ отношеніяхъ не хорошо; но хорошо, если Богъ дастъ намъ увидѣться въ радости, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли. Навѣки

твой Н. Карамзинъ.

226.

С. Петербургъ, 12 Генв. 1819.

Любезнѣйшій другъ! мы плачемъ о нашей милой Королевѣ Виртемберг.: она скончалась 29 Дек. 25 сдѣлалась у нее на лицѣ рожа; кровь бросилась въ голову — а тамъ ударъ и смерть! Мы любили ее искренно, и грустимъ сердечно. Государь, Императрица въ жестокой горести. Давно ли я читалъ ея любезное письмо! Это было прощаньемъ. Вотъ жизнь! Сохраню память Незабвенной. Она была однимъ изъ благодѣтельныхъ существъ для души моей. Я увѣренъ, что и ты очень, очень пожалѣешь объ ней.

Записка о будущихъ областныхъ начальникахъ и здѣсь ходила, но весьма не оффиціальная. Когда все это выдетъ, неизвѣстно: знаетъ одинъ Государь, да развѣ Гр. Аракчеевъ съ своимъ Секретаремъ Муравьевымъ. Я видѣлъ Императора только издали раза три.—Всѣ мы съ нѣжностію обнимаемъ тебя, милой другъ: мужъ, жена и дѣти. Ждемъ Князь Петра. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

227.

С. Петербургъ, Генв. 27, 1819.

Любезнѣйшій другъ! милое письмо твое было сердцу моему и пріятно и огорчительно. Какъ хотѣлось бы мнѣ удалить отъ тебя всѣ заботы и безпокойства! Долго ли тебѣ занимать отъ трети до трети? Грустно, когда мы только жалѣемъ о безпокойствѣ друзей, а не можемъ ихъ успокоить. По крайней мѣрѣ совѣтую тебѣ менѣе тревожиться холодностію нѣкоторыхъ людей: Богъ съ ними! Что ка-

сается до тяжбы, то я все еще надѣюсь на правосудіе Сената. Давно не видали мы Министра: еще неизвѣстно, останется ли онъ или устранится отъ хлопотъ Юстиціи. О новостяхъ и перемѣнахъ теперь замолчали; но кажется, что онѣ не останутся только слухомъ. Государь прилѣжно работаетъ съ Графомъ Аракчеевымъ: дай Богъ имъ успѣха! — А мы, любезнѣйшій другъ, болѣе нежели когда нибудь мыслимъ о возвращеніи въ нашу добрую, хотя и Азіатскую Москву, какъ говоритъ Князь Петръ. Петербургъ имѣетъ конечно выгоды, но за то и невыгоды для пятидесятилѣтнихъ меланхоликовъ: мы устаемъ смотря на движеніе. Читалъ ли ты Мейстеровы Consolations de la vieillesse? Сочиненіе неглубокомысленное, но хорошо писанное. Правило *жить день за день* есть верхъ мудрости, до котораго желаю достигнуть. Я очень, очень щастливъ, когда умомъ и сердцемъ нейду вдаль; когда жена, дѣти и друзья здоровы, а пять блюдъ на столѣ готовы. Заглянуть въ умную книгу, подумать, иногда поговорить не глупо: вотъ роскошь! къ ней можно прибавить и работу, безъ всякаго отношенія къ славолюбію. А на томъ свѣтѣ.... то ли будетъ? Вотъ рецептъ, которой пишу для себя ежедневно, но которой не всегда вылечиваетъ меня отъ меланхолическихъ припадковъ. Будь веселѣе меня, другъ милой! Обнимаю тебя нѣжно за себя, за жену и за всѣхъ дѣтей. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

228.

С. Петербургъ, 9 Февр. 1819.

Любезнѣйшій другъ!

Безпокоюсь о твоемъ здоровьѣ: прошла ли твоя простуда? Теперь у насъ Наталья Яковлевна: она говоритъ,

что ты ни слова не сказалъ ей о твоемъ худомъ здоровьѣ въ послѣднемъ письмѣ.

Деньги за Исторію отъ тебя получены, а къ тебѣ экз. на *веленевой* уже давно отправленъ съ извощикомъ: ибо почта требуетъ 20 р. и болѣе за пересылку. Вотъ благодѣяніе нашего почтеннаго Министра!

Вдов. Императрица очень похудѣла. Я видѣлъ ее три раза послѣ этого жестокаго удара; а Елисаветы Алекс. не видалъ. Мнѣ кажется, что я не имѣю права адресоваться къ ея каммердинеру, а общаго представленія не было. Она спрашивала объ насъ у Натальи Яковлевны, думая, что мы уже давно въ Москвѣ! — Государя вижу только издали. Говорятъ, что Онъ ѣдетъ въ Москву и далѣе; ждутъ Его весною въ Харьковѣ, лѣтомъ въ Кіевѣ, осенью въ Варшавѣ: но все это можетъ быть несправедливо. О начальствѣ областномъ и проч. замолкли. Я читаю корректуры; иногда заглядываю въ общество (на примѣръ вчера у Кочубея) и пишу объ *Ивашкѣ*. Жена все не очень здорова. — Доброй Князь Петръ уѣхалъ въ свою Варшаву; а мы въ своей Москвѣ едва ли будемъ прежде 1820 года.

Прости, милой другъ. Будь здоровъ непремѣнно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Уткинъ все еще не кончилъ моего портрета.

229.

С. Петербургъ, 28 Февр. 1819.

Любезной другъ! сердечно благодарю за милое письмо. Странно, что твой экз. *Исторіи* еще не полученъ тобою: его отправили Сленины на имя книгопродавца Готье. Ут-

кинъ или *Черепахинъ* есть Русской человѣкъ: взялся и ничего не дѣлаетъ; говоритъ однакожъ, что сдѣлаетъ къ празднику. Все это не хорошо для Слениныхъ.

Жуковской уѣхалъ на двѣ недѣли въ Дерптъ. Я ничего не слыхалъ отъ него о *поединкѣ* и не давалъ ему никакихъ порученій касательно Г. Каченовскаго, ни хвастливыхъ, ни скромныхъ. Въ стихахъ его нахожу хорошее и очень хорошее; но иное темно, иное холодно. Императрица говорила мнѣ объ нихъ съ величайшею похвалою. Я думалъ, но раздумалъ писать о незабвенной нашей Королевѣ: не могу говорить объ ней не говоря о себѣ; а это покажется самохвальствомъ.

Все еще думаютъ, что Государь куда нибудь поѣдетъ до весны; но при Дворѣ не говорятъ о томъ. Я встрѣтился съ Императрицею Елисаветою Алекс. и на другой день былъ у Нее, и на третій, чтобы вручить Ей Стурдзину тетрадку Sur l'Allemagne и книжку Нѣмецкаго журнала, гдѣ объ ней (т. е. Стурдзиной книжкѣ) пишутъ. Императрица была очень милостива. — Какъ ругаютъ въ Германіи Стурдзу! Достается и Россіи, намеками. Читаешь ли *Инвалида?* Въ послѣднемъ нумерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевымъ: Philosophie divine. Многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ. Не сержусь и на Каченовскаго. — Мы, жена, мужъ и дѣти, обнимаемъ тебя, милаго друга, отъ всего сердца. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

230.

С. Петербургъ, 31 Марта 1819.

Сердечно поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ. Всѣ мы, мужъ, жена, дѣти, обнимаемъ тебя мысленно. Будь здоровъ и веселъ. Грустно, что мы не вмѣстѣ съ тобою. Какъ хотѣлось бы взглянуть на тебя, сказать тебѣ то и другое, послушать твоихъ мыслей о всякой всячинѣ! Нынѣ не льзя жаловаться на излишнюю скромность людей; но никто не замѣнитъ истиннаго друга стариннаго. Я благодарю Бога за наше здѣшнее житье-бытье; но какъ часто смотрю отсюда на Москву! Мы здоровы, кромѣ того, что Катерина Андр. часто стонетъ отъ беременности. Думаемъ переѣхать въ Царское Село около Мая. Четвертаго дни я обѣдалъ у Государя и былъ у Него въ кабинетѣ съ одною бумагою, которую Онъ присылалъ ко мнѣ поправить или передѣлать. Тебѣ извѣстна Его любезность. Вчера Императрица Елисавета Алексѣевна обязала важнымъ благодѣяніемъ одно бѣдное семейство по моей прозьбѣ и приняла у себя въ кабинетѣ жену мою съ отмѣнною милостію. Завтра поѣду благодарить..... Мнѣ мѣшаютъ писать, а время отправить письмо на почту. И такъ обнимаю тебя, любезнѣйшій другъ, отъ всего сердца. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Пришлю къ тебѣ книгу Генерала Гурго отъ К. Петра Андр.

Коцебу зарѣзанъ въ Мангеймѣ Студентомъ за его немодной образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?

231.

С.-Петербургъ, 21 Апр. 1819.

Любезнѣйшій другъ! прекрасное время заставляетъ насъ собираться въ Царское Село: думаемъ ѣхать туда 25 или 26, съ тѣмъ, чтобы Катеринѣ Андр. и родить тамъ — дай Богъ, благополучно.

Ты насъ мажешь по губамъ, говоря о желаніи своемъ пріѣхать сюда: какъ бы хорошо было! Мы же будемъ къ Москвѣ ближе двадцатью верстами. Но, по добродѣтельному или жестокому для меня правилу, не зову: дружеская отвѣтственность стоитъ Государственной. Истинный смыслъ сказаннаго тобою слова: *тебѣ хорошо*, есть: «ты умѣешь «быть признательнымъ за ласку, за любезное съ тобою об-«хожденіе, и между тѣмъ смотришь въ свою нору, т. е. въ «Москву». Я старѣюсь, милой другъ: судьба жизни моей рѣшена: поздно замышлять новости. Благодарю Бога за то, что имѣю. Il faut quitter le monde avant qu'il ne nous quitte. Москву воображаю для себя уединеніемъ, оживляемымъ иногда бесѣдою малочисленныхъ друзей, старыхъ, снисходительныхъ, безкорыстныхъ. Иное дѣло, если бы сыновья наши были уже въ тѣхъ лѣтахъ, чтобы вступить здѣсь въ какой нибудь институтъ для ученья и воспитанія; но Андрею, старшему, еще 5 лѣтъ или менѣе. Знаешь ли, чтобы могло привязать меня къ Петербургу (между нами будь сказано)? Случай дѣлать иногда добро людямъ; но это очень невѣрно, и колетъ инымъ глаза; я же (видитъ Богъ) не хвастунъ, и въ самомъ добрѣ не люблю кривой дороги. Allons donc planter nos choux!

Вмѣстѣ съ тобою жалѣю о временахъ, когда мирно гуляла Фантазія въ стихахъ и въ прозѣ: законодательное и

правительственное умничанье дѣлается несноснымъ для ума не-дѣтскаго. Хотятъ уронить троны, чтобы на ихъ мѣсто навалить кучи журналовъ, думая, что Журналисты могутъ править свѣтомъ. Я не пророкъ: не знаю, что будетъ въ Европѣ; но знаю, что *можетъ быть*; а всего болѣе знаю то, что нынѣшніе умники не далеки отъ глупцевъ. Право!

Вѣдаешь ли, что *ты* избралъ Каченовскаго въ члены Рос. Академіи? Я положилъ бѣлой шаръ и за себя и за тебя, и за Жуковскаго, и за Оленина. Это совсѣмъ не великодушіе. Критика *его* весьма поучительна и добросовѣстна. Не имѣю духа бранить тебя за твое негодованіе; но самъ не хочу сердиться.

Прата я читалъ, т. е. красивыя его фразы.

Обнимаю тебя, любезнѣйшій. Жена моя, дѣти, большія и малыя, всѣ, всѣ тебя обнимаютъ. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

232.

Царское Село, 1 Мая 1819.

Любезнѣйшій другъ! мы поспѣшили переѣхать въ Царское Село для того, чтобы Катерина Андр. могла удобнѣе ходить пѣшкомъ: но я не замедлилъ простудиться и сижу съ головною болью, не веселясь весною холодною и голыми деревьями.

Сдѣлай одолженіе, отдай приложенное письмо Вѣрѣ Сергѣевнѣ. По нѣкоторому обстоятельству я сомнѣваюсь въ хорошемъ дѣйствіи моей просьбы объ Александрѣ Ильичѣ. Увидимъ. Вѣрные друзья мои въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ. Скажу тебѣ за *тайну* слѣдующее: одна дворянка просила меня черезъ Нелединскаго написать ей письмо къ

Государю съ жалобою на 1-й Департаментъ Сената, которой осудилъ ее, за недоимку по винному откупу, быть сосланною въ каторжную работу, вопреки Дворянской Грамотѣ, безъ суда и безъ доклада Императору. Я написалъ и доставилъ письмо по адрессу; а Государь отдалъ эту жалобу въ Комитетъ Министровъ и приказалъ спросить у Сената, какъ онъ могъ поступить такимъ образомъ? Министры знаютъ, кажется, кѣмъ писана жалоба. Не чудно будетъ, если нѣкоторые и разсердятся. Вотъ почему думаю, что прозьбы моей объ Александрѣ Ильичѣ не уважатъ. Но это между нами! Я любопытенъ видѣть конецъ этаго дѣла. Не уже ли, для соблюденія казеннаго интереса, Сенатъ имѣетъ право уничтожить Дворянскую Грамоту, законъ Государственный? Говорятъ, что Министръ Финансовъ усильно оправдываетъ это дѣйствіе 1-го Департамента.

Еще не знаемъ, здѣсь ли родитъ Катерина Андр., или мы къ Іюлю должны будемъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣшняя Бабушка, которая принимала нашего малютку Николеньку, очень не здорова; а другой нѣтъ. Это меня безпокоитъ.

Прости, любезнѣйшій. Всѣ мы обнимаемъ тебя. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Можешь писать ко мнѣ прямо въ *Царское Село*.

233.

Царское Село, 13 Мая 1819.

Любезнѣйшій! Съ самаго переѣзда нашего въ Ц. С. я простудился, слегъ въ постелю, и только другой день встаю. Голова не свѣжа. Скажу единственно о полученіи друже-

скаго письма твоего черезъ Е. И. Ланскую. Не считаю за нужное увѣрять тебя въ моемъ усердіи; но я теперь никого не вижу. Больные не надежные совѣтники: и такъ не очень вѣрь моему теперешнему мнѣнію. Ставя себя на твоемъ мѣстѣ, я могъ бы ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ своимъ и для свиданія съ друзьями, а при семъ случаѣ и представилъ бы рапортъ Государю объ окончаніи дѣлъ твоей Коммиссіи. Кажется, что это всего пристойнѣе. Пересуды людей не стоятъ вниманія; но пунктъ издержекъ важенъ безъ сомнѣнія. Подумай, исчисли. Тебѣ надобно будетъ издержать тысячь пять, если не ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ пріѣзжай сюда *независимымъ;* а мы зависимъ, когда чего нибудь отъ другихъ ожидаемъ. Можешь помочь и не помочь своему межевому дѣлу; но вѣрно то, что Карамзины тебѣ обрадуются, и Нат. Яковлев., и другіе. Перестаю: слаба голова. Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

234.

Царское Село, 27 Мая 1819.

Наконецъ я почти совсѣмъ здоровъ, любезнѣйшій другъ; уже третій день гуляю по саду, а вчера даже припудрился и ходилъ къ Императрицѣ Е. А. Императоръ въ Петербургѣ. Онъ былъ такъ милостивъ, что всякой день присылалъ спрашивать о моемъ здоровьѣ. Нынѣшній день думаю съѣздить и въ Павловское, чтобы поклониться доброй Императрицѣ М. Ѳ.

Хотя я и не позволялъ себѣ звать тебя въ Петербургъ, однакожъ мнѣ грустно отказаться отъ надежды дружескаго свиданія. Судьба страннымъ образомъ развела насъ. Вотъ

уже три года, какъ мы разстались. Если будемъ живы, то авось соединимся опять въ Москвѣ лѣтомъ 1820 года, чтобы вмѣстѣ доживать вѣкъ. Старѣюсь не на шутку, и еще болѣе душею, нежели тѣломъ. Холодѣю ко всему, кромѣ любви семейственной и дружбы — кромѣ того, чѣмъ хвалиться не смѣю, даже и говоря съ тобою.

Не упущу случая узнать, получены ли здѣсь твои бумаги, и проч. Въ теченіе мѣсяца я почти никого не видалъ. Объ Александрѣ Ильичѣ еще не могу ничего сказать. Надѣюсь, что онъ не сомнѣвается въ моемъ усердіи или въ доброй волѣ. Если Министръ Юстиціи будетъ здѣсь или въ Павловскомъ и не *посѣтитъ* насъ, то прозьба моя будетъ безуспѣшна: это вѣрно. Вообрази, что и Столыпинъ сердитъ на меня за письмо, написанное мною для спасенія Дворянки отъ каторжной работы! Воля ихъ, а я человѣкъ, и еще не умеръ душею.

Ты провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ любезнымъ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ: такъ и мы бесѣдовали съ нимъ въ теченіе прошедшей зимы! онъ дѣйствительно менѣе другихъ старѣется — увы! и еще тоскуетъ о Государственной дѣятельности, о Дворѣ, тайно, про себя! О бѣдное сердце человѣческое! и въ старости мы все еще худо себя знаемъ!

Прости, милой другъ. Катерина Андр. вмѣстѣ со мною дружески обнимаетъ тебя. Она должна родить въ половинѣ Іюня. Вѣрю твоему усердному доброму желанію.

Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

235.

Царское Село, 13 Іюня 1819.

Любезнѣйшій другъ! благодаря Бога, Катерина Андр. по немногу оправляется. Я раза два былъ въ безпокойствѣ. Нынѣ девятой день: она уже встаетъ съ постели, и вчера ѣздилъ я въ Павловское, изъявить нашу признательность Императрицѣ, которая любезною запискою поздравляла насъ съ рожденіемъ четвертаго сына. Августѣйшій нашъ Хозяинъ третьягодни уѣхалъ въ городъ. Какъ скоро онъ узналъ, что Катерина Андр. родила, то приказалъ устлать двѣ улицы соломою, и всякой день освѣдомлялся объ ея здоровьѣ, присылая сперва Каммердинера, а послѣ своего лакея. За три дни до родинъ жены онъ посѣщалъ ее, пробылъ у насъ часа два и пилъ чай. Также и Императрица Елисавета Алекс. очень милостива. Я откровенно сказалъ Ей о замѣченной мною холодности въ прошедшее лѣто: она приняла эту искренность очень любезно. Наталья Яковлевна (у которой все еще болитъ нога), доказываетъ намъ, что мы непремѣнно должны просить Государя быть крестнымъ отцемъ новорожденнаго; но мы остаемся при старой системѣ. Онъ креститъ обыкновенно у Генералъ-Адъютантовъ, у придворныхъ etc.; а мы не придворные: сердечно благодаримъ за всякой знакъ милости, а не просимъ или не напрашиваемся.

Бумаги твоей Коммиссіи должны быть у Статсъ-Секретаря Муравьева, если не у Графа Аракчеева, которой теперь въ деревнѣ. Муравьевъ лишился жены и въ большой горести. Онъ, думаю, не ѣздитъ въ Царское Село; а писать къ нему не считаю нужнымъ. Надѣюсь узнать отъ другихъ, что будетъ.

Послѣ прекраснаго времени здѣсь льются дожди. Считаю это лѣто для себя послѣднимъ въ Царскомъ Селѣ. Второе изданіе моей Исторіи должно отпечататься въ Декабрѣ. Если будемъ живы, то въ слѣдующемъ Маѣ отправимся *на долгихъ* въ Москву доживать вѣкъ. Здѣсь я еще не говорю объ этомъ; но такъ рѣшительно предполагаю, не смотря на милостивое къ намъ расположеніе любезнѣйшаго Государя (Котораго имя пишу крупными буквами и въ письмѣ къ Другу!) Я *хочу* возвратиться къ тебѣ съ старыми двумя тысячами пенсіи и съ чиномъ Статскаго Совѣтника; по крайней мѣрѣ отличусь тѣмъ отъ другихъ, которые мнѣ гадки. Я не имѣю права на новыя благодѣянія Государевы. Признаюсь, что мнѣ жаль будетъ удалиться навсегда отъ Него и отъ Императрицъ. Вдовствующая сказала мнѣ, что уже не будетъ впредь звать меня; то есть, что могу ѣздить въ Павловское, когда хочу. Однакожь — надобно ѣхать въ Москву, чтобы умереть тамъ, гдѣ я провелъ почти всю жизнь свою!

Катерина Андр. дружески обнимаетъ тебя, а за нею и дочери и сыновья.

Министръ Юстиціи былъ въ Павловскомъ, а къ намъ не заѣхалъ: худо! Едва ли могу просить его объ Александрѣ Ильичѣ съ успѣхомъ. Между тѣмъ онъ переѣзжаетъ въ домъ Министерской; т. е. остается еще на нѣсколько времени въ этой должности.

Прости, милой другъ! Будь здоровъ и спокоенъ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

236.

Царское Село, 20 Іюня 1819.

Любезнѣйшій Кавалеръ Первой степени Владиміра! сердечно радуюсь, и поздравляю тебя. Вчера въ Павловскомъ сказывалъ мнѣ А. Л. Нарышкинъ, что онъ уже послалъ къ тебѣ и звѣзду съ лентою. Вотъ доказательство, что Государь расположенъ къ тебѣ весьма милостиво, а Графъ Аракчеевъ благосклонно. Послѣдній былъ въ Царскомъ Селѣ четвертаго дни и докладывалъ, какъ вѣроятно, по бумагамъ твоей Коммиссіи. Ты получилъ если не самую прибыльную, то по крайней мѣрѣ самую блестящую награду. Такъ всѣ находятъ. — О награжденіи другихъ еще ничего не знаю.

Жена моя оправляется; а я вчера въ Павловскомъ снова простудился. Тамъ Плещеевъ читалъ комедію. Всѣ Павловскіе уже недѣли двѣ восхищаются его чтеніемъ.

Дѣло дворянки, приговоренной 1-мъ Деп. Сената быть сосланною въ каторжную работу, послѣ разсмотрѣнія въ Комитетѣ Министровъ рѣшено Государемъ: опредѣленіе Сената въ Имянномъ Указѣ названо *противнымъ коренному Государственному закону* (Дворян. грамотѣ) и уничтожено. Честь Дворянства сохранена; но нѣкоторые не взлюбили меня, а другіе разлюбили. Богъ съ ними и со всѣми! Если буду живъ, то уберусь въ Москву черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Прости, милой другъ. Жена моя вмѣстѣ со мною обнимаетъ тебя, а дѣти также. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

237.

Царское Село, 8 Іюля 1819.

Любезнѣйшій другъ! раздѣляемъ съ тобою чувство живой признательности къ милостивому Государю. Кто Его знаетъ, тотъ любитъ. Онъ доказалъ, сколь хорошо расположенъ къ тебѣ.

Но въ то же время беремъ искреннѣйшее участіе и въ твоемъ безпокойствѣ о племянникѣ. Авось другіе поправятъ, что одни испортили: говорю о Докторахъ. Это сынъ незабвеннаго Александра Ивановича? въ такомъ случаѣ болѣзнь не есть ли наслѣдственная, отъ матери? Я помню, что она страдала ногами. Ты, кажется, уже не поѣдешь законодательствовать въ Сызранскую округу: лѣто за половину; а осенью не весело странствовать по матушкѣ Россіи. Изъ Москвы пишутъ, что ты мыслишь переселиться на берега Невы: не знаю, желать или не желать того. Странно, если судьба опять разведетъ насъ: ибо мы стоимъ въ томъ, чтобы возвратиться въ объятія *Бригадирши*, хотя бы и неблагодарной, хотя и не веселой. Ты представляешь ее въ изрядной каррикатурѣ! Улыбаюсь, даже смѣюсь; а все таки сбираюсь на Арбатъ или въ Басманную!... Мой другъ! въ мои лѣта, и съ моимъ характеромъ, надобно думать уже не о любезныхъ обществахъ, а о томъ, чтобы въ тишинѣ доживать вѣкъ. Если бы я былъ богатъ, то развѣ для дочерей остался бы въ Петербургѣ, гдѣ болѣе жениховъ, нежели въ Москвѣ; давалъ бы вечера, etc. Но половина *историческаго* капитала уже разсѣялась, не смотря на бережливость мою. Сыновья еще не доросли до Лицейскаго пансіона. Выѣзжать лѣнюсь; суетности имѣю мало; пользы не предвижу: и такъ лучше бригадирствовать, въ ожиданіи звонка, и съ надеждою на

милость Божію въ разсужденіи судьбы дѣтей. Съ милою женою буду и въ Москвѣ, а можетъ быть и съ тобою, если не уѣдешь въ Петербургъ. Аминь.

Франц. переводъ Исторіи печатается въ Парижѣ; Руск. новаго изданія посланы къ тебѣ 3-й и 4-й томы; 5-й почти готовъ, 6-й печатается, а 7-й изрѣдка пишется и требуетъ еще мѣсяцевъ трехъ прилѣжной работы, чтобы поступить въ типографію, если рѣшусь печатать его: ибо меня беретъ раздумье: въ немъ ужасы!

Прости, милой другъ! Нѣжно, нѣжно обнимаю тебя. Будь здоровъ и люби твоего

Н. Карамзина.

P. S. О. П. Козодавлевъ очень боленъ, какъ сказываютъ. Отъ Каподистріасъ получили мы дружеское письмо изъ Корфу: онъ будетъ къ Сентябрю. Пушкинъ спасенъ Музами. Плещеевъ читаетъ. Жуковской пишетъ стихи къ Фрейлинамъ. У любезной Натальи Яковлевны рожа на рукѣ и на ногѣ, но безъ жару.

238.

Царское Село, 11 Іюля 1819.

Любезнѣйшій другъ! третьяго-дни при встрѣчѣ съ Государемъ я сказалъ Ему, какъ ты былъ тронутъ знакомъ Его милости. Онъ съ видомъ искренняго удовольствія повторилъ нѣсколько разъ, что тебя любитъ, зная благородство твоего характера; хвалилъ твой умъ; вспомнилъ нѣкоторыя слова твои, и между прочимъ, какъ ты первымъ щеголемъ въ городѣ признавалъ О. П. Козодавлева, etc. etc. Этотъ щеголь опасно боленъ. Искренно жалѣю. Въ немъ

много добраго, не смотря на то, что вошелъ въ пословицу не съ хорошей стороны.

Мы, слава Богу! здоровы. Жена еще не показывается при Дворѣ, но ходитъ и ѣздитъ гулять. Вчера мы были въ Славянкѣ, которая напомнила намъ Московскія окрестности. Прости, милой другъ. Будь здоровъ и спокоенъ. Дай Богъ, чтобы доброй твой племянникъ выздоровѣлъ. Навѣки твой Н. Карамзинъ.

Натальѣ Яковлевнѣ гораздо лучше.

239.

Царское Село, 1 Авг. 1819.

Любезнѣйшій другъ!

Мы теперь живемъ въ тишинѣ, кромѣ тѣхъ часовъ, которые проводимъ въ Павловскомъ. Съ Государемъ разстался я очень хорошо; желаю такъ разстаться съ Нимъ и передъ отъѣздомъ нашимъ въ Москву. Видишь, что я въ этомъ не перемѣняю мыслей! Стою и въ томъ, чтобы умереть *Бригадиромъ*. Въ послѣднемъ моемъ искреннемъ разговорѣ съ Императоромъ я сказалъ ему, что не хочу болѣе ни чиновъ, ни денегъ казенныхъ: надобно сдержать слово. Суета суетъ! Козодавлевъ нашъ искалъ, искалъ — и теперь въ могилѣ! Сердечно жалѣю о бѣдной Аннѣ Петровнѣ: она тоскуетъ, и вѣрно не утѣшится тѣмъ, что ей оставляютъ все жалованье мужа и даютъ 100 тысячь на заплату долговъ, какъ мнѣ сказывали. Любо умирать! Это шутка, а я не совсѣмъ веселъ: моя Катерина Андр. худо оправляется послѣ родовъ и меня тревожитъ. Надѣюсь на милость Божію.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣ трудно рѣшиться на изданіе 9-го тома: въ немъ ужасы, а ценсурою моя совѣсть. Я гово-

рилъ объ этомъ съ Государемъ: Онъ не расположенъ мѣшать исторической откровенности; но меня что-то останавливаетъ. Духъ времени не есть ли вѣтеръ? а вѣтеръ перемѣняется. Вопреки твоему мнѣнію, не льзя писать такъ, чтобы невозможно было прицѣпиться. Впрочемъ мнѣ еще надобно много писать, чтобы дописать Царя Ивана.

Пришелъ гость. Прости, любезнѣйшій. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

240.

Царское Село, 12 Сент. 1819.

Любезнѣйшій другъ!

Надѣюсь, что ты уже или въ Москвѣ или близко къ ней, здоровъ и благополученъ. Нетерпѣливо желаю скорѣе узнать о томъ. Ты видѣлъ Волгу, тобою воспѣтую; а мы не удалялись съ 26 Апр. отъ Царскосельскаго озера, кромѣ того, что на сихъ дняхъ я ѣздилъ въ городъ видѣть племянника, весьма опасно больнаго горячкою: это насъ очень тревожитъ. Штофрегенъ еще не даетъ надежды.

Здѣсь теперь еще никого нѣтъ, ни Двора, ни Придворныхъ. Мы располагались прожить здѣсь до Окт. Не знаемъ, исполнится ли нашъ планъ. — Публика объявляетъ тебя преемникомъ Козодавлева. Я не дозволяю себѣ ничего желать, кромѣ того, чего ты самъ желаешь. Государя видѣлъ я въ саду: Онъ доволенъ своимъ путешествіемъ; будетъ, вѣроятно, доволенъ и Варшавскимъ. — Вечера проводимъ мы съ любезною Натальею Яковлевною въ чтеніи Форбеня: имѣешь ли его? Даже и Жуковскаго не видимъ. Доброй Тургеневъ всякой день извѣщаетъ насъ о

племянникѣ, которой теперь всего болѣе лежитъ онъ *) на сердцѣ. — Прости, любезнѣйшій! Всѣмъ домомъ тебя обнимаемъ. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

241.

Царское Село, 6 Окт. 1819.

Любезнѣйшій другъ!

Къ сердечному нашему удовольствію свѣдали мы отъ Натальи Яковлевны, что ты благополучно возвратился въ Москву, совершивъ дальній свой осенній путь и раздѣлъ имѣнія. Отдыхай и покойся. Между тѣмъ надѣяться ли намъ видѣть тебя — если не въ Царскомъ Селѣ, то въ Петербургѣ? По какимъ-то намекамъ мы имѣли эту мысль; но да будетъ, что угодно Богу и тебѣ.

Наслѣдственное твое богатство не велико, и еще угрожаемо зѣвомъ Межевой Канцеляріи. Надѣюсь черезъ Николая Ив. Тургенева узнать, что дѣлается съ твоимъ дѣломъ въ Министерствѣ Финансовъ. Твое здѣсь присутствіе было бы не безполезно для хорошаго конца этой тяжбы. Впрочемъ повелѣвай нами, присылай записки, экстракты etc. Мы готовы хлопотать.

Думаю, что ты не долго пробудешь въ деревнѣ, я писалъ къ тебѣ въ Москву недѣли за три передъ симъ: это письмо, какъ видно, не дошло до тебя.

Думаемъ переѣхать въ городъ послѣ 15 Окт. Мы были въ Гатчинѣ; собираюсь опять съѣздить туда завтра на одинъ день, а къ 14 надобно опять быть тамъ съ поздравленіемъ. Императрица Елисавета Алексѣевна ожидаетъ здѣсь возвращенія Государева. Мы у Нее раза три обѣдали въ

*) Конечно описка: чит. *у меня*.

маленькомъ обществѣ. Государь будетъ 13 или еще ранѣе. Онъ простился со мною очень милостиво; но мнѣ кажется, что человѣку свободному за 50 лѣтъ не надобно привязываться ко Двору и утомлять Царскую милость. Иногда не безъ грусти смотрю на своихъ малютокъ: ихъ надобно воспитывать, учить — а я уже такъ близокъ къ бездѣйствію! Утѣшаюсь единственно мыслію о Провидѣніи.

Нѣжно, нѣжно обнимаемъ тебя: мужъ, жена, дѣти. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Любезная Наталья Яковлевна проводитъ съ нами уединеніе и осень: пьемъ чай, иногда читаемъ: путешествуемъ съ Форбенемъ по Египту etc. Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ насъ, да скромнаго Двора Императрицы: трехъ немолодыхъ Фрейлинъ и Нарышкина съ женою. Вообрази, что мы уже около шести мѣсяцевъ въ Ц. С.! — Племяннику моему лучше, но голова его еще очень слаба, только для него я ѣздилъ въ городъ.

242.

Царское Село, 20 Окт. 1819.

Любезнѣйшій другъ! не хочу выѣхать изъ Царскаго Села безъ того, чтобы не сказать тебѣ двухъ словъ. Вообрази, что мы нашли способъ прожить здѣсь шесть мѣсяцевъ! Видѣли здѣсь весну, лѣто, осень: теперь видимъ и зиму. Выпалъ снѣгъ; озеро замерзло — и мы завтра, если Богъ дастъ, отправимся въ Петербургъ, куда уже поѣхали наши дѣти съ матушкою. Третьягодни уѣхалъ Государь съ Имп. Елис. Алексѣев., а вчера изъ Гатчины Имп. Марія. Я уже не буду писать къ тебѣ о моихъ придворныхъ подвигахъ: они кончились прощальнымъ обѣдомъ

третьягодни. Думаю теперь единственно о томъ, чтобы кончить къ Рождеству второе изданіе и 9-й томъ къ лѣту. Въ Парижѣ давно вышелъ 1-й томъ; но не знаю, полученъ ли въ Петербургѣ. Я видѣлъ его у Императрицы: пробѣжалъ и замѣтилъ 30 ошибокъ. Нѣмецкой переводъ еще не вышелъ, думаю. Въ печатныхъ листахъ 1-го тома, мною полученныхъ, также есть грубыя ошибки. Богъ съ ними, Господами переводчиками! — И Наталья Яковлевна насъ оставила, проводивъ съ нами всѣ вечера съ Іюня мѣсяца. На праздникѣ въ Гатчинѣ было 148 человѣкъ, т. е. за обѣдомъ. Доброй Шишковъ поручилъ мнѣ убѣдительно просить тебя, чтобы ты написалъ рѣчь или что нибудь къ торжественному засѣданію Академіи въ Декабрѣ: и такъ прошу, убѣждаю! Жуковской взялся писать рѣчь. Здѣсь, т. е. въ Петербургѣ открылось *Тюремное Общество*, составленное изъ мущинъ и женщинъ: будутъ просвѣщать мракъ темницъ. Но ты, вѣроятно, уже читалъ о томъ въ газетахъ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Будь здоровъ, милой другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Катерина Андр. гуляетъ въ саду по снѣгу; но смѣло могу увѣрить тебя за нее въ ея нѣжнѣйшей къ тебѣ любви. Еще разъ обнимаю тебя.

243.

С. Петербургъ, 3 Ноября 1819.

Наконецъ мы опять въ Петербургѣ, любезнѣйшій другъ, гдѣ живемъ почти такъ же, какъ въ Царскомъ Селѣ, кромѣ пустыхъ визитовъ и кромѣ Царскаго лицезрѣнія, т. е. Государева: ибо Царицъ я видѣлъ. Часъ отчасу дѣлаюсь лѣнивѣе на выѣзды: пора въ Москву! Ты въ Петербургъ не

ѣдешь: слѣдственно только въ Москвѣ можемъ увидѣться, въ убѣжищѣ Русскихъ Инвалидовъ, свободныхъ душею, хотя и не либералистовъ. Жаль, что у меня нѣтъ хутора на берегу Москвы-рѣки! по крайней мѣрѣ есть другъ. Если бы я успѣлъ кончить 9-й томъ къ веснѣ или весною, то могъ бы здѣсь напечатать его, и въ Августѣ отправиться къ тебѣ; а если увижу, что концу не быть долго, то могу и весною выѣхать отсюда. Впрочемъ — какъ Богу угодно!

Скажу Александру Семен., что велишь. Я еще не видалъ его, и почти никого не видалъ, бывъ съ пріѣзду дней шесть не здоровъ.

Графъ Каподистріа провелъ у насъ вечеръ. Сѣверинъ долженъ быть въ Италіи или въ Нисѣ, для поправленія здоровья. Батюшковъ любуется Римомъ и Неаполемъ; Блудовъ скучаетъ Лондономъ; Дашковъ оффиціально осматриваетъ Грецію. А здѣсь — Жуковскаго не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю ихъ всѣмъ сердцемъ. Я старъ для молодыхъ; и самые старики для меня молоды. О чемъ говорить? Уже все сказано. Я рѣдко скучаю, но всѣмъ дозволяю скучать со мною. Vive la liberté! Часто любуюсь своими малютками. Если Андрей и Александръ будутъ живы, то не сдѣлаютъ стыда моей тѣни и въ поляхъ Елисейскихъ. Первой спросилъ у меня: «Гдѣ Богъ? на небѣ?» Онъ вездѣ, отвѣчалъ я: и на небѣ и на землѣ. *Стало Богъ очень широкъ*, сказалъ мой пятилѣтній Философъ. Саша очень милъ. — Какъ! ты изъ трехъ томовъ сочиненій своихъ хочешь сдѣлать одинъ? Что за строгость? и не излишняя ли? Мнѣ пріятно слышать, что ты съ удовольствіемъ занимаешься извлеченіемъ изъ ежеднев. Записокъ Храповицкаго: не льзя ли сообщить мнѣ страницъ пять-шесть? Я хотѣлъ бы имѣть идею. — Канцлеръ совсѣмъ оглохъ, такъ, что съ нимъ нельзя говорить; а все еще зоветъ обѣдать! Завтра къ нему

отправляюсь. Прости, любезнѣйшій. Всѣ, мужъ, жена и дѣти, обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

244.

С. Петербургъ, 21 Ноября 1819.

Съ сердечною грустію читалъ я письмо твое, любезнѣйшій другъ. Нѣжно, нѣжно обнимаю тебя въ мысляхъ. Это печальное извѣстіе хотя и не было для насъ нечаянностію, однакожь очень тронуло и меня и жену. Лѣта пріучаютъ насъ къ потерямъ и горестямъ, но пріучить не могутъ. Въ такихъ случаяхъ всего болѣе хотѣлось бы не мысленно, а существенно и на лице дѣлить чувства съ другомъ. Веселиться можно и съ пріятелями, а горевать лучше съ друзьями.

Желаю, чтобы любезной Александръ Ильичь былъ доволенъ своимъ мѣстомъ. — Москва безъ начальника. Еще не извѣстно, кто заступитъ мѣсто умершаго. Говорятъ о Графѣ Петрѣ Александровичѣ, Князѣ Дм. Ив. Лобановѣ, Князѣ Дм. Вл. Голицынѣ etc. — Нашъ общій другъ, Наталья Яковлевна, все еще не выѣзжаетъ, хотя ей и гораздо лучше. При выѣздѣ изъ Петербурга буду жалѣть объ ней и объ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ. Не въ шутку, а въ самомъ дѣлѣ собираемся на Московское попелище. — Вчера пріѣхалъ В. К. Конст. Павл.: для того былъ отказанъ балъ у Императрицы.

А ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики? Нѣтъ, я лѣнивъ. Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ; умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я какъ Папа безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота. Такъ мнѣ часто ка-

жется; желаю, чтобы и всегда казалось. Или — или — слѣдственно etc. etc.

Еще разъ обнимаю тебя, милаго друга, и за себя, и за жену, и за дѣтей. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

245.

С. Петербургъ, 15 Дек. 1819.

Любезнѣйшій другъ! наконецъ, къ моему успокоенію, я получилъ дружеское письмо твое. Будь же здоровъ и не тревожь друзей своихъ!

Натальѣ Яковлевнѣ, слава Богу! лучше. Она уже писала къ тебѣ. Штофрегенъ не находилъ въ ней ничего опаснаго; но мы однакожь безпокоились. Четвертаго дни Катерина Андр. одѣвалась въ ея компатахъ, чтобы итти на балъ: доказательство, что мы уже не очень бережно обходимся съ нею!

Благодарю тебя за выписку изъ журнала Храповицкаго: я читалъ ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Екатерина знала людей. Ея сужденія любопытны и основательны. Недавно читалъ я письма ея къ Гр. Зах. Гр. Чернышеву—и какія?... Чернышевъ былъ предмѣстникомъ Понятовскаго. Можно ли было думать тогда, чтобы судьба готовила ее возвеличить Россію?

Мы видимъ Кашкина: слѣдственно видимъ Москву. Еще не рѣшено, кому въ ней начальствовать: по крайней мѣрѣ не знаемъ того. Съ Графомъ Петромъ Александр. мы раза два обнимались во Дворцѣ, но еще не говорили.

Ты уже знаешь, что Алексѣй Ѳедоровичь Сенаторъ? по ходатайству Канцлера, если не ошибаюсь.

Мои, слава Богу! здоровы. Я почти никуда не ѣзжу и почти ничего не дѣлаю, а времени празднаго не имѣю. Съ

двухъ сторонъ терзаютъ меня переводчики моей Исторіи; труда много и вздору много. Въ томъ и въ другомъ переводѣ ошибки смѣшныя.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твои

Карамзины.

246.

С. Петербургъ, 29 Дек. 1819.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ наступающимъ новымъ годомъ. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ! чего желать болѣе? Въ отношеніи къ себѣ благодарю Бога за прошедшій годъ: мы не имѣли нещастій, ни сильныхъ угрызеній совѣсти; вѣрили Провидѣнію и старались любить Его уставы. Дай Богъ, чтобы я сказалъ тоже въ послѣдній годъ моей жизни, въ сей наступающій, или въ какой Ему угодно! Минутъ за 10 передъ симъ я выронилъ нѣсколько слезъ, написавъ нѣсколько строкъ для Потомства, не въ своей Исторіи, а въ другой бумагѣ, которую оставлю въ наслѣдство сыновьямъ. Я не Святой и не Святоша; но Богъ мнѣ отецъ: не хочу страшиться суда Его. — Теперь я въ хорошемъ расположеніи, а вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ, такъ, что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это зло безпрестанно умножается: отъ рабства ли? но рабы нашихъ отцевъ не спивались съ кругу. Есть, видно, другая причина; но я недогадливъ. Что, если бы Академія Наукъ или Россійская задала ученымъ рѣшить: въ какомъ отношеніи находится размноженіе кабаковъ къ успѣхамъ просвѣщенія, нравственности и Вѣры христіанской? Это показалось бы дерзостію въ вѣкъ либеральной. Не знаю, дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальній, и дорога весьма не гладкая. — Естественнымъ обра-

зомъ переходя отъ такихъ умствованій къ Рос. Академіи, скажу, что ея торжественное собраніе должно быть 8 Генв., въ день нашего семейственнаго праздника (моей женитьбы): я вызвался читать о Царѣ Иванѣ изъ своего девятаго тому Докладывали Государю: Онъ позволилъ: въ чемъ и нельзя было сомнѣваться; но видишь, какъ любезной Александръ Семеновичь остороженъ! — Ты прислалъ мнѣ проектъ весьма умнаго отвѣта къ Жофре, а я посылаю тебѣ оригиналъ забавно-глупаго письма во вкусѣ Пирогова: разсмѣешься ли? — Переводъ Французской не дуренъ и по большой части вѣренъ; но довольно ошибокъ отъ небреженія. Одинъ Парижской журналистъ говоритъ: la traduction est facile et agréable; а другой: la traduction n'est pas assez française. Въ сочиненіи же находятъ ясность, хорошее раздѣленіе, искусство, быстроту, философскія мысли; но одинъ журналистъ, якобинецъ Comte, упрекаетъ меня робостію, другой (Le Courrier) недостаточнымъ проницаніемъ въ разборѣ того, что свойственно всѣмъ народамъ, и что одному Русскому. Употребляютъ выраженія такія: Les bons juges admireront — то и другое; хотятъ сообщать выписки, etc. Однимъ словомъ, довольно пустословія, а мало дѣльнаго. На Франц. уже вышло 4 тома, т. е. вся *сушь*; а на Нѣмецк. еще 1 томъ, въ которомъ я счелъ 100 ошибокъ, отчасти грубыхъ и непонятныхъ; напр. 17-й вѣкъ вмѣсто *шестаго; до Рожд. Христова* вмѣсто *до введенія Христ. вѣры* etc.

Прости, милой другъ. Я, жена и дѣти обнимаемъ тебя нѣжно.

За Поляка, которой думалъ бранить меня въ Вѣстникѣ Европы, я вчера (между нами) ходатайствовалъ у К. А. Н. Голицына: бѣдной мой критикъ не имѣетъ ни гроша. Еще разъ обнимаю тебя. — Нат. Яковл. все еще не оправилась.

247.

С. Петербургъ, 12 Генв., 1820.

Любезнѣйшій другъ! Мы оба не хорошо начали Новый Годъ: ты уѣхалъ изъ Церкви, а я изъ Дворца и не могъ быть въ Эрмитажѣ отъ нездоровья; едва собрался съ силами и для Академическаго Собранія: однакожь былъ и читалъ около 80 минутъ, не *обозрѣніе Европы*, а о перемѣнѣ Іоаннова Царствованія, о началѣ тиранства, о вѣрности и геройствѣ Россіянъ, терзаемыхъ Мучителемъ. Докладывали напередъ Государю: Онъ позволилъ. Тургеневъ къ тебѣ писалъ о дѣйствіи; можешь заглянуть и въ Сына Отечества. Съ начала Академіи, какъ говорятъ, не бывало такого многолюднаго, блестящаго Собранія. Забыли правило, и раздалось всеобщее рукоплесканіе, когда доброй Президентъ подалъ мнѣ огромную медаль съ изображеніемъ Екатерины. Это меня тронуло, меня холоднаго Меланхолика! Тутъ не было ни интриги, ни заговора, ни друзей (кромѣ Тургенева). Филаретъ благословилъ меня усердно. К. А. Н. Голицынъ сказалъ, кажется, доброе слово Императору объ этомъ чтеніи: Государь сію минуту, встрѣтивъ жену мою на Фонтанкѣ, говорилъ очень любезно объ Академическомъ торжествѣ Исторіографа. Завтра увидимъ Его на балѣ. Вотъ наши вѣсти. Вчера мы были у Натальи Яковлевны: она все еще не оправилась, хотя Докторъ и увѣряетъ, что у нее болѣзнь совсѣмъ прошла. Прости, любезнѣйшій другъ. Нѣжно, нѣжно всѣ, мужъ, жена, дѣти, обнимаемъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

248.

С. Петербургъ, 26 Генв. 1820.

Любезнѣйшій другъ! умѣю чувствовать цѣну твоего милаго участія въ моей Академической пріятности, и благодарю тебя душевно. Вчера видѣлся я съ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ. Онъ замѣтилъ въ тебѣ какое-то меланхолическое расположеніе, и для меня меланхолическое. Въ самомъ дѣлѣ тебѣ нужно нѣкоторое разсѣяніе. Ты говоришь о продажѣ дома: Богъ знаетъ, когда найдется купецъ! Заглянуть въ Петербургъ стоило бы тебѣ не болѣе трехъ тысячь рублей. Ты далъ бы себя обнять друзьямъ и по возвращеніи въ Москву нашелъ бы ее, можетъ быть, пріятнѣе. Вообрази, что эти 3000 р. платишь Докторамъ. Мы щедры на чужія деньги; однакожь по совѣсти могу сказать, что такой расходъ кажется мнѣ благоразумнымъ. Петербургъ вѣрно сдѣлаетъ тебѣ удовольствіе: вспомнишь молодость; кромѣ друзей, увидишь старыхъ пріятелей, etc. etc. И мы въ слѣдъ за тобою можемъ отправиться на берега тихой Москвы-рѣки. Теперь второе изданіе кончилось: увижу, могу ли еще писать отъ души. Еще отнимаютъ у меня время переводчики. Изъ Венеціи прислали ко мнѣ *Манифестъ* о новомъ Итал. переводѣ: Storia dell' Impero della Russia, scritta dal Consigliere di Karamsin. Москини и Гамба переводятъ ее съ Франц. Вода къ водѣ, ошибки къ ошибкамъ. Я писалъ для Русскихъ, для купцевъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ Шереметева (см. имена пренумерантовъ въ VIII т.), а не для Западной Европы. — Сенаторъ былъ у насъ два раза. И съ нимъ о тебѣ побесѣдовали. Онъ обѣдаетъ и вечеряетъ у Канцлера: такъ и должно; никто не проситъ, какъ просилъ объ

немъ этотъ достойной, хотя и отставной вельможа: убѣдительно, отъ души и сердца. Нарышкина гаснетъ, и между тѣмъ Канцлеръ лишаетъ себя удовольствія, хотя и скуднаго, видѣть за своими обѣдами человѣкъ шесть или семь, говорящихъ при немъ другъ съ другомъ. — Я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ о моихъ придворныхъ отношеніяхъ: иногда обѣдаю въ кабинетѣ у вдов. Императрицы, иногда хожу и къ Императрицѣ Елисаветѣ; у Императора обѣдалъ только однажды. Всѣхъ ихъ люблю, и довольно. Вмѣстѣ съ женою бываемъ у первой въ комнатномъ спектаклѣ, на балахъ; за то уже не ѣздимъ никуда въ другія мѣста, гдѣ собираются люди. Прости, милой другъ! Жена и дѣти вмѣстѣ со мною обнимаютъ тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Наталья Яковлевна поправляется въ своемъ здоровьѣ.

249.

С. Петербургъ, 20 Февр. 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Пишу къ тебѣ съ болью въ головѣ и въ горлѣ. Императрицѣ угодно было пригласить меня на экзамены въ Екат. Институтъ, гдѣ въ первый день мы пробыли съ Нею 7 часовъ, а на другой 11, и гдѣ наконецъ я очень простудился, такъ, что уже отказался отъ нынѣшняго экзамена. Нѣкоторыя изъ выпускаемыхъ дѣвицъ прекрасны. Я видѣлъ ихъ успѣхи въ ученьѣ съ истиннымъ удовольствіемъ. Пѣли, танцовали плѣнительно. — Слава Богу, Наталья Яковлевна почти совсѣмъ оправилась. Ея состояніе насъ душевно огор-

чало. Теперь уже выѣзжаетъ гулять и дышать свѣжимъ воздухомъ. — Ты хочешь знать о 9-мъ томѣ: пишу, пишу, но все какъ-то не споро. Можетъ быть, лѣтомъ объявлю о подпискѣ. И такъ будемъ ждать, чтобы домъ твой продался и четвероместная карета была отдѣлана: первое не такъ легко; а какъ бы хотѣлось скорѣе обнять тебя, милой другъ! Планъ нашей будущей жизни простирается не далѣе 9-го, часто упоминаемаго тома Исторіи: лучше издать его здѣсь, а тамъ будемъ, гдѣ Богу угодно. Но Москва ближе къ нашему сердцу. Знаешь ли о новомъ Парижскомъ злодѣйствѣ? Фанатикъ-Бонапартистъ зарѣзалъ Герцога Берри при выходѣ изъ Оперы и пресѣкъ колѣно Людовика XIV для трона. Каковъ вѣкъ! Прости, любезнѣйшій другъ. Обнимаемъ тебя нѣжно, всѣмъ домомъ.

Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

250.

С. Петербургъ, 20 Марта, 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Письмо твое меня обрадовало: ты давно не писалъ ко мнѣ. Мнѣ отдалъ его одинъ изъ Пельскихъ, а другой не очень здоровъ. Они когда-то у меня были въ прошедшую зиму, но только однажды. Я искренно любилъ отца ихъ и радъ бесѣдовать съ ними.

Спѣшу отвѣчать тебѣ на вопросъ о П. С. Пазухинѣ. Онъ хорошій человѣкъ, съ изряднымъ умомъ, съ честными правилами, не мотъ; любитъ иногда, между нами будь сказано, красное словцо: иныхъ слабостей въ немъ не знаю.

Искренно скажу, что считаю его не худымъ женихомъ. Да будетъ воля Божія!

Завидую любезному А. И. Тургеневу, которой отдастъ тебѣ это письмо. Онъ скажетъ что нибудь другу о друзьяхъ. Впрочемъ главное то, что мы, слава Богу! здоровы. Живемъ день за день. Дописываю пятую главу 9-го тома; надобно еще написать и шестую и седьмую, чтобы издать его. — Иногда бываетъ у насъ Графъ Сергѣй Петровичь и всегда говоритъ о тебѣ съ чувствомъ. Графъ Николай Петровичь опять началъ давать маленькіе свои обѣды, грустные для меня жестокою глухотою хозяина. — Любезная Наталья Яковлевна у насъ уже раза два обѣдала.

Прости, любезнѣйшій. Всѣ мы обнимаемъ тебя нѣжно: мужъ, жена и дѣти. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

251.

С. Петербургъ, 1 Апр. 1820.

Христосъ воскресе! нѣжно обнимаемъ тебя, любезнѣйшій другъ, я, жена и дѣти. Дай Богъ, чтобы ты былъ совершенно здоровъ и спокоенъ духомъ! Лучше всего не имѣть нужды въ скоромъ возвращеніи Крубера. Надѣюсь, что весна и лѣто устроятъ движеніе крови твоей. Ты не пасынокъ, а любимой сынъ Природы по своему крѣпкому сложенію: можешь еще долго не допускать до себя старости. Гуляй въ саду и радуйся весною! Пишу къ тебѣ при яркомъ свѣтѣ солнца: оно вѣрно и на Москву свѣтитъ. Чувство къ природѣ еще живо въ моемъ сердцѣ, не смотря на чистый идеализмъ моей Философіи. Съ обѣими дочерями въ 9 часовъ утра ходилъ я на Неву: она чернѣетъ, но еще не вскрылась. Праздникъ для насъ какъ будни: сижу дома, пишу, читаю. Въ Свѣтлое Воскресенье ходилъ я къ Императору: Онъ

былъ не очень здоровъ, но любезно принялъ меня въ Своемъ кабинетѣ, и мы поговорили съ обыкновенною искренностію. Вошла Императрица М. Ѳ. и тронула меня Своею милостію, сказавъ, что обо мнѣ думаетъ. Она въ нынѣшнюю зиму поровняла меня съ своими ближними людьми, и маленькіе обѣды въ ея кабинетѣ очень пріятны: разговоръ общій, иногда живой. Не принадлежитъ ли къ странностямъ нашего времени и то, что другу твоему не худо у Двора, другу лѣнивому, почти старику, холодѣющему къ свѣту? Между тѣмъ я не совсѣмъ холоденъ къ Европейскимъ происшествіямъ: думаю, что Гишпанская исторія не останется безъ хвоста. Армія даетъ законы Королю? А у насъ главная новость, что объявлены Сенату разводъ В. К. Константина Павл. съ Анною Ѳед. и прибавленіе къ наслѣдственному Павлову Акту, по коему Дѣти Вел. Князей, женящихся *не* на Принцесахъ, лишаются права на корону. Догадываются, что В. К. Константинъ женится на Полькѣ: имени ея не вспомню. Румянцовымъ кто-то сказалъ, будто я писалъ этотъ манифестъ: и знать не знаю; даже и не читалъ его до сей минуты. Читаю Записки Герцога Лиріи о Петрѣ II, объ Имп. Аннѣ Ивановнѣ: какъ любопытно! Вижу передъ собою и Долгорукихъ и Голицыныхъ, и Бирона и Остермана. Это манускриптъ, почти никому неизвѣстной. Недавно читалъ я также допросы Лестоку и Бирону, жалѣя, что не буду писать исторіи сего времени. Прелесть! — Наталья Яковлевна сбирается съ силами. Она обѣдала у насъ въ Свѣтлое Воскресенье. Какого портрета моего хочешь, любезнѣйшій? Если оригинала Варникова, то не могу достать его: Сленины не отдадутъ. О П. С. Пазухинѣ я писалъ къ тебѣ: онъ доброй Руской Дворянинъ. Съ Богомъ! Еще разъ обнимаемъ тебя всѣмъ домомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

И я съ Мужемъ скажу, Христосъ воскресе! любезный и почтенный Иванъ Ивановичь; отъ всего сердца поздравляю васъ съ Свѣтлымъ праздникомъ; на будущій годъ желаемъ и думаемъ вмѣстѣ съ вами праздновать Пасху, и надѣемся найти васъ веселымъ и здоровымъ. А на сей часъ вмѣстѣ съ Николаемъ Михаиловичемъ грустимъ о невеселыхъ вѣстяхъ, которыя вы даете намъ о своемъ здоровьѣ. Надѣюсь однакожь, что меланхолическихъ мыслей болѣе чѣмъ настоящаго зла; весенній воздухъ и прекрасный вашъ садъ разсѣятъ ихъ. Простите, любезный Иванъ Ивановичь, будьте благополучны и не забывайте истинно васъ почитающую К. К.

252.

С. Петербургъ, 19 Апр. 1820.

Любезнѣйшій другъ! спѣшу извѣстить тебя, что дѣло твое въ Общемъ Собраніи слушано и голоса раздѣлились: *большая* часть пристала къ голосу А. Е. *) Болотникова (16 человѣкъ), а другая (5 или 6) къ рѣшенію Межеваго Департамента; съ Министромъ Финансовъ никто не согласился, кромѣ одного, который послѣ отсталъ. Совѣтую тебѣ, любезнѣйшій, написать къ Министру Юстиціи немедленно ласковое письмо, чтобы онъ вступился за справедливость: авось удастся ему согласить Сенаторовъ. Впрочемъ дѣло, кажется, должно поступить въ Совѣтъ. Голосъ Болотникова дѣлаетъ ему честь.

Съ Тургеневымъ мы видѣлись почти на лету: говоритъ, что у него пропасть дѣлъ. Успѣлъ намъ сказать нѣсколько пріятныхъ словъ о тебѣ. Доволенъ Москвою и А. М. Пушкинымъ. А надъ здѣшнимъ поэтомъ Пушкинымъ если не

---

*) Описка въ подлинникѣ: должно быть А. У. — См. примѣчанія.

туча, то по крайней мѣрѣ облако, и громоносное (это между нами): служа подъ знаменами Либералистовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала Полиція etc. Опасаются слѣдствій. Хотя я уже давно, истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ нещастнаго Року и Немезидѣ; однакожь, изъ жалости къ таланту, замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому: иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе.

Думаемъ недѣли черезъ двѣ ѣхать въ Царское Село на лѣто. Хорошо, если бы Богъ далъ мнѣ дописать тамъ Царя Ивана. Еще двѣ главы остается: о Сибири etc. Обнимаемъ тебя, любезнѣйшій, всѣмъ семейством. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

253.

Царское Село, 14 Мая 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Пишу къ тебѣ съ пепелища: третьягодни сгорѣло около половины здѣшняго великолѣпнаго Дворца: Церковь, Лицей, комнаты Императрицы Маріи Ѳеод. и Государевы. Часу въ третьемъ, передъ обѣдомъ, я спокойно писалъ въ своемъ новомъ кабинетѣ, и вдругъ увидѣлъ надъ куполомъ церкви облако дыма съ пламенемъ: бѣгу ко дворцу и нахожу Государя уже дающаго приказанія, даже забрызганнаго водою почти въ самомъ огнѣ. Вѣтеръ былъ сильной, а Царскосельская Полиція не Петербургская, не Московская для гашенія пожаровъ: не имѣетъ ни тѣхъ средствъ, ни той расторопности. Прибѣжало множество Сол-

дать, но съ голыми руками. Огонь пылалъ, и черезъ десять минутъ головни полетѣли и на Историографской домикъ: кровля наша загорѣлась. Я прибѣжалъ къ своимъ. Катерина Андр. не теряетъ головы въ такихъ случаяхъ: она собрала дѣтей и хладнокровно сказала мнѣ, чтобы я спасалъ свои бумаги. Двое изъ нашихъ людей заливали огонь, а съ другими мы успѣли, кое-какъ, все вынести и отправить въ поле; а сами ждали, чѣмъ рѣшится судьба нашего домика. Три раза кровля загоралась, но мы тушили—и вдругъ вѣтеръ затихъ, поворотивъ въ другую сторону. Между тѣмъ дворецъ горѣлъ. Дѣлали, что могли, въ ожиданіи Петербургской полиціи, которая прискакала къ вечеру. Тутъ Графъ Милорадовичъ отличился своею дѣятельностью. Пожаръ остановили у самаго кабинета Государева. Мы всю ночь не раздѣвались и не спали до седьмаго часа утра. Императоръ былъ на ногахъ часовъ тринадцать или болѣе. Не нужно говорить о Его хладнокровіи: Онъ видалъ и не такія опасности. Огонь совершенно угасъ вчера къ обѣду; но Лицей и нынѣ поутру еще курился. Какъ любезнѣйшій Хозяинъ, Императоръ вчера же приходилъ къ намъ спросить о здоровьѣ жены и дѣтей: нынѣ мы у Него обѣдаемъ, на половинѣ Императрицы Е. А., гдѣ все осталось цѣло. Садъ не поврежденъ. Милліонъ все поправитъ. Церковь и Лицей снова отдѣлаютъ къ зимѣ. Досталось мёблямъ. И у насъ не безъ убытка: перемяли, передрали etc. Скажи, любезнѣйшій другъ, Алексѣю Ѳедоровичу, что я ревностно спасалъ архивскія бумаги; все цѣло и невредимо. Самъ буду писать къ нему на той почтѣ. Огонь привелъ или принесъ къ намъ холодъ: зябнемъ со вчерашняго дни. — Передъ отъѣздомъ я былъ съ твоимъ письмомъ у К. Лобанова, весьма учтиваго: онъ сказалъ, что радъ сдѣлать все законное въ твою пользу; но думаетъ, что не льзя исполнить Сенатскаго рѣ-

шенія безъ доклада Государю, ибо дѣло касается до казеннаго интересу. Другіе считаютъ докладъ не нужнымъ, ибо у казны ничего не отнимаютъ. Увидимъ. Во всякомъ случаѣ ты, кажется, можешь быть спокоенъ. Я полюбилъ А. У. Болотникова за его дѣльной голосъ, и съ искреннимъ удовольствіемъ у него обѣдалъ. Спѣшу отправить письмо. Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ семействомъ. Будь здоровъ, милой другъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

254.

Царское Село, 7 Іюня 1820.

Любезнѣйшій другъ! сердечно благодарю за дружеское твое письмо, въ которомъ сѣтуешь о здѣшнемъ Дворцѣ. Янтарная компата уцѣлѣла; кабинетъ Екатерины также, и всѣ Ея комнаты, гдѣ живетъ Императрица Е. А. начали вновь строить; издержки составятъ не менѣе двухъ милліоновъ, какъ думаютъ. — Мы пожалѣли о Д. И. Киселевѣ, нашемъ старомъ, добромъ пріятелѣ. Онъ принадлежалъ къ числу характерныхъ Москвичей и Русскихъ. Какова бѣдная Прасковья Петровна? Вдова молодая плачетъ, да перестаетъ; а въ такія лѣта не остается утѣшенія.

Живемъ по старому, только съ рюматизмомъ отъ сырой и холодной погоды. Нынѣшнимъ лѣтомъ не льзя хвалиться: мы еще не видали красныхъ дней. — Свиданіе съ К. Петромъ было для насъ нечаяннымъ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ проживетъ у насъ еще съ недѣлю или болѣе; а тамъ опять въ Варшаву, гдѣ однакожь не думаетъ остаться на-долго. Зрѣетъ умомъ и характеромъ, какъ сынъ достойный отца. —

Въ прежнихъ письмахъ я забылъ сказать тебѣ, что ты, по моему мнѣнію, не отдаешь справедливости таланту или *поэмкѣ* молодаго Пушкина, сравнивая ее съ Энеидою Осипова: въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ѣхать въ Крымъ и дали на дорогу 1000 р. Я просилъ объ немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово *на два года!* —

Любезная Наталья Яковлевна собирается съ силами. Добрая Императрица Е. А. наняла ей чистенькія комнаты въ партикулярномъ домѣ. — Прости, милой другъ. Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Государь будетъ у васъ въ половинѣ Іюля. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

255.

Царское Село, 21 Іюня 1820.

Любезнѣйшій другъ! сердечно благодарю тебя за два письма. Я видѣлся и много говорилъ о тебѣ съ Графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Дружеское порученіе твое исполню и постараюсь узнать, точно ли извѣстный Графъ имѣетъ столь ложное понятіе о твоемъ процессѣ. Мы съ нимъ говаривали иногда весьма искренно. Впрочемъ дѣло пойдетъ еще въ долгой ящикъ: оно у Министра Юстиціи, будетъ опять въ Общемъ Собраніи, а послѣ въ Совѣтѣ; худаго конца не предвижу: справедливость на твоей сторонѣ.

Съ нѣкотораго времени я не очень здоровъ: теряю много крови. Однакожь слушаемъ Каталани, здѣсь и въ Павловскомъ. Прекрасное, удивительное пѣніе! — Газеты снова

дѣлаются любопытны. По милости Императрицы читаю всѣ новости, отъ Монитёра до Гамбургскихъ газетъ. — Между тѣмъ я въ Сибири: пишу о *твоемъ* Героѣ Ермакѣ. Но жалуюсь на худые матеріалы: ищу и не нахожу ничего характернаго; все бездушно — а выдумывать нельзя.

Видимъ Прусскаго Принца: онъ, кажется, любезенъ, и со мною обошелся такъ же ласково, какъ Его отецъ.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Князь Петръ въ Петербургѣ. Прости, любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

256.

Царское Село, 9 Іюля 1820.

Любезнѣйшій другъ! радостно поздравляю тебя съ концемъ твоей тяжбы: дай Богъ, чтобы она была первою и послѣднею! О *долгомъ ящикѣ* я писалъ къ тебѣ по словамъ М. Ю. Къ щастію, онъ передумалъ, согласно съ закономъ и справедливостію. — Вчера мы простились съ любезнымъ Государемъ: считая минуты передъ Своимъ отъѣздомъ, Онъ провелъ у насъ цѣлой часъ, отъ семи до осьми вечера; сказалъ, чтобы мы къ Нему не перемѣнялись; обнялъ всѣхъ нашихъ малютокъ, мать, отца; пошелъ работать, не ложился спать, и въ 5½ ч. утра выѣхалъ. Не только отъ знаковъ Его добраго расположенія къ намъ, но и по удостовѣренію, что Онъ ревностно занимается будущимъ жребіемъ Россіи, я сталъ какъ-то покойнѣе. Впрочемъ знаю, что все зависитъ отъ Провидѣнія: наше дѣло только желать добра. Наканунѣ, въ разговорѣ съ Катериною Андр., Государь такъ отзывался объ тебѣ, что ей нечего было прибавить.

Свиньинъ на дняхъ писалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я далъ ему главу 9-го тома для помѣщенія въ его журналѣ!

Прости, любезнѣйшій. Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Я кончилъ главу о завоеваніи Сибири: вотъ еще поэма Ермаку! Теперь остается одна глава до конца тома. — Князь Петръ не будетъ въ Москву: ѣдетъ прямо въ Варшаву.

257.

Царское Село, 27 Авг. 1820.

Любезнѣйшій другъ! пишу къ тебѣ все еще больною рукою. Я очень страдалъ: нѣсколько дней не ѣлъ, нѣсколько ночей не спалъ; то крѣпился, то вскрикивалъ по человѣческой слабости, и между тѣмъ еще безпокоился о Сонюшкѣ, которая лежала въ простудной горячкѣ. Теперь она, слава Богу! здорова; но мнѣ еще трудно писать: каждое движеніе пера отзывается въ нервахъ. Могу только бродить по саду и читать. Въ первой разъ узналъ я, что такое Рюматизмъ: простудился въ своемъ кабинетѣ сидя близъ раствореннаго окна, иногда и на сквозномъ вѣтрѣ. Около мѣсяца уже ничего не дѣлаю, описавъ завоеваніе Сибири и подвиги Ермаковы. Остается одна глава; но Богъ знаетъ, когда напишу ее.

Не перестаю безпокоиться о женѣ: она и беремена и не очень здорова. Будь ты здоровъ, любезнѣйшій! Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно; а ты обними за насъ любезнаго Сергѣя Сергѣевича и напомни ему о дѣлѣ брата Василья Михайловича. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Въ Парижѣ открытъ заговоръ противъ Бурбоновъ: взято 32 человѣка подъ стражу, болѣе военныхъ чиновниковъ. Государь поѣдетъ въ Вѣну изъ Варшавы, какъ сказываютъ.

258.

Царское Село, 20 Сент. 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Послѣ жестокаго Рюматизма у меня была еще легкая лихорадка: прошла скоро но въ правой рукѣ все еще остается боль, если не мучительная, то безпокойная. Кое-какъ начинаю опять марать бумагу, и всякой день, иногда раза два или три, брожу по саду, гдѣ летятъ на меня желтые листья. Павловское уже опустѣло. Императрица Марія Ѳ. въ Гатчинѣ; но Елисавета Алексѣевна еще здѣсь. Мы получили въ одно время рѣчь Государеву къ Варшав. Сейму и Указъ о рекрутскомъ наборѣ: съ тысячи восемь человѣкъ. Вѣкъ Конституцій напоминаетъ Тамерлановъ: вездѣ Солдаты въ ружьѣ. Можетъ быть, послѣ насъ будетъ хорошо въ Европѣ. Между тѣмъ совѣтую тебѣ достать и прочитать Инструкцію, наказъ или что-то, Директору и Ректору Казанскаго Университета, піесу весьма любопытную.

Знаешь ли, что Кривцовъ женится на Ватковской; что онъ ѣздилъ въ Варшаву къ Государю и выпросилъ у Него: 1) аренду въ 12 тысячь рублей; 2) сто тысячь въ заемъ безъ залога, 3) вензель Фрейлинской для своей невѣсты; 4) мѣсто Губернаторское на выборъ; 5) домъ для житья въ Царскомъ Селѣ; 6) не помню, что? Кривцовъ уже вышелъ изъ полку Либералистовъ. Вчера онъ былъ у насъ, и щастливъ какъ влюбленной женихъ.

Жуковской ѣдетъ въ Берлинъ. Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при Дворѣ не легко найти невѣсту для Стихотворца, хотя и любимаго.

Думаемъ пробыть въ Царскомъ Селѣ до половины Октября, если холодъ не выгонитъ. Императора не дождемся: Онъ едва ли будетъ и въ Ноябрѣ.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ, милой другъ. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

259.

Царское Село, 28 Сент. 1820.

Любезнѣйшій другъ! сердечно поздравляю тебя съ прошедшими имянинами, желая тебѣ всякаго добра до будущихъ, которыя можемъ вмѣстѣ праздновать, если будемъ живы. Здоровье мое не худо. Выпалъ снѣгъ и заставляетъ думать о переѣздѣ въ городъ; но все еще не такъ скоро: недѣли черезъ двѣ, думаю. Книги Варшавскія къ тебѣ посланы: Флёри любопытенъ. Теперь я читаю Гара Mém. sur Suard: писано какъ-то не гладко, сбивчиво, но занимательно. Видишь 18 вѣкъ передъ собою со всѣми Геніями Франц. литтературы. — Поздравляю съ новою Революціею (Португальскою). Скоро ли пройдетъ эта мода? Или мы пройдемъ скорѣе, т. е. уйдемъ отъ всѣхъ революцій въ долину Іосафатову? Часто повторяю слова незабвеннаго Батонди: il y aura quelque chose! — Пишу все еще мало и плохо; но если буду здоровъ, то въ Октябрѣ публикую въ газетахъ о подпискѣ на 9-й томъ, чтобы знать, сколько экземпляровъ печатать.

Прости, милой другъ. Нѣжно, нѣжно обнимаю тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Отъ души поздравляю любезнаго и любимаго Ивана Ивановича съ его имянинами, которые мы праздновали въ кругу нашего семейства вмѣстѣ съ любезною Натальею Яковлевною; онъ конечно увѣренъ, что наши желанія для его блага были чистосердечны, внушенныя самымъ живымъ чувствомъ привязанности къ почтенному имяниннику. — Не уже ли вы и въ нынѣшнюю зиму не заглянете къ намъ въ Петербургъ? по крайней мѣрѣ мы не престанемъ сего желать до нашего *нерѣшительнаго* отъѣзда во-свояси, то есть въ Москву. Простите, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь; любите насъ какъ мы васъ любимъ, а всего болѣе будьте здоровы! —

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Примите и мое поздравленье, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Ивановичь; не имѣю нужды сказывать, какія желанія къ нему присоединяю: вы ихъ угадываете, не сомнѣваясь, какъ надѣюсь, въ искреннемъ, душевномъ чувствѣ къ вамъ съ которымъ взросли дѣти вашего друга. Очень благодарю васъ за то что вы меня не забываете; впрочемъ, вы не могли бы, безъ неблагодарности, отказать мнѣ въ своемъ воспоминаніи, когда я такъ часто думаю о васъ и вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ семействомъ такъ нетерпѣливо ожидаю минуты, когда уже не буду прибѣгать къ перу, чтобы изъявлять вамъ сердечное, глубокое почтеніе съ которымъ остаюсь

вамъ преданная

Софія Карамзина.

(Приписка рукою Кн. П. А. Вяземскаго:)

Осмѣливаюсь поблагодарить Васъ въ письмѣ Николая Михайловича за пріятнѣйшее письмо Вашего Высокопре-

восходительства, отъ 31-го Маія, полученное мною въ Петербургѣ, куда былъ я завлеченъ на короткое время нечаянными обстоятельствами. Черезъ недѣлю надѣюсь возвратиться къ должности Вашего Европейскаго Коммиссіонера, къ должности, занимающей не послѣднее мѣсто въ числѣ прочихъ, ибо даетъ мнѣ пріятный случай напоминать Вамъ о себѣ. Постараюсь исправить здѣсь свое посланіе и сдѣлать его, хотя не вовсе недостойнымъ надписи и тогда съ Вашего позволенія отдамъ ѐго въ объятія Сыну Отечества. Отсюда присылать Вамъ нечего: здѣшнія изящности безъ сомнѣнія до Васъ доходятъ и Г. Хвостовъ не замедлилъ доставить Вамъ свое разсужденіе о прекрасномъ. Вотъ что по случаю и по поводу сего выскочило съ пера моего, или правильнѣе съ языка:

Ты о прекрасномъ рѣчь сказалъ;
Дивиться должно всѣмъ такому безкорыстью:
Избравши сей предметъ, ты явно доказалъ,
Что самолюбіе твоей не водитъ кистью.

Возвратившись во свояси, разумѣется Сарматскія, примусь доканчивать *оную Эпистолу*, о коей прошу покорно не говорить, а въ особенности тому, за коего на брань подвизаюсь: безъ сомнѣнія онъ обезоружилъ бы меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною привязанностью остаюсь, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

преданный слуга

К. Вяземскій.

260.

Царское Село, 19 Окт. 1820.

Любезнѣйшій другъ! видишь, что мы еще наслаждаемся сельскими красотами! въ особенности уединеніемъ: ибо третьягодни простились и съ Императрицею Елисаветою Алекс., которая переѣхала въ городъ. Чтобы въ мундирѣ и въ башмакахъ не ходить по безконечнымъ коридорамъ Гатчинскимъ, я ѣздилъ къ Императрицѣ Маріи за два дни до праздника, т. е. до 14 Окт., и заранѣе поздравивъ Ее со днемъ рожденія, даже четырмя стихами, возвратился къ женѣ, не весьма здоровой, и къ сыну Александру, также не здоровому. Думаемъ отправиться къ Аничкову мосту 22 Окт. Наталья Яковлевна уже давно въ Зимнемъ Дворцѣ. Вывезу отсюда Ермака съ Сибирью и смерть Иванову, но безъ хвоста, который еще требуетъ добрыхъ недѣль шести работы. Между тѣмъ объявлю подписку на 9-й томъ, и мѣсяца черезъ три отдамъ его въ типографію, если Богъ дастъ.

Жуковской совсѣмъ не суетенъ и еще менѣе корыстолюбивъ; но *лѣтній* Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для Музъ благопріятное, и въ любовную меланхолію, хотя піитическую, однакожь не стихотворную. Онъ еще молодъ: авось и встанетъ и *возрастетъ*! Какой безсмертный откажется отъ такихъ лакомствъ, чтобы вмѣсто *рыбаковъ*, посылать въ *Сына Отечества рыболововъ?* Обстоятельства рѣшатъ судьбу и талантовъ.

Жена и дѣти мои обнимаютъ тебя нѣжно, а я за ними, веселясь надеждою обнять тебя нынѣшнею зимою въ Петербургѣ. Будь здоровъ, любезнѣйшій другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Каковъ Русской переводъ Государевыхъ Варшавскихъ рѣчей?? надобно выдрать уши милому Князю Петру.

261.

С. Петербургъ, 11 Ноября 1820.

Любезнѣйшій другъ! всего болѣе радуюсь твоему обѣщанію заглянуть нынѣшнею зимою въ Петербургъ и въ сердце къ твоимъ истиннымъ друзьямъ. Переписка не замѣняетъ свиданія: всего не скажешь перомъ, хотя и не боимся любопытныхъ чиновниковъ почты. Сдержи же слово. Мы увѣрены, что тебѣ не будетъ здѣсь скучно. Отъ времени до времени не худо разнообразить жизнь: это свѣжитъ кровь. Скажи, когда велишь себя ждать? Къ Рождеству ли, къ Новому ли Году? Друзей и ждать пріятно, лишь бы не по-напрасну. У насъ все, какъ было. Изрѣдка дѣлаемъ визиты; но по вечерамъ дома, и не рѣдко одни, кромѣ тѣхъ вечеровъ, въ которые бываетъ Спектакль у Императрицы: она зоветъ и Сонюшку. Вообще самые пріятнѣйшіе для меня выѣзды къ двумъ Императрицамъ, любимымъ мною душевно: нельзя обходиться милостивѣе и простѣе, какъ Онѣ обходятся. Вмѣсто Гатчинскихъ стиховъ (изъ которыхъ на сей разъ я забылъ одинъ) вотъ тебѣ Царскосельскіе, къ портрету Елисаветы Алексѣевны:

«Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
«Душей плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила;
«Въ благотвореніяхъ Ей только Богъ свидѣтель;
«Хвалима.... но предъ Ней безмолвствуетъ хвала.»

Но вотъ и Гатчинскіе: я вспомнилъ. Это поздравленіе со днемъ рожденія, 14 Окт.

«Живи, Монархиня, ко щастію людей!
«Для суетныхъ забавъ жизнь наша скоротечна:
«Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
«Добромъ *безсмертна* Ты: такъ будь же *долговѣчна!*»

Знаешь ли, что я, читавъ равнодушно десять или двадцать благопріятныхъ отзывовъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, Италіянскихъ, былъ тронутъ статьею Монитёра о моей Исторіи? Этотъ Академикъ посмотрѣлъ ко мнѣ въ душу: я услышалъ какой-то глухой голосъ потомства. Но..... chut! *Либеральной* Constitutionel въ № 13 Окт. осыпалъ меня похвалами; сказалъ: Mr. K. s'est placé an premier rang des Historiens les plus célebres: son Histoire plait à l'Europe: elle plaira à la posterité etc. etc. Хвалитъ даже мою *либеральность*, вопреки нашимъ либералистамъ! Странно, что они (Французы) въ *тѣни* находятъ болѣе, нежели иные мои братья Русскіе въ *вещи!* (тѣнью называю переводъ). Я мысленно и словами часто бранилъ Франц. переводчиковъ, а *первые* Парижскіе Журналисты хвалятъ ихъ, даже ревностно! Знаешь ли, что Сонюшка не менѣе моего способствовала красотѣ и вѣрности этого перевода? Я еще не видалъ 8-го т., гдѣ вся осада Казанская ею переведена.... Мѣшаютъ писать. Ѣдемъ въ Спектакль, а завтра я отецъ посаженной у Кривцова! Обнимаю тебя нѣжно, отъ имени жены и дѣтей. О Государѣ еще нѣтъ слуха: возвратится, какъ думаютъ, не прежде Дек. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

262.

С. Петербургъ, 28 Ноября 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Въ послѣднемъ письмѣ ты жаловался на худое здоровье: и я также въ простудѣ, а сынъ Николай въ горячкѣ, хотя до сего времени и не опасной. Слѣдственно мы не въ веселомъ расположеніи.

Вотъ тебѣ новость: вчера сказывали мнѣ, что В. Н. Каразинъ задержанъ, и бумаги его взяты Полиціею; а причина неизвѣстна. Жалкой человѣкъ! не могъ жить спокойно и все чего-то добивался. У него жена и много дѣтей: это грустно. Думаю, что вина его состоитъ въ какой нибудь новой дерзости: не написалъ ли опять письма безразсуднаго, и проч.?

S. Tomas выдалъ въ Парижѣ 7-й и 8-й томъ Фр. перевода моей Исторіи, не показавъ мнѣ въ манускриптѣ, и не дождавшись того перевода, которой былъ посланъ къ нему отсюда и мною просмотрѣнъ. Будетъ много нелѣпицы: жаль!

Посылаю нумеръ *Конституціоннаго;* а Графъ Лаваль обѣщалъ достать для тебя и нумеръ Монитёра.

Государя еще не ждутъ. Австрія хочетъ войны. Къ лучшему ли?

Наталья Яковлевна на новосельѣ, въ Шепелевскомъ Дворцѣ. Лучше тѣмъ, что не высоко и болѣе комнатъ, хотя и низкихъ. Объ этомъ я просилъ Государя, а она еще сама писала къ Нему въ Варшаву: въ слѣдствіе чего ей отдѣлали комнаты очень изрядно.

Пишу къ тебѣ въ темнотѣ. Прости, любезнѣйшій! Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

263.

С. Петербургъ, 20 Дек. 1820.

Любезнѣйшій другъ!

Филимоновъ разсказывалъ мнѣ о Москвѣ, а всего интереснѣе о тебѣ; также и Александръ Дм. Балашевъ, который говорилъ намъ о твоемъ намѣреніи переселиться въ

Петербургъ, къ нашей радости, если мы здѣсь останемся доживать вѣкъ свой. Между тѣмъ ожидаемъ тебя въ Февралѣ, хотя на время, если не навсегда. Ты все увидишь и сообразишь. По крайней мѣрѣ къ Февралю Государь возвратится; можетъ быть и прежде. Вчера я обѣдалъ у Императрицы М. Ѳ., но не могъ спросить о послѣднихъ вѣстяхъ изъ Троппау. — О *каррикатурѣ* извѣстно то, что онъ скрылся отъ глазъ людей: не сидитъ ли въ Шлюссельбургѣ? Говорятъ, за дерзкое письмо. Ему (или ей) запрещено было писать: не послушался! Жалки жена и дѣти. Надѣюсь, что добрый Государь умилосердится надъ безразсуднымъ.

На той почтѣ отправятъ къ тебѣ пять томовъ Франц. перевода моей Исторіи. Въ VII и въ VIII есть жалкія ошибки: ихъ получили только Императрицы.

Жена моя стонетъ отъ своего бремени и худо проводитъ ночи. Очень объ ней безпокоюсь.

Прости, любезнѣйшій. Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя съ нѣжностію. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Не могу достать Монитёра.

264.

С. Петербургъ, 3 Генв. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желая тебѣ, какъ самому себѣ, всего, что есть на свѣтѣ добраго: здоровья, спокойствія, etc. etc.

Мы тебя ожидаемъ, любезнѣйшій, въ Февралѣ. Дай Богъ, чтобы ты не перемѣнилъ своего намѣренія, столь

щастливаго для твоихъ друзей! Наталья Яковлевна то вѣритъ, то сомнѣвается; я вѣрю. Думаютъ, что и Государь въ Февралѣ будетъ. Едва ли Лейбахъ отвратитъ войну. Переговоры, кажется, не могутъ быть продолжительны.

Я читалъ критику Гофмана въ Journal des débats: умной враль; не далъ себѣ труда вразумиться и заставляетъ меня говорить то, чему я сказалъ противное. Въ Франц. переводѣ VII-го и VIII-го тома есть грубыя ошибки: впрочемъ не стоитъ труда писать объ этомъ для Франц. Публики. Самолюбіе мое не излишно щекотливо, а другимъ вредить не люблю. Будетъ съ меня и того, что имѣю.

Непрестанно безпокоюсь объ женѣ. Она должна родить или въ концѣ Генваря или въ началѣ Февраля.

Всѣмъ домомъ обнимаемъ тебя нѣжно, другъ любезнѣйшій. Будь же здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

265.

С. Петербургъ, 25 Генв. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Жена моя должна родить скоро: самый дальній срокъ въ началѣ Февралѣ или прежде половины. Такое ожиданіе есть безпокойство, особенно по тому, что она, сверхъ ея тяжести, имѣетъ какую-то слабость въ нервахъ. — Скажу тебѣ хотя нѣсколько словъ.

Мы уже начинаемъ сомнѣваться въ твоемъ сюда пріѣздѣ: Февраль на дворѣ, а ты все еще не назначаешь времени. Жду новаго письма отъ тебя, чтобы утвердиться въ надеждѣ или разстаться съ нею.

9-й томъ печатается, но развѣ около Мая выйдетъ. — Тургеневъ нездоровъ, Наталья Якввлевна также, и я также:

не выѣзжалъ цѣлую недѣлю; вчера только былъ у обѣихъ Императрицъ; видѣлъ пріѣзжаго, В. К. Николая Павловича, и едва ли опять не засяду дома; а между тѣмъ готовятся экзамены въ Смольномъ Монастырѣ и торжеств. Собраніе въ Академіи.

Здѣсь новаго то, что въ Университетскомъ Пансіонѣ ученики побили одного изъ учителей за невѣжество въ Русской Литтературѣ!

Нѣжно тебя обнимаю, любезнѣйшій другъ. Помолись за насъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Обними за насъ любезнѣйшаго Сергѣя Сергѣевича.

266.

С. Петербургъ, 27 Февр. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Скажу тебѣ хотя слова два. Жена моя, слава Богу! оправляется; новорожденная Елисавета также здорова. Слѣдственно могу спокойно заниматься корректурою. Эта работа продолжится, думаю, еще мѣсяца два. Я сталъ кажется, лѣнивѣе, и менѣе жалѣю о времени, которое уходитъ.

И такъ не будешь къ намъ зимою? Будешь ли и весною? Въ такомъ случаѣ можемъ скорѣе увидѣться въ Москвѣ, которой все еще не измѣняю въ мысляхъ. Лѣто (если до него доживу) рѣшитъ, гдѣ мнѣ кончить дни.

Здоровъ ли любезной Василій Львовичь?

Читалъ ли ты La France telle qu'elle est? Довольно любопытная книга. Неизвѣстно, когда Государь возвратится: можетъ быть, и скоро.

Выѣзды мои здѣсь ограничиваются почти однимъ Дворцомъ, гдѣ бываю раза два въ недѣлю: у Императрицы М. Ѳ. обѣдаю за маленькимъ столомъ, у Елисаветы Алекс. бываю по вечерамъ; обѣ ко мнѣ милостивы.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

267.

С.-Петербургъ, 10 Марта 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Велишь ждать себя весною: ждать будемъ; но просимъ не обмануть насъ вторично. Хорошо, если бы ты пріѣхалъ къ намъ хотя въ Царское Село, гдѣ желаемъ быть въ Маѣ, если Государь позволитъ: иначе мы готовы и въ Москву. Жена и новорожденная, слава Богу! здоровы. Время началось непріятное: сырое и мрачное. Я уже недѣлю не видалъ Императрицъ: обѣ не очень здоровы отъ легкой простуды. 9-й томъ надѣюсь доставить тебѣ въ началѣ Мая: печатаютъ не скоро. Думаютъ, что Государь будетъ въ концѣ Марта или по крайней мѣрѣ къ Празднику. Вчера былъ я у Канцлера: его слышалъ, а онъ меня почти не слыхалъ; сѣтуетъ о Черниговскомъ голодѣ и Бѣлорускомъ, издержавъ тысячь сто на покупку хлѣба. Пріѣхалъ сюда до Мая по экономическимъ дѣламъ. Я на его мѣстѣ не сталъ бы хлопотать. Смотрю теперь на Италію: дай Богъ скорѣе конца, чтобы нашимъ не пришлось итти на помощь къ Австрійцамъ! Батюшковъ пишетъ изъ Рима, что Революція глупая надоѣла ему до крайности. Хорошо, что онъ убрался изъ Неаполя бурнаго, гдѣ уже было, какъ сказываютъ, рѣзанье. Жуковской видитъ и хвалитъ Шатобріана; собирается путешествовать, искать мыслей и чувствъ: Батюшковъ едва

ли нашелъ ихъ въ Италіи. Прости, любезнѣйшій. Всѣ мы, мужъ, жена, дѣти, обнимаемъ тебя нѣжно. Твой

Н. Карамзинъ.

О Каразинѣ ничего не слышно: даже и не говорятъ объ немъ!

268.

Москва *), 31 Марта 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Дай Богъ, чтобы весна имѣла благопріятное дѣйствіе на твое здоровье, и чтобы мы увидѣли тебя здѣсь въ Маѣ! Вотъ живѣйшее наше желаніе! Ожидаемъ праздника не очень веселаго. О скоромъ возвращеніи Государя нельзя и думать, а Императрица М. Ѳ. все еще не здорова, къ нашему искреннему огорченію и общему. Я душевно люблю Ее, какъ за добродѣтель, такъ и за милость ко мнѣ.

Съ новопріѣзжимъ я еще не видался; а слышу, что онъ хочетъ быть у меня. Завтра обѣдъ у Канцлера: могу тамъ увидѣть его.

Неаполитанцы вездѣ бѣгутъ. Пишутъ, что Австрійцы уже въ Неаполѣ: слѣдственно одна исторія кончилась. Остается Піемонтъ. Какъ бы хотѣлось знать, что будетъ съ Греками! Мало надежды на хорошій конецъ.

Текста отпечатано 21 листъ, примѣчаній болѣе половины. Авось къ Маю весь томъ будетъ готовъ! Здѣсь кто-то разгласилъ, что онъ уже запрещенъ. Блудовъ предпочитаетъ его всѣмъ осьми томамъ: это Петербургская работа, кромѣ

*) Читай: С. Петербургъ. Эта описка находится въ подлинномъ письмѣ.

двадцати или 30 страницъ въ началѣ. Хотѣлось бы дойти до Романовыхъ и тогда проститься съ Исторіею.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ, другъ любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

269.

С. Петербургъ, 11 Апр. 1821.

Христосъ воскресе! Нѣжно обнимаемъ тебя, любезнѣйшій другъ, поздравляя съ Свѣтлымъ праздникомъ. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ. Мы, слава Богу! здоровы. Я встрѣтилъ праздникъ не во дворцѣ, а въ домовой Церкви Графа Шереметева вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми. Императрица М. Ѳ. не выходила, а приняла насъ въ кабинетѣ: Ей лучше; похудѣла, слаба и еще кашляетъ. Гвардія готовится выступить, не смотря на то, что Неаполь покорился и Туринъ готовъ покориться. Верховыхъ Государевыхъ лошадей ведутъ въ Витебскъ. Кажется, что и Грекамъ не будетъ удачи, ни Лафаету съ братіею. Не льзя читать безъ отвращенія, что происходитъ въ Парижской Каммерѣ. Либералисты усмиряются или усмирятся. Дай Богъ только, чтобы наши Финансы поправились, и не было сильныхъ рекрутскихъ наборовъ. Сперанскаго я не видалъ. Тургеневъ все не здоровъ: страдаетъ отъ геморроидовъ. Вчера я былъ у него. Наталья Яковлевна обѣдала съ нами у нашей хозяйки. Мы уже помышляемъ о Царскомъ Селѣ, хотя еще и не знаемъ, пуститъ ли насъ туда Генералъ Захаржевскій безъ Государя. — Еще разъ обнимаю тебя, любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

270.

С. Петербургъ, 2 Мая 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Собираемся ѣхать въ Царское Село, хотя время и не очень весело. Будемъ ждать тебя. Мы знаемъ, что деньги на путь лежатъ въ Ломбардѣ, какъ ты писалъ къ намъ. Дорога уже суха. А къ тому времени можетъ возвратиться и Государь. Мы, слава Богу! здоровы. Послѣдніе листы 9-го тома въ корректурѣ; желаю писать десятой, пока еще могу писать. Вчера я видѣлъ сестру Ланской, которая ѣдетъ въ Москву. Видѣлъ на сихъ дняхъ раза три и *пріѣзжаго*, какъ ты назвалъ его. Онъ былъ у меня: не ловокъ, не свободенъ духомъ и слишкомъ остороженъ; еще не знаетъ, что съ нимъ будетъ, но безъ сомнѣнія не поѣдетъ, откуда пріѣхалъ. Я, жена, дѣти—всѣ обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ, спокоенъ и явись къ намъ въ Царскомъ Селѣ. Пора, пора намъ увидѣться. Жизнь клонится къ западу. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

271.

Царское Село, 24 Мая 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Князь-Поэтъ съ нами, и мы всякой день говоримъ о тебѣ. Мало надежды видѣть тебя также у насъ: ты только поманилъ своихъ друзей, хотя и не очень легковѣрныхъ. По твоему разсужденію, лѣто и зима имѣютъ свои неудобности; а по нашему, лѣто и зима имѣютъ свои удобности: лѣтомъ ты погулялъ бы и на биржѣ и въ здѣшнемъ и въ Павлов-

скомъ саду, а зимою мы могли бы еще болѣе быть вмѣстѣ; зима еще далеко, а лѣто начинается, хотя и холодное: мы всякой день топимъ печи. Развѣ Государь привезетъ съ собою тепло: Его ждутъ нынѣ ввечеру; и я жду, съ 9-мъ томомъ, который будетъ отправленъ къ тебѣ на сихъ дняхъ. Здоровье жены опять тревожитъ меня: т. е. у нее снова дѣлается одышка. Часто грусть меня давитъ и жизнь тяжела; все кажется сномъ и мечтою, а сердцу больно какъ наяву. Смотрю на малютокъ иногда сквозь слезы. Прости, милой другъ. Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

272.

Царское Село, 10 Іюня 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Мы, слава Богу! здоровы и великодушно сносимъ лѣтнее ненастье, т. е. въ Іюнѣ осень, холодную и дождливую. Не рѣдко видимъ Государя, къ намъ милостиваго и ласковаго. На другой день Его прибытія мы гуляли съ Нимъ въ саду не менѣе часа и говорили о политическихъ дѣлахъ Европы. Между тѣмъ душевно огорчались, я и жена, непріятностію Петра Андр.: Новосильцевъ пишетъ къ нему оффиціально, что за нескромные разговоры его о Политикѣ не велѣно ему возвращаться въ Варшаву. Для объясненія Государь позволилъ мнѣ притти къ Нему въ кабинетъ и милостиво сказалъ, что Князь Петръ можетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, если хочетъ; но Князь не хочетъ.... NB. Все это между нами *).

---

*) Въ подлинномъ письмѣ послѣднія слова приписаны съ боку, противъ всего предъидущаго мѣста.

Сѣверинъ вѣрно писалъ къ тебѣ: онъ здоровъ и веселъ. Съ Графомъ Каподистр. мы провели нѣсколько часовъ пріятныхъ.

Пишу 10-й томъ, если не для славы и не для денегъ, то по крайней мѣрѣ для своего тихаго удовольствія.

Всѣмъ домомъ, я, жена и дѣти, обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ, любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Государь былъ цѣлую недѣлю въ городѣ. Нынѣ поутру мы видѣлись и по обыкновенію бесѣдовали въ Зеленомъ Кабинетѣ, то есть въ саду. И здѣсь и въ Павловскомъ теперь уединеннѣе: почти всѣ Генералы въ походѣ. — Часто думаю о Грекахъ: начался процессъ страшный; рѣшеніе впереди. Легче желать, нежели надѣяться. Отчаяніе есть сила для потомковъ древняго племени героевъ.

273.

Царское Село, 28 Іюня 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю за дружеское письмо, полученное мною при Сѣверинѣ, которой хотѣлъ писать къ тебѣ немедленно, извиняя молчаніе свое хлопотами. Ихъ Департаменту теперь много дѣла. Вѣроятно, что Греческая Исторія будетъ съ длиннымъ хвостомъ, и что Европа не останется равнодушною къ ужасамъ Турецкаго варварства. А хотѣлось бы мира! — Графъ Каподистріа любитъ воспоминать о тебѣ; вмѣсто имени *Нѣмаго*, онъ даетъ тебѣ имя *Краснорѣчиваго*. Люблю его искренно, еще болѣе за душу, нёже-

ли за умъ. На сихъ дняхъ мы обѣдали у Государя съ Сперанскимъ, которой будетъ жить въ Царскомъ Селѣ и останется здѣсь (въ Петербургѣ). Послѣ обѣда онъ былъ у насъ, и мы познакомились короче. — Государь ѣздилъ дни на четыре осматривать военныя Поселенія, возвратился вчера, нынѣ встрѣтился со мною въ саду и долго говорилъ о томъ, что видѣлъ, и что было для меня любопытно: я узналъ нѣкоторыя интересныя подробности. — Князь Петръ Андр. выѣдетъ отсюда въ Москву 14 Іюля въ Дилижансѣ; а Княгиня поѣхала въ Варшаву за дѣтьми. Онъ живетъ въ Петербургѣ, а къ намъ заглядываетъ не рѣдко. Тургеневъ въ большомъ безпокойствѣ о братѣ, Сергѣѣ Ивановичѣ, а мы о Дашковѣ: спаси ихъ Богъ! — Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

274.

Царское Село, 14 Іюля 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Хотя Князь Петръ Андр. и живая грамота, однакожь въ прибавокъ къ ней скажу, что у насъ все старое по старому: Государь къ намъ очень милостивъ, а я, любя Его душевно, не перестаю быть меланхоликомъ, хотя теперь здоровье жены и менѣе безпокоитъ меня. Дни три не могу работать отъ простуды; а лѣто красное наконецъ появилось и въ Царскомъ Селѣ. Любезный вручитель можетъ разсказать тебѣ нѣкоторыя подробности нашего житья-бытья, впрочемъ единообразнаго, тихаго и слѣдственно не любопытнаго. Съ головною болью читаю Les soirées de St. Pe-

tersbourg Графа Местра, глубокомысленнаго до безсмыслицы. Никого не вижу, кромѣ тѣхъ, которые у насъ бываютъ: Графа Каподистріа, Сѣверина etc. Безъ притворства и жеманства могу сказать, что свѣтъ для меня уже не прелестенъ въ свѣтскомъ смыслѣ. Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ семействомъ. Будь здоровъ, милой другъ. Ты знаешь о нашей общей потерѣ. Катерина Андр. не знала покойной сестры, но искренно оплакала ея кончину. Я еще не писалъ къ Никитѣ Никитичу: гдѣ теперь его большой сынъ? Прости, любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Живъ или умеръ Ошанинъ? онъ взялъ у меня 700 р. и какъ въ воду канулъ.

275.

Царское Село, 2 Авг. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Сей часъ я видѣлъ Кривцова и поговорилъ съ нимъ о тебѣ: вѣсти его хороши; говоритъ, что ты не жалуешься на здоровье, ни на скуку, и думаешь исполнить свое обѣщаніе, т. е. посѣтить насъ въ Петербургѣ, если будемъ живы, зимою. Дай Богъ! Все еще вѣрю твоимъ обѣщаніямъ. Уже шестой годъ мы не видимся: надобно взглянуть другъ на друга и посмотрѣть, что съ нами сдѣлалось въ это время; сколько прибыло морщинъ и сѣдины! Кривцовъ почти плѣнилъ меня описаніемъ новыхъ красотъ Москвы, такъ, что я передалъ это впечатлѣніе и Государю, котораго встрѣтилъ черезъ нѣсколько минутъ. Государь сказалъ объ немъ: «Хотя онъ и *Кривцовъ*, однакожь не *криво*душенъ.» Привелъ

меня Богъ истинно любитъ Вѣнценосца какъ человѣка, безъ всѣхъ иныхъ отношеній. Даже и дѣти наши, особенно Андрей любитъ Его съ нѣжностію, и прощаясь говоритъ: adieu, cher Empereur! За это прощанье Онъ нынѣшній день привезъ ему барабанъ изъ Павловскаго: первый даръ Царскій, который долженъ быть сохраненъ до возраста Андреева! Часто говоримъ съ женою, что мы нажили здѣсь только одну связь сердечную: если она разорвется, то не отъ насъ, какъ надѣюсь. — Мы поплакали о любезной сестрѣ Марѳѣ Михайловнѣ. Катерина Андр. всегда желала узнать ее лично. Каковъ ея сынъ меньшой? Бываетъ ли у тебя Борисъ Александр.? и доволенъ ли имъ А. А. Антонскій? Мнѣ доселѣ не было особеннаго щастья въ племянникахъ.—Здѣсь, какъ и вездѣ, много занимаются Греками. Сердце обливается кровью; но Политика должна быть осторожна: Европа, думаю, не осталась бы равнодушною къ нашимъ успѣхамъ, если бы мы кинулись на Турцію. Нѣсколько сотъ *молодыхъ* Грековъ пали славно въ кровавой сѣчѣ. Я говорилъ объ этомъ при Андрюшѣ и Сашкѣ: оба просятся теперь воевать съ Турками! Кажется, будетъ путь въ такихъ младенцахъ.— Скажи, любезнѣйшій, Василью Львовичу, что Императрица Елисавета подписывается на его стихотворенія; вѣрно подпишется и Марія Ѳеод. — Экземпл. 9-го тома для Ивана Семеновича и К. Шаликова ошибкою не были доселѣ къ нимъ посланы: я писалъ о томъ къ Сленину. — Прости, милой другъ. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Мы, слава Богу! здоровы: будь и ты здоровъ совершенно. Здѣсь все сѣно сгнило отъ безпрестанныхъ дождей: это худо для насъ, по неволѣ бережливыхъ людей. Не видалъ такого лѣта. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

276.

Царское Село, 15 Авг. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Получивъ твое письмо, на другой же день я имѣлъ случай сказать Государю о твоемъ желаніи: на первой пунктъ Онъ отвѣчалъ: *сдѣлано*; на второй: *сдѣлано!* И такъ все сдѣлано; поздравляю тебя съ Каммеръ-Юнкеромъ и съ Пажемъ. Еще не довольно: Государь сказалъ, что Онъ дѣлаетъ это для тебя съ искреннимъ удовольствіемъ; что любитъ твой умъ и характеръ, etc. etc. Однимъ словомъ, говорилъ о тебѣ такъ, что мнѣ было любо слушать Его. Надобно признаться, что не легко быть любезнѣе нашего любезнѣйшаго Монарха. Въ тотъ же день мы имѣли щастіе у Него обѣдать, т. е. вчера: Онъ подтвердилъ, что дѣло сдѣлано: разумѣю, что велѣно написать Указъ или Указы. Объ этомъ нынѣ справлюсь. Догадаешься, что я вчера былъ веселѣе обыкновеннаго, не смотря на печальное время: у насъ опять дождь, и все небо покрыто мракомъ. Хуже всего то, что сѣно и хлѣбъ пропадаютъ.—Прости, милой другъ: иду къ обѣднѣ. Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Я показывалъ Государю твое письмо; а ты, любезнѣйшій, никому не показывай моего. — Сперанской холоденъ со мною какъ ледъ: едва говоритъ, и то уже въ случаѣ необходимости; къ намъ не ходитъ, и я къ нему не хожу. Отъ чего такая немилость, не знаю. Впрочемъ и никто не балуетъ меня здѣсь ласкою, кромѣ одного Графа Каподистріа, съ которымъ иногда философствуемъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Съ большимъ удовольствіемъ поздравляю васъ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, съ Камеръ-Юнкеромъ и Пажемъ. Желаю, чтобы всѣ ваши *желанія* также скоро исполнялись, какъ сіи два. Потрудитесь отъ меня поздравить перьваго, нашего стариннаго знакомца, въ случаѣ, если онъ насъ не забылъ. Примите увѣреніе въ искреннемъ чувствѣ привязанности и уваженія преданной вамъ

К. Карамзиной.

277.

Царское Село, 30 Авг. 1821.

Любезнѣйшій другъ! Указъ о Каммеръ-Юнкерѣ уже въ газетахъ; о Пажѣ сообщено, куда слѣдуетъ. Сверхъ того мнѣ сказывали за вѣрное, что Князь П. М. Волконской по Государеву приказанію извѣстилъ тебя о первой и второй милости оффиціально. Въ слѣдствіе чего я отправилъ къ Государю прекрасное письмо твое: Онъ въ Петербургѣ, дней на восемь. Отсюда всѣ уѣхали; я, какъ волонтеръ, не тронулся съ мѣста: къ тому же не совсѣмъ здоровъ, отъ простуды.

По запискѣ твоей о выдачѣ денегъ разореннымъ не знаю, говорить ли? теперь время экономное; не отпускаютъ ни копейки даже и на строенія въ Царскомъ Селѣ. Какъ думаешь? Не лучше ли написать тебѣ къ Министру Финансовъ, чтобы узнать, назначена ли сумма?

Винюсь въ неясности жалобы моей на племянниковъ: я разумѣлъ только здѣшнихъ, и *братаничей*, а не *сестриничей*. Ты знаешь мои чувства къ Сергѣю Сергѣевичу.

Не упрекай меня обманомъ, любезнѣйшій: я не переставъ думать о Москвѣ, хотя мнѣ, лѣнивому отъ пятидесяти-

четырехъ лѣтъ, и не легко будетъ перевозиться. Иногда думаю, что можемъ отправиться даже и въ Арзамасъ, если *два* обстоятельства не отвратятъ этого *низоваго* путешествія, отъ котораго не улыбнись въ воображеніи: 1) третіе изданіе Исторіи или 2) смерть Исторіографа: между тѣмъ будемъ ждать тебя въ Петербургѣ, осенью, зимою.

Нѣжно, нѣжно обнимаемъ милаго друга: Катерина Андр., я и дѣти. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

П. П. 1 Сент. Это письмо возвратили мнѣ съ почты, съ извиненіемъ, что пакеты уже всѣ запечатаны. Вчера же Императрица М. Ѳ. объявила намъ милость Царскую: наша Софья Фрейлина. И такъ мысль твоя (которая никогда не была моею) совершилась. Графъ Кочубей и Траверсе Андреевскіе Кавалеры, etc. etc. Давно не было такого жалованья. Еще разъ обнимаемъ тебя. Послѣ 15 Сент. Государь поѣдетъ осматривать Гвардію и возвратится черезъ 10 дней.

278.

Царское Село, 30 Сент. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно радуюсь твоему доброму расположенію къ нашему доброму Государю. Чувства наши къ Нему согласны. Кромѣ Его любезнаго обхожденія со мною, Онъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное: вижу въ Немъ болѣе человѣка, нежели Царя; а какъ вспомню, что это Царь, то нахожу Его еще любезнѣе. Дай Богъ, чтобы вся Россія и потомство отдали Ему со временемъ полную справедливость!

Желаю того еще болѣе изъ любви къ Россіи, нежели изъ любви къ Александру. Судьба страннымъ образомъ приближила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко Двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ. Ты не менѣе моего знаешь двухъ, но третью я узналъ короче: Императрицу Елисавету, женщину рѣдкую. Съ прошедшей осени я имѣлъ щастіе бесѣдовать съ нею еженедѣльно, иногда часа по два и болѣе, съ глазу на глазъ; иногда мы читали вмѣстѣ; иногда даже спорили, и всегда я выходилъ изъ Ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и Она не скучала въ Его отсутствіе бесѣдами Исторіографа. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ:

Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ:
Узнаю наяву!...

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе приближаюсь къ концу жизни, тѣмъ болѣе она кажется мнѣ сновидѣніемъ. Я готовъ проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не имѣть мучительныхъ сновъ до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугаетъ меня. Прости, милой другъ! Будь здоровъ. Всѣмъ семействомъ нѣжно обнимаемъ тебя. Твой

Н. Карамзинъ.

Жалѣю о холодности между тобою и К. Г. Я мало его знаю; а слышу, что онъ доброй человѣкъ. Пересказы и насказы часто разводятъ людей. Недавно я и С...... довольно ласково разговаривали о — гемороидахъ!

Франкъ прислалъ ко мнѣ твое письмо, ночью проѣхавъ Царское Село.

Государь уѣхалъ вчера въ Петербургъ, дни на три. — Здѣсь время прекрасное.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Отъ всего сердца благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, за любезное поздравленіе ваше. Я была увѣрена, что мой вензель сдѣлаетъ вамъ удовольствіе, и признаюсь, что сама была имъ очень довольна, по одной причинѣ съ вами, какъ знакомъ добраго расположенія Августѣйшаго и любезнаго нашего Хозяина къ Папенькѣ.

Когда будемъ мы обрадованы вашимъ пріѣздомъ въ Петербургъ? начинаю въ томъ отчаяваться; не возобновите ли этой пріятной надежды на будущую зиму? Папенька *очень утѣшительно* говоритъ, что вы зимою не хотите пріѣхать отъ того, что зима не лѣто, а лѣтомъ потому, что лѣто не зима; правда, что въ одномъ изъ писемъ вашихъ вы говорите почти тоже, находя во всякомъ времени года причины предпочитать другое, и между тѣмъ не предпочитаете никотораго. Это очень грустно и досадно для вашихъ друзей. Если не въ числѣ ихъ, то по крайней мѣрѣ въ числѣ сердечно любящихъ и почитающихъ васъ прошу воспоминать

вамъ преданную

Софію Карамзину.

279.

Царс. Село, 21 Окт. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Извѣстіе о кончинѣ милой дочери нашего Сергѣя Сергѣевича поразило насъ. Какой ударъ для нѣжныхъ родителей! Не могу вообразить ихъ состоянія. Сдѣлай милость, любезнѣйшій, скажи, какъ они переносятъ это нещастіе. Не смѣю писать къ Сергѣю Сергѣевичу.

Я не очень здоровъ, отъ простуды, и грустенъ. Думаемъ черезъ три дни переѣхать въ городъ. Здѣсь осень была хороша, однакожь не замѣнила краснаго лѣта. — Стихи пришлю, если найду ихъ между своими бумагами въ городѣ; а наизусть не знаю. Я никому не читалъ ихъ, кромѣ жены и дочери.

Прости, милой другъ. Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ нашимъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

280.

С. Петербургъ, 14 Ноября 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Для лѣниваго и небольшія хлопоты велики; а я становлюсь лѣнивъ, и отъ переѣзда въ городъ, сопряженнаго дѣйствительно съ нѣкоторыми хлопотами, не находилъ времени и побесѣдовать съ Дружбою. Но и ты уже давно не писалъ ко мнѣ. Хитровъ, Уваровъ etc. сказывали мнѣ, что они не нашли въ тебѣ замѣтной перемѣны: это хорошо въ

нашихъ лѣтахъ. Торгуютъ ли твой домъ? А ты, кажется, не выѣдешь изъ Москвы, пока не продашь его. Наталья Яковлевна сказывала, что ты уже издержалъ деньги, назначенныя тобою для путешествія въ Невскую столицу: это худо для насъ, ожидающихъ тебя съ 1819 года. Упомянувъ о нашей любезной пріятельницѣ, прибавлю, что ея лихорадка прошла. Я уже дней пять не видалъ ее: нынѣ обѣдаю у Императрицы, и къ ней заѣду. Третьягодни члены Опекунскаго Совѣта праздновали двадцати-пятилѣтіе Маріина управленія Смольнымъ Монастыремъ. Постороннихъ не было: Государыня дозволила мнѣ быть на этомъ любезномъ праздникѣ, сказавъ, что я принадлежу къ Монастырю. Всѣ плакали: Она болѣе всѣхъ. Иллюминація, музыка, пѣніе, балетъ — все было прекрасно. Среди великолѣпной залы сіяла надпись: «2000 воспитанницъ въ четверть вѣка были здѣсь образованы подъ надзоромъ Маріи.» Члены Опек. Совѣта представляли въ сей вечеръ Россію: ибо Россія долженствовала праздновать это двадцати-пятилѣтіе человѣческой и государственной добродѣтели.

Мы, слава Богу! здоровы. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя, милаго друга. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ. Сію минуту слышу, что наша добрая хозяйка въ лихорадкѣ: иду къ ней. Еще разъ обнимаю тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

281.

С. Петербургъ, 21 Дек. 1821.

Любезнѣйшій другъ!

Всѣмъ семействомъ благодаримъ тебя за дружеское поздравленіе. Я уже недѣли три не писалъ къ тебѣ, не отъ лѣни, и не отъ хлопотъ, которыхъ не имѣю, слава Богу! а

отъ разныхъ, минутныхъ причинъ, которыхъ исчислять не буду. За то мы много говорили о тебѣ въ это время съ людьми, тебя любящими; а ихъ здѣсь довольно.

Наша любезная Наталья Яковлевна все еще нездорова и грустна; къ сожалѣнію, не можемъ видѣть ее часто, рѣдко выѣзжая изъ дому. Дѣти растутъ, не имѣя ни учителей, ни дядьки; утромъ пишу: надобно заниматься ими хотя послѣ обѣда; надобно и заглядывать въ книги, читать газеты; а тамъ заѣдетъ доброй пріятель: Тургеневъ, Блудовъ, Сѣверинъ, Кривцовъ; а тамъ къ Императрицѣ, обѣдать или въ спектакль; а тамъ отдохнуть: гдѣ же время на выѣзды? Между тѣмъ старѣюсь; сердце уже холодѣетъ къ свѣту, чувства тупѣютъ, ждать нечего: и такъ не мудрено, что я почти не выхожу изъ своего синяго, табакомъ засыпаннаго сертука.—Теперь читаю о тебѣ: догадаешься, что? Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній для милаго Князя Петра, которой при всемъ своемъ умѣ худо ладитъ съ языкомъ. Не затруднится ли въ иныхъ мѣстахъ Ценсура? Совѣтую тебѣ заглянуть въ 11-й № *Благонамѣреннаго*, гдѣ, въ стихахъ Ѳ. Н. Глинки, напечатано, что въ здѣшнемъ свѣтѣ несносно жить, ибо въ немъ *Смерть и .... Цари!!* Это поправка Ценсуры. У него было: «Смерть и *Зло* цари»; т. е. смерть и зло царствуютъ: Ценсоръ вымаралъ *Зло*. Каково это?

Клянусь тебѣ, если клятва нужна, что я искалъ и не сыскалъ стиховъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Авось послѣ найду.

Отецъ, мать, дѣти — всѣ обнимаемъ тебя нѣжно, милаго друга. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Великая Княгиня М. П. любезна по старому: вчера я бесѣдовалъ съ нею. Она пробудетъ здѣсь до Марта.

282.

С. Петербургъ, 2 Генв. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ поздравляемъ тебя съ новымъ годомъ: будь здоровъ и спокоенъ; люби друзей и добрыхъ пріятелей; не скучай, занимайся съ удовольствіемъ — а тамъ, что Богъ дастъ!

Мы встрѣтили новый годъ у нашей любезной хозяйки. Двое изъ нашихъ сыновей уже пили Шампанское съ нами. Ты могъ бы полюбоваться ими. Андрей меланхоликъ и хорошо учится; Саша веселъ, ласковъ и славится красотою въ нѣкоторыхъ кварталахъ Петербурга: оба умны. Третій сынъ еще плохъ; четвертый красивъ не менѣе втораго, и драчунъ! — Вчера мы ужинали въ Эрмитажѣ. Маскарадныхъ билетовъ роздано было 24 тысячи. Хорошо взглянуть; но тѣснота и жаръ несносны. Въ этой давкѣ Государь былъ около двухъ часовъ, не выходя изъ Польскаго.

Въ Исторіи приближаюсь къ концу Ѳеодорова Царствованія: пишу еще съ удовольствіемъ и буду доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ кончить этотъ томъ къ слѣдующему Генварю.

Вотъ тебѣ Дистихъ на тѣнь щастья:

«Мы видимъ щастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта.
«Есть щастье гдѣ нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета.»

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ, милый другъ нашъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

283.

С. Петербургъ, 9 Генв. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Спѣшу отвѣчать тебѣ на запросъ твой о Ст. Тома: онъ хочетъ, чтобы ты рекоммендовалъ его въ Москвѣ какъ человѣка способнаго быть хорошимъ Гувернёромъ для воспитанія дѣтей, и своею рекоммендаціею доставилъ ему выгодное мѣсто, или Гувернёра, или Секретаря, или библіотекаря у знатнаго, богатаго человѣка. Можешь смѣло хвалить его какъ умнаго, знающаго, пріятнаго, честнаго Француза. Такъ я понимаю его письмо, и такъ онъ мнѣ самъ говорилъ. Я желалъ, чтобы ему поручили изданіе здѣшняго Консерватёра; но это не исполнилось.

Милой Князь Петръ пишетъ умно, но фразами не легкими и не ясными; умнѣе всѣхъ нашихъ Писателей. Дай Богъ, чтобы онъ нашелъ истинное наслажденіе въ сильномъ дѣйствіи мысли и слова, переставъ излишно рыцарствовать за либерализмъ! Теперь читаю твою біографію.

Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ семействомъ. Натальѣ Яковлевнѣ лучше, но все грустить. Императрица Е. А. приказала сдѣлать все нужное для того, чтобы ей было тепло и покойно въ ея комнатахъ.

Будь здоровъ и спокоенъ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Пишу ноты Ѳеодорова Царствованія.

284.

С. Петербургъ, 9 Февр. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Пишу къ тебѣ въ полночь, послѣ Спектакля у Императрицы, въ усталости отъ необыкновенныхъ для меня выѣздовъ, и собираясь еще завтра на свадьбу къ одному Русскому Италіянцу, а послѣ завтра опять на балъ во Дворцѣ: такъ плачу долгъ Масляницѣ! Однакожь утра мои не праздничныя: мараю, какъ обыкновенно, бумагу, въ ожиданіи новой присылки изъ Архива Московскаго. Наконецъ явился Жуковской, съ любовію къ Берлину и съ пріятными воспоминаніями о своемъ путешествіи, но безъ жены, вопреки сказкамъ. Онъ просилъ меня напомнить тебѣ объ немъ. Говоритъ, будто въ Берлинѣ сердца теплѣе и умы дѣятельнѣе: чего добраго! Здѣсь тепла только зима, а наши Литтераторы жалуются на лѣнь и на Ценсуру. Ты слышалъ о судѣ Профессоровъ: говорятъ, что дѣло кончилось въ Комитетѣ Министровъ отрѣшеніемъ Германа, Раупаха и Арсеньева, но безъ дальнѣйшей казни. Ожидаютъ конфирмаціи. Еще неизвѣстно, получитъ ли Руничъ награжденіе блестящее, котораго требуетъ для него Министръ Просвѣщенія, какъ сказываютъ. Это дѣло здѣсь многихъ интересовало, и безъ сомнѣнія важно для будущаго. Нашъ почтенный Шишковъ говоритъ: «поздно хватились: я давно обнаруживалъ нече-«стіе!» Другіе думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось Якобинство и Атеизмъ, то есть, классъ Исторіи и Статистики; но люди благоразумные не согласились съ ними. Оставимъ все рѣшить Провидѣнію и Государю, котораго люблю душевно. Я стараюсь быть самымъ спокойнымъ зрителемъ; а какъ осторожный человѣкъ прибавлю: *все это между нами!*

Conservateur хочетъ описывать маскарадъ, картины и разныя представленія 4-го Февраля: ты увидишь эту статью. Праздникъ былъ прекрасный.

Ст. Тома принялся въ Секретари къ Графу Лаваль, но едва ли надолго. Я даже отступилъ отъ своего правила, когда выпросилъ ему 10,000 р.; болѣе не могу ничего сдѣлать.

Прости, любезнѣйшій. Иду спать. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

285.

С. Петербургъ, 27 Февр. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Отдохнулъ ли ты отъ сильныхъ движеній Масленицы. Я уже опять лѣнюсь дома и читаю Нѣмецкихъ Метафизиковъ, за которыхъ не поскупился заплатить Грефу двадцати рублей. Снова завожу библіотеку для себя и для дѣтей; а если выдамъ 10-й томъ, то употреблю вдругъ тысячи двѣ на книги. Стыдно не оставить библіотеки въ наслѣдство сыновьямъ, когда главнымъ дѣломъ жизни моей было марать бумагу для типографій.

Купецъ Московской, Котельниковъ (если не ошибаюсь) сдѣлалъ мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ, сказавъ, что иногда видитъ тебя въ своемъ магазинѣ на Лубянкѣ. Бутеневъ еще не былъ у насъ: онъ познакомился съ тобою, какъ мнѣ сказывали. Увидимъ ли любезнаго Дашкова?

Натальѣ Яковлевнѣ лучше. Она проѣзжается въ каретѣ, но еще не была у насъ. Состояніе ея приводило насъ въ большую грусть.

Все по старому. Видимъ Тургенева, Жуковскаго, Крив-

цова, которой къ вамъ собирается: вотъ нашъ свѣтъ, за исключеніемъ регулярныхъ понедѣльничныхъ обѣдовъ у Императрицы М. Ѳ. etc.

Плещеевъ въ горячкѣ, также и молодая Левашова-Мятлева; послѣдняя опаснѣе: очень жаль ее. Здѣсь, кажется, не мало болѣзней.

Ст. Тома не останется у Лаваля, къ нещастью. Желаю ему добра; но лучше, если бы онъ не переводилъ моей Исторіи или остался во Франціи: я не могу ничего сдѣлать для него, выпросивъ ему прошлаго года, однажды навсегда, 10,000 р. Не только я не совѣтовалъ, но даже и отсовѣтывалъ ему браться за это дѣло.

Скажи любезнѣйшему Сергѣю Сергѣевичу, что я очень хлопоталъ о Лазаревѣ и писалъ наконецъ къ Вел. Князю въ Варшаву. Пріемъ въ Корпусы подверженъ затрудненіямъ несказаннымъ.

Прости, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ и спокоенъ. Всѣмъ семействомъ нѣжно тебя обнимаемъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

286.

С. Петербургъ, 31 Марта 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца поздравляемъ тебя съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ, но еще не говорю: *Христосъ воскресе!*

Нынѣшній день есть первой весенній: свѣтло и тепло. Начинаемъ помышлять о Царскомъ Селѣ, если Царь пуститъ насъ въ свою маетность: я уже давно не видалъ Его; получаю отъ Него только поклоны или привѣтствія черезъ Вел. Княгиню Марію, съ которою обѣдаю по Понедѣльни-

камъ у Императрицы, и которая уѣдетъ отъ насъ 1 Мая. Нынѣшнее лѣто не будетъ весело: глупые Турки искушаютъ терпѣніе Государя, и едва ли обойдемся безъ войны; а какъ начнется, то и не скоро кончится. Намъ бы не худо было пожить въ мирѣ и поэкономить людьми и деньгами: по крайней мѣрѣ Государь все сдѣлалъ, чтобы удалить войну.

Къ любезнѣйшему Сергѣю Сергѣевичу буду писать на той почтѣ, какъ надѣюсь. Вел. Князь К. П. отвѣчалъ мнѣ изъ Варшавы очень любезно и велѣлъ Лазарева принять въ Кадеты втораго Корпуса.

Лицей отошелъ отъ Министра Просвѣщенія. Дѣло о Профессорахъ еще лежитъ въ Кабинетѣ.

Любезная Наталья Яковлевна выѣзжаетъ прогуливаться: авось весна дастъ ей силы.

Я кончилъ 4-ю главу 10-го тома, и примусь за Годунова, описавъ судьбу Россіи подъ скипетромъ Варяжскаго Дому.

Прости, любезнѣйшій другъ. Дай Богъ, чтобы ты встрѣтилъ и провелъ праздники весело. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

287.

С. Петербургъ, 5 Апр. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Христосъ воскресе! отъ всего сердца поздравляемъ тебя съ Свѣтлымъ праздникомъ и съ весною, которая даже слишкомъ тепла и наводитъ страхъ чрезвычайностію.

Рекоммендую тебѣ вручителя, моего племянника, Николая Ѳед. Карамзина: будь къ нему милостивъ.

Узнавъ, что Государь въ первый день Праздника, послѣ заутрени, уѣхалъ въ Царское Село святить церковь, я написалъ къ Нему поздравительное письмо и на другой день удостоился получить отъ Него собственноручный Отвѣтъ, въ которомъ Онъ велитъ мнѣ быть увѣреннымъ въ *Его искренней пріязни.* Это стоитъ краснаго яйца. — Надѣемся, если будемъ живы, провести лѣто въ Царскомъ Селѣ. А ты все еще манишь насъ обѣщаніями заглянуть въ Петербургъ?

Жена и дѣти вмѣстѣ со мною обнимаютъ тебя нѣжно. Будь здоровъ, милый другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

288.

С. Петербургъ, 4 Мая 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Здоровъ ли ты? Давно не имѣю отъ тебя писемъ. У насъ не очень здорова Сонюшка: страдаетъ отъ желѣзы, и по сіе время лекарства не помогаютъ. Собираемся ѣхать въ Царское Село, въ Китайскіе домики, куда уже отправили обозъ. Время не совсѣмъ хорошо; но хорошаго, можетъ быть, и долго не дождемся. Судьба не разлучаетъ насъ съ Дворомъ: переѣзжаемъ въ одинъ день, послѣзавтра, хотя мы и не думали о томъ. Государь, какъ слышно, ѣдетъ 15 Мая, а Великая Княгиня 16: простимся съ нею въ Павловскомъ. Я очень полюбилъ Ее: она многимъ напоминаетъ Екат. Павловну, хотя и не такъ жива. Нынѣшнею зимою читалъ я Записки Екатерины Великой, доведенныя Ею только до 1760 году: очень, очень любопытно. Дворъ Елисаветы какъ въ зеркалѣ. Времена удивительно перемѣнились.

Если пріѣдешь къ намъ въ Петербургъ, то угостимъ тебя и Записками Екатерины. Недавно досталъ я Брюса, которой описываетъ смерть Царевича Алексѣя Петровича: онъ самъ былъ посыланъ *за лекарствомъ*, которое отправило Царевича на тотъ свѣтъ. Эти книги на Англ. языкѣ. Вообще я такъ много читалъ здѣсь о происшествіяхъ Петербургскихъ, что этотъ городъ сдѣлался для меня уже историческимъ: Нева, крѣпость, дворецъ напоминаютъ мнѣ столько людей и случаевъ! Отживая вѣкъ для настоящаго, съ какимъ нѣжнымъ чувствомъ обращаемся къ прошедшему. Одни дѣти связываютъ меня съ будущимъ; но мысль о Провидѣніи даетъ спокойствіе душѣ моей: будетъ, что угодно Богу— и я не протираю себѣ глазъ, чтобы далѣе видѣть впередъ. За тѣмъ обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ: мужъ, жена и дѣти. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Благодарю тебя сердечно за племянника: уѣхалъ ли онъ въ полкъ? — Братъ Вас. Мих. пишетъ ко мнѣ, что Ошанинъ умеръ, взявъ съ собою на тотъ свѣтъ мои 700 р. Тѣмъ лучше, можетъ быть.

289.

Царское Село, 19 Мая 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно раздѣляю печаль твою о кончинѣ Н. В. Смирнова. Воображаю, какъ письмо отъ мертваго должно было тронуть тебя, и письмо такого содержанія! Свиданіе съ тобою могло бы служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ для горестной вдовы. Не смѣю ничего прибавить. Мы ждали, ждали

тебя, и перестали ждать. Кромѣ насъ, какъ обрадовалась бы тебѣ и любезная Наталья Яковлевна! Она еще не въ Царскомъ Селѣ: ея здѣшнія комнаты разрушены паденіемъ свода, не стараго, а вновь сдѣланнаго искуснымъ архитекторомъ Стасовымъ. Хорошо, что въ комнатахъ не было Натальи Яковлевны, а на упадшей Колоннадѣ не было Авг. Хозяина съ гостями!

Мы уже 10 дней въ Китаѣ: чисто и красиво. Боюсь только нашихъ людей неопрятныхъ. Здѣсь первымъ нашимъ гостемъ былъ Хозяинъ, который просидѣлъ у насъ часа два. На другой день мы у Него обѣдали безъ гостей, и 15 Мая простились съ Нимъ на 18 дней. Надѣемся, что Онъ проведетъ здѣсь все лѣто; осенью же, вѣроятно, поѣдетъ для свиданія съ Австр. Имп. и съ Королемъ Прусскимъ. Татищевъ опять поѣхалъ въ Вѣну: слѣдственно есть надежда, что дѣло обойдется безъ меча.

Записки Екатерины у нашего любезнаго Тургенева; но прошу объ этомъ не говорить: онъ хранитъ ихъ какъ зѣницу ока, и таитъ, списавъ съ экземпляра Куракинскаго. Я читалъ и Станиславовы, весьма любопытныя, хотя и соблазнительныя.

Рукописаніе свое доставлю тебѣ послѣ, а теперь спѣшу отправить письмо на почту. Можетъ быть, Кат. Ѳед. Муравьева достанетъ намъ что нибудь руки Державина. Каковъ Орловъ? умникъ въ Европѣ.

Графъ Сергѣй Петровичь часто видался съ нами; ѣздилъ и ко Двору: обѣдалъ, былъ въ спектаклѣ у Императрицы; однакожь не доволенъ. Любезенъ и оригиналенъ. — Жуковской отъ Іоанны Шиллеровой перешелъ къ Виргиліеву Енею. Странной и жалкой меланхоликъ Батюшковъ ѣдетъ на Кавказъ.... Объявленіе Университетское достойно новаго Куратора. — Франц. переводъ 9-го тома моей Исто-

ріи еще и не печатается: слѣдственно неизвѣстенъ журналистамъ.

Обнимаю тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ: мужъ, жена и дѣти

Карамзины.

Если ты старѣешься, то и я не отстаю отъ тебя. Будь однакожь здоровъ: можно быть здоровымъ и въ старости. Навѣки твой

Старикъ.

290.

Царское Село, 16 Іюня 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Пишутъ изъ Москвы, что ты будто бы собираешься въ Петербургъ; однакожь я все еще не вѣрю. Жары нынѣшняго лѣта не страшны: мы только дней пять не зябнемъ, глотая пыль. Посмотрѣвъ на друзей, ты взглянулъ бы съ удовольствіемъ и на прелестную Неву, которую я видѣлъ третьягодни, ѣздивъ въ городъ для свиданія съ Канцлеромъ. Онъ едва ходитъ и стоитъ отъ слабости въ ногахъ: это болѣзнь наслѣдственная: славный отецъ его также нѣсколько лѣтъ не двигался. Не смотря на то, хочетъ ѣхать въ Москву недѣль черезъ пять, и еще съ живостію говоритъ о древностяхъ Россіи, о политикѣ и будущей судьбѣ Европы. Грустно, что нельзя говорить съ нимъ. Какъ всѣ люди должны казаться ему скучны и сухи!

Ты, любезнѣйшій другъ, жалуешься на дѣйствіе старости: очень, очень понимаю тебя, вмѣстѣ съ тобою двига-

ясь къ цѣли. Перемѣны въ душѣ еще чувствительнѣе для меня, нежели перемѣны въ тѣлѣ: я уже не тотъ, которой переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ; иначе вижу и чувствую: смотрю на все, какъ на бѣгущую тѣнь, сохраняя однакожь въ сердцѣ любовь, о которой говаривалъ покойной Козодавлевъ. Исторіи еще не измѣняю: сижу въ кабинетѣ часовъ по пяти, хотя иногда и безплодно или почти безплодно. Лучшій мой день, которой провожу дома, и лучшій часъ, когда всею душею предаюсь въ волю Провидѣнія.

Посылаю нѣсколько строкъ моей руки для Лондонскаго корреспондента или, лучше сказать, для тебя. Это, можетъ быть, мои послѣдніе стихи въ этой жизни; а въ вѣчности, думаю, стиховъ писать не будемъ. Бѣдной Вольтеръ! и еще бѣднѣйшій Гр. Хвостовъ!

Мы безпокоимся о Князѣ Петрѣ Андреевичѣ: слышимъ, что онъ не спитъ ночи, и что нервы его очень разстроены.... Намекни мнѣ объ немъ, любезнѣйшій другъ. Я люблю его какъ брата, хотя и непослушнаго.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, милой другъ нашъ. У Сонюшки все еще не проходитъ желѣза, хотя, кажется, и уменьшилась. Будь здоровъ и благополученъ. Надѣюсь, что твой дубъ и послѣ мороза и послѣ града здравствуетъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

291.

Царское Село, 30 Іюня.

Любезнѣйшій другъ!

Совѣтую тебѣ завтра, то есть, въ Субботу ѣхать въ Павловское, чтобы передъ обѣдомъ представиться Импе-

ратрицѣ и у Нее обѣдать. Она удивляется, что ты не ѣдешь къ Ней. Пожалуй пріѣзжай. Обнимаю тебя нѣжно. Твой

Н. Карамзинъ.

292.

Царское Село, 9 Іюля 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Шпага и перчатки твои уже отправлены, вѣроятно уже и получены тобою.

Катерина Андр. не очень здорова: кажется, простудила желудокъ, и во всю эту ночь не спала.

Сдѣлай милость, увѣдомь, когда обрадуешь насъ своимъ пріѣздомъ: если не скоро, то буду къ тебѣ въ городъ, какъ скоро перестану безпокоиться о женѣ.

Вообрази, что Ценсура не пропускаетъ стихотвореній В. Л. Пушкина!

Нѣжно тебя обнимаю. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Ты безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ читаешь Записки Е. — Видѣлъ ли ты нашу хозяйку? — Государь у васъ на Каменномъ острову.

293.

Царское Село, 11 Іюля 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Если отъ нашего распоряженія зависитъ твой пріѣздъ въ Царское Село, то ради Бога пріѣзжай скорѣе, нынѣ, завтра, а въ послѣдній срокъ послѣзавтра! Тотъ же Китайскій домикъ ожидаетъ тебя, но ты долженъ быть дома въ

нашемъ. И для того спѣши въ Село, чтобы не разориться въ городѣ. — Катерина Андр., слава Богу! почти совсѣмъ здорова; остается еще слабость. — И любезная Наталья Яковлевна ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ. — На приписаніе Анонима будемъ отвѣчать особеннымъ письмомъ. Скорѣе же въ Китай! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

294.

Царское Село, 26 Іюля 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Хочу непремѣнно побывать у тебя въ гостяхъ, и въ *Субботу*, если время будетъ сносно, явлюсь у тебя на Васильевскомъ островѣ часу въ третьемъ передъ обѣдомъ. Увѣдомь, найду ли тебя дома? и можешь ли въ этотъ день обѣдать со мною гдѣ нибудь вмѣстѣ? на примѣръ, въ Англійскомъ Клобѣ? Если можешь, то сдѣлай одолженіе, напиши нынѣ же къ *Николаю* Ив. Тургеневу, чтобы онъ записалъ насъ, тебя и меня, на этотъ обѣдъ въ Клобѣ. Не то можемъ обѣдать въ Ресторацiи. Жду твоего отвѣта. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя, милаго друга. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

295.

Царское Село, 2 Авг. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Въ слѣдствіе нашего Сейма положено, что ты, исполнивъ обрядъ, можешь еще, въ знакъ особеннаго усердія, написать къ Государю двѣ или три благодарственныя строки за милостивый пріемъ и проч. Но не видалъ ли ты Его вчера?

Нынѣ ждутъ Хозяина въ Царское Село. А тебя когда же увидимъ? Только не на часъ, а дни по крайней мѣрѣ на два, непремѣнно. Увѣдомь, когда думаешь оставить Петербургъ? Обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

296.

Царское Село, 18 Авг. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы твоего письма. Слава Богу! желаніе наше исполнилось: домъ твой на мѣстѣ, Экономка здорова, Либералы въ узахъ и конь на четырехъ ногахъ! Мы отъ добраго сердца смѣялись, читая твое любезное письмо. Лучше всего то, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, прибавивъ новый опытъ ко всѣмъ старымъ опытамъ твоей къ намъ дружбы. Между тѣмъ не безъ грусти чувствуемъ, что ты здѣсь только мелькнулъ. Когда-то опять увидимся! Наталья Яковлевна говоритъ о свиданіи зимою: не смѣю надѣяться. Мы по милости Божіей здоровы и живемъ, какъ ты видѣлъ, если для другихъ не завидно, то для насъ хорошо. Новый твой другъ, теска Равноапостольнаго, еще не забылъ тебя и называетъ *Митрополитовымъ*. Наталья Яковлевна стала точно поздоровѣе: велѣла мнѣ сказать тебѣ, что будетъ писать на слѣдующей почтѣ, etc. etc. Можно ли имѣть сердце человѣческое и не принимать живаго участія въ ея судьбѣ одинокой? — Послѣ твоего отъѣзда мы жили недѣли двѣ уединенно, т. е. не слыхали о Дворѣ, а скоро останемся совершенно одни въ Цар. Селѣ: всѣ уѣдутъ. Лишь бы только мои были здоровы: скуки не боюсь. Сей часъ собираемся на Каменной

Островъ къ К. Ѳед. Муравьевой, обѣдать и ночевать. — Здѣшнія новости, вѣроятно, тебѣ извѣстны: предписаніе о тайныхъ Обществахъ, Кураторство Рунича, *Мануфактурство* Уварова etc. Министръ Англ. Кассельре или Лордъ Лондондерри зарѣзался въ припадкѣ Сплина, готовясь ѣхать въ Вѣну на Конгрессъ. — Прости, любезнѣйшій другъ. Жена и дѣти съ нѣжностію увѣряютъ тебя въ своей дружбѣ и любятъ тебя, если можно, еще болѣе прежняго. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

297.

Царское Село, 7 Сент. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Мнѣ кажется, что ты не получилъ перваго письма моего: бѣда не велика; но жаль, если ты несправедливо обвинилъ меня въ *преступномъ* молчаніи.

Вотъ тебѣ копіи съ обоихъ писемъ Государевыхъ. Прошу ихъ не показывать другимъ. О путешественникѣ еще ничего не слышно изъ Вѣны. Мы живемъ теперь въ совершенномъ уединеніи: обѣ Императрицы въ городѣ; но Е. А. еще возвратится сюда, а М. Ѳ. поѣдетъ недѣли на три въ Гатчину, когда Вел. Княгиня нѣсколько оправится послѣ родинъ. Смотримъ на Китайской домикъ, гдѣ ты жилъ, и воспоминаемъ о тебѣ почти съ умиленіемъ. Будемъ ли опять въ сосѣдствѣ? Торгуютъ ли твой домъ? Впрочемъ, нынѣшняя зима, то есть, Сленинъ и X томъ Рос. Исторіи могутъ рѣшить, здѣсь ли мнѣ умереть или въ Москвѣ, или въ Арзамасѣ. Недавно Дашковъ (à propos d'Arsamas) ночевалъ у насъ, и мы довольно поговорили о Востокѣ — а съ

Блудовымъ о Западѣ! Послѣдній занимается теперь дѣлами Бесарабіи подъ начальствомъ Гр. Кочубея, но все плохъ здоровьемъ. На сихъ дняхъ я съ удовольствіемъ слушалъ переводъ Жуковскаго изъ Энеиды. Онъ теперь въ состязаніи съ Ценсурою за свою послѣднюю балладу. Я говорилъ Министру, т. е. К. Голицыну, о сочиненіяхъ нашего любезнаго В. Л. Пушкина, и сказалъ ему, чего въ нихъ Ценсура не пропускаетъ: онъ хотѣлъ *справиться!* Сію минуту принесли мнѣ письмо отъ Гр. С. П. Румянцова, по обыкновенію въ *цыфрахъ*, и я еще не разобралъ его. Уѣхалъ ли отъ васъ Канцлеръ? Онъ дѣйствительно, какъ ты говоришь, прекрасно сражается съ смертію, или съ аванъ-гардомъ ея, подъ коммандою неодолимой глухоты. Не смотря на нѣкоторыя странности обоихъ братьевъ, люблю ихъ душевно: это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего піитическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: O Richard, o mon Roi? Нѣтъ ни чувства, ни голоса. Странныя измѣненія въ свѣтѣ и въ душахъ! Но все хорошо, какъ думаю, въ почтовой скачкѣ нашего бытія земнаго. Между тѣмъ прошу тебя скакать по землѣ какъ можно долѣе и мысленно обнимаю со всею нѣжностію дружбы. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Жена моя, дочери, сыновья, въ особенности твой другъ Владиміръ, тебѣ усердно кланяются. — Отъ Государя пріѣхалъ Фельдъегерь изъ Вѣны: Конгрессъ будетъ непремѣнно въ Веронѣ.

298.

Царское Село, 25 Сент. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Всѣмъ семействомъ, сердечно къ тебѣ привязаннымъ, поздравляемъ тебя съ завтрашними имянинами: будемъ пить твое здоровье и желать тебѣ добра какъ самимъ себѣ.

Здѣсь бываютъ еще прекрасные дни осенніе, и мы желали бы жить въ Царскомъ Селѣ до 20 Окт. Собираемся уже дней десять въ Гатчину, но все не ѣдемъ: не люблю оставлять дѣтей однихъ съ людьми не весьма надежными.

Я жаловался на излишнюю строгость Ценсоровъ Князю А. Н. Голицыну, и сказывалъ ему о немилости ихъ къ невиннымъ твореніямъ нашего любезнаго Василья Львовича. Между тѣмъ слышу, что манускриптъ уже въ типографіи: авось напечатаютъ, къ удовольствію автора и читателей.— Въ поэмѣ Либерала Пушкина слогъ живописенъ: я недоволенъ только *любовнымъ похожденіемъ*. Талантъ дѣйствительно прекрасной: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія.

Какъ хочется, чтобы ожили Греки! Послѣднія извѣстія были не худы; но насъ такъ часто обманывали, что стыжусь вѣрить.

Вотъ анекдотъ: въ Академіи Художествъ предлагали Графа Кочубея въ почетнные Члены, какъ любителя Искусствъ и человѣка *близкаго* къ Государю; а Лабзинъ сказалъ Академикамъ: «Если надобно выбирать въ Члены людей близкихъ къ Государю, то предлагаю вамъ Илью Кучера!» Эта глупая шутка дошла до Полиціи, какъ слышно.

Обнимаю тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ душею и тѣломъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Сердечно васъ благодарю, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, за ласковыя ваши строки и поздравленіе; долгъ платежомъ красенъ: такъ и васъ отъ души поздравляю со днемъ вашего ангела, желая вамъ сей день и всѣ грядущіе провести во всевозможномъ счастіи. Будемъ пить здоровье милаго Имянинника за семейнымъ столомъ, гдѣ и маленькой другъ *Пиратъ* будетъ отличаться, ибо онъ любитъ и васъ и вино.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Примите, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, и мою благодарность и поздравленія, сопровождаемыя также общими желаніями всего семейства, соединеннаго въ чувствѣ своемъ къ вамъ. Дай Богъ праздновать на будущій годъ этотъ день вмѣстѣ съ вами! То, что вы писали Натальѣ Яковлевнѣ о надеждѣ продать вашъ домъ, весьма насъ обрадовало; сбудется ли оно? Между тѣмъ примите увѣреніе въ сердечномъ почтеніи и преданности, съ которыми *имѣю честь быть вашего Высокопревосходительства покорная слуга*

Софья Карамзина.

И я скажу: долгъ платежемъ красенъ.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Позвольте и мнѣ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, поздравить васъ и пожелать, отъ искренняго

сердца, вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, а себѣ скораго свиданья съ вами.

Къ сожалѣнію моему я не могла до сихъ поръ исполнить пріятной обязанности, которую вы возложили на меня, но какъ только мы возвратимся въ городъ, я займусь рисункомъ, мною вамъ обѣщаннымъ, и постараюсь сдѣлать его не совсѣмъ недостойнымъ занимать мѣсто въ вашей галлереѣ.

Примите, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, увѣреніе въ чувствахъ искренней привязанности преданной вамъ навсегда

К. Карамзиной.

299.

Царское Село, 30 Окт. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Наконецъ оставляемъ Царское Село, завтра, часу въ первомъ, чтобы обѣдать у нашей любезной хозяйки въ городѣ. Благодаримъ Бога за шесть мѣсяцевъ, нами здѣсь проведенныхъ, тихо и счастливо; благодаримъ и за сердечное удовольствіе, которое мы имѣли здѣсь въ свиданіи съ тобою, хотя и кратковременномъ. Дочери наши нетерпѣливо хотѣли переѣхать въ городъ; но мы, я и Катерина Андр., жалѣемъ по крайней мѣрѣ о чистомъ Царскосельскомъ воздухѣ: онъ, право, и зимою лучше Петербургскаго. Императрицы уже въ Зимнемъ Дворцѣ. На прошедшей недѣлѣ я ночевалъ въ Гатчинѣ и читалъ Императрицѣ Маріи Ѳ. главу объ избраніи Годунова въ Цари, вмѣсто главы изъ романа Вальтеръ-Скотова, и Гатчинское общество не дремало. Хорошо, если бы удалось еще съ нѣкоторою жи-

востію дойти до конца, мною предполагаемаго, чтобы высокоблагородное потомство, дочитавъ, могло сказать: *жаль!* Нарочно для тебя я велѣлъ перевести статью славнаго Нѣмецкаго Историка Герена о моей Исторіи и пришлю ее тебѣ. — Являются ли охотники торговать домъ твой? И мысль переѣхать сюда оставлена или не оставлена тобою? Признаюсь, мнѣ не легко будетъ тронуться изъ Петербурга; но Слёнинъ меня стращаетъ: не платитъ денегъ; а доходомъ жить здѣсь не можемъ. Я хотѣлъ выдать 10-й томъ нынѣшнею зимою, но теперь раздумываю: лучше, кажется, дописать Исторію Самозванца, и тогда выдать: слѣдственно не прежде лѣта или осени. — Наталья Яковл. уже давно въ городѣ. Прости, любезнѣйшій другъ!

31 Окт. часа черезъ два отправимся къ нашимъ Петербургскимъ Пенатамъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

300.

С. Петербургъ, 19 Ноября 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Наконецъ мы въ городѣ, и хотя почти удалены отъ большаго свѣта, однакожь дѣлаемъ скучное дѣло: ѣздимъ съ визитами. Съ какимъ живымъ удовольствіемъ читалъ я новые стихи твои, хотя и не ко мнѣ присланные! не много, да любезно. Предпочитаю версію съ концемъ: *я на чужбинѣ. Пріятная* юдоль была бы еще для тебя пріятнѣе, если бы ты не отвыкалъ отъ стиховъ, къ удовольствію собственному и многихъ. Это выраженіе твоего письма меня обрадовало: дай Богъ тебѣ долго, долго любить жизнь, и въ самой мастистой старости! Земной удѣлъ твой дѣйствительно щастливъ: будь только здоровъ тѣломъ, здравствуя душею! и за тѣмъ нѣжно обнимаю тебя. — Ты совѣтуешь мнѣ издать

скорѣе 10-й томъ: я самъ не хотѣлъ бы откладывать; но лучше, кажется, выдать Исторію Лжедимитрія уже полную: въ царствованіе Годунова онъ только начинаетъ дѣйствовать. Впрочемъ увижу, какъ пойдетъ.

Не могу рѣшиться, любезнѣйшій другъ, писать въ Верону о нашемъ почтенномъ Сергѣѣ Сергѣевичѣ: въ разговорѣ легко сказать, а писать не ловко, по моимъ отношеніямъ *къ нашему Благодѣтелю.* Россія можетъ гордиться такимъ Сенаторомъ, а человѣчество такимъ человѣкомъ: прозьба моя не унизитъ ли его? Ты имѣлъ право представить достойнаго: я же могу только просить, и заставлю думать, что онъ самъ ищетъ этого мѣста. Серг. Сергѣевичь никогда и ничего не искалъ: скажетъ ли онъ мнѣ спасибо, если дамъ объ немъ мысль ложную? Отдаюсь тебѣ на судъ.

Лабзинъ отправился на житье въ городъ нашей Губерніи, въ Сенгилей, а Катенинъ къ себѣ въ деревню.

Читаю любопытную Англ. книгу о Наполеонѣ, издан. докторомъ Омирою: ежедневные разговоры его о главныхъ актерахъ большой сцены, о революціи, о будущей судьбѣ Европы, и проч. Много и вздору и лжи.

Любимъ и обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Володя помнитъ своего Царскосельскаго друга. Богъ съ тобою и съ нами! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

301.

С. Петербургъ, 14 Дек. 1822.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за поздравленіе и за дружескій обѣдъ 1 Дек. у почтеннаго Ивана Петровича: сдѣлай одолженіе, скажи ему, съ какою чувствительностію прини-

маю этотъ знакъ его добраго воспоминанія. Я распечаталъ письмо твое къ Натальѣ Яковлевнѣ, ошибкою надписанное на мое имя, и отдалъ ей. Не пропало ли одно изъ твоихъ писемъ ко мнѣ? Одинъ ли разъ или два раза писалъ ты о нашемъ другѣ Сергѣѣ Сергѣевичѣ? Ты говоришь: «*Я предупредилъ* отвѣтъ твой»; но этаго *предупрежденія* не знаю. По крайней мѣрѣ вижу, что наши мнѣнія согласны. Сергѣй Сергѣевичь есть для меня Герой благородства душевнаго, и выше всѣхъ отличій, которыя имѣть можетъ; не всѣмъ дано чувствовать его высокую цѣну. Говорю отъ души и сердца, искренно вѣря Богу и добродѣтели. О такихъ людяхъ скажешь слово; а другаго не хочется говорить, если первое осталось безъ дѣйствія.

Какъ я радъ, что ты снова привѣтствуешь Музъ, хотя и лаконически! Видишь, что риѳмы по старому тебя слушаются и плавно текутъ въ слѣдъ за прекрасными мыслями. День не потерянъ, въ которой напишется что нибудь хорошее. Доброй Шишковъ убѣждаетъ меня завести вечера для чтенія и бесѣдъ о Литтературѣ; но что читать, съ кѣмъ и о чемъ бесѣдовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова въ надеждѣ на его голубиное незлобіе. Между тѣмъ положено быть торжественному Засѣданію въ Академіи 27 или 28 Дек. Я намѣренъ читать о Годуновѣ, а К. Шаховской двѣ сцены изъ своей новой Комедіи, Аристофана; Жуковской нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды; Воейковъ что-то о Ломоносовѣ въ стихахъ. Между тѣмъ выступилъ на сцену, въ Сѣверномъ Архивѣ, мой новой неблагопріятель, какой-то ученой Полякъ, начинающій свою глубокомысленную критику объявленіемъ, что онъ ни въ чемъ несогласенъ со мною, и что всѣ мои мысли объ искусствѣ Историческомъ ложны. Богъ съ нимъ и со всѣми! Всего забавнѣе, что и Ѳадей Булгаринъ, издатель Сѣверн. Архива, считаетъ за

должность бранить меня и пересталъ ко мнѣ ѣздить. По крайней мѣрѣ я дѣломъ Либералистъ: пусть говорятъ и пишутъ, что хотятъ! — Государь написалъ изъ Вероны къ женѣ моей очень любезное письмо въ отвѣтъ на ея строки въ моемъ письмѣ къ Нему, и говоритъ, что Онъ *записалъ* свои примѣчанія на 10-й томъ моей Исторіи. Ожидаютъ Его около половины Генваря.

Прости, любезнѣйшій другъ. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

302.

С. Петербургъ, 1 Генв. 1823.

Сердечно поздравляемъ тебя всѣмъ семействомъ съ Новымъ годомъ: дай Богъ тебѣ всего, что можетъ назваться истиннымъ щастіемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ: здоровья, спокойствія и довольствія, если не богатства. Въ прибавокъ желаю, чтобы ты написалъ намъ еще нѣсколько сотъ прекрасныхъ стиховъ, а между тѣмъ прислалъ написанные: сдѣлай одолженіе, пришли, или я въ состояніи разсердиться. Не считай меня уже мертвымъ для стиховъ: если не пишу, то еще читаю съ удовольствіемъ хорошіе, особенно дружескіе. Прошу, требую неотступно. — Одинъ К. Оболенской пріѣхалъ; ждемъ другаго, чтобы еще болѣе поговорить съ нимъ о тебѣ. — Мы встрѣтили Новый годъ у нашей любезной хозяйки. Я съѣздилъ поздравить Императрицъ и до обѣда успѣлъ еще написать строкъ десять о Самозванцѣ. У насъ не очень здорова Катиша: простудилась. — При Дворѣ ничего не было. Ждутъ Государя къ 18. — Что сдѣлалось съ нашимъ А. Д. Балашевымъ? Разумѣю исто-

рію его съ Граф. Разумовскимъ, у котораго онъ занялъ 300 т. и не хочетъ платить, съ досады, что Ланская ему самому не платитъ. Публика страшно вооружена противъ него. Жаль! — Съ Д. В. Дашковымъ вижусь рѣдко: онъ занятъ дѣлами и воображаетъ себя нездоровымъ. Доселѣ наши вѣрные Тургеневъ, Блудовъ, Жуковской. — Я старѣюсь не на шутку, и еще болѣе душею, нежели тѣломъ: то есть, въ чувствѣ къ свѣту. — На дняхъ рѣшили въ Общ. Собраніи Сената дѣло одного бѣднаго Дворянина съ Казною, и Барановъ говорилъ въ его пользу: это перемѣняетъ мои объ немъ мысли. Слава Правосудію Сената! Прости, любезнѣйшій, какъ ты говоришь, до свиданія! Всѣ мы, мужъ, жена, дѣти, обнимаемъ тебя съ нѣжностію! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

303.

С. Петербургъ, 19 Генв. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Вчера у Императрицы узнали мы о Московскомъ пожарѣ, и безпокоимся о Московскихъ друзьяхъ: не былъ ли ты на этомъ балѣ нещастномъ? и не простудился ли? Съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія. Жаль и казеннаго убытка: надобно будетъ издержать по крайней мѣрѣ милліонъ; а казна не жирна отъ худыхъ годовъ.

Сердечно благодарю за стихи, право милые, не только для меня, но и для всѣхъ знатоковъ. Тургеневъ отнималъ и даже кралъ ихъ у меня, чтобы читать своимъ многочисленнымъ друзьямъ: я обѣщалъ дать ему списокъ. Предлагаю тебѣ перемѣны: вмѣсто *мерлоги* поставить *берлогу;* вмѣсто *средь грозныхъ водъ пучины* не лучше ли *средь грозныя*

пучины? и не льзя ли перемѣнить *пламень вмѣсто гроба* въ пѣсни Іудеевъ? Остальное все не подвержено критикѣ и достойно классическаго Поэта. Сдѣлай милость, продолжай: кто такъ пишетъ, тому грѣхъ не писать, и для языка и для чувства. Пиши только не хворой, а здоровой. Хорошо будетъ тебѣ и намъ — и потомству, которое на первой случай будетъ жить нашими крохами.

Обозрѣніе Русской Литературы написано какъ бы на смѣхъ, хотя Авторъ и не безъ таланта, кажется. На сихъ дняхъ было блестящее собраніе въ Рос. Академіи: читали кое-что, а я о Димитріи и Годуновѣ. 2 Сцены Шаховскаго очень изрядны; а переводъ Жуковскаго изъ Виргилія мнѣ полюбился своею живостію. За то доброй Соколовъ душилъ публику своимъ Ливіемъ и гусями Капитолія за новость! Говорятъ, что Графъ Аракчеевъ плакалъ; по крайней мѣрѣ многіе плакали, не не отъ гусей.—Обнимаемъ тебя нѣжно, мужъ, жена и дѣти. Будь здоровъ совершенно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

304.

С. Петербургъ, 5 Февр. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Тебѣ могло показаться странно, что не я извѣстилъ тебя о большой медали. Это было слѣдствіемъ нашего *заговора:* Академія хотѣла *первая* увѣдомить чтимаго о почести; но едва ли Тургеневъ не предупредилъ Секретаря. Плескъ публики одобрилъ дѣло нашей смиренной Академіи. Я жалѣлъ, что тебя тутъ не было. Не ранѣе, но еще усерднѣе другихъ поздравляю милаго друга — sans phrase.

На другой день Государева прибытія я имѣлъ щастіе видѣть Его въ кабинетѣ, а потомъ еще раза два мелькомъ. Онъ милостивъ, какъ и прежде, и, слава Богу! здоровъ; немножко похудѣлъ, но свѣжъ и бодръ. Блестящая Публика видѣла Его уже на двухъ балахъ у Императрицы; но вчера былъ послѣдній.

Любезная Наталья Яковлевна почти совсѣмъ здорова, а не хочетъ до весны выѣзжать и къ друзьямъ: только прогуливается въ каретѣ. Слѣдственно вижусь съ нею не часто. Съ лѣтами усиливается во мнѣ неподвижность, за которую плачу дорого: и хорошіе люди холодѣютъ къ домосѣду. Даже и съ любезнымъ К. А. П. Оболенскимъ рѣдко вижусь: онъ скачетъ изъ дому въ домъ, а мы на мѣстѣ. Мы провели съ нимъ только три вечера: два во дворцѣ на балѣ, а третій у насъ. На вчерашнемъ балѣ видѣлъ я и А. Д. Балашева: признаюсь, что дѣло его съ Разумовскимъ взволновало мою душу: онъ конечно заплатитъ; но для чего же сказалъ и написалъ, что не хочетъ платить? Вчера онъ представлялся. Буде есть общее мнѣніе въ Петербургѣ, то оно весьма не благопріятствуетъ Генералъ-Губернатору пяти Губерній. Жаль и досадно!...

Нѣжно обнимаемъ тебя: мужъ, жена, дѣти. Будь здоровъ и спокоенъ, любезнѣйшій другъ нашъ. Беремъ искреннѣйшее участіе въ горестной судьбѣ твоего любезнаго племянника-поэта. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Б. Фитингофъ безъ языка отъ удара.

305.

С. Петербургъ, 21 Февр. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Пишу къ тебѣ съ почтеннымъ Княземъ Андреемъ Петровичемъ Оболенскимъ, который насъ обоихъ искренно любитъ. Онъ здѣсь мелькнулъ и скрывается; ѣдетъ назадъ къ своему доброму семейству. Въ послѣднее Воскресенье я пилъ чай у нашего милаго Императора и пробылъ у Него болѣе трехъ часовъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои примѣчанія на 10-й томъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ (между нами!) У меня сказано, что слабый Ѳеодоръ долженъ былъ зависѣть отъ Вельможъ или *Монаховъ:* «послѣднее не оскорбитъ ли нашего Чернаго Духовенства?» Въ другомъ мѣстѣ: Ѳеатръ *спасенія*, *Іерусалимъ:* «хорошо ли употребить слово *Ѳеатръ* въ отношеніи къ спасенію?» и проч. и проч. Но все милостиво и деликатно. Въ двухъ мѣстахъ я взялся поправить.

Сдѣлай одолженіе, изъяви мою благодарность Г. Грамматину за обязательное доставленіе мнѣ его любопытнаго сочиненія: съ искреннимъ удовольствіемъ я прочиталъ уже страницъ 60, но не имѣлъ времени кончить отъ экзаменовъ въ Институтѣ Екатерин., гдѣ и нынѣ пробылъ съ Императрицею отъ 9 до 4 часовъ: усталъ до крайности. Скажу, какъ и ты: прости до свиданія! Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

П. П. А. Д. Балашевъ весьма доволенъ Государемъ и везетъ многія награжденія въ свои Губерніи.

306.

С. Петербургъ, 19 Марта 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Такъ давно не имѣю отъ тебя ни строки. Получилъ ли ты мое письмо черезъ Князя А. П. Оболенскаго? Здоровъ ли ты? Я безпокоюсь. Мнѣ кажется, что никогда молчаніе твое не продолжалось столько времени. У насъ все по старому. Мнѣ сказывали, что ты имѣешь надежду продать свой домъ: правда ли? А я продаю деревню Орловскую, да нѣтъ охотниковъ купить. Скоро увидишь А. Д. Балашова: Императоръ былъ съ нимъ, кажется, очень хорошъ; слѣдственно мнѣніе Публики не имѣло своего дѣйствія. Гр. С. П. Румянцовъ съ балу на балъ, и всякой разъ во Дворцѣ, и у насъ часто: говоримъ о тебѣ. Обнимаю тебя. Часъ за полночь. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

307.

С. Петербургъ, 6 Апр. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Ты спрашиваешь о Натальѣ Яковлевнѣ: она не совсѣмъ здорова, но не хуже прежняго; жалуется на слабость и говоритъ, что не можетъ писать, а любитъ своихъ друзей по прежнему. Авось весна поставитъ ее на ноги. Желаю, чтобы она переѣхала въ Царское Село, гдѣ и намъ хотѣлось бы быть въ началѣ Мая. Здѣсь были зимнія мятели: теперь опять похоже на весну.

И такъ мало надежды, чтобы домъ твой продался! Никогда не жаловались столько на недостатокъ въ деньгахъ,

и Дворяне и Купцы; а между тѣмъ сколько еще роскоши! А. Л. Нарышкинъ отдаетъ имѣніе сыновьямъ, выбралъ Попечителей, К. Якова Ив. Лобанова и Столыпина, для заплаты долговъ, болѣе пяти милліоновъ, и хотѣлъ, чтобы на первой случай казна купила у него дачу за 700 тысячь рублей: объ этомъ трактовали въ Комитетѣ Министровъ, и всѣ согласились на покупку, не исключая и Министра Финансовъ: заспорилъ одинъ Кампенгаузенъ, и Государь съ нимъ согласился, къ удовольствію друзей Государственной бережливости. — У васъ новые Сенаторы, Кавалеры, Губернаторъ, и проч. Благодарность ожидаетъ Князя Д. В. Голицына по его возвращеніи въ Москву. Наконецъ и Кривцовъ Губернаторъ въ Тулѣ, хотя еще и не вышелъ Указъ. Не знаю, радоваться ли за него добрымъ пріятелямъ. Хуже всего, что онъ еще не привелъ собственныхъ дѣлъ своихъ въ порядокъ. — Завтра Графъ Сергѣй Петровичь даетъ намъ дружеской обѣдъ: Блудову, Тургеневу, Кривцову etc. Видишь, какъ онъ молодѣетъ для жизни, хотя и часто говоритъ о смерти! Бываетъ у насъ дни черезъ четыре, и право любезенъ. А Канцлеръ на меня сердился, что не бываю у него безъ зва; но больно видѣть его въ такомъ состояніи. Скоро будетъ у васъ, съ своею постоянною ревностію къ Россійскимъ Древностямъ.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Ты рѣшился, кажется, съѣздить на родину, куда мы нѣкогда вмѣстѣ съ тобою ѣзжали! Дай Богъ, чтобы это путешествіе было полезно для твоего здоровья. Когда же думаешь возвратиться? Будь вездѣ и всегда здоровъ, любезнѣйшій другъ нашъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

308.

С. Петербургъ, 26 Апр. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Христосъ воскресе! нѣжно тебя обнимаю и поздравляю съ свѣтлымъ праздникомъ: дай Богъ, чтобы ты провелъ его какъ можно пріятнѣе.

Слава твоей памяти и доброму сердцу: ты помнишь С. Симона, но прощаешь! И я говѣлъ: слѣдственно обѣщался быть великодушнымъ Христіаниномъ, въ ожиданіи случая.

Если вѣрить всему городу и самому Графу Гурьеву, то у насъ другой Министръ Финансовъ, Канкринъ; но Указа еще нѣтъ. Говорятъ, что и Министръ Правосудія проситъ увольненія; а Графъ Кочубей думаетъ ѣхать къ водамъ. Вѣроятно, что Сперанскій заступитъ чье нибудь мѣсто, или, по мнѣнію другихъ, Куракинъ; а Графъ Хвостовъ сказываетъ, что тебя опять назначаютъ въ Министры, но уже не просвѣщенія, а на старое мѣсто. Вотъ тебѣ сказки или вѣсти вмѣсто краснаго яйца.

Жена и дѣти мои тебя также усердно поздравляютъ съ праздникомъ. Помышляемъ о Царскомъ Селѣ; но погода еще не весенняя.

Въ Воскресенье я христосовался съ Государемъ въ Его кабинетѣ, по старому, а въ блестящихъ собраніяхъ Двора не былъ.

Нѣжно тебя обнимаю. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

309.

Царское Село, 31 Мая 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Уже двѣ недѣли живемъ здѣсь и хвалимся краснымъ лѣтомъ. Садъ цвѣтетъ и благоухаетъ. Мы здоровы и благодаримъ Бога. Только худо работаю; болѣе сижу, нежели пишу въ кабинетѣ. Но и на это не хочу жаловаться, чтобы какъ можно менѣе быть малодушнымъ.

Послѣднее твое дружеское письмо, пріятно меланхолическое, заставило меня слетать воображеніемъ на берегъ Волги, Симбирскій *Вънецъ*, гдѣ мы съ тобою, геройски отражая сонъ, ночью читали Юнга въ ожиданіи солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но бѣды нѣтъ: все хорошо въ свое время. И мы старики имѣемъ свое будущее, настоящее и прошедшее: тѣмъ лучше, что молодые люди намъ не завидуютъ. Я не люблю быть предметомъ зависти: это значитъ портить людей. Всего безгрѣшнѣе, надежнѣе и спокойнѣе наслаждаться внутренно, и тамъ, гдѣ другіе жалѣютъ объ насъ почти съ презрѣніемъ. Вотъ моя Мистика! Вопросъ: *на долго ли?* не рѣдко и мнѣ представляется. Иногда, платя долгъ слабому человѣчеству, вздохнешь; иногда что-то блеснетъ въ сердцѣ, и скажешь себѣ твердымъ голосомъ: *навъки!* Quand on s'endort dans les bras de son père, on n'est pas en souci du réveil. — Поѣзжай съ Богомъ на родину и возвратися въ Москву благополучно.

Наши полумолодые пріятели уже обѣдали и пили чай съ нами въ Царскомъ Селѣ: Блудовъ, Дашковъ, Сѣверинъ. Послѣдній всѣхъ спокойнѣе, довольнѣе и едва ли не разсудительнѣе, уступая имъ въ другомъ.

Наталья Яковлевна все еще не ѣдетъ къ намъ жить за болѣзнію своего единственнаго человѣка: здѣсь ей было бы

и менѣе скучно и здоровѣе. Состояніе души ея вижу насквозь: слѣдственно не могу не принимать искреннѣйшаго въ ней участія.

Читаю теперь Mémoires du règne de Napoléon, изданные Гурго и Монтолономъ: занимательно, но не очень. Есть ли въ Москвѣ Растопчина любопытная тетрадка: Vérité sur l'incendie de Moscou?

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Здѣсь все старое по старому: видимся съ Августѣйшимъ Хозяиномъ, ѣздимъ въ Павловское etc. Гр. Кочубей уволенъ, но будетъ еще нѣсколько времени управлять Министерствомъ, до назначенія преемника.

Письма Софьи Николаевны Карамзиной, писанныя во время болѣзни отца ея.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, Наталья Яковлевна вамъ сказала все. Имѣю только время прибавить, что мы покойны и, если не раздѣлили съ вами ужаснаго безпокойства, по крайней мѣрѣ спѣшимъ радѣлить радость.

Софья Карамзина.

12 Іюня, 11 часовъ утра.

*

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, мы не хотимъ оставить васъ въ безпокойствѣ на счетъ Папеньки и спѣшимъ дать о немъ добрыя вѣсти. Здоровье его день ото дня поправляется, жаръ совсѣмъ прошелъ, силы оживляются, и онъ *самъ* кланяется своему другу, который между тѣмъ позволитъ намъ упрекнуть его. Н. И. Огаревъ ска-

залъ намъ, что вы *примѣчаете холодность къ себѣ въ женскомъ полѣ Карамзиныхъ.* Можно ли быть столь неблагодарнымъ и несправедливымъ? Не говоря уже о Маменькѣ, которая думала, что вы знаете ея чувство къ вамъ, неужели вы не вѣрите, что Катенька и я любимъ васъ нѣжно, отъ всего сердца, не менѣе вашей Натальи Яковлевны, которой единственно вы отдаете справедливость. Ей весело васъ любить, по крайней мѣрѣ не даромъ. Правда, что она заслуживаетъ это удовольствіе. Какъ она добра, какое любезное участіе показала намъ въ этомъ случаѣ! Прощайте, несправедливый Иванъ Ивановичь, у меня сердце такъ весело, что почти хочется васъ поцѣловать. Можно?

Софья Карамзина.

15 Іюня.

Маменька, прочитавши это письмо, поручаетъ мнѣ прибавить, что упрекъ въ *холодности* извѣстенъ ей за старинную шутку и что, если вы еще не увѣрились въ ея неосновательности, то мало надежды впредь.

*

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, мы читали съ тронутымъ и благодарнымъ сердцемъ ваши истинно дружескія письма. Папенька нѣжно обнимаетъ васъ. Выздоровленье его продолжаетъ насъ радовать. Пріѣздъ неожиданный милаго Вяземскаго послужилъ также ему пріятнымъ лекарствомъ. — Простите, не имѣю времени писать болѣе; я хотѣла непремѣнно дать вамъ хорошее извѣстіе по этой почтѣ *).

С. К.

---

*) Время написанія этого письма означено ниже въ припискѣ А. И. Тургенева.

(Приписка рукою князя П. А. Вяземскаго:)

Свидѣтельствую Вамъ мое душевное почтеніе. Н. М. сегодня въ первый разъ выѣзжаетъ въ каретѣ прогуляться. Слава Богу! онъ, кажется, совершенно выздоравливаетъ. Завтра буду въ городѣ и надѣюсь развѣдать объ изданіи Вашемъ.

(Приписка рукою А. И. Тургенева:)

Изданіе издается. Издатели — сосѣди мои на Черной рѣчкѣ, — и я напомню имъ дѣло наше. Я писалъ къ вамъ сегодня изъ П. бурга, 26 Іюня. Ц. Село.

310.

Царское Село, 5 Іюля 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Бывъ при дверяхъ гроба, я остался еще въ живыхъ и теперь оправляюсь, хотя медленно, какъ пятидесяти-пяти-лѣтній. Не жалѣю о томъ, что былъ боленъ: жалѣю единственно о милыхъ для меня людяхъ, которые обо мнѣ безпокоились и тревожились, какъ ты, любезнѣйшій другъ. Твои письма меня до слезъ трогали. И здѣшніе наши благопріятели оказали много доброжелательства и любви. Любовь моя къ Государю и къ Императрицамъ еще умножилась. Мнѣ еще писать не легко: перерву эту матерію, чтобы сказать тебѣ о Пажѣ. Я имѣлъ о томъ переговоры и переписку съ А. И Тургеневымъ, которому Князь А. Н. Голицынъ обѣщалъ все сдѣлать: нынѣ жду его къ себѣ; и если еще ничего не сдѣлано, то скажу Государю въ первое съ Нимъ свиданіе: Государь вотвратится черезъ шесть дней изъ военныхъ Поселеній. Онъ былъ у меня, но тогда я былъ еще очень слабъ. Даже и Императрица Марія была у меня и вошла въ комнату совсѣмъ нечаянно.

Еще не надѣюсь скоро выѣхать, чтобы поблагодарить моихъ Августѣйшихъ доброжелателей, похожихъ на друзей; но уже выѣзжаю гулять и брожу пѣшкомъ въ садикѣ. Пока прости, милой другъ. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Можешь вообразить, какъ страдала жена моя! Усердно и дружески кланяюсь Сергѣю Сергѣевичу, Князю Андрею Петр. Оболенскому, А. Ѳ. Малиновскому, Бекетовымъ и всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ, которые у тебя обо мнѣ спросятъ. Сто разъ еще тебя обнимаю. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Это письмо отдаю Князю Петру Андреевичу, котораго пріѣздъ, какъ доказательство его къ намъ истинной любви, былъ для насъ живѣйшимъ, сердечнымъ удовольствіемъ.

311.

Царское Село, 20 Іюля 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Тревога твоего сердца, произведенная письмомъ Ланской, заставила меня плакать. Не хочу говорить объ этой странной женщинѣ; но хочу чувствовать всю любовь твою къ старому другу, за которую благодарю тебя и Бога. Пока обнимемся мысленно: авось Богъ дастъ обняться и существенно, здѣсь или тамъ, но все еще на землѣ.

Вчера Государь изволилъ мнѣ сказать, что Онъ уже далъ повѣленіе о твоемъ любезномъ племянникѣ, т. е. принять его въ Пажескій Корпусъ.

Жаль, что мы были только мысленно присутствующими на Остафьевскомъ праздникѣ, дружескомъ и веселомъ, какъ

надѣемся. Вѣрно, уже не катались на плоту и гости не боролись съ стихіями! Надѣюсь, что милый хозяинъ дастъ намъ идею о всѣхъ забавахъ и сюрпризахъ, приготовленныхъ для него и для гостей милою хозяйкою. Этотъ праздникъ былъ бы для насъ интереснѣе Петергофскаго, куда теперь всѣ ѣдутъ, кромѣ насъ Инвалидовъ. Я собираюсь съ силами, но все еще слабъ, хотя уже на сихъ дняхъ и былъ съ изъявленіемъ благодарности у добрыхъ, милостивыхъ Императрицъ. Еще не могу работать: только читаю. Государыня М. Ѳ. наслала мнѣ множество новыхъ книгъ, отчасти любопытныхъ: журналъ Ласъ-Казаса, новѣйшій романъ неистощимаго Валт. Скота, Séjour au Temple Герцогини д'Ангулемъ, Mémoires sur l'Angleterre, etc. etc. Много времени пропало для Самозванца; но, можетъ быть, это дастъ живость будущей работѣ. Мы теперь въ хлопотахъ: ищемъ квартиры, сидя на мѣстѣ. Предвидимъ умноженіе расходовъ, а доходы убавляются. Впрочемъ благодаримъ Бога — и довольно.

Жена, дѣти, мужъ и отецъ, всѣ обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

312.

Царское Село, 10 Авг. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Я выздоравливаю, а у дѣтей начинается коклюшъ, который въ 1811 году отправилъ на тотъ свѣтъ Наташу; мы безпокоимся и просимъ Бога о сохраненіи малютокъ.

Наталья Яковлевна говѣетъ и, по ея состоянію, довольно здорова. Здѣсь время прекрасное: дай Богъ, чтобы

продолжалось; это могло бы облегчить болѣзнь нашихъ дѣтей.

Недѣли черезъ двѣ будетъ у васъ Государь: ты конечно ему обрадуешься. Люблю Его всею душею. Онъ опять беретъ съ собою на дорогу Исторіографскій пирогъ: нѣсколько тетрадей моей Рос. Исторіи.

Жаль, если ты не достанешь Mémorial Ласъ-Каза. Тутъ Наполеонъ какъ въ зеркалѣ. Е. С. Огарева ищетъ для тебя этой любопытной книги.

Всѣмъ семействомъ нѣжно, нѣжно обнимаемъ тебя, милаго друга. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

313.

Царское Село, 11 Сент. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Долго я не писалъ къ тебѣ отъ большаго безпокойства, въ которомъ мы были объ дѣтяхъ, слушая ихъ ужасный кашель съ утра до вечера и ночью. Эта же болѣзнь нѣкогда отняла у насъ милую Наташу, и также послѣ моей горячки. Теперь, слава Богу! мы менѣе безпокоимся: кашель уже не такъ силенъ, хотя еще и продолжится конечно до зимы. Всѣ отъ насъ бѣгаютъ какъ отъ чумныхъ, и безъ сомнѣнія благоволеніе Императрицы М. Ѳ. къ намъ есть искреннее чувство, потому что Она еще отъ времени до времени зоветъ насъ въ Павловское, гдѣ дѣти Великой Княгини.

Сердечно благодарю тебя за увѣдомленіе о любезнѣйшемъ нашемъ Государѣ; чувство мое къ Нему есть истинное: я вижу въ Немъ только человѣка, будучи самъ уже почти внѣ свѣтскихъ отношеній, и дворскихъ и государ-

ственныхъ, отъ моихъ лѣтъ, религіи и *метафизики*, если такъ сказать можно. Однакожь еще пишу Исторію! Государь опять взялъ съ собою на дорогу вмѣсто пирога нѣсколько моихъ тетрадей: царствованіе Годунова и сына его.

Ты жалуешься на слабость въ ногахъ: дай Богъ, чтобы эта слабость еще долго, долго не мѣшала тебѣ ходить и гулять въ хорошую погоду, какая теперь и у насъ и у васъ, какъ надѣюсь. Читать пріятно, но еще пріятнѣе послѣ гулянья, освѣжающаго и тѣло и душу.

Хотѣлъ бы я знать, какъ Царь обошелся съ нашимъ любезнымъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ; Императрица М. Ѳ. очень имъ довольна.

Прости, любезнѣйшій. Всѣмъ семействомъ нѣжно обнимаемъ тебя. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

314.

Царск. Село, 24 Сент. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Усердно поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего рожденія. Живи, живи многія лѣта съ душею здравою и здравымъ тѣломъ! Сто разъ обнимаю тебя нѣжно.

Сердечно сожалѣю о А. Д. Балашовѣ и не менѣе о почтенной нашей Иринѣ Ивановнѣ. Какой ударъ для осьмидесятилѣтней матери! Горесть сестры и братьевъ также очень трогаетъ меня и Катерину Андр. Сдѣлай одолженіе, скажи, какъ они всѣ переносятъ эту печаль. Особенно желаемъ знать о здоровьѣ Ирины Ивановны и Катерины Петровны.

Вчера былъ у меня Свиньинъ и сказывалъ, что ты пишешь историческія Записки: я душевно обрадовался; это

будетъ пріятно для другихъ, пріятно и для тебя самого. Какъ бы хотѣлось мнѣ стоять у тебя за плечами и слѣдовать глазами за твоимъ перомъ! Сколько случаевъ и людей были намъ обоимъ равно извѣстны! Вѣрно, никто не будетъ читать твоихъ Записокъ съ такимъ любопытствомъ, какъ я. Пришли хотя образчикъ, хотя страницъ десять, чтобы я имѣлъ понятіе о тонѣ сочиненія. Очень одолжишь меня или порадуешь.

Болѣзнь дѣтей нашихъ все еще не совсѣмъ прошла, хотя и проходитъ; но благодаримъ Бога.

Имѣемъ огорченіе инаго рода: главная наша деревня сгорѣла, и мы по крайней мѣрѣ на сей годъ лишаемся знатной части нашего умѣреннаго дохода.

Ждутъ невѣсты въ Гатчину: думаю съѣздить туда сегодня. Прости, любезнѣйшій — до *свиданія*, какъ ты говоришь! Твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

И я вмѣстѣ съ мужемъ поздравляю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, съ наступающемъ днемъ вашего рожденія. Пожелавъ вамъ всѣхъ благъ, а болѣе всего здоровья, прибавляю и на свой счетъ одно желаніе: видѣть васъ переселившагося въ Петербургъ, чтобы наслаждаться вашей любезной бесѣдою и не имѣть нужды прибѣгать къ перу, чтобы увѣрить васъ въ нашей истинной и непремѣнной любви и почтеніи.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Примите, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, сердечное мое поздравленіе со днемъ вашего рожденія, со днемъ столь *любезнымъ* для тѣхъ, которые умѣютъ васъ *любить*.

Надѣюсь, что Л. С. Огарева вручила уже вамъ несчастные остатки обѣщаннаго мною вамъ портрета: они не могутъ напомнить вамъ оригинала, но докажутъ по крайней мѣрѣ, что я старалась исполнить ваше желаніе: портретъ былъ совершенно оконченъ и нѣкоторымъ даже казался очень схожимъ, но Папенька, увидѣвъ его, изъявилъ свое негодованіе такими энергическими выраженіями, что я не имѣла духу послать его вамъ въ цѣлости; но желая однакожъ увѣрить васъ въ точномъ исполненіи моего обѣщанія, я просила Л. С. Огареву представить вамъ нѣкоторыя частицы моихъ безполезныхъ трудовъ: не теряя совершенно надежды быть счастливѣе въ другомъ предпріятіи и дать вамъ лучшее мнѣніе о моихъ способностяхъ, прошу васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, принять увѣреніе въ чувствахъ моего къ вамъ сердечнаго почтенія и искренней привязанности.

Катерина Карамзина.

Сестры моей нѣтъ теперь дома; но зная, какъ она будетъ огорчена, возвратившись и не найдя уже письма нашего, я беру на себя ея поздравленія и желанія о вашемъ благѣ, внушаемыя ей сердцемъ, совершенно къ вамъ *Карамзинскимъ*. — Сказавъ это, я все сказала.

315.

Царское Село, 18 Окт. 1823.

Любезнѣйшій другъ!

За шутку твою я почти разсердился; а шуткою называю мысли, которыя ты мнѣ приписываешь о твоемъ историческомъ сочиненіи. Я уже сказалъ тебѣ истинныя мои мысли:

то есть, что Записки твои будутъ для меня самымъ любопытнѣйшимъ чтеніемъ. Не уже ли ты въ самомъ дѣлѣ не захочешь утѣшить меня присланіемъ хотя двухъ или трехъ листковъ въ знакъ твоей дружеской ко мнѣ довѣренности? Когда увидимся, еще Богъ знаетъ. Ты ждешь меня къ Масленицѣ въ Москву на блины: если пріѣду, то уже съ тѣмъ, чтобы не выѣзжать оттуда; но какъ еще не думаю оставить Петербурга, то не совѣстно ли будетъ тебѣ, если умру, не читавъ твоихъ Записокъ? И такъ положи руку на сердце и рѣши.

Дописываю теперь Самозванца и думаю въ началѣ зимы приступить къ печатанію двухъ томовъ или томиковъ: въ одномъ будетъ Царствованіе Ѳеодора Іоан. и взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи, въ другомъ Годуновъ, сынъ его и Лжедимитрій. Послѣ болѣзни имѣю къ себѣ менѣе довѣренности: не ослабѣла ли голова съ памятью и воображеніемъ?

Сдѣлай милость, скажи Графинѣ К. П. Растопчиной, что я не заслуживаю упрека ея, хотя и ласковаго; что я въ теченіе пяти мѣсяцевъ былъ только *однажды* въ Петербургѣ на *два часа*, и еще не успѣлъ выздоровѣть, какъ опасно занемогли дѣти наши: между тѣмъ Графиня уѣхала. Всѣ мы, я, жена и Сонюшка, имѣли сердечное желаніе видѣться съ нею, будучи къ ней душевно привязаны. Напомни обо мнѣ и Графу; то есть, скажи, какъ я уважаю и люблю его.

Мнѣ хотѣлось бы дождаться здѣсь Государя: для того еще не переѣзжаемъ въ городъ. Дѣти все еще кашляютъ, хотя опасная болѣзнь и миновалась. Увидимъ. Можетъ быть, и скорѣе переѣдемъ. — Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

Знаешь ли, что читаю? Ужасы Тайной Канцелляріи (между нами!), именно, дѣло о Волынскомъ: двѣ кипы и сундукъ. Гнусно и любопытно. Вел. Княгиня выкинула, и праздника 14 Окт. въ Гатчинѣ не было. Принцесса Шарлотта кажется любезною; уже говоритъ по-русски и читаетъ нашу Исторію.

316.

С. Петербургъ, 27 Ноября 1823.

Любезнѣйшій другъ!

Хлопоты сборовъ, переѣзда и новой квартиры лишали меня сердечнаго удовольствія писать къ тебѣ. Мы уже около двухъ недѣль въ городѣ, а еще не нашли времени развезти карточки визитныя. Теперь начинаются новыя хлопоты: печатаніе X-го и XI-го тома Исторіи; всякой день хожу на поклонъ къ журналисту и содержателю типографіи Гречу: вотъ мой Дворъ!

Государь по своемъ возвращеніи изъявлялъ къ намъ прежнее доброе расположеніе: два раза въ Царскомъ Селѣ пилъ у насъ чай; я также пилъ чай у Него въ кабинетѣ. Онъ сдѣлалъ самыя любезныя замѣчанія на Царствованіе Годунова и сына его. Моя привязанность къ Нему есть сердечная и не имѣетъ нужды въ новыхъ доказательствахъ Его къ намъ милости. Чувство мое дѣлится между Имъ и Императрицею Елисаветою, которая отъ горести похудѣла и не перестаетъ плакать о Сестрѣ. За то Императрица Марія, которую также люблю искренно, въ полномъ удовольствіи, нашедши милую дочь въ Принцессѣ Шарлоттѣ, умной, привѣтливой, желающей нравиться Русскимъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю листочковъ изъ твоихъ Записокъ и буду радоваться ими болѣе, нежели своимъ сочиненіемъ: это истина, а не лесть. Присылай же скорѣе. Надѣюсь, что ты уже кончилъ 1-ю часть.

Я читаю теперь Дѣла временъ Императрицы Анны. Передо мною большой сундукъ. Ужасы!

Ждемъ любезнѣйшаго Сергѣя Сергѣевича. Мы безпокоимся о здоровьѣ Катерины Петровны. Два удара вдругъ, когда она еще не осушила слезъ о милой дочери!

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ и спокоенъ. А. И. Огаревъ увѣрялъ насъ, что ты молодѣешь: да будетъ такъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Живемъ на *Моховой*, въ домѣ *Межуева* или Мижуева, и порядочно. Все не велико, но уютно. Платимъ тѣ же 5000 р., но издержали 1000 на мёбли и проч. — Новые томы Исторіи печатаю уже на свой щетъ: Слёнинъ худо платитъ.

317.

С. Петербургъ, 1 Генв. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца поздравляю тебя съ новымъ годомъ: дай Богъ тебѣ совершеннаго благоденствія, здоровья и спокойствія душевнаго!

Я давно не писалъ къ тебѣ. Со времени нашего переѣзда въ городъ почти непрестанно безпокоимся о дѣтяхъ: одинъ за другимъ боленъ: то умножается кашель, то приходитъ лихорадка. Говорятъ, что причиною необыкновенная зима,

теплая и сырая. Между тѣмъ, не безъ частыхъ досадъ. Занимаюсь печатаніемъ; не жалѣю денегъ, а идетъ плохо. О народъ Русской, котораго Исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ! Лучше писать, нежели печатать ее въ Русской типографіи.

Любезнѣйшій Сергѣй Сергѣевичь былъ доволенъ Петербургомъ, а Петербургъ имъ.

Сдѣлай же дружескую милость, пришли мнѣ хотя отрывки твоихъ Записокъ. Ты уже кончилъ первую часть: не правда ли?

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, и съ однимъ желаніемъ: будь благополученъ и люби насъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Позвольте мнѣ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, прибавить къ общимъ мои особенныя поздравленія и добрыя желанія.

К. Карамзина.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

И мнѣ также, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, и позвольте еще прибавить желанье, хотя почти безнадежное, повторить вамъ *лично* въ теченіи нынѣшняго года, сколь сердечно мы любимъ и почитаемъ васъ.

Софія Карамзина.

318.

С. Петербургъ, 21 Генв. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Мы, слава Богу! здоровы, но все еще не совершенно спокойны въ разсужденіи Государева здоровья: жаръ прошелъ; осталась слабость и три раны на ногѣ, которыя не могутъ закрыться скоро. Онъ еще болѣе лежитъ, нежели сидитъ; хочетъ заниматься дѣлами и не можетъ. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно моей любви къ Нему, какъ въ это время. Я предчувствовалъ, что 6 Генв. будетъ имѣть худое слѣдствіе: въ 13 градусовъ мороза и при сильномъ вѣтрѣ Государь стоялъ на Невѣ съ открытою головою; поѣхалъ въ Царское Село, и тамъ, вѣроятно, еще снова простудился. Не говорю о нашихъ чувствахъ; скажу только, что здѣсь купцы и народъ приходили къ Оберъ-Полицеймейстеру спрашивать о здоровьѣ Императора: это меня тронуло. Я уже съ недѣлю не видалъ Императрицы Е. А. М. Ѳ. спокойна, находя, что лице Больнаго уже гораздо лучше: мы у Нее снова обѣдаемъ за-просто; но мысль, что мы еще, можетъ быть, долго не увидимъ Его на ногахъ, приводитъ меня въ грусть. Между тѣмъ занимаюсь печатаніемъ. Десятой Томъ отпечатанъ, кромѣ осьмушки. Бѣлыя тетради Царствованія Разстригина остались у Государя. Я велѣлъ снова списать эту главу. — Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ отрывковъ: сдѣлай милость, пришли скорѣе; не откладывай. Прошу тебя усильно. — Я видѣлся и плакалъ съ А. Д. Балашовымъ. Теперь слезы въ семействѣ Бѣлосельскихъ. Прости, любезнѣйшій. Всѣмъ семействомъ

обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ и бодръ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Ѣду взять у Слёнина новое изданіе твоихъ сочиненій.

319.

С. Петербургъ, 4 Февраля 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя и за дружеское письмо и за 2 экз. твоихъ любезныхъ Стихотвореній. У меня былъ уже купленной экземпляръ, но эти красивѣе. Я перечитывалъ твои стихи съ новымъ удовольствіемъ, воспоминая время, когда что было писано и гдѣ въ первый разъ напечатано. Жаль, что ты много хорошаго отбросилъ: это, право, излишняя строгость. Жаль также, что ты уважилъ критику Графа Сергѣя Петровича и вмѣсто: «Смиренный куръ любитель», поставилъ: «Миролюбивый житель». Если такихъ Критиковъ слушать, то мало останется цѣлаго и въ Расинѣ и въ Лафонтенѣ.

Слава Богу! мы спокойнѣе въ разсужденіи Государева здоровья и дѣтей нашихъ. Вильи увѣряетъ, что мы скоро увидимъ любезнѣйшаго Царя на ногахъ. Я дней шесть сижу дома отъ простуды; но Катерина Андр. была вчера на балѣ у Великой Княгини и слышала, что свадьба Михайла Павловича будетъ въ Пятницу.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ Записокъ, не для критики, а для удовольствія читать ихъ: кто другой имѣетъ болѣе права на это? Мы и современники и земляки и друзья около сорока лѣтъ.

И въ простудѣ хлопочу съ типографіею. Каждый день для меня дорогъ, а печатаютъ медленно отъ безпорядка Русскаго и тошнаго....

И людямъ, со многихъ сторонъ щастливымъ, бываетъ грустно жить на свѣтѣ, за себя и за другихъ! Удовольствій такъ мало, а заботъ, горестей, досадъ и тоски такая пропасть!

Мы видѣлись два раза съ добрымъ Огаревымъ. Ты, вѣрно, жалѣешь, что онъ выѣхалъ изъ Москвы, и не знаю, къ лучшему ли для него.

Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ семействомъ. Здравствуй душею и тѣломъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

320.

С. Петербургъ, 18 Февр. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всей души благодарю тебя за искреннѣйшее, живое удовольствіе, съ которымъ я читалъ и перечитывалъ твои милыя выписки, не довольный единственно ихъ краткостію, — отъ первой строки до послѣдней, отъ Манженя, мнѣ знакомаго, до мыслей о назначеніи Поэзіи. Все для меня интересно: и мѣста и люди — не только Симбирскъ, но и Сызранъ; не только Державинъ и Козлятевъ, но и Бѣлосовъ и *Окоемовъ* (такъ ли?), которыхъ узналъ или вспомнилъ я въ числѣ Симбирскихъ пріятелей твоего Батюшки. Даже и стихи Сумарокова къ домику Петра Великаго, не смотря на излишнюю глубину ихъ смысла, показались мнѣ отмѣнно гармоническими и пріятными въ воспоминаніяхъ юности. Тѣмъ болѣе желаю читать цѣлое, и вижу, что ты

искусно связялъ двѣ части, изъ которыхъ оно составлено. Пишешь ли вторую часть? Но хочется вздохнуть при мысли, что такія сочиненія выходятъ въ свѣтъ уже во времена потомства, для насъ *метафизическаго*: впрочемъ желаю ему добраго здоровья, и не завидую, въ надеждѣ читать твои Записки, отъ Альфы до Омеги, еще смотря на Автора, въ твоемъ или моемъ кабинетѣ, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, если сновидѣніе моей жизни продлится до той минуты, какъ ты поставишь пунктъ для настоящаго и будущаго. Ты шутишь, ожидая отъ меня критики: мы братья-соученики; оставимъ критику Докторамъ и Профессорамъ. Совершенство такихъ книгъ есть пріятность: всѣ найдутъ ее въ твоихъ Запискахъ, если у всѣхъ мой вкусъ, котораго (между нами будь сказано) не промѣняю и на вкусъ *знаменитаго* Лелевеля, критикующаго на Польскомъ языкѣ мою Исторію. А какъ я, ненасытный, все еще не доволенъ, то не пришлешь ли еще листовъ пять-шесть, пока мы розно? уже не отрывками, а сряду. Къ лицамъ, означеннымъ тобою для довѣренности, позволь мнѣ прибавить А. Тургенева и Блудова. Тетрадка лежитъ въ святилищѣ моего кабинета. Въ заключеніе обнимаю тебя нѣжно и съ повтореніемъ сердечной благодарности.

Царь нашъ, слава Богу! уже выѣзжалъ въ саняхъ; но я еще не видалъ Его: Онъ приказываетъ ко мнѣ только поклоны черезъ Императрицъ.

Надѣюсь, что къ третьей недѣлѣ Поста 11-й томъ моей Исторіи отпечатается, а на четвертой вступитъ въ продажу (слѣдственно будетъ у тебя).

Все мое семейство, какъ обыкновенно, увѣряетъ тебя въ нѣжнѣйшей любви. Будь здоровъ и веселъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Я почти все сижу дома, то отъ простудъ, то отъ лѣни; но изъ любви къ Россіи и къ Императрицѣ М. Ѳ. разъ пять былъ на экзаменахъ въ Монастырѣ. На балы раза три ѣздили только Катерина Андр. и Сонюшка.

321.

С. Петербургъ, 5 Марта 1824.

Любезнѣйшій другъ!

X-й и XI-й томы моей Исторіи къ тебѣ посланы на веленевой бумагѣ: желаю, чтобы ты могъ читать ихъ съ удовольствіемъ. Экземпляры для Московскихъ Субскрибентовъ также отправлены мною вчера чрезъ Транспортную Контору; но боюсь медленности въ доставленіи отъ худой дороги.

У насъ непрестанно больные: теперь безпокоитъ насъ Катенька своимъ нездоровьемъ. Какой для насъ годъ! Печаленъ и вообще съ разныхъ сторонъ. Грустимъ за Растопчиныхъ. Увѣдомь, любезнѣйшій, видѣлъ ли ты ихъ послѣ этой ужасной потери, и какъ они сносятъ ее. Смерть доброй Герцогини Виртембергской чрезмѣрно огорчила Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая была съ нею дружна: Судьба отнимаетъ у нее всѣхъ, ей милыхъ, какъ бы для того, чтобы Она уже не имѣла никакой земной привязанности. Государь, слава Богу! здоровъ, хотя и не очень берегъ себя, то есть Свою ногу, по нѣскольку разъ въ день бывавъ у Герцогини въ ея тяжкую болѣзнь.

Дай Богъ, чтобы ты долго, долго любовался порядкомъ, въ которой приведены тобою всѣ твои бумаги! Я также собираюсь кое-что сдѣлать на случай своей смерти, всего болѣе страшась пережить милыхъ, и ежедневно моля Бога пощадить мою слабость.

Теперь чтеніе твоихъ Записокъ услаждаетъ Жуковскаго. Всѣ жалѣютъ, что онѣ коротки, и съ нетерпѣніемъ хотятъ читать остальное. Не льзя ли, милой другъ, прислать еще нѣсколько страницъ? Будь милостивъ ко мнѣ и другимъ Петербургскимъ, достойнымъ твоей довѣренности.

Обнимаемъ тебя нѣжно всѣмъ семействомъ. Будь здоровъ и веселъ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

322.

С. Петерб., 7 Апр. 1824.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій другъ! Дай Богъ тебѣ совершеннаго здоровья и спокойствія. Ожидаю весны съ надеждою, что ея вліяніемъ можемъ быть здоровѣе. Всего болѣе тревожитъ меня одышка Катерины Андр. Другимъ лучше; а я какъ-то особенно мраченъ душею, не смотря на данный мнѣ чинъ. Вотъ сюрпризъ: стою на одномъ ряду съ Куликомъ, но еще не дошелъ до нашего любезнаго Кашкина и ученаго Графа Ѳед. Андр. Толстаго. Я пробылъ у Государя въ первый день Праздника минутъ съ 40, но Онъ не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ повышеніи за Годунова и Самозванца. Онъ, слава Богу! ходитъ пѣшкомъ и ѣздитъ верхомъ, но долго стоять не можетъ безъ боли въ ногѣ: для того не выходилъ въ большую Церковь, а слушалъ заутреню и обѣдню у себя въ походной.

Любезной Натальѣ Яковлевнѣ лучше; у нее была опять лихорадка. Жена моя поѣхала къ ней: для того и не приписываетъ къ тебѣ; ея именемъ поздравляю и обнимаю тебя вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ семействомъ.

Полюбился ли тебѣ Фонтанъ Пушкина? Слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи.

О Евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе хорошо.

Съ нѣжностію цѣлую тебя, милый другъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Съ нѣкотораго времени Москва часто бродитъ у меня въ мысляхъ: не въ ней ли умереть тому, кто въ ней жилъ? хотя и лѣнь думать о переѣздѣ.

323.

С. Петербургъ, 22 Апр. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Теплые дни заставили-было мыслить насъ о Царскомъ Селѣ; но вдругъ занемогъ третій сынъ нашъ, и по видимому корью: вѣроятно, что она пристанетъ и къ другимъ дѣтямъ; тогда, Богъ знаетъ, можемъ ли выѣхать изъ города и въ Іюнѣ. Жаръ у больнаго не силенъ; но грустно ждать болѣзни и всѣхъ другихъ, еще веселыхъ. Впрочемъ жаловаться не смѣемъ. Дай Богъ только, чтобы всѣ остались живы, пока я живъ!

Государь любезно писалъ ко мнѣ изъ Царскаго Села, что Онъ далъ чинъ Исторіографу, а не Карамзину. Впрочемъ Исторіографъ старѣется вмѣстѣ съ Карамзинымъ и слѣдственно уже не можетъ очень радоваться чинами, ни лентами. За Государя же молюсь усердно, любя Его искренно и считая весьма нужнымъ для Россіи. Да, лучше наслаждаться, нежели смотрѣть Сентябремъ, какъ я смотрю часто, хотя и благодарю Бога за жену, за дѣтей, за друга, добрыхъ пріятелей, не забывая и милости Царской, трогательной для моего сердца.

Сдѣлай одолженіе, доставь приложенное письмо Вас. Льв. Пушкину.

Всѣ мои, жена и дѣти, увѣряютъ тебя въ нѣжнѣйшей привязанности.

Будь здоровъ и спокоенъ духомъ, милый другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

324.

Царск. Село, 20 Мая 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Я знаю и люблю Измайлова, умнаго и добраго: слѣдственно не можешь сомнѣваться въ моемъ усердіи къ его благу. Но лучше это сдѣлать съ наблюденіемъ строгаго приличія. Я человѣкъ посторонній, не въ дѣлахъ: какое право имѣю выпрашивать пенсіи? Мы съ Тургеневымъ придумали исходатайствовать ее черезъ Министра (бывшаго): онъ взялся, не успѣлъ доложить, однакожь и теперь хочетъ, какъ бы въ заключеніе своей Министерской дѣятельности; желаетъ только, чтобы ты написалъ къ нему о состояніи и достоинствахъ Владиміра Васильевича. Успѣхъ кажется ему несомнительнымъ. Сдѣлай милость, напиши къ Князю. Если же рѣшительно не захочешь... но я надѣюсь, что захочешь.

Ты уже вѣрно знаешь о перемѣнѣ въ Министерствѣ Духовномъ и Просвѣщенія: А. С. Шишковъ на мѣстѣ Князя, за исключеніемъ Дѣлъ нашей Церкви, которыя будутъ зависѣть единственно отъ Синода. Это важно для меня только въ отношеніи къ любезнѣйшему нашему Тургеневу.

Я не писалъ къ тебѣ о ссорѣ братьевъ для того, что и ты не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова; а здѣсь ничего не

слыхалъ, кромѣ сказаннаго мнѣ А. Д. Балашевымъ. Жаль и грустно, что умной и добродѣтельной человѣкъ имѣетъ такого брата.

Слава Богу, нашъ больной Николай почти совсѣмъ здоровъ. Мы еще не обжились здѣсь. Спѣшу кончить. У насъ гости. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

325.

Царское Село, 13 Іюня 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Ты далъ словамъ моимъ не тотъ смыслъ, въ которомъ я написалъ ихъ: я не отказывался ходатайствовать за пенсію Измайлова, а думалъ только, что приличнѣе выпросить ее черезъ Министерство; такъ думаю и теперь, надѣясь, что Князь Александръ Николаевичь по данному обѣщанію доложитъ Государю о нашемъ собратѣ по Литтературѣ. Увидимъ.

Съ живымъ участіемъ и почти съ удивленіемъ читалъ я записку о раздорѣ братьевъ. Жалѣю, находя, что съ обѣихъ сторонъ не безъ вины, то есть не безъ упрямства. Какъ бы, кажется, не согласиться въ обоюдномъ добромъ расположеніи! Завѣщаніе напоминаетъ старину. Холсты, пряжа и 5 рублей на человѣка!

Мнѣ грустно воображать тебя не веселымъ и хворымъ, какъ ты пишешь, любезнѣйшій другъ. Ради Бога, не отвыкай отъ ходьбы, которая поддерживаетъ не только тѣло, но и бодрость нравственную: говорю по опыту. Самъ начинаю лѣниться, однакожь шпорю себя и брожу. Съ прекраснымъ сложеніемъ, съ полною дѣятельностью ума еще можешь долго, долго наслаждаться жизнію, даромъ Божіимъ, слѣд-

ственно хорошимъ. Ты читаешь — а пишешь ли вторую часть своихъ Записокъ? Вспомни, что ты обѣщалъ еще коечто выписать изъ нихъ для меня; а послѣ уже молчишь. Именемъ дружбы убѣждаю тебя исполнить обѣщанное.

Благодарю тебя, любезнѣйшій, за предостереженіе отъ сквозныхъ вѣтровъ: слѣдую твоему совѣту, но парика еще не заказалъ; моя плѣшивая голова не терпитъ крышки.

Доброй и любезной Тургеневъ спокоенъ въ чувствѣ своей правости; а я, любя его какъ брата роднаго, любя искренно и добраго Царя, былъ грустенъ, и все еще жалѣю, очень жалѣю. — И Шатобріанъ въ ретретѣ; но онъ виноватъ: будучи Министромъ, шелъ противъ закона, предложеннаго Королемъ.

Мы, слава Богу! почти совсѣмъ здоровы. Сонюшка зашибла себѣ ногу, Саша ранилъ себя въ бороду; обоимъ лучше. Я горюю только о засухѣ и пишу Шуйскаго, коекакъ. Исторія моя худо продается; говорятъ, что все худо продается. Такъ и быть. Кончить надобно, пока живу и могу писать.

Нѣжно обнимаемъ тебя, милый другъ, всѣмъ семействомъ. Будь какъ можно здоровѣе и веселѣе. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

326.

Царское Село, 17 Іюля 1824.

Любезнѣйшій другъ!

У насъ все больные: послѣ Андрея Сонюшка. Ей приставили къ опухоли на шеѣ шесть піявицъ и не могли унять крови въ теченіе десяти часовъ, такъ, что у нее было три или четыре обморока. Теперь она собирается съ силами, но страдаетъ отъ нарыва въ томъ мѣстѣ, гдѣ была опухоль. И

я не совсѣмъ здоровъ, отъ излишней раздражительности нервъ; въ мысляхъ черно, а чувствую, что мнѣ должно благодарить Бога. Развесели меня продолженіемъ твоихъ Записокъ и новымъ сообщеніемъ мнѣ столь интересныхъ для меня отрывковъ. Ты остановился на важномъ пунктѣ; но не стой же долго: впередъ и впередъ; не увидишь, какъ допишешь. Впрочемъ желаю, чтобы ты писалъ какъ можно долѣе: то есть, пріятно занимался воспоминаніями.

Меланхолія моя питается и печальными слухами о саранчѣ, о непрестанныхъ дождяхъ внутри Россіи, о худой надеждѣ на жатву: ибо я, уже мало занимаясь политикою, все еще принимаю живѣйшее участіе въ физическомъ благосостояніи Россіи. Къ тому же имѣніе наше въ разстройствѣ: крестьяне худо платятъ оброки и худо слушаются. Мысль, что мнѣ для возстановленія порядка придется, можетъ быть, ѣхать и въ Орелъ и въ Нижній, весьма для меня тяжела. Пишу мало, однакожь пишу, во всякомъ случаѣ послѣдній XII-й томъ: имъ заговѣюсь для двухъ тысячь современниковъ (NB. по числу купленныхъ экземпляровъ) и для потомства, о которомъ мечтаютъ орлы и лягушки авторства съ равнымъ жаромъ. Наше просвѣщеніе лѣзетъ въ гору: то ли будетъ со временемъ! Князя А. П. Оболенскаго удержали въ кураторствѣ; такъ угодно было Государю. Говорятъ о другихъ новыхъ Кураторахъ, но едва ли справедливо. Министра я уже не видалъ съ мѣсяцъ. Люблю его за доброе сердце. — Обнимаю тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ, за себя и за все мое семейство. Будь здоровъ и споконъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

327.

Царское Село, 17 Авг. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Спѣшу извѣстить тебя, что я передъ отъѣздомъ Государя вручилъ Ему записку о пожалованіи пенсіи 1200 р. В. В. Измайлову: Онъ по Своей милости обѣщалъ. Когда узнаю объ Указѣ, дамъ тебѣ знать немедленно. До того времени лучше еще не сказывать Владим. Васильевичу. Я не сомнѣвался въ успѣхѣ: мнѣ хотѣлось только строго соблюсти *формы*, но не удалось. Это сдѣлано болѣе для тебя, нежели для меня: Государь знаетъ о твоемъ участіи или ходатайствѣ и любитъ при всякомъ случаѣ доказывать Свое къ тебѣ благоволеніе.

Сердечно благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за сообщеніе новаго отрывка изъ твоихъ Записокъ: какое для меня воспоминаніе! Любопытно и для потомства. Я желалъ бы еще болѣе подробностей. — Вѣроятно, ты на меня не разсердишься, что я давалъ читать твои любезные отрывки Императрицѣ Елисаветѣ А.: Она читала ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и хвалила твою живопись. Это дало намъ матерію на пріятной разговоръ о тебѣ и минувшемъ времени. — Я ненасытимъ: хотѣлъ бы еще чего нибудь. Не льзя ли?

Царь поѣхалъ отъ насъ, Слава Богу, здоровъ: дай Богъ, чтобы и возвратился здоровъ! Этого желаю еще болѣе, нежели продолженія Его милости къ намъ. Наканунѣ Своего отъѣзда, когда со всѣхъ сторонъ къ Нему приступали съ дѣлами, Онъ провелъ у насъ болѣе полутора часа. Должны ли мы быть признательны? Но любовь моя къ Нему существуетъ сама собою и безъ признательности. Вопросъ: на

пути ли въ Казань или изъ Казани Екатерина II была въ Симбирскѣ?

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

328.

Царское Село, 4 Сент. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Указа о пенсіи В. В. Измайлову еще нѣтъ ни у Министра Финансовъ, ни въ Кабинетѣ. Государь или не успѣлъ или забылъ. Я буду справляться, и если до возвращенія Императора ничего не узнаю, то осмѣлюсь Ему напомнить. Между тѣмъ желаю, чтобы Владиміръ Вас. не зналъ прежде времени о нашихъ хлопотахъ.

Ты укоряешь меня нескромностію, а я даю тебѣ еще оружіе въ руки: и другой отрывокъ Записокъ у Императрицы; Она держитъ его: угадай, для чего? Списываетъ собственною рукою для Государя, желавшаго знать, какъ ты описываешь случай, Ему извѣстный *). Прошу имѣть ко мнѣ довѣренность дружескую. Знаю, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ пріятнаго для автора; знаю *Ее*, знаю *Его*, и доброе *Ихъ* къ тебѣ расположеніе. Здѣсь осторожность была бы излишнею.

Жаль, что ты, любезнѣйшій, не могъ встрѣтить Государя на берегахъ нашей родимой Волги, тобою воспѣтой: это было бы пріятно и Ему и тебѣ. Но осень конечно не благопріятна для дальняго путешествія въ наши лѣта. Я, кажется, сказалъ тебѣ, что Государь принялъ отъ меня

*) Противъ этого мѣста наполяхъ приписано: «Между нами».

краткую историческую Записку о городахъ, которые Онъ теперь видитъ: въ десяти строкахъ о Симбирскѣ не забылъ я нашего славнаго *Бѣлаго Ключа*, ни столѣтняго Елисея Кашинцова, звонившаго въ колокола, когда Симбирскъ праздновалъ Полтавскую побѣду, и бывшаго гребцомъ на лодкѣ Петра Великаго, когда онъ плылъ въ Астрахань, начиная войну Персидскую. Я обрадовался, нашедши здѣсь у живописца Орловскаго старинные часы съ вырѣзаннымъ на нихъ именемъ этаго Елисея, который угощалъ меня въ ребячествѣ банею и зеленымъ чаемъ. Миръ его праху!

Начало осени прекрасное. Какъ-то у васъ въ Москвѣ?

Читалъ ли ты пышную хвалу Графу Хвостову въ Revue Encyclopédique. Я недавно благодарилъ его за присылку стиховъ: онъ хотѣлъ напечатать мое письмо въ журналѣ; но, вѣроятно, не пропустила Ценсура.

Къ слову о Ценсурѣ прибавлю, что новый Министръ Просвѣщенія думаетъ учредить новую, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть Литтературы будетъ особенный Ценсоръ. То-то раздолье! Словесность наша съ Ценсорами процвѣтетъ и безъ Авторовъ.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

329.

Царское Село, 20 Сент. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Что за поклепъ? Отъ роду и не слыхивалъ отъ А. И. Тургенева о твоемъ экземплярѣ Маржерета: онъ мое, а не я его добро пересылалъ въ Москву. У меня только мой

экземпляръ, *съ надписью Издателя К. Гагарина на мое имя*: онъ можетъ быть мѣсяца черезъ два или три къ твоимъ услугамъ, измаранный чернилами и карандашемъ. Заочно мою голову любезному Тургеневу, хотя и безъ сердца: онъ сгоряча не поберегъ меня въ твоемъ мнѣніи; но истина рано или поздно торжествуетъ, какъ говорятъ старожилы здѣшняго свѣта: я стою передъ тобою съ свѣтлымъ взоромъ невинности, а Тургеневъ съ уныніемъ грѣшника и съ раскаяніемъ, какъ надѣюсь, для спасенія его души; ему не учиться покаянію: онъ долго возился съ Духовниками бѣлаго и чернаго цвѣта. Это старая шутка: новыя нейдутъ въ голову отъ зубной боли, которая тревожитъ меня и днемъ и ночью, хотя и не безъ отдыха.

Мнѣ и самому больно, что не дано Указа о пенсіи Владим. Васильевича. При первомъ случаѣ напомню. Государь писалъ изъ нашего Симбирска къ Императрицамъ: хвалитъ мѣстоположеніе, но говоритъ, что песчаные острова Волги непріятны для глазъ. Какъ мнѣ жаль, что братъ Вас. Мих. по своему слабому здоровью не могъ Ему представиться! Государь хотѣлъ его видѣть.

Я смотрю съ умиленіемъ на Графа Хвостова и на Княгиню Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь къ Стихотворству, на другую за такую же любовь ко Двору, ни мало не охлаждаемую преклонными лѣтами. Это рѣдко, и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся, если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе многихъ юныхъ Стихотворцевъ, которыхъ имена вижу въ Журналахъ, и которыхъ *также* не читаю; онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительнымъ на мою душу, чѣмъ-то теплымъ и живымъ. Увижу, услышу, что Графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: «вотъ любовь, достойная таланта!» Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣетъ. Въ этомъ

смыслѣ написалъ я нѣкогда въ Album своей ближней: «желаю тебѣ быть достойною щастія еще болѣе, нежели быть щастливою.» Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о Графѣ Хвостовѣ не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія — къ поэту, а не къ человѣку: ибо онъ самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка?

Все Павловское теперь въ Гатчинѣ, и мы живемъ уединеннѣе. Самый пріятнѣйшій день есть для меня тотъ, въ который бываю дома съ утра до вечера; тогда я на своемъ мѣстѣ. Способность моя къ работѣ вѣрно умаляется; но все еще люблю сидѣть въ кабинетѣ около пяти часовъ, съ перомъ въ рукѣ занимая свой умъ и воображеніе. А тамъ чтеніе, жена, дѣти; а тамъ грусть, которая не оставляетъ меня, но отъ которой я не бѣгаю.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Отъ всего сердца поздравляемъ будущаго милаго Имянинника: дай Богъ тебѣ всего, что входитъ въ составъ земнаго щастія человѣческаго. Еще разъ обнимаю тебя нѣжно.

330.

Царское Село, 21 Окт. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ исполняя твою волю, посылаю тебѣ свой измаранный экз. Маржерета: пусть остается въ твоей библіотекѣ памятникомъ того, какъ я читалъ и маралъ въ своей исторической дѣятельности! Она уже близка къ концу. Списываю вторую главу Шуйскаго; еще гла-

вы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движѐніемъ руки на встрѣчу Потомству, ласковому или спесивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще съ нѣкоторою полнотою духа, живостью сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія! Въ сердцѣ моемъ есть желаніе еще сильнѣйшее: не пережить жены, сохранить дѣтей и друзей. Вотъ мысли, которыя представились мнѣ при отправленіи Маржерета!

Я много разспрашивалъ о тебѣ у любезнаго Тургенева: онъ былъ у насъ и проѣздомъ и нарочно вчера. Пріѣхалъ и Сѣверинъ, но мы еще не видались; мнѣ совѣстно звать его въ такое время, когда лучше сидѣть передъ каминомъ, нежели въ коляскѣ. Мы еще сидимъ, стоимъ и лежимъ въ Царскомъ Селѣ, хотя и не на сквозныхъ вѣтрахъ, какъ ты воображаешь, а въ комнатахъ теплыхъ. Бодро гуляемъ, занимаемся кое-чѣмъ въ день, а ввечеру пріятнымъ семейственнымъ чтеніемъ романовъ: я пла̀чу какъ ребенокъ, и доволенъ. Наталья Яковлевна еще здѣсь, но уже собирается ѣхать въ городъ. Ждемъ Царя послѣ завтра: при первомъ случаѣ напомню ему объ Измайловѣ. Въ Гатчинѣ спектакли, картины etc. Я былъ тамъ только два раза. Не легко ѣздить и за 20 верстъ въ глубокою осень. Не знаю, что дѣлается въ городѣ; слышу только, что Магницкой въ большомъ кредитѣ у Министра Просвѣщенія. Вотъ тебѣ здѣшнія вѣсти. Мужъ, жена и дѣти, всѣ обнимаемъ тебя нѣжно. Будь здоровъ, любезнѣйшій другъ! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

331:

Царское Село, 31 Окт. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Надѣюсь, что ты уже получилъ Маржерета: готовясь отправить его, я замедлилъ писать къ тебѣ.

Государь возвратился къ намъ благополучно, и съ прежнею милостію, пилъ у насъ чай и разсказывалъ много любопытнаго о своемъ путешествіи, о Пензѣ, Симбирскѣ, Оренбургѣ и проч. Одинъ только изъ моихъ братьевъ, Ѳедоръ Мих., имѣлъ щастіе видѣть Его, вылечился отъ подагры, и пишетъ что до конца дней своихъ не забудетъ милостивыхъ словъ, ему сказанныхъ Государемъ.

Я напомнилъ о пенсіи В. В. Измайлова: добрый нашъ Царь отвѣчалъ, что Онъ подписалъ Указъ еще за два или за три дни до отъѣзда. Слѣдственно Дружининъ ошибся, написавъ къ Тургеневу, что нѣтъ Указа ни у Министра Финансовъ, ни въ Кабинетѣ. Снова справлюсь. Даже и самъ Государь обѣщалъ справиться и дать мнѣ знать, откуда назначено получать эту пенсію, 1200 р. 3 Окт. Царь, а 4 Окт. Царица переѣдутъ въ городъ. Думаемъ остаться здѣсь до конца той недѣли, въ совершенномъ уединеніи. Городскія комнаты наши еще не топлены.

Вчера извѣстилъ меня племянникъ Николай Философовъ, что онъ за свое худое поведеніе долженъ быть исключенъ изъ Артил. училища и посланъ на Кавказъ: это поразило меня. Какой ударъ для отца! Я писалъ къ начальнику, и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ и благополученъ Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

332.

Царское Село, 6 Нояб. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Спѣшу сказать тебѣ, что Указъ о пенсіи по какому-то недоразумѣнію дѣйствительно оставался подъ спудомъ; но Государь дозволилъ теперь извѣстить В. В. Измайлова, что ему пожаловано 1200 р. пенсіи изъ *Кабинета:* слѣдственно, можешь сказать ему. Это твое дѣло: для тебя сдѣлано.

Получилъ ли ты моего Маржерета? Я давно отправилъ его къ тебѣ на тяжелой почтѣ. Почта отходитъ. Обнимаю тебя нѣжно. Думаемъ переѣхать въ городъ черезъ 8 дней. Здѣсь мы уже одни. Государь заѣзжалъ къ намъ проститься; однакожь сказалъ, что можетъ еще пить у насъ чай до нашего отъѣзда изъ Царск. Села. Изъ Гатчины также всѣ уѣхали. Дочери Марьи Павловны очень милы. Еще разъ обнимаемъ тебя, милый другъ, всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

333.

Любезнѣйшій другъ!

Вотъ тебѣ живая грамота, А. И. Тургеневъ, и копія съ Указа о В. В. Измайловѣ съ запискою ко мнѣ Графа Аракчеева!

Объ ужасахъ Петербургскихъ скажутъ тебѣ очевидцы. Мы еще въ Царскомъ Селѣ, и я съ флюсомъ. Безпокоюсь о здоровьѣ Императрицъ; боюсь и за Царя, который былъ свидѣтелемъ бѣдствій: это могло подѣйствовать и на Его ногу. Нѣжно обнимаю тебя. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

334.

С. Петерб., 23 Нояб. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Мы здѣсь уже около недѣли и въ безпокойствѣ о здоровьѣ Императрицы Е. А., которая отъ простуды имѣла сильный кашель и жаръ. Ей, слава Богу! получше, но мы все еще не можемъ успокоиться совершенно. Она къ намъ такъ милостива и такъ любезна! И Государыня М. Θ. въ кашлѣ, однакожь безъ жара. Благодѣтельный Царь нашъ думаетъ только объ утѣшеніи нещастныхъ, разоренныхъ наводненіемъ, и не хотѣлъ даже говорить мнѣ о своей ногѣ: я встрѣтился съ Нимъ въ комнатахъ у Императрицы: Онъ сердечно также огорченъ смертію добраго Θ. П. Уварова. Здѣсь все печально или уныло; впрочемъ вижу немногихъ. Всѣ мы были у Натальи Яковлевны: она не очень здорова, но болѣе слаба и въ дурномъ нравѣ отъ своихъ нервъ раздраженныхъ: досадуетъ, когда мы долго у нее не бываемъ, и досадуетъ, когда къ ней пріѣдемъ; но грѣхъ роптать на ея досаду, производимую единственно нездоровьемъ. Все это между нами: ее надобно беречь какъ младенца.

Сердечно жалѣю о тяжкой болѣзни добраго Влад. Вас. Измайлова. Ты получилъ копію Указа о пенсіи? Сдѣлай одолженіе, увѣдомь, собирается ли онъ съ силами.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Катер. Андр. особенно благодаритъ тебя за милое поздравленіе.

Не досчитываюсь только одного изъ твоихъ дружескихъ писемъ. Увѣдомленіе о пребываніи Государя въ Симбирскѣ читала съ удовольствіемъ и Императрица Е. А.

Дай Богъ, чтобы ты, любезнѣйшій другъ, былъ совершенно здоровъ и спокоенъ духомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

335.

С. Петербургъ, 8 Дек. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за дружеское поздравленіе и за присутствіе на дружескомъ обѣдѣ 1 Дек. Меня помнятъ въ Москвѣ, а я помню Москву. Какъ намъ не любить тѣхъ, которые насъ любятъ! Надѣюсь, что ты здоровъ, любезнѣйшій: и мнѣ лучше, но все грустно. Горизонтъ не свѣтелъ. Я сидѣлъ дома дней десять или болѣе, и почти никого не видалъ, кромѣ 6 Дек. Ввечеру набралось у насъ довольно людей, и между прочимъ былъ Графъ Сергѣй Петровичь, съ которымъ и съ Графинею Лаваль проговорили мы часа три о привидѣніяхъ! Въ этотъ же вечеръ узналъ я о незапной смерти умнаго и добраго Мих. Ив. Полѣтики: въ часъ онъ былъ у Натальи Яковлевны, веселъ, любезенъ, совершенно здоровъ; сѣлъ съ своими обѣдать, почувствовалъ дурноту, легъ, захрапѣлъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Грустно оставшимся, но такая смерть хороша и достойна Метафизика: ты знаешь, что Мих. Ив. написалъ метафизическую книгу. Нынѣ я выѣхалъ, обѣдалъ у Императрицы, много слышалъ и говорилъ о покойникѣ, который столько лѣтъ служилъ при Ней: человѣкъ достоинствъ необыкновенныхъ и съ рѣдкимъ у насъ просвѣщеніемъ: для того хотѣлось мнѣ видѣть его Министромъ Просвѣщенія; но Богъ дѣлаетъ по своему, и Его воля, безъ сомнѣнія, лучшая. Il faut de l'ombre à la lumière. — Любезнѣйшей нашей Императрицѣ Елис. Алексѣевнѣ лучше, но кашель все еще не миновался. Я видѣлъ Государя въ великомъ безпокойствѣ и въ скорби трогательной: Онъ любитъ Ее нѣжно. Дай Богъ, чтобы они еще долго пожили вмѣстѣ, въ такой любви сер-

дечной! — Вотъ тебѣ копія съ письма ко мнѣ Государева, полученнаго мною въ Царскомъ Селѣ черезъ два дни послѣ наводненія (надобно знать, что Онъ хотѣлъ тамъ видѣться съ нами 12 Ноября):

«Вы знаете уже о печальныхъ происшествіяхъ 7-го «Ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ «еще болѣе! Мой долгъ быть на мѣстѣ: всякое удаленіе «причту себѣ въ вину. Вамъ не трудно представить себѣ «грусть мою. Воля Божія: намъ остается преклонить главу «предъ Нею.

А.»

« С. Петербургъ,
«Ноября 10,
«1824.»

Это любезное письмо есть историческій памятникъ. Петербургъ никогда не славилъ такъ отеческой попечительности Государя, какъ въ нынѣшнемъ бѣдствіи. Народъ, слушая Панихиду въ Казан. Соборѣ, плакалъ и смотрѣлъ на Царя. — Читаю теперь двѣ любопытныя книги: Mémoires de Fouché и Conversations de Byron; первые кажутся не вымышленными, ни послѣднія, гдѣ Байронъ въ зеркалѣ: какое лице странное! — Прости, любезнѣйшій. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, за милое воспоминаніе и поздравленіе; давно уже къ вамъ не писала по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главная (къ стыду моему), какъ вы можетъ быть догадываетесь, моя несносная лѣнь. Теперь имѣю

нѣчто вамъ сказать о нашей общей пріятельницѣ, бѣдной Натальѣ Яковлевнѣ. Она поручила мнѣ васъ очень благодарить за ваше дружеское письмо, но между тѣмъ вы привели ее въ недоумѣнье, упомянувъ *о воображеніи* (слово для нея антипатичное). «Почему, говоритъ она, знаетъ И. И., что я *воображала* наводненіе, когда никто болѣе моего не былъ *очевидцемъ* онаго? находясь во Дворцѣ, я была окружена водою и не могла не видать ее.»—И на насъ также падаетъ часть гнѣва ея отъ мысли, что мы вамъ натолковали о ея *воображеніи*. Пожалуста, впредь въ письмахъ своихъ никогда не упоминайте этого несчастнаго слова, а изъявляйте ей то нѣжное сожалѣнье, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ ей отказать нельзя въ ея грустномъ положеніи физическомъ и душевномъ. — Она говоритъ, что сама писать къ вамъ не имѣетъ довольно силъ. Прощайте, будте всегда добры и любите вамъ преданную

К. Карамзину.

Никому изъ знакомыхъ Н. Я. не говорите о моихъ замѣчаніяхъ, чтобы не было какихъ сплетней.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Письмо такъ исписано, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что я едва могу найти мѣсто изъявить вамъ благодарность мою за ваше воспоминаніе, столь мнѣ драгоцѣнное, и увѣрить васъ въ чувствахъ любви и почтенія преданной вамъ

Катерины Карамзиной.

336.

С. Петербургъ, 30 Дек. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Всѣмъ семействомъ и отъ всего сердца поздравляемъ тебя съ наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ здѣшняго свѣта, начиная съ здоровья и спокойствія души! Желаю даже, чтобы и злая моль оставила въ покоѣ твои мундиры — и при первомъ случаѣ изъяснюсь о мундирѣ Министра Юстиціи. Не попросить ли и мнѣ Исторіографскаго, синяго съ синимъ бархатнымъ воротникомъ? Шитыхъ не люблю, а нынѣшніе Дворянскіе какъ-то пестры и нескладны.

Мы, слава Богу! почти всѣ здоровы. Любезнѣйшая наша Императрица Е. А. оправляется. Я видѣлъ Ее 26 Дек., не видавъ долго: очень похудѣла и еще не скоро можетъ выѣхать.

Вода дней пять была смирна, а въ прошедшую ночь опять зашевелилась. Морозы съ нами раззнакомились; а Русскому худо безъ нихъ.

Читалъ ли ты рѣчи Министра Просвѣщенія? Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли Министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: то есть, увѣренъ въ милости Божіей.

Любезнѣйшій нашъ Царь, послѣ всѣхъ Его тревогъ сердечныхъ, теперь отдыхаетъ и работаетъ въ Царскомъ Селѣ; завтра или нынѣ возвратится, и надѣемся видѣть Его въ Новый годъ.

Всѣ мы обнимаемъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ! Богъ съ тобою и съ нами! Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Графъ Сергѣй Петровичь тебя нѣжно любитъ, какъ и всегда любилъ, и хочетъ къ тебѣ писать.

337.

С. Петербургъ, 21 Генв. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Послѣднее дружеское письмо твое заставило меня отъ добраго сердца смѣяться выпискою изъ Таліи и Московскихъ газетъ, о мракѣ освѣщающемъ и знаменитыхъ жеребцахъ. Мнѣ кто-то сказывалъ, что Авторъ мрака по какимъ-то связямъ имѣетъ нынѣ вліяніе на просвѣщеніе, и слѣдственно можетъ быть ославленъ знаменитымъ вмѣстѣ съ жеребцами.

Третій мѣсяцъ недомогаю и худѣю, хотя отъ времени до времени и выѣзжаю обѣдать къ Императрицѣ съ добрыми Великими Княгинями, но уклоняюсь отъ собраній. Всего лучше для меня сидѣть дома и читать, пока служатъ глаза. Думаю еще болѣе посвятить себя уединенію, если Богъ дастъ мнѣ совершить историческій трудъ свой, т. е. дописать 12-й томъ и напечатать.

Мы теперь грустны отъ горести нашихъ Вяземскихъ, которые погребли своего Николеньку. Вмѣсто насъ плакалъ съ ними любезной Тургеневъ.

Катерина Андр. пригласила одного умнаго Священника наставлять Андрюшу и Сашу въ религіи: не можешь вооб-

разить, какіе вопросы они ему дѣлаютъ о томъ, что дѣлалъ Богъ прежде Творенія — о Христѣ, и проч. Надобно удерживать ихъ любопытство отвѣтами: *это непостижимо*. Они молчатъ, думая, можетъ быть: «что же вы намъ изъясняете?» — Къ сожалѣнію, мы должны были сослать своего Нѣмца, который безпрестанно злился на дѣтей и вздумалъ было драться съ ними. Воспитаніе хлопотно.

Я получилъ любезное письмо отъ Графа Каподистріа. Онъ все въ Женевѣ, читаетъ, гуляетъ и насъ не забываетъ.

Жена и дѣти вмѣстѣ со мною обнимаютъ тебя нѣжно, любезнѣйшій другъ. Будь здоровъ и спокоенъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Милая Императрица Е. А. все еще кашляетъ и не выходитъ изъ своихъ комнатъ. Государь ѣздитъ въ Царское Село; возвратился нынѣ поутру. Ввечеру Спектакль въ Эрмитажѣ.

338.

С. Петербургъ, 18 Февр. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю тебя за милое письмо, писанное въ Чистый Понедѣльникъ. Если ты не гулялъ на Масленицѣ, то я еще менѣе, будучи не совсѣмъ здоровъ и домосѣдъ, отъ лѣтъ и характера. Жена и дочь ѣздили во Дворецъ и въ другія мѣста, а я читалъ дома. Мы искренно огорчились смертію доброй Анны Гавриловны, любивъ ее сердечно. Что мужъ и дѣти? Имъ не до насъ; иначе я написалъ бы къ Николаю Евген. о нашемъ живѣйшемъ участіи. Власовъ, говорятъ, наслаждался жизнію, но прожилъ имѣніе жены.

Кончи свои Записки, сдѣлай опись своему имѣнію, сочини и духовную, но живи еще долго, къ моему утѣшенію, пока я живъ, и къ удовольствію всѣхъ, которые тебя уважаютъ и любятъ. Слава Богу, душа твоя еще цѣла и свѣжа; можешь не только жить, но и благоденствовать съ умѣренностію Философа. И я говорю съ глубокимъ чувствомъ: «дай Богъ еще намъ увидѣться!» и нѣжно тебя обнимаю.

Уже бесѣдуемъ по старому съ А. И. Тургеневымъ за чайнымъ столикомъ. Убѣждаю его пока остаться въ службѣ. Ничто не гонитъ и не тѣснитъ. Свобода можетъ обратиться въ скуку.

Будучи и моложе, я не хотѣлъ сражаться съ нашими Литтературными забіяками. Пусть ихъ единоборствуютъ! Ты говоришь о нападкахъ Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится къ дѣлу, какъ мнѣ сказывали: Магницкій etc. etc. вступаются будто бы за Іоанна Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю: есть Богъ и Царь! Безпокойство мое было бы виною передъ Государемъ: Онъ долженъ меня знать; а я знаю то, что люблю Его душевно. Въ Четвергъ на первой недѣлѣ Поста я имѣлъ щастіе съ Нимъ бесѣдовать и пить чай. — Если моя такъ называемая слава есть мыльный пузырь, то Богъ съ нею. Желаю не сердиться и, кажется, едва ли сержусь. — Всѣмъ семействомъ обнимаемъ друга. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Не льзя ли, милый другъ, сообщить мнѣ еще чего нибудь изъ твоихъ Записокъ?

339.

С. Петербургъ, 20 Февр. 1825.

Вчера я писалъ къ тебѣ черезъ почту; теперь пишу съ добродушнымъ С. Н. Глинкою. Министръ сдѣлалъ для него все, чего онъ желалъ; а я сверхъ того письменно просилъ его исходатайствовать ему хотя небольшую пенсію: М. обѣщалъ доложить о моемъ ходатайствѣ. Успѣхъ зависитъ не отъ меня.

Обнимаю тебя нѣжно. Дай Богъ тебѣ здоровья и спокойствія! Повторяю убѣдительную просьбу доставить мнѣ еще нѣсколько листочковъ изъ твоихъ любезныхъ Записокъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

340.

С. Петербургъ, 19 Марта 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Мы много бесѣдовали и все еще бесѣдуемъ о тебѣ съ А. И. Тургеневымъ, съ которымъ видимся по старому, но долго ли будемъ видѣться? Ему хочется ѣхать къ брату въ Германію, въ Карлсбадъ или въ другое мѣсто, гдѣ онъ будетъ пить воды. У насъ не много добрыхъ сердечныхъ пріятелей: тѣмъ болѣе жаль ихъ. Сѣверинъ женится на баронессѣ Мольтке: слѣдственно и съ нимъ почти разстаемся. Дашковъ рѣдокъ; Блудова нѣтъ. Если будемъ живы, то можемъ остаться въ совершенномъ уединеніи, когда Дворъ уѣдетъ къ вамъ въ Москву осенью; это еще не рѣшено, но вѣроятно. Переѣзжать съ семействомъ невозможно; если поѣдемъ въ Москву, то уже навсегда. Мнѣ хотѣлось бы

здѣсь кончить свой трудъ; а послѣ да будетъ воля Божія! — Жалѣю о Лавалѣ. Отецъ и мать грустятъ. — Я не былъ у Евгенія; вѣроятно и не буду, отъ лѣни. Высоко цѣню дружбу и сердечную пріязнь, а знакомства уже не прельщаютъ меня.

Отъ глубины сердца поблагодарили мы Бога за выздоровленіе милаго Князя Петра Андреевича. Будемъ ждать его здѣсь или въ Царскомъ Селѣ, чтобы потолковать о службѣ: итти ли ему въ нее, гдѣ и какъ? Хотѣлось бы мнѣ, любезнѣйшій другъ, знать твое объ этомъ мнѣніе.

Не забудь же прислать мнѣ еще что нибудь изъ твоихъ Записокъ; для меня все въ нихъ интересно.

Въ прошедшее Воскресенье, отъ 9-го до 12-го часа вечера, былъ у насъ Августѣйшій Гость, бесѣдовалъ любезно и пилъ чай, съ хозяйкою и хозяиномъ. Въ чистой любви нашей къ Нему есть что-то и меланхолическое: можетъ быть отъ того, что я во всемъ меланхоликъ.

Я кончилъ третью главу Шуйскаго, а его еще не скоро кончу. Хотѣлось бы спѣшишь: для того не пишу и примѣчаній, чтобы скорѣе управиться съ текстомъ.

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

341.

Любезнѣйшій другъ!

Христосъ воскресе! Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ, поздравляя съ Свѣтлымъ праздникомъ. Я не веселъ отъ нездоровья моей жены: сверхъ обыкновенной одышки, она сильно простудилась, кашляетъ и безпокойно проводитъ ночи. Ея здоровье мнѣ во сто разъ дороже мо-

его. — Царю пожелалъ я щастливаго пути въ первый день праздника: нога Его все еще тревожитъ насъ, и путешествіе въ такое время! Онъ въ Царскомъ Селѣ и завтра выѣдетъ оттуда въ Варшаву. Императрица М. Ѳ. вмѣсто краснаго яйца пожаловала мнѣ перстень съ своимъ *портретомъ.* — За тайну скажу тебѣ, что здѣсь женихъ Е.....овъ имѣетъ худую славу: не уже ли нашъ другъ Сергѣй Сергѣевичъ безъ дальнихъ справокъ согласился выдать за него дочь? Кажется, что онъ (Е.....овъ) и не орелъ умомъ; его тонъ и разговоръ не плѣнительны. Изъясни мнѣ, любезнѣйшій, что это за свадьба? Можетъ ли быть щастлива? Но если дѣло рѣшено, то ради Бога *ни слова* ни Сергѣю Сергѣевичу, ни роднымъ. Еще разъ обнимаю тебя за себя и за нездоровую жену. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ, 3 Апр. 1825.

Наталья Яковл., слава Богу! почти весела.

Да сохранитъ Богъ твое зрѣніе! Надѣюсь, что оно никогда не ослабѣетъ совершенно; и мое слабѣетъ: но авось станетъ его по мой вѣкъ.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Съ какимъ живымъ удовольствіемъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, я прочла поздравительныя строки ваши, приписанныя къ намъ въ Папенькиномъ письмѣ, какъ знакъ любезнаго воспоминанія: примите и мои поздравленія, изъявленіе моей благодарности и вѣрьте чувствамъ моей искренней къ вамъ преданности и почтенія:

Катерина Карамзина.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Примите и мое поздравленіе, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, и мою благодарность за *особенный* поклонъ, который нѣсколько изъ пріѣзжихъ Московскихъ привозили мнѣ отъ васъ. Я всегда принимаю его, не только какъ очень пріятное *отличіе*, но и какъ справедливое награжденіе за *особенное* (а въ нашемъ семействѣ это слово имѣетъ большую силу въ отношеніи къ вамъ), нѣжное чувство почтенія и любви, съ которыми всегда пребуду

вамъ преданная

Софья Карамзина.

342.

С. Петербургъ, 17 Апр. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Спѣшу сказать тебѣ, что ты доставилъ мнѣ письмо Мих. Петр. Погодина, но *безъ Диссертаціи:* слѣдственно не могу еще благодарить его, не видавъ, что имъ написано.

Заключеніе твоихъ Записокъ меня тронуло. Какъ бы хотѣлось все читать!

Нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Буду писать послѣ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

343.

С.-Петербургъ, 27 Апр. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ розысканіяхъ.

Разрывъ свадьбы имѣетъ и печальную сторону, доказывая излишнюю поспѣшность милыхъ намъ родителей въ случаѣ столь важномъ: прежде, прежде надлежало бы узнать человѣка. Но такъ было угодно Богу. Увѣдомь, любезнѣйшій другъ, какъ принялъ это бывшій женихъ. Здѣшніе родные очень довольны, какъ слышу: Пашкова, Лаваль etc. Доволенъ и Н. И. Огаревъ, зная молодаго человѣка. Сужденіе другихъ до меня не доходило.

Надѣюсь, что глазамъ твоимъ лучше, но желаю узнать это отъ тебя. Мои нервы въ сильномъ трепетаніи, и часто нѣмѣетъ или слабѣетъ правая рука. Собираемся въ Царское Село: авось тамъ хотя не много поправлюсь! Къ нещастью, очень тревожусь безпорядкомъ въ нашемъ имѣніи: крестьяне не платятъ оброка, и сосѣдъ, которому я поручилъ надзоръ, еще умножаетъ зло, если не съ худымъ намѣреніемъ, то отъ глупости. Страшусь мысли ѣхать туда! Между тѣмъ капиталъ нашъ исчезаетъ: мы уже прожили изъ него 150 тысячь; остается третья доля съ небольшимъ. Думаю просить здѣсь человѣка военнаго, чтобы послать его туда и образумить крестьянъ, если можно; но это быть можетъ не прежде возвращенія Государева. Въ концѣ жизни такія заботы тяжелы. Полно говорить о непріятностяхъ.

Греки опять стоятъ на картѣ: скоро узнаемъ, быть имъ или не быть. Видишь, что я все еще занимаюсь Политикою!

Но всего болѣе занимаюсь любовію и дружбою. Тѣмъ нѣжнѣе обнимаю тебя именемъ всего нашего семейства. Будь здоровъ, любезнѣйшій. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

344.

NB. Извини, что отъ недосмотрѣнія писано на четверткѣ.

Царское Село, 3 Іюня 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Давно не имѣю отъ тебя писемъ; кажется, ты не отвѣчалъ на мое послѣднее.

Я уже недѣли три плохъ здоровьемъ, не смотря на прекрасное лѣтнее время и на благоуханіе вездѣ цвѣтущей синели; теряю много крови и худѣю. Однакожь брожу какъ здоровый; только не ѣзжу въ Павловское, отъ частыхъ схватокъ въ животѣ, съ которыми лучше сидѣть дома или, по крайней мѣрѣ, не удаляться отъ дому. Одышка Катерины Андр. тревожитъ меня еще болѣе, нежели мое худое здоровье. Перемѣнимъ разговоръ.

Графъ Воронцовъ давалъ мнѣ читать письма Безбородки къ Гр. Александру Романовичу о временахъ Екатерины и Павла: онъ былъ хорошій Министръ, если и не великой; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ Государственный, ревность, знаніе Россіи — то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: «нѣтъ совершеннаго!» — Тутъ есть кое-что о Марковѣ, Мятлевѣ, Державинѣ. Вообще любопытно.

Къ исторіи нашего времени принадлежитъ то, что Министръ Финансовъ предписалъ Нижегородскому Губернатору взыскать съ нашего имѣнія съ чѣмъ-то 8000 р. за какой-то долгъ Князя Андрея Ивановича Банкиру Сутерланду, не признанный покойнымъ Княземъ въ 1796 г., и съ того времени оставленный безъ взысканія. Ревностный

Губернаторъ, мой благопріятель, тотчасъ взыскиваетъ и волнуетъ крестьянъ, повторяя сказанное Министромъ, что наше имѣніе находится подъ запрещеніемъ по сему мнимому долгу — а запрещенія не бывало! Спрашиваю у Министра: онъ ничего не знаетъ и велитъ мнѣ спросить у Вронченка. Спрашиваю у Вронченка: онъ даетъ мнѣ слово справиться, также не зная. Между тѣмъ угрожаюсь немилостію Канкрина: ибо ему сказали, что я говорю съ неудовольствіемъ о такой *восточной* расправѣ! Сколько нажилъ я здѣсь друзей! Искалъ я здѣсь дружества Россіи, и найду, можетъ быть, въ сырой землѣ. — Нѣжно, нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ, другъ любезнѣйшій, старый и не Петербургскій! Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

345.

Царское Село, 9 Іюля 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Молчаніе твое тревожитъ меня. Слышу, что ты уѣхалъ въ нашъ родимый край; но какъ же могъ не сказать мнѣ о томъ ни слова? На послѣднее мое письмо не было отвѣта: можетъ быть, оно уже не застало тебя. Дай Богъ, чтобы ты благополучно возвратился, и съ пріятными чувствами. Мѣста всѣ тѣ же, но мы смотримъ на все уже другими глазами. Любезный Симбирскъ, Волга, Свіяга! мнѣ уже, вѣроятно, не видать васъ: признаюсь, и не желаю видѣть! Voyage qui voudra! — Я все хилѣю, ѣзжу верхомъ, обливаюсь холодною водою, ѣмъ мало, но все не къ лучшему; не могу и работать съ успѣхомъ, высиживая въ кабинетѣ не страницы написанныя, а головную боль. Вотъ расплата за Авторское

ремесло! Немощь тѣлесная есть и душевная. Думаю все кинуть на время, вмѣсто лекарства, по крайней мѣрѣ въ угодность милой женѣ, которая сама не здорова, а безпокоится только обо мнѣ. Не смотря на мою душевную привязанность къ Императрицѣ М. Ѳ., я въ два мѣсяца былъ у Нее только три раза въ Павловскомъ. Здѣсь черезъ два дни будутъ пышныя крестины; но я, вѣроятно, не рѣшусь надѣть мундира широкаго, хотя еще и новаго. А читаю все еще съ удовольствіемъ — и романы! Ценсура, думаю, не запретитъ новаго Вальтеръ-Скотова романа, котораго ожидаемъ. Будь здоровъ, любезнѣйшій. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Мнѣ сказывали, что Министръ Просвѣщенія написалъ грозное письмо къ Магницкому за всѣ его доносы неосновательные.

346.

Царское Село, 10 Іюля 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно радуюсь твоему благополучному возвращенію. Въ самомъ дѣлѣ ты еще молодецъ: не ѣздишь, а летаешь. Подробности твоего путешествія прелестны, отъ новаго домика до стерляди подъ благоуханіемъ розъ и ясминовъ. Надѣюсь, что Богъ дастъ тебѣ еще погулять въ саду, тобою расположенномъ, вмѣстѣ съ твоими внуками. Ты исполнилъ долгъ хозяина и господина. Наслаждайся теперь пріятнымъ воспоминаніемъ.

Сѣверинъ блаженствуетъ: дай Богъ, чтобы и всегда блаженствовалъ! Онъ всегда былъ нашимъ добрымъ пріятелемъ. Князь Петръ отправился въ Ревель купаться. Я на-

шелъ въ немъ новую любезность и старую нерѣшительность, хочетъ и не хочетъ службы. И я не знаю, какую избрать ему лучше. Жаль, что не могу посовѣтоваться съ тобою: на письмѣ трудно. Однакожь сдѣлай одолженіе, скажи свою мысль. Быть ли за Оберъ-Прокурорскимъ Столомъ въ надеждѣ на Оберъ-Прокурорство, или ѣхать въ Германію или въ Италію къ какому нибудь Посольству съ жалованьемъ пяти тысячь руб. бумажками, или что другое? Это рѣшится между намм по его возвращеніи изъ Ревеля; а послѣ какъ будетъ угодно Государю, расположенному къ нему не весьма хорошо, какъ тебѣ извѣстно. — Съ Тургеневымъ мы простились въ слезахъ, и можетъ быть навсегда. Онъ былъ здѣсь нашимъ нѣжнѣйшимъ другомъ, истиннымъ роднымъ. Безъ него сиротствуемъ. Когда возвратится, неизвѣстно. Пріятно ли ему оставаться товарищемъ Свиньина и Львова? Нынѣ я уже не говорилъ объ немъ ни слова. — Пока прости, любезнѣйшій другъ. Я писалъ къ тебѣ вчера. Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, два дни сряду. Твой навѣки

Н. Карамзинъ.

347.

Царское Село, 31 Іюля 1825.

Любезнѣйшій другъ!

И я, домосѣдъ, путешествовалъ; даже и плавалъ! ѣздилъ смотрѣть военныя поселенія для себя, а въ Петергофъ для дочерей — но все плохъ здоровьемъ. Зная милостивое расположеніе ко мнѣ Государя, Графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ за восемъ лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но *Русской*

Путешественникъ уже старъ и лѣнивъ на описанія. Петергофскій праздникъ былъ великолѣпенъ, и на немъ 150 тыс. людей. Знаешь ли ты Англ. садъ въ Петергофѣ? Я видѣлъ его въ первый разъ: это прелестный Паркъ. Деревья рѣдкія для здѣшняго климата.

В. К. Анна Павловна уѣхала. Марья Павл. ѣдетъ завтра. О путешествіи въ Москву не говорятъ ни слова; но думаю, что заговорятъ скоро. Медики совѣтуютъ Императрицѣ Ел. Алекс. провести зиму въ юго-западныхъ провинціяхъ Россіи.

Твое таинственное безпокойство безпокоитъ меня. Не могу угадать. Вѣроятно, домашнее? По крайней мѣрѣ, скажи, миновалось ли? чего сердечно желаю. Слѣдственно, и свободная, независимая жизнь имѣетъ свои тревоги! Ты мастеръ жить; но сердца человѣческаго или вышняго устава не перемѣнишь.

Любезное твое *Симбирское* письмо дошло до меня: я посидѣлъ съ тобою мысленно на балконѣ и посмотрѣлъ на отрывокъ Уральскихъ горъ, хотя и не знаю, какъ ты притянулъ ихъ къ Сызрану; но вѣрю твоимъ географическимъ свѣдѣніямъ болѣе, нежели своимъ. Какъ я смѣялся дѣйствію стиховъ Жуковскаго! И онъ смѣялся, слагая съ себя вину на Гете.

Министерство Финансовъ, уличенное въ ошибкѣ, кинется теперь съ своимъ искомъ на Князя Петра Андреевича; но думаю хлопотать и за него. Черезъ 25 лѣтъ молчанія, и безъ суда, нѣтъ законнаго иска. Министръ Финансовъ сказалъ мнѣ въ Петергофѣ, что я бранилъ его. Жалоба не брань, отвѣчалъ я, и мы еще не дошли до Христіанскаго терпѣнія. — Мысли твои о службѣ для Князя П. А. весьма основательны.... Куда ни кинь, такъ клинъ. Онъ уменъ, любезенъ, но не знаетъ, что дѣлать въ свѣтѣ, и скучаетъ; гордъ

и не рѣшителенъ: а я не имѣю духа за него рѣшиться. Ждемъ его возвращенія изъ Ревеля.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно. Дѣлаю, что мнѣ совѣтуешь: кое-какъ пишу. Будь здоровъ и спокоенъ, любезнѣйшій другъ! Твой

Н. Карамзинъ.

348.

Царское Село, 2 Сент. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Я давно не писалъ къ тебѣ отъ своего худаго здоровья, которое сильно дѣйствуетъ и на душу: грустно, мрачно, холодно въ сердцѣ, и не хочется взять пера. Тѣмъ не менѣе я всякой день о тебѣ думалъ и думаю, говорилъ и говорю. Князь Петръ Андреевичь съ нами, и пробудетъ еще дней 10, какъ надѣюсь. Государь вчера уѣхалъ, а завтра ѣдетъ Имп. Елис. Алекс. въ Таганрокъ, чтобы провести тамъ зиму, менѣе здѣшней холодную. Ея здоровье слабо. Любезный Царь на прощанье далъ вензель Катенькѣ. Думаетъ возвратиться къ Генварю. Мы разстались не безъ чувства. Привязанность моя къ Нему сердечная и вѣчная. Съ грустью иду къ Императрицѣ, чтобы проститься съ Нею: можетъ быть, навѣки! Она не здорова и я также; а въ 8 мѣсяцевъ много утечетъ воды! Гасну или та́ю, а люблю. Часто глаза наполняются слезами, когда смотрю на милыхъ, думая единственно объ нихъ, не о себѣ. Вопреки Гельвецію, любовь безкорыстна.

Здѣсь останемся одни; но желаю не выѣзжать изъ Царскаго Села до Ноября. Не знаешь ли, любезнѣйшій, чего

нибудь о братѣ Александрѣ Михайловичѣ? По довѣренности, я занялъ для него 25 т. руб. и всякой день жду его пріѣзда; онъ не ѣдетъ, а деньги лежатъ здѣсь праздно съ немалымъ для него убыткомъ.

Нѣжно, нѣжно обнимаемъ тебя всѣмъ семействомъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Выходитъ ли моя внучка, вторая дочь Сергѣя Сергѣевича, за Бибикова? Мнѣ сказывали, что она также Фрейлина.

(Приписка рукою Князя П. А. Вяземскаго:)

Поздравляю Ваше Высокопревосходительство съ нашею и Вашею Фрейлиною. Слава Богу, я уже на обратномъ пути и сердце бьется по Москвѣ, которую надѣюсь увидѣть къ 17-му числу. Желая доказать, что я путешествовалъ не безъ пользы и возвращусь не съ пустыми руками, имѣю честь препроводить къ Вамъ надпись, найденную мною подъ портретомъ Г. Хвостова, въ Хотиловскомъ трактирѣ; портретъ подаренъ трактирщицѣ Его Сіятельствомъ:

Желалъ-бы Графъ я Вашъ портретъ иметь,
Исполните мое преискреннѣ желанье,
Клянусь Вамъ всемъ, какъ умереть,
Сочту большимъ я ето воздаянье.

Я набожно слѣдовалъ правописанію подлинника. Стихи написаны чернилами по стеклу. Подпись означена буквою П. или И., но въ точности я разобрать не могъ. Я снялъ портретъ со стѣны для списанія стиховъ и оставилъ его на сто-

лѣ; хозяйка, принужденная повѣсить его опять на мѣсто, сказала при семъ: «охъ! какой же неугомонный этотъ графъ! Всѣ проѣзжающіе снимаютъ его!»

Примите, Милостивый Государь, сію бѣдную дань и пріобщите ее къ богатымъ матеріаламъ, собираемымъ Вами въ *Музеумѣ Хвостовскомъ*. О здѣшнемъ литературномъ или литераторскомъ мірѣ сказать ничего не могу, да и нечего. Я почти никого не вижу изъ пишущей братіи. Пушкинъ въ своей Псковской ссылкѣ готовитъ трагедію Борисъ Годуновъ, а здѣсь печатаются, или готовятся печатать его мелкія стихотворенія. Вотъ наши надежды въ засѣвѣ; а о бѣдности насущной жатвы свидѣтельствуютъ Вамъ наши журналы, жертвы засухи и саранчи Булгарской.

Я былъ у нашего Сѣверина, который блаженствуетъ на розахъ Любви и Гименея; жена его очень мила, домъ у нихъ красивый, и домашній бытъ очень хорошо устроенъ. Они еще не знаютъ, будутъ ли въ Москву, потому что ожидаютъ молодаго Мольтке.

Примите Ваше Высокопревосходительство увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и сердечной преданности.

Вяземскій.

Педагога Жуковскаго, добраго, милаго по прежнему, вижу часто; но поэтъ Жуковскій, кажется, спитъ до поры и до времени.

349.

Царское Село, Сент. 24, 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Отъ всего сердца поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ имянинъ твоихъ: 26 Сент. всѣ Карамзины, старые и малые, будутъ пить здоровье ихъ отсутствующаго друга и многолѣтствовать его громогласно.

Становлюсь, кажется, поздоровѣе; пью или глотаю уголь вмѣсто лекарства и снова ѣзжу верхомъ передъ обѣдомъ. Живемъ въ глубокомъ уединеніи. Императрица въ Гатчинѣ, куда думаемъ съѣздить, если мнѣ не будетъ хуже. Сопутствуемъ Другой душею и сердцемъ. Вѣсти объ Ней съ дороги были и такъ и сякъ. Теперь Она должна быть уже въ Таганрокѣ. Здѣсь нѣкоторые думаютъ, что нашъ Царь возвратится прежде Декабря. Важный Государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ, какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ не много. Министры стары и дряхлы, кромѣ Финансовъ и Морскаго. Больше лицъ, нежели головъ; а душъ еще менѣе. Впрочемъ это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю, а не дивлюсь. На сей разъ едва ли не всего хуже то, что крестьяне худо платятъ оброкъ господамъ, которые переводятъ духъ займомъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, но что же послѣ? Богъ милостивъ, и дѣйствительно милостивъ: этою мыслію успокоиваю себя во всякой безпокойной мысли.

Братъ Александръ Михайловичь явился, посѣдѣвъ и потолстѣвъ въ деревнѣ, и нашелъ меня также посѣдѣвшаго, но похудѣвшаго. Онъ не можетъ нахвалиться своимъ Орен-

бургскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Каковъ-то будетъ нашъ Бахметевъ!

Вмѣстѣ съ тобою жалѣю, что *будущій* нашъ женихъ не съ двумя руками: по крайней мѣрѣ всѣ его хвалятъ. Дай Богъ щастья той и другой невѣстѣ!

Надѣюсь, что ты часто видишь нашего милаго, умнаго князя Петра Андреевича. Онъ здѣсь мелькнулъ. — Прости, любезнѣйшій другъ — до свиданія, какъ ты говоришь обыкновенно, или до новаго письма, какъ справедливѣе.

Нѣжно обнимаю тебя.... А твоя загадка остается неразгаданною? Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь; мы будемъ пить ваше здоровье за семейнымъ обѣдомъ; когда придетъ то счастливое время, въ которое намъ можно будетъ постучаться рюмками съ любезнымъ имянинникомъ? — Но въ разлукѣ, какъ и вмѣстѣ, мнѣ не нужно увѣрять васъ, что вы всегда найдете нѣжнѣйшее, сердечное чувство любви въ семействѣ нашемъ, и въ этомъ чувствѣ конечно никому не уступаетъ душевно вамъ преданная

К. Карамзина.

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Примите и мое сердечное поздравленіе, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, вмѣстѣ съ искренними желаніями о вашемъ здоровьи и благоденствіи: всегда хочется прибавить о скоромъ свиданіи, но какъ тщетное желаніе, не всегда изъявляю его. Позвольте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, сказать еще слово о моей благодарности за вашу любезную

поздравительную приписку, и о моемъ сожалѣніи быть въ невозможности исполнить вашу волю на счетъ Папенькинаго портрета: я давно уже не занимаюсь этимъ родомъ рисованія; могла бы только намарать урода подъ его именемъ, а ваше дружеское кокетство конечно бы не позволило вамъ сохранить такой монументъ клеветы на Папенькины черты и неспособности его дочери. Надѣюсь, что моя логика убѣдитъ васъ въ томъ, что не отъ недостатка доброй воли, а отъ совершенной невозможности я лишаю себя удовольствія сдѣлать вамъ пріятное: надѣюсь также, что вы примете, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, увѣреніе въ чувствахъ моей къ вамъ любви и преданности.

К. Карамзина.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Я также хочу непремѣнно сама поздравить васъ, хотя мнѣ еще и запрещено писать послѣ нещастнаго *отравленія.* Примите же и мои сердечныя желанія и мое увѣренье въ чувствахъ нѣжной, душевной, почтительной преданности.

Софья Карамзина.

350.

Царское Село, 22 Окт. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Въ отвѣтъ на милое письмо твое скажу, что о вкусахъ, по старому Латинскому изрѣченію, не спорятъ: я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою, уединенною жизнію, когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги. Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, не туманнаго озе-

ра, славимаго и въ Convesations d'Emilie; въ 11-мъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ и душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: трясусь, качаюсь— и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю вдали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ и не рѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы не-русскіе, книгу не-русскую; въ 9 часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ десяти до половины двѣнадцатаго читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами Вальтеръ-Скота, романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки. Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. Радъ жить такъ до конца жизни. Вотъ слѣдствіе, вѣроятно, лучшаго здоровья; не знаю, продолжится ли, но такъ теперь. Что мнѣ городъ? Однакожь думаемъ недѣли черезъ три перебраться туда: наши дѣвицы не моего вкуса, и Сонюшка въ флюсѣ, обвиняя въ томъ наши Китайскіе домики, хотя и не сырые, не холодные. Я такъ неподвиженъ, что былъ только однажды въ Гатчинѣ, не смотря на мою сердечную любовь къ Императрицѣ. Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ Небу за свое Историческое дѣло? Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. Однимъ словомъ, я совершенный Графъ Хвостовъ по жару къ Музамъ или Музѣ! За неимѣніемъ читателей могу читать себя и бормотать сердцу, гдѣ и что хорошо. Мнѣ остается про-

сить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты,

«Какъ лебедь на водахъ Меандра,
«Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда.»

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству. — Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія.

Теперь обратимся къ Парижу, гдѣ нашъ Тургеневъ, одѣтый лучшимъ портнымъ, питаемый лучшимъ Ресторатёромъ, наслаждается жизнію, не забывая Русскихъ друзей; въ доказательство чего прислалъ женѣ и дочерямъ моимъ цвѣты, эшарпы etc. Безъ него Петербургъ для насъ опустѣлъ: развѣ Блудовъ отъ времени до времени будетъ къ намъ заглядывать, Жуковскій, Графъ Сергѣй Петровичь — или Хвостовъ!

Радуюсь вашимъ свадьбамъ. Новобрачный Бекетовъ не сынъ ли Аполлона Ник.? — Видишь ли иногда А. Ѳ. Малиновскаго? Давно ничего объ немъ не слышу. — Братъ Александръ Мих. хлопочетъ здѣсь о займѣ денегъ и сыновьяхъ: къ искреннему сожалѣнію, съ нимъ почти не вижусь; и ему и мнѣ ѣздить не легко по грязи 25 верстъ.

Прости, любезнѣйшій другъ, до перваго письма или мысленнаго свиданія. Будь здоровъ. Все мое семейство обнимаетъ тебя нѣжно. Жена и дѣвицы благодарятъ за милыя строки.

Ты уже совершенно кончилъ *Записки?* Прочитываешь ли, добавляешь ли? Сколько въ нихъ листовъ? Я привыкъ исчислять листы. — Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Кто былъ вашъ Докторъ Т*, *угле*любивый? Уголь точно не даромъ чернитъ мнѣ ротъ.

351.

С. Петербургъ, 1 Дек. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Мы не имѣли времени приготовиться къ удару: изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, если бы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: Его Мать добродѣтельная, Братъ, Великія Княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ Нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Союзъ печали имѣетъ свою сладость. Объ Императрицѣ Елисаветѣ едва смѣю думать: она кажется мнѣ какимъ-то лучезарнымъ Ангеломъ въ состояніи неизъяснимомъ. Сердце рвется къ Ней. Я мужъ, отецъ и не надеженъ здоровьемъ: не могу рѣшиться. Впрочемъ кому быть утѣшителемъ Ея, кромѣ Бога? Что для Нее теперь жизнь и пріязнь, самая искреннѣйшая? Пишу къ тебѣ единственно для того, чтобы прижать тебя къ сердцу въ горести глубокой. Я неравнодушенъ къ судьбѣ Россіи; но теперь сердце занимается только жалостію, что не стало того, кого мы любили!—Будь здоровъ, милый другъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

Петербургъ удивительно тихъ. — Всѣ мои обнимаютъ тебя нѣжно.

352.

С. Петербургъ, 19 Дек. 1825.

Любезнѣйшій другъ!

Мы здоровы послѣ здѣшней тревоги 14 Дек. Я былъ во Дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ. Новый Императоръ оказалъ неустрашимость и твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ Полярною Звѣздою, Бестужевымъ, Рылѣевымъ и достойными ихъ клевретами. Милая жена моя нездоровая прискакала къ намъ во дворецъ около семи часовъ вечера. Я, мирный Исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было инаго способа прекратить мятежа. Ни крестъ, ни Митрополитъ не дѣйствовали. Какъ скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Θеодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ отъ души говорила: «для чего я женщина въ эту минуту!» Добродѣтельная Имп. Марія повторяла: «что скажетъ Европа!» Я случился подлѣ нихъ: чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ уже для меня не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца: смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною. Въ большой залѣ дворца толпа знати часъ отъ часу рѣдѣла; однакожь все было тихо и пристойно. Молодыя женщины не изъявляли трусости. Въ общемъ движеніи, къ сторонѣ, неподвижно сидѣли три Магната: Князь Лопухинъ, Графъ Аракчеевъ и Князь А. Б. Куракинъ, какъ три монумента! Въ седьмомъ часу пѣли молебенъ; въ осьмомъ стали всѣ разъѣзжаться. Войско ночевало, среди огней,

вокругъ Дворца. Въ полночь я съ тремя сыновьями ходилъ уже по тихимъ улицамъ, но въ 11 часовъ утра, 15 Дек., видѣлъ еще толпы черни на Невск. Проспектѣ. Скоро все успокоилось, и войско отпустили въ казармы. Теперь ждемъ вѣстей отъ васъ: надѣюсь, хорошихъ. Напиши слова два. Жалѣю о Н. Е. Кашкинѣ: преступникъ К. Оболенскій ему родный племянникъ, если не ошибаюсь. Лавали въ отчаяніи за ихъ зятя, Трубецкаго. Катерина Өед. Муравьева раздираетъ сердце своею тоскою. Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ Либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ими не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ Царствованіи! Константинъ прославился навѣки великодушнымъ отреченіемъ: да будетъ славенъ Николай I между Вѣнценосцами, благотворителями Россіи! Въ моихъ глазахъ Онъ перекрестился и подписалъ Манифестъ ввечеру 13 Дек., не безъ предчувствія, чему надлежало случиться. Этотъ Манифестъ сочиненъ Имъ Самимъ, а написанъ для печати Сперанскимъ (равно какъ и вторый о ковѣ злодѣйскомъ). Я только зритель, но усталъ душею: каково же Государю? Онъ уменъ, твердъ, исполненъ добрыхъ намѣреній: призываемъ на Него благословеніе Божіе. Мать, Супруга, Братъ умиляютъ меня своими чувствами. — Мои писали къ любезному Князю Петру Андреевичу. Скажи ему (если увидишь его), что я цѣлую его нѣжно и буду писать послѣ. Будь здоровъ, милый другъ! Авось скоро возвращусь къ своей музѣ-старухѣ! Твой

Н. Карамзинъ.

353.

С. Петербургъ, 3 Ген. 1826.

Любезнѣйшій другъ!

Нѣжно обнимаю тебя и поздравляю съ наступившимъ Новымъ Годомъ. Дай Богъ тебѣ здоровья и спокойствія! — Письмо твое меня успокоило. Я тревожился, узнавъ отъ Графа Комаровскаго, что онъ не видалъ тебя въ Москвѣ. Желаю, чтобы ты впредь не имѣлъ нужды и въ піявицахъ.

Въ самый Новый Годъ сказали мнѣ о кончинѣ Графа Растопчина: горюю искренно о почтенной Графинѣ; а его жаль, какъ стараго, добраго пріятеля. Мнѣ хотѣлось-было еще видѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Скажи слово о Графинѣ. Она тверда вѣрою; однакожь безъ сомнѣнія въ глубокой горести.

Ты спрашиваешь, кто писалъ Манифестъ въ Авг. 1823 года? вашъ Архипастырь, а конецъ написанъ княземъ А. Н. Голицынымъ, какъ слышалъ я уже давно. Самъ покойный Государь еще осенью 1823 года сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андр. объ этомъ распоряженіи наслѣдства. Мы не измѣнили тайнѣ.

Оба рыцаря Полярной Звѣзды сидятъ въ крѣпости; скрывается доселѣ одинъ безумецъ Кюхельбеккеръ, или погибъ. Къ нашему сокрушенію, оба сына Катерины Ѳед. Муравьевой взяты какъ члены этого законопреступнаго Общества: Никита, то есть старшій, былъ даже однимъ изъ начальниковъ. Меньшій осужденъ только на шестимѣсячное заключеніе въ крѣпости. Все это между нами.

Добродѣтельная Императрица М. Ѳ. очень похудѣла

и слаба физическими силами, хотя и не духомъ. Какъ-то снесетъ ударъ Императрица Елисавета!

Жена и всѣ дѣти мои обнимаютъ тебя съ живѣйшею любовію.

Не думаю объ Эратѣ: одна у меня Кліо, и то уже не надолго. Если на шестидесятомъ году еще дозволено мыслить о будущемъ земномъ, то можемъ, или могу, избрать другое мѣсто для заключенія жизни, когда раздѣлаюсь съ Исторіей. Я старъ для Двора, а въ Петербургѣ, какъ въ городѣ, связи наши часъ отъ часу слабѣютъ. Никуда не ѣзжу.

Прости, милый другъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

4 Генв. Канцлеръ нашъ скончался, вчера, въ осьмомъ часу вечера.

Письма Софьи и Екатерины Николаевны Карамзиныхъ, писанныя во время болѣзни отца ихъ.

С. Петербургъ, 6 Февраля.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь!

Вы конечно уже знаете о болѣзни Папенькиной; мы просили Вяземскихъ сообщить вамъ послѣднее наше письмо, а къ вамъ писать ждали *рѣшительно* лучшаго; теперь, слава Богу, Доктора совершенно спокойны, лихорадки болѣе нѣтъ, воспаленіе въ груди прошло; но остались слабость чрезмѣрная и тоска, которая съ его нервами очень для него мучительна; между тѣмъ онъ спитъ спокойно и крѣпко, но къ пищѣ имѣетъ отвращеніе. Дай Богъ, чтобы эти остатки болѣзни продолжали, хотя медленно, разсѣиваться. Теперь я буду часто давать вамъ о немъ вѣсти, надѣюсь утѣшительныя. —

Мы всѣ здоровы; Маменька, по обыкновенію, не бережетъ себя въ неусыпномъ попеченіи о нашемъ миломъ больномъ и, по обыкновенію, сноситъ все съ удивительною силою. — Простите, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, не надолго.

Софья Карамзина.

Папенька узналъ, что я къ вамъ пишу, и велѣлъ вамъ отъ него поклониться, прибавивъ, что когда болѣзнь въ *самомъ дѣлѣ* будетъ проходить (въ чемъ онъ теперь не соглашается), то поклонъ его будетъ гораздо выразительнѣе.

18 Февраля 1826.

Сегодня моя очередь, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, извѣстить васъ о нашемъ миломъ больномъ: онъ очень медленно подвигается къ выздоровленію, однакожь каждый день можемъ замѣчать легкое улучшеніе въ его состояніи: силы его начинаютъ, кажется, прибавляться; онъ можетъ уже слушать съ нѣкоторымъ удовольствіемъ чтеніе иностранныхъ газетъ, и даже самъ читаетъ послѣдніе томы *Mémoires de M-me Genlis*, заботится о деревенскихъ дѣлахъ, и намъ диктуетъ письма къ мужикамъ, которые много его тревожатъ своею неисправностію.

Письмо ваше къ сестрѣ моей успокоило насъ на счетъ вашего здоровья: мы всѣ, начиная съ Папеньки, боялись, чтобы печальное шествіе не имѣло на него худаго вліянія. Мы видѣли вчерась въ первый разъ со времени Папенькиной болѣзни Н. Я. Плюскову: она уже недѣль съ пять простудилась и много страдаетъ; дала намъ коммисію нѣжно вамъ кланяться и благодарить за любезное къ ней письмо и за присылку стиховъ, которыхъ она еще не читала, потому что они грѣлись на печкѣ.

Прощайте, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, будьте здоровы и вѣрьте чувствамъ искренней привязанности и почтенія преданной вамъ

Катерины Карамзиной.

Въ началѣ Папенькиной болѣзни его лечилъ Рюль, Императрицы М. Ѳ. Докторъ, и не весьма удачно: тогда Маменька имѣла счастливую мысль позвать Мюллера, который тотчась понялъ болѣзнь и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ нее.

Папенька нѣжно васъ обнимаетъ, Маменька также нѣжно увѣряетъ васъ въ своей дружбѣ.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь!

Согласно съ желаніемъ вашимъ, спѣшу васъ извѣстить о Папенькиномъ здоровьи тотчасъ послѣ горестной церемоніи, которой вы и мы для него опасались. Слава Богу, онъ чувствуетъ себя не дурно, хотя и часто грустенъ и разстроенъ морально. Съ недѣлю тому назадъ онъ очень испугалъ насъ: припадокъ геморoидальной присоединился къ остаткамъ его болѣзни, и конечно удалилъ выздоровленіе, ослабивъ еще силы его, которыя и безъ того очень медленно возвращались. Теперь онъ опять спитъ довольно хорошо, обѣдаетъ съ аппетитомъ и можетъ читать.

Катенька и я были третьяго дня въ Казанской церкви при вносѣ гроба; этотъ видъ раздираетъ сердце, полное еще столь живыми воспоминаніями.

Простите, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь; съ чувствомъ сердечной любви и уваженія остаюсь

вамъ преданная

Софья Карамзина.

С. Петербургъ, 8 Марта 1826.

354.

(Приписка рукою Н. М. Карамзина къ предыдущему письму:)

Сердечно, нѣжно обнимаю тебя, милый другъ. Кажется, я рѣшительно начинаю выздоравливать; но силы, выходивъ изъ меня пудами, возвращаются золотниками: слабѣю какъ младенецъ отъ всего. Будь здоровъ, любезнѣйшій.

355.

С. Петербургъ, 22 Марта 1826.

Любезнѣйшій другъ!

Твои нѣжныя строки читалъ я съ умиленіемъ. Собираюсь, думаю, съ силами, но незамѣтно. Слабѣю даже отъ пищи, хотя разъ въ день ѣмъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Говорятъ мнѣ, и самъ чувствую, что хорошо было бы мнѣ удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для совершеннаго выздоровленія; но куда, и какъ? наши способы? мой характеръ? Александра нѣтъ. Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же, и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь въ духѣ и не ропщу. Не могу говорить съ живостію: задыхаюсь. Брожу по комнатѣ; читаю много; имѣю часто сладкія минуты въ душѣ: въ ней бываетъ какая-то тишина неизъяснимая и несказанно пріятная. А. Тургеневъ здѣсь явился. Брату его Сергѣю дозволено остаться въ Италіи; но Александръ Ив. тоскуетъ о Николаѣ. Кончу. Хотѣлъ писать къ милому Князю Петру Андр.; но дочери говорятъ, что онѣ третьяго-дни писали къ нему. Отклады-

ваю. Ты пока скажешь ему обо мнѣ. Со всею горячностію дружбы обнимаетъ тебя томный

Н. Карамзинъ.

(Приписка рукою Е. А. Карамзиной:)

Вотъ строки дрожащей руки бѣднаго больнаго, къ которымъ присоединяю нѣсколько своихъ, чтобы васъ поблагодарить, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, за ваше приписаніе и милыя книжечки; всѣмъ пріятелямъ вашимъ и нашимъ (*съ однимъ исключеніемъ*) мы раздадимъ.— Теперь мужу моему лучше, хотя онъ еще очень слабъ и доктора едвали обѣщаютъ совершенное выздоровленіе иначе, какъ съ перемѣною климата. Простите, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, примите увѣреніе въ моей сердечной къ вамъ привязанности.

К. Карамзина.

Письмо Е. Н. Карамзиной.

26 Марта.

Я получила и прочла съ живѣйшимъ чувствомъ признательности и удовольствія, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, милые ваши Апологи: въ нѣкоторыхъ я нашла любезныхъ старыхъ пріятелей, а съ другими съ радостію познакомилась.

Другъ вашъ снова начинаетъ насъ безпокоить; вотъ уже дни съ три, какъ слабое здоровье его опять немного разстроилось, а слѣдственно и силы упали; родъ болѣзни его самый утомительный для него, и насъ приводитъ иногда въ уныніе. Всѣ наши желанія ограничиваются теперь хорошимъ временемъ, а надежды — другимъ, лучшимъ климатомъ; Доктора почитаютъ необходимымъ перемѣну воздуха для совершеннаго выздоровленія.

Мнѣ очень грустно, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, что не могу дать вамъ пріятнѣйшихъ вѣстей о другѣ вашемъ; надѣюсь однакожь, что это новое разстройство не продолжится и что мы скоро будемъ въ возможности совершенно васъ успокоить.

Примите еще разъ изъявленіе моей благодарности и увѣреніе въ чувствахъ моей искренней къ вамъ привязанности и почтенія.

Катерина Карамзина.

Сестра моя препоручаетъ мнѣ изъявить вамъ признательность свою за прекрасный вашъ подарокъ: чрезъ нѣсколько дней будетъ ея очередь писать къ вамъ и самой увѣрить васъ въ своей благодарности и почтеніи.

Только третьяго дни мы получили съ почты стихи племянника вашего, и потому не могли до сихъ поръ благодарить васъ за удовольствіе, которое намъ доставило чтеніе ихъ.

356.

(Приписка рукою Н. М. Карамзина къ предыдущему письму:)

Я опять не много свихнулся въ здоровьѣ; но хочу непремѣнно сказать тебѣ, милый другъ, что я прочиталъ всѣ твои прелестные Апологи безъ остановки, не смотря на свою слабость. Обнимаю тебя нѣжно.

357.

С. Петербургъ, 16 Апр. 1826.

Любезнѣйшій другъ!

Ты предлагаешь мнѣ планъ путешествія для здоровья, который въ своемъ родѣ хорошъ; но Медики предписываютъ мнѣ небо Италіи, а не Москвы и не Кіева. Болѣзнь сдѣлала

меня другимъ человѣкомъ: душа моя хочетъ новаго или чрезвычайнаго какъ лекарства. Я ничѣмъ бы, кажется, не могъ заниматься старымъ: старое должно обновиться новымъ мѣстомъ и положеніемъ, чтобы сдѣлаться опять для меня привлекательнымъ. — Между нами будь сказано, не имѣя способа ѣхать въ Италію и жить тамъ своимъ доходами, особенно съ того времени какъ крестьяне худо платятъ оброкъ, я просилъ у Государя резидентскаго мѣста во Флоренціи; но мѣсто зънято, и Государь, написавъ ко мнѣ премилостивое письмо, прислалъ мнѣ на годовое путешествіе деньги: суди о моихъ чувствахъ! Теперь устроиваемъ въ мысляхъ, какъ и куда ѣхать: думаемъ въ Іюнѣ плыть въ Бордо, оттуда сухимъ путемъ до Марсели, изъ Марсели въ Ливорну на кораблѣ; основаться во Флоренціи, а на жаркіе мѣсяцы укрываться въ тѣняхъ Луккскихъ и прожить такъ года два. Говорятъ, что первымъ моимъ лекарствомъ должно быть море: увидимъ, если Богъ дастъ. Но я слишкомъ расписался, имѣя еще слабую голову. И самыхъ ближнихъ пріятелей впускаютъ ко мнѣ только на минуту; задыхаюсь отъ разговоровъ. Куда дѣвалась моя желѣзная грудь? Недѣли черезъ двѣ или три можемъ переѣхать въ Таврическій Дворецъ: милостивый Государь приказалъ тамъ отвести для насъ прекрасныя комнаты, чтобы передъ отъѣздомъ за море подышали мы и здѣсь хорошимъ воздухомъ. Вмѣстѣ съ женою и семействомъ обнимаемъ тебя нѣжно, другъ любезнѣйшій. Усталъ. Навѣки твой

Н. Карамзинъ.

358.

Христосъ воскресе!

Любезнѣйшій другъ!

Радостно поздравляю тебя съ свѣтлымъ праздникомъ *) и нѣжно, нѣжно обнимаю. Чувствую себя не дурно, но слабъ до крайности сегодни. Вчера нечаянно пріѣзжала и вдругъ вошла ко мнѣ въ комнату, гдѣ сижу въ своихъ халатахъ Бухар., Императрица М. Ѳ. Вообрази движенія моихъ нервъ: Она Ангелъ въ дружбѣ.—Пока прости, милый другъ!

(Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:)

Съ нѣжностію и почтеніемъ поздравляю васъ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, съ праздникомъ, который былъ для насъ не совершенно свѣтлый на сей разъ: Папенька чувствуетъ себя слабѣе, а потому и на насъ навотидъ грусть: дай Богъ, чтобы онъ же и разсѣялъ ее скоро своимъ состояніемъ. Еще разъ повторяю вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, мои искреннія желанія о вашемъ здоровьи, спокойствіи и о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, которую я заслуживаю моею совершенною къ вамъ преданностію и нѣжнымъ почтеніемъ.

Катерина Карамзина.

(Приписка рукою С. Н. Карамзиной:)

Примите и отъ меня, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, тѣ же поздравленія, тѣ же сердечныя желанія и то же увѣреніе въ душевномъ почтеніи и любви. У насъ въ семействѣ одно сердце для васъ.

Софья Карамзина.

Маменька у обѣдни, а потому и не можетъ имѣть удовольствія поздравить васъ.

*) 18 апрѣля 1826 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ Н. М. КАРАМЗИНА.

I.

Извлеченія изъ переписки родныхъ Карамзина въ первое время послѣ его смерти.

1.

Ревель, 22 Іюня 1826.
(роковое число).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Ивановичь, я получила ваши дружескія строки, садясь въ карету, чтобы ѣхать сюда: знавъ вашу постоянную и искреннюю связь съ единственнымъ моимъ другомъ, я знала, какъ кончина его поразитъ ваше сердце. Мнѣ такъ жалко всѣхъ тѣхъ, которые его любили и которыхъ онъ столько любилъ: вы можете вообразить, какое чувство я имѣю къ себѣ несчастной, болѣе всѣхъ любимой и столь нѣжно любившей 22 года; любовь эта была моя жизнь, все мое существованіе. Что болѣе вамъ сказать о себѣ? я здорова съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь чувствую себя крѣпче физически; стараюсь сколько могу заниматься дѣтьми, прошу Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы и умѣніе какъ можно лучше исполнить долгъ ихъ воспитанія, не раздѣляемый болѣе уже съ тѣмъ, который однимъ своимъ присутствіемъ могъ болѣе быть полезенъ, чѣмъ я всѣмъ моимъ стараніемъ; прошу и милаго незабвеннаго сво-

его друга, чтобы и онъ благословлялъ меня и наставлялъ меня какъ ангелъ мой хранитель: онъ мнѣ здѣсь былъ ангеломъ счастія, онъ меня и тамъ не забудетъ. Дѣти всѣ, слава Богу, здоровы и свидѣтельствуютъ вамъ свое нѣжное почтеніе; будьте увѣрены, милый Иванъ Ивановичь, что другъ Николая Михайловича есть для меня святыня здѣшняго міра. Увѣрена также, что не имѣю нужды сказать: не забывайте несчастную К. Карамзину.

2.

(Приписка рукою Князя П. А. Вяземскаго:)

Долженъ ли я оправдываться передъ Вами, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, что не писалъ Вамъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ? Вы безъ сомнѣнія поняли и уважили мое молчаніе. Что могу сказать я Вамъ? Есть горести, которыя не передаются въ словахъ: безмолвное лобзаніе, слезы, вотъ ихъ единственный языкъ! Есть и радости умилительныя, которыя подобнымъ образомъ себя выражаютъ. Помните ли, какъ за два года тому читали мы вмѣстѣ письма, извѣщавшія насъ о миновавшей опасности въ болѣзни Николая Михайловича? Не суждено было намъ насладиться отрадою вновь проливать такія слезы. Какимъ ужаснымъ и преждевременнымъ ударомъ поражены мы! Ни умъ, ни сердце не могутъ пріучиться къ горестной мысли, что нѣтъ Карамзина въ кругу семейномъ и въ кругу друзей, что нѣтъ его въ Россіи, нѣтъ въ мірѣ. Утрата равно чувствительная во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ живо представляю себѣ Вашу горесть, тѣмъ болѣе тяжкую, что почти не съ кѣмъ Вамъ дѣлить ее. Сердечная обязанность заставила меня не покидать Карамзиныхъ въ первое время ихъ лютаго одиночества и проводить ихъ въ Ревель; но какъ было бы мнѣ усладительно быть и Вамъ товарищемъ въ слезахъ Вашихъ! Карамзинъ былъ точно душа круга друзей своихъ: душа не умираетъ; оставивъ насъ, онъ не разорвалъ связи, коей

былъ средоточіемъ; напротивъ, скрѣпилъ ее какимъ-то новымъ, священно-таинственнымъ знаменіемъ, и любившіе Карамзина должны отнынѣ, въ память его, еще живѣе, еще совершеннѣе любить другъ друга, однимъ словомъ такъ, какъ онъ умѣлъ любить насъ. Тѣ изъ насъ, кои имѣли горестную отраду отдать ему послѣдній долгъ, въ невольномъ движеніи кинулись другъ другу въ объятія и надъ могилою его запечатлѣли новыми клятвами союзъ дружбы неизмѣнной и священной, какъ память того, котораго мы оплакивали. Хотя Судьба и не дозволила Вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, быть вмѣстѣ съ нами въ эту печальную минуту, но мысленно былъ посреди насъ старшій, постояннѣйшій и любезнѣйшій изъ друзей Николая Михайловича, и чувства наши обращены были къ Вамъ. Не обѣщаю вамъ никакихъ подробностей ни о смерти его, ни о послѣдствіяхъ ея, зная, что Тургеневъ все въ точности описывалъ въ письмахъ къ Жихареву для вашего свѣдѣнія. Скажу только, что горесть семейства его, т. е. жены и старшихъ дочерей, равняется величинѣ ихъ несчастія. Надѣюсь, что пребываніе въ Ревелѣ, или лучше сказать, въ приморской дачѣ около Ревеля, спасетъ ихъ здоровье отъ разстройства. Здѣсь онѣ въ совершенномъ уединеніи; но уединеніе живое, разнообразное и богатое развлеченіями, доступными къ сердцу и убитому горестью, ибо развлеченія сіи даются не людьми, а природою, для нихъ новою и по истинѣ прелестною. Впрочемъ и развлеченія возвращаются все къ одному, живоносному чувству горести объ утратѣ незабвеннаго. Мысль, что онъ болѣе всѣкъ радовался бы сими живописными картинами, что, можетъ быть, лѣто, проведенное здѣсь въ прошломъ году, какъ они и помышляли о томъ, продлило бы жизнь его, не покидаетъ ихъ ни на минуту, и онъ участникъ всѣхъ ихъ чувствъ, впечатлѣній, ощущеній, ясныхъ и мрачныхъ. Думаю пробыть здѣсь съ ними, по крайней мѣрѣ, до Августа, а онѣ полагаютъ прожить и Сентябрь. Стану извѣшать Васъ по временамъ о ихъ здоровьи и нашемъ житьѣ-бытьѣ.

Простите, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь. Примите увѣреніе въ сердечномъ моемъ почтеніи и въ преданности, пи-

таемой всѣмъ лучшимъ и въ томъ, что есть, и въ томъ, чего уже нѣтъ.

Бѣдный нашъ Тургеневъ! Къ жестокому безпокойствію его объ участи брата Николая, прибавилось не менѣе жестокое безпокойствіе о братѣ Сергѣѣ. Ему пишутъ изъ Дрездена, что онъ боленъ и болѣзнь его по всѣмъ признакамъ есть родъ помѣшательства въ умѣ, которое безъ сомнѣнія есть слѣдствіе сильнаго потрясенія при извѣстіи о судьбѣ, угрожающей брату. По послѣднимъ извѣстіямъ слышно, что ему немного лучше и, странное дѣло! смерть Карамзина произвела сіе дѣйствіе. Пораженіе его, при полученіи сей горестной вѣсти, дало новое направленіе его мыслямъ и новымъ потрясеніемъ ослабило прежнее волненіе. Жихаревъ можетъ доставить вамъ болѣе подробностей о его болѣзни, ибо безъ сомнѣнія А. И. Тургеневъ писалъ ему обо всемъ обстоятельно.

Простите мнѣ трудъ, который Вамъ даю разборомъ своей тарабарской грамоты. При неискусной рукѣ имѣю еще и худое перо, да право и буквы образовать отвыкъ.

3.

(Изъ письма Софьи Николаевны:)

Благодаримъ васъ сердечно, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, за дружеское письмо ваше и за удовольствіе, которое сдѣлала вамъ наша работа; вы конечно посмотрите на нее съ умиленіемъ, когда узнаете, что Папенька видѣлъ и хвалилъ ее, одобряя наше намѣреніе оставить вамъ эти рисунки на память при отъѣздѣ нашемъ въ Италію! — Всегда, всегда съ чувствомъ живымъ и глубокимъ будемъ мы думать объ его миломъ другѣ: неужели вы имѣли нужду въ доказательствѣ сердечной нашей памяти?

Ревель.
31 Іюля 1826.

(Приписка рукою Екатерины Николаевны:)

Какъ мнѣ пріятно было видѣть изъ письма вашего, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, что вы благосклонно приняли рисунки наши: мы начали ихъ въ то счастливое время, когда, еще исполненныя сладкихъ упованій, мы думали оставить на время отечество и друзей, и съ намѣреніемъ ими напоминать вамъ о себѣ. Теперь назначаемъ имъ другое предопредѣленіе, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь! Когда сердце ваше исполнится горестными воспоминаніями, взгляните на нихъ и позвольте имъ служить вамъ увѣреніемъ, что вы не совсѣмъ лишились нѣжнаго друга, пока осиротѣлое его семейство еще живо, а вы, вѣрный сорокалѣтній другъ милаго Папеньки, любите въ насъ и дѣтей его, и нѣжно привязанныя къ вамъ сердца.

(Приписка рукою князя П. А. Вяземскаго:)

Не хочу при общемъ засвидѣтельствованіи чувствъ сердецъ, Вамъ истинно преданныхъ, оставить это письмо не запечатавъ въ немъ выраженій и моего душевнаго почтенія, и моей ненарушимой преданности. Сердечно соболѣзную Вамъ въ Вашихъ новыхъ безпокойствахъ: дай Богъ, чтобы здоровье экономки Вашей поправилось, и предстоящія Вамъ празднества и торжественныя повинности застали Васъ въ полной силѣ, для перенесенія всѣхъ трудовъ.

Въ концѣ Августа надѣюсь быть дома и найти Москву наслаждающуюся прежнимъ спокойствіемъ и отдыхающую въ Англійскомъ клубѣ на лаврахъ и на картахъ. Мы получили вчера письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса: здоровье его поправляется, и онъ ѣдетъ въ Эгру для пріобрѣтенія прежнихъ силъ. — За недостаткомъ мѣста, долженъ я поспѣшить откланяться, пожелавъ Вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, совершеннаго здоровья и въ душевномъ спокойствіи отрады и услажденія отъ горести. — Радуюсь за Васъ, что Блудовъ въ Москвѣ. Скажите ему нашъ сердечный поклонъ и поздравленіе.

4.

(Изъ письма Екатерины Андреевны:)

Ревель, 1827 Генв. 10.

Друзья наши одного могутъ желать мнѣ — успѣха въ единственномъ дѣлѣ моемъ сего міра, въ воспитаніи дѣтей; да будутъ они достойны носить то имя, которое отецъ ихъ украсилъ своими добродѣтелями, и потомъ, совершивъ свой одинокой путь, да соединюсь въ вѣчности съ тѣмъ и съ тѣми, которые были и будутъ столь милы и дороги сердцу моему. Вотъ всѣ мои ожиданія и надежды въ здѣшней и будущей жизни.

5.

(Изъ письма Екатерины Андреевны:)

С. Петербургъ, 13 Декабря 1828.

Скажу вамъ нѣсколько словъ объ насъ. Мы, по обыкновенію, мало выѣзжаемъ; дома видимъ нѣсколько пріятелей, оставшихся вѣрными воспоминаніямъ прошедшаго, Жуковскаго, Дашкова, Пушкина и пр.; послѣдній ежедневно у насъ: итакъ не повѣсничаетъ. Блудова видѣла я раза три съ пріѣзда моего сюда, и то на нѣсколько минутъ; онъ очень занятъ и пользуется особеннымъ вниманіемъ Государя.

6.

(Изъ ея же письма:)

С. Петербургъ, 8 Мая 1828.

Собираюсь съ семействомъ на прежнее *пепелище* въ Китайскій домикъ Царскаго Села, данный мнѣ по милости любезнаго, всегда одинако насъ любящаго Жуковскаго. Любезный и разсѣянный Вяземскій тоже скоро насъ оставитъ къ большому моему сокрушенію.

7.

(Изъ письма Софьи Николаевны:)

У насъ здѣсь все идетъ тихо и спокойно; мы ведемъ жизнь очень уединенную, иногда ѣздимъ обѣдать въ Павловское, много гуляемъ, а я часто ѣзжу верхомъ, что меня очень забавляетъ. Братья растутъ и очень много учатся: теперь они въ большомъ горѣ, что они еще дѣти и не могутъ итти драться съ Турками. У нихъ сердца очень горячія ко славѣ Россіи, и вы бы улыбнулись, видя съ какою патріотическою ревностію и радостію они читаютъ газеты, всѣ отъ большаго до малаго, да и пріятель вашъ, разбойникъ Владиміръ.

Царское Село,
4 Іюля, 1828.

8.

(Изъ письма Екатерины Андреевны:)

25 Сент. 1828. Царск. Село.

Скажу вамъ слово о дѣлѣ, которое васъ всегда интересовать будетъ: я заказала уже бумагу для печатанія 12-го тома Исторіи для васъ такъ милаго и незабвеннаго Исторіографа. Я должна ее сама издавать, съ помощію пріятелей; наши книгопродавцы неохотно брались за это дѣло. Каково наше просвѣщеніе! Каковы чувства!

9.

(Изъ ея же письма:)

Вы конечно чувствовали за меня и раздѣляли со всѣми Россіянами горесть ужасной потери, которую мы сдѣлали въ И. Маріи. Вчерась былъ день милостей во множествѣ, которыя вы узнаете по газетамъ. Впрочемъ здѣсь тихо и довольно уныло.

XII-й томъ Исторіи началъ печататься; не нужно васъ увѣрять, что одинъ изъ первыхъ экземпляровъ будетъ вамъ доставленъ.

10.

(Изъ ея же письма, 1829, передъ Пасхой:)

Мы всѣ, слава Богу, здоровы, сбираемся проводить лѣто въ Ревелѣ, въ прекрасномъ загородномъ домѣ на высокомъ утесѣ, на берегу моря; съ Ц. Селомъ, кажется, я разсталась, къ моему *сердечному* сожалѣнію; тамъ болѣе, нежели гдѣ нибудь, есть столько живыхъ воспоминаній, хотя и меланхолическихъ, но для меня драгоцѣнныхъ, какъ самая сладкая пища души и сердца!

11.

(Изъ письма С. Н. Карамзиной:)

Вы, конечно, видѣли Александра Пушкина въ проѣздъ его черезъ Москву: здѣсь онъ былъ для насъ почти невидимъ. Жуковскій, который нынѣ у насъ обѣдаетъ, свидѣтельствуетъ вамъ свое душевное почтеніе и проситъ объ немъ помнить. Онъ ѣдетъ завтра въ Дерптъ, а оттуда въ Варшаву съ Вел. Княземъ. Вы уже знаете, можетъ быть, что Дашковъ сдѣланъ Тайнымъ Совѣтникомъ и, говорятъ, доволенъ. Жаль, что Молдавская лихорадка не хочетъ его оставить.

15 Апрѣля 1829.

12.

(Изъ ея же письма:)

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь!

Вотъ 12-й томъ, который вчерась*) вышелъ изъ печати. Маменька спѣшитъ отправить къ вамъ 1-й экземпляръ послѣ Царскихъ. Вы конечно прочтете его съ сердечнымъ умиле-

*) Къ сожалѣнію, это письмо безъ числа; изъ содержанія видно что оно писано весною или въ началѣ лѣта 1829 г.

ніемъ. Мнѣ все кажется, пробѣгая эту книгу, что слышу голосъ Папеньки, который самъ читалъ намъ нѣкоторыя мѣста изъ нея, и это воспоминаніе несказанно трогательно!

Будьте увѣрены, что первымъ попеченіемъ моимъ, по пріѣздѣ въ Ревель, будетъ отъискиваніе *трехъ* фаворитовъ вашихъ, Петра, Карла и Лютера. Я такъ рада, что вы дали мнѣ коммисію. Прощайте, любезный и почтенный другъ нашъ, спѣшу кончить, чтобы не опоздать на нынѣшнюю почту.

13.

(*Изъ ея же письма:*)

С. Петербургъ, 26 Сент.

Прилагаю здѣсь *три* портрета, единственные, которые я могла найти въ Ревелѣ: весьма жаль, что они не старинные; мнѣ почти стыдно вамъ посылать ихъ, но не смѣйтесь надо мною: другихъ право найти тамъ было невозможно; я знала, что вы не такихъ хотѣли, но по крайней мѣрѣ они вамъ покажутъ, что я помнила ваше приказаніе.

Для васъ я радуюсь и пріѣзду въ Москву милаго Вяземскаго, который жестоко обманулъ наше ожиданіе видѣть его въ Ревелѣ; но, судя по своему сердцу, я увѣрена, что вы будете довольны его возвращеніемъ во свояси. Вчерась обѣдали у насъ Жуковскій и Полетика: оба поручили мнѣ сказать вамъ ихъ сердечное почтеніе (я имъ сказала, что буду писать къ вамъ нынѣ же); первый все очень занятъ, умомъ и душею, своимъ важнымъ дѣломъ, а второй, кажется, не очень доволенъ тѣмъ, что важныхъ дѣлъ ему не поручаютъ. Вы, можетъ быть, уже знаете, что Д. В. Дашковъ получилъ аренду въ четыре тысячи серебромъ на двѣнадцать лѣтъ. Мы также видѣли его, но не болѣе получаса; онъ проводитъ, какъ сказываютъ, дни и часть ночей въ работѣ, и на дняхъ переѣзжаетъ въ домъ Министерства Юстиціи: не правда ли, что ему очень пристанетъ быть Министромъ?

14.

(Изъ ея же письма:)

Мы часто видимъ Жуковскаго, который имѣетъ привычку у меня спрашивать: «Давно ли вы писали къ Ивану Ивановичу? не забудьте, что всегда должны отъ меня кланяться сердечно!» Я повинуюсь, кажется, *всегда*, и ручаюсь за его частое воспоминаніе.

С. Петербургъ,
11 Апр. 1830.

15.

(Письмо князя П. А. Вяземскаго:)

Благодарю Васъ, Милостивый Государь Иванъ Ивановичь, за обязательные упреки; но я молчалъ по причинѣ, по которой многимъ должно было бы молчать: нечего было говорить. Въ частыхъ письмахъ къ женѣ поручалъ я ей передавать Вамъ чувства моей сердечной преданности и сообщать, чт̀о выходило изъ круга домашней болтовни. Вы знали, что я съ благодарностью помню доброе расположеніе Ваше ко мнѣ, и слѣдовательно совѣсть моя была покойна. Къ тому же я съ самаго пріѣзда сюда веду жизнь, если не совсѣмъ разсѣянную, въ свѣтскомъ смыслѣ слова сего (хотя впрочемъ грѣшно бы сказать, что и этотъ смыслъ не приличенъ), то по крайней мѣрѣ довольно безпокойную, однимъ словомъ, жизнь пріѣзжаго въ Петербургѣ, гдѣ каждый чего-то ищетъ, чего-то ждетъ, о чемъ-то хлопочетъ. Здѣсь есть справочная контора: можно сказать, что здѣсь живетъ и справочный народъ. На лбу каждаго написана какая-нибудь справка, которою онъ на ту минуту озабоченъ. На улицѣ каждый бѣжитъ справиться о дѣлѣ своемъ, о чинѣ, о какой-нибудь своей выгодѣ, о неудачѣ противника. Въ такой сферѣ увлекаешься вихремъ и никакъ не соберешься скоро съ мыслями, когда подумаешь писать въ тихое пристанище мудреца, который причалилъ челнокъ свой къ берегу. Какъ-то совѣстно предстать съ суетнымъ волненіемъ своимъ, съ лицемъ, на которомъ пестрѣютъ *краски жизни*

безпокойной, по выраженію Баратынскаго, на глаза и на вниманіе добровольнаго отшельника, остывшаго мудрымъ хладнокровіемъ опытности и разсудка.

О литературности здѣшней также сказать было нечего утѣшительнаго: она вся состоитъ изъ текущихъ дѣлъ, записываемыхъ въ журналы. Развѣ одно обстоятельство достойно особеннаго извѣщенія. По просьбѣ и по совѣту Жуковскаго, Графъ Хвостовъ обѣщался написать русскій романъ, чтобы не отстать отъ товарища своего, сенатора Сумарокова, написавшаго Ѳедору, на которую также было далъ онъ слово Дельвигу написать критику для Литературной Газеты, но къ сожалѣнію онъ отказался отъ исполненія по причинѣ какихъ-то важныхъ казенныхъ бумагъ, полученныхъ имъ въ самое то время, когда собирался выходить на новое поприще. Должно надѣяться, что по крайней мѣрѣ устоитъ онъ въ обольщеніи написать романъ, за который, говорю заранѣе, отдамъ любой романъ В. Скотта.

16.

(Изъ письма Екатерины Андреевны Карамзиной:)

Существенностію самою пріятною для насъ было бы ваше прибытіе въ С. Петербургъ хотя на нѣсколько времени; оно бы доставило мнѣ одно изъ живѣйшихъ удовольствій для моего сердца. Но увы! Теперь не время дѣлать планы, пока Богъ не умилостивится и не истребитъ сію губительную болѣзнь, которая, кажется, преслѣдуетъ всю Россію. Моля Всевышняго о всѣхъ, сердце болѣе трепещетъ о нѣкоторыхъ; до сохранитъ Богъ васъ и насъ отъ сего зла: къ вамъ поѣхалъ великодушный утѣшитель, нашъ безстрашный Государь; его присутствіе вѣрно ободритъ и утѣшитъ бѣдную Москву. — Мы всѣ, слава Богу, запаслись здоровьемъ въ Ревелѣ, старые, молодые и дѣти; Жаль было бы принести это цвѣтущее здоровье на жертву Холерѣ-Морбусъ.

17.

(Изъ ея же письма:)

С. Петербургъ, 15 Нояб. 1830.

Пишу въ вамъ наканунѣ дня, въ который минетъ мнѣ полвѣка, съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Провидѣнію за то счастіе, которое Оно дало мнѣ вполнѣ вкусить въ семъ мірѣ; никто не любилъ и не былъ любимъ болѣе меня, и какими сердцами! За это счастіе прошедшее платятъ дни слѣдующіе; но никогда, никогда жалоба не вырвется изъ души моей; всему покоряюсь съ умиленьемъ.

18.

(Изъ ея же письма:)

7 Февраля 1831. С. Петербургъ

Мнѣ хотѣлось вамъ послать новой эдиціи Россійской Исторіи побольше томовъ вмѣстѣ, а не по мелочамъ, какъ они выходили изъ печати, и тогда сбиралась я къ вамъ написать; такъ и сдѣлала. Въ слѣдъ за этимъ письмомъ получите 6 или 8 томовъ Исторіи, которые вамъ доставитъ любезный молодой человѣкъ, Кошелевъ. Скажите мнѣ, почтенный Иванъ Ивановичь, понравится ли вамъ изданіе; мнѣ кажется, что по такой малой цѣнѣ, 30 р. экземпляръ, нельзя имѣть лучшаго; въ продажѣ вся эдиція на простой бумагѣ; книги же, которыя я вамъ посылаю на веленевой, изъ числа нѣсколькихъ экземпляровъ, для меня напечатанныхъ.

19.

(Изъ ея же письма.)

23 Апр. 1831. С. Петерб.

Посылаю вамъ, почтенный Иванъ Ивановичь, еще два тома Исторіи, IX и X, а XI и XII будутъ отпечатаны въ Маѣ и вамъ также доставлены (можетъ быть въ Петербургѣ).

20.

(Изъ письма Софьи Николаевны:)

И Жуковскій много, много говорилъ намъ объ васъ, и такъ поэтически изобразилъ пріятную картину, которою и мы уже любовались, видя, слушая васъ въ вашемъ красивомъ греческомъ храмѣ. Мы исполнили коммиссію, вами намъ данную, для Блудова и Полетики: оба приняли съ чувствительностію воспоминаніе ваше, и Блудовъ очень заботится о какомъ-то заглавномъ листѣ для васъ. — Вы конечно съ удовольствіемъ увидѣли у себя Пушкина, который, безъ сомнѣнія, не исполнилъ порученія моего къ вамъ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичь. Вы знаете, очень знаете, какъ искренно, какъ душевно я васъ люблю, но *мнѣ* хочется вамъ это повторить и сказать съ какою благодарностью я принимаю всякое изъявленье вашей благосклонности, а Жуковскій меня въ ней увѣрилъ: это меня очень порадовало. — Онъ читалъ вамъ свои сказки? Какія прелестныя! и его отвѣтъ на ваши стихи? Онъ тронулъ васъ, я въ этомъ увѣрена по себѣ самой; — и вы не судили его такъ строго, какъ Военную пѣсню?

С. Петерб.,
9 декабря 1831.

21.

Дерптъ, 23 Дек. 1832.

(Изъ письма Екатерины Андреевны:)

А я совершаю свой подвигъ, какъ я вамъ то писала въ послѣднемъ моемъ письмѣ: вотъ уже пять мѣсяцевъ, что мы въ Дерптѣ, т. е. цѣлый семестръ студентскій, и теперь сыновья старшіе дѣлаютъ свои экзамены; когда кончатъ, тогда соображу пользу нашего пребыванія со всѣми невыгодами и жертвами, мною принесенными, и если польза дѣтей окажется хоть немного существительною, то останемся еще на нѣсколько семестровъ, и тогда я забуду всѣ непріятности, которыхъ тьму тьмущую на каждомъ шагу встрѣчаю.

22.

(Изъ ея же письма:)

Дерптъ, 4 Апр. 1833.

Христосъ воскресе!

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, благодарю васъ за письмо, за привѣтствіе съ праздникомъ и за всѣ хорошія желанія, но болѣе всего благодарю за любезное обѣщаніе видѣть васъ въ Дерптѣ: *надежда*, и то хорошо для бѣдныхъ изгнанниковъ!

23.

(Изъ письма Софьи Николаевны:)

28 Іюня, 1833. Робкой.
Дерптъ.

Уголокъ въ городѣ, уголокъ въ *Робкой*, приготовлены для любезнаго и почтеннаго нашего посѣтителя, нетерпѣливо ожидаемаго Дерптскими жителями. Синее небо, зелень роскошная и живая, и очень теплый воздухъ, надѣюсь, ему не измѣнятъ и здѣсь, гдѣ время чудесное, но жаль, что пользоваться имъ нельзя; нѣтъ совсѣмъ прогулокъ, кромѣ большихъ дорогъ. Жаль тоже, что городъ пустъ, и что вы не увидите здѣсь интереснѣйшихъ людей въ кругу ученыхъ, но надѣюсь, что чувство нашей живой радости и благодарности за эту радость замѣнитъ нѣсколько недостатокъ другихъ удовольствій.

Съ какою радостью, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичь, ожидаемъ мы васъ въ наше уединенье и готовимъ вамъ два апартамента, одинъ съ нами за городомъ, а другой въ городѣ, когда вамъ деревня наскучитъ: слѣдственно объ гостинницѣ просимъ не задумываться! До свиданія *безъ шутокъ?*

24.

(Изъ письма Екатерины Андреевны:)

23 Авг. 1833. Дерптъ, Робкой.

Мы получили дружеское письмо ваше изъ Москвы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, и поблагодарили Бога за благополучное путешествіе ваше. Вамъ ли насъ благодарить за наше угощеніе, милый Иванъ Ивановичъ? Мы чувствуемъ вполнѣ и цѣнимъ доказательство вашей дружбы и никогда не забудемъ тѣхъ дней, которые вы намъ посвятили въ Дерптѣ. Ваше пребываніе съ нами соединило прошедшее съ настоящимъ: и дружба ваша, столь драгоцѣнная, есть даръ незабвеннаго милаго моего мужа!

25.

(Изъ письма Софьи Николаевны:)

Жуковскій, Полетика и Пушкинъ поручили мнѣ также напомнить вамъ объ нихъ. Жуковскій добръ, здоровъ, веселъ и занятъ. Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто и преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаютъ кружить поэтическую голову ея мужа. Полетика хотя и продолжаетъ иногда зѣвать съ нами, оказался такимъ *добрымъ пріятелемъ*, какихъ мало найдешь въ Петербургѣ.

(Изъ ея же письма:)

26.

С. Петерб., 25 Мая 1834.

Я ѣду *завтра* съ Мещерскими*) на пароходѣ въ чужіе краи *на цѣлый годъ!* Хочу, чтобы послѣднія строки мои были къ вамъ. Мнѣ грустно неизъяснимо, и все желанье мое путешествовать, и вся радостная физіономія Швейца-

---

*) Въ 1828 году Екатерина Николаевна Карамзина вышла за мужъ за князя Петра Ивановича Мещерскаго.

ріи, Италіи, все исчезло въ моемъ воображеніи и замѣнилось одной тоскою. Пожелайте намъ счастливаго возвращенія въ милую Россію: теперь это мое единственное желанье! Я буду непремѣнно писать къ вамъ нѣсколько разъ изъ чужихъ краевъ: беру съ собою папенькино путешествіе, стану тамъ его перелистывать и *сравнивать*. Первыя строки я уже живо и горько чувствую.

27.

(Изъ письма Андрея Николаевича:)

Отъ всего сердца и отъ всей души благодарю васъ, любезный и почтенный Иванъ Ивановичь, за добрую память и милостивую приписку. Хотя я и оправился отъ послѣдией болѣзни, но у меня слѣдствіемъ ея остались кашель и слабость въ груди, которымъ пособить можно только пребываніемъ въ тепломъ климатѣ, и поэтому я уже подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на полтора года. Если Богъ дастъ, я отправлюсь сперва по слѣдамъ Русскаго Путешественника въ Германію и Швейцарію, а потомъ на зиму въ Италію. Италія! какъ это имя звучитъ гармонически моему воображенію! Много есть привлекательнаго для меня въ этихъ планахъ; но горькая мысль о разлукѣ все покрываетъ черною тѣнью. Это будетъ первою разлукою съ маменькой, съ братьями. . . .

28.

(Изъ письма Екатерины Николаевны:)

С. Петерб., 2 Мая 1837.

Братъ Андрей нѣсколько разъ просилъ въ письмахъ своихъ напомнить вамъ о немъ, и нѣжно благодаритъ за ваше, нами ему переданное, воспоминаніе. Какъ живо наслаждается онъ своимъ путешествіемъ и какъ часто письма его поражаютъ насъ сходствомъ мыслей и чувствъ съ папенькиными. Онъ конечно всѣхъ болѣе похожъ на *него* душою и умомъ, и къ тому же имѣетъ очень счастливый, веселый характеръ.

II.

Письмо Карамзина къ С. Н. Глинкѣ. *)

Почтенный Сергѣй Николаевичь!

Сердечно благодарю Васъ за ласковое, обязательное письмо; но ради Бога не говорите о моихъ мнимыхъ одолженіяхъ! Я еще не могъ ничѣмъ услужить Вамъ. Г. Министръ не рѣшился доложить объ Васъ вторично, а сдѣлаетъ то со временемъ, какъ сказалъ мнѣ вчера, думая, что для вѣрнѣйшаго успѣха лучше подождать. Ему единственно Вы обязаны первымъ благосклоннымъ докладомъ, въ которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго участія. Обо мнѣ же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому въ искреннѣйшемъ Вамъ доброжелательствѣ и въ готовности доказать дѣломъ истину моихъ чувствъ. Любите меня просто за любовь мою къ Вамъ; а будетъ, что Богу угодно. Не забуду напоминать Г. Министру, пока онъ намъ рѣшительно не откажетъ.

Будьте выше зависти и клеветы, о которыхъ Вы упоминаете въ письмѣ, и которыя въ здѣшнемъ свѣтѣ не оставляютъ добрыхъ людей въ покоѣ. Къ щастію, есть Богъ! Злымъ не всегда удается дѣлать зло.

Всѣ мои Вамъ усердно кланяются; а я кланяюсь всему Вашему любезному семейству, мысленно Васъ обнимая. Будьте здоровы, спокойны и всегда благосклонны къ преданному Вамъ

покорнѣйшему

Н. Карамзину.

С. Петербургъ,
8 Марта 1825.

---

*) См. выше, письмо 339, стр. 392.

III.

Два письма Карамзина къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ *).

1.

Madame,

Que Vous êtes bonne envers moi! et d'une manière si simple, si naturelle, que c'est d'autant plus touchant et pénètre profondément l'ame.

D'imagination et de sentiment je Vous ai suivie, pendant ce tems superbe, à Tsar. Sélo, dans une disposition d'attendrissement. Oui, la plaie est encore trop fraîche pour une pure jouissance dans ce beau lieu; mais j'ose croire que dans quelque tems ces souvenirs, actuellement cruels, s'adouciront et ajouteront un charme mélancolique au séjour si agréable de Tsar. Sélo, charme qui n'est pas commun, mais qui Vous attend, Madame, Vous, tendre amie de Celui que nous pleurons. Que Tsar. Sélo fleurisse toujours pour honorer le noble goût d'Alexandre!

Oui, le beau tems agit aussi sur ma frêle machine. Je me promène en voiture et reste cloué à ma chaise pendant plus d'une heure, exposé à toute l'ardeur du soleil sur notre balcon. Ma chambre même ressemble à une orangerie par la quantité de fleurs que je dois à la bonté de l'Impératrice Marie. Dans quelques jours nous comptons nous transporter à la Tauride, dont le charmant jardin peut me faire du bien.

Malgré tout cela, je ne suis malheureusement pas sûr de pouvoir, avant notre départ (qui peut avoir lieu même

*) Оба относятся къ послѣднимъ недѣлямъ жизни исторіографа и дополняютъ письма къ И. И. Дмитріеву отъ того же времени.

avant le mois de Juin), me présenter au palais pour demander le bonheur de Vous exprimer de vive voix toute ma reconnoissance, en commençant par S. M. l'Empereur. Cette idée m'attriste; mais j'espère encore.

Votre charmante corbeille de fruits, Madame, m'a réjoui la vue et le goût.

Comment ne pas supplier Votre Majesté de dire à l'Empereur un mot de coeur de ma part?

Je me mets à Vos pieds avec femme et enfans, comme un de Vos plus fidèles sujets et quelque chose de plus.

Karamsin.

Excusez le griffonage d'une main foible.

Le 29 Avr.

2.

Madame,

Ayant encore reçu un nouveau bienfait de l'Empereur, qui a bien voulu donner ordre de préparer une frégate pour me mener avec toute ma famille jusqu'à Bordeaux, j'ose recourir à Votre bonté, en Vous suppliant d'exprimer à Sa Majesté ma vive reconnoissance. Je craindrois, par une nouvelle lettre de remerciement, d'enlever à Son tems précieux quelques moments de plus.

Je finis en me mettant à Vos pieds avec toute ma famille, touché profondément du véritable intérêt que Vous avez daigné prendre à mon sort.

Que Dieu Vous protège en tout!

Le plus fidèle de Vos sujets

Karamsin.

P. S. Ma femme m'a remis, Madame, Votre cadeau de pâques, il m'accompagnera dans mon voyage comme un gage précieux de Votre souvenir.

IV.

Письма Карамзина къ К. Ѳ. Калайдовичу *).

1.

Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, прислать мнѣ со вручителемъ сего рукописный Патерикъ для показанія Графу С. П. Румянцову, который любопытенъ его видѣть. До свиданія.

Н. Карамзинъ.

2.

Не имѣю теперь силъ разобрать сундукъ съ книгами, гдѣ лежитъ *Посланіе*. Пришлите или потрудитесь заѣхать въ другой разъ; но на обмѣнъ возвратите мнѣ *Патерикъ*. Будьте здоровы. До свиданія!

3.

Царское Село, 11 Іюля 1818.

Усердно благодарю Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, за извѣстіе о птицахъ *изокахъ* и ожидаю, по Вашему обѣщанію, что Вы благосклонно сообщите мнѣ полную выписку изъ Шестоднева, также и Ваши замѣчанія на 1-й т. моей Исторіи, какъ пишетъ ко мнѣ Алексѣй Ѳедоровичь. Мнѣ пріятно будетъ отдать Вамъ полную справедливость во второмъ изданіи Рос. Исторіи, которое уже начинаютъ печатать. Я не присвою себѣ Вашихъ

---

*) Были уже напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общества Ист. и Древн. (1862, кн. 3), но помѣщаются здѣсь въ болѣе исправномъ видѣ и съ примѣчаніями, которыя см. ниже.

открытій, и скажу публикѣ, чѣмъ Вамъ обязана Исторія. Поручая себя въ вашу благосклонность, съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь,

Милостивый Государь мой!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Карамзинъ.

4.

Царское Село, 20 Сент. 1818.

Изъявляю Вамъ искреннѣйшую благодарность, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, за всѣ ваши любопытныя замѣчанія и выписки, которыми я воспользуюсь при второмъ изданіи Исторіи. Все, что Вы мнѣ и впредь сообщите, приму съ такою же благодарностію. Вы тѣмъ докажете и Вашу безкорыстную любовь къ исторической истинѣ и Ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Прошу надписывать ко мнѣ письма въ *Петербургъ*, *у Аничкова мосту*, *на Фонтанкѣ*, *въ домѣ Г-жи Муравьевой*. Письмо черезъ В. А. Жуковскаго до меня не дошло: слѣдственно ничего не знаю о *Зарайскѣ* etc. Я при всякомъ случаѣ буду готовъ служить Вамъ, чѣмъ могу. Будьте здоровы и всегда благосклонны къ Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

5.

С. Петербургъ, 28 Ноября 1818.

Усердно благодаря Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, за Ваши основательныя, любопытныя примѣчанія, убѣдительно прошу Васъ сообщать ихъ мнѣ и впредь, въ знакъ Вашего добраго ко мнѣ расположенія. А между тѣмъ будьте здоровы и вѣрьте истинному почтенію къ Вамъ Вашего покорнѣйшаго слуги

Н. Карамзина.

6.

Царское Село, 1 Мая 1819.

Искренно благодарю Васъ, Милостивый Государь мой

Константинъ Өедоровичь, за обязательное письмо и за выписку изъ харатейнаго Пролога, для меня любопытную. О крестѣ Ольгиномъ говорится и въ печатномъ Прологѣ. Сынъ Мстиславовъ былъ Изяславъ, а не *Мстиславъ*: не описка ли это? Загляните въ подлинникъ. — Буду ждать выписки изъ житія Антоніева, сочиненнаго Царевичемъ Иваномъ Ив. — Второе изданіе моей Исторіи Вамъ доставлю при первомъ случаѣ.

Прошу Васъ изъявить мою искреннѣйшую признательность Господину Анкеню за его письмо и за доставленіе мнѣ сочиненной имъ Реторики, которую теперь съ удовольствіемъ просматриваю. Послѣ буду отвѣчать ему.

Будьте здоровы, дѣятельны и благосклонны къ Вашему

покорнѣйшему

Н. Карамзину.

7.

Царское Село, 7 Іюля 1819.

Усердно благодарю Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Өедоровичь, за сообщенныя мнѣ замѣчанія и бумаги; тѣ и другія для меня любопытны. Первыми я воспользуюсь въ *Прибавленіи* къ Исторіи, которое должно быть напечатано въ концѣ 8-го тома. Какъ Вы изъясняете *вымолъ*, и что хотѣли сказать о *батогѣ* Ярославовой Правды? — Г. Сленинъ доставитъ Вамъ отпечатанные томы Исторіи, а послѣ и слѣдующіе. Дальнѣйшимъ сообщеніемъ Вашихъ замѣчаній меня обяжете. Будьте здоровы и всегда благосклонны къ

Вашему покорнѣйшему слугѣ

Н. Карамзину.

8.

С. Петербургъ, 24 Ноября 1819.

Искренно благодарю Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Өедоровичь, за ваше обязательное письмо и за обѣ приложенныя бумаги, особенно за *Даніилово Слово*. Объ

этомъ *Заточникѣ* упоминается въ V т., въ примѣч. 48 Рос. Исторіи. Онъ жилъ при Георгіи Долгорукомъ. *Ростиславъ*, не хотѣвшій княжить въ Курскѣ, долженъ быть сыномъ Георгія. Думаю помѣстить въ прибавленіяхъ VIII тома и Даніилово Слово и Ваше любопытное извѣстіе о найденныхъ рубляхъ, равно какъ и надпись о Калитѣ.

Вы хотѣли сказать мнѣ что-то о *вымолѣ* etc.—Продолжайте одолжать меня вашими замѣчаніями и сообщеніемъ любопытныхъ бумагъ. *Собору* я не очень вѣрю: какъ Вы думаете? Будьте здоровы и благосклонны къ Вашему покорнѣйшему слугѣ

Н. Карамзину.

9.

С. Петербургъ, 3 Марта 1821.

Очень, очень благодарю Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Николаевичь, за Ваше любопытное письмо о Славян. Изокѣ: хотя и съ сожалѣніемъ, но должно разжаловать его изъ птицъ въ сверчки. Въ концѣ IX-го тома напечатаю нѣсколько строкъ изъ Вашего письма.

Продолжайте открывать, объяснять, etc. etc. Продолжайте и быть благосклоннымъ къ Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

10.

Желая Вамъ добраго здоровья, Милостивый Государь мой Константинъ Николаевичь, спѣшу сказать вамъ въ отвѣтъ, что я не знаю другаго Турова, кромѣ Минскаго, существующаго нынѣ въ видѣ бѣднаго мѣстечка. Тамошній монастырь Бориса и Глѣба исчезъ вмѣстѣ со многими иными въ Россіи.

Убѣдительно прошу Васъ исполнить обѣщаніе: то есть, доставить мнѣ новыя, какъ говорите, свѣдѣнія о Лжедимитріи, и быть всегда въ добромъ расположеніи къ Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

Царское Село,
13 Іюня 1821.

11.

С. Петербургъ, 27 Февр. 1822.

Очень благодарю Васъ, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, за ваше обязательное письмо, любопытную грамоту и примѣчанія. Крайне одолжите меня, если возьмете на себя трудъ выписать и доставить мнѣ страницы двѣ изъ Статейныхъ Списковъ *Австрійскаго* Двора № 8, л. 341, о движеніяхъ Кіевскаго Митрополита и Духовенства въ пользу Уніи: я отослалъ эту книгу въ Архивъ, не выписавъ того, что мнѣ весьма нужно.

Будьте здоровы и всегда благосклонны къ Вашему покорнѣйшему слугѣ

Н. Карамзину.

12.

С. Петербургъ, 4 Мая 1822.

Желая Вамъ добраго здоровья, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, снова прибѣгаю къ Вамъ съ прозьбою: въ Каталогѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, подъ № 237 въ четвертку, есть извѣстіе объ умершемъ въ 7097 году *Ростовцѣ Иванѣ*: сдѣлайте одолженіе, выпишите мнѣ нѣкоторыя подробности его жизни и сообщите. Навсегда Вамъ благодарный

покорнѣйшій

Н. Карамзинъ.

13.

Царск. Село, 5 Окт. 1823.

Милостивый Государь мой

Константинъ Ѳедоровичь!

Жестокая болѣзнь моихъ дѣтей была причиною, что я замедлилъ благодарить Васъ за Ваше обязательное письмо и за любопытное извѣщеніе о надгробной надписи Белевой. Въ Псковской Лѣтописи нѣтъ ничего особеннаго объ этомъ Героѣ: тотъ ея спнсокъ, о которомъ Вы говорите, уже давно возвращенъ мною Гр. Толстому чрезъ его зятя. Монеты Владиміровы, золотую и серебряную, я видѣлъ здѣсь и счи-

таю истинными, неподдѣльными: такъ думаетъ и знатокъ Кругъ. Продолжайте ревностно заниматься нашими древностями, ищите, открывайте, и будьте всегда благосклонны къ Вашему

покорнѣйшему слугѣ

Н. Карамзину.

14.

Желая Вамъ добраго здоровья, Милостивый Государь мой Константинъ Ѳедоровичь, прошу извинить, что сей экземпляръ доставляется Вамъ такъ поздно: это произошло отъ ошибки Коммиссіонера. Вы меня одолжите, если сообщите мнѣ нѣкоторыя замѣчанія. Вашъ покорнѣйшій

Н. Карамзинъ.

25 Апр.

15.

Царское Село, 30 Мая 1824.

Милостивый Государь мой

Константинъ Ѳедоровичь!

Съ любопытствомъ и съ благодарностію читалъ я Ваши замѣчанія, которыми Вы весьма одолжили меня, и которыми надѣюсь воспользоваться, если еще издамъ новый томъ Исторіи. Спасибо и спасибо! Ожидаю второй части *Рос. Древностей:* тутъ вѣрно будутъ ваши труды. Ожидаю я и Эксарха Болгарскаго. — Хорошо, если бы Вы потрудились извѣстить меня о гробѣ Шуйскаго: есть ли на немъ надпись? какая? Онъ между Царскими памятниками?

Будьте здоровы и всегда благосклонны къ Вашему

покорнѣйшему

Н. Карамзину.

16.

Царское Село, 27 Авг. 1824.

Милостивый Государь мой

Константинъ Ѳедоровичь!

Въ надеждѣ на Ваше доброе ко мнѣ расположеніе и любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ убѣдительно прошу

Васъ побывать въ селѣ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, и описать мѣсто, гдѣ стоялъ вторый Лжедимитрiй, или сообщить мнѣ комментарiй на слѣдующее Польское описанiе:

«Лагерь Самозванца съ южной, западной и сѣверной «стороны былъ окруженъ *двумя рѣками*, Москвою и *Туши-«номъ»* (такъ ли? есть ли тутъ *рѣка* Тушинъ?). «Къ Восто-«ку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и рвомъ» (остались ли слѣды?). «Тутъ стояли Донскiе Козаки, а Та-«тары вдоль Москвы рѣки; на другой сторонѣ лагеря пѣ-«хота и конница Польская, также вдоль рѣки; за рѣкою Рос-«сiяне, служившiе Самозванцу.»

Вы меня весьма одолжите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Будьте благополучны и благосклонны къ

Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

Пишутъ, что у Самозванца было около 80,000 человѣкъ.

17.

Царское Село, 16 Сент. 1824.

Милостивый Государь мой

Константинъ Ѳедоровичъ!

Отъ всего сердца благодарю Васъ за столь обязательное исполненiе моей прозьбы, за описанiе Тушинскаго стана, и за доставленiе мнѣ изданной Вами важной книги: съ любопытствомъ занимаюсь теперь ея чтенiемъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что Рос. Академiя оцѣнитъ, какъ должно, трудъ вашъ. При первомъ свиданiи съ Г. Министромъ спрошу о томъ. — Я спрашивалъ у Васъ о гробѣ *Царя* Шуйскаго, а не Скопина, дѣйствительно Героя, какъ Вы говорите. Будьте здоровы и всегда благосклонны къ Вашему

покорнѣйшему

Н. Карамзину.

V.

Старинное извѣстіе объ имѣніи Карамзиныхъ: село Михайловка-Преображенское.

П. Пекарскаго.

О мѣстѣ рожденія Карамзина, такъ же какъ и о годѣ, до настоящаго времени существуютъ противорѣчащія показанія. Г. Погодинъ, который безспорно болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ изслѣдователей, собралъ и обнародовалъ свѣдѣній, касающихся до жизни Карамзина, въ опытѣ его біографіи [1]) говорилъ, что «онъ родился въ селѣ Михайловкѣ, симбирской губерніи . . . уѣзда [2])». Къ этому авторъ прибавилъ примѣчаніе: «въ Симбирскѣ сказали мнѣ, что Карамзинъ родился въ селѣ Богородскомъ; выслушавъ Слово [3]), нѣкоторые замѣтили, что онъ родился въ деревнѣ Карамзиновкѣ. Я просилъ доставить точное свѣдѣніе и на дняхъ получилъ отъ сестры его друга, И. И. Дмитріева, извѣстіе, что Карамзинъ родился въ с. Михайловкѣ — не принадлежатъ-ли всѣ эти три названія одному селенію?»

Черезъ мѣсяцъ, г. Погодинъ сообщилъ [4]): «родился Карамзинъ въ сельцѣ Карамзинкѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Симбирска, по извѣстію, сообщенному отъ Надежды Никитичны Ознобишиной, родной племянницы покойнаго Николая Михайловича . . . Лишь только допечаталъ я, продолжаетъ г. Погодинъ, эти строки, какъ получилъ еще извѣстія — одно

---

[1]) Москвитянинъ, 1846 года, часть II, № 3, стр. 11.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Г. Погодинъ пріѣзжалъ въ Симбирскъ къ 23 августа 1845 года для произнесенія тамъ похвальнаго слова Карамзину по случаю открытія ему памятника.

[4]) Москвитянинъ 1846 года, часть II, № 4, Матеріалы, стр. 114, 115, 116.

отъ Н. М. Языкова, что Н. М. Карамзинъ, по сказанію его брата, еще здравствующаго, Александра Михайловича, родился оренбургской губерніи въ бузулуцкомъ уѣздѣ. Второе, подтвердительное отъ Натальи Ивановны Дмитріевой, которая, по благосклонности своей ко мнѣ, пишетъ: «что можетъ быть вѣрнѣе моей справки о родинѣ Николая Михайловича отъ его роднаго брата? У него въ книгѣ записаны рожденія цѣлаго ихъ семейства, кто гдѣ родился. Это истинно, что Николай Михаиловичъ родился оренбургской губерніи въ селѣ Михайловкѣ, Преображенское тожъ. Въ Карамзинкѣ родился одинъ меньшой его братъ, сынъ моей тетки, Александръ, а отъ первой жены всѣ родились въ оренбургской губерніи. Отецъ мой всегда смѣялся, говоря своему племяннику: братья твои родились въ оренбургской губерніи кругомъ Башкиръ, и ни который не похожъ на Башкира, а особенно Николай (у котораго бѣлизна была необыкновенная), а ты родилси около Симбирска и черенъ какъ азіатецъ» [1]).

Въ 1852 году, г. Ивлентьевъ (изъ Бузулука, самарской губерніи) сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о селѣ Михайловкѣ, Преображенское тожъ, какъ о мѣстѣ рожденія Карамзина [2]): «село это, говоритъ онъ, принадлежало родителямъ Карамзина: отставному капитану Михаилу Егоровичу Карамзину, простому деревенскому барину, и его супругѣ Екатеринѣ Петровнѣ Пазухиной. Ошибка происходила отъ того, что мѣсто рожденія исторіографа смѣшивали съ мѣстомъ рожденія брата его Александра. По смерти родителей Карамзина, Михайловка досталась по наслѣдству брату его Ѳедору, а нынѣ принадлежитъ родному племяннику. Михайловка находится въ 50-ти верстахъ отъ г. Бузулука, въ 10-ти верстахъ отъ большаго тракта, лежащаго отъ Бузулука на Бугурусланъ; стоитъ при двухъ ключахъ, изъ коихъ обра-

[1]) Послѣднее извѣстіе перешло безъ перемѣнъ въ Оренбургскія Вѣдомости 1846 года, № 22, неоф. отд., стр. 253, а отсюда, какъ новое открытіе, занесено въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1846 г. часть L, № 6, отд. VII, стр. 39, 40.

[2]) Москвитянинъ 1852 г., № 22, кн. 2, внутр. извѣстія.

зованъ прудъ, и замѣчательна своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Въ ней крестьянъ 200 душъ, двѣ церкви и нѣкогда былъ господской домъ съ садомъ и оранжереями. Въ домѣ была значительная библіотека старыхъ книгъ, между которыми хранилось полное собраніе оригинальныхъ сочиненій Карамзина. Въ этомъ домѣ родился исторіографъ, по увѣренію помѣщицы Карауловой, не такъ давно скончавшейся въ преклонныхъ лѣтахъ, которая коротко знала всю фамилію Карамзиныхъ. По ея сказанію, Михайла Егоровичъ Карамзинъ ѣзжалъ въ Михайловку изъ своей симбирской деревни хозяйничать и охотиться. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ супруга его разрѣшилась исторіографомъ, который отсюда увезенъ младенцемъ въ симбирское имѣніе. Отъ перваго брака съ Екатериною Петровною Пазухиной онъ имѣлъ трехъ сыновей: Василья, Николая и Ѳедора и дочь Екатерину, бывшую въ супружествѣ за казанскимъ помѣщикомъ чебоксарскаго уѣзда С. А. Кушниковымъ; отъ втораго — съ урожденною Дмитріевою: сына Александра и дочь Марѳу, бывшую въ супружествѣ за симбирскимъ помѣщикомъ Философовымъ. Всѣ они уже покойники».

Село Михайловка-Преображенское однако не долго считалось мѣстомъ рожденія Карамзина: въ 1857 году, Михаилъ Дмитріевъ напечаталъ, по его мнѣнію *), «вѣрнѣйшее извѣстіе» племянника Карамзина (имени не названо), и просилъ принять это извѣстіе «за окончательное рѣшеніе о мѣстѣ рожденія нашего исторіографа: Карамзинъ родился, по нынѣшнему раздѣленію Россіи, симбирской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ Карамзинкѣ, она же и Знаменское; а по тогдашнему раздѣленію: казанской губерніи, симбирской провинціи и того же уѣзда. Нѣкоторые полагали, что онъ родился въ оренбургской губерніи; но это рѣшительно не вѣрно. Оренбургская деревня, которую считали мѣстомъ рожденія Карамзина, именуется Преображенское, она же и Михайловка, тогда еще не была заселена: тутъ была въ 1765 г. степь»...

Не трудно замѣтить, что при рѣшеніи бо̀льшей части

*) Московскія Вѣдомости 1857 года, № 135, и Русскій Архивъ 1865 г., № 12, стр. 1534, 1535.

вопросовъ, возникающихъ на каждомъ шагу при описаніи дѣтства и юности Карамзина, были вовсе устранены тѣ требованія исторической критики, безъ которыхъ не удобомыслимо точное разъясненіе не только крупныхъ, но и мелкихъ событій. Отъ этого составилась масса показаній, между собою противорѣчащихъ, такъ какъ всѣ они не подкрѣпляются никакими положительными данными, но основаны на голословныхъ извѣстіяхъ и болѣе или менѣе остроумныхъ догадкахъ.

Неизвѣстно, есть ли какое-нибудь письменное свидѣтельство, что Михайловка-Преображенское основана уже послѣ 1765 года; но что восемь лѣтъ спустя, именно въ 1773 году, это селеніе существовало, что въ немъ находился барскій домъ, въ которомъ жилъ отецъ Карамзина, что тамъ строилась церковь, при которой священникомъ былъ Петръ Моисѣевъ, а въ сосѣдствѣ жилъ помѣщикъ Александръ Кудрявцевъ (извѣстно, что крестный отецъ историографа носилъ эту фамилію), — обо всемъ этомъ сохранились свѣдѣнія въ дѣлѣ, хранящемся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: о крестьянахъ карамзинскихъ и другихъ.

Священникъ села Ляховки (которая состояла въ оренбургскомъ уѣздѣ, отъ Оренбурга въ 250-ти верстахъ по самарской дистанціи), Петръ Степановъ, 12 ноября 1773 года показывалъ предъ бузулуцкимъ комендантомъ Данилою Вульфомъ, что «минувшаго октября мѣсяца 17 числа изъ состоящей подъ Оренбургомъ злодѣйской измѣннической толпы яицкіе казаки, а кто именно — онъ не знаетъ, съ калмыкомъ, кочующимъ на рѣкѣ Уранѣ Алексѣемъ, а чей сынъ не знаетъ же, всего въ тридцати человѣкахъ, были въ окружности ихъ, а именно: въ селахъ Николаевскомъ, Жданово тожъ, въ Преображенскомъ, Карамзино, Михайловка тожъ, въ деревнѣ Путиловкѣ и въ ихъ селѣ Ляховѣ, и пограбили въ тѣхъ жительствахъ господскіе домы»...

Въ послѣдствіи тотъ же священникъ, Петръ Степановъ, 9 декабря 1773 года, въ казанской духовной консисторіи разсказывалъ подробно и предшествовавшія этому событію

обстоятельства. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1773 года былъ онъ въ Новосергіевской крѣпости въ гостяхъ у священника Данилы Лаврентьева. «И 26 числа означеннаго сентября пріѣхалъ въ тое крѣпость Илецкой крѣпости казакъ Василій Ивановъ сынъ Новоженкинъ, который, подъѣзжая къ той крѣпости, такожъ и въѣхавъ улицею, снявъ съ себя шапку, махалъ и кричалъ, чтобъ люди радовались и веселились. А какъ въѣхалъ на подворье въ домъ къ казаку — имени и прозванія онъ, священникъ, не знаетъ — то за нимъ на тотъ крикъ многіе люди, въ томъ числѣ и онъ, священникъ Степановъ, съ вышеописаннымъ священникомъ же Даниловымъ взошли. И пришедъ въ избу, стали по обыкновенію молиться Богу, то показанный казакъ Новоженкинъ закричалъ: зачѣмъ они, попы, молятся троеперстнымъ сложеніемъ? Ему-де приказалъ показанной самозванецъ, назвавъ Петромъ Ѳедоровичемъ, молиться двумя персты: онъ-де возсталъ и сюда идетъ; и теперь-де находится въ Озерной крѣпости съ войскомъ всякаго званія въ четырехъ стахъ человѣкахъ. У коего-де онъ, Новоженкинъ, былъ и ему присягалъ, и руку цѣловалъ; и посланные-де отъ него толпами разъѣзды уже близко. И притомъ объявилъ, что онъ означенной крѣпости Озерной священника повѣсилъ: съ вами тожъ будетъ!»... Выслушавъ все это, священникъ Степановъ уѣхалъ въ свое село, Ляховку «и по пріѣздѣ объявилъ о томъ жительствующимъ по близку дворянамъ отставнымъ: маіору Александру Кудрявцеву, капитану Михайлѣ Карамзину и прапорщику Данилѣ Куроѣдову, которые уже и сами о томъ происходимомъ слухѣ были извѣстны, почему оные помѣщики, убоясь, въ тожъ время изъ тѣхъ жительствъ разъѣхались».

18 декабря 1773 года, крестьянинъ «оренбургскаго уѣзда, ставропольской провинціи, вотчины помѣщика Михайлы Карамзина, деревни Михайловой, Карпъ Колесниковъ показывалъ, что недѣль съ восемь тому назадъ въ ихъ деревню Михайлову пріѣзжали яицкіе казаки «и бывшихъ на работѣ у церкви крестьянъ спрашивали: дома-ли ихъ помѣщикъ?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, казаки отправи-

лись «къ господскому двору», разграбили его и объявили крестьянамъ, чтобы они не слушались помѣщика.

По словамъ этого крестьянина, а также священника Степанова «изъ села Карамзихи вышеписаннаго помѣщика Карамзина, крестьяне его» Леонтій Ивановъ, Григорій Феклистовъ Травкины и Ефремъ Карповъ ѣздили въ станъ къ Пугачеву, получили отъ него возмутительное воззваніе, которое было названо «именнымъ указомъ въ Михайлову деревню». 1 ноября 1773 года оно было прочитано всенародно въ церкви села Ляховки (оно же Всесвятское), о чемъ «собравъ... крестьянъ какъ мужескъ и женскъ полъ, такъ старыхъ и малыхъ, и взявъ села ихъ священника Петра Моисѣева, по неимѣнію въ селѣ ихъ Михайловкѣ церкви, пріѣхали въ село Ляхово» и заставили его прочитать послѣ обѣдни помянутое возмутительное письмо.

Въ казанской коммиссіи, судившей сообщниковъ Пугачева, Карпъ Колесниковъ названъ «крестьяниномъ ставропольскаго уѣзда, помѣщика Михайлы Карамзина деревни Михайловки».

Ставропольскій уѣздъ, въ которомъ находилось Преображенское - Михайловка - Карамзиха, былъ образованъ, на основаніи сенатскаго указа 29 февраля 1745 года, изъ земель уѣздовъ: казанскаго, симбирскаго и самарскаго. Въ немъ сосредоточивались поселенія крещеныхъ Калмыкъ. Въ Ставропольской крѣпости была учреждена провинціальная канцелярія. Какъ она, такъ и уѣздъ были приписаны къ оренбургской губерніи [1]). При казанскомъ епископѣ Лукѣ (былъ въ этой епархіи съ 1738 по 1755 годъ), Оренбургъ и бо̀льшая часть оренбургской губерніи по духовнымъ дѣламъ зависѣла отъ казанской епархіи [2]).

Около 1765 года, симбирская провинція, вмѣстѣ съ пятью другими: казанской, свіяжской, пензенской, вятской и пермской, входила въ составъ казанской губерніи. Изъ рукописнаго донесенія губернатора ея, Андрея Квашнина-

---

1) П. Рычкова, «Топографія оренбур. губ.», Спб. 1762 г., ч. I, стр. 49, 50.
2) П. Рычкова «Опытъ Казанской Исторіи», Спб. 1767 г., стр. 172.

Самарина (въ маѣ 1767 г.) видно, что тогда симбирскую провинцію составляли: города Симбирскъ, Сызранъ, Самара и уѣзды ихъ, городъ Корсунь и заказъ корсунскій. 10 августа 1773 года самарскій уѣздъ изъ симбирской провинціи отчисленъ къ оренбургской губерніи [1]). 15 сентября 1780 года, учреждено симбирское намѣстничество: въ число 13-ти уѣздовъ его вошли и уѣзды: самарскій и ставропольскій [2]). Изъ рукописнаго описанія открытія симбирскаго намѣстничества казанскимъ губернаторомъ, княземъ Платономъ Мещерскимъ узнаемъ, что къ 10 декабрю 1780 года въ Симбирскъ съѣхалось все дворянство, а 14 декабря о всѣхъ дворянахъ по уѣздамъ (стало быть, и о Карамзиныхъ) поданы были князю Мещерскому списки. Къ 1 января 1781 года въ Симбирскѣ открыты были всѣ губернскія присутственныя мѣста. 13 іюня 1781 года область уфимская и намѣстничество симбирское соединены были въ одно генералъ-губернаторство [3]), а 23 декабря того же года повелѣно было образовать въ апрѣлѣ 1782 года уфимское намѣстничество изъ двухъ областей: уфимской и оренбургской. Въ составъ послѣдней включенъ вновь учрежденный бузулукскій уѣздъ [4]), въ которомъ и донынѣ находится село Михайловка-Преображенское Карамзиныхъ. Изъ старинныхъ справокъ о родѣ ихъ въ Герольдіи Правительствуюшаго Сената можно видѣть, что пращуръ Н. М. Карамзина, Дмитрій Семеновичъ, Нижегородецъ, въ ноябрѣ 7114 (1606 г.) владѣлъ помѣстными землями въ нижегородскомъ уѣздѣ. Прадѣдъ исторіографа Петръ Васильевичъ имѣлъ такую же землю въ Симбирскимъ уѣздѣ въ 1710 году. Въ 1725 г. дѣдъ его, Егоръ Петровичъ, владѣлъ въ симбирскомъ уѣздѣ селами Карамзинымъ и Алексѣевкою. Наконецъ изъ указа оренбургской губернской канцеляріи, 14 іюля 1752 года, видно, что Михаилу Егоровичу Карамзину были отведены тогда земли въ Оренбургской губерніи.

---

1) «Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи», т. XIX, №
2) Ibid. т. XX, № 15060.
3) Ibid. т. XXI, № 15171.
4) Ibid. т. XXI, № 15307.

VI.

О годѣ рожденія Карамзина.

П. Пекарскаго.

Вопросъ: въ которомъ году родился Карамзинъ? не разъ былъ возбуждаемъ въ нашей литературѣ. Г. Погодинъ опытъ своей біографіи Карамзина началъ словами: «Карамзинъ родился 1766 года декабря 1 числа» (Москвитянинъ 1846 года, часть II, № 3, стр. 11), и въ примѣчаніи къ нимъ прибавилъ, что объ этомъ годѣ «возникло сомнѣніе»; что Н. Иванчинъ-Писаревъ въ прежде напечатанномъ похвальномъ словѣ Карамзину относилъ рожденіе исторіографа къ 1765 году, и что противъ этого не возражалъ находившійся тогда въ живыхъ старинный другъ Карамзина, И. Дмитріевъ. Г. Погодинъ прибавилъ къ этому, что принимаетъ 1766 годъ на основаніи собственноручной записки Карамзина, которую составилъ онъ для митрополита Евгенія.

Мѣсяцъ спустя, г. Погодинъ же сообщилъ (Москвитянинъ 1846 года, № 4, стр. 114): «Карамзинъ родился рѣшительно въ 1765 году», въ доказательство чему приведено: «въ письмѣ своемъ изъ Женевы, отъ 1 декабря 1789 года, Карамзинъ говоритъ: нынѣ мнѣ минуло 24 года. Вычтите 24 изъ 1789, и вы получите 1765. Онъ былъ моложе Ив. Ив. Дмитріева пятью годами и 21 днемъ, какъ это извѣстно было между ними и ихъ знакомыми, а Дмитріевъ родился 1760 года ноября 10. Приложите къ этимъ числамъ 5 лѣтъ 21 день, и вы получите 1765 г. декабря 1 число. Согласно съ этимъ и Иванъ Ивановичъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что въ 1770 году было Карамзину пять лѣтъ.»

Эти доводы на первый разъ казались убѣдительными, и нѣкоторое время послѣ того печаталось, что Карамзинъ родился 1 декабря 1765 года (Оренбургскія Вѣдомости 1846 г.,

неоф. часть, № 22, стр. 253; Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія 1846 года, т. L, № 6, отд. VII, стр. 39, 40; Москвитянинъ 1852 г., № 12, кн. 2, Внутр. извѣстія); но въ 1861 году г. С. Полторацкій (Сѣверная Пчела того года, № 65) сообщилъ результатъ сравненія по всѣмъ изданіямъ «Писемъ русскаго путешественника», означеннаго письма Карамзина изъ Женевы. Оказалось, что Карамзинъ показывалъ тамъ, что ему 1 декабря 1789 года было 24 года: 1792 года, въ Московскомъ Журналѣ, часть VI, стр. 328; 1797 года, въ отдѣльномъ изданіи «Писемъ русскаго путешественника», часть III, стр. 298; 1802 года, во второмъ изданіи Московскаго Журнала, часть VI, стр. 323, и 1803 года, въ «Сочиненіяхъ Карамзина», т. III, стр. 297. Въ слѣдующихъ за тѣмъ изданіяхъ «Писемъ русскаго путешественника», въ письмѣ изъ Женевы, вм. 24 лѣтъ, явилось 23 года: «нынѣ мнѣ минуло 23 года». Такая перемѣна сдѣлана въ первый разъ 1814 года въ новомъ изданіи «Сочиненій Карамзина» т. III, стр. 256, и потомъ повторена 1820 г. въ слѣдующемъ изданіи тѣхъ же «Сочиненій», т. III, стр. 195. Г. Полторацкій, не входя въ дальнѣйшія разысканія, принялъ позднѣйшія показанія Карамзина о своихъ годахъ болѣе вѣрными, чѣмъ раннія, и потому утверждалъ, что исторіографъ родился 1 декабря 1766 года. То же самое повторено г. Полторацкимъ въ 1865 году (Современная Лѣтопись № 65, и Отечественныя Записки за августъ мѣсяцъ).

Автобіографическая записка Карамзина для митрополита Евгенія и показанія въ «Письмахъ русскаго путешественника» составляли до настоящаго изданія Писемъ Карамзина къ Дмитріеву главнѣйшія и единственныя современныя свидѣтельства о годѣ рожденія Карамзина. О первой, по розысканіямъ Я. К. Грота, извѣстно, что она писана Карамзинымъ въ 1805 или 1806 годахъ, когда Карамзину было около, или всѣ 40 лѣтъ (Записки Академіи Наукъ, т. VIII, кн. II, проток., стр. 97, 98). Что касается письма изъ Женевы, то дѣйствительно въ разныхъ изданіяхъ показывается разно: въ раннихъ 24, а въ позднѣйшихъ 23 года; но при этомъ пропущено вовсе безъ вниманія другое указаніе Ка-

рамзина о своихъ годахъ въ тѣхъ же «Письмахъ русскаго путешественника», именно: «изъ Горной деревеньки въ Pays de Gez, марта 4, 1790 г.» Здѣсь приведенъ въ подлинникѣ паспортъ, данный Карамзину въ Женевѣ 1 марта 1790 года: certifions à tous qu'il appartiendra que M. N. N., âgé de 24 ans, Gentilhomme russe, lequel allant voyager en France и т. д. Карамзинъ оставилъ эту цифру безъ измѣненія и въ изданіяхъ 1814 и 1820 годахъ: такъ она уцѣлѣла и въ послѣднемъ, смирдинскимъ «Собраніи сочиненій» его, и отъ того вышло, что въ помянутыхъ сейчасъ изданіяхъ Карамзинъ, по письму изъ Женевы, родился въ 1766 году, а по данному ему тамъ же паспорту, гдѣ лѣта были выставлены, конечно, съ его же словъ, 1765 года.

Оба эти года нашли себѣ защитниковъ и противниковъ. М. Дмитріевъ, племянникъ стариннаго друга Карамзина, Ив. Дмитріева, съ самаго начала спора и до конца утверждалъ, что Карамзинъ родился въ 1765 году. Подтвержденіе тому онъ находилъ въ слѣдующихъ доводахъ: дядя его, знавшій Карамзина съ пятилѣтняго возраста, «утверждалъ всегда, что онъ старѣе его пятью годами, и что Карамзинъ родился въ 1765 году. Платонъ Петровичъ Бекетовъ, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, утверждалъ тоже, что онъ родился въ 1765 году.» Племянникъ Карамзина «сенаторъ Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ говорилъ однажды при мнѣ, что ему 48 лѣтъ и что онъ ровесникъ Карамзину. А это было въ 1814 году лѣтомъ: слѣдовательно 48 лѣтъ минуло Карамзину 1 декабря 1813 года.» При этомъ Дмитріевъ: 1) ссылается на письмо Новикова къ Карамзину, безъ года и безъ числа, гдѣ сказано, что первому 49 лѣтъ. По соображеніямъ Дмитріева, впрочемъ невѣрнымъ (Утро литературн. и полит. сборникъ г. Погодина, М. 1866 г., стр. 430—432), выходитъ, что письмо писано въ 1815 году; 2) указываетъ, что въ Исторіи литературы г. Греча (изд. 1822 г.) годъ рожденія Карамзина показанъ 1765, а по словамъ М. Дмитріева, г. Гречъ старательно собиралъ точныя извѣстія и для того обращался за ними ко всѣмъ находившимся въ живыхъ писателямъ; 3) не вѣритъ показа-

нію Бантышъ-Каменскаго въ «Словарѣ достопамятныхъ людей» о 1766 годѣ, какъ годѣ рожденія Карамзина, на томъ основаніи, что у Бантышъ-Каменскаго есть невѣрныя свѣдѣнія, напр. въ біографіи его дяди.

Въ 1865 году, г. Погодинъ возвратился къ прежнему мнѣнію своему, что Карамзинъ родился въ 1766 году, находя снова не подлежащимъ никакому сомнѣнію показаніе Карамзина въ автобіографической запискѣ его. Сверхъ того, г. Погодина убѣдили въ томъ и свидѣтельства дѣтей Карамзина и распоряженіе супруги его о вырѣзаніи на надгробномъ памятникѣ исторіографа 1766 года (Русскія Вѣдомости 1865 г., № 138; Московскія Вѣдомости 1865 г., № 259. Въ С. Петербургскихъ Вѣдостяхъ 1865 г., № 311, всѣ доводы гг. Полторацкаго и Погодина признаны «весьма сильными» безъ дальней ихъ повѣрки).

Г. Лонгиновъ согласенъ съ мнѣніемъ М. Дмитріева, котораго считаетъ авторитетомъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ изъ біографіи Карамзина. Позднѣйшую поправку въ письмѣ Карамзина изъ Женевы г. Лонгиновъ находитъ ошибочною, потому что, по его убѣжденію, легче ошибиться, говоря о лѣтахъ, въ зрѣломъ возрастѣ, чѣмъ въ молодости. При этомъ г. Лонгиновъ не точно говоритъ, что извѣстная поправка въ первый разъ сдѣлана въ 1820 г., тогда какъ она, по разысканіямъ г. Полторацкаго, явилась въ 1814 году (Русскій Архивъ 1865 года, № 12, стр. 1532 — 1534).

По мнѣнію г. Галахова, годъ рожденія Карамзина слѣдуетъ считать тотъ самый, который выставилъ онъ самъ въ своей автобіографической запискѣ. Показаніе же его въ извѣстныхъ изданіяхъ «Писемъ русскаго путешественника», что ему въ 1789 году было 24 года, г. Галаховъ полагаетъ ошибочнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, молодому человѣку легче забыть свои годы (С. Петербургскія Вѣдомости 1865 г., № 314). И г. Лонгиновъ, и г. Галаховъ каждый съ своей точки зрѣнія правы: ошибаются въ годахъ и старые люди, забываетъ лѣта и молодежь; но въ рѣшеніи историческихъ вопросовъ однихъ личныхъ соображеній недостаточно. Вполнѣ вѣря непогрѣшительности автобіографической записки

Карамзина, г. Галаховъ «съ сожалѣніемъ» замѣчаетъ однако, что исторіографъ сообщалъ разнорѣчащія показанія о своихъ годахъ, такъ напр. по письму его къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ 30 іюля 1820 г. выходитъ даже, что онъ долженъ былъ родиться 1767 года (На это извѣстіе, какъ на нѣчто новое, недавно обратилъ вниманіе г. Шугуровъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., № 10, стр. 1504—1506).

Изъ всего, что писано о годѣ рожденія Карамзина оказывается только то несомнѣннымъ, что онъ въ молодости, имѣя около 24 — 38 лѣтъ, говорилъ опредѣлительно, что родился въ 1765 году; въ 40 же и болѣе лѣтъ писалъ и говорилъ, что это случилось въ 1766 году, а иногда изъ его словъ въ письмахъ и въ настоящемъ сборникѣ выходитъ даже 1767 и 1768 годы. Тѣ его родственники и знакомые, которымъ были извѣстны дѣтство и молодость его (И. Дмитріевъ, П. Бекетовъ, С. Кушниковъ), утверждали, по свидѣтельству М. Дмитріева, что исторіографъ родился въ 1765 году. Супруга и дѣти его, которые могли знать о годахъ Карамзина по разсказамъ его самого и притомъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, свидѣтельствуютъ, что онъ родился въ 1766 году.

Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 3 декабря 1800 года Карамзинъ положительно указываетъ, что онъ родился въ 1765 году, и при этомъ высказываетъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, что ему столько лѣтъ: «третьяго дня (т. е. 1 декабря 1800 года) исполнилось мнѣ 35 лѣтъ отъ роду —

Время нравиться прошло»...

(См. настоящій сборникъ, письмо 109, стр. 120.)

Конечно, трудно увѣриться, чтобы человѣкъ, имѣя только 34 года, вздумалъ писать безъ всякой надобности къ пріятелю, что ему 35 лѣтъ и что, стало быть, его молодость прошла и т. д. При этомъ, все таки остается нерѣшеннымъ окончательно вопросъ: когда ошибался Карамзинъ въ молодости или въ зрѣлыхъ лѣтахъ? Ясно только, что здѣсь уже недостаточно свидѣтельствъ самого Карамзина, а тѣмъ ме-

нѣе голословныхъ показаній другихъ лицъ, хотя бы и близкихъ къ нему.

Во время печатанія настоящаго сборника была сдѣлана попытка къ архиварнымъ разысканіямъ. Карамзинъ служилъ нѣкоторое время въ преображенскомъ полку, а потому пишущій эти строки съ дозволенія командира полка, князя А. И. Барятинскаго, дѣлалъ поиски въ полковомъ архивѣ. Тамъ отъ прошлаго столѣтія уцѣлѣли именные списки служившихъ въ полку и полковые приказы, но не за всѣ годы, и въ нихъ нашлись указанія, не безполезныя для соображеній при описаніи дѣтства и юношества Карамзина, о которыхъ говорятъ его біографы только по догадкамъ.

Карамзинъ былъ при полку въ Петербургѣ уже въ 1781 г. Отъ этого года сохранился «реверсъ», въ которомъ расписывались всѣ получившіе отпускъ изъ полка. Здѣсь на 1-й страницѣ вписано:

«1781 года, лейбъ-гвардіи преображенскаго полку въ полковой канцеляріи того жъ полку отпущенные въ домы по нуждамъ унтеръ-офицеры, капралы и прочіе дали сей реверсъ въ томъ, чтобъ на данные имъ въ паспортахъ сроки неотмѣнно явиться къ полку, и будучи въ томъ отпуску никакихъ противныхъ указомъ поступокъ не чинить, во исполненіе чего у сего подписуются»... Затѣмъ слѣдуютъ до конца книги подписи отпускныхъ, и между ними на оборотѣ листа 114, подъ 11-мъ сентября написано: (рукою писаря:) Подпрапорщикъ Николай Карамзинъ на годъ. (Потомъ рукою Карамзина:). «Синбирскаго уезда в село Знаменское, пашпортъ взялъ Подпрапорщикъ Никалай Карамзинъ.»

Это самая ранняя изъ извѣстныхъ донынѣ подписей исторіографа, а потому снимокъ съ нея приложенъ при настоящемъ сборникѣ.

Далѣе, въ книгѣ полковыхъ приказовъ за 1782 годъ, на л. 111, въ приказѣ отъ 10 сентября значится: «явшихся (sic) изъ отпуска подпрапорщика Николая Карамзина переписать въ бомбардирскую роту, а изъ 14 выключить; о службѣ сообщить»... (Затѣмъ слѣдуютъ имена другихъ лицъ, возвратившихся изъ отпуска).

Наконецъ, въ книгѣ полковыхъ приказовъ за 1783 годъ, на оборотѣ листа 23, подъ 6-мъ февраля 1783 года внесено: «числить въ отпуску: изъ сержантовъ Александра и Дмитрія Норовыхъ — годъ; Ѳедора Назимова, каптенармуса Николая Карамзина — 11 мѣсяцевъ»...

Приказовъ за 1784 и 1785 годы въ архивѣ нѣтъ, почему я думалъ быть счастливѣе въ своихъ поискахъ, обратившись къ стариннымъ дѣламъ Военной Коллегіи. Благодаря благосклонному содѣйствію Г. Военнаго Министра, генералъ-адъютанта Д. А. Милютина, получена справка изъ дѣлъ московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба (27 октября 1866 г. за № 439): 9 января 1784 г. канцелярія преображенскаго полка прислала въ военную коллегію списокъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ изъ этого полка 1 января 1784 г. съ награжденіемъ офицерскими чинами. Въ числѣ ихъ значится подпрапорщикъ (sic) Николай Карамзинъ, который въ службѣ въ армейскихъ полкахъ состоялъ съ 1774 года; въ 1781 году переведенъ въ преображенскій полкъ; 28 апрѣля того же года произведенъ въ подпрапорщики и до выхода въ отставку былъ въ бомбардирской ротѣ; въ отставку выпущенъ съ чиномъ поручика. За тѣмъ въ помянутомъ отдѣленіи архива о службѣ Карамзина до перевода въ гвардію никакихъ извѣстій не отыскано.

При внесеніи дворянскихъ фамилій въ родословныя книги обозначается возрастъ записываемыхъ туда лицъ: поэтому пишущій эти строки обращался и къ дѣламъ Герольдіи Правительствующаго Сената. Здѣсь есть три дѣла о Карамзиныхъ: одно 1799 г. (№ 662) о выдачѣ герба Н. М. Карамзину; другія два 1833 и 1854 гг. о внесеніи въ родословную дворянскую книгу потомковъ братьевъ его. Хотя въ этихъ дѣлахъ и хранятся старинныя справки о Карамзиныхъ, но о годѣ рожденія исторіографа свѣдѣній также нѣтъ.

VII.

О книгахъ, печатанныхъ въ типографіи Н. И. Новикова, и объ изданіи Карамзина: «Бесѣды съ Богомъ».

П. Пекарскаго.

Императрица Екатерина, 23 декабря 1785 г., приказала московскому главнокомандующему графу Брюсу составить роспись «странныхъ» книгъ, выходившихъ изъ типографіи Новикова, и отослать ее, вмѣстѣ съ самыми книгами, къ московскому архіепископу Платону. Того же числа и года, послѣднему было повелѣно Новикова «испытать въ законѣ нашемъ, равно и книги его типографіи освидѣтельствовать». Донесеніе Платона объ исполненіи этого повелѣнія послѣдовало въ январѣ 1786 года: Новиковъ, по мнѣнію преосвященнаго, былъ такимъ христіаниномъ, каковыми желательно было бы видѣть всѣхъ христіанъ; книги же, печатанныя въ его типографіи, раздѣлены на три разряда: однѣ признавались полезными; другія — мистическими, третьи, наконецъ, — зловредными.*)

Изъ вѣдомости, подписанной московскихъ архіепископомъ Платономъ и сохраняющейся въ Государственномъ Архивѣ, видно, что слѣдующія книги признаны «сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ забужденіямъ и къ разгоряченію умовъ»:

1. О заблужденіяхъ и истинѣ.
2. Апологія, или защищеніе вольныхъ каменьщиковъ.
3. Братское увѣщаніе.

*) «Новиковъ и Щварцъ. Матеріалы для исторіи русской литературы въ концѣ XVIII вѣка», соч. г. Лонгинова (Москва 1857 г.) стр. 24, 25, 28. «Лѣтописи русской литературы и древностей» г. Тихонравова 1859, кн. I, отд. III. стр. 23—28, и 1863 г., томъ V отд. II «Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ», стр. 1—6.

4. Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть.

5. Карманная книжка.

6. Парацельса, химическая псалтирь.

7. Новая Киропедія, или путешествія Кировы, въ двухъ частяхъ.

8. Похвала Сократу.

9. Драгоцѣнная меду капля.

10. Поэма Іосифъ, изд. 2.

11. Человѣкъ въ 40 талеровъ,

12. Іоанна Масона о познаніи самого себя, три части.

13. Избранная библіотека въ двухъ частяхъ.

14. Наставленія отъ отца къ дочерямъ.

15. Древняя и новая исторія Миллотова десять частей.

16. Аристидъ, или истинный патріотъ.

17. Лактанція Фирміана Божественныхъ наставленій, 7 книгъ.

18. Билеты десертные, русскіе и французскіе.

19. Русскія сказки, десять частей.

20. Сказки духовъ, или забавныя наставленія Горама сына Осмарова, шесть частей.

21. Библіотека нѣмецкихъ романовъ, три части.

22. Собраніе новое полное россійскихъ пѣсенъ.

«Сверхъ того, сказано въ концѣ вѣдомости, весьма не мало находится комедій, кои должны бы служить ко исправленію нравовъ, но они къ сему похвальному концу мало клонятся, а только могутъ, особливо въ молодыхъ людяхъ, усилить страсти, которыя и безъ того неослабно дѣйствуютъ».

Собственноручное письмо Платона къ графу Я. А. Брюсу:

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь мой!

Между книгами сумнительными, коихъ вѣдомость имѣлъ я счастіе представить Ея Императорскому Величеству, оказалась еще книга подъ названіемъ: *О древнихъ мистеріяхъ, или таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ*. Она предосудительна: «ибо выхваляетъ языческія тайны, кои столь-

ко Церковію найдены порочными; да еще притомъ утверждаетъ, что акибы Христіанство свои не токмо обряды, но и таинства оттуду заимствовало». Она печатана въ типографіи Лопухина, ценсуры Г. Островскаго. При прочихъ книгахъ и она мною читана и замѣчена; но въ реестръ забвеніемъ не внесена: ибо, въ множествѣ книгъ замѣшавшись, была не усмотрѣна; но послѣ о ней вспомнили и нашли. Прошу Ваше Сіятельство сіе мое всеподаннѣйшее донесеніе представить Ея Императорскому Величеству. Впрочемъ есмь съ моимъ отличнымъ почитаніемъ

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
усерднѣйшій слуга и богомолецъ
Платонъ А. Московскій.

1786 г. Марта 12 д.
Москва.

Рядомъ съ этимъ письмомъ сохранилось прошеніе Новикова отъ того же 12 марта 1786 года или къ графу Брюсу, или къ графу Безбородко (всѣ здѣсь помѣщенныя бумаги хранятся въ дѣлахъ, бывшихъ въ производствѣ послѣдняго).

Сіятельный графъ
Милостивый государь.

Рѣдкія свойства и добродѣтели, украшающія особу вашу, и великодушное покровительство, оказываемое страждущимъ въ несчастныхъ приключеніяхъ, повсюду прославляемыя, ободряютъ и меня къ принесенію всепокорнѣйшей просьбы моей вашему сіятельству.

Не осмѣливаюсь я обременять ваше сіятельство пространнымъ описаніемъ несчастной судьбы моей, а донесу только, что кромѣ всѣхъ тѣхъ слуховъ, кои мое имя чернили, и коихъ справедливость время покажетъ, несчастный жребій мой отягощенъ теперь несказанно болѣе тѣмъ, что не только я подвергаюсь конечному потерянію имѣнія и содержанія семьи моей, но даже и тѣ со мною, кои по родству и дружбѣ своей ввѣрили мнѣ капиталы свои для содержанія типографіи и производства книжной торговли.

По всевысочайшему Ея Императорскаго Величества указу запечатана нынѣ книжная моя лавка и запрещена продажа книгъ впредь до того времени, пока высокопреосвященный архіепископъ московскій разсмотритъ книги, взятыя у меня господиномъ губернскимъ прокуроромъ и кои всѣ по свидѣтельству его оказались печатными съ указною цензурою. *)

Такому высокомонаршему повелѣнію повинуясь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, ожидаю рѣшенія участи моей отъ матерняго Ея Императорскаго Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ милосердія. А между тѣмъ, по запрещеніи мнѣ книжной продажи, не имѣя никакого дохода, долженствуя содержать типографію со всѣми ея служителями и сверхъ того платить за поставленные матеріалы и удовлетворять кредиторамъ, необходимо долженъ я опасаться совершеннаго разоренія.

Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь просить милостиваго вашего сіятельства заступленія. Возрите на несчастный жребій мой и облегчите оный ходатайствомъ вашего сіятельства. Я не испрашиваю ничего для себя противнаго узаконеніямъ: ежели между изданными мною книгами найдутся противныя всевысочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, то хотя произошло оное не отъ моего умысла или худаго какого намѣренія, но точно по невѣдѣнію и той надеждѣ, что книги вступали въ печать съ указною цензурою, однако я охотно понесу убытокъ отдачею таковыхъ книгъ, когда повелѣно будетъ; но во ожиданіи имѣющей воспослѣдовать всевысочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи, по учиненіи разсмотрѣнія, осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать себѣ великодушнаго вашего сіятельства покровительства и исходатайствованія милосердаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія о распечатаніи и раз-

---

*) Донесеніе объ этомъ московскаго прокурора Тейльса вмѣстѣ съ росписью книгъ, найденныхъ въ типографіи и книжной лавкѣ Новикова, напечатано въ Москвитянинѣ 1842 г., часть II, № 3, Матеріалы для исторіи, стр. 131—146. Тейльсъ такую же роспись препроводилъ къ московскому архіепископу Платону 31 декабря 1785 г.

рѣшеніи прочихъ несомнительныхъ книгъ, какъ-то: грамматикъ, лексиконовъ, математическихъ, историческихъ, географическихъ, экономическихъ, романовъ, сказокъ, театральныхъ сочиненій и тому подобныхъ, коихъ болѣе двухъ третей находится между взятыми для разсмотрѣнія къ его высокопреосвященству и нынѣ запечатанными книгами.

Симъ великодушнымъ ходатайствомъ ваше сіятельство спасете отъ совершеннаго разоренія и меня, и всѣхъ участвующихъ въ моемъ несчастіи, и обяжите во всю жизнь прославлять высокое покровительство вашего сіятельства, которому единственно препоручая мой жребій, пребуду навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и живѣйшею благодарностію

сіятельнѣйшій графъ
милостивый государь
вашего сіятельства
всепокорнѣйшимъ слугою
Николай Новиковъ.

Марта 12 дня
1786 года.

Пятнадцать дней послѣ этого прошенія, Екатерина II приказала Брюсу дозволить снова продажу книгъ Новикову за исключеніемъ шести изданій *). Послѣднія суть тѣ самыя, которыя въ приведенной выше вѣдомости архіепископа Платона значатся подъ № 1—6.

И. Дмитріевъ **) говоритъ, что во времена близкихъ отношеній Карамзина къ московскимъ масонамъ онъ, между прочимъ, перевелъ и издалъ «два или три тома *Штурмовыхъ размышленій*, подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, *Бесѣды съ Богомъ* . . .»

Въ позднѣйшія времена это извѣстіе Дмитріева было заподозрѣно на томъ лишь основаніи, что «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія, на каждый день года, и бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утрен-

*) Это повелѣніе напечатано уже въ Словарѣ достопамятныхъ людей Бантышъ Каменскаго, 1836 г., ч. IV, стр. 28, и г. Лонгиновымъ въ ст. «Новиковъ и Шварцъ» (Москва 1857), стр. 28, 29.

**) «Взглядъ на мою жизнь» (Москва 1866 г.), стр. 43.

ніе и вечерніе часы» переведены не тѣмъ будто бы языкомъ, какимъ переводилъ Карамзинъ «Юлія Цесаря» и «Эмилію Галотти» *). Г. Погодинъ заявилъ о существованіи подлинныхъ собственноручныхъ корректуръ Карамзина, уцѣлѣвшихъ отъ сейчасъ названнаго періодическаго изданія у г. Ѳ. Глинки. **) Въ дополненіе къ этому извѣстію г. Погодина, сообщаются здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, окончательно подтверждающія показаніе современника и друга Карамзина — Дмитріева.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1786 г. (ноябрь, стр. 805) было помѣщено «Объявленіе о подпискѣ на издаваемое въ 1787 году Періодическое Изданіе:

«Періодическое Изданіе, о коемъ чрезъ сіе предлагается Почтенной Публикѣ, состоять будетъ изъ трехъ отдѣленій: 1) Подъ заглавіемъ: *Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы, на каждый день года*, состоять будетъ изъ 4 Частей, а каждая Часть изъ трехъ книжекъ, или мѣсяцевъ, и выходить будетъ чрезъ цѣлый годъ въ началѣ каждаго мѣсяца.

2) Подъ заглавіемъ: *Размышленія о дѣлахъ божіихъ въ царствѣ природы и провидѣнія, на каждый день года*, состоять будетъ также изъ 4 Частей, раздѣленныхъ на 12 книжекъ, и будетъ издаваемо въ срединѣ каждаго мѣсяца.

3) Отдѣленіе подъ заглавіемъ: *Размышленія въ вечерніе часы, на каждый день года*, равномѣрно будетъ состоять изъ 4 Частей, на 12 книжекъ раздѣленныхъ, и выдаваемо будетъ въ концѣ каждаго мѣсяца.

Всѣ же три отдѣленія составятъ во весь 1787 годъ 12 Частей, или 36 №, содержащихъ въ себѣ около 250 печатныхъ листовъ. Бумага на сіе изданіе употреблена будетъ бѣлая. Каждой № переплетенъ будетъ въ голубую бумажку, на которой сообщаемо будетъ о новыхъ книгахъ,

---

*) Современникъ 1853 г., т. XLII, отд. III, «Н. М. Карамзинъ. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности» ст. г. Галахова, стр. 38.

**) Утро, литературный и полическій сборникъ, Москва, 1866 г., «Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина», стр. 39.

вступившихъ въ продажу. Подписка на сіе Изданіе продолжается здѣсь въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ, а въ другихъ городахъ Россійской Имперіи въ Почтовыхъ Конторахъ и продолжится до 1 числа Марта 1787 года. Раздача же начнется съ 1 января наступающаго года. Цѣна всѣмъ 12 Частямъ или 36 №, въ бумажномъ переплетѣ здѣсь въ Москвѣ 10 рублей, а въ другихъ городахъ 11 руб. По окончаніи же подписки и по истеченіи всего 1787 года продаваться будетъ по 15 руб., а въ бумажномъ переплетѣ по 17 рублей. — Особы, благоволившія подписаться и заплатить означенную сумму, получатъ билеты. — Имена Особъ, подписавшихся на сіе Періодическое Изданіе, будутъ припечатываемы при концѣ каждой части».

Это объявленіе не укрылось отъ вниманія Императрицы Екатерины II, и въ дѣлахъ графа Безбородки находится такая записка:

«По объявленію о новомъ періодическомъ изданіи, угодно Ея Величеству получить вѣрное свѣдѣніе: кто именно издатели онаго, и читано ли оно архіепископомъ Платономъ? — Писано къ П. Д. Еропкину (заступившему мѣсто вышепомянутаго графа Я. А. Брюса) ноября «   » 1786 года».

Еропкинъ отвѣчалъ на это графу Безбородкѣ:

«Милостивый государь мой

графъ Александръ Андреевичъ.

«Почтенное письмо Вашего Сіятельства отъ 28 ноября имѣлъ я честь вчерашняго дня въ вечеру получить, и по силѣ изображеннаго въ немъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія о періодическомъ изданіи: *Бесѣды съ Богомъ* и проч., взятое чрезъ управу благочинія отъ содержателя университетской типографіи поручика Новикова объясненіе и того изданія на генварь мѣсяцъ одинъ экземпляръ препровождаю при семъ къ вашему сіятельству; предписавъ управѣ благочинія и опредѣленнымъ цензорамъ имѣть строгое наблюденіе о подобныхъ сему книгахъ, съ подтвержденіемъ и всѣмъ здѣшнихъ типографій содержате-

лямъ. О чемъ объявя вамъ, милостивый государь мой, пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Петръ Еропкинъ.

№ 1168.
Декабря 3 дня
1786 года
Москва.

При письмѣ приложено собственноручное показаніе Новикова (при передачѣ его здѣсь сохраняется правописаніе подлинника):

«1786 года Декабря 3 дня нижеподписавшійся Порутчикъ Николай Новиковъ объявилъ, что

1) Помянутое Періодическое Изданіе, есть переводъ съ Нѣмецкаго языка одна сочиненія *Штурма*, другая сочиненія *Тиде*, и третья безъ имени Авторова.

2) Переводима была на Россійской языкъ Господиномъ Карамзинымъ.

3) Ценсура на оной бывшаго Господина Оберполицїймейстера Островскаго.

4) Печатается на коштъ переводчика оной, а въ лавку отдана сускрипція по коммиссіи.

5) У Высокопреосвященнаго Московскаго Архіепископа на аппробаціи не была, потому, что тогда никакія книги послѣ Цензуры Управы Благочинія къ преосвященному подаваны не были; но по напечатаніи первой части подавана была Его Высокопреосвященству и ему дедикована, и удостоилась Его аппробаціи. Порутчикъ Николай Ивановъ сынъ Новиковъ».

VIII.

Lettre au spectateur sur la littérature russe.

(Статья Карамзина, напечатанная въ Spectateur du Nord 1797 г.*)

C'est avec bien du plaisir, monsieur, que je me rends à votre obligeante invitation, et prends la plume pour dire quelques mots sur notre littérature, que vous voulez bien supposer digne de l'attention de vos lecteurs. Oui, monsieur, le génie est de tous les climats, et en Russie même il y a des gens à talens, qui sont assez modestes pour ne pas disputer la palme aux littérateurs français, allemands etc., mais qui, en lisant leurs immortels ouvrages, peuvent se dire: *et nous aussi nous sommes peintres*! Oui, partout la nature est grande et sublime; partout elle frappe à notre coeur, pour émouvoir ce principe de sensibilité, qui réside dans l'âme d'un sauvage, aussi bien que dans celle de J. J. Rousseau; partout il est des hommes, qui en sont doués dans un degré supérieur; qui, plus que les autres, sont attentifs aux phénomènes du monde physique et moral; qui en reçoivent des impressions plus vives, plus profondes, et les expriment avec plus d'énergie, plus de nuances. Et voilà l'origine de tous les talens; voilà surtout celle de la poësie, que les Russes cultivoient bien avant le tems de Pierre le Grand.

Nous avons des chansons, des romances, faites il y a deux ou trois siècles, où l'on trouve l'expression la plus touchante, la plus naïve de l'amour, de l'amitié etc. Tantôt c'est une bergère, qui pleure la mort de son amant, tué dans un combat, et dont on lui apporte l'habit ensanglanté, qu'elle

*) См. въ настоящемъ изданіи Письмо 76, стр. 82, и ниже примѣчанія.

veut laver de ses larmes; tantôt c'est un *Bogatir*, un chevalier errant, qui scelle de son sang le serment d'amitié, et dit à son frère d'armes: «Vois-tu ce rocher de granit, qui «brave les orages? Telle sera mon amitié constante qui bravera «pour toi les orages de la vie!» Tantôt c'est un jeune pasteur qui chante le bonheur de ses brebis, avec plus de naturel que Madame Deshoulières, et charme ainsi l'ennui de son existence isolée; tantôt c'est un malheureux prosélit, qui fuit la société, s'enfonce dans les noires forets, vit avec les bêtes féroces, et les trouve moins cruelles que les hommes. Dans toutes ces chansons, la cadence des vers est très régulière est très variée; dans toutes règne une mélancolie, un doux penchant à la tristesse, qui fait le caractere de notre peuple, et qui est parfaitement bien exprimé dans des airs très simples, très monotones, mais très touchans.

Nous avons aussi de bien vieux romans de chevalerie (dont les héros sont pour la plupart des généraux du prince Wladimir, notre Charlemagne) et des contes de fées, dont plusieurs méritent le nom de poëmes. Mais ce qui vous surprendra peut-être davantage, monsieur, c'est qu'on a déterré, il y a deux ans, dans nos archives, le fragment d'un poëme, intitulé *le Chant des guerriers d'Igor*, qui peut être mis à côté des plus beaux morceaux d'Ossian, et qui a été fait dans le douzième siècle par un auteur inconnu. Un style énergique, des sentimens d'un héroïsme sublime, des images frappantes, puisées dans les horreurs de la nature, sont le mérite de ce fragment, où le poëte, traçant le tableau d'un combat sanglant, s'écrie: «Ah! je sens que mon pinceau «est foible et languissant; je n'ai pas le talent du grand «*Bayan*, ce rossignol des tems passés!» Il y avait donc en Russie, avant lui, de grands poëtes, dont les ouvrages sont engloutis par les siècles! Nos annales ne nomment point ce *Bayan;* nous ne savons ni quand il a vécu, ni ce qu'il a chanté. Mais cet hommage, rendu à son génie par un tel poëte, fait vivement regretter la perte de ses ouvrages.

Quand Pierre le Grand déchira le rideau qui cachoit à nos yeux les nations civilisées de l'Europe et les progrès

de leurs arts, le Russe, humilié par le sentiment de son infériorité, mais se sentant capable d'instruction, voulut imiter les étrangers en tout, dans la façon de vivre comme dans le costume, dans les moeurs comme dans les arts; il modela sa langue sur celle des Allemands, des Français, et notre poësie, notre littérature devinrent l'écho et la copie des leurs.

Depuis ce tems, nous nous sommes essayés, avec assez de succès, dans presque tous les genres de littérature. Nous avons des poëmes épiques qui présentent les beautés d'Homère, de Virgile, du Tasse; nous avons des tragédies qui font pleurer, des comédies qui font rire, des romans qu'on lit quelquefois sans bailler, des contes faits avec esprit, etc. etc. La sensibilité, l'imagination, les talens enfin ne nous manquent point; mais le temple du goût, mais le sanctuaire de l'art s'ouvrent rarement devant nos auteurs. C'est que nous écrivons par boutades; c'est que le peu d'encouragement ne nous invite point à une étude assidue; c'est que, par la même raison, les critiques judicieux sont rares en Russie; c'est que dans un pays, où le rang fait tout, la renommée a peu de charmes.

En général on fait chez nous plus de vers que de prose; parcequ'à la faveur de la rime, l'on se permet plus de négligences, qu'on peut lire une jolie chanson en société à une jolie femme, et qu'un ouvrage en prose demande plus d'idées mûres. Depuis quelques années, on publie un Almanach des Muses à Moscou, sous le titre des *Aonides*, avec cette épigraphe prise de Chamfort:

> Chérissons le rival qui peut nous surpasser;
> Nommez-moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser.

Tous nos poëtes y paroissent sur la scène, pour chanter les délices ou les peines de l'amour, le sourire du printems ou les horreurs de l'hiver, les charmes de l'étude ou ceux de la paresse, la grandeur de nos souverains ou les graces de nos bergères; et puis ils se taisent pour toute l'année.

L'extrait ci-joint d'un ouvrage en prose, qui a fait quelque sensation en Russie, vous fera juger de notre manière de

voir les choses, d'écrire et d'analyser les productions littéraires.

Lettres d'un voyageur russe, en cinq vol. Moscou 1797.

Cet ouvrage doit en partie son succès à la nouveauté du sujet pour les lecteurs russes. Depuis assez longtems nos compatriotes*) voyagent dans les pays étrangers; mais aucun d'eux, jusqu'à présent, ne s'est avisé de le faire sa plume à la main. L'auteur de ces lettres a eu le premier cette idée, et il a parfaitement réussi à intéresser le public. C'est un jeune homme, avide de voir la nature là où elle se présente sous des aspects plus riants, plus majestueux que dans notre pays, et surtout avide de voir les grands écrivains, dont les ouvrages ont développé les premières facultés de son âme: il s'arrache des bras de ses amis, et part seul avec son coeur sensible. Tout l'intéresse: les curiosités des villes, les nuances qui distinguent leurs habitans dans la manière de vivre, les monumens qui lui rappellent quelque fait d'histoire, quelque événement célèbre; les traces des grands hommes qui ne sont plus, les sîtes agréables, la vue des champs fertiles et celle de la mer immense. Tantôt il visite un vieux chateau, abandonné et en ruine, pour y rêver à son aise et se perdre avec ses idées dans la nuit des tems passés; tantôt il se présente à la porte des auteurs célèbres, sans autre recommandation que son enthousiasme pour leurs écrits; et presque toujours il en est bien reçu. Mais quelqefois il essuie aussi de petites mortifications. Kant, Nicolaï, Ramler, Moritz, Herder l'accueillent avec une aménité et une cordialité qui l'enchantent; et alors il se croit transporté dans ces tems anciens, où les philosophes alloient voir leurs semblables dans les pays les plus éloignés et trouvoient partout des hôtes hospitaliers et des amis sincères. Mais

*) Nous donnons cet article comme la lettre, tel qu'il nous a été envoyé; il pourra faire juger jusqu'à quel point notre langue est cultivée en Russie par les gens de lettres. Nous avons le plus grand regret de ne pouvoir nommer le littérateur distingué à qui nous le devons; mais nous devons respecter la loi que sa modestie nous a imposée.

quand l'immortel auteur *d'Agathon*, dans un accès de mauvaise humeur, lui dit: «Monsieur, je ne vous connois pas!» il est étonné, pétrifié; déjà il veut s'éloigner et renoncer à sa manie pour cette sorte de visites; mais le bon Wieland s'adoucit, change de ton, le retient, lui parle avec confiance; et le jeune voyageur, après avoir passé trois heures dans le cabinet de ce grand poëte, lui dit adieu, pénétré de reconnoissance et pleurant d'attendrissement. C'est à Francfort-sur-le-Mein, qu'il apprend la nouvelle de la révolution française; il en est vivement agité; il entre en Alsace, ne voit que des troubles, n'entend parler que de vols, d'assassinats, et court en Suisse, pour y respirer l'air d'une liberté paisible; il traverse ces vallons délicieux, où les laboureurs jouissent tranquillement des fruits de leur travail modéré; il grimpe sur les montagnes les plus élevées, couvertes de neiges éternelles, et là, sur leur cime majestueuse, il fléchit le genou pour adorer le père de l'univers; il vit familièrement avec les bergers des Alpes, ne devient que trop sensible à la beauté des bergères, et ne descend qu'à regret dans les plaines. A Zurich, il dine tous les jours avec le célèbre Lavater, dont il aime la franchise, la bonhomie, mais dont il plaint les opinions erronées. Il se plaît à Berne, à Lausanne, à Vevay; il relit à Clarens les lettres les plus passionnées de la *Nouvelle Héloïse*, et se fixe à Genève. Il est admis dans tous les cercles, dans toutes les sociétés de cette charmante ville, assiste dans la maison de Mme. C. aux leçons mystiques d'un comte émigré, fait la connoissance du célèbre Bonnet, et passe à Genthod des heures délicieuses, «en contemplant, comme il le dit, le contemplateur de la «nature, à la veille de son départ pour les régions célestes; «en lisant sur son front auguste cette douce tranquillité, ce «paisible sommeil d'une âme, qui, après avoir déployé toute «son activité, et atteint le plus haut degré de la perfection «intellectuelle, n'a plus rien à faire sur la terre». On s'arrête avec plaisir à tous les détails qui concernent le célèbre Bonnet, ami tendre de son épouse, ami de tous les hommes et bienfaiteur des pauvres. — L'auteur fait des excursions

en Savoye, en Suisse; croit voir l'ombre de J. J. Rousseau dans l'île de St. Pierre, lui parle dans ses extases, et revient à Genève lire la suite de ses *Confessions* qui venoit de paroître. Il visite souvent le chateau de Ferney, d'où partoient autrefois ces traits de lumière, qui ont dissipé les ténèbres de la superstition en Europe; ces traits d'esprit et de sentiment, qui faisaient tantôt rire et tantôt pleurer tous les hommes.

Enfin l'auteur dit adieu au beau lac de Genève, attache à son chapeau la cocarde tricolore, entre en France, fait quelque séjour à Lyon, s'extasie de la politesse française, et cherche en vain le tombeau d'Amandus et d'Amanda*), celui de Faldoni et de Thérèse; il poursuit son voyage, et se fixe à Paris. C'est ici que le lecteur l'attendoit; c'est ici que ses lettres acquièrent plus d'intéret et de variété. D'abord, il est étourdi par le spectacle de la plus grande et la plus bruyante ville du monde; il sent le besoin du recueillement, et sort de Paris pour le peindre. C'est dans le charmant *bois de Boulogne*, assis à l'ombre des arbres touffus, seul parmi les cerfs qui venoient jouer autour de lui, qu'il esquisse le tableau de cette capitale, ou plutôt celui des impressions qu'elle a faites sur lui.

«L'histoire de Paris, dit-il ensuite, est celle de la France et de la civilisation». Il la parcourt rapidement, mais tâche de saisir tous les traits caractéristiques, et finit par dire: «La nation française a donc passé par tous les degrés de la «civilisation pour arriver au point où elle se trouve actuelle«ment. En comparant sa marche trainante au vol rapide de «notre peuple vers le même but, on crie au miracle; on «s'étonne de la toute-puissance d'un génie créateur, qui, «arrachant tout d'un coup la nation russe au sommeil lé«thargique, dans lequel elle étoit plongée, l'a poussée dans «la carrière des lumières avec tant de force, que dans peu «d'années, nous voila marchant de front avec les peuples qui «s'y avançoient bien des siècles avant nous. Mais ici d'autres

---

*) Voyez *Tristram Shandy*.

«idées et d'autres images se présentent à mon esprit: ces «bâtimens qu'on élève avec trop de précipitation, sont-ils «assez solides? La marche de la nature n'est-elle pas tou-«jours graduelle et lente? Ces irrégularités brillantes peu-«vent-elles être stables et sures? Ces enfans, à qui l'on «apprend trop de choses dès leurs premières années, devien-«nent-ils de grands hommes?.... Je me tais».

Notre voyageur assiste aux discussions bruyantes de l'assemblée nationale, admire les talens de Mirabeau, rend justice à l'éloqueuce de son adversaire l'abbé Maury, et les regarde comme Achille et Hector. — Il est introduit dans quelques sociétés de Paris, voit encore d'aimables marquis, de charmans abbés, des femmes-auteurs; il les entend raisonner sur la sensibilité *expansive* et se lamenter sur la ruine de la bonne compagnie, comme sur l'effet *le plus funeste* de la révolution; il s'ennuie passablement dans leurs cercles, et court, pour se délasser, aux spectacles, qui l'enchantent. Les académies, les monumens des arts, le Palais Royal, les environs de Paris font le sujet de plusieurs lettres assez longues; celle qui contient des anecdotes curieuses, des traits singuliers, des caractères remarquables est très piquante. – Le voyageur, qui venoit de frapper à la porte de tous les auteurs allemands, manqueroit-il de présenter ses hommages aux littérateurs français? Dans une séance de l'académie des belles-lettres, il s'approche avec la plus profonde vénération de l'auteur *d'Anacharsis*, et lui fait quelques complimens à la scythe ou bien à la russe, que le sage Barthélemy écoute avec cet air d'aménité qui caractérisoit la politesse athénienne. Notre voyageur croit voir en lui le sage Platon, accueillant avec bonté le jeune Anacharsis, et cette analogie de situation le flatte infiniment. — Il s'élève avec indignation contre un romancier allemand, qui dépeint Marmontel comme un homme peu poli et d'un extérieur grossier; le voyageur russe trouve, dans son ton et dans sa physionomie, cette finesse, cette douce expression de sentiment, qui fait aimer ses *Contes Moraux*. — Ce qu'il dit sur Bailly et Lavoisier réveille le souvenir douloureux de leur fin tragique.

Enfin l'auteur va parler de la révolution... On s'attendroit à une longue lettre; mais elle ne contient que quelques lignes; les voici:

«La révolution française est un de ces événemens, qui «fixent les destinées des hommes pour une longue suite de «siècles. Une nouvelle époque commence; je le *vois*, mais «Rousseau l'a *prévu*. Lisez une note dans *Emile*, et le livre «vous tombera des mains. J'entends des déclamations pour «et contre, mais je suis loin d'imiter ces crieurs. J'avoue «que mes idées là-dessus ne sont pas assez mûres. Les «événemens se suivent comme les vagues d'une mer agitée; «et l'on veut déjà regarder la révolution comme finie! Non! «non! On verra encore bien des choses étonnantes; l'extrême «agitation des esprits en est le présage. Je tire le rideau».— Puis, en parlant du caractère français, il dit: «Je vous nomme «l'air et le feu, et le caractère des Français est déjà défini. «En effet, c'est la nation la plus spirituelle, la plus sensible «et la plus légère. Toutes les qualités sociales, et tous les «mouvemens qui en proviennent, sont chez les Français à «l'apogée de leur perfection. Tout vous sourit ici, et ce «sourire de politesse, que nous voudrions imiter en vain, et «qui chez un Allemand, chez un Anglais, n'est très souvent «qu'une affectation desagréable (pour ne pas dire *grimace*), «est quelque chose de si naturel, de si gracieux chez ces «Français aimables! Je chéris ma patrie; mais que l'on me «permette d'aimer aussi ce peuple et ses manières sédui«santes, qui attireront toujours les étrangers en France. «On dit que ce n'est pas ici qu'il faut chercher des amis «sincères: des amis! Ah! ils sont rares dans tous les pays, «et ce n'est pas à un voyageur d'en trouver où que ce soit, «lui qui n'est qu'une comète qui paroît et disparoît. L'amitié «est un besoin de la vie; on veut quelque chose de solide «pour son objet. Mais tout ce qu'un étranger peut rai«sonnablement exiger des gens qu'il vient voir de loin, les «Français vous l'offrent de la manière la plus obligeante. «Cette légèreté, cette inconstance, qu'on leur reproche juste«ment, et qu'il faut bien placer parmi les défauts de carac-

«tère, sont rachetés chez eux par de belles qualités de l'âme, «qui tiennent à ces mêmes défauts. Le Français est chan-«geant; mais, en revanche, il n'est pas haineux; l'admira-«tion le fatigue, la haine aussi. Etourdi, il quitte souvent «le bien pour un autre, rit le premier de ses erreurs, et en «pleure même, s'il le faut. La gaieté, la folie sont les ai-«mables compagnes de sa vie; *le petit mot pour rire* lui fait «autant de plaisir, que la découverte d'une nouvelle île à «l'Anglais avare, qui regarde le monde et les hommes comme «un objet de spéculation pour la bourse de Londres. Sen-«sible à l'extrême, il devient l'amant le plus passionné de «la vérité, de la gloire, de tout ce qui est grand et beau; «mais les amans sont volages! Ces momens d'engouement, «d'enthousiasme, de colère peuvent le porter à des excès «terribles: ceux de la révolution en fournissent la preuve. «Enfin ce seroit bien dommage, si ce grand événement de-«voit changer tout à fait le caractère de la nation; je crois «qu'elle perdroit au change, et cesseroit d'être ce qu'elle «était toujours à mes yeux, *la plus aimable* de toutes les «nations».

Après un séjour de quatre mois à Paris (qui lui ont paru bien courts), notre voyageur fait ses paquets, monte dans la diligence, et le voila à Calais, cueillant des fleurs sur le tombeau prétendu du père Lorenzo*). Il s'embarque pour Douvres, jette sa cocarde tricolore dans la mer, fait à la France ses derniers adieux, forme des voeux pour son bonheur, met pied à terre; — et la première chose qui le frappe en Angleterre, c'est la beauté des femmes, la douce langueur de leurs yeux, l'expression de sensibilité dans tous leurs traits, qui paroit dire: «Je sais aimer!»

Je crains que cet extrait ne soit par trop long, et je passe sous silence les dix lettres où le voyageur rend compte de son séjour à Londres, des connoissances, des observations, qu'il y fait. Enfin, il se résume et dit: «J'aime l'Angleterre, «mais je ne voudrais pas y passer toute ma vie. J'aime

*) Voyez le *Voyage sentimental* de Sterne.

«l'aspect de ses villes superbes et de ses campagnes riantes, «ses parcs et ses prairies; mais je n'aime pas son triste «climat, ses brouillards éternels, qui enveloppent le soleil. «J'aime le caractère ferme des Anglais et même leurs sin-«gularités; mais je n'aime pas leur phlegme morose. J'aime «leur industrie, leur probité dans les affaires; mais je n'aime «pas leur avarice savante, qui médite la ruine de tous les «autres peuples, ni leur mépris pour la pauvreté, qui ré-«volte mon coeur. J'aime à les voir fiers de leur constitu-«tion; mais je n'aime pas à les voir trafiquer les places au «parlement. J'aime la facile élocution de Sheridan, de Fox; «mais je n'aime pas leur froide action, ni la chûte monotone «de leurs périodes. J'aime les tragédie de Shakespeare, «mais je n'aime pas la manière insipide, dont on les joue à «Londres. J'aime assez la cuisine anglaise; mais je n'aime «pas du tout cette longue durée des repas, où l'on boit «beaucoup, et où l'on s'amuse peu. Enfin j'aime les An-«glaises plus que les Anglais, parce qu'elles sont, pour la «plupart, bien élevées, sentimentales et romanesques, ce qui «est de mon goût. Je reviendrois avec plaisir en Angleterre, «mais je la quitte sans regret».

La dernière lettre est dâtée de Cronstadt. La voila pour terminer cet extrait:

«Terre, terre! je te salue, ô ma patrie! Je vous salue, ô mes tendres amis! Encore quelques jours, et vous me verrez au milieu de vous. Suis-je content du résultat de mon voyage? Oui, je le suis; j'ai joui, et c'est assez. J'ai vu les bords fleuris du Rhin majestueux, les Alpes superbes, le beau Léman, les plaines riantes de la France, les champs fertiles de l'Angleterre, et j'y penserai toujours avec bien du plaisir. J'ai vu de grands hommes, et leur image sacrée s'est imprimée dans mon âme, idolâtre de tout ce qui est beau dans la nature humaine. J'ai vu les premières nations de l'Europe, leurs moeurs, leurs usages et ces nuances de caractère, qui resultent du climat, des différens degrés de civilisation et surtout de la forme du gouvernement; je l'ai vu, et j'ai appris à être plus reservé dans mes jugemens sur le

mérite et *le démérite* des peuples entiers. Enfin j'ai ramassé bien des sujets pour occuper ma raison, mon esprit et mon imagination dans les heures de ce doux loisir, qui est l'objet de mes voeux. Que les autres courent après la fortune et les rangs; je méprise le luxe et ces marques futiles de distinction qui éblouissent le vulgaire; mais je voudrois mériter de ma patrie; «je voudrois me rendre digne de l'estime «publique; — et si l'amour propre ne m'aveugle point, je «peux y parvenir en cultivant le plus beau de tous les arts, «celui d'écrire, qui est la source de tant de délices pour les «âmes delicates, et qui remplit si bien le vide de la vie. *Il «n'y a rien de beau que ce qui n'est pas*, dit J. J. Rousseau. «Eh bien! si ce beau, comme une ombre légère, nous échappe «toujours, saisissons le du moins par notre imagination; «élançons nous dans les régions des douces chimères; esquis-«sons le beau idéal; trompons nous nous-mêmes et ceux qui «sont dignes d'être trompés. Ah! si je ne sais pas trouver «le bonheur dans la vie, je saurai peut-être le peindre; c'est «toujours être heureux en quelque façon, c'est toujours «quelque chose! — Mes amis! préparez moi une habitation «champêtre bien simple, mais où règne la propreté, avec un «petit jardin, où l'on puisse trouver un peu de tout, de la «verdure, des fleurs pour le printems, de l'ombre pour «l'été, des fruits pour l'automne. Que j'aie dans mon cabi-«net une petite cheminée pour l'hiver, et des livres pour «toutes les saisons! L'amitié y viendra partager mes plai-«sirs et mes peines; quant à l'amour..... nous en parle-«rons dans nos vers». L'auteur en a fait beaucoup depuis.

N. N.

11 Сентября 1781 года (см. стр. 463).

Симбирскаго уезда всего знамени солдат пашпортъ
взялъ подпрапорщикъ Михайло Карамзинъ

2 Мая 1800 года (см. стр. 116).

Я по уши влезъ въ русскую исторію; сплю
и вижу Никона съ Несторомъ. Обнимаю
тебя со всею дружескою душею. Будь
здоровъ и пиши — vale et scribe!

18 Іюля 1816 года (см. стр. 191).

Здесь мало занимаются
мертвыми. Въ воскресенье мы обедали въ Пав-
ловске: никто не сказалъ мне ни слова о
смерти знаменитаго Поэта! Одинъ Гречъ
ревизуетъ въ Сыне отечества. Sic transit
gloria mundi!

26 Марта 1826 года (см. стр. 419).

Я опять не много свихнулся въ здоровье;
но хочу непременно сказать
тебе, милый другъ, что
я прочиталъ все твои
прекрасные апологи безъ
остановки, не смотря на
свою слабость. Обнимаю
тебя нежно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ КАРАМЗИНА.

(Цифры въ серединѣ страницъ означаютъ нумерацію писемъ въ текстѣ, а поставленныя на поляхъ — страницы, къ которымъ относятся примѣчанія.)

1.

Къ стран.

1. Александръ Ивановичъ Дмитріевъ — старшій братъ Ивана Ивановича, къ которому писалъ Карамзинъ. По свидѣтельству сына перваго, Михаила Александровича, Карамзинъ подружился съ Ал. Дмитріевымъ прежде, чѣмъ сошелся съ его братомъ. Объ этомъ вмѣстѣ съ указаніями мѣстъ въ сочиненіяхъ Карамзина, гдѣ упоминается объ А. И. Дмитріевѣ, см. «Мелочи изъ запаса моей памяти», Москвитянинъ 1854 г., т. I, отд. 1, стр. 173, 174. Этотъ Дмитріевъ также писалъ стихи и занимался переводами, что̀ обстоятельно указано въ «Сочиненіяхъ Державина, изд. Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», I, 800, 801.

— «Владиміръ возрожденный, эпическая поэма», принадлежитъ Хераскову и напечатана въ Москвѣ 1785 года, слѣдовательно и настоящее письмо Карамзина должно отнести къ этому времени. Въ поэмѣ Хераскова высказываются мысли и воззрѣнія масоновъ-розенкрейцеровъ, между которыми этотъ стихотворецъ пользовался тогда особеннымъ значеніемъ въ Москвѣ.

— Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ другой вліятельный членъ московскихъ масоновъ-розенкрейцеровъ, почему

Къ стран.

1. подпалъ преслѣдованію, вмѣстѣ съ Н. И. Новиковымъ, въ 1792 г. Тургеневъ извѣстенъ какъ переводчикъ и издатель сочиненій: Іоанна Масона «Познаніе себя» и Іоанна Арндта «О истинномъ христіанствѣ». Старинный переводъ послѣдняго сочиненія былъ запрещенъ въ Россіи еще въ 1743 г. на томъ основаніи, что не былъ на предварительномъ разсмотрѣніи синода. Это обстоятельство вспомнили при появленіи въ свѣтъ тургеневскаго перевода Арндта въ 1784 году (Библіографическія Записки, 1861 г. т. III, № 2, стр. 43 — 45), и книгу велѣно было отбирать; но московскій главнокомандующій, графъ Я. Брюсъ донесъ, 3 февраля 1785 г., императрицѣ, что преслѣдуемой книги «за раздачею, въ наличности никто не объявляетъ». Екатерина II, получивъ донесеніе, написала на немъ: «все сіе предать молчанію о чемъ писать къ Брюсу, а синоду сказать что о отобраніи и истребленіи не настояли понеже труда не стоитъ и возможности нетъ, а добровольно никто не отдаетъ» (правописаніе подлинника).

Что касается до отношеній Карамзина къ И. П. Тургеневу, то о нихъ оставили извѣстія Дмитріевы — дядя и племянникъ. Карамзинъ, по выходѣ въ отставку, поѣхалъ въ Симбирскъ и пристрастился-было тамъ къ картамъ. Тургеневъ, замѣтивъ его способности, уговорилъ молодаго человѣка ѣхать въ Москву и ввелъ его въ общество московскихъ масоновъ. («Взглядъ на мою жизнь», М. 1866 г., И. Дмитріева, стр. 41, и Москвитянинъ 1854 г., т. I, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 181). Александръ Ивановичъ Тургеневъ, сынъ Ив. Петр., говорилъ: «Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва-ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Москву, въ тогдашній кругъ друзей»... (Москвитянинъ 1855 г. № 1, «Переписка Карамзина съ А. И. Тургеневымъ» стр. 82).

Къ стран.

2.

4. Изъ писемъ Петрова, друга Карамзина, видно, что его занималъ Шекспиръ еще въ 1785 году (Русскій Архивъ 1863 г., вып. 5, 6, стр. 478). «Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекспира» напечатана въ Москвѣ 1787 года, и ее-то Карамзинъ посылаетъ къ Дмитріеву. Предисловіе переводчика, обозначенное 15 октября 1786 г., замѣчательно похвалами Шекспиру въ то время, когда въ русскомъ литературномъ кружкѣ было господство псевдоклассицизма, и великаго англійскаго драматурга считали, со словъ Вольтера, не болѣе какъ геніальнымъ варваромъ. Г. Погодинъ, выписавъ это предисловіе, спрашиваетъ: «Укажите мнѣ, многіе-ли изъ европейскихъ критиковъ судили такъ вѣрно о Шекспирѣ въ это время?» (Утро, литературный и политическій сборникъ, Москва, 1866 г., «Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина», стр 49). Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ Исторической Христоматіи г. Галахова (Спб. 1864 г.) т. II, стр. 45, гдѣ сказано: «Юлій Цезарь» переведенъ съ французскаго. На это указываетъ самъ Карамзинъ, цитуя въ предисловіи Летурнеровъ переводъ Шекспира (Shakspeare, traduit de l'Anglais. Paris 1776, T. I), посвященный Людовику XVI; это обнаруживается и строеніемъ фразы. Предисловіе Карамзина есть выборка изъ предисловіи Летурнера, которому Французы одолжены своимъ знакомствомъ со многими англійскими поэтами».

Когда начались преслѣдованія противъ московскихъ масоновъ (1792 г.), то всѣ книги, печатанныя въ типографіяхъ Новикова и собратій его по масонству, были конфискованы и подверглись пересмотру цензоровъ. 23 апрѣля 1794 г., главнокомандующій въ Москвѣ, князь Прозоровскій предписалъ, между прочимъ, «отложить въ число вредныхъ книгъ» трагедію «Юлій Цезарь» Вслѣдствіе того она попала въ разрядъ книгъ, которыя

Къ стран.

4. какъ опасныя, велѣно было сжечь (Лѣтописи Русской литературы и древности, изд. г. Н. Тихонравовымъ, т. V, Матер. «Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ», стр. 10). Такимъ образомъ «Юлій Цезарь» Карамзина сдѣлался библіографическою рѣдкостью и потомъ былъ совершенно забытъ. Свѣдѣніе, что этотъ переводъ принадлежитъ именно ему, сохранено И. Дмитріевымъ въ его Запискахъ, но отрывки изъ нихъ стали извѣстны не ранѣе сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія и напечатаны вполнѣ только въ 1866 году, подъ заглавіемъ «Взглядъ на мою жизнь» (стр. 43). Въ Сѣверной Пчелѣ 1841 года № 208, при упоминаніи о передѣлкахъ Шекспира на русскомъ языкѣ, замѣчено, что Карамзинъ, «*какъ это открылось весьма недавно*» перевелъ Юлія Цезаря Шекспира и что онъ присовокупилъ къ тому чрезвычайно любопытное предисловіе. Потомъ, въ видѣ открытія, предисловіе Карамзина напечатано въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1849 года, т. I, стр. 464 — 469.

4.

7. *Журналъ Фонъ-Визина.* Въ 1788 г. у книгопродавца Клостермана была объявлена подписка на новое періодическое изданіе «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ», «подъ надзираніемъ, какъ сказано въ объявленіи, сочинителя комедіи Недоросля: напрасно было бы предварять публику, какого рода будетъ сіе сочиненіе, ибо образъ мыслей и объясненія Стародума довольно извѣстны».. Журналъ предполагалось издавать листами, по четыре въ маѣ, сентябрѣ и въ началѣ 1789 года. Статьи для изданія были уже приготовлены, но оно не состоялось по причинѣ, которую объяснилъ самъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ изъ Петербурга къ графу Н. И. Панину, 4 апрѣля 1788 года: «здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума. И такъ я не виноватъ, естьли онъ въ публику не выдетъ». (Сочиненія Фонъ-Визина,

Къ стран.

7. изд. Смирдина, стр. 599, 600. Библіографическія Записки 1861 г., т. III, № 9, стр. 255).

— «Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе» соч. Хераскова, издано въ двухъ частяхъ въ Москвѣ, 1789 года. Карамзинъ помѣстилъ разборъ этого произведенія въ I-ой части Московскаго Журнала 1791 г. «Кому не извѣстна, сказано тамъ, басня Кадма и Гармоніи или Герміоны, которую разсказываетъ Овидій? Но изъ сей басни авторъ нашъ взялъ, такъ сказать, только одежду для своего творенія».... Карамзинъ вообще отзывается съ похвалами о сочиненіи Хераскова и очень осторожно намекнулъ на его недостатки.

6.

9. Платонъ Петровичъ Бекетовъ, двоюродный братъ И. Дмитріева, который въ своемъ «Взглядѣ на мою жизнь», стр. 70, говоритъ: «съ нимъ я вмѣстѣ учился въ Казани и Симбирскѣ; вмѣстѣ служилъ въ гвардіи и, къ счастію моему, вмѣстѣ доживаю теперь и старость». Г. Погодинъ сообщилъ, что «товарищами Карамзину въ пансіонѣ Шадена были два брата Бекетовы, Платонъ Петровичъ и Иванъ Петровичъ, которые впослѣдствіи сдѣлались извѣстными своею любовью — первый къ исторіи и словесности, второй — къ нумизматикѣ». (Утро, лит. и пол. сборн., «Дѣтство и пр. Карамзина» стр. 14).

7.

10. Петровъ, Александръ Андреевичъ, другъ Карамзина въ эпоху принадлежности ихъ обоихъ къ масонскому обществу въ Москвѣ. И. Дмитріевъ во «Взглядѣ на мою жизнь» и самъ Карамзинъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ оставили извѣстія объ отношеніяхъ послѣдняго къ Петрову. Письма послѣдняго къ Карамзину напечатаны въ болѣе полной и исправной редакціи, чѣмъ прежде, въ Русскомъ Архивѣ 1863 года, вып. 5, 6, стр.

Къ стран.

10. 473—486. Замѣчательно, что и Петрова, и Дмитріева удивляло быстрое развитіе Карамзина въ его молодости. Первый, 11 іюня 1785 г., писалъ къ нему послѣ прочтенія его письма: «Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености; второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ: я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою предъ тобою, хотя ты по латыни и не учился».

Дмитріевъ также сознается, что при свиданіи съ Карамзинымъ въ Москвѣ въ 1786 году, онъ нашелъ его совсѣмъ другимъ человѣкомъ: «тогда я, прибавляетъ Дмитріевъ, почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любитъ меня еще по прежнему!».. («Взглядъ на мою жизнь» стр. 43).

10.

13. О своихъ занятіяхъ греческимъ языкомъ Карамзинъ вспоминаетъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», именно подъ 22 іюня изъ Данцига: «Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впередъ надѣюсь пользоваться»... Въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Писемъ русскаго путешественника» Карамзинъ прибавилъ въ выноскѣ къ сейчасъ выписанному мѣсту такое примѣчаніе: «Авторъ началъ тогда учиться греческому языку; но послѣ не имѣлъ уже времени думать объ немъ».

Къ стран.

12.

14. Въ 1790 году, по возвращеніи изъ Лондона, Карамзинъ свидѣлся въ Петербургѣ съ Дмитріевымъ и познакомился чрезъ него съ Державинымъ. Уже въ то время у Карамзина было намѣреніе, по пріѣздѣ въ Москву, издавать журналъ, который въ слѣдующемъ 1791 году дѣйствительно началъ выходить подъ названіемъ «Московскій журналъ». («Взглядъ на мою жизнь», И. Дмитріева, стр. 68, 69; содержаніе этого изданія сообщено въ статьѣ г. Погодина «Московскій журналъ Карамзина» въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866 года, т. LXIV, № 7, стр. 237—262).

Объявленіе о журналѣ было напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1790 г. № 89, и въ немъ особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее мѣсто: «если кто благоволитъ присылать мнѣ свои сочиненія или переводы, то я буду принимать съ благодарностью все хорошее и согласное съ моимъ планомъ, въ который не входятъ только *теологическія*, *мистическія*, слишкомъ ученыя, педантическія, сухія піесы».. Итакъ здѣсь Карамзинъ рѣшительно отказывается отъ теологическихъ и мистическихъ статей, а между тѣмъ не далѣе какъ въ 1787 г. изъ нихъ исключительно состояло его изданіе «Бесѣды съ Богомъ». Это измѣненіе въ литературномъ направленіи Карамзина должно совпадать со временемъ оставленія имъ масонства. «Я, говоритъ Михаилъ Дмитріевъ, знаю, что нѣкоторые изъ стариковъ и люди, впрочемъ почтенные, находятъ нѣкоторую выгоду повторять, что Карамзинъ принадлежалъ къ ихъ обществу; что будто оно дало ему первый ходъ; что Карамзинъ не скрывалъ, что принадлежалъ къ этому обществу въ первыхъ лѣтахъ своей молодости, и *при мнѣ* одинъ разъ разсказывалъ объ этомъ, также и о томъ, что оставилъ его, не найдя той цѣли, которой ожидалъ... Н. И. Новиковъ всегда сохранялъ къ нему прежнее благорасположеніе, что свидѣтельствуетъ его переписка... Но нѣкоторые не воз-

Къ стран.

14. любили Карамзина за отступленіе отъ ихъ круга».. (Москвитянинъ 1854 г., т. I, отд. 1, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 175, 176). Свидѣтельство М. Дмитріева подтверждаютъ слѣдующія мѣста изъ писемъ Карамзина къ А. И. Тургеневу. Разсказывая о свиданіи въ Твери (по всей вѣроятности въ 1810 или 1811 году) съ извѣстнымъ масономъ-мистикомъ Игнатіемъ Авреліемъ Фесслеромъ, Карамзинъ писалъ: «Въ Твери видѣлъ я Фесслера и говорилъ съ нимъ о метафизикѣ, мистикѣ, масонствѣ и проч. Онъ напомнилъ мнѣ старину. Все слова, а мало дѣла. Слышно, что масонство въ модѣ: такъ-ли? Думаю, что вы профанъ»... (Москвитянинъ 1855 г., №№ 23, 24, стр. 186, 187). Къ тому же, 13 апрѣля 1816 года: «я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ; хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже и о *возрожденіи* нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу не много по лучше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ, лѣнивыхъ!» (Московскій Литературный и Ученый Сборникъ, 1847 года, стр. 391).

— 12 ноября 1790 года, Карамзинъ просилъ Державина о дозволеніи напечатать его «Видѣніе мурзы», и потомъ это стихотвореніе явилось въ первой книжкѣ «Московскаго журнала» (стр. 8). Мѣсяцъ спустя оно было напечатано въ Петербургѣ въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» часть LVI, стр. 3 («Сочиненія Державина изданіе Академіи Наукъ, съ примѣч. Я. Грота», I, стр. 158, 159).

14.

15. Стихотворенія Дмитріева: «Быль» напечатано въ Московскомъ Журналѣ 1791 г., часть III, стр. 6, а «Картина» — часть VIII, стр. 5. [Л.].

— Мареа Михайловна, сестра Карамзина, но отъ другой матери [Л]. О смерти ея Карамзинъ говоритъ въ письмѣ

Къ стран.

къ своему брату 26 іюля 1821 г. (Атеней 1858 года № 27, «Переписка Н. М. Карамзина», стр. 61).

16. Екатерина Аѳанасьевна и Иванъ Гавриловичъ — отецъ и мать И. Дмитріева [Л.].

15.

16. «Похвала Елизѣ Драперъ» перев. изъ Рейналя въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VI, стр. 60. [Л.].

— «Исторія Лефевра» перев. съ англійскаго изъ Тристрама Шанди тамъ же, часть V, стр. 203. [Л.].

— «Модная жена». Сказка Дмитріева тамъ же, стр. 157 [Л.]. Здѣсь выведена свѣтская дама, которая разоряетъ нарядами своего криваго мужа и обманываетъ его съ молодымъ человѣкомъ.

— «*Тѣнь свою пришлю, когда найду тѣносымателя*». Здѣсь идетъ рѣчь о силуэтѣ, который Карамзинъ хотѣлъ сдѣлать съ себя для Дмитріева.

17. Туманскій, Ѳедоръ Осиповичъ, родомъ изъ Малороссіи, издатель журналовъ Зеркало Свѣта (1786—1787) и Лекарство отъ скуки и заботъ. [Л.]. Нынѣ онъ памятенъ только какъ издатель разныхъ историческихъ матеріаловъ. О немъ будетъ говорено ниже.

— Зритель, ежемѣсячное изданіе 1792 года, три части; печатался, какъ сказано на оберткѣ, «въ типографіи г. Крылова съ товарыщи». Главнымъ вкладчикомъ статей въ немъ былъ Александръ Клушинъ, надъ фамиліею котораго подшучиваетъ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву (Клюшкинъ, Кукушкинъ, Кулушкинъ). Онъ былъ сынъ орловскаго помѣщика, учился въ лпвенскомъ уѣздномъ училищѣ и, будучи офицеромъ въ смоленскомъ пѣхотномъ полку, пользовался обширною библіотекою какого-то вельможи, что̀ и дало ему возможность отчасти пополнить свое недостаточное образованіе (Записки Академіи Наукъ, т. II, кн. 1 «Записка Я. Грота о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи

Къ стран.

17. Державина», стр. 37). Кромѣ Клушина, сотрудникомъ Зрителя былъ И. А. Крыловъ. Сатирическія ихъ статьи заключались болѣе въ выходкахъ противъ пристрастія къ Французамъ и доказательствахъ превосходства всего русскаго; попадаются также насмѣшки надъ современными писателями, искателями философскаго камня, мистиками. Ниже будетъ сказано о враждебныхъ отношеніяхъ Зрителя къ Московскому Журналу Карамзина.

17.

18, 19. «Стансы», съ подписью «N. N. Сообщены изъ Петербурга» въ Московскомъ Журналѣ 1791 года, часть III, стр. 4. Авторомъ ихъ былъ Николай Александровичъ Львовъ, свойственникъ Державина. Не будучи спеціалистомъ, онъ однако былъ знатокъ музыки, живописи и архитектуры. Кромѣ того, Львовъ занимался литературою, и Державинъ слушалъ его совѣты и допускалъ измѣнять и поправлять свои произведенія. Подробности обо всемъ этомъ въ «Сочиненіяхъ Державина, изд. Академіи Наукъ съ примѣчаніями Я. Грота», I, 511 и слѣд.

19. Подъ академическимъ журналомъ Карамзинъ разумѣетъ Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія, издававшіяся «иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ» съ 1786 г., во время управленія Академіею княгини Дашковой. Въ 1796 году это изданіе прекратилось на CXX части. (Ученыя записки Академіи Наукъ, 1852. т. I, стр. LXXXIX — XCI).

— Николевъ, Николай Петровичъ, родственникъ княгини Дашковой, воспитывавшійся подъ ея надзоромъ. Его особенно прославляли въ Москвѣ, и онъ самъ, будучи чрезвычайно тщеславнымъ, считалъ себя великимъ поэтомъ. Не далѣе какъ черезъ два года послѣ его смерти, въ Сынѣ Отечества (1817 года, № 9, стр. 81) уже писали: «Кто приметъ на себя трудъ читать пять томовъ твореній Николева? Нынѣ во всемъ ищутъ

Къ стран.

19. легкости!» О Николевѣ біографическія подробности въ Современникѣ 1856 года, т. LVIII, № 7, отд. V, «Библіографическія Записки» г. М. Лонгинова, стр. 22 — 24; живые разсказы лично знавшаго Николева въ Русской Бесѣдѣ 1856 года, т. IV, «Театральныя воспоминанія» С. Аксакова, стр. 5 — 14.

— Что же касается до Дмитрія Ивановича Хвостова, впослѣдствіи графа, то его мастерски обрисовалъ Вигель въ «Воспоминаніяхъ» (Москва 1866 г., т. II, ч. 3, стр. 143, 144): «Оберъ-прокурорство, сенаторство, лента, наконецъ графское достоинство въ память Суворова (его дяди), сардинскимъ королемъ ему дарованное, — все это, конечно, тѣшило его тщеславіе, но не удовлетворяло честолюбія: ему хотѣлось прославиться, жить въ вѣкахъ. Обманывалъ-ли онъ самъ себя на счетъ дарованія своего, или морочить хотѣлъ людей, чтобы при жизни насладиться ихъ рукоплесканіями? Вотъ что трудно разобрать. Всю долголѣтнюю жизнь свою просуетился, промучился онъ напрасно только для того, чтобъ его похвалили: желаніе это обратилось у него въ болѣзнь, въ чесотку, въ бѣшенство. Чего онъ не дѣлалъ? Льстилъ извѣстнымъ авторамъ, дарилъ сочиненія свои книгопродавцамъ и нераспроданное самъ покупалъ, чтобы приступить къ другому изданію, кормилъ, угощалъ голодныхъ стихотворцевъ, ссужалъ ихъ деньгами... За все брался онъ: сочинялъ, переводилъ трагедіи, комедіи, поэмы, оды, посланія, басни, одно хуже, одно нелѣпѣе другаго: метроманія нигдѣ еще не являлась въ столь смѣшномъ, неугомонномъ и запачканномъ видѣ»..

18.

20. Въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ за іюнь 1791 года, стр. 3, есть лирическое посланіе Николева къ княгинѣ Дашковой: въ немъ сто три строфы, по десяти стиховъ въ каждой [Л.]. О Николевѣ см. примѣчаніе къ 17 письму, на стр. 012.

Къ стран.

20. «Прогулка въ Сарскомъ Селѣ» помѣщена въ Московскомъ Журналѣ 1791 года, часть III, стр. 125. Это стихотвореніе Державина оканчивается обращеніемъ къ Карамзину:

И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! — и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ.

Вмѣсто имени Карамзина въ Московскомъ журналѣ стояли точки и окончаніе его фамиліи (... *нъ*). («Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 427).

— Отрывки изъ стихотворнаго державинскаго описанія празднества, бывшаго у князя Потемкина-Таврическаго, помѣщены въ «Московскомъ журналѣ» 1791 г., часть II, стр. 281; ч. III, стр. 115; 1792 г., часть VI, стр. 3. (Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота, I, 381).

— «Россійская Памела, или исторія добродѣтельной поселянки» (первое изданіе 1789 года) написана Павломъ Юрьевичемъ Львовымъ, авторомъ множества другихъ произведеній, которыя всѣ, однако, отличались только своею крайнею посредственностью. Впрочемъ, это не помѣшало Свиньину, по смерти П. Львова, напечатать хвалебныя извѣстія о жизни и сочиненіяхъ его. (Отечественныя Записки, 1825 года, часть XXII, № 62, стр. 467 — 474; 1826 года, часть XXVII, № 77, стр. 412 — 433). Впослѣдствіи, П. Львовъ сдѣлался сторонникомъ Шишкова; въ 1804 году избранъ въ члены Россійской Академіи, и потому нерѣдко попадался въ сатиры и эпиграммы карамзинистовъ. Такъ въ одномъ «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ», на вопросъ Миноса, что сдѣлалъ П. Львовъ, — этотъ отвѣчаетъ:

Я сочинялъ для дамъ
Памелу русскую, воздвигнулъ Славы храмъ,

Къ стран.

20. Писалъ похвальныя слова мужамъ великимъ
Надутымъ слогомъ, пухлымъ, дикимъ.
Предлинныя слова въ шесть, въ семь слоговъ ковалъ
И въ Академію Россійскую попалъ.
За рѣчь послѣднюю я получилъ медаль
Округло плоскую, златую.
Миносъ.
Очень жаль.

(Современникъ 1857 года, т. LXIII, № 5, «Библіографическія записки» г. М. Лонгинова, стр. 65, 66). О П. Львовѣ будетъ еще сказано ниже.

19.

21. *Шуваловъ отпирается отъ пляски, бывшей нѣкогда у него на мызѣ*... Стихотвореніе Державина къ Евтерпѣ напечатано въ Московскомъ Журналѣ 1791 года, часть II, стр. 3, подъ заглавіемъ: «Ода къ Евтерпѣ, по случаю пляски, бывшей на мызѣ у Ивана Ивановича Шувалова 1789 года августа 24 дня». Подъ Евтерпою разумѣлась Марья Львовна Нарышкина, впослѣдствіи княгиня Любомирская, одно время нравившаяся князю Потемкину-Таврическому. («Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 301, 683).

— *Стихи на деньги въ своемъ родѣ ни какъ не худы*.. Вѣроятно Дмитріевъ писалъ о стихахъ «Къ текущему столѣтію», напечатанныхъ въ Московскомъ Журналѣ 1791 г. часть II, стр. 218, съ такимъ примѣчаніемъ: «Авторъ писалъ сіе, получивъ чрезъ почту деньги». Стихи подписаны буквою Ф.

— Въ поэтическомъ разсказѣ Вольтера «Les trois manières» три молодыя Гречанки повѣствуютъ собравшимся Аѳинянамъ исторію своей любви. Каждая изъ нихъ старается высказать сильнѣе подвиги любви и преданности избранниковъ ихъ сердца; народъ долженъ увѣнчать потомъ того изъ молодыхъ людей, кто въ продолженіе года болѣе показалъ на дѣлѣ нѣж-

Къ стран.

21. ности и возвышенности чувствъ въ своей привязанности. Граціозныя повѣсти своихъ Гречанокъ Вольтеръ кончаетъ такъ:

Au coin du feu, nos chers amis,
C'est pour vous seuls que je transcris
Ces contes tirés d'un vieux sage.
Je m'en tiens à votre suffrage;
C'est à vous de donner le prix:
Vous êtes mon aréopage.

(Oeuvres complètes de Voltaire, Paris 1835, T. II, 700—703).

20.

22. Политическій Журналъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ заглавіи, издавался въ Москвѣ съ 1790 по 1828 годъ. Онъ переводился съ нѣмецкаго Politischer Journal, котораго основателемъ былъ въ 1781 году, въ Гамбургѣ, Готтлибъ Бенедиктъ Ширахъ (Schirach, о которомъ см. Pierer's Universal Lexicon, XV, 195). Въ то время, какъ писалъ о русскомъ изданіи его Карамзинъ къ Дмитріеву, редакціею его занимались профессора московскаго университета Гавриловъ и Сохацкій, а также Василій Подшиваловъ (Москвитянинъ 1842 года, № 1, Истор. Матер. стр. 179).

— Стихи Дмитріева: «*Шмитъ*» остались ненапечатанными, «*На смерть попугая*» — въ Московскомъ Журналѣ 1791 года, часть II, стр. 220; «*Надпись къ портрету Ефрема живописца*» — тамъ же, часть III, стр. 133; «*Къ Клименѣ* которая спрашивала меня, много ли красавицъ видѣлъ я въ концертѣ?» — тамъ же, часть III, стр. 128. [Л.].

Къ стран.

21.

24. Надпись Дмитріева къ портрету — въ Московскомъ журналѣ 1791 года, часть IV, стр. 12:

И это человѣкъ?
О времена, о вѣкъ!

— Въ Московскомъ Журналѣ 1791 года, часть IV, стр. 240 и слѣд., подъ рубрикою «Московскій театръ», помѣщенъ разборъ пятиактной комедіи въ стихахъ «Баловень» [Л.]. Здѣсь указаны неудачныя и неловкія мѣста пьесы, а въ заключеніи иронически замѣчено: «читатель согласится, что все сіе можно назвать совершенно *новымъ*, благороднымъ и нѣжнымъ... Пожелаемъ чтобы сія піеса была часто играема на Московскомъ театрѣ, къ радости всѣхъ любителей Россійской Таліи!!!» Слова Карамзина: *Николевъ бѣсится за тѣ пять или шесть строкъ... о его комедіи...* могутъ относиться къ этому разбору.

22.

25. Стихи Дмитріева «Пѣснь на кончину князя Потемкина-Таврическаго» — въ Московскомъ Журналѣ, часть V, стр. 170 [Л.].

— *Глупые*, по словамъ Карамзина, стихи въ Вѣдомостяхъ на смерть Потемкина должны быть тѣ, которые напечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1791 года, № 86, съ подписью Мих. Цвѣткова («Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 455).

23.

26. Петровъ, Александръ Андреевичъ, переселился въ Петербургъ. Въ Московскомъ Журналѣ за апрѣль 1792 г. есть стихотвореніе Карамзина «На разлуку съ Б**», которое несомнѣнно написано по случаю отъѣзда Петрова изъ Москвы.

— О прибытіи Августа фонъ-Коцебу въ Петербургъ

Къ стран.

26. Карамзинъ узналъ отъ А. Петрова, который писалъ (безъ обозначенія года и числа, въ Русскомъ Архивѣ 1863 года, вып. 5, 6, стр. 486): «Коцебу скоро будетъ въ Петербургѣ; онъ переводитъ сочиненія Гаврила Романовича» и пр. Первымъ переводомъ, изданнымъ Коцебу изъ Державина было: «Видѣніе мурзы. Der Traum des Murza. Aus dem Russischen des Herrn von Derschawin übersetzt von A. v. Kotzebue» (Петербургъ, 1792 г.). О немъ отозвался съ похвалою Карамзинъ въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VII, стр. 254. Другой переводъ: Felizens Bild (Ревель, 1792 г.). «Три причины побудили меня, говоритъ Коцебу въ предисловіи къ этому переводу: благоговѣніе мое къ Фелицѣ, моя благодарность ея автору и, наконецъ, желаніе показать Нѣмцамъ, что въ странѣ, гдѣ владычествуетъ Фелица, музы охотно живутъ, безъ спроса: тепло тамъ или холодно?» Объ этомъ переводѣ Карамзинъ въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VII, стр. 377, отозвался: «Строгая нѣмецкая критика (въ Енскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ) не весьма довольна переводомъ, находя въ немъ нѣкоторыя неисправности и слабые прозаическіе стихи». Наконецъ въ Лейпцигѣ, 1793 года напечатаны: «Gedichte des Herrn Staats Raths von Derschawin. Aus dem Russischen übersetzt von A. von Kotzebue». Здѣсь переводъ сдѣланъ бѣлыми стихами (Рукописное указаніе переводовъ изъ Державина барона М. А. Корфа и «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», I, 158, 271).

27. *Что Львовъ, сочинитель Памелы? Стенаетъ ли онъ отъ нечестивыхъ? Чувствуетъ ли удары Зрителя?..* Въ петербургскомъ журналѣ Зритель часто встрѣчались насмѣшки надъ Антирихардсономъ, которыя долженъ былъ принимать на свой счетъ Павелъ Львовъ, потому что, въ подражаніе англійскому писателю Ричардсону, автору Памелы, сочинилъ «Россійскую Памелу». Кромѣ того П. Ю. Львова и прямо осмѣивали въ Зрителѣ. Такъ въ ста-

Къ стран.

27. тейкѣ «Портреты» (Зритель, книжка I, февраль 1792 г., стр. 35) Клушинъ описываетъ, что на него обрушилась библіотека, и онъ былъ придавленъ книгами, отъ которыхъ жизнь его была въ опасности: въ числѣ ихъ поименована «Россійская Памела».

24.

27. Г. Р. и К. Я. — Гаврила Романовичъ и Екатерина Яковлевна Державины.

— Вѣроятно Дмитріевъ сообщилъ Карамзину стихи изъ Водопада Державина, и первый, говоря: «*Мысль — привести къ водопаду звѣрей* и т. д., высказываетъ свое мнѣніе о строфахъ 5, 6, 7.

Положеніе умершаго — въ строфахъ 41, 42.

Полушекъ не понимаю. Эти слова Карамзина могутъ относиться къ стиху, явившемуся въ печати въ такомъ видѣ:

«Два лепта покрываютъ очи».

Извѣстно, что на глаза умершихъ, чтобы они не оставались открытыми, кладутъ мелкія монеты.

28. Въ Зрителѣ 1792 года, іюнь, часть II, стр. 158, 159, помѣщено нѣсколько рецептовъ отъ безсонницы, и въ одномъ такъ задѣтъ Московскій Журналъ Карамзина: ...«Не забудь присоединить къ сему рѣдкихъ и избранныхъ изображеній, какія напримѣръ помѣщены въ... *О инструментъ моей печали! — О магнитная сила моихъ удовольствій!* Прибавь къ сему риѳмопрозаическое твореніе *Вахмистръ,* разсужденіе о поэмахъ, помѣщенное въ примѣчаніи на К. и Г.; сверни все это въ кипу, положи поближе къ сердцу; но берегись продержать болѣе пяти минутъ, ибо первый опытъ усыпляетъ только на двои сутки, а переходъ за семь охлаждаетъ кровь навсегда».. Подъ разсужденіемъ о поэмахъ въ примѣчаніи на К. и Г., Клушинъ разумѣлъ разборъ Карамзина сочиненія Хераскова «Кадма и Гармоніи» (Московскій Журналъ 1791 года, часть 1), гдѣ, между прочимъ, было сказано: «почтенной авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что

Къ стран.

28. Кадмъ его есть не Поэма, а *простая повѣсть;* но когда повѣсть есть не исторія, а вымыселъ, то она, кажется, есть Поэма — Эпическая или нѣтъ, но все Поэма — стихами или прозою писанная, но все Поэма, которая по общепринятому понятію на другихъ языкахъ означаетъ всякое твореніе вообразительной силы. Такимъ образомъ Комедія, Романъ есть Поэма». Это мнѣніе Карамзина достойно вниманія, когда вспомнить, что гораздо болѣе чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ спустя Гоголь подвергался глумленію за то, что назвалъ свои «Мертвыя души» поэмою.

— Стихи Дмитріева «Отставной вахмистръ» — баллада въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть V, стр. 295; послѣ они были извѣстны подъ заглавіемъ «Каррикатура». Здѣсь отставной вахмистръ, возвращаясь изъ военной службы домой

На голомъ *рыжакѣ*,

не нашелъ жены, съ которою мечталъ свидѣться: она, за пристанодержательство, посажена въ острогъ, и пятой годъ о ней ничего не слышно. Что содержаніе этого стихотворенія заимствовано изъ истиннаго происшествія, то указано въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» Мих. Дмитріева (Москвитянинъ 1854 года, II, отд. 1, стр. 99 — 100). «Отставной вахмистръ» былъ осмѣянъ, какъ видѣли выше, въ Зрителѣ, и Дмитріеву по видимому хотѣлось, чтобы Карамзинъ въ Московскомъ Журналѣ вступилъ въ полемику съ Зрителемъ. Слова Карамзина: *уже ли ты могъ думать, что я... выѣду на рыжакѣ съ ланцомъ?...* намекаютъ на «Отставнаго вахмистра».

— *Львенокъ*,.. котораго *Коклюшинъ разумѣетъ подъ Миніатюркинымъ*, есть опять Павелъ Юрьевичъ Львовъ; его и Державинъ называлъ *маленькимъ Львовымъ*, вѣроятно для отличія его отъ однофамильцевъ — Николая и Ѳедора Львовыхъ (Москвитянинъ 1848 года, № 10, Историч. Матер., стр. 11). Въ Зрителѣ Клушинъ писалъ

Къ стран.

28. (часть I. стр. 57): «Миніатюркинъ предпринимаетъ снова уронить Рихардсона»...

— Въ Московскомъ Журналѣ 1792 г., іюль, часть VII, стр. 3 и 5, помѣщены два стихотворенія Державина: «Пѣснь на всерадостное рожденіе Ея Высочества Великой Княжны Ольги Павловны Іюля 11 дня 1792». Эта пьеса, стало быть, доставлена Карамзину позднѣе письма его къ Дмитріеву отъ 18 іюля 1792 г. Другая: «Къ пріятностямъ на случай баловъ, бываемыхъ въ колонадной галлереѣ въ Сарскомъ Селѣ». Оба стихотворенія безъ подписи, съ однимъ обозначеніемъ, что присланы отъ неизвѣстной особы, одни — изъ Софіи; другія — изъ Петербурга.

29. ... *Какъ любезный Ѳедоръ... Львовъ принялъ примѣчаніи мои на его стихи къ Лирѣ?* Въ VI-й части Московскаго Журнала 1792 года есть дѣйствительно при этихъ стихахъ подстрочныя указанія Карамзина на разные промахи автора; но послѣдній былъ не Ѳедоръ, а Николай Львовъ, написавшій также стихи «Къ рѣкѣ Талажнѣ», съ обозначеніемъ имѣнія его Арпачева близь Торжка; стихи же «Къ Лирѣ», по словамъ самого Карамзина, принадлежатъ тому же автору. Ср. «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 514.

— «Сизой голубочикъ» — пѣсня И. Дмитріева въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VI, стр. 217; въ свое время она пользовалась огромною извѣстностью [Л.].

— «Сцены изъ Саконталы, Индѣйской драмы» въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VI, стр. 125 и 294. [Л.]. «Для собственнаго своего удовольствія перевелъ я, говоритъ Карамзинъ въ предисловіи, нѣкоторыя сцены изъ Саконталы, и рѣшился напечатать ихъ въ Московскомъ Журналѣ, надѣясь, что сіи благовонные цвѣты Азіятской Литтературы будутъ пріятны для многихъ читателей, имѣющихъ тонкой вкусъ и любящихъ истинную Поэзію».

Къ стран.

25.

30. Подпоручикъ В. Окороковъ — содержатель московской университетской типографіи.

— О Львенкѣ, т. е. Павлѣ Львовѣ, см. предыдущее примѣчаніе. Пѣсенникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, изданъ въ 1796 году [Л.].

— Переводчикъ миѳологіи Морица, кончившій жизнь самоубійствомъ, былъ, по словамъ Карамзина, сынъ переводчицы романа Мармонтеля *Инки*. Г. Н. Сушковъ («Московскій университетскій благородный пенсіонъ», Москва, 1858 г., стр. 4) говоритъ, что этотъ романъ перевела М. В. Сушкова, сестра А. В. Храповицкаго. Въ 1792 году вышла въ Москвѣ «Полная баснословная исторія» перев. Михаила Сушкова (Смирдина, «Роспись россійскимъ книгамъ» Спб., 1828 г., № 2963). И такъ событіе, о которомъ говоритъ Карамзинъ, случилось съ Михаиломъ Сушковымъ; въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» М. Евгенія, т. II, 189, невѣрно свѣдѣніе, что М. Сушковъ умеръ въ 1799 году.

31. Стихи Семена Боброва: «Бландузской ключь. Изъ Горація», съ подписью: «Изъ Петербурга. С. Б.» въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VII, стр. 111; Николая Львова: «Къ пѣночкѣ» съ подписью: «N. N. Изъ Петербурга» тамъ же, стр. 113; Державина: «Ода къ Н. А. Л.» съ подписью: «изъ П. Б. отъ неизвѣстной особы» — стр. 105. [Л.].

26.

31. Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, извѣстный въ свое время дипломатъ и администраторъ, занимался также литературою и успѣлъ выдать до тридцати томовъ своихъ переводовъ. Жихаревъ говоритъ о немъ подъ 1806 годомъ: «Булгаковъ имѣетъ замѣчательную наружность: лицо умное и серьёзное, однакожь не безъ пріятности; довольно тученъ, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ;

Къ стран.

31. говоритъ, какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ и чего не испытывалъ въ своей жизни! Трудолюбіе есть отличительное его качество; говорятъ, что не можетъ ни минуты остаться празднымъ, не пишетъ, такъ читаетъ»... («Записки современника», часть I, Петерб. 1860 г., стр. 341, 342. Біографія Булгакова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855 года, №№ 5 и 7; Русскій Инвалидъ 1855 года, №№ 61, 62.)

— Начало повѣсти «Ліодоръ», съ подписью — *нъ* и отмѣткою: «продолженіе впредь» въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть V, стр. 305 и слѣд. Обѣщаннаго продолженія не явилось, и самое начало не было впослѣдствіи помѣщено въ собраніи сочиненій Карамзина [Л.]. Петровъ напоминалъ ему объ окончаніи этой повѣсти (Руссій Архивъ, 1863 года, вып. 5, 6, стр. 485, 486)

— Стихотворенія Дмитріева, которыя хвалитъ Карамзинъ, въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VIII, стр. 209, 210, подъ заглавіемъ «Пѣсня» и «Наслажденіе». Оба съ подписью буквы И.

32. «Гимнъ восторгу» Дмитріева въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VII, стр. 119. Здѣсь осмѣяны пріемы выспренняго поэта, съ избыткомъ употреблявшіеся и Николевымъ.

27.

33. *Сочинилъ русскую пѣсню... Николевъ..* Въ Московскомъ Журналѣ 1792, часть VII, сентябрь, помѣщена подъ затѣйливымъ заглавіемъ «Русская пѣсня, сочиненная въ Подмосковной, въ сельцѣ Усладѣ, по просьбѣ дворовой дѣвушки, прозвищемъ швея Горемыка, живописцемъ, прозваннымъ сердце» съ подписью Н. Н. Пѣсня эта въ свое время пользовалась большою извѣстностью:

Вечеркомъ румяну зорю
Шла я съ грусти посмотрѣть..
и проч.

Къ стран.

28.

33. Эминъ, Николай Θедоровичъ, сынъ извѣстнаго авантюриста и писателя Θ. А. Эмина, былъ сотрудникомъ Клушина и Крылова въ Зрителѣ [Л.].

— *Бѣдный Туманской хотѣлъ зацѣпить меня въ своемъ журналѣ.* Θедоръ Туманскій издавалъ въ 1792 г. Россійскій Магазинъ, который ему очень хотѣлось назвать *Запасницею;* вм. пьедестала онъ писалъ *стояло* на томъ основаніи, что это слово «древнее, незаконно брошенное». На стр. 198 и слѣд. Россійскаго Магазина, при разборѣ перевода Е. Кострова «Оссіана, сына Фингалова», между прочимъ сказано: «Ничто не опредѣляетъ лучше цѣны, какъ сравненіе двухъ вещей между собою; а въ семъ случаѣ двухъ переводовъ. Къ щастію г. Кострова въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ (въ выноскѣ: «Г. К. писатель Московскаго журнала 1791 и 1792 годовъ»), нѣкоторою частію читателей одобряемыій, самъ и съ собратіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденія другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ»... За этою тяжелою выходкою слѣдуютъ выписки изъ переводовъ Карамзина и Кострова. Здѣсь надобно прибавить, что въ Московскомъ Журналѣ Карамзина помѣщенъ былъ рѣзкій разборъ перевода Туманскаго «Палефатъ». Разборъ написанъ пріятелемъ Карамзина Подшиваловымъ (Москвитянинъ 1842 года, № 1, стр. 178 — 180).

— «Ода на щастіе. Роднымъ, друзьямъ и ближнимъ», въ Московскомъ Журналѣ 1792 года, часть VIII, 296; принадлежитъ В. Капнисту.

34. Василій Степановичъ Сопиковъ—авторъ извѣстнаго библіографамъ «Опыта россійской библіографіи». Около

Къ стран.

1792 года, онъ торговалъ въ Петербургѣ въ книжной лавкѣ, принадлежавшей Никитѣ Кольчугину, прикащику Н. И. Новикова (Лѣтописи русской литературы и древности, т. V, «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ», стр. 7).

29, 30, 31.

34, 35, 36. Здѣсь говорится о болѣзни и смерти Александра Андреевича Петрова. Въ память его, Карамзинъ написалъ извѣстную статью, которую, подъ заглавіемъ «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», помѣстилъ въ своемъ литературномъ сборникѣ Аглая, книжка I, (Москва, 1794 г., стр. 6).

36. Періодическое сочиненіе Клушина былъ С. Петербургскій Меркурій. Въ первой части этого журнала (стр. 138—226) помѣщена повѣсть Клушина «Несчастный М-въ», которая, въ 1802 году, издана отдѣльно и обозначена въ «Росписи россійскимъ книгамъ» Смирдина подъ № 8352 такъ: «Вертеровы чувствованія или несчастный М—въ (Масловъ)». Здѣсь разсказана любовь молодаго Маслова къ знатной дѣвушкѣ, которой онъ преподавалъ русскій языкъ. Вообще повѣсть написана съ притязаніями на подражаніе Вертеру Гёте и чрезвычайно утомительна; но содержаніе ея взято по видимому изъ истиннаго происшествія. Въ третьей части того же Меркурія помѣщено стихотвореніе подъ буквами Г. П. М. А. и притомъ объяснено, что авторъ извѣстенъ «публикѣ своею несчастною смертію, случившеюся недавно въ Нарвѣ».

32.

36, 37. Журналы Клушина и Крылова, Зритель и С. Петербургскій Меркурій, отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики. Какъ образчикъ критическаго такта Клушина, достаточно указать на его приговоръ произведеніямъ Шиллера и Лессинга, которыя онъ, не обинуясь, называетъ «безобразными выродками

Къ стран.

37. литературы... гдѣ все обезображиваетъ и вкусъ и правила»... Что касается до мѣстъ, о которыхъ упоминаетъ Карамзинъ, то вотъ они: въ первой части Меркурія стр. 94, Клушинъ говоритъ: «Жилбласъ, бакалавръ Саламанскій, суть (sic) ничто иное, какъ сочиненія періодическія безъ всякой завязки; и которые могъ сочинитель кончить гдѣ ему угодно было»... Тамъ же, на стр. 153: М., объясняя Софіи правила русской грамматики, говоритъ: «Я, единственнаго; васъ, множественнаго. Первое винительнаго падежа, второе родительнаго. Софья слушаетъ» и т. д.

— «Смѣхъ и горе», комедія Клушина, которой хвалебный разборъ И. Крылова помѣщенъ также въ Меркуріи.

— «Чижъ (Подражаніе)» Дмитріева напечатанъ въ «Аглаѣ», книжка I, стр. 90. Говоря объ этой пьесѣ, Карамзинъ шутливо поддѣлывается подъ языкъ ея.

— *Что за человѣкъ Иванъ Розановъ, или Иванъ Розовъ?..* Около 1790 года явился въ Петербургъ дворовый человѣкъ ярославскаго помѣщика Ѳедора Брянчанинова, Иванъ Алексѣевъ Майковъ «по желанію своему, какъ говорилъ онъ, для обозрѣнія россійскихъ городовъ и сочиненія стихотворства». Потомъ этотъ Майковъ «началъ писать оды, стихи и подносилъ оные разнымъ господамъ, получалъ отъ нихъ вознагражденіе, отчего и пропитаніе имѣлъ». Но въ это же самое время служилъ въ гвардіи поэтъ, носившій одну фамилію съ крѣпостнымъ стихотворцемъ — Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Онъ *запретилъ* своему однофамильцу называться Майковымъ, и этотъ сталъ подъ одами своими подписываться Розовымъ. Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Сопикова т. IV, подъ № 7107 — 7111 указаны его печатныя произведенія и замѣчено, что «сочинитель подписывался двояко: иногда Розовымъ, а иногда Майковымъ». О преслѣдованіи Майкова-Розова за одно стихотвореніе будетъ сказано ниже (Библіографическія записки 1861 года, № 3, стр. 66 — 68).

Къ стран.

37. Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ принадлежалъ впослѣдствіи къ сторонникамъ Шишкова и осмѣивалъ въ стихахъ послѣдователей Карамзина. Такъ, напр., въ посланіи къ князю С. Н. Долгорукому, онъ писалъ:

Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье...

— *Почтенной старикъ Херасковъ сочинилъ Оду*... Въ маѣ 1793 года Херасковъ напечаталъ оду «На случай присоединенія къ Россійской имперіи отъ Польши областей» — въ «Сочиненіяхъ Хераскова», изд. 2-ое, т. VII, стр. 136. [Л].

33.

39. *Любезной мой* И... Прежде Дмитріевъ подъ своими стихами почти всегда подписывалъ только букву И.

40. Въ С. Петербургскомъ Меркуріи за апрѣль 1793 года, на стр. 3—10 помѣщена ода Клушина, «Человѣкъ», на которую Дмитріевъ написалъ такую эпиграмму:

О Клюквинъ! Не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ:
Молвь просто: человѣкъ.... смѣсь Клюквина съ Ньютономъ.

Послѣ, именно въ 1831 году, ода Клушина была приписана перу Державина, и по этому поводу наши тогдашніе критики дѣлали разныя, теперь кажущіяся забавными соображенія о творчествѣ Державина, о чемъ подробно въ «Сочиненіяхъ Державина изд. Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. III, стр. 576—578 и 757.

— Водопьяновъ, Никита — университетскій переплетчикъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Новиковымъ по книжной торговлѣ около 1785 года (Лѣтописи русской литературы и древности г. Тихонравова, т. V, Матеріалы, стр. 7).

Къ стран.

34.

41. *Я живу въ деревнѣ... Письма надписывай по прежнему... въ домъ Алексѣя Александровича...* Карамзинъ жилъ въ селѣ Знаменскомъ, тогдашняго орловскаго намѣстничества, у пріятелей своихъ—Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны Плещеевыхъ. Изъ «Посланія къ женщинамъ», явившагося въ печати въ 1796 году, видно, что Карамзинъ былъ тогда знакомъ съ ними десять лѣтъ. Отдѣльное изданіе «Писемъ русскаго путешественника» 1797 — 1801 годовъ посвящено семейству Плещеевыхъ: «къ вамъ написанное вамъ же и посвящаю». И. Дмитріевъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 78) говоритъ о Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой: «въ ея-то сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери».

35.

42. *Голубокъ твой ожилъ...* Карамзинъ разумѣетъ музыку, сочиненную Ѳ. М. Дубянскимъ на пѣсню Дмитріева «Сизой голубочикъ», которая изъ столицъ перешла потомъ во всѣ провинціальные закоулки. О Дубянскомъ см. «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 750 — 751.

— «Стансы къ Н. М. Карамзину» Дмитріева напечатаны въ «И мои бездѣлки» 1795 года, стр. 119. Подъ буквою Ц. Карамзинъ разумѣетъ себя, потому что иногда подписывался такъ подъ своими статьями. [Л].

43. *Бѣдной Розовъ! Но я не могу понять, какимъ образомъ можно находить богохуленіе въ стихахъ Розова!* Въ іюнѣ 1793 года Розовъ напечаталъ «Живой источникъ». Синодъ нашелъ, что въ этомъ сочиненіи помѣщены «многія выраженія, относящіяся до Св. Писанія, но силѣ онаго не соотвѣтствующія». На основаніи указа 27 іюля 1787 года, свѣтскія типографіи не могли издавать, а книжныя лавки—продавать книги, касающіяся до вѣры и Св. Пи-

Къ стран.

43. санія, а потому Розова стали отыскивать чрезъ Управу благочинія. Губернское правленіе постановило Розова, какъ крѣпостного, отослать на жительство къ его помѣщику; а синодъ, «по негодности» стиховъ, велѣлъ нерозданные экземпляры «Живаго источника» употреблять на обертки въ одной изъ казенныхъ типографій (Библіографическія Записки 1861 года, № 3, стр. 66—68).

44. Первое изданіе Аглаи вышло въ концѣ 1794 года Въ послѣсловіи ея «отъ сочинителя» сказано: «Я не могъ издать Аглаи ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью. На что говорить о причинахъ? Довольно, что я не могъ. Важное для меня не важно для публики. Наконецъ — вотъ первая книжка! Въ ней одни Рускія сочиненія; переводовъ нѣтъ. На сей разъ пріятели мои сообщили мнѣ только двѣ піесы: басню *чижъ* и *разлуку*».

38.

45. Родная сестра Карамзина, Екатерина Михайловна, была въ замужствѣ за казанскимъ помѣщикомъ чебоксарскаго уѣзда С. А. Кушниковымъ. Сергѣй Сергѣевичъ былъ сынъ ихъ и, стало-быть, племянникъ Карамзина (Москвитянинъ 1852 года, № 12, кн. 2, Внутр. извѣстія, стр. 146, 147). М. Дмитріевъ, въ числѣ доказательствъ тому, что Карамзинъ родился въ 1765, а не 1766 года, приводитъ: «племянникъ Карамзина... сенаторъ Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ говорилъ однажды при мнѣ, что ему 48 лѣтъ и что онъ ровесникъ Карамзину. А это было въ 1814 году лѣтомъ: слѣдовательно 48 лѣтъ минуло Карамзину 1 декабря 1813 года» (Русскія Вѣдомости 1865 года, № 134).

— Стихи де-Мазюра очевидно пародія на какого-то современнаго стихотворца. Des Masures комическое лицо въ комедіи Детуша «La fausse Agnès»: старинный дворянинъ-провинціалъ, онъ считаетъ себя образцемъ ума и любезности, и на каждомъ шагу сочиняетъ чрезвычайно плохіе стихи, отъ которыхъ самъ приходитъ въ

Къ стран.

восхищеніе (Oeuvres dramatiques de N. Destouches, Paris, 1822, T. III, p, 322 sq.).

39.

46. Эпистолу къ Дмитріеву Карамзинъ напечаталъ во второй книжкѣ Аглаи 1795 года, стр. 19—23, подъ заглавіемъ «Посланіе къ Д... Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность щастливой молодости». Это стихотвореніе написано Карамзинымъ, когда онъ приближался къ тридцатилѣтнему возрасту, и любопытно тѣмъ, что здѣсь находимъ указаніе на то, что занимало и волновало умъ его въ молодости:

И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душою,
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для щастья ихъ...
. . . .
Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Платономъ
Намъ тьмы въ умахъ не озарить, —
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить...

Что-же остается дѣлать послѣ такого разочарованія? спрашиваетъ Карамзинъ и отвѣчаетъ:

Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю...
Жить подъ тихимъ кровомъ,
Гнушаться *издали* порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ.

Къ стран.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной!...

40.

47. Өедоръ Петровичъ Львовъ, двоюродный братъ Николая Александровича Львова, женившійся на его дочери. Его сочиненія напечатаны подъ заглавіемъ: «Часы свободы въ молодости» (Спб., 1831 г.); онъ же издалъ «Объясненія къ сочиненіямъ Державина» (Спб., 1834 г.). См. «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. II, стр. 478 — 479.

42.

49. Александръ Ивановичъ Дмитріевъ женился тогда на Марьѣ Александровнѣ Пиль [Л.].

43.

50. Стихи «Къ Волгѣ» и «Ермакъ» напечатаны въ сборникѣ сочиненій Дмитріева, изданномъ Карамзинымъ подъ заглавіемъ «И мои бездѣлки», 1795 года, стр. 9 и 32 [Л.].

— *Ода и гласъ Патріота хороши Поэзіею, а не предметомъ. Оставь, мой другъ, писать такія піесы нашимъ стихокропателямъ*... Здѣсь разумѣются: «Графу Суворову Рымникскому на покореніе Варшавы» («И мои бездѣлки», 1795 года, стр. 86) и «Гласъ патріота на покореніе Варшавы» (тамъ же, стр. 14). Дмитріевъ разсказываетъ подробно («Взглядъ на мою жизнь», стр. 75, 76), что его Гласъ патріота «былъ данью обрадованнаго сердца по слуху о покореніи Варшавы»; что слухъ оказался невѣрнымъ, но стихи уже были отправлены къ Державину.Когда они дошли до послѣдняго, то получено было другое извѣстіе о разбитіи Костюшки. Державинъ только поставилъ въ стихахъ Дмитріева, вмѣсто Собіескаго имя Костюшки и представилъ ихъ Императрицѣ, какъ будто написанные по поводу послѣдняго событія.

Къ стран.

50. *Копьевъ въ превеликой модѣ при дворѣ..* Объ Алексѣѣ Даниловичѣ Копьевѣ Вигель въ «Воспоминаніяхъ» т. II, ч. 3, стр. 159, говоритъ: «Его репутація, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова, который, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, безчисленную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и чиновниковъ для порученій: онъ помѣстилъ Копьева при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника»... И у Вигеля, и въ ненапечатанныхъ еще Запискахъ адмирала Шишкова есть анекдоты о Копьевѣ и его заточеніи въ крѣпости при Императорѣ Павлѣ, но они требуютъ критической повѣрки по подлинному дѣлу... Изъ печатныхъ произведеній Копьева извѣстны: «Обращенный мизантропъ, или Лебедянская Ярмарка» 1794 года, и «Что наше, тово намъ и не надо» — комедіи.

44.

51. Отрада — село саратовской губерніи, между Царицынымъ и Сарептою. Здѣсь жилъ родной дядя Дмитріева по матери, Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ, нѣкогда любимецъ императрицы Елизаветы, а потомъ астраханскій губернаторъ [Л.].

— *Знаешь-ли... что твой Гласъ Патріота напечатанъ ... и ходитъ подъ именемъ Державина?* Въ предыдущемъ примѣчаніи объяснено было о напечатаніи этихъ стиховъ, о которыхъ Державинъ писалъ къ Дмитріеву, 17 октября 1794 года: «Невѣроятно показалось, какъ въ Астрахани сочиненные стихи могли такъ скоро сюда перелетѣть и почти въ одно время показались напечатанными, какъ послѣднее отъ Ферзена получено извѣстіе, и для того всѣ думали, что я написалъ»... Москвитянинъ 1848 года, № 10, Истор. Матеріалы, «Письма Державина къ И. И. Дмитріеву», стр. 3.

— Карамзинъ сначала думалъ назвать сборникъ стиховъ Дмитріева «Стихи Аполлодоровы, изданные пріятелемъ

Къ стран.

его», но потомъ книга вышла подъ заглавіемъ: «И мои бездѣлки».

52. Екатерина Яковлевна, первая жена Державина, умерла 15 іюля 1794 года.

45.

52. Державинъ женился во второй разъ, чрезъ полгода послѣ смерти первой своей жены, на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой.

— *На долго прощаюсь съ литтературою*... Въ 1795 году Карамзинъ занимался сотрудничествомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и писалъ тамъ статьи подъ заглавіемъ «Смѣсь». Впрочемъ это продолжалось только въ 1795 году. Всѣ статьи этого отдѣла перепечатаны въ Москвитянинѣ 1854 года, т. I, Историч. Матер., стр. 45—64; II, стр. 13—28.

47.

53, 54. По всей вѣроятности вторая книжка Аглаи 1795 года посвящена Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, «Другу моего сердца, единственному, безцѣнному. Тебѣ, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебѣ единственному другу моего сердца! Твоя нѣжная, великодушная, святая дружба составляетъ всю цѣну и щастіе моей жизни. Ты мой благодѣтельный Геній, Геній хранитель! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣни и благодари Вездѣсущаго!...

Въ «Посланіи къ женщинамъ» (Аониды, 1796 года, кн. I, стр. 247 — 248) Карамзинъ описалъ такъ исторію своей дружбы:

Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,
Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первой разъ...
....
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацій, Музъ прелестныхъ,
И гордый свѣтъ меня улыбкою почтилъ;

Къ стран.

53, 54. Не мало слышу я привѣтствій сердцу лестныхъ,

. . . .

Но знай, о милый другъ! что дружбою твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,

. . . .

Что истина своей рукой
Напишетъ надъ моей могилой? *Онъ любилъ,*
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

54. Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ, переводчикъ и сочинитель стиховъ, пѣсенъ и т. п. Разсказывая о нихъ въ своей автобіографіи, Подшиваловъ шутливо прибавляетъ: «грѣхъ юности моея не помяни!» (Москвитянинъ 1842 года, № 1, «Автобіографія В. С. Подшивалова», стр. 178 — 180).

50.

56. Прапорщикъ Христофоръ Клаудій, вмѣстѣ съ Христіаномъ Ридигеромъ, были содержателями московской университетской типографіи и тамошними книгопродавцами.

— *Хованской стихотворецъ... разбранилъ въ пухъ Василья Сергѣевича...* Объ этомъ же Карамзинъ писалъ въ іюнѣ 1795 года къ Роману Петровичу (по догадкѣ г. Лонгинова, племяннику Хераскова): «нашъ пріятель, князь и стихотворецъ... завелъ жестокую ссору съ издателемъ Ежемѣсячныхъ листовъ, и я боюсь, чтобы у нихъ не дошло дѣло до поединка. Вся моя надежда на сырую и холодную погоду, которая можетъ прохладить жаръ нашего любезнаго стихотворца».. Князь Григорій Александровичъ Хованскій умеръ 1 декабря 1796 года. Еженедѣльные листы, упоминаемые Карамзинымъ, былъ журналъ Пріятное и полезное препровожденіе времени, издававшійся Сохацкимъ и Подшиваловымъ. (Библіографическія Записки 1858 года, № 19, стр. 589 — 592).

Къ стран.

51.

57. Поэма Хераскова, которую Карамзинъ называетъ Странники, напечатана въ Москвѣ, въ 1795 году, подъ заглавіемъ: «Пилигримы, или искатели счастія».

— «Добрыня, театральное представленіе съ музыкою» Державина, напечатано въ первый разъ въ 1808 году. Кромѣ великаго князя Владиміра, здѣсь выведены разные Добрады, Прелѣпы, Сребробрады и т. п.

52.

59. *И такъ обо мнѣ говорятъ, что я удаленъ? За что же?...* Въ продолженіе десятилѣтней переписки Карамзина съ Дмитріевымъ, не было произнесено ни одного слова о масонствѣ, объ отношеніяхъ къ Новикову и т. п. Извѣстно, что Екатерина II называла послѣдняго «мартинистомъ хуже Радищева», вскорѣ послѣ ссылки котораго обращено было вниманіе и на Новикова. Въ 1792 году онъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость; его вліятельныхъ пріятелей разослали по деревнямъ, а Алексѣя Михайловича Кутузова, посланнаго отъ московской ложи по масонскимъ дѣламъ въ Берлинъ, велѣно было арестовать тотчасъ же по вступленіи въ русскіе предѣлы. Изъ современнаго дѣла видно, что Кутузовъ зналъ объ этомъ распоряженіи и только по восшествіи на престолъ Императора Павла ходатайствовалъ о дозволеніи вернуться въ Россію. Разрѣшеніе на то Государя послѣдовало въ началѣ 1797 года; но Карамзинъ (Сочиненія его, изд. Смирдина, т. II, стр. 55) пишетъ, что Кутузовъ «умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою нещастныхъ обстоятельствъ». Карамзинъ называлъ Кутузова своимъ «дражайшимъ пріятелемъ». При допросахъ главы московскихъ масоновъ, князя Николая Трубецкаго, отъ него также требовали свѣдѣній: съ какою цѣлью посылался за границу Карамзинъ? Трубецкой отвѣчалъ, что онъ «отъ насъ посыланъ не былъ, а ѣздилъ вояжиромъ на свои деньги». Московскій главнокомандующій, князь

Къ стран.

59. Прозоровскій доносилъ императрицѣ, что онъ допрашивалъ Трубецкаго по присланнымъ отъ нея вопросамъ, «прибавя только во оные одного Карамзина, какъ оный былъ въ чужихъ краяхъ *и ихъ прежде общества*; но увидя изъ перваго допроса князя Трубецкаго, что онъ посыланъ былъ не отъ нихъ, то въ послѣдующихъ исключилъ». И такъ князь Прозоровскій, быть можетъ изъ усердія къ раскрытію дѣла о масонахъ, желалъ привлечь къ нему и Карамзина.

Въ 1794 году, князь Прозоровскій предписывалъ отложить изъ конфискованныхъ изданій въ разрядъ «вредныхъ книгъ» переводъ Карамзина трагедіи Шекспира «Юлія Цезаря». Вообще дѣло о преслѣдованіи масонскихъ изданій прекращено только въ 1796 году помилованіемъ по случаю рожденія Великаго Князя Николая Павловича (Лѣтописи русской литературы и древности г. Тихонравова, т. V, «Новыя извѣстія о Новиковѣ», стр. 1 — 96). Все это, а также и нѣкоторыя мѣста въ «Письмахъ русскаго путешественника», казавшіяся въ свое время вольными и исключенныя самимъ Карамзинымъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, могли быть причиною слуховъ, что онъ удаленъ и даже сосланъ.

53.

60. *Я все еще въ деревнѣ, но по собственной волѣ своей...* См. предыдущее примѣчаніе.

54.

61. *Русской Almanach des Muses* изданъ Карамзинымъ подъ заглавіемъ «Аонидъ» [Л.].

— *Тибуллова элегія* Дмитріева въ журналѣ Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 года, часть VIII, стр. 8 [Л.].

62. *Люди не хотятъ вѣрить, чтобы человѣкъ... могъ изъ доброй воли заключиться въ деревнѣ*, см. примѣчаніе къ 52-му письму.

Къ стран.

57.

64. П. А. Пельскій участвовалъ въ изданіи Вечерняя Заря, 1782 года («Роспись россійскимъ книгамъ» Смирдина, № 9695); перевелъ Ермитажный театръ Екатерины II, 1802 года (Ibid., № 6837). Въ 1803 году: «Мое кое-что, или собраніе мелкихъ сочиненій и переводовъ въ стихахѣ и прозѣ, П. Пельскаго; съ силуетомъ автора («Опытъ россійской библіографіи» Сопикова, т. III, № 6263). Пельскій умеръ скоропостижно 10 мая 1803 года, а за день передъ тѣмъ онъ посѣтилъ въ деревнѣ Свирловѣ Карамзина, который помѣстилъ стихи на его кончину въ Вѣстникѣ Европы 1803 года, № 11, стр. 210.

59.

66. «Юлія», повѣсть Карамзина, напечатана въ Москвѣ, 1796 году, особою книжкою. [Л.].

Въ издававшемся въ Гамбургѣ журналѣ Le Spectateur du Nord, № 1, 1797 года, въ программѣ его, между прочимъ, обѣщанъ былъ разборъ недавно переведенной на французскій языкъ русской повѣсти «Юлія»; но въ № 2 былъ напечатанъ полный переводъ, подъ заглавіемъ: «Julie. Nouvelle traduite du russe de M-r Karamsin par M-r de Boulliers», съ такимъ предисловіемъ издателя: «Je n'ai promis dans mon prospectus qu'une analyse de cette nouvelle; mais comme elle n'est pas longue, qu'elle n'est connue qu'en Russie, et qu'elle perdrait nécessairement dans l'analyse, je la donne ici tout entière. Je m'y décide d'autant plus volontiers, que cette production ayant un coté littéraire et un coté moral, convient parfaitement aux vues que j'ai annoncées. Elle suffira pour faire voir que dans un pays, qu'en France on ne se deshabitue pas encore de regarder comme un peu barbare, il se trouve des écrivains qui peuvent rivaliser avec les Marmontel et les Florian.

Le traducteur ne s'est pas déguisé qu'il lui seroit difficile de rendre Julie aussi aimable en françois qu'elle

Къ стран.
66. l'est en russe. C'est la crainte de ne pas y réussir qui lui a dicté les vers suivans adressés à M-r Karamzin:

Auteur charmant, je vous offre l'ouvrage
Qui vous valut les plus flatteurs succès;
Votre Julie a changé de langage,
Et dans ce jour elle parle françois.
Puisse le goût, dont elle eut le suffrage,
Et la beauté qui l'accueillit toujours,
En la voyant sous de nouveaux atours,
Ne pas lui dire: hélas! c'est bien dommage!..
Puisse surtout l'écrivain séduisant,
Qui la forma si douce et si jolie,
A son aspect prendre un air caressant,
Et s'écrier: c'est toujours ma Julie!

Mes lecteurs augureront bien des secours que je puis trouver dans mes correspondans, lorsqu'ils sauront que M-r Karamzin est un de ceux qui veulent bien contribuer à repandre de l'interèt et de la variété dans la partie de ce journal qui a pour objet la littérature étrangère. Voici sa *Julie.* (Слѣдуетъ переводъ).

61.

67. «Приглашеніе къ обѣду» Державина напечатано въ первый разъ въ собраніи сочиненій его, Москва 1798, стр. 371. О немъ см. «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 665

— Подъ *соловьемъ* Карамзинъ разумѣетъ басню свою «Соловей, галки и вороны», въ которой говорится, что соловей пересталъ пѣть, потому что въ его лѣскѣ завелись галки и вороны:

Жестокіе врали и прозой, и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами!

(Аониды 1796 года, кн. I, стр. 49 — 50).

Къ стран.

67. Другое стихотвореніе должно быть «Посланіе къ женщинамъ», о которомъ говорено въ примѣчаніи къ письму 47, стр. 033. Въ письмахъ Державина къ Дмитріеву есть толки объ обоихъ стихотвореніяхъ (Москвитянинъ, 1848 года, Истор. Матеріалы, стр. 7, 4), а именно: «получилъ отъ Николая Михайловича Аониды, книжку, въ которой много прекрасныхъ стиховъ, а особливо его епистола къ женщинамъ очень хороша, но я не доволенъ окончаніемъ, т. е. послѣднимъ стихомъ *), на который тотчасъ приходитъ мысль:

Что съ таковыми женъ друзьями
Мужья съ рогами.

И *Соловей*, правда ваша, не громокъ».. (Это письмо по какому-то недоразумѣнію отнесено въ Москвитянинѣ къ 6 марту 1803 года, но по смыслу ясно, что оно писано прежде слѣдующаго, отъ 6 октября 1796 года:)

«Примѣчаніе мое шутя не для того сообщилъ я вамъ, что подозрѣваю чье развращеніе, а вотъ ради чего:

Въ замужней женщинѣ прекрасной
Себѣ кто дружбу пріобрѣлъ,
Для толковъ, для молвы напрасной
Онъ лучше бы ее не пѣлъ:
Какъ хладный вѣтерокъ чума для нѣжныхъ розъ,
Такъ при мужѣ и другъ вмигъ отморозитъ носъ!

Не погнѣвайся: это истина; но прошу меня не поссорить съ Николаемъ Михайловичемъ. — Я его люблю. Его привязанность къ добродѣтели и восторгъ поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразуміе въ семъ случаѣ друга, т. е. ваше, должно было остеречь его въ сей нѣжной матеріи»...

— *Старикъ Клопштокъ любитъ меня*... Въ «Посланіи къ женщинамъ», напечатанномъ въ томъ же 1796 году, есть упоминаніе о Клопштокѣ:

---

*) ... Онъ любилъ,
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

Къ стран.

67. . . . . Славнѣйшіе стихотворцы
Платоновы друзья, безсмертные пѣвцы
Меня въ любви своей, въ пріязни увѣряютъ....

и при этомъ выноска: «Напримѣръ, великой Клопштокъ, котораго я никогда не видалъ, и никогда не безпокоилъ письмами, увѣряетъ меня въ своей благосклонности, и хочетъ, чтобы я непремѣнно прислалъ къ нему всѣ мои бездѣлки. Признаюсь въ слабости: это меня очень обрадовало!»

— *Лафатеръ гаснетъ*... Карамзинъ, еще прежде заграничнаго путешествія своего, вступилъ въ переписку съ Лафатеромъ, о чемъ есть указанія въ письмахъ А. А. Петрова, въ Русскомъ Архивѣ 1863 года, выпускъ 5, 6, стр. 481, 482. Въ рукописномъ сборникѣ писемъ Карамзина къ И. Дмитріеву есть листокъ, на которомъ рукою перваго изъ нихъ написанъ «переводъ письма Лафатера къ Ник. Мих. Карамзину:

Цюрихъ, 30 Марта 1787 года.

«Только сегодня, въ пятницу ввечеру, 30 марта, получилъ я ваше письмо изъ Москвы отъ 14 августа 1786 — и для того не хочу я откладывать отвѣта до другаго времени, хотя наступающая Святая недѣля никакъ не позволяетъ писать пространно. Я желалъ бы, чтобы ваше любезное, отъ сердца писанное, искренное письмо содержало въ себѣ нѣсколько особливыхъ вопросовъ, которые подали бы мнѣ матерію къ отвѣту, столь вами желаемому. Охотно бы хотѣлъ вамъ сказать что нибудь такое, чтобы письмецо мое сдѣлало для васъ полезнымъ и достойнымъ прочтенія. Но что мнѣ теперь остается? — Естьли бы вы меня увидѣли, то увидѣли бы совсѣмъ не такого человѣка, какого себѣ представляете. Я ничто иное, какъ бѣдный слабый смертный, которой всякій день долженъ возглашать *Господи помилуй.* Однакожь я всегда стараюсь быть радостнѣе, чтобы дѣлать другихъ радостнѣйшими — спокойнѣе, что-

Къ стран.

67. бы болѣе распространять спокойствіе — сильнѣйшимъ, чтобы разливать болѣе силы вокругъ себя.

О! Естьли бы какимъ нибудь образомъ я могъ быть и вамъ полезенъ! — Никакого изъ моихъ сочиненій не буду вамъ особенно одобрять, кромѣ *Братскихъ писемъ къ юношамъ*. Надѣюсь, что иныя письма скажутъ вамъ то, что будетъ пріятно вашему сердцу, истины жаждущему.

Пожалуйте, поклонитесь отъ меня *Ленцу* и отдайте ему приложенное письмецо; и естьли увидите въ Москвѣ г. Доктора *Френкеля*, или Пастора *Бруннера*, то увѣрьте ихъ въ моей всегда одинаковой дружбѣ. Я есмь вашъ искренно преданный Іоаннъ Каспаръ Лафатеръ».

64.

70. Ода на смерть Бецкаго, подъ заглавіемъ: «На кончину благодѣтеля, приключившуюся 1795 года августа 31 дня въ Санктпетербургѣ» — въ Аонидахъ 1797 года, книга II, стр. 152 и слѣд. Быть можетъ веселость Карамзина возбудили неудачные стихи:

Погасъ, распространилъ пріятный
Вкругъ запахъ ты...

Подробности объ этой одѣ въ «Сочиненіяхъ Державина изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. 701 — 708.

67.

72. Въ декабрѣ 1796 года, крѣпостной слуга товарища Дмитріева, Лихарева, въ надеждѣ получить свободу, донесъ на нихъ, что они умышляютъ на жизнь Императора Павла. Дмитріева съ Лихаревымъ сначала позвали къ Императору, который приказалъ разслѣдовать дѣло военному губернатору Н. П. Архарову. Дня три или четыре арестованные офицеры содержались въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, а потомъ, когда открылся ложный доноситель, то они были представлены Императору.

Къ стран.

72. Государь обошелся съ ними милостиво и пригласилъ ихъ къ обѣденному столу во дворецъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 123 — 130). Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей» Бантышъ-Каменскаго это событіе съ Дмитріевымъ разсказано такъ, что будто бы онъ съ жаромъ оправдывался передъ Государемъ и тѣмъ обязанъ освобожденію. Разумѣется, если бы это было дѣйствительно, то Дмитріевъ не умолчалъ бы о томъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ неизданныхъ запискахъ адмирала Шишкова есть подробность, также не разсказанная Дмитріевымъ, а именно: когда Императоръ прочиталъ окружавшимъ его офицерамъ доносъ на Дмитріева и Лихарева, то первые кинулись къ Государю съ выраженіями преданности своей его особѣ и при этомъ былъ разорванъ мундиръ Государя. На другой день Императоръ вышелъ на вахтъ-парадъ въ этомъ самомъ мундирѣ и говорилъ офицерамъ: «я съ удовольствіемъ сохраню и буду носить этотъ мундиръ, который вы на мнѣ изодрали!».

68.

73. Замѣчанія Карамзина относятся къ «Стихамъ на восшествіе на престолъ императора Павла I», соч. Дмитріева. Они были напечатаны въ 1797 году на отдѣльныхъ листахъ и потомъ никогда не перепечатывались. При изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія Карамзина [Л.].

72.

77. *Я поѣхалъ тогда къ Вор.* Подъ послѣдними буквами г. Лонгиновъ полагаетъ, что слѣдуетъ разумѣть графиню Ирину Ивановну Воронцову, урожденную Измайлову, мать графа И. И. Воронцова-Дашкова.

78. *Люби и ласкай Александра Алексѣевича*.. Это сынъ друзей Карамзина Плещеевыхъ Алекс. Алекс. и Настасьи Ивановны, о которыхъ такъ часто упоминается въ письмахъ Карамзина. Молодой Плещеевъ впослѣдствіи славился искусствомъ передражнивать знакомыхъ въ го-

Къ стран.

78. лосѣ, пріемахъ и походкѣ; притомъ онъ былъ отличный актеръ. По сосѣдству деревень около Бѣлева, Плещеевъ познакомился съ Жуковскимъ, а этотъ представилъ его потомъ въ члены Арзамаса, гдѣ его нарекли Чернымъ Враномъ («Воспоминанія» Вигеля, III, ч. 5, стр. 45, 46; Русскій Архивъ 1866 года, «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива», № 3, стр. 490, № 6, стр. 875.

74.

79. *Хотѣли даже описать и мои книги, и мои фраки..* 10 апрѣля 1797 года, по просьбѣ Новикова, состоялось высочайшее повелѣніе объ обращеніи имѣнія его на уплату казенныхъ и частныхъ долговъ его, «предварительно освободя всѣхъ по немъ, Новиковѣ, поручителей». Въ числѣ послѣднихъ былъ и Карамзинъ («Новиковъ и Шварцъ» г. Лонгинова, Москва, 1857 года, стр. 36). Скоро однако оказалось, что имѣнія этого было недостаточно на погашеніе долга Воспитательному дому, почему, 9 іюля 1797 года, состоялось новое повелѣніе: «Не освобождать отъ поручительства тѣхъ, которые въ исправномъ платежѣ занятой изъ Воспитательнаго дома суммы съ процентами поруками подписались, и въ случаѣ недостатка на платежъ того долгу одного Новикова имѣнія, употребить въ продажу на недостающее число имѣніе поручителей»... (Русскій Вѣстникъ, 1859 года, т. XXII, августъ, кн. 1, «Матер. для исторіи просвѣщ. и лит.», стр. 381).

80. *Сочиненія Гаврила Романовича въ цензурѣ; скажи ему...* Въ 1797 году, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ сдѣлалъ распоряженіе о печатаніи собранія стихотвореній Державина по имѣвшейся у него, Шувалова, рукописи. Письмо поэта къ Шувалову, въ которомъ изъявлялъ онъ на это согласіе, въ Сѣверной Пчелѣ, 1843 года, № 131, стр. 521. Здѣсь, между прочимъ, говорилъ онъ:

Къ стран.

80. «примѣчанье всякаго рода ошибокъ и при тисненіи произойти могущихъ, препоручилъ я хорошему моему пріятелю, Николаю Михайловичу г. Карамзину, живущему въ Москвѣ, то и прошу покорнѣйше приказать сообщать ему отпечатанные листы, которые въ нужномъ случаѣ, по перепискѣ со мною, не оставитъ онъ безъ задержанія возвращать въ типографію. Впрочемъ цензура обязана исполнять свою должность. Печатать на мой счетъ. Съ типографіею договориться довѣряю я ему же, г. Карамзину...»

При этомъ письмѣ Державинъ послалъ реестръ, въ какомъ порядкѣ должны быть напечатаны и какія именно піесы.

76.

82. Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral, издавался въ Гамбургѣ съ 1797 по 1802 годъ французскимъ эмигрантомъ де Бодю (M. J. L.-A. de Baudus). Какъ всѣ тогдашнія изданія французскихъ изгнанниковъ, этотъ журналъ отличался жестокими нападками на современные распорядки во Франціи. Гатэнъ (Hatin, Histoire de la presse en France, T. VII, pp. 576—578), перечисляя сотрудниковъ Бодю, называетъ также и Карамзина. Въ петербургскихъ библіотекахъ не имѣется экземпляра Le Spectateur du Nord 1797 г., а потому пишущій эти строки обращался въ Парижъ за справками о немъ. По полученіи извѣстія, что Le Spectateur du Nord за этотъ годъ есть въ тамошней императорской библіотекѣ, я просилъ находящагося въ Парижѣ уважаемаго ученаго нашего В. С. Порошина о сообщеніи вѣрнаго списка съ статьи Карамзина, о которой онъ говорилъ въ письмѣ къ Дмитріеву. Благодаря радушному содѣйствію г. Порошина, эта статья напечатана въ настоящемъ сборникѣ въ приложеніяхъ.

77.

84. *Сочиненія Гавр. Роман. дѣлаютъ мнѣ множество хлопотъ. Ценсоры остановили въ печати два листа, а онъ*

Къ стран.

84. *упрямится.* Въ царствованіе Павла цензура отличалась особенною бдительностью, а потому и въ пропускѣ уже напечатанныхъ при Екатеринѣ II державинскихъ стихотвореній встрѣчались затрудненія; такъ напр. вся ода «Властителямъ и судьямъ» подверглась запрещенію, а въ другихъ вычеркивались нѣкоторые стихи. Въ то самое время, какъ Карамзинъ жаловался Дмитріеву на упрямство Державина, послѣдній, чрезъ генералъ-прокурора Алексѣя Борисовича Куракина, хлопоталъ о сохраненіи въ «Изображеніи Фелицы» стиховъ:

Самодержавства скиптръ желѣзный
Своей щедротой позлащу.

Хлопоты остались безуспѣшны. См. «Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. XVI, XVII и 285.

80.

91. Дмитрій Марковичъ Полторацкій, извѣстный въ свое время агрономъ и владѣлецъ замѣчательной библіотеки въ селѣ Авчуринѣ, близь Калуги. Нѣкогда она принадлежала Петру Кириловичу Хлѣбникову, и о ней упоминаетъ Карамзинъ въ началѣ своей «Исторіи государства россійскаго» (изд. Эйнерлинга, кн. 1, стр. XV, XVI). Въ письмахъ къ Д. Полторацкому Карамзинъ называлъ его «любезнымъ пріятелемъ». См. о немъ: Сѣверную Пчелу 1846 года, № 24; Иллюстрацію т. II, 1846 г., № 9, стр. 133—134.

92. *Мнѣ казалось, что такъ было надобно писать о Русской литературѣ*... Здѣсь Карамзинъ оправдываетъ свою французскую статью въ Le Spectateur du Nord, о которой см. выше.

85.

96. *Гавр. Роман. не отвѣчаетъ; видно онъ разсердился*... Въ іюлѣ 1798 года собраніе сочиненій Державина было отпечатано, но онъ вдругъ сдѣлался недоволенъ ни порядкомъ, въ которомъ расположены были стихотворенія, ни внѣ-

Къ стран.

96. шностью изданія, о чемъ 17 іюня 1798 года писалъ къ князю Голицыну, тогдашнему куратору московскаго университета, прибавляя: «и такъ я разсудилъ, заплатя типографіи, весь заводъ истребить; а поелику симъ я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручилъ смотрѣніе надъ печатаніемъ и который мнѣ хорошій пріятель, то и хочется мнѣ это такъ сдѣлать, чтобъ онъ и не свѣдалъ»... Однако на другой день, Державинъ передумалъ, и книга съ нѣкоторыми измѣненіями выпущена въ свѣтъ: «Сочиненія Державина, часть I». («Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. I, стр. XVIII, XIX.)

87.

101. Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, женился на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой [Л.].

88.

103. *Правда ли, что мой милой Иванъ Ивановичъ думаетъ жениться?*... Въ то время говорили, что Дмитріевъ женится на Аннѣ Львовнѣ Пушкиной [Л.].

89.

103. Александръ Ивановичъ Дмитріевъ умеръ въ Екатеринодарѣ, куда былъ посланъ на слѣдствіе по мнимому возмущенію Черноморцевъ. Элегія И. Дмитріева на смерть брата въ Аонидахъ 1798—1799 годовъ, часть III, стр. 36; романсъ подъ заглавіемъ «Пѣсня для двухъ голосовъ» тамъ же, стр. 217, а «Надгробіе» — на стр. 35, съ измѣненіемъ, предложеннымъ Карамзинымъ [Л.].

92.

106. *Петербургской Н—въ*... Кажется здѣсь можно разумѣть Николева, московскаго поэта.

— «Стихи на случай оказанной Его Императорскимъ Величествомъ высочайшей милости родственникамъ стихотворца Ломоносова, исключеніемъ ихъ изъ подушнаго

Къ стран.

106. оклада» въ Аонидахъ, часть III, стр. 38. Прочія же, упоминаемыя въ письмѣ піесы въ «Стихотвореніяхъ» Дмитріева 1803 года [Л.].

97.

111. *Мы Самарову гору превратили бы въ Русской Геликонъ...* Быть можетъ, въ Самарову гору собирался Карамзинъ, когда писалъ еще въ 1792 году къ Дмитріеву: «мнѣ очень хочется недѣли на три ѣхать въ деревню, не далеко отъ Москвы» (стр. 26 настоящаго сборника). Въ «Запискѣ о московскихъ достопамятностяхъ», написанной Карамзинымъ въ 1817 году, замѣчено: «Противъ Коломенскаго за Москвою-рѣкою *Перерва*, гдѣ нынѣ бывшая Заиконоспасская Академія и Самарова гора (гдѣ авторъ живалъ весною, лѣтомъ въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія)»... См. «Сочиненія Карамзина», изд. Смирдина, т. I, стр. 442. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1825 года, № 67, есть статья Ив. Гурьянова: «Прогулка въ село Люблино», въ которой упоминается о Самаровой горѣ и высказано предположеніе, что здѣсь Карамзинъ, можетъ быть, писалъ «Бѣдную Лизу», «Наталью, боярскую дочь» и проч.

99.

112. *И нынѣшній годъ мы пѣли въ Мареинѣ...* Мареино—село въ тридцати верстахъ отъ Москвы, принадлежало тогдашнему московскому главнокомандующему, графу Ивану Петровичу Салтыкову. Карамзинъ говоритъ здѣсь «О хорѣ и куплетахъ», пѣтыхъ въ Мареинѣ и помѣщенныхъ въ Аонидахъ 1798—1799 годовъ, часть III, стр. 98 и 102 [Л.]. О спектакляхъ въ Мареинѣ есть нѣсколько извѣстій въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля; только онъ тамъ былъ позднѣе, именно въ іюнѣ 1801 года. «Всего примѣчательнѣе, расказываетъ Вигель, была піеса, интермедія, прологъ, или маленькій русскій водевиль, подъ названіемъ «Только для Мареина», сочиненія

Къ стран.

112. Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни, и куплеты оканчиваютъ піесу... Самъ Карамзинъ пріѣхалъ на канунѣ представленія, училъ насъ и даже самъ игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова... Въ тогдашнее еще чинопочитательное время, было даже нѣсколько странно видѣть стариковъ вельможъ, почти какъ съ равнымъ въ обхожденіи съ трицатилѣтнимъ (sic!) отставнымъ поручикомъ. Мнѣ не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челѣ и добродушіе во взорахъ его»... («Воспоминанія» Вигеля, т. I, ч. 1, стр. 194—197).

101.

113. Владиміръ Васильевичъ Измайловъ — ученикъ Подшивалова и подражатель Карамзина. Поклонникъ Руссо, онъ выступилъ на литературное поприще съ сентиментальною повѣстью «Ростовское озеро», пропитанною сочувствіемъ къ крестьянамъ и природѣ. Въ Литературной Газетѣ 1830 года, № 66, о немъ, между прочимъ, сказано: «онъ, подобно Карамзину, въ молодости своей былъ увлекаемъ очаровательною идеею какого-то блаженства; вмѣстѣ съ нимъ содрогнулся отъ ужаса, когда плачевная существенность, разрушивъ сны мечтательной философіи, открыла передъ нимъ кровавую сцену человѣческихъ заблужденій»... По словамъ М. Дмитріева, Измайловъ «въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по южной Россіи. Это путешествіе, въ подражаніе ему же, онъ описалъ въ письмахъ. Его книга имѣла два изданія и продавалась съ успѣхомъ, потому что Письма русскаго путешественника возбудили

Къ стран.

113. большой энтузіазмъ къ путешествіямъ» («Мелочи изъ запаса моей памяти», Москвитянинъ 1854 года, № 1, 2, стр. 201)... Книга эта носила заглавіе «Путешествіе въ полуденную Россію» и о ней-то говоритъ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву.

103.

115. Любезнымъ племянникомъ Карамзинъ называетъ сына умершаго Александра Ивановича Дмитріева, Михаила Александровича, который скончался въ сентябрѣ 1866 года.

— «Царь, или спасенный Новгородъ», поэма Хераскова, напечатана въ Москвѣ, 1800 года [Л.].

— Сумароковъ, Панкратій Платоновичъ, рано испыталъ разныя невзгоды: въ январѣ 1787 года, онъ, будучи восемнадцати-лѣтнимъ корнетомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, изъ шалости скопировалъ на почтовой бумагѣ, перомъ, пятидесяти рублевую ассигнацію новаго образца и показалъ ее вахмистрамъ того же полка Максиму Куницкому (22-хъ лѣтъ) и Георгію Ромбергу (20-ти лѣтъ). Эти выпросили ассигнацію у Сумарокова и размѣняли ее въ трактирѣ при картежной игрѣ. Такой успѣхъ ободрилъ ихъ. Куницкому Сумароковъ былъ долженъ 300 рублей, и первый убѣдилъ послѣдняго нарисовать еще двѣ ассигнаціи. По раскрытіи этихъ обстоятельствъ, военный судъ приговорилъ-было ихъ къ смертной казни, но потомъ сдѣлано было смягченіе наказанія: Куницкаго сослали въ Сибирь на тридцать лѣтъ, а Сумарокова и Ромберга на двадцать. Въ Тобольскѣ Сумароковъ издавалъ журналъ «Иртышь, превращающійся въ Ипокрену», вмѣстѣ съ Иваномъ Иван. Бахтинымъ, тамошнимъ прокуроромъ, и Воскресенскимъ, гимназическимъ учителемъ. Сумароковъ въ Сибири оставался до воцаренія Императора Александра I. Его біографія приложена при «Стихотвореніяхъ П. Сумарокова» (Спб. 1832 г.), и тамъ, между прочимъ, упомянуто, что авторъ ихъ былъ знакомъ

Къ стран.

115. съ Карамзинымъ и принялъ на себя, «по его желанію», продолженіе изданія Вѣстника Европы въ 1804 году. («Матеріалы для словаря русскихъ писателей», г. Полторацкаго, тетрадь I, стр. 6—8). Изъ бумагъ въ архивѣ преображенскаго полка видно, что Панкратій Сумароковъ, до перевода въ конную гвардію, служилъ въ этомъ полку въ то самое время, когда тамъ былъ и Карамзинъ.

— Туманскій былъ въ то время цензоромъ иностранныхъ книгъ при рижской томожнѣ.

— Подъ *нотицами* Карамзинъ разумѣетъ краткія біографіи, изданныя Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ въ 1801—1803 годахъ въ Москвѣ.

108.

119. *Дай Богъ, чтобы ты скорѣе успокоился*... И. Дмитріевъ потерялъ въ это время брата, Николая Ивановича.

109.

120. *Что Меланхолія? Нѣжнѣйшій переливъ*...

Эти стихи составляютъ отрывокъ, вошедшій потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Меланхолія. Подражаніе Делилю». Оно помѣщено въ Вѣстникѣ Европы, часть I, № 1, стр. 53, и въ «Указателѣ» къ этому журналу, составленномъ г. М. Полуденскимъ (Москва, 1861 года), стр. 6, приписано Карамзину; также напечатано въ смирдинскимъ изданіи Сочиненій Карамзина, т. I, стр. 211. Изъ этого можно заключить, что подъ нижегородскимъ поэтомъ Карамзинъ разумѣлъ самого себя. О томъ, что у Карамзина была во владѣніи земля въ нижегородской губерніи, см. въ «Утрѣ, литер. и пол. сборникѣ» г. Погодина, стр. 432.

110.

121. Басня Оберта, въ переводѣ И. Дмитріева, помѣщена въ «Стихотвореніяхъ» его (Москва, 1803 года), т. I, стр. 107, подъ заглавіемъ «Магнитъ и желѣзо»:

Къ стран.

121. Природу одолѣть превыше нашихъ силъ:
Смиримся же предъ ней, не умствуя ни мало.
Зачѣмъ ты льнешь? магнитъ желѣзу говоритъ.
Зачѣмъ влечешь меня? желѣзо отвѣчало.
Прелестный, милый полъ! чѣмъ кончу я разсказъ
Легко ты угадаешь:
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь;
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ!

122. *Видѣлъ ли ты оперу Капнистову съ музыкою Плещеева?..* В. В. Капнистъ написалъ донынѣ не напечатанное либретто оперы «Клорида и Милонъ», которая играна въ первый разъ въ Петербургѣ 7 ноября 1800 года; но сочинителемъ ея музыки названъ Ѳоминъ. Это имя часто попадается при обозначеніи сочинителя музыки того времени. Быть можетъ, онъ ссужалъ свое имя любителямъ, опасавшимся неудачи [Л.].

111.

122. Въ 1801 году Карамзинъ не писалъ къ Дмитріеву, который жилъ тогда также въ Москвѣ. Этотъ пробѣлъ пополняется здѣсь нѣсколькими выписками изъ переписки Карамзина съ братомъ его, Васильемъ Михайловичемъ. 24 апрѣля 1801 года онъ писалъ къ нему «съ сердечною радостью увѣдомляю васъ, что я женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, которую тринадцать лѣтъ знаю и люблю... Женитьба не перемѣнила образа моей жизни: я живу въ прежнихъ своихъ небольшихъ комнатахъ, съ тою разницею, что буду чаще дома. Она имѣетъ только 150 душъ, но я надѣюсь что съ моимъ доходомъ мы проживемъ годъ безъ нужды и съ пріятностію»... 20 августа 1801 года: «Государь (Александръ I, въ тотъ годъ вступившій на престолъ) расположенъ ко всякому добру, и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить покойно»... 7 января 1802 года: «будучи увѣренъ и въ вашей братской дружбѣ, повторяю вамъ, что я благодарю ежеми-

Къ стран.

122. нутно Провидѣніе за обстоятельства моей жизни, а всего болѣе за милую жену. Вамъ я могу хвалить ее. Богъ благословляетъ меня и съ другихъ сторонъ. Я чрезъ труды свои имѣю все въ довольствѣ»..... (Атеней, 1848 года, «Переписка Н. М. Карамзина съ 1799 по 1826 годъ», № 19, стр. 203 и № 20, стр. 244, 245). Елизавета Ивановна Карамзина была родная сестра Настатьи Ивановны Плещеевой, о которой говорено выше.

— Въ 1802 году Карамзинъ началъ издавать Вѣстникъ Европы: объ этомъ журналѣ и говоритъ онъ въ письмѣ къ Дмитріеву.

123. *Слово Ек.* «Похвальное слово Екатеринѣ II» напечатано Карамзинымъ отдѣльною брошюрою въ 1802 г. [Л.].

112.

124. Храповицкій, Александръ Васильевичъ, оставившій записки о времени служенія своего при Императрицѣ Екатеринѣ II.

113.

124. Табакерку Карамзинъ получилъ отъ Императора Александра I за «Похвальное слово Екатеринѣ II.» Увѣдомляя объ этомъ своего брата, Василья Михайловича, Карамзинъ прибавляетъ: «такимъ образомъ имѣю отъ него уже три подарка: два перстня и табакерку»... Изъ предшествовшихъ писемъ къ тому же лицу видно, что Карамзину пожалованъ былъ перстень за «Оду на восшествіе на престолъ Александра I». Другой ему данъ, вѣроятно, за стихи на коронованіе государя (Атеней 1858 года, «Переписка Н. М. Карамзина», № 19, стр. 203, № 20, стр. 246).

---

125. Послѣ письма, очевидно писаннаго въ февралѣ или мартѣ 1802 года, переписка Карамзина съ Дмитріевымъ прерывается на восемь лѣтъ: послѣдній, по выходѣ въ отставку (30 декабря 1799 года), съ 1802 года поселился

Къ стран.
125. въ Москвѣ, гдѣ и оставался до конца 1809 года. Тогда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 6 января 1810 года назначенъ министромъ юстиціи.

Возобновившаяся послѣ того переписка съ нимъ Карамзина не совсѣмъ будетъ ясна, если не припомнить о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ теченіе восьми лѣтъ въ жизни и отношеніяхъ Карамзина. Слѣдующія извлеченія изъ писемъ его къ брату, Василью Михайловичу, могутъ дать въ общихъ чертахъ понятіе о жизни Карамзина съ 1802 по 1810 годъ.

Въ 1802 году, вскорѣ по разрѣшеніи отъ бремени (см. письмо 113 настоящаго изданія), Елизавета Ивановна Карамзина сдѣлалась больна, что̀ сильно поразило ея мужа: «что со мною будетъ, писалъ онъ къ брату, извѣстно одному Богу; но всякой человѣкъ предъ непріятельскою баттареею спокойнѣе меня. Пожалѣйте о вашемъ бѣдномъ братѣ, который немногаго проситъ у судьбы для своего щастія и у котораго грозится она отнять все утѣшеніе въ свѣтѣ!»... Вскорѣ за тѣмъ Карамзинъ сообщилъ брату: «я лишился милаго ангела, который составлялъ все щастіе моей жизни. Судите, каково мнѣ, любезнѣйшій братъ»... 6 іюня 1803 года, онъ еще намѣревался продолжать Вѣстника Европы: «мнѣ, говорилъ онъ, хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій: за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ» (Атеней 1858 года, № 20, стр. 247, 252).

По словамъ И. Дмитріева, онъ внушилъ Карамзину мысль просить себѣ званія исторіографа («Взглядъ на мою жизнь», стр. 82). Дѣйствительно Карамзинъ написалъ о томъ къ тогдашнему попечителю московскаго университета, Михаилу Никитичу Муравьеву (Москвитянинъ 1845 года, № 1), а 3 декабря 1803 года увѣдомлялъ брата:... «сообщаю вамъ двѣ новости: первая

Къ стран.

125. то, что Императоръ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ, въ годъ по двѣ тысячи рублей, и сдѣлалъ меня исторіографомъ; а вторая то, что я женюсь на милой дѣвицѣ Катеринѣ Андреевнѣ Колывановой»... 9 декабря 1803 года: «не считаю нужнымъ искать для васъ домъ: пріѣзжайте жить ко мнѣ. Въ началѣ генваря я переѣду въ домъ къ моей будущей женѣ или къ отцу ея; слѣдственно мой останется для васъ» (Атеней 1858 года, № 20, стр. 253).

Въ 1807 году князь Андрей Ивановичь Вяземскій, къ которому переѣхалъ Карамзинъ послѣ свадьбы, скончался. «Послѣдняя воля незабвеннаго князя, писалъ Карамзинъ къ брату, 24 іюля 1807 года, состояла въ томъ, чтобы жена моя и княжна (дочь князя А. И. Вяземскаго) жили вмѣстѣ до замужества послѣдней, и чтобы я имѣлъ попеченіе о сынѣ пятнадцатилѣтнемъ (князѣ Петрѣ Андреевичѣ, впослѣдствіи извѣстномъ нашемъ писателѣ) до его совершеннаго возраста. Опекунами для имѣнія назначены другіе. Князь, по завѣщанію, отказалъ Катеринѣ Андреенѣ 800 душъ нижегородскихъ съ условіемъ, чтобы она взяла на себя около 35 т. долгу. Завѣщаніе послано къ Государю: ибо въ немъ есть обстоятельства, требующія его утвержденія» (Ibid. № 21, стр. 343).

15 февраля 1810 года, Карамзинъ, извѣщая брата о кончинѣ княгини Щербатовой, урожденной княжны Вяземской, прибавилъ: «До сего нещастія мы были веселы. Государь, находясь въ Москвѣ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня (Екатерина Павловна), къ которой, исполняя волю Ея, нарочно я ѣздилъ послѣ въ Тверь; жилъ тамъ шесть дней; всякой день обѣдалъ во Дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣняли меня своею милостью»...

Къ стран.

114.

125. Горесть, о которой говоритъ Карамзинъ, была слѣдствіемъ смерти княгини Щербатовой, о чемъ было сказано выше. Молодой князь — это Петръ Андреевичъ Вяземскій: о немъ часто идетъ рѣчь и въ послѣдующихъ письмахъ Карамзина.

126. Подъ проектомъ законовъ Карамзинъ вѣроятно разумѣетъ работу Сперанскаго — проектъ гражданскаго уложенія, первыя двѣ части котораго — право лицъ и право вещественное, хотя и были напечатаны только для членовъ государственнаго совѣта, однако огласились въ публикѣ. Вскорѣ потомъ Карамзинъ подвергнулъ разбору и осужденію эту законодательную попытку въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ» («Жизнь графа Сперанскаго», соч. барона М. А. Корфа. Спб., 1861 г., стр. 158 — 165).

117.

128. Остафьево — подмосковное село князя П. А. Вяземскаго, который описалъ его въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Въ дорогѣ и дóма», Москва, 1862 года, стр. 264):

. . . .

Предъ домомъ круглый лугъ, за домомъ темный садъ,
Тамъ рощи, тамъ оврагъ съ ручьемъ, кургановъ рядъ,
Нѣмая лѣтопись о безымянной битвѣ;
Бѣлѣетъ надъ прудомъ пристанище молитвѣ,
Домъ Божій, всѣмъ скорбямъ гостепріимный домъ.
Тамъ привлекаютъ взоръ, далече и кругомъ,
Въ прозрачной синевѣ просторной панорамы:
Широкія поля, селенья, Божьи храмы,
Лѣса, какъ темный паръ, поемныя луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль луговъ струей своей лѣнивой...

Къ стран.

118.

128. Карамзинъ получилъ орденъ Владиміра третьей степени при рескриптѣ отъ 1 іюля 1810 года. Здѣсь было сказано: «Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію россійскихъ изящныхъ писемъ и словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи, обращаютъ на васъ особливое наше вниманіе. Въ ознаменованіе онаго и проч. (Атеней 1858 года, № 23, стр. 478). Благодарственное письмо Карамзина къ Императору 14 іюля 1810 года—въ Москвитянинѣ 1847 года, часть II, Истор. Матеріалы.

Эта награда дала поводъ тогдашнему попечителю московскаго университета, Павлу Ивановичу Кутузову, писать, 10 августа 1810 года, къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому: «не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать.... Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, давно бы пора его запереть... Ваше есть дѣло открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и яко орудіе тьмы. Я долженъ сіе къ вамъ написать, дабы не имѣть укоризны на совѣсти; если бы я не былъ Попечитель, я бы вздыхалъ, молился и молчалъ; но увѣренъ будучи, что Богу дамъ отвѣтъ за ввѣренное мнѣ стадо, какъ я умолчу предъ Вами, и начальникомъ моимъ и благодѣтелемъ?»... Письмо Кутузова все вполнѣ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1858 года, книга II, Смѣсь, стр. 185, 186. Карамзину оно было очень хорошо извѣстно, такъ какъ въ письмѣ къ А. И. Тур-

Къ стран.

128. геневу, 21 апрѣля 1811 года, онъ писалъ: «говорить-ли о К—вѣ? Онъ самъ самъ себя наказываетъ злобою: это чувство непріятно. По сіе время не удалось ему сдѣлать мнѣ зла, а что будетъ впередъ, не знаю и знать не хочу. Мщенія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ и то невольнымъ»... (Москвитянинъ 1855 года, № 1, «Письма Карамзина къ А. И. Тургеневу», стр. 93).

120.

132. Сенаторъ Петръ Алексѣевичъ Обрѣзковъ управлялъ въ Москвѣ межевою канцеляріею, и при немъ началъ службу свою князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (Русскій Архивъ 1866 года, № 6, стр. 889).

121.

133. 30 августа 1810 года Дмитріевъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и 50 тысячъ рублей за успѣшное окончаніе торговъ на винные откупа («Взглядъ на мою жизнь», И. Дмитріева, стр. 257, 258).

123.

135. «Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ», издано было 1809 года, въ Петербургѣ, Мартосомъ и возбудило длинную полемику съ Вѣстникомъ Европы Каченовскаго, а именно: 1810 года, № 1, стр. 60; № 18, стр. 144; № 23, стр. 218; 1811 года, № 22, стр, 116; 1812 года, № 1, стр. 25, № 17, стр. 38. [Л.]

124.

135. Василій Львовичъ Пушкинъ, пріятель всѣхъ литературныхъ знаменитостей конца прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, самъ сочинитель и страстный чтецъ своихъ и чужихъ произведеній. Пріятельскія отношенія къ извѣстнымъ писателямъ не мѣшали послѣднимъ обращаться съ нимъ насмѣшливо, что̀ было очень легко при легковѣріи и страсти Пушкина къ франтов-

Къ стран.

135. ству и модамъ. Вигелю удалось очень мѣтко обрисовать эту личность, и онъ такъ заключаетъ свое описаніе: «какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи, какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто ровнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія»... Это дѣйствительно высказывалось и въ письмахъ Карамзина, когда рѣчь заходила о В. Л. Пушкинѣ («Воспоминанія» Вигеля, т. I, ч. 1, стр. 197, 198; Отечественныя Записки 1853 года, № 11, «Родъ и дѣтство Пушкина», г. Бартенева).

136. Въ 1810 году, подъ наблюденіемъ Карамзина, напечатаны «Сочиненія Михаила Никитича Муравьева». Съ 1785 года онъ былъ наставникомъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, преподавая имъ русскій языкъ, мораль и философію. Всѣ статьи онъ первоначально предназначалъ для своихъ слушателей, почему они и печатались въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. По смерти автора († 1807 года), приступлено было къ печатанію произведеній его. Выше сказано было, что Карамзинъ обязанъ былъ ходатайству Муравьева званіемъ исторіографа.

126.

138. *Посылаю за Измайловымъ*... Должно полагать, что И. Дмитріевъ былъ недоволенъ за напечатаніе его письма къ Измайлову въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1811 года, № 3: «я, писалъ Дмитріевъ, имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія Государя Императора объ учреждающемся въ Москвѣ Институтѣ для образованія юношества. Его Императорскому Величеству пріятно было слышать, что вы, милостивый государь, вопреки предубѣжденіямъ, рѣшились принять на себя почтенную обязанность быть

Къ стран.

138. директоромъ сего Института: во изъявленіе же своего къ вамъ благоволенія, Государь Императоръ высочайше повелѣлъ мнѣ препроводить къ вамъ подарокъ, у сего прилагаемый. Спѣша» и пр.

139. *Не многіе отказываются, отъ чего я отказался.* К. С. Сербиновичъ говоритъ, что Карамзинъ разсказывалъ о предложеніи ему отъ Великой Княгини Екатерины Павловны мѣста губернатора въ Твери, такъ какъ она желала, чтобы онъ жилъ въ одномъ съ нею городѣ. Впослѣдствіи Карамзину самъ Государь Александръ Павловичъ предлагалъ должность министра народнаго просвѣщенія. Печатно объ этомъ высказано было въ первый разъ въ Revue encyclopédique 1826, т. XXI, стр. 243: «Sage et modéré... Karamzine refusa constamment toutes les places que lui offrait l'empereur; celle du ministre de l'instruction publique ne le tenta pas non plus, son intention étant de consacrer toute sa vie à terminer son important ouvrage». Статья французскаго журнала подписана буквою Т, т. е, Яковомъ Николаевичемъ Толстымъ, что́ объяснено тамъ же, т. XXXII, стр. 378. Почти то же говоритъ коротко знавшій Карамзина, г. Н. Тургеневъ: «Karamzine était homme de lettres dans toute l'extension et toute la beauté du mot et jamais il ne voulut être autre chose. L'empereur lui offrit plusieurs fois le portefeuille du ministère de l'instruction publique. Karamsine accepta seulement ces distintions insignifiantes qu'en Russie on accorde à tout le monde, le titre d'historiographe, et enfin l'amitié personnelle de l'empereur»... («La Russie et les Russes», par Nicolas Tourgueneff, Bruxelles 1847, I, p. 325).

— *О Бесѣдѣ Шишковской слышалъ. Желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ?*

О Бесѣдѣ любителей русскаго слова оставили воспоминанія два современника: А. Стурдза, который питалъ къ этому литературному обществу чувство благо-

Къ стран.

139. говѣнія, и Вигель, отзывавшійся о ней съ ироніею стараго члена враждебнаго Бесѣдѣ Арзамаса.

Первый, т. е. Стурдза, не шутя, разсказываетъ: «Въ уреченные дни поэты и прозаики, писатели заслуженные и новички, начали съѣзжаться въ домъ Гаврила Романовича Державина, затѣйливый и своеобразный. Бесѣда имѣла свои частныя и публичныя засѣданія. Сіи послѣднія бывали по вечерамъ и отличались присутствіемъ многихъ постороннихъ слушателей, допускаемыхъ туда по билетамъ. Зала средней величины, обставленная желтыми подъ мраморъ расписанными, красивыми колоннами, казалась еще изящнѣе при блескѣ роскошнаго освѣщенія. Для слушателей вокругъ залы возвышались уступами ряды хорошо придуманныхъ сѣдалищъ. Посреди храмины музъ поставленъ былъ огромный, продолговатый столъ, покрытый зеленымъ тонкимъ сукномъ. Около стола сидѣли члены Бесѣды подъ предсѣдательствомъ Державина, по мановенію котораго начиналось и перемежалось занимательное чтеніе вслухъ и часто образцовое... Бесѣда любителей россійской словесности составилась не по одному только желанію Державина; она была выраженіемъ пламенной любви ко всему отечественному, родному, — любви, пробужденной роковыми событіями того времени»...

Вигель взглянулъ на Бесѣду съ другой стороны:

«Вдругъ, говоритъ онъ, пришла ужасная вѣсть. Въ Твери, у Екатерины Павловны, Карамзинъ читалъ Императору Александру нѣсколько главъ своей исторіи... Россійская Академія была тогда ветхое укрѣпленіе, почти на двѣ трети защищаемое ветеранами литературы... Надобно было изъ за нея воздвигнуть твердыню, которая, содержа ее въ повиновеніи, служила бы ей въ одно время и защитою. Слѣдствіемъ глубоко обдуманныхъ мѣръ, плодомъ искусно начертаннаго стратегическаго плана, было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года рожденіе Бесѣды...

Къ стран.
139. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ея учрежденію и началамъ... Пристрастіе къ Европѣ примѣтно начало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное... Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патритіозма подѣйствовало, наконецъ, и на высшее общество: знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій... Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, заражeнъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что Бесѣда составилась единственно съ цѣлію возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность... Въ залѣ, ярко освѣщенной, какъ въ храмѣ бога свѣта, не помню сколько разъ, зимою бывали вечернія, торжественныя собранія Бесѣды. Члены вокругъ столовъ занимали середину, тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей... Часть театральная, декораціонная была совершенство... Чтеніе обыкновенно продолжалось болѣе трехъ часовъ, и какъ содержаніемъ, такъ и слогомъ статей, отнюдь не отвѣчало убранству великой храмины... Горе было тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту».... («Воспоминанія Вигеля», т. II, ч. 3, I, 149—151).

Литературнымъ органомъ этого общества былъ журналъ: Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова (съ 1811 по 1815 годъ вышло 19 книжекъ, изъ которыхъ вторая состоитъ изъ двухъ половинъ). Главная цѣль основанія Бесѣды состояла въ «чтеніи произведеній своихъ предъ посѣтителями обоего пола» (см. I-ю кн. Чтеній въ бесѣдѣ, стр. II). Этимъ, между прочимъ, надѣялись распространить извѣстность прекрасныхъ литературныхъ произведеній, будто бы не возбуждавшихъ въ современникахъ должнаго имъ удивленія. За тѣмъ слѣдуетъ намекъ, почему публика такъ любитъ Карамзина: «временная слава возрастаетъ отъ нѣкотораго стеченія обстоятельствъ, отъ случайнаго расположенія умовъ, и

Къ стран.

часто отъ размноженія пустыхъ голосовъ, повторяющихъ одинъ другаго».. (Ibid, стр. IV).

Въ III-й книжкѣ тѣхъ же Чтеній, на стр. 121, въ посланіи С. Марина есть болѣе ясная выходка противъ Карамзина:

. . . .

И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ чѣмъ хочетъ заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь,
И вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ Славянъ и милую Россію...

127.

139. *Все это слѣдствіе милостиваго къ намъ расположенія несравненной Великой Княгини*... Выше уже было сказано, что Карамзинъ, по приглашенію Великой Княгини Екатерины Павловны, нѣсколько разъ бывалъ у нея въ Твери, гдѣ она жила съ первымъ супругомъ своимъ, принцемъ Георгіемъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, тверскимъ генералъ-губернаторомъ. Изъ писемъ Великой Княгини къ Карамзину видно, что онъ, въ пріѣзды свои въ Тверь, преподавалъ ей русскій языкъ, и она иногда называла его своимъ «учителемъ, пріятелемъ» («Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», т. I (Спб. 1862 года), стр. 95, 97 и др.).

140. *Бранитъ меня за мелонхолическую мысль*... 8 марта 1811 года, великая княгиня писала Карамзину: «Il est dit, Monsieur, que rien n'est stable dans ce monde, pas même une relation fondée sur la sympathie, l'estime et l'amitié, car vraiment votre dernière lettre a failli nous brouiller. Vous m'avez accusée sur un article où je n'entends pas plaisanterie et injustement. Toute la faute est de votre coté, car de but en blanc vous m'accusez d'être une girouette (Ibid., стр. 90, 91).

Къ стран.

128.

140. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ (Взглядъ на мою жизнь, стр. 195) занесъ, что «Государь, возвратясь изъ Твери, изволилъ сказать мнѣ, что онъ очень доволенъ новымъ знакомствомъ съ исторіографомъ, и столько же отрывками изъ его исторіи, которые онъ, въ первый вечеръ, прослушалъ до втораго часа ночи. Даже изволилъ вспомнить что было читано: о древнихъ обычаяхъ Россіянъ и о нашествіи Монголовъ на Россію»...

И такъ, ни Императоръ, ни Карамзинъ не открыли министру юстиціи, что кромѣ исторіи, было читано другое произведеніе, въ которомъ изображались не только отдаленныя времена, но и сообщалась критика событій, занимавшихъ и волновавшихъ умы современниковъ. Карамзинъ, можетъ быть нечаянно, намекнулъ объ этомъ, говоря Дмитріеву, что послѣ чтенія онъ разсуждалъ съ государемъ: «о самодержавіи!! Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями». Поводомъ къ такому разговору могла только послужить записка Карамзина: «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до свиданія Карамзина съ Александромъ I, Великая Княгиня Екатерина Павловна напоминаетъ въ письмахъ къ первому объ этомъ произведеніи. Такъ 14 декабря 1810 года: «жду съ нетерпѣніемъ Россію *въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ*».. 5 января 1811 года; «съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ *и Россію* («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, т. I, стр. 89).

Записка эта до такой степени была мало извѣстна при жизни Карамзина, что даже такіе близкіе къ нему люди, каковыми, напр., былъ графъ Д. Н. Блудовъ, едва знали о существованіи ея. Блудову сообщилъ ее въ первый разъ К. И. Арсеньевъ (академикъ, скончавшійся въ 1865 году), и онъ не зналъ, откуда тотъ досталъ рукопись (Записки Академіи Наукъ т. IX, кн. 2, «Отчетъ

Къ стран.

140. по отдѣленію русскаго языка и словесности», стр. 145; «Утро, литературный и политическій сборникъ» Москва, 1866 года, стр. 193).

О запискѣ Карамзина печатно въ первый разъ стало извѣстно изъ отчета Пушкина (Современникъ 1836 года, т. II) о засѣданіи Россійской Академіи 18 января 1836 года. Въ томъ же журналѣ, № 1, 1837 года, помѣщенъ отрывокъ, въ которомъ говорится о Россіи до смерти Екатерины II. Нѣкоторыя мѣста записки, гдѣ идетъ рѣчь о преобразованіяхъ Императора Александра I, напечатаны во французскомъ переводѣ при сочиненіи «La Russie et les Russes» (Bruxelles, I, p. 327, sq), авторъ котораго обстоятельно указываетъ и причину, побудившую Карамзина изложить свое мнѣніе о тогдашихъ преобразованіяхъ въ Россіи, и содержаніе самой записки. Помѣщенный въ Современникѣ отрывокъ ея перепечатанъ въ «Исторіи государства россійскаго», изданія Эйнерлинга, книга III, стр. XXXIX—XLVII. Критическій разборъ законодательныхъ мѣръ Сперанскаго изъ этой же записки въ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа, стр. 132 — 144. Въ 1861 году, въ Берлинѣ, у Фердинанда Шнейдера, вышла въ свѣтъ брюшюра: «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ», въ 8°, на 161 страницѣ; здѣсь съ 151 стр.: «Письмо Н. М. Карамзина къ Императору Александру I, послѣ разговора съ нимъ о Польшѣ въ 1819 году». Это изданіе хотя полное, но небрежное, какъ бо̀льшая часть изданій русскихъ матеріаловъ за границей въ послѣднее время.

141. Балашевъ, Александръ Дмитріевичъ, — министръ полиціи и петербургскій военный генералъ-губернаторъ. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ И. Дмитріева, Еленѣ Петровнѣ Бекетовой. Четыре письма къ нему Карамзина (5 сентября 1821 года, 22 апрѣля, 17 іюля и 16 августа 1822 года), также три письма Дмитріева—въ Сѣверной Пчелѣ 1847 года, №№ 52, 68. Тамъ же №№

Къ стран. 154, 155 есть біографическія извѣстія о службѣ Балашева.

142. Изъ писемъ Карамзина къ А. И. Тургеневу видно, что въ 1808 и 1809 годахъ первый принималъ участіе въ дѣлахъ Общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ (Москвитянинъ 1855 года, № 1, «Переписка Карамзина съ А. И. Тургеневымъ», стр. 83—85). 11 апрѣля 1810 года въ попечители московскаго университета поступилъ П. Кутузовъ, а 21 января 1811 г. Общество преобразовано и получило новый уставъ («Полное собраніе законовъ росс. имперіи», т. XXI, № 24.492). 21 апрѣля того же года, Карамзинъ писалъ къ Тургеневу: «объ Историческомъ обществѣ ни слова кромѣ того, что я въ немъ не былъ и не буду, ибо не люблю пустяковъ».. (Москвитянинъ 1855 года, № 1, стр. 93).

133.

146. *И такъ гр. Хвостовъ показываетъ мою эпистолу!* М. Дмитріевъ разсказываетъ: «Карамзинъ и Дмитріевъ (И. И.) всегда получали отъ гр. Хвостова въ подарокъ его стихотворныя новинки. Отвѣчать похвалою, какъ водится, было затруднительно. Но Карамзинъ не затруднялся. Однажды онъ написалъ къ нему, разумѣется, иронически: пишите, пишите! учите нашихъ авторовъ, какъ должно писать! Дмитріевъ очень укорялъ его, говоря, что Хвостовъ будетъ всѣмъ показывать это письмо и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими за лесть; что и то, и другое не хорошо. А какъ же ты пишешь? спросилъ Карамзинъ. Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду или басню, я отвѣчаю ему: ваша ода или басня ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ! Онъ и доволенъ, а между тѣмъ это правда!! (Москвитянинъ 1854 года, II, отд. 1, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 97).

Къ стран.

135.

149. Въ Твери гостили тогда у принца Георгія Ольденбургскаго и Великой Княгини Екатерины Павловны отецъ перваго, герцогъ ольденбургскій Петръ-Фридрихъ-Людвигъ съ старшимъ сыномъ Августомъ-Павломъ-Фридрихомъ. Оба они прибыли въ Россію въ 1811 году послѣ занятія Французами ольденбургскаго герцогства. См. «Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, стр 92.

137.

153. *Кутузовъ недавно обѣдалъ у нее и блѣднѣлъ....* 3 іюля 1811 года, Великая Княгиня Екатерина Павловна писала къ Карамзину: «Hier le Senateur-Curateur K... a diné chez moi, mais il a trouvé ma cuisine malsaine ayant du y avaler deux plats fort indigestes—l'exposé de mon opinion et de mes sentimens pour vous et pour le Professeur Buhle; à cette occasion j'ai eu un grand plaisir en voyant que le méchant se trahit lui-même; sa physionomie, ses actions étaient en parfait contraste avec ses discours; il a dit mille biens de vous et de lui, mais il est de naturel trop sincère pour que personne y soit trompé».. («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, стр. 95, 96).

138.

153. *Благодарю... за оказанную справедливость по дѣлу Князя....* 20 августа 1811 года, Карамзинъ писалъ къ своему брату: «я мѣсяца два хлопоталъ о дѣлѣ нашего молодаго Князя, у котораго экономическіе крестьяне, подкупивъ гражданскую палату, самымъ наглымъ образомъ отняли было землю. Это испортило у меня не мало крови. «Странное время. Взяткобрательство сдѣлалось общимъ, и справедливость, не подкрѣпленная деньгами, слаба какъ соломинка. Мнѣ надобно было дѣйствовать всѣми баттареями, чтобъ одержать верхъ надъ самыми глупыми плутами. Вотъ чѣмъ занимался нынѣшнимъ

Къ стран.

153. лѣтомъ Исторіографъ Россійскій! Не смотря на всѣ мои связи, я, право, ни въ чемъ не увѣренъ, кромѣ того, что люблю добро и честь»... (Атеней 1858 года, № 23, стр. 482).

142.

157. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, товарищъ Радищева по пребыванію въ лейпцигскомъ университетѣ и въ молодости дѣятельный сотрудникъ княгини Дашковой по изданію журнала Собесѣдникъ любителей россійскаго слова 1783 года, см. «Memoiren der Fürstin Daschkoff (Hamburg, 1857 г.), II, стр. 47, 48 и «Сочиненія Н. А. Добролюбова», т. I въ статьѣ объ этомъ журналѣ. Козодавлевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ обоимъ министрамъ-поэтамъ — Державину и Дмитріеву, хотя они оба оставили о немъ извѣстія, какъ о человѣкѣ, любившемъ для поддержанія своего значенія вилять, интриговать и пр. («Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, съ примѣчаніями Я. Грота», т. II, стр. 151; «Взглядъ на мою жизнь» И. Дмитріева, стр. 200). Будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ основалъ при своемъ министерствѣ газету Сѣверную Почту, которая возобновлена въ наши времена.

144.

159. *Наши Петербургскіе авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ Славянскомъ и Русскомъ безъ яснаго понятія объ ихъ различіи*... Этотъ приговоръ Карамзина отличается совершенною справедливостью. Онъ одинъ тогда въ Россіи прочелъ въ подлинникахъ громадное количество древнихъ памятниковъ и потому онъ одинъ могъ ясно видѣть, какъ шатки и полны дѣтскихъ промаховъ были доводы и его противниковъ и, увы! его почитателей. Теперь, при успѣхахъ филологіи, со множествомъ ученыхъ изданій древнихъ письменныхъ памятниковъ, теперь не трудно видѣть, что обѣ спорящія

Къ стран.

159. стороны не знали азбуки предмета, о которомъ тѣмъ не менѣе онѣ толковали съ жаромъ и запальчивостью. Въ настоящее время полемика шишковистовъ съ карамзинистами, не имѣя никакого значенія для науки славянской филологіи, можетъ имѣть значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XIX столѣтія, какъ матеріалъ для разъясненія господствовавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ взглядовъ и убѣжденій.

Въ 1808 году Шишковъ издалъ «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями переводчика», и здѣсь читаемъ: «Когда чудовищная французская революція, поправъ все, что основано было на правилахъ вѣры, чести и разума, произвела у нихъ новый языкъ, далеко отличный отъ языка Фенелоновъ и Расиновъ, тогда и наша словесность по образу ихъ новой и нѣмецкой, искаженной французскими названіями словесности, стала дѣлаться непохожею на русскій языкъ... Вскорѣ появились у насъ не два или три, но цѣлые полки сочинителей, которые, ничего не написавъ, ничего не прочитавъ, вдругъ возмечтали о себѣ, что они Лонгины, Квинтиліаны, Лагарпы, и стали обо всемъ судить и рядить по своему»... Чтобы положить этому предѣлъ, Шишковъ, по его собственному сознанію, написалъ «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803 года). «Книга сія, говоритъ онъ далѣе, чрезъ министра просвѣщенія поднесена была Его Императорскому Величеству, и я осчастливленъ былъ за оную знакомъ монаршаго благоволенія. Россійская Академія удостоила меня почестію медали. Многія духовныя и свѣтскія особы, службою, лѣтами и нравами почтенныя, похвалили мое усердіе»... Но «господа журналисты наши» были, несмотря на все это, другаго мнѣнія: «онъ одинъ, а насъ много», говорили они. Боясь распространенія ложныхъ умствованій, «сихъ умствованій, которыя смѣшны и странны при свѣтѣ разума; но весьма вредны и заразительны при мракѣ усиливающихся заблужденій», Шиш-

Къ стран.

159. ковъ издалъ «Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ» (1804 года). «Та же самая причина побуждаетъ меня, продолжаетъ онъ, и къ переводу сихъ двухъ статей изъ Лагарпа»... Возраженія на примѣчанія къ нимъ Шишкова напечатаны Дашковымъ въ Цвѣтникѣ 1810 года (часть VIII, стр. 256 — 303 и 404 — 467), и наполнены разными намеками, которые нисколько не касались стараго и новаго слога, но имѣли болѣе въ виду испоконную борьбу стараго съ новымъ вообще. «Показывать ошибки, говоритъ Дашковъ, и опровергать ложныя умствованія писателей позволено всякому; но не должно касаться до чести и мнѣній о вѣрѣ какого бы то ни было человѣка, даже и не называя его. Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ Церковію»?..Шишковъ не давалъ отвѣта на подобные вопросы, но настойчиво толковалъ о порчѣ современнаго литературнаго языка. Такъ въ концѣ своего «Разсужденія о краснорѣчіи Священнаго Писанія», стр. 69 — 70, (1811 года) онъ говорилъ: «Можетъ-ли стѣна быть тверда отъ безпрестаннаго выниманія изъ оной старыхъ и вкладыванія новыхъ камней? Давно-ли писали Ломоносовъ и Херасковъ? Уже находятъ въ тѣхъ множество обветшалыхъ словъ! Чрезъ десять лѣтъ состарѣются тѣ, которые нынѣ почитаются новыми. Черезъ десять другихъ лѣтъ опять новое сужденіе о словесности, новая браковка словамъ. Это называется вкусомъ, установленіемъ языка! Но кто сіи установители? Нѣсколько *журналистовъ*, неизвѣстныхъ ни именами своими, ни трудами; нѣсколько молодыхъ людей, научившихся превратно видѣть вещи. Между тѣмъ, ежели послушать ихъ, то они великіе просвѣтители, всѣхъ прежнихъ писателей ни во что ставятъ, себя однихъ выше небесъ превозносятъ, и тѣхъ, которые разсуждаютъ иначе о языкѣ и словесности, называютъ вкусоборцами, обращающими просвѣщеніе и науки во тьму и

Къ стран.

159. невѣжество»... 20 іюня 1811 года, Шишковъ писалъ къ нѣкоему Бардовскому: «господа журналисты и большая часть молодыхъ людей (нынѣшняго образа мыслей) крайне меня не жалуютъ; но признаюсь, что изъявляемая ими ненависть ко мнѣ есть самое то, чѣмъ я горжусь»... 19 іюля 1811 года: «Весьма охотно читаю *Русской Вѣстникъ*, который не твердитъ о словахъ *эстетика*, *образованіе*, *просвѣщеніе* и тому подобныхъ; но говоритъ всегда объ истинной и чистой нравственности, отъ которой въ нынѣшнія времена родъ человѣческій, къ злополучію своему, далѣе и далѣе отпадаетъ. Онъ не смотритъ на то, что таковыя его писанія многими, у которыхъ голова вскружена *новыми понятіями*, не нравятся»... («Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шишкова», Спб., 1841 года, стр. 13, 16, 17).

Дашковъ, въ свою очередь, отвѣчалъ брошюрою «О легчайшемъ способѣ возражать на критики» (Спб. 1811 года; цензорское разрѣшеніе 12 сентября, слѣдовательно Карамзинъ могъ прочесть эту брошюру, когда писалъ къ Дмитріеву, т. е. 4 декабря 1811 года). Противники Шишкова ставили ее очень высоко, а сочинителя сравнивали съ Давидомъ, вступившимъ въ бой съ Голіаѳомъ. Воейковъ, напр., такъ описалъ подвигъ Дашкова въ шутливомъ посланіи къ нему же:

Не туча рдѣетъ вдалекѣ,
Страшнѣйшій мчится непріятель,
На твой разсудокъ ополченъ.
Его хитонъ хитро изшвенъ
Ѳитами, *семо* и *овамо*,
Колпакъ, какъ *пси*, стоящій прямо,
Кавыка и *ерокъ* въ десной,
И книга Кормчая въ другой,
Какъ щитъ огромный Ахиллеса!

. . . .

Ты бритвой свѣтлаго разсудка
Отбрилъ раскольника за всѣхъ

Къ стран.

159. И поразя въ чело....
Воскликнулъ: «о друзья! свобода!
Воскресни, Карамзинъ и вкусъ!»

(Современникъ 1857 года, т. LXII, № 3, отд. V, «Библіографическія записки» г. М. Лонгинова, стр. 86—89). Теперь произведеніе Дашкова любопытно только какъ доказательство, что въ этой полемикѣ вся сущность дѣла заключалась въ повальномъ обвиненіи литературы и журналистики въ невѣріи, безнравственности и неповиновеніи предержащимъ властямъ, почему Дашковъ и цитуетъ извѣстные стихи Буало:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.
. . . .
Hé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux.

146.

161. Въ 1811 году въ Россіи находились два брата, графы Местры: старшій—Іосифъ, былъ сардинскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ,—ревностный сторонникъ теократическаго деспотизма и авторъ нѣсколькихъ сочиненій въ этомъ духѣ. Младшій братъ—Ксаверій, послѣдовалъ въ Россію за Суворовымъ послѣ его итальянскаго похода; служилъ здѣсь въ военной службѣ и женился на Русской. Онъ также писалъ: Voyage autour de ma chambre; Prascovie, ou la jeune Sibérienne и др.

— Великая Княгиня Екатерина Павловна писала къ Карамзину, 4 января 1812 года, что она занята сборами къ поѣздкѣ изъ Твери въ Ярославль: «à mon retour je pourrai dire que je retournerai aux livres, aux traductions, à *la grammaire* et à mes amis, que mon coeur ne quitte pas, si parfois la plume leur fait infidélité»... («Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 103).

148.

163. Въ 1812 году, опасенія честолюбивыхъ замысловъ Наполеона произвели въ русскомъ обществѣ сильное

Къ стран.

163. потрясеніе. Произошла быстрая реакція, и, вмѣсто недавняго обожанія всего французскаго, высказывалось повсюду громкое противъ него негодованіе. При такомъ настроеніи умовъ, Шишковъ выдвинулся на первый планъ, такъ какъ ратовалъ, хотя и не возбуждая большаго сочувствія въ обществѣ, за чистоту русскаго языка и часто напоминалъ о всеобщемъ растлѣніи нравовъ и вредѣ отъ французской революціи.

«Весною въ 1812 году, разсказываетъ самъ Шишковъ, Государь призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: я читалъ разсужденіе твое о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, ты можешь ему быть полезенъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ. Я бы желалъ, чтобы ты написалъ о томъ манифестъ»... Императоръ Александръ, отправляясь къ войскамъ въ Вильно, приказалъ слѣдовать за собою Шишкову въ званіи государственнаго секретаря. («Краткія записки, веденныя въ бывшую съ Французами въ 1812-мъ и послѣдующихъ годахъ войну» отдѣльно и въ XVI части «Собранія сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова»).

150.

164. *Я благодарилъ Великую Княгиню за милостивыя пени*... Въ письмѣ 24 мая 1812 года она выговаривала Карамзину за то, что онъ не пригласилъ ее быть крестною матерью новорожденной его дочери («Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина», стр. 104).

151.

165. Батюшковъ, видѣвшій Василья Львовича въ Нижнемъ Новгородѣ, писалъ объ немъ кн. П. А. Вяземскому: «отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили!»... По пріѣздѣ въ Нижній-Новгородъ

Къ стран.

165. В. Пушкинъ написалъ посланіе къ жителямъ его, начинающееся такъ:

Примите насъ подъ свой покровъ....

Здѣсь помѣщено много браннаго противъ Французовъ, и И. И. Дмитріевъ говорилъ въ шутку, что стихи В. Л. Пушкина «напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его.» (Русскій Архивъ 1866 года, № 2, «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива», стр. 224, 242, 243).

154.

168. *Насъ же увѣряли, ободряли; клялись сѣдыми волосами*... Намекъ на князя Кутузова. «Извѣстіе о взятіи Москвы, разсказываетъ Шишковъ, подало поводъ къ разнымъ толкамъ, обвинявшимъ фельдъмаршала князя Кутузова. Примѣтя, что и самъ Государь поставляетъ ему въ вину, для чего не далъ онъ вторично подъ Москвою сраженія, я осмѣлился спросить у него, не думаетъ ли онъ смѣстить Кутузова? и очень обрадовался его отвѣту: нѣтъ, я отнюдь сего не думаю» (Краткія записки въ XVI части «Собранія сочиненій» Шишкова, стр. 38).

— *Здѣсь довольно насъ Московскихъ*... Извѣстія о пребываніи въ 1812 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ современныхъ писателей и ученыхъ: Карамзина, Н. Бантышъ-Каменскаго, А. Малиновскаго, Ю. Нелединскаго-Мелецкаго, В. Пушкина, Батюшкова и С. Глинки см. въ статьѣ «Общество литераторовъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1812 году», Сѣверная Пчела 1845 года, № 72. Любопытныя письма изъ Нижняго-Новгорода этой эпохи отъ Батюшкова, В. Пушкина и самого Карамзина къ князю Вяземскому въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, № 2, стр. 222—243. Батюшковъ, напр., такъ описываетъ тамошнихъ пришельцевъ въ этомъ городѣ: «у Архаровыхъ собирается

Къ стран.

168. вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы — и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ Французовъ по-французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: point de paix!.. Человѣкъ такъ сотворенъ, что ничего вполнѣ чувствовать не въ силахъ, даже самаго зла: потерю Москвы не многіе постигаютъ»...

— О нижегородской Степенной книгѣ Карамзинъ писалъ 21 Января 1813 года къ А. Тургеневу: «Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное: *Степенную книгу* съ прибавленіями неизвѣстными касательно времени Царя Ивана Васильевича» (Московскій Сборникъ 1847 года, стр. 389).

155.

169. Өедоръ Ивановичъ Дмитріевъ, братъ Ивана Ивановича: «онъ служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ. Предъ занятіемъ Французами Москвы, за разгономъ лошадей, онъ не могъ слѣдовать за сенатомъ въ Казань и только что въ состояніи былъ добраться до села Измаіілова, отстоящаго въ семи верстахъ отъ столицы. Тамъ нашла его шайка Французовъ, ограбила, и потомъ одинъ Полякъ прострѣлилъ его изъ пистолета въ глазахъ жены и малолѣтныхъ дѣтей»... («Взглядъ на мою жизнь» И. Дмитріева, стр. 219).

156.

170. Великая Княгиня Екатерина Павловна лишилась супруга своего, принца Георгія Ольденбургскаго. Вигель говоритъ, что онъ «часто посѣщалъ въ больницѣ раненыхъ, подвергся заразительному ея вліянію и умеръ отъ госпитальной горячки» («Воспоминанія» Вигеля, II, ч. 4, 177).

157.

171. Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ, уроженецъ виленской губерніи, троцкаго повѣта; сначала служилъ въ

Къ стран.

171. военной службѣ, а потомъ вступилъ въ духовное званіе, въ которомъ достигъ до должности митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи. Въ Петербургѣ онъ былъ нѣкоторое время президентомъ Вольнаго экономическаго Общества, а въ 1813 году, по предложенію адмирала Шишкова и во время его отсутствія, исполнялъ обязанности предсѣдателя Россійской Академіи (Отечественныя Записки 1826 года, часть XXVIII, № 80, стр. 372 — 402). Въ 1813 году, Карамзинъ, по всей вѣроятности, получилъ его сочиненіе: «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves» S.-Pétérsbourg, 1812, но на него нѣтъ ни одной ссылки въ «Исторіи государства россійскаго», въ примѣчаніяхъ къ которой опровергаются мимоходомъ извѣстія изъ другаго сочиненія Сестренцевича, «Исторіи о Тавріи» (Спб. 1806 года).

172. *Ты знаешь Бардовскаго? Онъ публиковалъ въ газетахъ* и проч. Яковъ Іевлевичъ Бардовскій, переводчикъ разныхъ сочиненій, направленныхъ противъ безвѣрія философовъ XVIII-го столѣтія. Адмиралъ Шишковъ былъ хорошо расположенъ къ нему; хвалилъ его за употребленіе вмѣсто слова фанатикъ — изувѣръ и за обстоятельныя разсужденія о словѣ имство. «Признаюсь, что я, писалъ къ Бардовскому Шишковъ, очень люблю толкованіе словъ. Мнѣ кажется, не отыскивая корня ихъ, не можемъ мы знать силу вѣтвей, изъ которыхъ состоитъ языкъ. Наука сія есть самая важная, необходимая для процвѣтанія языка и словесности»... Изъ писемъ Шишкова можно догадываться, что Бардовскій превозносилъ его сочиненія и тѣмъ поощрялъ маститаго адмирала къ разсужденіямъ о корняхъ. 10 Января 1813 года, Шишковъ увѣдомилъ Бардовскаго, что по докладу его, Императоръ Александръ I поручилъ Бардовскому собраніе извѣстій о нашествіи непріятеля на Москву, съ жалованьемъ по 1500 рублей въ годъ. Бардовскій напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1813 года, № 8, при-

Къ стран.

171. глашеніе о доставленіи ему свѣдѣній по этому предмету. Въ письмѣ 11 мая 1813 года, Шишковъ даетъ довольно подробное наставленіе, въ какомъ духѣ и направленіи Бардовскій долженъ описывать нашествіе Французовъ: «не худо, говоритъ Шишковъ, краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ историческое разсмотрѣніе нравственности гальскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о ядовитыхъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чудовищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспіеровъ... Въ противоположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно отдать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда иныхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благонравіе, иныхъ, кромѣ благочестивыхъ... Если нынѣ въ нравахъ нашихъ примѣчается порча, или отступленіе отъ коренныхъ правилъ честности и добродушія, то зараза сія прилипла къ намъ отъ сего обманчиваго народа. Зараза сія сдѣлалась весьма сильною и общею.. Особливо, по несчастію, мы больше всѣхъ прочихъ народовъ примѣчаемъ въ себѣ страсть къ сему подражанію. Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ-ли внутренность наша остаться не поврежденною?.. Я почти первый въ 1804 году сталъ о семъ говорить смѣло, и вы помните, какъ господа *Вѣстники* и *Меркуріи* противъ меня возстали... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество... Тогда могли они такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ по неволѣ воздержаться; но теперь я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли!... Вотъ къ какой цѣли должна стремиться ваша книга. Я надѣюсь, что вы, по нѣкоторомъ приведеніи ея въ порядокъ, согласитесь, прежде изданія въ свѣтъ, прислать ее ко мнѣ рукописную для прочте-

Къ стран.
171. нія». Долго ли получалъ Бардовскій жалованье за возложенное на него сочиненіе, — неизвѣстно, также какъ и то, чтобы оно когда-либо явилось въ свѣтъ. Объ отношеніяхъ Шишкова къ Бардовскому сохранились во многихъ отношеніяхъ любопытныя подробности въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шишкова», С.-Петербургъ, 1841 года.

166.

178. По убѣжденію С. Уварова, Гнѣдичъ въ 1813 году принялся за переводъ Иліады гекзаметрами, противъ возможности которыхъ въ русскомъ стихѣ возражалъ В. Капнистъ. Полемика между нимъ и Уваровымъ печаталась въ Чтеніяхъ въ бесѣдѣ любителей русскаго слова, кн. XVII, стр. 18, 47. Въ сатирическихъ стихотвореніяхъ той эпохи также упоминается объ этомъ спорѣ. Такъ Воейковъ, въ посланіи къ Д. Дашкову, говоритъ:

Вотъ ямбовъ защищая честь,
Не зная, что экзаметръ есть,
Въ филиппикѣ многорѣчивой
Капнистъ разсказываетъ намъ,
Что въ музыкѣ Горацій самъ
Не зналъ ни толку, ни размѣра;
Что ухо грубо у Гомера...

(Современникъ 1857 года, т. LXII, № 3, отд. V, «Библіографическія записки», стр. 88).

169.

182. *Я въ бреду написалъ-было нѣсколько строфъ...* Эти строфы вошли въ стихотвореніе Карамзина «Освобожденіе Европы и слава Александра I». Карамзинъ позволилъ А. Тургеневу распоряжаться этими стихами, и онъ напечаталъ ихъ отдѣльною брошюркою. Они вошли въ смирдинское изданіе «Сочиненій Карамзина», но безъ посвя-

Къ стран.

182. щенія московскимъ жителямъ, которое есть въ Москвитянинѣ 1852 года, т. VI, 61. Дашковъ, въ письмѣ къ князю Вяземскому, 25 іюня 1814 года, разсказываетъ, что стихи Карамзина «возжгли духъ ревности въ сердцахъ бесѣдчиковъ, а особливо Шаховскаго», и что они «не имѣли счастія понравиться сему грозному Аристарху; онъ даже нападаетъ на прекрасную и трогательную строфу:

«Отецъ, пусть бури міръ волнуютъ...

«Какъ послѣ этого дивиться, что я такъ часто страдаю желчною лихорадкою! За то Шаховскому съ братіей чрезвычайно нравятся псалмопѣнія здѣшнихъ риѳмачей и прозаиковъ — такъ и должно:

«Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Mevi». (Русскій Архивъ 1866 года, № 3, Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива, стр. 495, 496).

170.

182. Петра Алексѣевича Обрѣзкова жена, Елизавета Семеновна, урожденная Волчкова. См. Рус. Архивъ 1866 г., № 6, стр. 889.

— Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, опредѣленъ былъ въ московскіе прокуроры И. Дмитріевымъ, хотя тесть перваго, Н. П. Архаровъ и предсказывалъ министру юстиціи, что изъ этого не будетъ пользы: «малый-то (т. е. Кокошкинъ) къ театру больно пристрастился!» Предсказаніе сбылось, и Кокошкинъ скоро вышелъ изъ прокуроровъ (Москвитянинъ 1854 года, № 9, отд. I, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 168). Кокошкинъ славился, какъ хорошій чтецъ стиховъ, и С. Аксаковъ въ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ» называетъ его «знаменитымъ декламаторомъ» (Русская Бесѣда 1856 года, часть IV, стр. 36).

171.

183. .. *Получилъ... рѣчь Гнѣдича... Мы побѣдили Наполеона: удивимъ свѣтъ и нашимъ разумомъ...* Рѣчь Гнѣдича: «Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи

Къ стран.

183. нашей словесности» напечатана въ «Описаніи торжественнаго открытія императорской публичной библіотеки» (Спб., 1814 года), на стр. 52 — 98. Въ началѣ рѣчи, витіеватымъ слогомъ прославляются побѣды Русскихъ надъ Французами и подвиги наши для спасенія Европы отъ варваровъ. Александръ I называется здѣсь «кроткимъ ангеломъ, богоподобнымъ». «Я, говоритъ Гнѣдичъ, только изнемогаю подъ бременемъ чувствъ, и голосъ мой изчезаетъ предъ Тѣмъ, кому витія — вся вселенная, а награда — безсмертіе». По мнѣнію Гнѣдича, русская литература дѣлала мало успѣховъ отъ того, что у насъ было въ пренебреженіи изученіе древнихъ языковъ и классическихъ авторовъ... Поэтому-то распространилась притворная чувствительность и меланхолія — «болѣзни новыхъ стихотворцевъ», и вмѣстѣ съ ними развращенная философія и метафизическая поэзія... «Трудно въ какомъ либо художествѣ заслужить прочную славу, гоняясь за многими родами»... Писатель, изучившій древніе языки, по мнѣнію Гнѣдича, «не расточилъ бы... даровъ *на бездѣлки*, ища временной похвалы». Далѣе (на стр. 92 — 94), какъ бы нехотя, упоминается о Карамзинѣ рядомъ съ М. Муравьевымъ, и тутъ же косвенная выходка противъ перваго.

172.

184. *Авторъ мелодрамы... позволилъ нашему Князю Вяземскому марать безъ милосердія его прологъ*... 19 мая 1814 года, въ домѣ Полторацкихъ въ Москвѣ былъ данъ праздникъ по случаю взятія Парижа, на которомъ, между прочимъ, давался прологъ «Храмъ безсмертія», съ музыкою Морини, слова — Алексѣя Пушкина. О праздникѣ, см. переписку Дашкова съ княземъ Вяземскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, № 3, «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива», стр. 495, 496 и № 6, стр. 885: тамъ же на стр. 862, 863 — объ Алексѣѣ Михайловичѣ Пушкинѣ.

Къ стран.

184. *Я получилъ изъ Павловскаго... угадай что? Розу, сорванную для меня, смиреннаго, рукою Императрицы..* Письмо Карамзина къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, который переслалъ ему эту розу, начинается такъ: «Давно оставленный розами, могъ ли я ждать къ себѣ такой гостьи?» Тамъ же разрѣшается и загадка разсказомъ аполога персидскаго поэта Сади о Козроѣ (Москвитянинъ 1847 г., ч. II, Истор. Матеріалы, стр. 131, 132).

173, 174.

186. Отсутствіе Императора Александра I изъ Россіи было причиною, что и въ 1815 году Карамзинъ не ѣздилъ въ Петербургъ. Хотя же во «Взглядѣ на мою жизнь» И. Дмитріева, на стр. 251 — 253 приведено письмо къ нему Карамзина изъ Царскаго села, 22 октября 1815 года, однако это ошибка: письмо писано точно изъ Царскаго Села, но въ 1825 году.

12 апрѣля 1815 года Карамзинъ писалъ изъ Москвы къ Полторацкому: «происшествія во Франціи ужасны (въ это время Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы); трудно удерживаться отъ ненависти къ такому народу. Не знаю, что будетъ, но знаю, что есть Провидѣніе, и стараюсь по возможности быть спокойнымъ.... Москва въ большомъ уныніи, и праздникъ будетъ не очень веселъ. Не могу теперь сказать, когда буду въ Петербургѣ. Печатаніе Древней Исторіи, требуетъ мира и спокойствія: погодимъ».. (Сѣверная Пчела 1846 года, № 24, «Русскія біографическія и библіографическія лѣтописи» г. С. Полторацкаго).

О жизни Карамзина въ Москвѣ 1814—1815 годовъ есть подробности въ Московсковъ Городскомъ Листкѣ 1847 года № 24, стр. 97—98: нѣсколько крупныхъ промаховъ обличаютъ въ авторѣ малое знаніе домашнихъ обстоятельствъ жизни исторіографа и тѣмъ подрываютъ всякое довѣріе къ цѣлому разсказу; о чемъ въ томъ же журналѣ 1847 года № 27, стр. 107.

Къ стран.

186. Выйдя въ отставку, Дмитріевъ поселился съ 1814 года въ Москвѣ, гдѣ жилъ и Карамзинъ до февраля 1816 года. 19 января этого года онъ писалъ къ брату: «имѣю намѣреніе ѣхать черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ, чтобы представить Государю восемь томовъ моей исторіи, разумѣется, если жена и дѣти будутъ здоровы: Великой Княгини (Екатерины Павловны) уже не могу тамъ застать, къ сожалѣнію. Императрица Марія нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ. Но все это не обольщаетъ меня: знаю, что могу съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ». (Атеней 1858 года № 25, стр. 604).

Февраль и мартъ 1816 года проведены Карамзинымъ въ Петербургѣ: письма его объ этой поѣздкѣ къ женѣ, остававшейся въ Москвѣ, безспорно лучшій матеріалъ и для біографіи самого Карамзина, и для изображенія тогдашняго высшаго общества въ Петербургѣ. Карамзина приняли тамъ съ распростертыми объятіями, — онъ былъ тамъ въ модѣ, и всѣ знатные наперерывъ старались ему оказывать вниманіе. Исторіографу видимо нравился Петербургъ, и тогда онъ отдавалъ ему преимущество передъ Москвою: ... «не обижая Москвы, писалъ онъ, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любезныхъ матеріяхъ»... Однако онъ долго ожидалъ случая представиться Государю и, слѣдовательно, покончить дѣло, за которымъ пріѣзжалъ, то есть: получить средства къ изданію въ свѣтъ своей Исторіи. Описаніе всего этого можно найти въ помянутой перепискѣ («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, т. I, стр. 141—182).

4 Апрѣля 1816 года Карамзинъ увѣдомилъ брата, что на дняхъ онъ вернулся въ Москву и что ему пожалованы чинъ (статскаго совѣтника), лента (св. Анны) и деньги (60 т. рубл.) на печатаніе Исторіи. «Положено

Къ стран.

186. печатать трудъ мой въ Петербургѣ, а мнѣ жить лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ Государь... Петербургъ славный городъ, но жить въ немъ дорого: не знаю, какъ мы тамъ устроимся»... (Атеней, 1858 года, № 25, стр. 605). Съ переселеніемъ Карамзина въ Петербургъ возобновивилась у него переписка съ Дмитріевымъ.

— Настастья Яковлевна Плюскова, пожилая фрейлина, пріятельница Дмитріева [Л.].

— Лордъ Каткартъ и Метръ, посланники при нашемъ Дворѣ: первый — англійскій, второй — сардинскій [Л.].

175.

187. Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій — бывшій тогда начальникъ Царскаго Села. Григорій Ивановичъ Вилламовъ — статсъ-секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны [Л.].

— Екатерина Ѳедоровна Муравьева, супруга Михаила Никитича, особенно была расположена къ Карамзину: «я вижу въ ней родную, писалъ онъ къ женѣ, когда былъ одинъ въ Петербургѣ... живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома»... («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, стр. 143, 146). О Муравьевой, см. Москвитянинъ 1848 года, Внутр. Извѣстія, № 8, стр. 76—78.

176.

188. Великая княгиня Анна Павловна и супругъ ея Вильгельмъ принцъ оранскій, впослѣдствіи король нидерландскій [Л.].

177.

189. *Нахожу, что у Селиван. можно печатать Исторію скорѣе*... Семенъ Іоанникіевичъ Селивановскій, московскій типографщикъ, у котораго Карамзинъ печаталъ свои сочиненія съ начала восьмисотыхъ годовъ. Отрывки изъ переписки ихъ — въ Библіографическихъ За-

Къ стран.

189. пискахъ 1858 года, № 19, стр. 581—587. Отсюда узнаемъ, что Карамзинъ, 27 іюня 1816 года, писалъ къ Селивановскому:... «желаю также имѣть отъ васъ новый рѣшительный отзывъ о печатаніи моей Исторіи. Возьмете-ли вы съ листа за 3000 экз. по 35 руб.? Здѣсь въ медицинской и восп. дома типографіи просятъ съ меня миттелемъ 35 р., а циперо 40 р.; но я еще крѣплюсь и посматриваю на Москву, хотя Дворъ ко мнѣ и милостивъ. Здѣсь обѣщаютъ печатать по 3 и 4 листа въ недѣлю: какъ вы? Пожалуйте увѣдомьте скорѣе. Мнѣ надобно рѣшиться въ половинѣ Іюля непремѣнно»... Въ слѣдующемъ письмѣ: «По приказанію Государя Исторія моя должна печататься въ военной типографіи: такъ и быть! Прилагаю образецъ: скажите мнѣ ваше мнѣніе. Литтеры слишкомъ крупны и неровны; да и печать не чиста, кажется. Теперь хлопочу о бумагѣ. Не забывайте насъ»... 5 сентября 1816 года: «искренно благодарю васъ за добрые совѣты въ разсужденіи печатанія Исторіи, которое для меня ни выгодно, ни красиво; но дѣлать нечего. Теперь съ нетерпѣніемъ жду бумаги Ольхинской, обѣщанной мнѣ къ 20 Сент.»...

190. Фридрихъ Максимиліанъ фонъ Клингеръ, извѣстный въ германской литературѣ романистъ и драматургъ, сначала служилъ въ австрійской службѣ, а потомъ перешелъ въ русскую; былъ чтецомъ при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ; сопровождалъ его въ путешествіи по Европѣ; по вступленіи же его на престолъ, сдѣлался главнымъ начальникомъ пажескаго корпуса, а впослѣдствіи попечителемъ дерптскаго университета. Когда видѣлся съ нимъ Карамзинъ, онъ носилъ еще это званіе, но вскорѣ потомъ (см. стр. 204 настоящаго изданія) князь А. Голицынъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, находя Клингера слишкомъ вольнодумнымъ, уволилъ его отъ должности попечителя. Шлоссеръ, въ своей Исторіи XVIII вѣка, посвятилъ нѣсколько страницъ разсмотрѣнію произведеній Клингера, объ-

Къ стран.

190. ясняя это такъ: «мы говорили такъ подробно о Клингерѣ потому, что это былъ единственный изъ нѣмецкихъ писателей, который вполнѣ зналъ свѣтъ, людей и науку, и писалъ романы только изъ потребности сообщать свои мысли, но не для славы или изъ выгодъ»... (Schlosser's Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts, Heidelberg 1848, VII, 1 Abth., 114). «Весьма замѣчательно, говоритъ г. М. Богдановичъ о Клингерѣ, что литераторъ, сдѣлавшись педагогомъ, и вѣроятно опасаясь вліянія на молодежь своихъ сочиненій, отличающихся необузданною энергіей и мрачнымъ взглядомъ на жизнь, самъ заботился о запрещеніи ихъ впуска въ Россію»... (Вѣстникъ Европы 1866 года, т. II, «Первая эпоха преобразованій императора Александра I», стр. 141).

— Пукаловъ, вмѣстѣ съ женою своею, пользовался неограниченною довѣренностью графа Аракчеева. Баронъ М. А. Корфъ въ «Жизни Сперанскаго», т. II, стр. 172, замѣчаетъ, что «чета Пукаловыхъ имѣла извѣстное, въ то время, вліяніе на Аракчеева». По устнымъ разсказамъ сохранилось въ памяти, что къ Пукаловой ѣзжалъ съ визитомъ предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Лопухинъ, и что четверостишіе, начинающееся такъ:

Крестъ въ прежни времена былъ казнію людей....
сочинено на Пукалова.

Карамзинъ въ письмѣ къ Екатеринѣ Андреевнѣ, 6—7 марта 1816 года, писалъ: «вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ Пукаловымъ, который здѣсь выше всѣхъ статсъ-секретарей, по увѣренію знающихъ людей. Онъ съ умомъ и объявилъ себя моимъ *старымъ* знакомымъ: я отдѣлался учтивымъ поклономъ и не просилъ возобновленія знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ: не поѣхалъ къ графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пукалова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить

Къ стран.

190. грубостію; но мое ли дѣло итти криво?»... («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, I, 170).

— Съ графомъ Іоанномъ Каподистріа Карамзинъ познакомился въ первый разъ въ февралѣ 1816 года, о чемъ писалъ тогда женѣ своей: «изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, чрезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы»... (Ibid., стр. 147).

— Съ присоединеніемъ Бессарабіи (послѣ бухарестскаго трактата $^{16}/_{28}$ мая 1812 года) правителемъ этой страны, названной областью, былъ назначенъ Скарлатъ Стурдза. Въ данной ему тогда отъ адмирала Павла Васильевича Чичагова инструкціи, ему поручалось тамъ образовать новое управленіе и вообще употреблять либеральныя мѣры для успокоенія страны и водворенія довѣрія въ новыхъ подданныхъ. «Сынъ этого Стурдзы, говоритъ Вигель въ «Воспоминаніяхъ» (т. III, стр. 57, 99), столь извѣстный Александръ Скарлатовичъ, находился тогда при уважаемомъ Государемъ статсъ-секретарѣ Капо д'Истріѣ, былъ его другомъ и сотрудникомъ. Исполненный тогдашнихъ идей и зная господствовавшую тогда наклонность отдѣлять отъ Россіи сдѣланныя ею завоеванія, онъ затѣялъ изъ частицы своего отечества сдѣлать маленькое образцовое государство съ представительнымъ правленіемъ. Чрезъ Капо д'Истрію онъ успѣлъ въ томъ... Нѣчто въ родѣ представительнаго правленія введено было въ Бессарабію подъ названіемъ «образованія области»... Этимъ объясняется ироническое выраженіе въ письмѣ Карамзина *«они образуютъ»*...

— Принцъ Августъ-Павелъ-Фридрихъ Ольденбургскій, съ 1829 года герцогъ ольденбургскій. Въ 1811 году, по занятіи Французами герцогства, онъ прибылъ въ Россію и, съ 1813 по 1816 годъ, занималъ должность ревель-

Къ стран.

190. скаго губернатора. Подъ его руководствомъ въ Эстляндіи совершилось освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ безъ надѣла землею («Полное собраніе законовъ», т. XXXIII, постановленіе 23 мая 1816 г., подъ № 26, 277). Объ этомъ предметѣ болѣе ясно высказался Карамзинъ въ письмѣ къ Малиновскому 12 октября того же 1816 года: «Слѣдствія новаго эстляндскаго устава о крестьянахъ развѣ *впредь* окажутся благодѣтельными; тогда, а не прежде совѣтую вамъ говорить объ этомъ способѣ для соглашенія выгоды крестьянъ и дворянства. Будемъ молиться Богу: онъ все устроитъ къ лучшему»... («Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому» изд. Общества любителей россійской словесности, Москва, 1860 года, стр. 12).

178.

191. Характеристика И. В. Лопухина сдѣлана г. Н. Тургеневымъ въ его сочиненіи: «La Russie et les Russes» (II, 253), при описаніи кружка русскихъ масоновъ екатерининскаго времени: «Un de ces hommes, appartenant à une grande famille (Lapoukhine), dépensa toute sa fortune, qui était très considérable, et celle de son frère, qui le laissait faire, à doter les établissements des loges maçonniques, et surtout à répandre des aumônes. Il ne gardait que peu de choses pour ses propres besoins, et il vécut toute sa vie dans une vieille maison délabrée dont il avait hérité de son père. Mais la vaste cour de cette maison était toujours remplie de pauvres, et jamais un seul ne s'en retournait les mains vides. Sa charité était devenue proverbiale»...

— Державинъ умеръ 9 іюля 1816 года, въ своемъ имѣніи — Званкѣ. Въ журналѣ г. Греча: Сынъ Отечества, 1816 года, XXXI, стр. 68 и 89, помѣщенъ его некрологъ, а въ части XXXII, стр. 163, статья князя П. А. Вяземскаго о Державинѣ [Л.].

Къ стран.

179.

193. Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ, былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію стараніями И. Дмитріева, который служилъ вмѣстѣ съ отцомъ Сѣверина. «Онъ, говоритъ Вигель, былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарищъ по службѣ Дашкова, пріятель обоихъ, и потому двери Арзамаса открылись передъ нимъ настежъ»... («Воспоминанія», т. III, ч. 5, стр. 41.

180.

194. Montauciel — комическое лицо въ опереттѣ Седена «Le Deserteur»». Отличный солдатъ, но страшный кутила, Монтосьель, сидя за проступокъ въ тюрьмѣ, узнаетъ, что король въ лагерѣ. Это извѣстіе приводитъ его въ отчаяніе, и онъ нѣсколько разъ вскрикиваетъ: «Comment le Roi est au camp, et Montauciel n'y était pas?» («Oeuvres dramatiques de Sedaine», Paris, 1785, III, p. 70).

---

201. Слѣдующее письмо Е. А. Карамзиной, съ припискою исторіографа, безъ обозначенія года и числа, несомнѣнно относится къ декабрю 1816 года: о болѣзни племянника своего, сына Александра Михайловича, Карамзинъ извѣщалъ другаго брата 10 декабри 1816 года (Атеней 1858 года, № 26, «Переписка Н. М. Карамзина», стр. 653, 654). Въ припискѣ упоминается о пожалованіи Лабзину ордена, который ему данъ 12 декабря 1816 года. (Русскій Архивъ, 1866 года, № 6, стр. 833).

(Рукою Е. А. Карамзиной:)

«Прежде всего, любезный и почтенный Иванъ Ивановичь, винюсь предъ вами, что такъ долго не отвѣчала на любезное ваше письмо и на пріятельскія поздравленія. Причина моего молчанія то, что я не могла собраться ни съ духомъ, ни съ временемъ, будучи безпрестанно съ больными; сперва безпокоило меня здоровье Николая

Къ стран.

М., а потомъ занемогла и Катенька: теперь, слава Богу, обѣимъ лучше.

«Благодарю васъ и за воспоминанія и за дружбу. Что касается до памяти, то я всегда вашею прельщалась, особливо же когда дѣло шло о доказательствахъ дружбы, а эту послѣднюю умѣю цѣнить и надѣюсь, что не совсѣмъ ея недостойна, любя васъ и почитая душевно. Навѣки вамъ преданная К. Карамзина».

(Приписка рукою Карамзина:)

«Любезнѣйшій другъ! я еще былъ не здоровъ и опять оправляюсь. Мы раза два выѣхали, и вдругъ были поражены нещастіемъ брата Александра Михайловича, который лишился шестнадцати-лѣтняго сына, предобраго. Я сію минуту пріѣхалъ отъ него и усталъ отъ горестныхъ чувствъ. Онъ не порадуется Петербургомъ. — 12 Дек. я выѣзжалъ утромъ поздравить Императрицу, но не рѣшился ѣхать на блестящій балъ, чтобы еще не простудиться. На другой и на третій день Государь присылалъ къ Катеринѣ Андреевнѣ спрашивать объ ея здоровьѣ, не видавъ ее на балѣ. — Благодарю тебя, любезнѣйшій, за дружескія поздравленія. Не сомнѣваюсь въ твоей памяти, а еще менѣе сомнѣваюсь въ твоей дружбѣ. Прости; будь здоровъ, доволенъ и люби всегда твоего

Н. Карамзина».

«Лабзину дали втораго Владиміра за переводъ Эккартсгаузена и Штиллинга».

186.

202. *Я не могъ писать къ К. Оболенскому о кураторствѣ. Сенаторъ-кураторъ все еще не оставляетъ меня въ покоѣ!*

Въ слѣдующемъ письмѣ Карамзинъ пишетъ Дмитріеву, что князь А. П. Оболенскій назначенъ попечителемъ московскаго университета на мѣсто сенатора Павла Кутузова. Объ отношеніяхъ къ своимъ непріятелямъ

Къ стран.

202. въ этотъ періодъ времени Карамзинъ говоритъ болѣе откровенно въ письмахъ къ своей женѣ. Напримѣръ 14 февраля 1816 года: «Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными *непріятелями* и скажу имъ: *есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся!* Видѣлъ во Дворцѣ и К...: вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе нибудь новые доносы и лжетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ»... 18 февраля 1816 года: «славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ Грамматикою, Синтаксисомъ, Этимологіею. Добрый старикъ Державинъ вздумалъ-было произвести меня въ члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемъ ученомъ обществѣ. Даже и К... обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа, и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его: вотъ казнь злобы и душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду!»... 1 марта 1816 года: «Скуки не было (въ пріемной дворца Великой Княгини Екатерины Павловны): я бесѣдовалъ съ старыми и новыми знакомцами, напр. съ Шишковымъ около часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобствовать на меня»... 6 — 7 марта 1816 года: «все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. A propos de K.... сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить Графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce K... Къ щастію твоему онъ трусъ: иначе твой мужъ былъ бы конечно имъ застрѣленъ, или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ?»... («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, т. I. стр. 148, 150, 168).

Къ стран.

202. Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ, поклонникъ Карамзина и одинъ изъ многочисленныхъ неудачныхъ подражателей его. Онъ пользовался особенною извѣстностью по ѣдкимъ нападкамъ на его произведенія современныхъ журналистовъ и писателей. Эпиграммъ на него написано безчисленное множество. Дмитріевъ также насмѣхался надъ нимъ, но Карамзинъ заступался за Шаликова, говоря, что «въ немъ есть что-то тепленькое» («Мелочи изъ запаса моей памяти» М. Дмитріева, Москвитянинъ 1854 года, №№ 1, 2, стр. 187—209)

189.

206. Анна Сергѣевна, дочь Екатерины Михайловны Кушниковой, сестры Карамзина. По смерти перваго мужа, Порошина, она вышла замужъ за Зиновьева.

191.

209. О переводѣ макарьевской ярмарки въ Нижній Новгородъ и объ убыткахъ отъ того владѣльцу села Лыскова, князю Егору Александровичу Грузнинскому — подробно у Вигеля, «Воспоминанія», т. III, ч. 5, стр. 174.

Князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ былъ членомъ государственнаго совѣта; о его способностяхъ и неудачахъ по службѣ говоритъ г. Н. Тургеневъ въ La Russie et les Russes, I, p. 394, 395. Карамзинъ познакомился съ нимъ въ Петербургѣ въ февралѣ — мартѣ 1816 года («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, т. I, стр. 144).

193.

211. Мартыновъ былъ директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1817 году на его мѣсто назначенъ Василій Михайловичъ Поповъ, «кроткій изувѣръ, по отзывамъ Вигеля, смирный, простой человѣкъ, котораго однакожъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія... Онъ былъ орудіемъ Би-

Къ стран.

211. блейскаго Общества. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша Церковь, сдѣлался скорѣе вмѣстѣ съ министромъ своимъ гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ»... («Воспоминанія» Вигеля, т. III, ч. 5, стр. 67). Послѣ оставленія княземъ А. Голицынымъ министерства народнаго просвѣщенія, занявшій его мѣсто, адмиралъ Шишковъ, особенно дѣятельно преслѣдовалъ Попова, котораго Голицынъ поспѣшилъ перевести въ почтовое вѣдомство. Объ этомъ подробности въ «Запискахъ» Шишкова.

212. Лабзинъ, Александръ Ѳедоровичъ, конференцъ-секретарь Академіи художествъ. Этою должностью онъ занимался, впрочемъ, мало, потому что весь былъ погруженъ въ изданіе и распространеніе въ русской публикѣ мистическихъ твореній Экартсгаузена и Юнга Штиллинга. Въ 1806 году онъ издавалъ Сіонскій Вѣстникъ, гдѣ помѣщались духовно-нравственныя статьи самого Лабзина, Сковороды и бывшихъ масоновъ, князя Н. В. Репнина, И. В. Лопухина. Изъ духовныхъ нашихъ іерарховъ, приснопамятный митрополитъ Евгеній тогда же (6 іюля 1806 года) указывалъ подробно всѣ безсмыслицы Сіонскаго Вѣстника (Москвитянинъ 1848 г., № 8, стр. 173—174). Тогдашній оберъ-прокуроръ синода, князь А. Голицынъ, еще не былъ приверженцемъ мистицизма, а потому и распорядился о прекращеніи журнала Лабзина («Московскій университетскій благородный пенсіонъ», г. Н. Сушкова, Москва 1858 г., стр. 24). Въ 1816 году мистицизмъ получилъ въ Россіи особенное значеніе, благодаря покровительству высокопоставленныхъ лицъ. Тотъ же князь А. Голицынъ сдѣлался усерднымъ послѣдователемъ мистиковъ. Тогда Лабзину повезло; ему дали Владиміра второй степени, именно «за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ».

Въ апрѣлѣ 1817 года возобновился Сіонскій Вѣстникъ, съ страннымъ посвященіемъ «Господу Іисусу Христу». Мода на мистицизмъ была такъ велика, что мрач-

Къ стран.

212. ный журналъ Лабзина выписывали во всѣхъ концахъ Россіи. Но это продолжалось не долго: вліяніе князя Голицына было устранено, и не далѣе какъ въ 1818 году Сіонскій Вѣстникъ прекратился. Издатель его удаленъ былъ сначала въ Сенгилей, а потомъ въ Симбирскъ, гдѣ и умеръ. Хвалебная біографія этого мистика въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, № 6, стр. 817—860.

— Упоминаемые Карамзинымъ: сенаторъ Хитровъ (модный) — Алексѣй Захаровичъ; Гурьева — супруга тогдашняго министра финансовъ.

— *Вышла книга Стурдзы.... жалѣю, что онъ портитъ свой умъ мистическою вздорологіею*...

Карамзинъ отзывается такъ о сочиненіи Александра Стурдзы «Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe». Любопытно, что авторъ этой книги въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Н. М. Карамзинѣ» (Москвитянинъ 1846 года, часть V, №№ 9, 10, Науки, стр. 148, 149), сказавъ ошибочно, что Карамзинъ въ 1817 году «погостилъ также въ стѣнахъ древней столицы», повѣствуетъ: «около сего же времени довелось мнѣ написать первую мою книгу: Considérations и пр. Она заслужила вниманіе и одобреніе Николая Михайловича, хотя многое выходило въ ней изъ круга тогдашнихъ мыслей и убѣжденій его»...

— *Исторія какихъ-то сибирскихъ людоѣдовъ*... Иванъ Борисовичъ Пестель, сибирскій генералъ-губернаторъ, управлялъ обширною страною, живя постоянно въ Петербургѣ, отчего въ Сибири допускались тогда вопіющіе безпорядки и злоупотребленія. По назначеніи на мѣсто Пестеля Сперанскаго, послѣднему пришлось нарядить слѣдствіе о нѣсколькихъ Остякахъ, заблудившихся въ полярныхъ снѣгахъ и съѣвшихъ, для спасенія себя отъ голодной смерти, одного изъ своихъ товарищей. Слухи объ этомъ происшествіи, какъ видно изъ словъ Карамзина, дошли до Петербурга прежде назначенія Сперанскаго на генералъ-губернаторство. («Жизнь графа Сперанскаго», барона М. А. Корфа, I, 163, 172, 198).

Къ стран.

194.

213. *Manuscrit de Ste. Hélène.* Объ авторѣ этого сочиненія въ L'Univers, Dictionnaire encyclopédique de l'Histoire de France, par Philippe Lebas, XI, p. 120, — сказано: «on sait aujourd'hui que M-r Bertrand, officier et parent de M-r le comte Siméon, est auteur du manuscrit venu de S-te Hélène d'une manière inconnue». Paris 1817, 8-o.

195.

214. Арзамасцы — члены литературнаго общества, основаннаго въ шутку приверженцами Карамзина въ 1816 году. Благодаря громкимъ именамъ, которыя красовались въ спискѣ этого общества, о немъ составилась цѣлая литература, указанная въ «Энциклопедическомъ словарѣ» (Спб. 1862 года, т. V, стр. 315). Болѣе живыя подробности о немъ въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля (т. II, стр. 163 — 173 и III, 38 — 54), Изъ писемъ Карамзина къ женѣ видно, что онъ былъ въ восторгѣ отъ Арзамасцевъ. Такъ, 22 февраля 1816 г., онъ писалъ: «ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ *сердечнѣе, ласковѣе*: добрая хозяйка (К. Ѳ. Муравьева), Малиновскіе, Арзамасское общество нашихъ молодыхъ литераторовъ. Румянцовы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе»... 28 февраля 1816 года: «здѣсь изъ мущинъ всѣхъ любезнѣе для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ»... 2 марта 1816 г.: «сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть»... («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина, т. I, стр. 153, 160, 165).

— Николай Николаевичъ Новосильцевъ былъ племянникъ графа Александра Сергѣевича Строганова и воспитывался въ его домѣ. Страстный англоманъ, Новосильцевъ, вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ и графомъ

Къ стран.

214. Павломъ Александровичемъ Строгановымъ, составляли тріумвиратъ, имѣвшій значительное вліяніе на государственныя дѣла въ началѣ царствованія Александра I. По смерти М. Н. Муравьева, Карамзинъ просилъ Новосильцева о покровительствѣ его историческому труду: «нужно ли говорить, почему я, писалъ тогда Карамзинъ, вздумалъ утрудить именно васъ моимъ письмомъ? Безъ нарушенія правилъ скромности, могу сказать, что мнѣ извѣстны благородныя свойства вашей души и любовь ваша къ славѣ Отечества»... (Москвитянинъ 1847 года, I», стр. 139—140). О Новосильцевѣ, см. г. Богдановича, «Перваяэпоха преобразованій Императора Александра I» въ Вѣстникѣ Европы 1866 г., т. I, 157—159; «La Russie et les russes», par N. Tourgéneff, I, 303; Бантышъ-Каменскаго, «Словарь Дост. Людей» Спб. 1847 г., II, 515, 516.

196.

216. *Участвую въ общей радости, но издали*... Карамзинъ говоритъ здѣсь о празднествахъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Николая Павловича съ прусскою принцессою Александрою Ѳеодоровною.

— *Королева Виртембергская* Екатерина Павловна писала 3/15 іюня 1817 г., къ Карамзину: «Вспоминовеніе учителя пріятеля не могло не быть мнѣ пріятнымъ... Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашу Исторію, дабы бесѣдовать съ предками»... («Неизданныя сочиненія и переписка» Карамзина т. I, стр. 120, 121).

197.

217. *Я какъ Гуронъ*... Въ романѣ Вольтера, L'Ingénu, histoire véritable, tirée des manuscrits du P. Quesnel, выведенъ молодой дикарь Гуронъ. Онъ попадаетъ во французское общество и поступаетъ тамъ, какъ велитъ ему здравый смыслъ, но ему встрѣчаются на каждомъ шагу преграды и затрудненія отъ предразсудковъ и обычаевъ, къ которымъ привыкли Европейцы.

Къ стран.

218. Князь Шаликовъ въ 1816—1817 годахъ издалъ въ Москвѣ свой переводъ «Исторія Генриха Великаго».

— *Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ*... Около этого же времени, именно 6 іюня 1817 года, Карамзинъ писалъ къ А. Малиновскому: «живу *особнякомъ* съ женою, съ дѣтьми и съ типографіями. *Не есмь отъ міра сего*, хотя и смѣюсь надъ святошами новыми: смѣюсь про себя, разумѣется»... («Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому», Москва 1860 года, стр. 20).

206.

231. Слова: «Можетъ быть, я уже прощаюсь съ *Друкарною* практикою» относятся къ предположенію Карамзина остановиться на VIII томѣ; 27 декабря 1817 года онъ писалъ къ брату, Вас. Мих: «Еще не знаю, буду ли продолжать Исторію по изданіи осьми томовъ» (Атеней 1858 г., № 26, стр. 656).

207.

233. Наталья Яковлевна — Плюскова. О ней смотри прим. къ письму 174, стр. 082 и «Соч. Державина, изд. Ак. Н.», стр. 249, 503 и 727.

208.

232. О долгѣ Карамзина подробнѣе говорится въ письмахъ къ его брату. 28 дек. 1815 г. онъ писалъ къ Вас. Мих: «22 января должны мы взнести въ Воспитательный Домъ около четырехъ тысячь. Я возьму ваши деньги около сего числа и пришлю къ вамъ заемное письмо на десять тысячь рублей вмѣстѣ съ процентами Воспитательнаго Дома, сколько ихъ выдадутъ мнѣ по разсчету, и съ шестью стами рубл. нашихъ процентовъ, впредь за годъ. — Покорнѣйше благодарю васъ за одолженіе». (Атеней, 1858 г., № 25, стр. 603). Деньги эти были внесены на имя дѣвицы *Ольги*, воспитанницы Василія Мих., впослѣдствіи вышедшей за мужъ за Дмитр. Мих. Нпротворцева

Къ стран.

8 апрѣля 1818 Карамзинъ увѣдомлялъ брата: «Деньги, которыя мы ей должны, отданы мною въ здѣшній Ломбартъ» и проч. (тамъ же, № 26, стр. 657).

233. Первое изданіе «Исторіи Г. Р.» состояло изъ осьми первыхъ томовъ этого труда. Оно было напечатано въ числѣ 3000 экземпляровъ, которые разошлись, по цѣнѣ 50 руб. ассигн., въ одинъ мѣсяцъ. Оно поступило въ продажу 1 февраля 1818, см. Сынъ Отеч. 1818, ч. 43, стр. 225 и 251 [Л.]. Въ письмѣ Карамзина къ брату его, Вас. Мих., отъ 8 апр. 1818, сказано: «Исторія моя вся разошлась еще въ концѣ Февраля» (Атеней 1858, № 26, стр. 657). Ср. въ настоящемъ томѣ письмо 210, стр. 233. Любопытно то, что̀ внесъ по этому предмету Пушкинъ въ свои записки (см. Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. V, стр. 7). Какъ смотрѣли въ Москвѣ на появленіе Исторіи Карамзина, видно изъ Вѣстника Европы (ч. 97, № 4, стр. 307), гдѣ замѣтка о томъ начинается словами: «Другое достопамятное явленіе въ Москвѣ и также предметъ общаго разговора есть Исторія Государства Россійскаго, сочиненіе Н. М. Карамзина, знаменитаго исторіографа, превосходнѣйшаго изъ нашихъ писателей.»

— Дмитріевъ, находясь въ отставкѣ, состоялъ предсѣдателемъ коммиссіи для вспомоществованія жителямъ Москвы, разоренныимъ отъ непріятеля. Государь хотѣлъ наградить его, и ему думали дать брильянтовые знаки Александровскаго ордена. Дмитріевъ, узнавши про это, сказалъ, что брильянты деньги, а изъ за денегъ онъ никогда не служилъ, и что онъ на службѣ принесъ столько прибыли казнѣ, что сто́итъ, по статуту, Владимірскаго ордена и предпочитаетъ четвертую его степень. Дмитріевъ получилъ тогда, все таки состоя въ отставкѣ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника [Л.]

209.

Въ Запискахъ Дмитріева производство его въ означенный здѣсь чинъ отнесено по ошибкѣ къ 1819 году (см. «Взглядъ на мою жизнь», стр. 244).

Къ стран.

210.

234. Н. Я. Плюскова писала къ Дмитріеву вскорѣ послѣ награжденія его чиномъ, но вмѣсто поздравленія въ самомъ письмѣ удовольствовалась только означеніемъ новаго титула его въ надписи на конвертѣ: Дмитріевъ не угадалъ этой тонкости и приписалъ молчаніе Плюсковой ея невниманію.

— Д. Н. Блудовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ графа Каподистріи, который даже называлъ его перломъ русскихъ дипломатовъ, былъ незадолго передъ тѣмъ опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ на мѣсто Полетики, назначеннаго чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Апрѣль прошелъ въ сборахъ Блудова къ отъѣзду, а 27-го числа онъ отправился къ своему посту сухимъ путемъ черезъ Германію и Францію. («Воспоминанія» Вигеля, М. 1866, т. III, ч. 5, стр. 73 и 74).

235. 20 февраля 1818 года, въ присутствіи Государя и царской фамиліи, торжественно открытъ былъ въ Москвѣ памятникъ Минину и Пожарскому. Извѣстіе о томъ см. въ Вѣстникѣ Европы (ч. 97, № 4, стр. 307). Непосредственно за этимъ-то извѣстіемъ идетъ въ журналѣ выписанная нами выше замѣтка объ И. Г. Р.

— О сбытѣ Исторіи Г. Р. см. примѣч. къ письму 208. Говоря: *Не равняемся съ Англіею*, Карамзинъ могъ припоминать успѣхъ Исторіи Юма, о чемъ онъ за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ разсказывалъ: «Юмова Исторія Англіи сдѣлала такую прибыль лондонскимъ книгопродавцамъ, что они не давали автору покоя и безпрестанно требовали отъ него продолженія» и проч. (Вѣстникъ Европы 1803, № 5, стр. 47).

211.

235. Въ письмѣ Карамзина къ брату отъ того же дня сказано подробнѣе: «теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня *второе* изданіе и соглашаются дать мнѣ

Къ стран.

236. 50.000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія». (Атеней 1858, № 26, стр. 657). Условіе, какъ извѣстно, состоялось съ Ив. Вас. Слёнинымъ. Ср. письмо 216, стр. 240.

— Рѣчь идетъ объ Амвросіи Подобѣдовѣ и Михаилѣ Десницкомъ. Первый, чувствуя изнуреніе силъ, въ январѣ 1818 г. просилъ разрѣшенія переселиться въ Новгородъ и вслѣдствіе того, указомъ 26 марта, уволенъ отъ управленія с. петербургскою епархіею, съ предоставленіемъ ему одной новгородской: онъ прибылъ въ Новгородъ 6 мая, но уже 21-го того же мѣсяца скончался на 76 году отъ рожденія. Въ одно время съ увольненіемъ Амвросія Михаилъ Десницкій пожалованъ митрополитомъ с. петербургскимъ, а 25 іюня и новгородскимъ (Словарь духовныхъ писателей, Евгенія Болховитинова, Спб. 1827 года).

— *Варшавскія новости*... Карамзинъ говоритъ здѣсь о впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью, произнесенною Александромъ I на французскомъ языкѣ, при открытіи варшавскаго сейма, къ депутатамъ Царства Польскаго, $\frac{15}{27}$ марта 1818 года; въ ней находились слѣдующія слова: «L'organisation qui était en vigueur dans votre pays a permis l'établissement immédiat de celle que je vous ai donnée, en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude et dont j'espère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la Providence a confiées à mes soins» (Le Conservateur Impartial 1818, № 26, Vendredi, $\frac{10\ \text{Avril}}{29\ \text{Mars}}$, стр. 114) [Л.].

— *Князь Петръ*, т. е. князь П. А. Вяземскій, служившій съ 1817 г. въ Варшавѣ при Н. Н. Новосильцевѣ, перевелъ на русскій языкъ рѣчь Государя польскому сейму $\frac{15}{27}$ марта 1818. Переводъ этотъ былъ напечатанъ сперва въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 29 марта, № 26, а

Къ стран.

236. потомъ явился и въ другихъ рускихъ изданіяхъ, между прочимъ въ майской книжкѣ Украинскаго Вѣстника 1818 г., съ оговоркою издателей, что они помѣщаютъ въ своемъ журналѣ рѣчь Императора «не какъ политическую новость, а какъ единственный образецъ изліянія сердечныхъ чувствъ Государя къ благу своего народа» и проч. Сужденія иностранныхъ газетъ и журналовъ объ этой рѣчи см. въ Вѣстникѣ Европы, ч. 99, № 10, стр. 166.

— Книга Стройновскаго — «Всеобщая экономія народовъ, соч. графа Валеріана Стройновскаго; перевелъ съ польскаго В. Анастасевичъ; 4 части. Спб. 1817.» Выраженіе: *щиплетъ Шторха* относится особенно къ одному примѣчанію въ *предувѣдомленіи* (ч. I, стр. XIII), гдѣ авторъ, осудивъ сперва систему Сея, переходитъ потомъ къ Шторху, какъ одному изъ его послѣдователей, и старается показать невѣрность его мнѣнія о мануфактурной промышленности, какъ источникѣ народнаго богатства.

Андрей Карловичъ Шторхъ, членъ Академіи Наукъ, извѣстный писатель по части политической экономіи и по статистикѣ Россіи, наставникъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей и Великой Княжны Анны Павловны. Объявляя въ 1802 году о скоромъ появленіи книги: «Историческое описаніе Россійской торговли, соч. А. Шторхомъ», Карамзинъ такъ отозвался объ авторѣ ея: «Г. Шторхъ пишетъ для всѣхъ; книга его полезна и пріятна... Всякій замѣтитъ съ удовольствіемъ, что авторъ пишетъ въ духѣ ревностнаго патріотизма. Нѣмецкое имя не мѣшаетъ ему быть нашимъ вѣрнымъ согражданиномъ: онъ родился подъ скипетромъ Россійской Монархіи и любитъ ея славу.» (Вѣстникъ Европы 1802, ч. V, № 17, стр. 55). Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1816 году, для представленія своей Исторіи Государю, Карамзинъ лично познакомился съ Шторхомъ и 2 марта писалъ къ женѣ: «Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchis-

Къ стран.

236. sement des paysans» и проч. («Неизд. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 165).

— Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, государственный канцлеръ.

212.

236. Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, министръ полиціи; это министерство учреждено 25 іюля 1810 г. [Л.]. См. о немъ «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. Дмитріева, стр. 90..

— *Здѣсь говорятъ о Намѣстникахъ.* Уже въ первую половину царствованія Императора Александра I разныя, особенно отдаленныя, части имперіи были ввѣрены генералъ-губернаторамъ или военнымъ губернаторамъ, получившимъ бо̀льшую, сравнительно съ другими, степень власти. Государь «во многихъ указахъ выражалъ, что генералъ-губернаторы должны быть разсматриваемы какъ намѣстники государевы, наблюдающіе за правильностію всего губернскаго управленія и особенно за дѣятельностію губернаторовъ» («О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», соч. И. Андреевскаго, Спб. 1864, стр. 135). Изъ словъ Карамзина видно, что тогда было предположеніе еще возвысить значеніе генералъ-губернаторовъ и переименовать ихъ въ намѣстниковъ. Мысль эта, однакожь, вполнѣ не осуществилась. Окончательное росписаніе губерній по управленіямъ генералъ-губернаторовъ съ означеніемъ мѣстопребыванія каждаго, въ царствованіе Александра I, послѣдовало 14 апрѣля 1824 г. («П. С. З. Книга штатовъ», т. XLIV, № 30.516).

— Василій Сергѣевичъ Ланской, управлявшій впослѣдствіи (1823 — 1827) министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [Л.].

— Въ Сынѣ Отечества 1818, ч. 45, стр. 202, помѣщена статья «О Конституціи» съ подписью: «Профессоръ А. Куницынъ» и съ помѣтою: «Царское Село, 9 апрѣля 1818» [Л.].

Къ стран.

237. Карамзинъ говоритъ здѣсь о рѣчи, произнесенной 22 марта 1818 въ публичномъ торжественномъ собраніи Главнаго Педагогическаго Института, по случаю открытія въ немъ курса всеобщей исторіи и каѳедръ арабскаго и персидскаго языковъ, Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, который былъ тогда президентомъ Академіи Наукъ и попечителемъ с. петербургскаго учебнаго округа. См. объ этой рѣчи въ Сынѣ Отечества статьи: 1) Ѳ. Н. Глинки, 1818, ч. 45, стр. 22; 2) Н. И. Греча, ibid., стр. 264, и 3) А. П. Куницына, ч. 46, стр. 136 и 174 [Л.]. Въ подлинномъ письмѣ слова̀: *въ рѣчи Уварова* приписаны сверху строки и по настоящему должны бы быть отдѣлены запятою отъ предыдущихъ словъ, такъ какъ о Сынѣ Отечества говорится независимо отъ рѣчи.

— О продажѣ братьямъ Слениным второго изданія Исторіи см. примѣч. къ письму 211, стр. 235.

— Нынѣ царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ родился въ Москвѣ 17 апрѣля, въ среду Свѣтлой недѣли, въ 11 часовъ утра, 1818 года.

213.

237. Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, министръ юстиціи съ 1817 по 1827 г. [Л.]. О назначеніи его послѣ увольненія Трощинскаго говоритъ Вигель: «Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, Д. И. Лобановъ, князь тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева назначенъ былъ министромъ юстиціи» («Воспоминанія», т. III, ч. 5, стр. 68).

214.

238. *...въ Запискѣ, сочиненной мною для Императрицы.* Объ этой Запискѣ см. ниже примѣч. къ п. 217. По Москвѣ она ходила сперва въ рукописи. («У насъ въ столицѣ», замѣтилъ Каченовскій, — см. ниже примѣч. къ стр. 245,—

Къ стран.

238. «*Записка о достопамятностяхъ Москвы* быстро переходила изъ рукъ въ руки во всю минувшую зиму»). Въ печати упоминаемое здѣсь мѣсто явилось послѣ въ слѣдующемъ видѣ: «*Университетъ* Московскій нынѣ въ развалинахъ. Надобно возстановить его. Онъ со времени Елисаветы Петровны для Россіи полезнѣе С. Петербургской Академіи Наукъ. Мы всѣ учились въ немъ—естьли не наукамъ, то по крайней мѣрѣ Руской грамотѣ» (Украинскій Вѣстникъ 1818, ч. X, стр. 139).

— *Что сказалъ К. въ Вѣстникѣ о Херсонскихъ воротахъ.* Въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы 1818 г. (ч. 98, стр. 285) помѣщена статья: «О мѣдныхъ дверяхъ Софійскаго Собора въ Новгородѣ»: въ ней сперва говорится о новой книгѣ Аделунга: *Жизнь Герберштейна*, изданной по-нѣмецки на иждивеніи канцлера графа Н. П. Румянцова, а потомъ напечатанъ переводъ одного изъ приложеній къ этой книгѣ, относящагося къ Корсунскимъ воротамъ, съ примѣчаніями *Каченовскаго*.

239. Объ Ошанинѣ подробнѣе въ письмѣ Карамзина къ брату, Вас. Мих., отъ 16 января 1822: «Не знаете ли вы, любезный братецъ, Ашанина, Дмитрія Николаевича, если не ошибаюсь? Онъ симбирскій дворянинъ, не богатый и больной; взялъ у меня 700 руб. (Атеней 1858, № 28, стр. 111.)

— *Стурза.* Такъ это имя написано здѣсь въ подлинномъ письмѣ. Послѣ Карамзинъ всегда пишетъ *Стурдза*.

216.

240. *Умной графъ Каподистріасъ.* См. о немъ примѣч. къ письму 178, стр. 085. Имя этого министра Карамзинъ въ разное время писалъ различно. Въ началѣ знакомства съ нимъ, въ 1816 г., онъ писалъ «Капо д'Истріа» («Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина», стр. 147), теперь «Каподистріасъ», а впослѣдствіи «Каподистріа».

241. ...*комнаты Его Прусскаго Величества.* Король Фридрихъ Вильгельмъ III находился въ то время въ Петер-

241. бургѣ; онъ былъ, съ Императоромъ Александромъ и Императрицею Маріею Ѳеодоровною, воспріемникомъ новорожденнаго Великаго Князя Александра Николаевича; крещеніе было 5 мая 1818, въ воскресенье.

217.

241. Петръ Алексѣевичъ Обрѣсковъ, сынъ русскаго посла въ Константинополѣ, сенаторъ по межевому департаменту, началъ дѣло объ отрѣзаніи въ казну части имѣнія Дмитріева. Такое же дѣло съ межевымъ вѣдомствомъ имѣлъ и Василій Михайловичъ Карамзинъ, какъ видно изъ писемъ къ нему брата его въ Атенеѣ 1858 г.

— Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дѣвицѣ Стурдза.

242. Фроловъ, Степанъ Степановичъ, занимавшій до начала 1817 года должность инспектора въ царскосельскомъ лицеѣ, отставной подполковникъ, изъ воспитанниковъ 2-го кадетскаго корпуса. По вступленіи Энгельгардта въ должность директора лицея, Фроловъ пожелалъ оставить свою и былъ уволенъ съ причисленіемъ къ Герольдіи и съ жалованьемъ по 2000 р. впредь до опредѣленія къ мѣсту («Историч. очеркъ лицея, сост. И. Селезневымъ», Спб. 1861, стр. 159).

— *Здѣшніе праздники*... 25 іюня былъ день рожденія Великаго Князя Николая Павловича.

— Василій Назарьевичъ Каразинъ (ум. 4 ноября 1842, въ Николаевѣ) успѣлъ, въ началѣ царствованія Александра I, смѣлымъ письмомъ къ Государю, снискать его милость и довѣріе, такъ что Императоръ даже приблизилъ его къ себѣ, бесѣдовалъ и переписывался съ нимъ. При образованіи министерствъ Каразинъ получилъ мѣсто правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Послѣ того, онъ, какъ уроженецъ Малороссіи, убѣдилъ дворянство слободско-украинской губерніи пожертвовать болѣе 600.000 р. на учрежденіе въ Харьковѣ университета; но уже въ 1804 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника. Чрезвычайная его заносчивость, рѣзкость и даже дерзость въ словахъ не могла не охладить къ нему

Къ стран.

242. Государя и сдѣлалась для него источникомъ многихъ непріятностей; названіе «безпокойнаго человѣка» придавалось ему, кажется, не безъ основанія. Мечтая о приложеніи естественныхъ наукъ, особливо химіи, къ практическимъ пользамъ общества, онъ былъ отвлеченнымъ теоретикомъ даже и въ практикѣ. «Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго» (Современникъ 1847, т. I, «И. Ф. Вернетъ», стр. 172). Въ старости онъ сознавалъ въ самомъ себѣ причину своихъ неудачъ и невзгодъ и говорилъ: «Да, я былъ бабочка, опалившая себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать». Въ 1818 г. исторіографъ въ разговорѣ съ Александромъ вспоминалъ первое письмо Каразина къ Государю (изъ котораго отрывки были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., № 1, стр. 29) и назвалъ выраженныя тамъ мысли pia disideria. На упреки, съ которыми къ Каразину обращались иногда его пріятели, онъ отвѣчалъ: «Э, господа! вы, кажется, смѣшиваете меня съ Карамзинымъ! Между нами одна маленькая разница — въ буквѣ *мыслѣте*». Въ идеяхъ и предположеніяхъ Каразина многое было прекрасно, справедливо, и иное уже осуществлено въ наше время, но онъ самъ, своею личностію, былъ первымъ врагомъ своимъ (Очеркъ его біографіи, составл. г. Г. Данилевскимъ, см. въ Сѣверной Пчелѣ 1860, № 25, 26, 29 и 31; некрологъ его въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1842, № 95).

Записка о достопамятностяхъ Москвы въ первый разъ появилась въ Украинскомъ Вѣстникѣ, который издавали въ 1818 г., въ Харьковѣ, Е. Филомаѳитскій и Р. Гонорскій. Она напечатана въ двухъ книжкахъ: майской и іюньской. При началѣ ея помѣщено слѣдующее замѣчаніе: «Писанная всеконечно Николаемъ Михайло-

Къ стран.

242. «вичемъ Карамзинымъ по случаю отбытія изъ С. Пе-«тербурга въ сію Столицу Ея Величества вдовствую-«щей Государыни Императрицы. Я щастливо досталъ «этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный и исправный «списокъ, и прошу Гг. Издателей помѣстить оный въ «своемъ журналѣ, буде угодно съ моею личною отвѣт-«ственностію.

Василій Каразинъ».

Къ этому прибавлены были отъ редакціи слѣдующія строки: «Приносимъ искреннюю благодарность за «доставленіе сей Записки занимательной для всякаго Рус-«скаго; а естьли она въ самомъ дѣлѣ есть произведеніе «пера перваго Исторіографа Россійскаго и Литтератора, «то и за честь, что журналъ нашъ будетъ украшаться «сею Статьею. Издат.» (Укр. Вѣстн. ч. X, стр. 121.)

Харьковскій журналъ вообще обнаруживалъ большое уваженіе къ Карамзину. Такъ въ ноябрской книжкѣ (ч. XII, стр. 160), въ статьѣ И. Богдановича: «Писатель «въ обществѣ и въ уединеніи», тамъ, гдѣ авторъ разсуждаетъ о необходимости для всякаго исторіографа вести уединенную жизнь, сказано между прочимъ: «Могли-ль «бы намъ оставить Миллотъ, Кондильякъ и Карамзинъ «тѣ сильные отпечатки воображенія..., естьли-бъ они «развлекались приличностями свѣта» и проч. (тамъ же, стр. 165.)

Во второй разъ «Записка о Московскихъ достопамятностяхъ» была напечатана самимъ Карамзинымъ въ третьемъ изданіи его «Сочиненій», М. 1820 года (т. IX, стр. 280), съ оговоркою которая переходила потомъ и въ позднѣйшія ихъ изданія. Къ *безобразнымъ ошибкамъ*, съ которыми Записка явилась въ Украин. Вѣстникѣ, можно отнести между прочимъ слѣдующія невѣрности: зодчій *Антоній* названъ *Хитоніемъ* (стр. 124), объ извѣстномъ же огромномъ колоколѣ сказано: «его *чистили* въ сей ямѣ» (стр. 125), вмѣсто: «его *лили* въ сей ямѣ». Тѣмъ не менѣе для библіографіи сочиненій Карамзина этотъ

Къ стран.

242. первопечатный текстъ его Записки очень важенъ, потому что заключаетъ въ себѣ мѣста, впослѣдствіи или измѣненныя, или вовсе изъ нея выключенныя. Такъ, сверхъ приведенной выше тирады о московскомъ университетѣ (см. въ настоящемъ изданіи стр. 0102), изъ позднѣйшаго изданія Записки исчезли слѣдующія строки о Рогожскомъ кладбищѣ: «Близъ заставъ Владимірской «и Коломенской находится главная церковь и многолюд-«ное обитало раскольниковъ, которые позволили мнѣ од-«нажды вмѣстѣ съ ними молиться. Но я чувствовалъ «какой-то холодъ въ душѣ; видѣлъ земные поклоны, но «не видалъ умиленія на лицахъ. Число сихъ и другихъ «раскольниковъ безпрестанно умножается. Они какъ фа-«натики безпрестанно стараются обращать невѣждъ и «слабыхъ людей въ вѣру свою, предлагая имъ разныя «житейскія выгоды. Но нѣтъ худа безъ добра: раскольни-«ки не пьянствуютъ и богатѣютъ трудами» (стр. 142). На той же страницѣ: «Близъ Симонова есть прудъ, осѣ-«ненный деревьями и заросшій. Двадцать пять лѣтъ «предъ симъ сочинялъ я тамъ *Бѣдную Лизу*: сказку не «замысловатую, но столь щастливую для молодаго ав-«тора, что тысячи любопытныхъ ѣздили и ходили туда «искать слѣдовъ Лизиныхъ».

Наконецъ, та же участь постигла и слѣдующее мѣсто, на напечатаніе котораго Карамзинъ жалуется въ письмѣ: «Нынѣ, какъ слышно, хотятъ тамъ» (т. е. на Воробьевыхъ горахъ) «строить огромную церковь. Жаль! «она не будетъ любоваться прелестнымъ видомъ и по-«кажется менѣе великолѣпною въ его великолѣпіи. Го-«родъ, а не природа украшается богатою церковью. Од-«нажды или два раза въ годъ народъ пойдетъ молиться «въ сей новый храмъ, имѣя гораздо болѣе усердія къ «древнимъ церквамъ. Лѣтомъ уединеніе, зимой уединеніе «и сугробы снѣга вокругъ портиковъ и колоннадъ: это «печально для зданія пышнаго! Березовую рощу на сихъ «горахъ садилъ Петръ Великій». Къ этому мѣсту о пред-

Къ стран.

242. положенной церкви редакція сдѣлала отъ себя примѣчаніе: «Но развѣ не могутъ мѣста вокругъ ея заселены «быть Москвою? Развѣ забудутъ Россіяне: — Кому и «Кѣмъ и при какомъ случаѣ воздвигнутъ будетъ храмъ «сей? Примѣч. Издат.»

Въ 1812 г. *) Императоръ Александръ I далъ обѣтъ соорудить въ Москвѣ храмъ въ ознаменованіе благодарности за избавленіе Россіи. Проектъ этой церкви былъ составленъ академикомъ Витбергомъ и утвержденъ государемъ; въ 1817 г., 12 октября, совершена закладка храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ присутствіи Александра Павловича, обѣихъ Императрицъ, Великаго Князя Николая Павловича, Супруги его, прусскаго принца и архіепископа Августина. Въ 1820 году составлена была коммиссія по построенію этого храма; прежде однакоже нежели приступлено было къ дѣйствительному исполненію плана, «обнаружилось непреодолимое затрудненіе къ сооруженію сего храма въ такомъ размѣрѣ, который вовлекалъ почти въ необъятныя издержки и притомъ на такомъ мѣстѣ, что для фундамента нужно было прорыть всю гору, почти до русла рѣки» (Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ 1838 года, № 8, «Краткія свѣдѣнія о сооруженіи храма во имя Христа Спасителя»). Прибавлю, что, по свидѣтельству современниковъ, мѣсто на Воробьевыхъ горахъ, было выбрано потому, что оно находилось между двухъ дорогъ, изъ которой по одной вступалъ Наполеонъ въ Москву, а по другой выходилъ въ направленіи къ Малоярославцу.

243. Второе изданіе Исторіи Г. Р. (первыхъ осьми томовъ ея) печаталось въ прекрасной типографіи издателя Сына Отечества, Н. И. Греча [Л.]. Ср. письмо 219, стр. 245, и п. 222, стр. 250.

---

*) Манифестомъ, даннымъ въ Вильнѣ 25 декабря («Историческое описаніе торжества, происходившаго при заложеніи Храма Хріста Спасителя» и проч., соч. Павла Соколова, Москва, 1818).

Къ стран.

218.

243. Петергофскій праздникъ, съ великолѣпной иллюминаціею, былъ въ 1818 году 1-го іюля, въ день рожденія Александры Θеодоровны, по случаю пребыванія въ Петербургѣ отца Великой Княгини, короля прусскаго. По тому же поводу былъ праздникъ и въ Ораніенбаумѣ.

— Пушкинымъ, т. е. Александромъ Сергѣевичемъ.

244. *Собственная дача*, небольшой увеселительный дворецъ близъ такъ называемаго Стараго Петергофа, на берегу Финскаго залива.

— *Великой Княгини*, т. е. Александры Θеодоровны. См. письмо 217, стр. 242.

— Николай Алексѣевичъ Дурасовъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ своею роскошною жизнью [Л.].

245. *Вторымъ членомъ Москов. Архива К. Иностран. Дѣлъ.* Управляющимъ архива былъ Алексѣй Θедоровичъ Малиновскій, бывшій также членомъ Оружейной палаты.

219.

245. *...о нападеніи Вѣстника Европы на мою Записку.* Въ іюльской книжкѣ этого журнала появилось письмо *Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*, — очевидно статья самого Каченовскаго, хотя и скрывшагося подъ видомъ безыменнаго посторонняго лица. Онъ выражаетъ притворную увѣренность, что Записка не можетъ принадлежать перу Карамзина, называетъ противоположное мнѣніе оскорбительнытъ для личности писателя, стяжавшаго безсмертную славу, и представляется усерднымъ его защитникомъ отъ такой клеветы: «Надобно ли», восклицаетъ онъ «чтобы и знаменитый нашъ Исторіографъ почитался творцомъ Записки, не достойной таланта его и ученой славы, — Записки очевидно подложной, наполненной очевидными ошибками, неприличными сужденіями и хвастовствомъ, никакъ несовмѣстными

Къ стран.

245. со скромностію не только писателя, но даже всякаго благовоспитаннаго человѣка». Затѣмъ онъ приводитъ многія отдѣльныя мѣста Записки и старается выставить ихъ нелѣпость, укоряя автора то въ пустословіи, то въ аффектаціи. О строкахъ, относящихся къ московскому университету, онъ такъ отзывается: «Не могу умолчать о *Московскомъ Университетѣ*. Исторіографъ есть почетный членъ его, а редакторъ Вѣстника Европы, къ посредству котораго прибѣгаю для сообщенія вамъ своихъ мыслей, есть, какъ вамъ извѣстно, принадлежащій къ оному чиновникъ. Можетъ быть, щадя сіе учебное заведеніе, выбросили вы изъ рукописи слова, которыя показывали неблагорасположеніе къ нему сочинителя.*) Но здѣсь всѣмъ они извѣстны, и сіи-то именно слова многихъ, даже самыхъ легковѣрныхъ, заставляли сомнѣваться въ подлинности Записки. Выпустивъ лишнее, вы однакожь не совсѣмъ очистили статью объ Университетѣ. Можетъ ли знаменитый Исторіографъ Россійскій сказать о себѣ, что бывши въ семъ святилищѣ наукъ, онъ и *всѣ* другіе учились не наукамъ, а только русской грамотѣ? Университетъ имѣлъ тогда такихъ профессоровъ, у которыхъ и намъ старикамъ не стыдно было бы поучиться наукамъ, не только отроку или юношѣ, какимъ въ свое время былъ нынѣ знаменитый ученостію Н. М. Нѣтъ, нѣтъ! Исторіографъ никогда этого не сказалъ и не скажетъ, а особливо въ Запискѣ сего рода!»—Съ такими же или еще болѣе рѣзкими выходками Каченовскій далѣе разбираетъ замѣчанія о Лизиномъ прудѣ, о храмѣ Христа Спасителя и кончаетъ доводы своего *невѣрствія* словами: «Ergo Записка несправедливо приписывается Николаю Михайловичу» (Вѣстникъ Европы, ч. 100, стр. 39—51).

---

*) Слова: *физически* и *нравственно* послѣ выраженія: «Надобно возстановить его». См. въ текстѣ писемъ стр. 238, и примѣчаніе къ ней, стр. 0102.

Къ стран.

246. *Рюрикъ* — имя корабля, на которомъ флота лейтенантъ Коцебу, иждивеніемъ гр. Румянцова, совершилъ 1815—1818 плаваніе въ Южный океанъ и Беринговъ проливъ для открытія сѣверо-восточнаго морскаго прохода.

— ...*этажъ у К. Ѳ. Муравьевой.* Екатерина Ѳедоровна Муравьева, супруга извѣстнаго Михаила Никитича, доставившаго Карамзину званіе исторіографа, была дочь Ѳедора Михайловича Колокольцова («Соч. Держ., изд. Ак. Н.» т. II, стр. 264). Во время своего краткаго пребыванія въ Петербургѣ, въ началѣ 1816 года, Карамзинъ уже останавливался въ домѣ Катерины Ѳедоровны, которая, писалъ онъ тогда къ женѣ, «узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить свой верхній этажъ. Я вижу въ ней родную». Въ другомъ письмѣ того же времени онъ говорилъ: «Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ». Домъ этотъ третій отъ Аничкова моста, по Фонтанкѣ и принадлежитъ нынѣ г. Шиловскому («Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина», ч. I, стр. 143 и 151; ср. тамъ же стр. 154 и 165). О наймѣ новой квартиры Карамзинъ нѣсколько позже писалъ къ брату своему Вас. Мих.: «Платимъ 5000 руб. и то по дружбѣ хозяйки къ намъ, то есть съ большою уступкою противъ другихъ (Атеней 1858 г., № 26, стр. 660).

220.

247. Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, племянникъ и воспитанникъ славнаго Безбородки, при Екатеринѣ II занималъ важный постъ нашего посланника при Оттоманской Портѣ, а при Павлѣ, всего 27 лѣтъ отъ роду, уже былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и вице-канцлеромъ. Императоръ Александъ I, еще до вступленія своего на престолъ, питалъ къ нему особенную дружбу и, въ первое время своего царствованія, назначивъ его, при

Къ стран.

247. образованіи министерствъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставилъ ему участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Впослѣдствіи однакожъ Кочубей лишился своего вліянія; но, пробывъ почти 12 лѣтъ въ немилости, снова приближенъ былъ къ Государю, и 4 ноября 1819 года ему вторично ввѣрено управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ («Жизнь графа Сперанскаго», Спб. 1861, т. I, стр. 92 и т. II, стр. 239). До него министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Козодавлевъ, назначенный въ эту должность послѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина, отправленнаго въ Парижъ на торжество бракосочетанія Наполеона. («Воспоминанія» Вигеля, т. II, ч. 3, стр. 90).

— 27 августа 1818 года Государь отправился изъ Царскаго Села черезъ Берлинъ на ахенскій конгрессъ и прибылъ въ Ахенъ 16 сентября. На другой день предприняла путешествіе въ Германію и Императрица Марія Θеодоровна; Елисавета Алексѣевна отправилась туда же еще 20 августа.

— Корректуры—по второму изданію И. Г. Р.: см. выше, стр. 0107.

Лагарпъ — воспитатель императора Александра I.

— Коцебу издавалъ въ 1818 и 19 гг., въ Веймарѣ, журналъ Literarisches Wochenblatt, котораго вышло шесть томовъ. Съ № 32 перваго года издатель принялъ эпиграфъ: «Rede wahr, scheue Niemand».

248. *Кротость моя тебя сердитъ.* Сказано по поводу отвѣта Дмитріева на письмо 219 (стр. 245), гдѣ Карамзинъ объявилъ, что не будетъ отвѣчать на выходки Каченовскаго противъ Записки о Московскихъ достопамятностяхъ.

221.

248. О князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ Вигель пишетъ: «Когда Екатерина женила шестнадцатилѣтняго, любимаго внука своего Александра и составила ему ма-

Къ стран.

248. ленькій дворъ, то помѣстила въ него Голицына, изъ камеръ-пажей пожаловавъ его въ камеръ-юнкеры и доставивъ ему средства прилично себя содержать»... Въ 1803 г. онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода; «Дотолѣ синодальные оберъ-прокуроры, точно такъ же какъ и сенатскіе, находились въ зависимости генералъ-прокурора и наслѣдовавшаго ему министра юстиціи; при полученіи сего мѣста Голицынъ выпросилъ себѣ званіе статсъ-секретаря и право вносить доклады свои прямо къ Государю, безъ посредства какого-либо министра» («Воспоминанія» Вигеля, т. II, ч. 3, стр. 115). Въ 1810 г. Императоръ Александръ пожаловалъ его членомъ государственнаго совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; а 16 ноября 1817 г. онъ былъ утвержденъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

— *Манифестъ о мирѣ съ Персіею.* Гюлистанскій миръ заключенъ былъ еще въ 1813 году, но шахъ заявлялъ разныя претензіи, отъ которыхъ отказался только вслѣдствіе посольства А. П. Ермолова: миръ обнародованъ уже 15 августа 1818 г. [Л.].

249. *Люблю только любить Государя.* Ср. въ «Письмахъ русск. путеш.» выраженіе: «Извѣстно, что Карлъ II *любилъ любить*» (Соч. Карамзина, изд. Смирд. т. II, стр. 697).

Николай Ивановичъ Тургеневъ (род. 1789) служилъ тогда по государственному совѣту и по министерству финансовъ [Л.].

222.

249. Въ 1818 году, 29 мая, Государь, проѣзжая черезъ городъ Донковъ, утвердилъ новый уставъ и штатъ Россійской Академіи. Объ этомъ ей объявлено было Шишковымъ въ засѣданіи 10 іюля, въ присутствіи самого министра, князя А. Н. Голицына. Сказавъ по этому случаю небольшую рѣчь, президентъ вслѣдъ за тѣмъ пригласилъ собраніе приступить, на основаніи устава, «къ избранію въ дѣйствительные члены Академіи на имѣю-

Къ стран.

250. щіяся въ оной *упалыя мѣста*», и предложилъ къ выбору «г. статскаго сов. Н. М. Карамзина. Творенія его стихами и прозою», прибавилъ онъ, «всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе Россійской Исторіи, увольняютъ меня отъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства ко вступленію въ сіе почтенное сословіе». Присутствовавшіе 22 члена, вмѣстѣ съ министромъ, подавая голоса и за отсутствующихъ, избрали предложеннаго единогласно. Получивъ о томъ увѣдомленіе отъ непремѣннаго секретаря Академіи, Соколова, Карамзинъ отвѣчалъ ему:

«Милостивый Государь
«Петръ Ивановичъ!

«Съ величайшею благодарностію принимаю честь быть Членомъ Императорской Россійской Академіи, которой достохвальные труды способствуютъ успѣхамъ языка нашего. Сія честь для меня тѣмъ лестнѣе, что я обязанъ ею благосклонному ко мнѣ расположенію Господина Президента, мужа знаменитаго своими твореніями въ Россійской Словесности.

«Пріимите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и въ истинной преданности, съ коими пребуду навсегда,

«Милостивый Государь!
«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«Николай Карамзинъ».

«Царское Село.
«18 Іюля 1818».

5 декабря того же года Академія праздновала торжественнымъ собраніемъ день своего учрежденія Екатериною и возобновленія Александромъ. Около полудня собрались въ ней знатнѣйшія духовныя лица, члены Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, генералы и проч. Послѣ краткой рѣчи президента, о причинѣ собранія, и отчета непремѣннаго секретаря, Карамзинъ произнесъ рѣчь, написанную имъ по случаю избранія его въ дѣйствительные члены Академіи. Потомъ ака-

Къ стран.

250. демикъ князь С. А. Шихматовъ читалъ оду на обновленіе Академіи дарованнымъ ей недавно уставомъ, и наконецъ Крыловъ прочелъ три басни (Подлинные протоколы Россійской Академіи за 1818 годъ).

Рѣчь Карамзина напечатана въ его сочиненіяхъ (изд. Смирдина, т. III, стр. 641 — 654). Онъ выражаетъ въ ней надежду, что при новыхъ средствахъ Академіи дѣятельность ея удвоится, и совѣтуетъ ей: 1, исправлять словарь и грамматику («Здѣсь нѣтъ личности, нѣтъ самолюбія: честь и слава принадлежитъ всей Академіи, не лицамъ особеннымъ. Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ *систематическое образованіе языка:* непосредственное же его *обогащеніе* зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей... Слова не изобрѣтаются академіями»); 2, посвятить часть досуговъ своихъ *критическому обозрѣнію словесности*, при чемъ болѣе хвалить достойное хвалы, нежели *осуждать, что осудить можно;* и 3, задавать писателямъ темы, заманчивыя для ума и воображенія. Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о современной словесности: защита ея противъ упрека въ подражательности, значеніе реформы Петра В., успѣхи самостоятельности въ будущемъ. Лучшая награда таланта: 1, слава, 2, «внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе».

Въ уставѣ Россійской Академіи (П. С. З., т. XXXV, № 27.380) Шишковъ вооружается противъ нововведеній въ языкѣ: Академія «устанавливаетъ, опредѣляетъ, разверзаетъ, распространяетъ языкъ, очищаетъ его отъ вводимыхъ въ него несвойственностей, хранитъ его чистоту, важность, глубокомысліе, и сими средствами полагаетъ твердое основаніе словесности, краснорѣчію, стихотворству, наукамъ, просвѣщенію». Академія должна издавать: 1, словари и грамматику, реторику общую и частную, изслѣдовать корни и вѣтви словъ; 2, сочине-

Къ стран.

250. нія прежнихъ писателей съ комментаріями; 3, избранныя мѣста изъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ; 4, изысканія по исторіи и филологіи, 5, вести списки новымъ и старымъ книгамъ.

Прежніе отзывы Карамзина о Шишковѣ см. выше, примѣч. къ письму 186, стр. 089.

223.

251. Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи отъ 6 января 1810 г. до 29 августа 1819.

— Galiani, неаполитанскій аббатъ, род. 1728, ум. 1786, написалъ нѣсколько сочиненій по части политической экономіи, жилъ долго въ Парижѣ, гдѣ онъ сблизился съ энциклопедистами, и въ свое время обращалъ на себя большое вниманіе. Упоминаемая Карамзинымъ книга издана была въ 1818 году подъ заглавіемъ: «Correspondance inédite de Galiani 1765 — 1783 avec M. d'Epinay, le baron d'Holbach etc.» (Парижъ, 2 тома). Въ 1820 г. объявлено было изданіе всѣхъ сочиненій Галіани (см. Journal des Débats этого года, 9-го ноября). Онъ былъ врагъ гражданской свободы и независимой печати.

252. *Академическая рѣчь*... См. примѣч. къ предыдущему письму.

— Переводчиками Исторіи Государства Россійскаго въ Петербургѣ были St. Thomas и Jauffret: первый воспитывалъ сына генерала Бороздина, второй преподавалъ французскій языкъ въ Смольномъ монастырѣ. Сначала каждый изъ нихъ трудился самъ по себѣ, но Карамзинъ, не желая, чтобъ тотъ или другой остался въ убыткѣ, посовѣтовалъ имъ соединиться, и они раздѣлили между собой трудъ перевода. Сенъ-Томà не зналъ русскаго языка и долженъ былъ пріискать человѣка, который бы передавалъ ему смыслъ подлинника слово въ слово; такую помощь оказывалъ ему К. С. Сербиновичъ, который по этому поводу вскорѣ и обратилъ на себя вниманіе Карамзина. Жоффрè былъ знакòмъ съ

Къ стран.

252. русскимъ языкомъ и не нуждался въ помощникѣ. По настоянію перваго, работа шла такъ поспѣшно, что уже въ 1819 г. начала являться въ Парижѣ «Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduite par Mrs St. Thomas et Jauffret. Paris, De l'imprimerie de A. Belin». При переводѣ IX-го тома Сенъ-Тома пользовался помощію О. М. Сомова [С.].

224.

252. ...*даръ новаго изданія твоихъ сочиненій.* Первое изданіе стихотвореній Дмитріева вышло подъ названіемъ «И мои бездѣлки» (1795), въ подражаніе Карамзину, выдавшему свои сочиненія подъ заглавіемъ «Мои бездѣлки» (1794) Второе изданіе стихотвореній Дмитріева вышло въ 3-хъ частяхъ (1803 — 5); третье — въ 3 частяхъ (1810.); четвертое — также въ 3 частяхъ (1814). Здѣсь говорится о пятомъ, въ 3 же частяхъ (1818). Всѣ эти изданія напечатаны въ Москвѣ. Кромѣ того, Дмитріевъ напечаталъ до этого времени въ Петербургѣ «Басни и сказки» (1798) и «Басни» (1810). Замѣтимъ еще напечатанную въ числѣ 50 экземпляровъ въ Москвѣ, въ 1807 году, книжку «Путешествіе NN въ Парижъ и въ Лондонъ»; шутка эта написана на Василья Львовича Пушкина [Л.]

253. *Академическую твою довѣренность храню до случая.* — И. И. Дмитріевъ, узнавъ объ избраніи Карамзина въ члены Россійской Академіи, уполномочилъ своего друга подавать за него голосъ при выборахъ. Такой порядокъ при баллотировкахъ основывался на томъ, что для избранія въ члены требовалось согласіе по меньшей мѣрѣ ²/₃ полнаго числа членовъ Академіи, между тѣмъ какъ въ засѣданіяхъ присутствовали далеко не всѣ академики. Ср. письмо 231, стр. 261, гдѣ Карамзинъ говоритъ: «Вѣдаешь ли, что *ты* избралъ Каченовскаго въ члены Росс. Академіи? Я положилъ бѣлый шаръ и за себя и за тебя» и проч. Дмитріевъ былъ членомъ Росс. Академіи съ 18 іюля 1797 года («Труды Имп. Росс. Ак.», ч. I, стр. 94 и 97).

Къ стран.

253. 25 руб. отданы были Сенъ-Томасу, вѣроятно, по подпискѣ, открытой на французскій переводъ Исторіи Карамзина.

— Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и переводилъ для нея стихами многія произведенія германскихъ и отчасти французскихъ поэтовъ; эти переводы и печатались, texte en regard, въ книжкахъ, носившихъ заглавіе: «Для немногихъ». Ихъ вышло шесть нумеровъ [Л.]. Замѣчательно, что Жуковскій, не смотря на свою поэтическую природу, въ своей педагогической практикѣ чувствовалъ особенное предпочтеніе къ таблицамъ. Онъ имѣлъ намѣреніе составить такія таблицы по всѣмъ предметамъ приготовительнаго курса. Историческія таблицы его были напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 г. (ч. X, стр. 409). Въ послѣдніе годы жизни онъ составлялъ такого же рода пособія и для собственныхъ своихъ дѣтей.

— Константинъ Николаевичъ Батюшковъ въ 1818 году опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и съ чиномъ надворнаго совѣтника причисленъ къ неаполитанской миссіи, куда и отправился.

— «Опытъ теоріи налоговъ», соч. Николая Ивановича Тургенева, былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ 1818 году, и производилъ сильное впечатлѣніе въ публикѣ либеральнымъ образомъ мыслей автора, выказавшаго здѣсь истинный талантъ и обширныя познанія [Л.]. Въ слѣдующемъ же году книга эта вышла вторымъ изданіемъ.

225.

254. Государь возвратился тогда съ ахенскаго конгресса, на которомъ много способствовалъ къ справедливому и великодушному рѣшенію вопросовъ о прекращеніи занятія Франціи союзными войсками и о значительномъ пониженіи суммы военной контрибуціи, наложенной на нее при второмъ возстановленіи Бурбоновъ въ 1815 году [Л.].

Къ стран.

254. Николай Ивановичъ Уткинъ, знаменитый граверъ. Очеркъ его біографіи см. въ Сѣв. Пчелѣ 1860, № 4 и 5.

226.

255. Королева виртембергская — бывшая великая княгиня Екатерина Павловна — род. 10 мая 1788, вышла въ замужство за принца ольденбургскаго (см. стр. 062) 18 апрѣля 1809, овдовѣла 15 декабря 1812, вступила во второй бракъ съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ Вильгельмомъ 12 января 1816, 18 октября того же года, съ восшествіемъ его на престолъ, сдѣлалась королевою, и скончалась, 30 лѣтъ отъ роду, 26 декабря 1818 г. къ общему сожалѣнію виртембергскаго народа. («Соч. Державина, изд. Ак. Наукъ», т. III, стр. 1 и 528). Отношенія къ ней Карамзина видны изъ ихъ переписки, начавшейся въ 1810 году и продолжавшейся до конца ея жизни. Екатеринѣ Павловнѣ онъ много обязанъ былъ за приближеніе свое къ Государю и къ обѣимъ Императрицамъ (Ср. стр. 063).

Ея любезное письмо — въ «Неизд. сочиненіяхъ и перепискѣ» Карамзина, стр. 122; оно писано 1 (13) ноября, менѣе чѣмъ за два мѣсяца до кончины королевы.

— Николай Назарьевичъ Муравьевъ, авторъ и переводчикъ, пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность напечатаннымъ впослѣдствіи сочиненіемъ: «Забавы моего отдохновенія».

227.

256. Министромъ Юстиціи былъ тогда кн. Лобановъ (стр. 0101, примѣч. къ письму 213).

— Сочиненія подъ заглавіемъ: Consolations de la vieillesse не оказывается ни въ биліотекахъ, ни въ библіографическихъ указателяхъ; не есть ли это то же, что «Lettres sur la vieillesse, par J.-H. Meister, Paris, 1810»? Впослѣдствіи книжка эта дополнена еще двумя письмами, и ей данъ новый заглавный листъ съ означеніемъ 1817 года (Manuel du libraire, par Brunet, t. VI, Paris 1865,

Къ стран.

256. № 3882). Jacques-Henri Meister род. 1744 г. въ Цюрихѣ, ум. въ 1826, жилъ около 20 лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ былъ наставникомъ въ частномъ домѣ и секретаремъ Гримма, и оставилъ множество сочиненій самаго разнообразнаго содержанія. (Biographie universelle, t. XXVII).

— *Правило жить день за день.* Мудрость этого правила Карамзинъ сознавалъ еще въ молодости. Строки, начинающіяся приведенными словами, любопытно сравнить съ слѣдующимъ мѣстомъ его посланія къ Александру Алексѣевичу Плещееву (1794), гдѣ онъ говоритъ, что тотъ счастливъ,

Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ,
Душою такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ...
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ.

(«Соч. Карамзина», изд. Смирдина, т. I, стр. 74.)

228.

257. ...*нашего почтеннаго министра*, т. е. Козодавлева: почтовый департаментъ составлялъ тогда одинъ изъ отдѣловъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

229.

258. Жуковскій ѣздилъ въ Дерптъ къ сестрѣ своей Катеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой, старшая дочь которой, Марья Андреевна, была замужемъ за профессоромъ медицины при тамошнемъ университетѣ, Мойеромъ. Прежде жила въ Дерптѣ и меньшая дочь Протасовой съ мужемъ своимъ А. Ѳ. Воейковымъ, который занялъ тамъ каѳедру русской литературы, сдѣлавшуюся вакантною послѣ убитаго на войнѣ Кайсарова. Но теперь Воейковъ, разсорившись съ дерптскими профессорами, былъ уже въ Петербургѣ. Мужъ Протасовой, Андрей Ивановичъ, былъ

Къ стран.

258. родной братъ первой жены Карамзина, Лизаветы Ивановны.

— Подъ *стихами* Жуковскаго здѣсь надобно разумѣть «Элегію на смерть королевы виртембергской», которая тогда была напечатана особою книжкой [Л.].

— Въ мартовской книжкѣ журнала Коцебу за 1819 годъ (Literarisches Wochenblatt, т. III, стр. 172) осуждается очень рѣзко какой-то Фридрихъ, который въ гамбургскомъ листкѣ «Originalien» помѣстилъ статью: «Ueber Pressfreyheit und academische Freyheit in Deutschland» и «съ обычною наглостью и пошлостью раскритиковалъ поданную на ахенскомъ конгрессѣ записку, редакторомъ которой (и не болѣе какъ редакторомъ) былъ г. статскій совѣтникъ Стурдза». Далѣе выставляются достоинства этого труда въ противоположность нахальству критика. Статейка кончается язвительной выходкой противъ нѣмецкихъ студентовъ.

Стурдза, служа въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, ѣздилъ на ахенскій конгрессъ. Своею запиской о современномъ состояніи Германіи, тогда же напечатанною, «онъ внушилъ германскимъ правительствамъ мысль о преобразованіи университетовъ; но за то и возбудилъ къ себѣ ненависть университетской молодежи, отъ кинжала которой едва спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Россію» (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. росс. 1864, кн. II, «Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ», стр. 197.).

— «Русскій Инвалидъ», газета, издававшаяся съ 1 февраля 1813 года. Издателемъ ея по 1821 годъ былъ Павелъ Петровичъ Пезаровіусъ, мистикъ. Преемникомъ его въ изданіи этой газеты былъ названный выше Воейковъ.

Упоминаемая Карамзинымъ книга «Philosophie divine», сочиненіе Dutoit de Mambrini, протестантскаго пастора, умершаго около 1794 г., въ первый разъ появилась въ Парижѣ и въ Лондонѣ въ 1790 г., но подъ другимъ заглавіемъ. Перепечатанная въ 1793, въ трехъ томахъ,

Къ стран.

258. она была названа: «Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles» («La France littéraire», par J.-M. Quérard, t. II. Paris, 1828, стр. 740). Тотъ же авторъ написалъ «Philosophie chrétienne». Предпринятый дѣйств. статскимъ совѣтникомъ Корнѣевымъ и доведенный до 4-й части русскій переводъ этой книги напечатанъ въ Москвѣ, 1818, подъ заглавіемъ: «Божественная философія». Разборъ перевода, или вѣрнѣе, извлеченія изъ него начаты въ 48 нумерѣ Русскаго Инвалида 1819 (26 февраля); они продолжаются въ №№ 49, 51 и 53.

230.

259. Баронъ Гурго́ (Gaspard de Gourgaud) былъ три года при Наполеонѣ на островѣ св. Елены; при возвращеніи оттуда въ 1818 году издалъ онъ, со словъ Наполеона, книжку о Ватерлоскомъ сраженіи, за которую подвергся преслѣдованію, такъ что только въ 1821 г. могъ опять поселиться во Франціи. Послѣ того онъ участвовалъ въ редакціи диктованной Наполеономъ исторіи его походовъ, изданной подъ общимъ заглавіемъ: «Mémoire sour pservir à l'histoire de France sous Napoléon» (Paris, 1823).

— *Что то будетъ съ Стурдзою?* см. предыдущую страницу.

231.

260. Planter nos choux, т. е. садить свою капусту, французская поговорка, — жить въ тишинѣ и уединеніи, особенно послѣ какой-нибудь тревожной общественной дѣятельности. На заглавномъ листѣ 2-ой книжки Аглаи (М. 1793) были напечатаны, въ видѣ эпиграфа, слова изъ Монтаня: «Je veux que la mort me trouve plantant mes choux; mais nonchallant d'elle et encore plus de mon jardin imparfait». Началомъ французской поговорки послужилъ конечно извѣстный анекдотъ объ императорѣ Діоклеціанѣ въ Салонѣ и объ его капустѣ.

Къ стран.

261. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, профессоръ московскаго университета и редакторъ Вѣстника Европы (съ 1815 по 1828 г. отъ имени университета, которому въ этотъ періодъ принадлежало это изданіе), былъ противникомъ Карамзина. Въ члены Россійской Академіи Каченовскій избранъ вмѣстѣ съ Воейковымъ 8 марта 1819. Сюда относится также примѣч. къ письму 224, стр. 0116. О критикѣ Каченовскаго, см. выше, стр. 238 и прим. къ письму 214, стр. 0102.

— *Пратъ* (Dominique Dufour de Pradt), возведенный Наполеономъ въ званіе барона и въ санъ епископа въ Поатье, впослѣдствіи архіепископъ, а въ 1812 г. посолъ въ Варшавѣ, былъ то приверженцемъ, то противникомъ императора и написалъ множество сочиненій, относящихся къ политикѣ и исторіи его времени. Здѣсь должно разумѣть одно изъ слѣдующихъ: Des progrès du gouvernement représentatif en France (1817); Les quatre concordats, 3 части (1818—1820); L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle (1819).

232.

261. *Вѣра Сергѣевна*, старшая изъ сестеръ Кушникова, слѣдовательно племянница Карамзина (см. выше стр. 090, примѣч. къ письму 189), была за мужемъ за *Александромъ Ильичемъ Татариновымъ* [Кн. В.]

— «Прошеніе Дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу», напечатано въ «Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепискѣ Н. М. Карамзина», Спб. 1862, стр. 230.

262. Министръ финансовъ — графъ Гурьевъ.

233.

263. Елисавета Ивановна Ланская, рожденная Вилламова, сестра секретаря императрицы Маріи Өеодоровны («Соч. Держ., изд. Ак. Н.», т. III, стр. 516). Съ нею Карамзинъ познакомился еще въ первый свой пріѣздъ въ

Къ стран.

263. Петербургъ, въ 1816 году (см. его «Неизданныя соч. и переписку», стр. 160 и 162).

234.

264. Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, сенаторъ, зять знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова и другъ Сперанскаго [Л.]. Въ 1819 г. Столыпинъ былъ еще оберъ-прокуроромъ; онъ управлялъ сенатскимъ казначействомъ и сенатскою типографіею.

— Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, меньшой братъ болѣе извѣстнаго Николая Петровича, учился вмѣстѣ съ послѣднимъ въ лейденскомъ университетѣ 1774 г., потомъ былъ камергеромъ при дворѣ Екатерины II и, служа по дипломатической части, посыланъ былъ въ въ Парижъ и въ Берлинъ (Записки Академіи Наукъ, т. III, «Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II», П. Пекарскаго, стр. 34).

235.

265. 10 іюня 1819, въ письмѣ къ брату своему, Василію Михайловичу, Карамзинъ сообщалъ, что Катерина Андреевна благополучно родила сына Владиміра (Атеней 1858 г., № 27, стр. 57).

236.

267. По окончаніи занятій коммиссіи для вспомоществованія жителямъ Москвы, пострадавшимъ отъ непріятеля, Дмитріевъ, какъ предсѣдатель ея, отправилъ къ Государю отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ по этому порученію и получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени при всемилостѣйшемъ рескриптѣ, подписанномъ въ Царскомъ Селѣ 16 іюня 1819 года («Взглядъ на мою жизнь», стр. 244).

— Александръ Львовичъ Нарышкинъ, оберъ-камергеръ, извѣстный острякъ. [Л.].

— Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ, читалъ дра-

Къ стран.

267. матическія сочиненія такъ искусно, что никогда не называлъ при этомъ дѣйствующихъ лицъ, а означалъ всякую новую рѣчь только измѣненіемъ голоса. [С.]

237.

268. *Сынъ незабвеннаго Александра Ивановича* — Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (см. «Краткое жизнеописаніе» послѣдняго, напечатанное имъ самимъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, «не для продажи», въ Москвѣ, 1863 г.) Краткій некрологъ его, составленный П И. Бартеневымъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1866 г., № 189.

— Въ сызранскомъ уѣздѣ находится родовое имѣніе Дмитріевыхъ, село Богородское.

— *Бригадирша*, т. е. Москва: «Петербургскіе злоязычники называютъ Москву старою бригадиршею» («Фонъ-Визинъ», соч. кн. П. Вяземскаго, Спб. 1848, стр. 209).

— *Сбираюсь на Арбатъ или въ Басманную.* «До 1812 года», пишетъ князь Вяземскій въ рукописныхъ своихъ замѣткахъ, «мы жили съ Карамзинымъ въ Басманной, въ домѣ Мордвинова». У Арбатскихъ же воротъ, въ домѣ Кокошкиной, была послѣдняя квартира исторіографа въ Москвѣ (см. письмо его къ брату отъ 21 декабря 1815 г. въ Атенеѣ 1858, № 25, стр. 603).

— Лицейскій пансіонъ, казенное учебное заведеніе, существовавшее въ Софіи съ 1814 по 1829 годъ и имѣвшее между прочимъ назначеніе служить разсадникомъ для царскосельскаго лицея, въ который оттуда переводились лучшіе воспитанники. Не перешедшіе въ лицей ученики оканчивали курсъ въ пансіонѣ и могли, по собственному желанію, поступать въ военную или въ гражданскую службу; избиравшіе послѣднюю выпускались, въ случаѣ хорошихъ успѣховъ, съ чиномъ 10-го класса. Ср. Русскій Архивъ 1864, № 10, «Извлеченія изъ писемъ Илличевскаго къ Фуссу», стр. 1054).

269. *Пушкинъ спасенъ Музами.* А. С. Пушкинъ былъ опасно боленъ около этого времени (Соч. его, изд. П. Анненковымъ, Спб. 1855, т. I, стр. 70, и т. II, стр. 202), и можетъ

Къ стран.

269. быть, Карамзинъ шутя приписываетъ Музамъ выздоровленіе ихъ любимца.

Стихи Жуковскаго, о которыхъ здѣсь говорится, — вѣроятно, напечатанные въ XII томѣ пятаго изданія его «Сочиненій» (Спб. 1857, стр. 207 и 213): «Стихи при посылкѣ комедій, которыя К*** хотѣли играть» и «Къ графинѣ Ш...ой, послѣ ея дебюта въ роли мертвеца» [Л.].

238.

269. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, управлявшій также нѣкоторое время министерствомъ народнаго просвѣщенія, умеръ «послѣ кратковременныхъ, но жестокихъ страданій» (слова Вигеля) 19 іюля 1819. О смерти его см. Сынъ Отечества, ч. 55, стр. 281. Вигель говоритъ: «Козодавлевъ былъ добрѣйшій человѣкъ; не зналъ ни злобы, ни зависти; надо было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чьемъ-нибудь повышеніи, о чьихъ-либо успѣхахъ; когда самому удавалось ему выпрашивать награды, спасать кого отъ бѣды, то онъ совершенно былъ счастливъ» («Воспоминанія», т. II, ч. 3, стр. 111). Съ какой *нехорошей стороны вошелъ онъ въ пословицу?* Разумѣлъ ли здѣсь Карамзинъ то, что въ наше время называютъ *либеральничаньемъ*, или недостатокъ, приписываемый Козодавлеву Державинымъ и служащій отрицаніемъ латинской сентенціи: «Amicus certus re incerta cernitur», или наконецъ чрезмѣрную искательность, о которой говорится въ слѣдующемъ письмѣ,—остается нерѣшеннымъ («Соч. Держ., изд. Ак. Н.», т. II, стр. 151). См. о немъ также: «Взглядъ на мою жизнь» И. И. Дмитріева, стр. 200; замѣтку г. Бартенева въ «Запискахъ» Державина, стр. 125, и «Воспоминанія Ѳ. Булгарина», ч. V, стр. 289.

270. Славянка (Графская, нынѣ Царская), село близь Павловска, родовое имѣніе Скавронскихъ, и потому впослѣдствіи принадлежавшее графинѣ Самойловой, дочери графа Литта, женатаго на Скавронской.

Къ стран.

239.

270. Государь сбирался ѣхать въ Архангельскъ и въ Финляндію, а потомъ въ Варшаву, откуда долженъ былъ воротиться не прежде 14-го октября (Атеней 1858, № 27, стр. 57).

— Анна Петровна Козодавлева, рожденная княжна Голицына [Л.].

271. ...*не льзя писать такъ, чтобы невозможно было прицѣпиться.* И. И. Дмитріевъ (а не Карамзинъ, какъ думали нѣкоторые) говорилъ, что искусный писатель сумѣетъ, не смотря на цензуру, сказать въ печати все, что захочетъ. У Галіани, котораго оба друга читали (см. выше, стр. 0115), есть слѣдующее мѣсто: «Savez-vous ma définition du sublime oratoire? C'est l'art de tout dire, sans être mis à la Bastille, dans un pays où il est défendu de rien dire». (Journal des Débats 1820, 9 novembre, въ статьѣ о новомъ изданіи сочиненій Галіани).

240.

271. 5 сентября Карамзинъ писалъ къ брату своему: «Иванъ Ивановичь Дмитріевъ теперь у васъ въ Губерніи. Жаль, если вы не увидитесь съ нимъ» (Атеней 1858, № 27, стр. 58).

— Больной племянникъ былъ сынъ Ѳедора Михайловича Карамзина, Николай Ѳедоровичъ (см. письмо 287, стр. 326). 21 декабря 1819 Н. М. писалъ къ другому брату: «Сынъ брата Ѳедора Михайловича, слава Богу, выздоровѣлъ совершенно» (Атеней 1858, № 27, стр. 58).

— Штофрегенъ, лейбъ-медикъ при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которую онъ сопровождалъ въ Таганрогъ и потомъ до Бѣлева, гдѣ она скончалась.

— Графъ Форбенъ (Forbin), талантливый живописецъ и офицеръ французской службы, участвовалъ до 1809 г. въ походахъ Наполеона; по паденіи же его получилъ мѣсто главнаго директора королевскихъ музеевъ и избранъ былъ въ члены академіи; въ 1817 и 1818 г. по-

Къ стран.

271. сѣтилъ онъ Малую Азію, Грецію, Египетъ и проч.; умеръ въ 1841 г. Плодомъ его путешествія была книга, изданная въ Парижѣ, 1819 г., въ листъ самаго большаго размѣра съ рисунками, подъ заглавіемъ: «Voyage dans le Levant, par M. le Comte de Forbin».

241.

272. 14-е октября было днемъ рожденія императрицы Маріи Өеодоровны.

242.

273. Того же числа написано письмо къ Батюшкову, напечатанное въ смирдинскомъ изданіи Сочиненій Карамзина, т. III, стр. 700.

17-го октября 1819 г. Карамзинъ читалъ Государю свое письмо противъ возстановленія Польши, которое Александръ имѣлъ въ виду («Неизданныя соч. и переписка Н. М. Карамзина», ч, I, стр. 3 — 8, «Мнѣніе Русскаго гражданина»). 29 декабря того же года исторіографъ сдѣлалъ на рукописи приписку подъ заглавіемъ: «Для потомства» (тамъ же, стр. 9 — 10). [Л.].

274. *Тюремное общество.* По примѣру подобнаго учрежденія въ Лондонѣ, основано было въ Петербургѣ, въ 1819 году, стараніемъ князя А. Н. Голицына и подъ его предсѣдательствомъ, *попечительное общество о тюрьмахъ* («Описаніе С. Петербурга», И. Пушкарева, Спб. ч. I, 1839, стр. 466).

243.

275. Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ были совѣтники при посольствахъ, первый въ Лондонѣ, второй въ Константинополѣ [Л.].

— Дмитріевъ готовилъ тогда новое изданіе своихъ сочиненій съ исключеніемъ многихъ изъ нихъ уже напечатанныхъ имъ въ прежнихъ изданіяхъ. [Л.].

— Записки Храповицкаго въ то время были извѣстны только немногимъ въ рукописи. Отрывки изъ нихъ въ

Къ стран.

275. первый разъ явились 1821 г. въ Отечественныхъ Запискахъ П. Свиньина (томъ 7), который и послѣ сообщалъ извлеченія изъ нихъ. Вполнѣ напечатаны онѣ, по списку г. Геннади и съ его примѣчаніями, въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Ист. и Древн. росс. 1862 г., кн. II.

244.

276. *Печальное извѣстіе* было о смерти отца Дмитріева, который умеръ около этого времени въ деревнѣ, 80-ти лѣтъ отъ роду («Взглядъ на мою жизнь», стр. 243 и сл.)

— Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ умеръ 13 ноября 1819; на мѣсто его назначенъ былъ, 6 января 1820, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ [Л.]. Біографическую статью о Тормасовѣ см. въ Сынѣ Отечества 1820 г., т. 59, № II, стр. 49.

— Графъ Петръ Александровичъ Толстой, впослѣдствіи генералъ отъ инфатеріи, членъ Государственнаго Совѣта (ум. 1844).

245.

277. О гр. Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ нѣсколько разъ упоминается въ «Mémoires de l'Impératrice Catherine», Londres, 1859 г.; см. особенно стр. 77 и 190. Свѣдѣнія о родѣ дворянъ и графовъ Чернышевыхъ — въ Зеркалѣ Свѣта, Ѳ. Туманскаго, 1787 г., ч. IV, № 54 и далѣе.

— Николай Евгеньевичъ Кашкинъ, пріятель карамзинскаго семейства, гостепріимный и всюду въѣзжій Москвичъ; впослѣдствіи сенаторъ.

— Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій незадолго передъ тѣмъ былъ пожалованъ въ сенаторы.

246.

277. .... *нѣсколько строкъ для потомства.* См. выше, стр. 0127, примѣч. къ письму 242.

279. Карамзинъ вступилъ во второй бракъ 8 января 1804 года; Екатерина Андреевна Колыванова родилась 16 ноября 1780, скончалась 1 сент. 1851 г.

Къ стран.

279. Контъ (Comte), публицистъ, издававшій съ Дюнойè журналъ Le Censeur [Л.].

Курьè (Paul-Louis Courier), политическій писатель и памфлетистъ, убитый въ 1825 г. своимъ слугою. Собраніе его сочиненій издано 1829—30 въ 4-хъ томахъ.

— Зоріанъ Яковлевичъ Доленга-Ходаковскій, въ статьѣ: «Розысканія касательно Русской Исторіи» (Вѣстникъ Европы, ч. 107, № 20, стр. 274), «отзывался о Карамзинѣ очень грубо, называя его невскимъ Плутархомъ, пресловутымъ историкомъ и т. п... Карамзинъ не только ходатайствовалъ о дозволеніи ему продолжать свое археологическое путешествіе по Россіи на счетъ правительства, недовольнаго первымъ его опытомъ, но и помогалъ ему деньгами», какъ показываетъ записка къ нему Карамзина, напечатанная г. Погодинымъ: «Съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи, Милостивый Государь мой Зоріянъ Яковлевичъ! Я радъ еще сказать нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р.; болѣе не имѣю. Вашъ покорнѣйшій Н. К.» (Москвитянинъ 1843, ч. I, «Матеріалы для русск. ист.», стр. 273).

247.

280. 8 января 1820 года Россійская Академія праздновала день своего возобновленія Императоромъ Александромъ I. Шишковъ открылъ публичное засѣданіе краткою рѣчью о цѣли и пользѣ Академіи; непремѣнный секретарь читалъ отчетъ и отрывокъ своего перевода изъ Тита-Ливія; за тѣмъ Гнѣдичъ прочелъ экзаметры Жуковскаго: «Цеиксъ и Гальціона», изъ Овидія; наконецъ исторіографомъ были читаны нѣкоторыя мѣста изъ неизданнаго 9-го тома его Исторіи. По окончаніи чтеній, президентъ, изложивъ обязанность Академіи награждать литературныя заслуги, сказалъ: «Многотрудный подвигъ члена ея Н. М. Карамзина въ сочиненіи

Къ стран.

280. Российско й Исторіи, сколько приноситъ чести сочинителю, столько же пользы отечеству. Посему имѣю я долгъ почтительнѣйше предложить Академіи, не благоугодно ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему большую золотую медаль». Предложеніе было принято всѣми наличными членами единогласно и утверждено ихъ подписью. Президентъ вручилъ Карамзину медаль съ словами: «Я имѣю пріятное порученіе, за труды ваши по россійской исторіи, отъ лица Академіи вручить вамъ большую золотую медаль» (Подлин. протоколы Росс. Ак. за 1820 г.).

— *Можешь заглянуть и въ Сына Отечества.* Это торжественное собраніе подробно описано въ «дневной запискѣ» украинца В. К. (Каразина), который между прочимъ говоритъ: «пяти рядовъ стульевъ, поставленныхъ вокругъ стола засѣданія, не доставало для помѣщенія посѣтителей. Особы 3-го класса даже, пріѣхавшія поздо, едва находили мѣсто». О впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ Карамзина, сказано: «Слушатели были умилены и восхищены чертами великаго характера Россіянъ, сильно представленными глубокомысленнымъ, краснорѣчивымъ историкомъ. И мы имѣли своихъ *Регуловъ*, сказалъ я въ себѣ!... Я плакалъ, и видѣлъ многихъ отирающихъ слезы. Но уже ударило два часа по полудни. Почтенный чтецъ, на котораго триста слушателей, по крайней мѣрѣ, имѣли устремленные глаза, долженъ былъ отъ усталости остановиться, не взирая на продолжающееся еще любопытство. Президентъ просилъ его отдохнуть въ комнатѣ обыкновенныхъ засѣданій Академіи, и пользуясь симъ отсутствіемъ, немедленно предложилъ гг. членамъ наградить исторіографа большою золотою медалью.... Величественный старецъ, коего нѣкогда предполагали противникомъ Карамзинъ, вручилъ ему съ радостнымъ лицомъ» и проч... «Громкія рукоплесканія раздались со всѣхъ сторонъ. Они раздались въ первый

Къ стран.

280. разъ, вѣроятно, со времени основанія Академіи» (Сынъ Отечества 1820, ч. 59, № II, «Смѣсь», стр. 93).

248.

281. Весною 1821 г. Карамзинъ получилъ изъ Венеціи три первые тома упомянутаго здѣсь италіянскаго перевода [С.].

— *Сенаторъ*, т. е. А. Ѳ. Малиновскій, см. выше, стр. 0128, примѣч. къ письму 245.

282. Анна Никитишна Нарышкина, рожденная Румянцова, двоюродная сестра канцлера, вдова оберъ-шенка Александра Александровича. Она была статсъ-дамой и другомъ Екатерины II [Л.].

250.

283. Имя *Пельскихъ* извѣстно уже по элегіи Карамзина *На скоропостижную смерть Петра Аѳанасьевича Пельскаго*, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1803 года (См. выше, стр. 037, примѣч. къ письму 57).

— Петръ Сергѣевичъ Пазухинъ, родственникъ матери Карамзина, рожденной Пазухиной, женился на родной племянницѣ И. И. Дмитріева, Елизаветѣ Николаевнѣ, дочери Николая Ивановича Дмитріева (П. Бартеневъ).

251.

285. Объ обѣдахъ у Маріи Ѳеодоровны Карамзинъ въ то же время писалъ къ своему брату: «За этими обѣдами, въ ея кабинетѣ, бываетъ не болѣе четырехъ или пяти человѣкъ; разговариваютъ свободно, безъ всякаго принужденія, какъ въ партикулярномъ домѣ» (Атеней 1858, № 27, стр. 59).

— Въ это время Испанцы требовали возстановленія конституціи 1812 года, и Ріего началъ возстаніе противъ Фердинанда VII, который вынужденъ былъ согласиться на это требованіе 8 марта 1820 [Л.].

— Манифестъ 20 марта 1820 о разводѣ Константина

Къ стран.

285. Павловича съ Анною Ѳеодоровною, второю супругою Великаго Князя, напечатанъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 6 апрѣля этого года, № 28.

— *Записки Герцога Лиріи.* Герцогъ де Лиріа (Lihria) былъ испанскій посолъ при русскомъ дворѣ (ум. 1733); въ царствованіе Петра II и Анны Іоанновны; оставленныя имъ Записки были изданы сыномъ его въ Парижѣ 1788. Д. И. Языковъ перевелъ изъ нихъ то, что относится къ Россіи, и издалъ свой переводъ въ 1845 г.

— По мнѣнію Карамзина, Биронъ, не былъ такъ жестокъ, какъ описываютъ его современники, имѣлъ даже многія благородныя свойства; впрочемъ, главная страсть вельможъ того времени была взаимная ненависть: такъ Волынскій самъ велъ интриги противъ Бирона, отъ котораго и погибъ [С.].

— Варнекъ писалъ портретъ Карамзина, съ котораго гравюра для Сленинскаго изданія И. Г. Р. сдѣлана Уткинымъ. Копія съ этого подлиннаго портрета, писанная Венеціановымъ, находится нынѣ въ Академіи Наукъ; съ нея же снята другая копія нынѣшнимъ извѣстнымъ художникомъ Макаровымъ для княгини Екатерины Николаевны Мещерской.

286. О садѣ своемъ И. И. Дмитріевъ самъ упоминаетъ; см. «Взглядъ на мою жизнь», стр. 24. О любви его къ садоводству говоритъ и М. А. Дмитріевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти», М. 1854, стр. 86 и 96.

252.

— Довольно подробная замѣтка объ Алексѣѣ Ульяновичѣ Болотниковѣ въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля, т. II, ч. 3, стр. 156. Тамъ между прочимъ читаемъ:

«Онъ долго служилъ въ Семеновскомъ полку вмѣстѣ съ Дмитріевымъ. Вѣроятно сей послѣдній находилъ его странности забавными, тайкомъ подсмѣивался надъ нимъ,

286. ласкалъ его какъ нужнаго для себя человѣка, а тотъ привязался къ нему, и наконецъ самъ Дмитріевъ былъ нѣжно къ нему расположенъ. Его сдѣлали министромъ юстиціи въ то самое время, когда шло дѣло объ избавленіи Екатерины Павловны, объ удаленіи Болотникова изъ Твери. Онъ могъ непріятнымъ образомъ быть отставленъ; но Дмитріевъ, пользуясь первоначальнымъ кредитомъ своимъ у государя, выпросилъ ему сенаторство, съ сохраненіемъ придворнаго мундира и всего весьма большаго содержанія, по званію гофмейстера имъ получаемаго..... Несмотря на безразсудность его поведенія при дворѣ Великой Княгини, слылъ онъ человѣкомъ чрезвычайно дѣльнымъ и по всей справедливости называли его весьма трудолюбивымъ. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ и свѣдущимъ судіею и вникнуть въ существо каждаго дѣла, а понять дѣла самаго простаго не могъ онъ безъ величайшаго труда. Оттого Дмитріевъ въ шутку, хотя и въ глаза, называлъ его Долбилинымъ, находя, что каждый вопросъ долбитъ онъ, чтобы добраться до его смысла».

Передъ окончательнымъ увольненіемъ Дмитріева отъ должности министра юстиціи, во время его отпуска, Болотниковъ управлялъ этимъ министерствомъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 218 и 229).

«За мѣсяцъ до возвращенія своего Дмитріевъ письменно извѣщалъ объ немъ Болотникова и просилъ очистить для него домъ. Но супругѣ его полюбилось широкое житье, и она не хотѣла съ нимъ разстаться. Въ одну ночь, когда, возвратясь съ бала, можетъ быть отъ Хвостова, она начала раздѣваться, безъ спроса вошелъ къ ней Дмитріевъ въ дорожномъ платьѣ, и пошли у нихъ пререканія. Въ эту ночь Иванъ Ивановичъ въ одной изъ комнатъ нашелъ себѣ мѣсто для отдохновенія, а на другое утро Алексѣй Ульяновичъ, какъ съ чужаго коня середь грязи, долженъ былъ выѣхать изъ дома. И это ихъ навсегда поссорило («Воспоминанія» Вигеля, т. II, ч. 4, стр. 127).

Къ стран.

286. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ былъ извѣстенъ «остроуміемъ, парадоксами и оригинальностію понятій и сужденій, которыя онъ выражалъ равно оригинально, энергически и экцентрически» (Кн. В. въ Русскомъ Архивѣ 1866, № 6, «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива», стр. 862).

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ подвергся въ это время опасности быть сосланнымъ въ Соловецкій монастырь. Участь его смягчена была, при содѣйствіи его начальника, графа Каподистріи, и графа Милорадовича. Перваго просилъ о томъ Карамзинъ, по просьбѣ Петра Яковлевича Чаадаева, а втораго — извѣстный поэтъ Ѳеодоръ Николаевичъ Глинка. Пушкинъ былъ переведенъ на Югъ въ канцелярію Ивана Никитича Инзова. Ссылка его продолжалась съ 5 мая 1820 по 8 сентября 1826, когда, по разрѣшеніи ему въѣзда въ столицы, онъ прибылъ въ Москву [Л.]. Подробности удаленія Пушкина можно найти въ статьѣ г. Бартенева: «Пушкинъ въ Южной Россіи», и въ разсказѣ Ѳ. Н. Глинки: «Удаленіе А. С. Пушкина» (Русскій Архивъ 1866, № 8 и 9, стр. 1096, и № 6, стр. 917).

254.

289. Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, коренной, столбовой Москвичъ, жилъ открытымъ домомъ; отецъ министра, графа Павла Дмитріевича; женатъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Урусовой. [Кн. В. и Л.].

290. «Русланъ Людмила», первая поэма Пушкина, начатая имъ еще въ лицеѣ, вышла въ свѣтъ въ маѣ 1820 года; послѣднія листы ея допечатывались во время высылки его изъ Петербурга [Л.].

«Виргиліева Енеида, вывороченная на изнанку, въ 12 пѣсняхъ; соч. Николая Осипова и Александра Котельницкаго; 6 частей. Спб. 1791—1808». По выходѣ 1-й части этой книги, Карамзинъ разбиралъ ее въ Московскомъ Журналѣ и между прочимъ замѣтилъ: «По спра-

Къ стран.

290. ведливости можно сказать, что въ нашей *вывороченной на изнанку* Энеидѣ есть много *хорошихъ* и даже *въ своемъ родѣ прекрасныхъ* мѣстъ» (М. Ж. ч. VI, стр. 205).

— Наемъ квартиры для Н. Я. Плюсковой былъ порученъ Императрицею Карамзину. Отчетъ его о томъ въ письмѣ отъ 17 мая къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ см. въ «Неизданныхъ соч. и перепискѣ Н. М. Карамзина», стр. 40.

255.

— Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой, извѣстный любитель древностей и рѣдкостей [Л.].

— Анжелика Каталани, первая концертная пѣвица своего времени, пѣла при дворѣ въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ.

291. Прусскій принцъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ, былъ покойный король Фридрихъ Вильгельмъ IV, вступившій на престолъ въ 1840 году. Объ отцѣ его см. выше стр. 0102, примѣч. къ письму 216.

256.

— Государь отъѣзжалъ тогда въ Москву и въ Варшаву (Атеней 1858 г., № 27, стр. 60).

292. Павелъ Петровичъ Свиньинъ, основатель Отечественныхъ Записокъ, которыя онъ и издавалъ съ 1820 по 1828 годъ [Л.].

258.

293. Попечителемъ казанскаго учебнаго округа былъ въ это время Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. «При казанскомъ университетѣ учреждена была особая должность директора, долженствовавшаго надзирать за хозяйственнымъ и полицейскимъ управленіемъ и нравственнымъ образованіемъ воспитанниковъ. Инструкціи, данныя этому чиновнику, точно такъ же какъ и ректору университета, и составленіе которыхъ поручено было Магницкому, представляютъ много любопытнаго» (Рус-

Къ стран.

293. скій Вѣстникъ 1864, іюль, «Магницкій», соч. г. Ѳеоктистова, стр. 6; тутъ же и отрывки изъ этихъ инструкцій. Вполнѣ напечатаны онѣ въ «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія», т. I, Спб. 1864).

— Николай Ивановичъ Кривцовъ, впослѣдствіи губернаторъ тульскій, воронежскій и нижегородскій [Кн. В.].

259.

294. Днемъ ангела И. И. Дмитріева было 26 сентября (преставленіе Іоанна Богослова).

— *Книги варшавскія*, т. е книги, которыя князь П. А. Вяземскій, бывшій тогда на службѣ въ Варшавѣ, пересылалъ черезъ Карамзина Дмитріеву. Подъ *Флери* здѣсь разумѣется книга: «Mémoires pour servir à l'histoire de la vie privée, du retour et du règne de Napoleon, en 1815, par M. Charles Fleury de Chaboulon. Lond. 1820, 2 vol.» (Manuel du libraire, par J.-Ch. Brunet, t. VI, Paris 1865, № 23990).

Вотъ полное заглавіе второй книги, о которой упоминаетъ Карамзинъ: «Mémoires sur la vie de M. Suard, sur ses écrits et sur le dix-huitième siècle, par Dominique-Joseph Garat, 1820, 2 vol.» Разборъ этого сочиненія см. въ Journal des Débats 3 и 10 іюля 1820. Сюаръ (J.-B.-Antoine Suard), умершій въ 1817 г., былъ литераторъ и академикъ, извѣстный особенно превосходными переводами историческихъ сочиненій Робертсона; свои труды издалъ онъ въ 5 томахъ подъ заглавіемъ Mélanges de littérature (1803—5). Другъ его, Гарà (ум. 1833), составилъ себѣ извѣстность своими похвальными словами и нѣсколькими сочиненіями, относящимися къ современной исторіи.

— Батонди, старый Италіянецъ, жившій въ домѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго; онъ ходилъ въ красной шапочкѣ и забавлялъ домашнихъ своими шутками. Умеръ 1812 г. въ Остафьевѣ. Узнавъ о его смерти, Карамзинъ, находившійся въ то время въ Нижнемъ, писалъ

Къ стран.

294. къ Вяземскимъ отъ 12 декабря: «Вѣсти остафьевскія крайне насъ огорчили. Любезный Батонди скончался, какъ всегда желалъ, ударомъ. Бѣдный! Онъ не имѣлъ утѣшенія разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ. Я плакалъ объ немъ искренно. Миръ его праху! Надѣюсь побывать у него въ гостяхъ на могилѣ». Князь П. А. Вяземскій къ этому прибавляетъ: «Батонди былъ чудакъ и существо неразгаданное. Онъ еще отцомъ моимъ былъ принятъ въ домъ нашъ и перешелъ къ намъ по наслѣдству. Никто изъ насъ не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ онъ жилъ у меня въ селѣ Остафьевѣ и вѣроятно содѣйствовалъ сохраненію дома и почти всего, что̀ въ немъ было» (Русск. Архивъ 1866, № 2, стр. 234 и 236).

296. ...*Европейскаго коммиссіонера*, см. предыдущую страницу.

Постараюсь исправить здѣсь свое посланіе, — т. е. посланіе къ И. И. Дмитріеву; подъ *надписью* должно разумѣть извѣстное четырехстишіе кн. Вяземскаго къ портрету императора Александра (1814, Сынъ Отеч. ч. 14, стр. 98). *Оная эпистола* означаетъ Посланіе къ М. Т. Каченовскому (1821, Сынъ Отеч., ч. 67, стр. 76).

260.

297. ...*вмѣсто рыбаковъ, посылать въ Сына Отечества рыболововъ.*

Въ Сынѣ Отечества 1820 г. (ч. 63, № XXXVI, стр. 135) была помѣщена баллада Жуковскаго «Рыбакъ» (не вошедшая послѣ въ собраніе его сочиненій). Судя по шуточному замѣчанію Карамзина, надобно полагать, что Дмитріевъ писалъ къ нему о какомъ-то критикѣ, который упрекалъ поэта, зачѣмъ онъ въ стихахъ употребляетъ слово *рыбакъ* вмѣсто болѣе (будто бы) благороднаго *рыболовъ*.

— За *Русскій переводъ Варшавскихъ рѣчей* отвѣтствен-

Къ стран.
297. ность падала не на одного князя Вяземскаго, такъ какъ онъ переводилъ въ канцеляріи Н. Н. Новосильцева при участіи его самого и другихъ лицъ. Рѣчь Государя, которую здѣсь надобно разумѣть, была произнесена при закрытіи сейма 1 (13) октября 1820 и напечатана въ № 85 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

261.

299. Статья Монитёра объ И. Г. Р. для насъ особенно любопытна, такъ какъ Карамзину слышался въ ней *какой-то глухой голосъ потомства.* Это впрочемъ не разборъ, а замѣтка, помѣщенная безъ заглавія, вслѣдъ за извѣстіями, въ газетѣ Moniteur Universel 1-го ноября 1820, № 306. Сообщаю эту замѣтку цѣликомъ:

«Nous avons annoncé la publication des quatre premiers volumes de l'*Histoire de Russie*, par M. Karamsin, traduite par MM. Saint-Thomas et Jauffret. Les cinq derniers volumes viennent de paraître.

«A l'époque où la Russie est parvenue à exercer sur les affaires de l'Europe une influence relative à l'étendue de sa puissance, on recherche avec curiosité tous les détails, toutes les notions positives qui peuvent développer les causes de la grandeur toujours croissante de cet empire. Quelques ouvrages historiques les avaient rapidement représentées, mais se hâtant d'arriver aux époques contemporaines, ils négligeaient une foule de renseignements précieux sur un peuple à peine connu de nous au commencement du 18-me siècle, et placé aujourd' hui à la hauteur de la civilisation européenne. Ces motifs expliquent le succès mérité de l'ouvrage de M. Karamsin. En effet, dans un plan méthodique, dont les parties dissimilaires arrivent successivement sous les yeux du lecteur sans confusion, sans obscurité, l'auteur offre un vaste tableau de sa patrie, depuis la plus haute antiquité jusqu'à nous. Ses réflexions toujours judicieuses sont dictées par une saine philosophie et l'impartialité, son style est grave, soutenu

Къ стран.

299. et respire je ne sais quel air de bonne foi, de *nationalité* (si on peut s'exprimer ainsi), qui montre dans l'historien l'honnête homme avant le savant: tout est appuyé sur des documens authentiques, et cette histoire, fruit de quatorze années de travail, basée sur les recherches les plus exactes dans les annales et les archives nationales, doit être placée au rang des ouvrages classiques qui font le plus d'honneur à la littérature moderne. La traduction de cet important ouvrage mérite également des éloges; partout les princes, les vaïévodes, les chefs de l'Eglise y parlent avec dignité; et le style égal, la couleur uniforme des huit volumes qui viennent de paraître prouvent que les traducteurs se sont divisés; c'est-à-dire que l'un a traduit le texte et que l'autre a fait le travail en français. Celui-ci a parfaitement réussi, et l'on ne reconnaît dans cette traduction aucune trace d'une langue transpositive et asiatique; l'exactitude du travail littéral est garantie par la coopération de l'auteur. Nons rendrons plus tard un compte analytique de cet intéressant ouvrage».

262.

300. Графъ Лаваль управлялъ газетною экспедиціею министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщалъ Карамзину иностранныя газеты, о которыхъ упоминается въ письмахъ [Л.].

— Шепелевскій дворецъ — одно изъ зданій Зимняго дворца, занятыхъ Эрмитажемъ, — крайнее къ милліонной. Здѣсь жилъ впослѣдствіи и Жуковскій.

263.

300. Василій Сергѣевичъ Филимоновъ, авторъ многихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ; уроженецъ Москвы, онъ и учился въ тамошнемъ университетѣ; на службѣ же занимался статистическимъ описаніемъ московской губерніи.

301. Императоръ Александръ I былъ въ это время на

Къ стран.

301. конгрессѣ, начавшемся въ Троппау и переведенномъ потомъ въ Лайбахъ. 8 октября 1820 Государь прибылъ въ Троппау, а 26 декабря, черезъ Вѣну, въ Лайбахъ. Это послѣднее имя встрѣтится въ слѣдующемъ письмѣ.

264.

— *Каррикатурою* названъ здѣсь (см. стр. 300) Карazинъ, вслѣдствіе шутки Дмитріева. Упоминаемая въ этомъ письмѣ критика напечатана подъ главнымъ заглавіемъ «Variétés» въ Journal des Débats 5, 10 и 12 декабря 1820 года. Въ ней разбирается Исторія Карамзина, по переводу С. Тома̀ и Жофрѐ.

266.

303. Полное заглавіе книги, о которой говоритъ Карамзинъ: «La France telle qu'elle est, et non pas la France de lady Morgan, par William Playfair, ouvrage traduit par l'auteur des Observations sur la France de lady Morgan». Авторъ защищаетъ Францію противъ обвиненій Ирландки, которая восхищается революціей; по словамъ Journal des Débats (3 мая 1820), это — панегирикъ Франціи.

268.

305. *Новопріѣзжій*, т. е. Сперанскій возвратился изъ сибирскаго своего генералъ-губернаторства въ мартѣ, за два слишкомъ мѣсяца до пріѣзда Государя съ лайбахскаго конгресса. «Отославъ въ Лайбахъ донесеніе о своемъ прибытіи, онъ, въ избѣжаніе всякихъ толковъ, рѣшился, до возвращенія Государя, не быть ни у кого, кромѣ самыхъ короткихъ прежнихъ своихъ пріятелей... Всѣ его старанія не дать повода къ публичному о себѣ говору были, однакожъ, напрасны...» («Жизнь графа Сперанскаго,» соч. барона М. Корфа, т. II, стр. 261).

269.

306. Извѣстный всему Петербургу домъ графа Шереметева — на Фонтанкѣ, наискось отъ дома Муравьевой,

Къ стран.

306. гдѣ жили Карамзины. По воскресеньямъ они обыкновенно бывали тамъ у обѣдни.

— Яковъ Васильевичъ Захаржевскій, болѣе 45-ти лѣтъ управлявшій царскосельскимъ, а въ позднѣйшее время и другими загородными дворцами, умеръ 1-го марта 1865 года, въ глубокой старости, и до конца жизни оставался въ этой должности, исполняя ее съ прежнею неутомимою дѣятельностью.

— ...*у нашей хозяйки*, т. е. домовой хозяйки, Ек. Ѳед. Муравьевой.

270.

307. Сестра Ланской — Вилламова, которая въ весьма зрѣлыхъ лѣтахъ вышла за старика Саблина, бывшаго московскаго сенатора и члена опекунскаго совѣта [Кн: В.].

— Письмо Карамзина къ брату отъ того же числа подробнѣе говоритъ объ Исторіи Г. Р. (Атеней 1858, № 27, стр. 61).

273.

309. Выраженіе «зеленый кабинетъ», по свидѣтельству Дмитріева, принадлежало первоначально Александру: «Въ саду онъ (Карамзинъ) почти всегда встрѣчался съ Государемъ и ходилъ съ нимъ по большой аллеѣ, прозванной августѣйшимъ хозяиномъ *зеленымъ кабинетомъ*» («Взглядъ на мою жизнь, стр. 246).

— . . . *вмѣсто имени Нѣмаго онъ даетъ тебѣ имя Краснорѣчиваго*. Дмитріевъ не имѣлъ обыкновенія говорить по-французски, а Каподистрія не говорилъ по-русски [Кн. В.].

— С. И. Тургеневъ началъ службу въ 1814 г. при гр. Воронцовѣ (послѣ князѣ), командовавшемъ русскими войсками во Франціи, и занимался дипломатическою перепискою; впослѣдствіи былъ онъ въ Константинополѣ при послѣ нашемъ гр. Строгановѣ (Замѣтка кн. Вяземскаго въ Русск. Архивѣ 1866, № 6, «Выдержки изъ стар. бумагъ остафьев. арх.», стр. 881). Дмитрій Васильевичъ

Къ стран.

309. Дашковъ служилъ также при константинопольской миссіи и объѣзжалъ восточныя консульства, когда вспыхнуло греческое возстаніе; поэтому онъ долженъ былъ истребить часть собранныхъ имъ въ этомъ путешествіи рукописей. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ посланъ на слѣдствіе въ южную Россію по дѣламъ жившихъ тамъ Грековъ. [Кн. В.]. Вигель говорилъ о Дашковѣ съ необыкновеннымъ уваженіемъ (см. «Воспоминанія», т. II, ч. IV, стр. 132 и 167).

274.

311. Никита Никитичъ Философовъ, мужъ Марѳы Михайловны Карамзиной, о смерти которой Николай Михайловичъ 26 іюля 1821 писалъ къ брату: «Письмо ваше огорчило насъ до глубины сердца извѣстіемъ о кончинѣ милой сестры Марѳы Михайловны. Хотя мы жили розно, но больно думать, что уже намъ не видаться съ нею на здѣшнемъ свѣтѣ» и проч. (Атеней 1858, № 27, стр. 61).

275.

— Борисъ Александровичъ, сынъ Александра Михайловича Карамзина, воспитывавшійся въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ.

312. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, извѣстный директоръ московскаго университетскаго пансіона. См. «Воспоминанія» о немъ Шевырева въ Москвитянинѣ 1848 г., т. VIII, стр. 190.

— *...еслибъ мы кинулись на Турцію.* О томъ же Карамзинъ писалъ къ брату: «Вся Европа теперь занимается Греками-Турками: ужасное рѣзанье, котораго слѣдствіемъ быть можетъ паденіе Отоманской Имперіи — надобно прибавить, *если Богу угодно.* Умъ человѣческій любитъ угадывать; но какъ часто ошибается! Политика Россіи весьма благоразумна: мы все еще удаляемся отъ войны до послѣдней возможности не лить крови» (Атеней 1858, № 27, стр. 61).

Къ стран.

312. Любопытно припомнить здѣсь то, что Карамзинъ говорилъ о Турціи въ 1803 году: «Внутреннее безсиліе Константинопольскаго правительства должно ускорить паденіе огромнаго Турецкаго колосса, Оно кажется необходимымъ и близкимъ; произведетъ важную революцію въ мірѣ, и будетъ имѣть великія слѣдствія для человѣчества. Турецкая Исторія служитъ новымъ доказательствомъ истины, что великія Имперіи, основанныя на завоеваніяхъ, должны или просвѣтиться, или безпрестанно побѣждать: иначе паденіе ихъ неминуемо» (Вѣстн. Евр., ч. IX, № 9, стр. 68).

— Иванъ Семеновичъ долженъ быть Набоковъ, московскій пріятель Карамзина [кн. В.].

276.

313. И. И. Дмитріевъ разсказываетъ: «Въ 1821 году я поручилъ Карамзину передать на словахъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшую мою просьбу о пожалованіи одного изъ моихъ родныхъ племянниковъ въ званіе Каммеръ-Юнкера и объ опредѣленіи другаго въ Пажескій Корпусъ; тогда же все исполнено, и чрезъ двѣ недѣли Генералъ-Адъютантъ Князь Петръ Михайловичъ Волконскій по высочайшему повелѣнію извѣстилъ меня о исполненіи моего желанія, а потомъ, въ слѣдствіе благодарительнаго моего письма къ Императору, онъ же почтилъ меня увѣдомленіемъ, что Государь, на принесенную мною въ письмѣ благодарность, приказалъ ко мнѣ отписать, что Его Величеству весьма пріятно сдѣлать *мнѣ* то удовольствіе, которое онъ усматриваетъ изъ письма *моего*» («Взглядъ на мою жизнь», стр. 245). Изъ примѣчаній къ этому мѣсту Записокъ Дмитріева видно, что первый изъ названныхъ здѣсь племянниковъ его были Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, сынъ Александра Ивановича, а другой — Валентинъ Николаевичъ Дмитріевъ, сынъ Николая Ивановича, младшаго брата автора Записокъ.

Къ стран.

277.

314. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, начальникъ главнаго штаба при императорѣ Александрѣ I, пользовавшійся особеннымъ его довѣріемъ.

315. Верстахъ въ 50-ти отъ Арзамаса находится имѣніе *Макателемы*, пожалованное Императоромъ Павломъ князю А. И. Вяземскому и послѣ его смерти поступившее во владѣніе Екатерины Андреевны Карамзиной. Теперь оно принадлежитъ второму сыну Карамзина, Александру Николаевичу, занимающему общественную должность въ Ардатовѣ, въ уѣздѣ котораго находится это имѣніе.

— Маркизъ Иванъ Ивановичъ де-Траверсе, министръ военныхъ морскихъ силъ.

278.

316. К. Г. — вѣроятно, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, тогдашній генералъ-губернаторъ московскій [Кн. В.].

— *Недавно я и С....*, — не Сперанскій ли?

279.

318. *Стихи пришлю*... См. выше, стр. 316.

280.

— Алексѣй Захаровичъ Хитровъ, — впослѣдствіи, при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, государственный контролеръ, а въ то время сенаторъ и дѣствительный камергеръ. Онъ былъ короткій пріятель Дмитріева и читалъ біографическую статью о послѣднемъ князя П. А. Вяземскаго (приложенную къ сочиненіямъ Дмитріева, изданнымъ въ 1823 году).

281.

320. Эта цензурная поправка находится въ стихотвореніи Ѳ. Н. Глинки «Земная грусть», посвященномъ В. К. К.

Къ стран.

320. (Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру); но оно напечатано не въ № 11 Благонамѣреннаго 1821 года, а въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія, ч. XVI, 1821, кн. 12, стр. 348—353. Поправка на стр. 352, въ стихѣ 14. Она надѣлала въ то время много шума и принадлежитъ цензору Бирукову [Л.]. Ошибка Карамзина произошла, по видимому, отъ того, что въ № 11 Благонамѣреннаго (стр. 186) есть также посланіе къ Кюхельбекеру (П. Теряева).

— Великая Княгиня Марья Павловна, супруга великаго герцога саксенъ-веймарскаго [Л.].

282.

321. Этотъ *Дистихъ* выражаетъ то же, что слѣдующая мысль, записанная Карамзинымъ по-французски вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, помѣченными 28 іюня 1825 года: «On dit que le bonheur sur la terre n'est qu'une *ombre*: il faut donc que le bonheur réel existe quelquepart, car il n'y a point *d'ombre sans objet*» («Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина», стр. 196).

283.

322. «Le Conservateur Impartial» — офиціальная газета, издававшаяся тогда въ Петербургѣ [Л].

— *Теперь читаю твою біографію*, т. е. статью, написанную княземъ Вяземскимъ: см. примѣч. къ письму 280, на предыдущей страницѣ.

284.

323. О Жуковскомъ см. выше, стр. 294.

— ...*наши литераторы жалуются на лѣнь.* Отъ вниманія Карамзина не ускользнула замашка тогдашнихъ русскихъ поэтовъ щеголять лѣнью, на что особенно мѣтко указано въ одной изъ статей г. Гаевскаго о Дельвигѣ (Современникъ 1853, т. XXXIX, Отд. 3, стр. 8 и слѣд.). Въ этомъ-то смыслѣ Карамзинъ и въ письмѣ къ Батюшкову сказалъ: «Сохрани васъ Богъ еще хвалить

Къ стран.

323. лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами» (Сочин. Карамзина, изд. Смирд., т. III, стр. 701).

— Подробная записка о дѣлѣ профессоровъ незадолго передъ тѣмъ возникшаго с. петербургскаго университета напечатана въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. росс. 1862, кн. III. См. также «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I», соч. профессора М. Сухомлинова, II, стр. 86—100, и приложенія къ этой статьѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1866 г.

— Дмитрій Павловичъ Руничъ, исправлявшій должность попечителя петербургскаго округа; дѣло о профессорахъ возникло вслѣдствіе его представленія (по внушенію Магницкаго) главному правленію училищъ, «что философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія» (тамъ же, стр. 90).

Шишковъ, во время своего министерства, видя вездѣ карбонаровъ и революціонеровъ, безпрестанно подавалъ проекты объ усиленіи строгости цензуры, возводилъ тяжкія вины на прежнее (голицынское) министерство просвѣщенія, и тѣмъ возбуждалъ въ Государѣ и въ Аракчеевѣ недовѣріе къ литературѣ вообще; обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ Записки Шишкова. Часть ихъ, относящаяся къ этому періоду его службы, напечатана въ 1862 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (въ 8-ю д. л., 150 стр.).

324. 4-е февраля было днемъ рожденія Великой Княгини Маріи Павловны, которая въ это время находилась въ Петербургѣ (см. стр. 320).

285.

324. Грефъ (Graeff)—петербургскій книгопродавецъ, торговавшій долгое время иностранными книгами.

— Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ, извѣстный, не-

Къ стран.

324. давно умершій дипломатъ, впослѣдствіи русскій посланникъ въ Константинополѣ и въ Римѣ.

325. Екатерина Петровна Левашева, дочь извѣстнаго уже при Екатеринѣ II Петра Васильевича Мятлева, женатаго на Прасковьѣ Ивановнѣ, дочери фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова. Мятлевъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ (Замѣтка кн. Вяземскаго въ Русск. Архивѣ 1866, №2, «Выдержки изъ старыхъ бумагъ остафьев. арх.», стр. 240). Екатерина Петровна—первая супруга бывшаго потомъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, графа Левашева.

286.

326. 18 марта 1822 года лицей, бывшій до тѣхъ поръ въ непосредственномъ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, высочайшимъ указомъ подчиненъ Великому Князю Константину Павловичу, и поступилъ въ управленіе главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ («Историческій очеркъ Лицея», соч. И. Селезнева, Спб. 1861, стр. 26).

287.

326. Николай Ѳедоровичъ Карамзинъ въ это время вышелъ изъ пажескаго корпуса для поступленія въ армію. Нынѣ онъ живетъ въ Бузулукѣ (самар. губ.), въ уѣздѣ котораго находится родовое имѣніе Карамзиныхъ, Михайловка, или Преображенское, о которомъ см. выше, стр. 451, статью П. Пекарскаго (Приложеніе V).

288.

328. P. H. Bruce. Memoirs containing an account of his travels in Germania, Russia etc. London, 1782. См. «Исторію царствованія Петра Великаго», соч. Н. Устрялова, т. VI, Спб. 1859, гл. X, стр. 291.

— Объ Ошанинѣ Карамзинъ спрашивалъ брата своего, Василія Михайловича, въ письмѣ отъ 16 января 1822 (Атеней 1858, № 28, стр. 111). Ср. выше, стр. 0102, примѣч. къ письму 214.

Къ стран.

289.

328. Николай Васильевичъ Смирновъ, женатый на родственницѣ Дмитріева, дочери Николая Аѳанасьевича Бекетова (Кн. В.).

329. ... *въ Китаѣ*, т. е. въ такъ называемой Китайской деревнѣ, составляющей особую группу домиковъ въ царскосельскомъ Александровскомъ паркѣ, построенную въ китайскомъ вкусѣ, какъ и нѣкоторыя другія зданія около этого мѣста. Дмитріевъ, гостившій здѣсь въ 1822 г., описываетъ Китайскую деревню въ своихъ Запискахъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 246 и 251).

— Дмитрій Павловичъ Татищевъ былъ долго русскимъ посломъ въ Вѣнѣ. [Л.].

— «Mémoires secrets et inédits de Stanislas Auguste, comte Poniatowski, dernier roi de Pologne,» изданы (но далеко не вполнѣ) въ 1862 году, въ Лейпцигѣ.

— Изъ письма 290 (стр. 331) видно, что автографъ Карамзина нуженъ былъ его другу для какого-то лондонскаго корреспондента.

— *Каковъ Орловъ?..* Рѣчь идетъ о графѣ Григорьѣ Владиміровичѣ Орловѣ, сенаторѣ и ученомъ, который, живя по большой части во Франціи и въ Италіи, въ 1822 году издалъ въ Парижѣ одно изъ французскихъ своихъ сочиненій, — «Essai sur l'histoire de la musique en Italie». Можетъ быть, тогда было уже извѣстно и другое замѣчательное предпріятіе его, — изданіе басенъ Крылова въ переводахъ и подражаніяхъ разныхъ писателей на французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Этотъ сборникъ, обратившій на себя большое вниманіе за границею, былъ напечатанъ въ Парижѣ, въ 1825 году. *Умникомъ въ Европѣ* Карамзинъ называетъ Орлова въ противоположность мнѣнію, господствовавшему о немъ въ Россіи. Будучи сенаторомъ съ 1812 года, Орловъ возвратился въ Россію только по воцареніи Императора Николая, но умеръ вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ 1826 г., отъ апоплексическаго удара въ

Къ стран.

329. засѣданіи сената (La France littéraire, par J.-M. Quérard, t. VI, Paris, 1836, p. 503, и Histoire intime de la Russie, par J.-H. Schnitzler, t. II, Paris, 1847, p. 441).

— Развитіе умственной болѣзни Батюшкова относится именно къ этому времени. Вмѣсто Кавказа онъ поѣхалъ въ Одессу купаться въ морѣ. Мнѣ случилось читать письмо, писанное оттуда въ апрѣлѣ 1823 г. Н. Перовскимъ къ извѣстному А. Н. Оленину. Въ этомъ письмѣ сказано, что помѣшательство Батюшкова началось въ апрѣлѣ 1822 г. Онъ былъ увѣренъ, что въ самомъ скоромъ времени долженъ умереть, и дѣлалъ разныя предсмертныя распоряженія, напр. просилъ Оленина выдать по 3.000 рубл. хозяину гостиницы, гдѣ онъ стоялъ, человѣку, который ему служилъ, и для того уполномочивалъ взять слѣдующее ему жалованье. Онъ покушался и на самоубійство, но за нимъ смотрѣли и помѣшали ему въ томъ; онъ спокойно возразилъ, что напрасно стараются спасти его, потому что способовъ прекратить свою жизнь много. Полагаютъ, что ближайшимъ поводомъ къ его сумасшествію было сдѣланное имъ открытіе, что существуетъ тайный заговоръ, въ которомъ участвуютъ ближайшіе друзья его (Муравьевы и др.): его смущала необходимость или выдать ихъ, или самому сдѣлаться преступникомъ. Оленинъ черезъ Нессельроде доложилъ о несчастной болѣзни Батюшкова Государю, который и уполномочилъ ихъ принять самыя энергическія мѣры для спасенія поэта. Но уже было поздно: вскорѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ безнадежномъ положеніи.

— Руничъ былъ тогда утвержденъ кураторомъ петербургскаго учебнаго округа (см. выше, стр. 0146).

— Жуковскій въ это время приступилъ къ переводу 2-й пѣсни Энеиды, изъ котораго отрывокъ и былъ читанъ, въ началѣ слѣдующаго (1823) года, въ торжественномъ годовомъ собраніи Россійской Академіи (см. ниже примѣч. къ письму 303, стр. 0155). Этотъ переводъ напечатанъ потомъ въ сочиненіяхъ Жуковскаго подъ заглавіемъ

Къ стран.

«Разрушеніе Трои» («Стихотворенія» его, изд. 1849 г., т. IV, стр. 67).

291.

331. Это и слѣдующія четыре письма или, вѣрнѣе, записки писаны во время пребыванія Дмитріева въ Петербургѣ. Друзья видѣлись тогда въ послѣдній разъ. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ довольно подробно говоритъ объ этомъ свиданіи, которымъ однакожъ онъ остался не совсѣмъ доволенъ, потому что почти вовсе не могъ быть съ своимъ старымъ другомъ безъ свидѣтелей. «Казалось», замѣчаетъ онъ, «будто мы встрѣчались все мимоходомъ. Дворъ, изрѣдка и слегка исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и сердце мое ни однажды не было спрошено его сердцемъ. Я увѣренъ былъ и тогда въ его любви, а чувствовалъ грусть и не могъ вполнѣ быть довольнымъ» («Взглядъ на мою жизнь», стр. 247).

296.

334. *Новый твой другъ*, т. е. меньшой сынъ Карамзина, Владиміръ.

335. Сергѣй Семеновичъ Уваровъ былъ назначенъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутр. торговли.

297.

— 30 августа 1822 г. родилась Великая Княгиня Ольга Николаевна.

— ... *или въ Арзамасъ*: см. примѣч. къ п. 277, стр. 0144.

336. «Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ и кто сидѣлъ впереди» (подраж. Соути), написана была Жуковскимъ еще въ 1814 году и ходила по рукамъ въ рукописи, а напечатана только въ 1831 году, въ «Балладахъ и повѣстяхъ» В. Жуковскаго, стр. 63 [Л.].

298.

337. «Кавказскій плѣнникъ» А. С. Пушкина въ первый разъ появился въ 1822 году [Л.].

Къ стран.

337. О выходкѣ Лабзина въ Академіи Художествъ ср. разсказъ покойнаго М. А. Дмитріева въ Русск. Архивѣ 1866, № 6, стр. 837.

299.

340. Статья Герена объ Исторіи Карамзина напечатана въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г., ч. IV, № 24, стр. 486 до 504. Это, по всей вѣроятности, тотъ самый переводъ, о которомъ говоритъ исторіографъ въ письмѣ къ Дмитріеву: Булгаринъ замѣчаетъ, что получилъ статью Герена въ переводѣ отъ одного почтеннаго литератора. «Одно только убѣжденіе», сказано въ ней, «что читатели сами знаютъ, чего они отъ насъ ожидать могутъ и чего не должны ожидать, могло заставить рецензента приступить къ сему разбору; болѣе же всего мысль, что окончательный приговоръ надъ такимъ твореніемъ, каково предлежащее, предоставленъ не столько современникамъ, сколько потомству. Мы увѣрены, что г. Карамзинъ можетъ ожидать сего приговора спокойно».

Подлинную статью см. въ Göttingische gelehrte Anzeigen 1822, т. II, № 133 и 134, стр. 1321.

300.

— «Чужеземное растѣніе» — одинъ изъ «Апологовъ въ четверостишіяхъ», изданныхъ Дмитріевымъ въ 1826, книга I, стр. 19:

«Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой? — Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ.»

341. Послѣ переданной въ письмѣ выходки Лабзина въ Академіи Художествъ (см. стр. 337) на другой же день онъ былъ позванъ къ генералъ-губернатору гр. Милорадовичу, который именемъ Государя требовалъ, чтобы онъ извинился у оскорбленнаго имъ лица (по разсказу М. Дмитріева, это былъ Гурьевъ). «Лабзинъ отказался. Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока Государь

Къ стран.

341. былъ въ Петербургѣ, но по отъѣздѣ его въ чужіе краи» (на веронскій конгрессъ), «вслѣдъ за нимъ послано было донесеніе о Лабзинѣ. Какъ это было представлено, неизвѣстно; но его велѣно было сослать симбирской губерніи въ городъ Сенгилей» (Русск. Архивъ 1866, № 6, «Воспоминаніе о Лабзинѣ» М. А. Дмитріева, стр. 838).

— Павелъ Александровичъ Катенинъ, извѣстный литераторъ и поэтъ, высланъ былъ изъ Петербурга за шумъ въ театрѣ: въ присутствіи Великой Княгини Александры Өеодоровны онъ шикалъ трагической актрисѣ Катеринѣ Семеновнѣ Семеновой, бывшей за мужемъ за княземъ Иваномъ Александровичемъ Гагаринымъ. Онъ отправился потомъ въ свою костромскую деревню [Л.].

— O'Meara (Barry Edward), Ирландецъ, бывшій хирургомъ при Наполеонѣ на островѣ Св. Елены, издалъ нѣсколько сборниковъ, относящихся къ знаменитому его паціенту. Въ 1822 году появилась новая его книга, тогда же изданная два раза и во французскомъ переводѣ: «Napoléon en exil, ou l'Echo de Sainte-Hélène; ouvrage contenant les opinions et les réflexions de Napoléon sur les événements les plus importants de sa vie. Paris, 1822, 2 vol.»

301.

342. ...*ты снова привѣтствуешь Музъ*. Дмитріевъ писалъ въ это время «Апологи въ четверостишіяхъ»; они изданы были въ Москвѣ, въ 1826. Послѣ этого, до сего времени, изъ сочиненій Дмитріева перепеч. были только его «Басни и Апологи», въ Москвѣ въ 1838 году [Л.].

— Извѣстно, что Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ были тѣ изъ числа членовъ «Арзамаса», которые болѣе всѣхъ смѣялись надъ Шишковскою «Бесѣдою».—«Аристофанъ, или представленіе комедіи Всадники», соч. князя Александра Александровича Шаховскаго; онъ писалъ ее очень долго и напечаталъ въ 1827 году. — Александръ Өеодоровичъ Воейковъ писалъ долго дидактическую по-

Къ стран.

342. эму «Искусства и Науки», изъ которой отрывокъ о Ломоносовѣ и собирался читать [Л.].

— ...*Въ Сѣверномъ Архивѣ мой новой неблагопріятель.* Это Лелевель. Въ 1-й декабрской книжкѣ Сѣвернаго Архива, подъ рубрикою «Критика», явилась статья: «Разсмотрѣніе Исторіи Государства Россійскаго г. Карамзина». Въ краткомъ предисловіи подъ особымъ заглавіемъ: *Къ читателямъ, отъ издателя Сѣвернаго Архива*, Булгаринъ распространяется о пріятности для знаменитаго писателя найти себѣ истинно ученаго и основательнаго критика, а за тѣмъ на 5 страницахъ излагаетъ біографію и заслуги Лелевеля. Далѣе идетъ самый разборъ послѣдняго, подъ заглавіемъ: «*Введеніе. Замѣчаніе на предисловіе къ Исторіи. Цѣль критики на все сочиненіе*». Чтобы дать понятіе о направленіи всего разбора, выпишу только слѣдующія строки изъ окончанія его: «Можетъ быть, мы слишкомъ распространились въ изложеніи нашего мнѣнія о нѣкоторыхъ мысляхъ почтеннаго Исторіографа въ его предисловіи, касательно униженныхъ имъ писателей и событій древности. Намъ показались неправильными его сужденія о томъ, какимъ образомъ надлежитъ изображать въ Исторіи происшествія; равнымъ образомъ понятія его объ Исторіи, и мнѣніе о приданіи ей занимательности не согласуются съ нашимъ образомъ мыслей о сихъ предметахъ» (Сѣверн. Архивъ 1822, ч. IV, № 23, стр. 432). Вѣроятно, чтобы поправить впечатлѣніе, произведенное этой критикой, Булгаринъ въ слѣдующей книжкѣ своего журнала помѣстилъ, «въ доказательство своего совершеннаго безпристрастія», переводъ статьи Герена объ Исторіи Г. Р. (см. стр. 0151).

302.

343. Балашевъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ тульскимъ, рязанскимъ, орловскимъ, тамбовскимъ и воронежскимъ [Л.].

— Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, попечитель московскаго учебнаго округа.

Къ стран.

344. Дмитрій Осиповичъ Барановъ, сенаторъ въ 1-мъ департаментѣ Сената.

303.

344. Московскій пожаръ былъ 13 января 1823 г., въ день рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны, во время бала у князя Д. В. Голицына въ генералъ-губернаторскомъ домѣ (на Тверской площади), который и сдѣлался жертвою пламени.

— «Подражаніе псалму 136» Дмитріева было напечатано уже послѣ въ альманахѣ Дельвига «Сѣверные Цвѣты» 1826, стр. 10 [Л.].

345. *Обозрѣніе Русской Литературы написано какъ бы на смѣхъ...* Здѣсь разумѣется «Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи» Александра Бестужева, открывающій Полярную Звѣзду, альманахъ на 1823 годъ. Слова Карамзина конечно относятся въ особенности къ искусственному, цвѣтистому слогу автора, а также и къ нѣкоторымъ парадоксамъ и противорѣчіямъ его. Наприм.: Бестужевъ приписываетъ скудость русской литературы холодному климату, что̀, какъ извѣстно, было совершенно противно убѣжденію Карамзина. О немъ самомъ критикъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «...блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ потопа. Онъ преобразовалъ книжный языкъ Рускій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ писателей и невѣждъ переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма, отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице. Время разсудитъ Карамзина какъ Историка; но долгъ правды и благодарности современниковъ вѣнчаетъ сего краснорѣчиваго писателя, который своимъ прелестнымъ, цвѣтущимъ слогомъ сдѣлалъ рѣшительный переворотъ въ Рускомъ языкѣ, на лучшее. Легкія стихотворенія Карамзина ознаменованы

Къ стран.

345. чувствомъ: они извлекаютъ невольный вздохъ изъ сердца дѣвственнаго, и слезу изъ тѣхъ, которыя все испытали (Род. 1765)».—Въ то же время Бестужевъ говоритъ о Шишковѣ: «Писатель прозаическій. Начатки его ознаменованы легкостью слога. Бездѣлки, написанныя имъ для дѣтей, могутъ служить образцами въ семъ родѣ. Въ послѣдствіи, когда слезливыя полу-Рускія Іереміады наводнили нашу Словесность, онъ сильно и справедливо возсталъ противу сей новизны въ полемической книгѣ *О старомъ и новомъ слогѣ.* Теперь онъ тщательно занимается родословною Рускихъ нарѣчій и рѣченій, и доводами о превосходствѣ языка Славянскаго надъ нынѣшнимъ Рускимъ (Р. 1754)». Далѣе съ похвалою же говорится о Шатровѣ и князѣ Шихматовѣ.

— Публичное собраніе Россійской Академіи было 14 января 1823 года, въ воскресенье. Академики заняли мѣста за круглымъ столомъ: въ срединѣ сѣлъ президентъ Шишковъ, направо Карамзинъ, митрополитъ Сестренцевичъ и т. д., а налѣво непремѣнный секретарь Соколовъ, потомъ Гнѣдичъ, Крыловъ, Жуковскій и проч. Противъ нихъ, съ другой стороны стола, расположились: министръ кн. А. Н. Голицынъ и почетные члены Академіи—Аракчеевъ, Кочубей, Мордвиновъ, Сперанскій, Лобановъ-Ростовскій, Милорадовичъ и Сарычевъ. Секретарь открылъ засѣданіе чтеніемъ отчета. Какъ скоро Карамзинъ взялъ въ руки тетрадь, воцарилось глубокое молчаніе, и во все время его чтенія не слышно было ни малѣйшаго шороха. Онъ читалъ разсказъ о убіеніи царевича Димитрія и о вступленіи Годунова на царство, съ изображеніемъ характера властолюбца и средствъ, употребленныхъ имъ для достиженія цѣли. Потомъ читаны отрывки: Гнѣдичемъ — изъ 2-й пѣсни Энеиды, переведенной Жуковскимъ, и изъ поэмы Воейкова: Искусства и науки (эпизодъ о Ломоносовѣ), Соколовымъ — изъ Тита Ливія, разсказъ о взятіи Рима Галлами. Дошедши до *гусей*, ораторъ украдкою взглянулъ на Кры-

Къ стран.

345. лова и вызвалъ у него улыбку, которая мгновенно пробѣжала по всему собранію. Шаховской заключилъ чтенія отрывкомъ изъ своего «Аристофана». Наконецъ, при всеобщемъ рукоплесканіи, поднесена была золотая медаль Крылову (изъ Воспоминаній К. С. Сербиновича и изъ подлинныхъ протоколовъ Росс. Ак). О П. И. Соколовѣ, см. въ Запискахъ Ак. Н., т. VII, кн. III, стр. 306.

304.

345. Въ одно время съ Крыловымъ, и Дмитріеву присуждена Рос. Академіею большая золотая медаль, отданная секретарю Акад. Соколову для отправленія въ Москву.

305.

347. Николай Ѳедоровичъ Грамматинъ, меньшой товарищъ Жуковскаго по университетскому пансіону, помѣстившій много опытовъ въ его ученическомъ изданіи: Утренняя Заря, впослѣдствіи извѣстный литераторъ и директоръ костромской гимназіи. Въ 1823 году онъ издалъ въ Москвѣ свое переложеніе слова о полку Игоревѣ съ примѣчаніями и критическимъ разсужденіемъ. Объ этой-то книгѣ, посвященной Елисаветѣ Алексѣевнѣ, конечно и говоритъ Карамзинъ: она цензирована еще въ сентябрѣ 1822 г. и могла быть отпечатана въ началѣ 1823.

307.

349. Кн. Яковъ Иван. Лобановъ-Ростовскій, бывшій генералъ-губернаторъ Малороссіи (1808—1816), въ это время членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель департамента законовъ, впослѣдствіи оберъ-камергеръ; — пріятель князя А. И. Вяземскаго, умный и веселый шутникъ.

— Баронъ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ, въ то время государственный контролеръ, «который съ твердымъ характеромъ и умомъ холоднымъ и сухимъ, но весьма обширнымъ, соединялъ старинную, добросовѣстную нѣмецкую ученость и неутомимость въ тру-

Къ стран.

349. дахъ» («Жизнь графа Сперанскаго», соч. барона М. Корфа, т. I, стр. 97).

— Министромъ финансовъ тогда былъ еще графъ Гурьевъ, но уже начинали говорить объ увольненіи его: 26 апрѣля Карамзинъ писалъ къ брату объ этомъ слухѣ и прибавлялъ: «на его мѣсто опредѣленъ въ Министры Финансовъ, какъ слышно, Канкринъ, членъ Совѣта; но указъ еще не вышелъ» (Атеней 1858, № 28, стр. 112).

308.

350. Это письмо писано въ тотъ же день, какъ упомянутое въ предыдущемъ примѣчаніи письмо къ Василію Михайловичу Карамзину. Егоръ Францовичъ Канкринъ дѣйствительно вскорѣ назначенъ преемникомъ Гурьева.

309.

351. Приведенныя Карамзинымъ слова изъ Руссò повторены въ послѣднемъ его письмѣ къ графу Каподистріи. Жуковскій перевелъ ихъ такъ: «засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи». («Неизд. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 134, и соч. Жуковскаго, т. VI, стр. 347). Подлинныя слова Руссò: «Qui s'endort dans le sein d'un père, n'est pas en souci du réveil» находятся въ «Nouvelle Héloïse, 6-me patrie; lettre XI, M. de Wolmar à St. Preux».

352. Книга Гургò (см. выше, стр. 0121) и Монтолона (Montholon) издана въ Парижѣ, въ 1822 году, подъ заглавіемъ: Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivitè, et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon».

— Книжка: «La Vérité sur l'incendie de Moscou. Par le Comte Rostopchine» (8, въ три листа), вышла въ Парижѣ въ 1822 году. Замѣчательную характеристику автора ея и отзывъ о самой книжкѣ можно найти въ «Denkwürdigkeiten und Vermischte Schriften» Варнгагена фонъ-Энзе (ч. VI, 1842).

Къ стран.

354. Николай Ивановичъ Огаревъ, сенаторъ.

— «Стихотворенія И. И. Дмитріева, изданіе 6, исправленное и уменьшенное», Спб. 1823; 2 части. Здѣсь выпущено 100 стихотвореній изъ числа помѣщенныхъ въ 5 изданіи, 1818 года [Л.].

310.

354. Къ брату своему Карамзинъ 6 августа 1823 писалъ объ этой болѣзни: «Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ этой горячки, которая, видно, давно во мнѣ готовилась, хотя и не чувствительно: ибо я въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ» и проч. (Атеней 1858, № 28, стр. 112).

311.

355. Остафьевскій праздникъ: 29 іюня Петровъ день, а 12-го іюля день рожденія князя П. А. Вяземскаго. Послѣдующія слова относятся къ тому, что передъ тѣмъ, при подобномъ случаѣ, когда Дмитріевъ былъ въ Остафьевѣ, паромъ, на которомъ переправлялось черезъ рѣку большое общество, отъ тяжести и сильнаго волненія былъ залитъ водою и едва достигъ благополучно берега.

356. Петергофскій праздникъ бывалъ обыкновенно 22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы Маріи Θеодоровны.

— Благодарность Императрицамъ изъявлялъ Карамзинъ за ихъ вниманіе къ нему во время его болѣзни.

— *Журналъ Ласъ-Казаса* и проч. Ласъ-Казасомъ здѣсь ошибочно названъ Ласъ-Казъ (le comte de Las-Cases), принадлежавшій къ фамиліи испанскаго происхожденія, занимавшій разныя значительныя должности при Наполеонѣ и бывшій однимъ изъ четырехъ сотоварищей его въ изгнаніи. Ему приписывается извѣстный «Историческій атласъ Лесажа». Въ 1823 онъ началъ изданіе, оконченное въ слѣдующемъ году: «Mémorial de Sainte-Hélè-

Къ стран.

356. ne, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, tout ce qu'a dit et fait Napoléon durant XVIII mois».

— Въ 1823 году явились романы Вальтеръ-Скотта: Peveril of the peak; Quentin Durward и St. Ronan's well.

— Герцогиня Ангулемская Марія-Тереза-Шарлотта, дочь Людовика XVI, составила записки, изданныя въ 1817 и 1823 г. Послѣднее изданіе явилось подъ заглавіемъ: «Relation des événements arrivés au Temple, depuis le 13 août 1792 jusqu'à la mort du dauphin Louis XVII».

— *Mémoires sur l'Angleterre.* Этимъ сокращеннымъ названіемъ Карамзинъ, вѣроятно, означаетъ изданіе, которое съ начала 1823 года выходило въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Collection des Mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre, accompagnée de notices et d'éclaircissements historiques et précédée d'une Introduction sur l'histoire de la révolution d'Angleterre par Guizot». Въ собраніе это вошли: Mémoires de sir Philippe Warwick, de Fairfax, de sir Thomas Herbert, de Hollis, de Huntington, de Mistress Hutchinson, de Lord Clarendon и др. Все это появлялось выпусками въ теченіе 1823 года.

312.

357. «Государь 16-го августа ѣдетъ въ Москву, въ Нижнія Губерніи и въ армію для ея осмотра, и возвратится къ Ноябрю» (Атеней 1858, № 28, «Переписка Н. М. Карамзина», стр. 113).

— Елисавета Сергѣевна Огарева, рожденная Новосильцева, племянница графа Николая Николаевича Новосильцева, нынѣ вдова Н. И. Огарева (см. выше, стр. 0157, примѣч. къ п. 309), извѣстная умомъ, прелестью, любезностью и воспѣтая кн. Вяземскимъ, а позднѣе и Пушкинымъ.

314.

358. И. И. Дмитріевъ, по собственному его показанію, родился 10 сентября 1760. Вѣроятно, Карамзинъ тутъ сбивается и принимаетъ 26 сентября, день ангела Дмитріе-

Къ стран.

358. ва, за день его рожденія. Въ «Словарѣ достопамятныхъ русскихъ людей» Бантышъ-Каменскаго, Спб. 1847, днемъ рожденія Дмитріева показано 10 октября.

— Ирина Ивановна Бекетова, мать Балашевой и извѣстныхъ братьевъ, Платона и Ивана Петровичей Бекетовыхъ (см. стр. 07). Катерина Петровна Кушникова — сестра ихъ. Послѣдняя лишилась въ это время дочери, какъ видно изъ письма 316, стр. 363.

— *Историческія Записки* И. И. Дмитріева, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на мою жизнь», изданы племянникомъ его М. А. Дмитріевымъ въ Москвѣ, въ 1866 году, съ примѣчаніями М. Н. Логинова. При жизни своей авторъ этихъ Записокъ сообщилъ ихъ въ трехъ спискахъ: Д. Н. Блудову, Д. В. Дашкову и князю П. А. Вяземскому. Отрывки изъ нихъ были уже напечатаны въ Москвитянинѣ: относящіеся къ Карамзину въ 1841 (ч. I, стр. 30), и въ 1844 г. (ч. I, стр. 241), а относящіеся къ Державину въ 1842 (ч. II, стр. 149); сверхъ того въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860, № 1, «Соврем. Лѣт.», стр. 27.

359. *Главная наша деревня сгорѣла*, — арзамасское имѣніе. Этимъ несчастіемъ Карамзинъ лишился шести тысячъ дохода (Атеней 1858, № 28, стр. 113).

— Великая Княгиня Елена Павловна, до замужства принцесса Шарлотта, дочь виртембергскаго принца Павла, была тогда невѣстою. 1-го декабря 1823 Карамзинъ писалъ къ своему брату: «Здѣсь всѣ готовятся къ праздникамъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Михаила Павловича. Невѣста прелюбезная» (тамъ же).

315.

361. Въ письмѣ 1-го декабря 1823 къ В. М. Карамзину сказано: «Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10-го и 11-го. Хорошо, если они такъ же разойдутся какъ 9-й томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія это могло бы поправить и наши экономическія обстоятельства» (тамъ же).

Къ стран.

361. Графиня Екатерина Петровна Растопчина, рожденная Протасова. По ней Карамзинъ, женатый въ первомъ бракѣ также на Протасовой, былъ въ родствѣ съ супругомъ Екатерины Петровны, графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ.

362. Дѣло о Волынскомъ было доставлено Карамзину, съ разрѣшенія Государя, княземъ А. Н. Голицынымъ изъ подвѣдомственнаго ему же архива Кабинета Его Величества. Оно было возвращено туда въ маѣ 1824 г. чрезъ посредство К. С. Сербиновича.

316.

362. Старшая сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Луиза (род. $^{2}/_{13}$ іюля 1776) скончалась въ монашескомъ званіи, въ Кведлинбургѣ, $^{14}/_{26}$ октября 1823 года. Онѣ были баденскія принцессы, дочери наслѣднаго принца Карла Лудвига (р. 1755, ум. 1801),

— *Принцесса Шарлотта*. См. выше, примѣч. къ письму 314, стр. 0160.

318.

365. *Я видѣлся и плакалъ съ А. Д. Балашовымъ. Теперь слезы въ семействѣ Бѣлосельскихъ.* Въ это время умерла дочь А. Д. Балашова, княгиня Анна Александровна Волконская, и скончалась Елизавета Александровна Чернышева, рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская, вторая супруга Александра Ивановича Чернышева, впослѣдствіи князя и предсѣдателя Государственнаго Совѣта [Л.].

366. Объ изданіи сочиненій Дмитріева въ 1823 г. см. примѣч. къ письму 309, стр. 0158.

319.

366. «Пѣтухъ, котъ и мышенокъ», басня, заимствованная Дмитріевымъ у Лафонтена и напечатанная въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1802, ч. VI, № 22, стр. 134.

Къ стран.

366. Тогда, и во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ ея, былъ въ ней стихъ: «Пѣтухъ, смиренный куръ любитель»; а въ 6-мъ изданіи, 1823 года, по совѣту графа С. П. Румянцова, поставлено: «Пѣтухъ, миролюбивый житель» [Л.].

— Вильи, sir James Wyllie, лейбъ-медикъ Императора Александра I, сопровождавшій его въ Таганрогъ.

320.

367. Манжень, учитель И. И. Дмитріева; Ѳедоръ Ильичъ Козлятевъ, сослуживецъ его въ семеновскомъ полку; Карамзинъ говорилъ о Козлятевѣ: «Это такой человѣкъ, что я за версту сниму передъ нимъ шляпу» («Взглядъ на мою жизнь», стр. 12, 36, 47, 158).

368. О Лелевелѣ см. примѣч. къ письму 301, стр. 0153.

321.

369. Томы X и XI И. Г. Р. изданы Слѣнинымъ въ 1824 году [Л.].

— Графиня Елисавета Ѳедоровна Растопчина, дочь графа Ѳедора Васильевича, скончалась въ дѣвицахъ, на 18-мъ году отъ рожденія, 1 марта 1824 [Л.].

— Супруга герцога виртембергскаго Александра Фридриха, брата императрицы Маріи Ѳедоровны, состоявшаго въ русской службѣ, Антонія Эрнестина Амалія, дочь герцога саксенъ-кобургскаго.

322.

370. *Вотъ сюрпризъ.* Карамзинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. — «Куликомъ» названъ здѣсь Павелъ Петровичъ Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, получившій это прозваніе отъ дѣйствующаго лица написанной на него А. Е. Измайловымъ сказки «Лгунъ», напечатанной въ Полярной Звѣздѣ 1824, стр. 190 [Л.].

— Николай Евгеньевичъ Кашкинъ, сенаторъ.

Къ стран.

370. «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина напечатанъ былъ княземъ Вяземскимъ, съ предисловіемъ издателя, въ Москвѣ, въ 1824 году [Л].

324.

372. О Владимірѣ Васильевичѣ Измайловѣ, авторѣ «Путешествія въ Полуденную Россію», М. 1800, Карамзинъ въ томъ же году говорилъ Каменеву: «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно, — онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ» («Вчера и Сегодня», литер. сборникъ гр. Соллогуба, кн. I, Спб. 1845, статья Н. Второва: «Гаврила Петровичъ Каменевъ».)

— Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ до того директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ. См. относящіяся къ этому предмету письма Карамзина къ самому Тургеневу въ Москвитянинѣ 1855 года, № 23 и 24, стр. 180 и слѣд.

— Братья, о ссорѣ которыхъ рѣчь идетъ, были Бекетовы.

326.

375. Появленіе саранчи лѣтомъ 1824 года памятно по значенію, какое оно имѣло для А. С. Пушкина, о чемъ см. Русскій Архивъ 1866 г., № 10, «Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди», стр. 1478.

— Къ чести Шишкова служитъ, что и онъ, не смотря на литературное предубѣжденіе противъ Карамзина, сразу оцѣнилъ его какъ человѣка. Послѣ перваго же свиданія съ исторіографомъ онъ сознавался, что пораженъ былъ скромностію и благородствомъ открытаго его обращенія и почувствовалъ полное къ нему довѣріе [С.].

327.

376. Шишковъ въ Запискахъ своихъ сообщаетъ запросъ, полученный имъ отъ графа Аракчеева вслѣдствіе хода-

Къ стран.

376. таиства Карамзина за Измайлова, а также и свой отвѣтъ на это письмо. Недовольный тѣмъ, что дѣло начато мимо его, министръ отозвался объ Измайловѣ съ явнымъ недоброжелательствомъ, прибавивъ, что и самъ онъ иначе представить не осмѣлится, «какъ по оцѣнкѣ трудовъ писателя въ Россійской Академіи и въ Правленіи Училищъ. Инымъ образомъ таковыя награды могутъ, вмѣсто снисканія, ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиваніе и угожденіе». Запросъ подписанъ 15 августа, а отвѣтъ 20 того же мѣсяца 1824 («Записки адмирала А. С. Шишкова», стр. 20).

— *Царь поѣхалъ отъ насъ*... Александръ Павловичъ 16 августа отправился въ восточныя губерніи. «Спѣшу извѣстить васъ», писалъ Карамзинъ къ брату, «что Государь будетъ въ Симбирскѣ 5-го Сентября и что Онъ желаетъ васъ видѣть: прощаясь со мною, сказалъ: *Что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня*». (Атеней 1858, № 28, стр. 115). Государь возвратился въ Царское Село 23 октября.

377. Изъ Твери императрица Екатерина II, въ 1767 году, прибыла водою прямо въ Казань, а оттуда отправилась въ Симбирскъ и на пути въ этотъ городъ осмотрѣла развалины Болгаръ («Краткая исторія города Казани», соч. М. Рыбушкина. Казань, 1842, ч. I, стр. 132). Карамзинъ, спрашивая: *на пути ли въ Казань или изъ Казани Екатерина II была въ Симбирскѣ*, какъ будто представляетъ себѣ, что послѣдній изъ этихъ городовъ лежитъ выше перваго по теченію Волги.

328.

— Случай, упоминаемый Карамзинымъ, описанъ во «Взглядѣ на мою жизнь» Дмитріева, стр. 125—131. Въ началѣ царствованія императора Павла Дмитріевъ и сослуживецъ его по семеновскому полку Лихачевъ были позваны къ Государю и отданы имъ самимъ подъ стра-

Къ стран.

377. жу, по доносу, обвинявшему ихъ въ злоумышленіи на жизнь Монарха. Они пробыли подъ арестомъ три дня, пока не открылась ихъ невинность, что̀ опять было имъ объявлено во дворцѣ самимъ Императоромъ во время торжественнаго пріема (ср. выше стр. 041, примѣч. къ письму 67).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ подлинной тетради, помѣщенъ автографъ замѣтки Карамзина о Сильвестрѣ Кулябкѣ, напечатанной въ «Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ».

329.

— Объ ошибкѣ Тургенева на счетъ экземпляра Маржерета Карамзинъ въ тотъ же день писалъ къ самому Александру Ивановичу: «. . . А теперь начну бранить васъ нещадно: какъ можно было взвести на меня небылицу? сказать Ивану Ивановичу, будто бы вы, уже мѣсяца за три передъ симъ, отдали мнѣ Маржерета для пересылки къ нему? Не я ваше, а вы мое обыкновенно пересылали въ Москву. Вашъ Маржеретъ изъ моихъ рукъ былъ въ рукахъ у Лаваль и къ вамъ возвратился: болѣе ничего не знаю, и прошу примирить двухъ старыхъ друзей искреннею повинною въ шалости вашего воображенія» (Русскій Архивъ 1866, № 4, «Письма къ А. И. Тургеневу», ст. 657).

379. Вѣроятно, князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, бывшій нашъ посланникъ въ Мюнхенѣ и въ Римѣ [Кн. В].

— Княгиня Анна Михайловна Прозоровская, рожденная княжна Волконская, статсъ-дама, супруга фельдмаршала князя Александра Александровича [Л.].

380. «Mériter le bonheur vaut encore mieux que d'être heureux» («Неизд. соч. и переписка» Карамзина, «Разныя мысли», стр. 196).

331.

382. Яковъ Александровичъ Дружининъ управлялъ тогда канцеляріей министра финансовъ [Л.]. Въ послѣдніе го-

Къ стран.

382. ды царствованія Екатерины II онъ служилъ при Николаѣ Николаевичѣ Новосильцевѣ, бывшемъ «при особо порученныхъ отъ Ея Величества дѣлахъ»; по смерти Государыни, нашедши въ ея кабинетѣ Остроміровo евангеліе, Дружининъ представилъ эту рукопись Императору Александру I, по повелѣнію котораго она была передана въ Публичную Библіотеку. Въ царствованіе Николая I, Я. А. Дружининъ былъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли; отецъ его, Александръ Васильевичъ, служилъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ лирикомъ Петровымъ при собственной библіотекѣ императрицы Екатерины II.

333.

383. Подъ *ужасами петербургскими* Карамзинъ разумѣетъ наводненіе 7 ноября 1824 года.

334.

384. Өедоръ Петровичъ Уваровъ, командиръ гвардейскаго корпуса, бывшій уже въ 1812 г. генераломъ и участвовавшій въ бородинской битвѣ.

335.

385. 1 декабря, день рожденія Карамзина, праздновался въ Москвѣ его друзьями. — Графиня Александра Григорьевна Лаваль, рожденная Козицкая [Л.].

386. Это письмо Императора Александра I, какъ и вся переписка его съ исторіографомъ, напечатана въ «Неизданныхъ сочиненіяхъ» и проч. Карамзина, стр. 25—36.

— Фуше, герцогъ отрантскій, былъ министромъ полиціи при Наполеонѣ. Записки подъ его именемъ, «Mémoires de Fouché», появились уже въ 1821 году. Онѣ признаны подложными; но свѣдѣнія, въ нихъ сообщаемыя, заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ. «Les Mémoires publiés sous le nom de Fouché sont apocryphes: ils ont été rédigés par M. Alph. de Beauchamp sur des notes

Къ стран.

386. de M. Jullian» («La France littéraire, par J.-M. Quérard, t. III, Paris, 1829, p. 173).

— Книга Медвина (Th. Medwin): «Journal of the conversations of lord Byron» и проч., изданная 1824 г. въ Парижѣ, появилась въ томъ же году въ двухъ французскихъ переводахъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ такое заглавіе: «Conversations de lord Byron, ou mémorial d'un séjour à Pise auprès de lord Byron, contenant des anecdotes curieuses sur le noble lord, publiées en français avec des notes. Par A. P. (Pichot).» (Тамъ же, т. VI, 1834, стр. 13).

337.

389. *...выпискою изъ Таліи и Московскихъ газетъ, о мракѣ освѣщающемъ и знаменитыхъ жеребцахъ.* Поводомъ къ этому сопоставленію было то, что въ № 4 Московскихъ Вѣдомостей 1825 г. (янв. 14) извѣстіе о выходѣ альманаха Булгарина «Талія» находилось рядомъ съ особенно многочисленными на этотъ разъ объявленіями о продающихся жеребцахъ. Вѣроятно, Дмитріевъ сообщилъ Карамзину самое курьезное изъ этихъ объявленій, тѣмъ болѣе, что оно упоминало о Мценскѣ, въ уѣздѣ котораго было имѣніе Николая Михайловича. Это объявленіе имѣло такую редакцію: «Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда въ селѣ Черемошахъ, отъ Мценска въ 20-ти верстахъ, назначаются къ приплоду два англійскіе выписные жеребца: 1-й, вновь приведенный, Сентъ-Патрикъ, гнѣдой, безъ примѣси, ростомъ 2 аршина 4½ вершка, отличной красоты, 8 лѣтъ; 2-й, Гареспексъ, рыжій, безъ примѣтъ, 9-ти лѣтъ» и проч.

Альманахъ, о которомъ рѣчь идетъ, вышелъ подъ заглавіемъ: «Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ. Издалъ Ѳаддей Булгаринъ». Онъ начинается статьею г. Греча: «Историческій взглядъ на русскій театръ, до начала XIX-го столѣтія». Въ приложеніяхъ къ этой статьѣ,

Къ стран.

389. въ біографіи актера Нарыкова (т. е. Дмитревскаго), есть слѣдующая выписка изъ статьи П. И. Сумарокова о русскомъ театрѣ, помѣщенной въ №№ 32 и 35 Отечественныхъ Записокъ: «въ Димитріи Самозванцѣ онъ являлся глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ и закрытымъ мантіею: симъ *мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ*, такъ сказать, *темныя мысли перваго монолога*» (Русск. Талія, стр. 43).

Павелъ Ивановичъ Сумароковъ былъ въ то время сенаторомъ. Въ сенатѣ разсматривалось тогда цензурное дѣло о книгѣ Госнера: мнѣніе Сумарокова по этому дѣлу см. въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1859 г., кн. IV; подробности, относящіяся ко всему ходу дѣла, — въ Запискахъ Шишкова. Этотъ Сумароковъ напечаталъ: «Досуги крымскаго судьи», 2 тома, 1803, и «Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія», 3 части, 1832.

— XII-й томъ И. Г. Р. изданъ уже послѣ смерти Карамзина въ 1829 году Д. Н. Блудовымъ, котораго самъ исторіографъ просилъ о томъ.

338.

390. Анна Гавриловна, жена московскаго сенатора Николая Евгеніевича Кашкина.

— Александръ Сергѣевичъ Власовъ, женатый на княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской, сестрѣ извѣстной княгини Зинаиды Волконской. Власовъ былъ библіофилъ и собиратель рѣдкостей [Л.].

391. ...*о нападкахъ Булгарина.* Первыя книжки Сѣвернаго Архива за 1825 годъ содержатъ въ отдѣлѣ критики рядъ статей Булгарина подъ заглавіемъ: «Критическій взглядъ на X и XI томы Исторіи Государства Россійскаго, сочиненной Н. М. Карамзинымъ». (С. О., ч. XIII, № 1, стр. 60—84; № 2, стр. 182—201; № 3, стр. 271—278, и т. д.). Главная тема первой статьи ясно видна изъ слѣдующихъ словъ ея: «Почтенный исторіографъ

Къ стран.

391. употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы представить Бориса Годунова умнымъ злодѣемъ на престолѣ: не только дѣла его, но и самыя чувствованія приписываетъ исторіографъ дурнымъ началамъ. При всемъ томъ краснорѣчивыя порицанія историка не затмѣваютъ великихъ дѣлъ Годунова; выходки противъ его правленія и характера блестящи, но слабы и недостаточны: постараемся вкратцѣ разобрать это».

339.

392. Сюда относится письмо Карамзина къ С. Н. Глинкѣ, напечатанное выше (стр. 441) въ приложеніи III.

340.

393. Молодой Лаваль застрѣлился въ деревнѣ [Кн. В.].

— Евгеній Болховитиновъ, съ 1822 года митрополитъ кіевскій; по указу 19 декабря того же года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ синодѣ.

342 и 343.

395. Михаилъ Петровичъ Погодинъ (род. 1800) напечаталъ свою магистерскую диссертацію «О происхожденіи Руси» въ Москвѣ 1825 года и послалъ ее Карамзину черезъ Дмитріева [Л.]. Трудъ этотъ былъ посвященъ исторіографу и отправленъ къ нему при письмѣ, которое начиналось такъ: «У васъ началъ я учиться добру, языку и исторіи; позвольте же посвятить вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой...» — Вотъ отвѣтъ Карамзина: «Милостивый Государь Михаилъ Петровичъ! Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ

Къ стран.

395. почтеніемъ имѣю честь быть» и проч. 25 Апрѣля 1825 («Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Москов. университета», М. 1855, ч. II, стр. 240).

344.

397. Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ [Л.]. Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (ум. 1805), при Екатеринѣ II президентъ коммерцъ-коллегіи, при Александрѣ I государственный канцлеръ.

— Сутерландъ, придворный банкиръ, о которомъ часто упоминается въ Запискахъ Державина; онъ пользовался благоволеніемъ Екатерины II, по словамъ Сегюра, который разсказываетъ забавный анекдотъ о посѣщеніи его оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣевымъ (Mémoires de Ségur, Paris, 1843, стр. 484).

398. Ѳедоръ Павловичъ Врониченко, впослѣдствіи при Императорѣ Николаѣ графъ и министръ финансовъ.

— Егоръ Францовичъ Канкринъ, преемникъ Гурьева по управленію министерствомъ финансовъ. См. «Очеркъ жизни и государств. дѣятельности гр. Канкрина», Спб. 1866 года.

345.

399. Въ 1825 г. Вальтеръ Скоттъ издалъ «Tales of the Crusaders», состоявшіе изъ двухъ романовъ: «The betrothed» (Обрученные) и «The talisman», которые тогда же появились во французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Histoire du temps des Croisades (Première et seconde séries: le Connétable de Chester et Richard en Palestine). Trad. de l'angl. par M. A. J.-B. Defauconpret. Paris, 1825, 6 vol.» («La France littéraire, par J. M. Quérard. T. VIII. Paris, 1836, p. 571).

400. ...*товарищемъ* — по канцеляріи Государственнаго Совѣта.

Къ стран.

346.

400. Въ своихъ бесѣдахъ съ Императоромъ Александромъ Карамзинъ не разъ скорбѣлъ о горькой участи, которой подвергала крестьянъ жестокая система управленія военныхъ поселеній; Государь, напротивъ того, объяснялъ ему, что они были учреждены съ цѣлію избавить народъ отъ тягости рекрутства, и изъявлялъ желаніе, чтобы Карамзинъ побывалъ въ поселеніяхъ: тогда онъ конечно убѣдится въ своемъ заблужденіи. Вотъ что было поводомъ къ трехдневной поѣздкѣ исторіографа; Аракчеевъ самъ возилъ его вездѣ и все ему показывалъ, былъ очень любезенъ и, по видимому, откровененъ. Такъ разсказывалъ о томъ Карамзинъ уже 22 іюля, прибавляя: «Къ удивленію моему, я не могъ не замѣтить, что графъ самъ въ числѣ недовольныхъ». Поѣздка Карамзина не перемѣнила однакожъ его мнѣнія. Не задолго передъ тѣмъ, просматривая книгу о военныхъ поселеніяхъ, составленную Сперанскимъ, онъ выразилъ сожалѣніе, что этотъ государственный человѣкъ сдѣлался секретаремъ Аракчеева. Послѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, рѣчь шла однажды объ указѣ, запрещавшемъ чинамъ вѣдомства военныхъ поселеній переходить въ другую службу: Карамзинъ былъ крайне огорченъ этой стѣснительной мѣрой [С.].

401. *Какъ я смѣялся дѣйствію стиховъ Жуковскаго! И онъ смѣялся, слагая съ себя вину на Гете.* Изъ стиховъ Жуковскаго, заимствованныхъ имъ у Гете, къ этому времени только и можетъ относиться пьеса: «Путешественникъ и поселянка». Правда, что они въ послѣднемъ изданіи «Стихотвореній» Жуковскаго (1849, т. IV, стр. VII и 56) значатся подъ 1822 годомъ, но это, безъ сомнѣнія, ошибка, подобно тому какъ тамъ же поставлено подъ этимъ годомъ посланіе къ И. И. Дмитріеву, написанное уже послѣ смерти Карамзина. — Стихотвореніе «Путешественникъ и поселянка» дѣйствительно пред-

Къ стран.

ставляетъ нѣкоторую поживу охотникамъ до двусмысленностей.

348.

403. Софья Сергѣевна Кушникова была помолвлена и вышла за Дмитрія Гавриловича Бибикова, бывшаго впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ [Л.].

— О графѣ Хвостовѣ покойный М. А. Дмитріевъ разсказываетъ: «Онъ такъ любилъ дарить свои сочиненія и распространять свою славу, что по дорогѣ къ его деревнѣ (село Талызино, въ симбирской губерніи), по которой я часто ѣздилъ, онъ дарилъ свои сочиненія станціоннымъ смотрителямъ, и я видалъ у нихъ приклеенные къ стѣнкѣ его портреты» («Мелочи изъ запаса моей памати», стр. 77).

349.

405. *Важный государственный человѣкъ* — графъ Аракчеевъ, впавшій въ уныніе и отчаяніе, когда его любовницу, Настасью, зарѣзали въ деревнѣ дворовые люди, съ которыми она жестоко обращалась. [Л.].

Подробности о Настасьѣ и ея смерти смотри въ «Разсказахъ о Быломъ», соч. Словскаго, Новгородъ, 1865, «Шумскій», стр. 20—47.

— Морскимъ министромъ былъ маркизъ И. И. де Траверсе.

406. Александръ Михайловичъ Карамзинъ, младшій братъ исторіографа отъ другой матери [Л.].

— Оренбургскимъ губернаторомъ былъ тогда графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ. Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ былъ генералъ-губернаторомъ нижегородскимъ, казанскимъ, симбирскимъ и пензенскимъ [Л.].

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ лишился лѣвой руки при Бородинѣ [Л.].

407. Отравленіе произошло отъ того, что Софья Николаевна, занимаясь живописью, прикасалась къ кисти губами [Кн. В.].

Къ стран.

350.

407. Это письмо уже прежде было извѣстно въ отрывкахъ; въ послѣдній разъ оно почти цѣликомъ напечатано въ Запискахъ И. И. Дмитріева, при чемъ однакожъ вмѣсто 1825 года ошибочно выставленъ 1815 (см. выше, стр. 080, примѣч. къ письмамъ 173, 174).

408. Conversations d'Emilie, книга о воспитаніи дѣвочекъ, сочиненіе г-жи de la Live d'Epinay, въ первый разъ изданное въ 1774 году, въ двухъ томахъ, и потомъ часто перепечатывавшееся; послѣднее извѣстное мнѣ изданіе относится къ 1822 году. Въ 1783 оно было увѣнчано Французской Академіей, какъ самое полезное сочиненіе, явившееся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Г-жа д'Эпинѐ род. около 1725, ум. 1783; она была въ дружбѣ со многими знаменитыми писателями того времени, особенно съ Гриммомъ; написала родъ автобіографическаго романа и записки, въ которыхъ съ откровенностію Руссò раскрываетъ тайны своихъ сердечныхъ связей. О воспитаніи дѣвицъ намѣревалась она составить книгу, которая обнимала бы всѣ 3 принятые ею періода его: 1) отъ рожденія до 10 лѣтъ; 2) до 14 или 15 лѣтъ; 3) до времени замужства; но успѣла разсмотрѣть только первый изъ этихъ періодовъ въ названномъ сочиненіи, написанномъ для внучки ея, молодой графини de Belzunce («Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes», par A.-A. Barbier, Paris, 1806. — «La France littéraire», par J.-M. Quérard, t. III, Paris, 1829, p. 26. — «Nouvelle Biographie générale», t. XVI, Paris, 1858). Нѣсколько писемъ г-жи д' Эпинѐ находятся въ Correspondance de Galiani (см. выше, стр. 0115, примѣч. къ письму 223).

409. Ода Хераскова на воцареніе императора Александра I, перепечатанная г. Лонгиновымъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 года, № 9, начинается стихами:

«Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,

Къ стран.

Такъ я монарха Александра
При старости моей пою».

409. Аполлонъ Николаевичъ Бекетовъ былъ въ числѣ подписчиковъ Московскаго Журнала въ первый годъ его изданія (см. ч. II, стр. 105) и жилъ тогда въ Царицынѣ.

351.

410. Это письмо написано по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра Павловича въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года.

352.

411. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ былъ предсѣдателемъ, а князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ членомъ Государственнаго Совѣта.

— Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой и Никита Михайловичъ Муравьевъ, бывшій членъ Арзамаса, принадлежали къ числу декабристовъ [Л.].

353.

413. Графъ Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій (ум. 1843), генералъ-адъютантъ Императора Александра I [Л.].

— Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ скончался 18 декабря 1825 года.

— Манифестъ въ августѣ 1823 г. состоялся вслѣдствіе добровольнаго отреченія отъ престола Великаго Князя Константина Павловича и принадлежалъ перу высокопреосвященнаго Филарета московскаго («Восшествіе на престолъ Императора Николая I», соч. барона М. А. Корфа, Спб., 1857, стр. 18—29).

— Кюхельбекеръ послѣ 14 декабря успѣлъ скрыться и былъ арестованъ уже въ Варшавѣ [Л.].

— Альманахъ «Полярная Звѣзда» былъ изданъ въ 1823, 1824 и 1825 годахъ Александромъ Бестужевымъ и Рылѣевымъ.

Къ стран.

415. Mémoires de M-me Genlis были напечатаны въ Парижѣ, въ 1825 году, въ 10-ти томахъ подъ заглавіемъ; «Mémoires inédits sur le XVIII siècle et la révolution française, depuis 1756 jusqu' à nos jours» («La France littéraire», t. III, p. 309).

416. Горестною церемоніей было погребеніе Императора Александра Павловича.

356.

418. «Апологи въ четверостишіяхъ» были только что отпечатаны: см. выше стр. 0151, примѣч. къ письму 300.

ДВА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

224.

253. *Исторія* есть заглавіе басни, въ первый разъ напечатанной въ «Сочиненіяхъ» Дмитріева, изданныхъ въ Москвѣ въ 1818 г. (ч. III, стр. 33). См. Русскій Архивъ 1863 г., № 8 и 9, «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Дмитріева», сост. М. Лонгиновымъ, стр. 713.

304.

346. *Б. Фитингофъ безъ языка отъ удара.* Тайный совѣтникъ баронъ Борисъ Ивановичъ Фитингофъ (Christoph Burhard Vietinghoff, съ прозваніемъ Scheel), братъ извѣстной г-жи Крюднеръ, былъ президентомъ образовавшагося въ 1818 году с. петербургскаго Минералогическаго Общества. Въ 1825 отнялась у него правая сторона, и онъ долженъ былъ отказаться отъ всякой дальнѣйшей дѣятельности. Род. въ Ригѣ 1767, ум. въ Маріенбургѣ 1829. (Schriftsteller-Lexicon von J. P. v. Recke und K. E. Napiersky, B. IV. Mitau 1832, p. 433, и Сынъ Отечества 1820, ч. 59, № III, стр. 139).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ.

I. (Изъ переписки родныхъ Карамзина).

Къ стран.

425. Изъ этой довольно обширной переписки выбраны только немногія мѣста, прямо или косвенно относящіяся къ характеристикѣ Карамзина и къ ближайшей его обстановкѣ въ семействѣ и въ кругу родныхъ.

II. (Письмо Карамзина къ С. Н. Глинкѣ).

441. Это письмо доставлено академикомъ А. В. Никитенко, которому принадлежитъ автографъ его.

III. (Два письма Карамзина къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ).

442. Подлинники этихъ двухъ писемъ составляютъ собственность Императорской Публичной Библіотеки, получившей ихъ въ даръ по волѣ самой покойной Императрицы.

IV. (Письма Карамзина къ Калайдовичу).

1.

444. На оборотѣ этой записки К. Ѳ. Калайдовичъ означилъ время ея полученія: «Получ. 5 Январ. 1814 года».

— Упоминаемая въ запискѣ рукопись Печерскаго Патерика была написана въ четвертку и принадлежала Карамзину, который хотѣлъ ее показать графу Сергѣю Петровичу Румянцову, брату извѣстнаго ревнителя просвѣщенія графа Николая Петровича Румянцова. «*Посла-*

Къ стран.

444. *ніе Митрополитовъ* у меня. А мой у Г. Калайдовича Патерикъ Печерскій въ четвертку» — писалъ Карамзинъ вѣроятно, къ А. Ѳ. Малиновскому.

Знакомство Карамзина съ Калайдовичемъ должно быть отнесено ко времени выхода сего послѣдняго изъ Московскаго Университета (27 Мая 1810 года), а можетъ быть и къ 1808 году, когда имъ были изданы въ свѣтъ сочиненія и переводы, подъ заглавіемъ «Плоды трудовъ моихъ». Исторіографъ былъ расположенъ къ Калайдовичу, что можно видѣть изъ письма послѣдняго къ С. Н. Глинкѣ: «....Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, для меня еще въ то время (до 1812 года) непонятнымъ, читалъ Вашъ Русскій Вѣстникъ: я тогда учился исторической критикѣ у великаго Шлецера въ его Несторѣ, а у Васъ—святой любви къ отечеству. Еще много, много я обязанъ тогдашнему достопочтенному нашему Предсѣдателю, Платону Петровичу Бекетову; несравненно болѣе Исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ Исторію Отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ; всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не смѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовію къ славѣ Россіи, вопрошатель и судія давно почившихъ, окрилялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности приливалъ огня божественнаго. О время незабвенное! О воспоминанія сладостныя! . . . . Карамзинъ въ это время (въ Іюлѣ 1812 года) жилъ въ 30 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Князя Вяземскаго, Остафьевѣ. Я нетерпѣливо желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Исторіографъ унялъ меня на цѣлый день; прощаясь со мною заплакалъ и сказалъ: «Если бы я имѣлъ взрослаго сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго.» (См. Чтенія въ Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 23—24).

Къ стран.
444.

2.

На запискѣ означено Калайдовичемъ время ея получения: «Получ. Окт. 2 1814». Упоминаемая въ ней Карамзинымъ рукопись хранится въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 164 и содержитъ въ себѣ Посланія россійскихъ митрополитовъ. (См. Ист. Гос. Росс., 2-е изд., т.V, прим. 124, и выше, прим. къ 1-му письму).

3.

26 іюня 1818 года Карамзинъ, между прочимъ, писалъ къ Алексѣю Өедоровичу Малиновскому, о которомъ упоминаетъ въ настоящемъ письмѣ и который въ то время занималъ должность управляющаго московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ: «.... Г. Калайдовичь показывалъ В. А. Жуковскому одно мѣсто въ какой-то старой Сѵнодальной рукописи, гдѣ упоминается о птицахъ *Изокахъ:* сдѣлайте милость, попросите отъ меня Г. Калайдовича, чтобы онъ выписалъ это мѣсто и черезъ васъ сообщилъ мнѣ, какъ можно скорѣе, съ объясненіемъ, что̀ это за рукопись, и проч.» (Письма Карамзина къ Алексѣю Өедоровичу Малиновскому, М. 1860, письмо 27, стр. 30). Малиновскій переслалъ письмо Карамзина къ Калайдовичу, при слѣдующихъ строкахъ, написанныхъ на конвертѣ: «Прошу Васъ, Константинъ Өедоровичь, удовлетворить вложенному здѣсь вопрошенію Исторіографа и завтра доставить мнѣ о семъ свѣденіе. А. Малиновскій. 26 Іюня» (Чтенія въ Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 112). Сообщенное Калайдовичемъ о мѣсяцѣ Изокѣ Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ (Ист. Гос. Росс., 2-е изд., т. I, прим. 159) съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Теперь остается намъ узнать, какая именно птица называлась *Изокомъ*». Настоящее письмо было послано Карамзинымъ Малиновскому при письмѣ, въ которомъ говорится: «Прилагаю записку къ К. Ө. Калайдовичу; я еще не получилъ отъ него ни замѣчаній на 1-й томъ моей Исторіи, ни обѣщанной выписки изъ Ше-

Къ стран.

стоднева (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письмо 28, стр. 30).

4.

445. Въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому Исторіи Гос. Росс., вышедшему 2-мъ изданіемъ въ 1818 году, кромѣ выписки изъ Шестоднева объ *изокахъ*, Карамзинъ дважды (прим. 260 и 261) приводитъ свѣдѣнія, доставленныя ему Калайдовичемъ.

— Нѣсколько извѣстій о достопримѣчательностяхъ Зарайска находится въ III-мъ томѣ Ист. Госуд. Росс. (изд. 2-е, прим. 360).

— Изъ писемъ Карамзина къ Малиновскому видно, что Калайдовичъ очень медлилъ доставленіемъ выписокъ и замѣчаній на трудъ исторіографа. Такъ въ письмѣ отъ 15 Августа 1818 года Карамзинъ писалъ: «Надѣюсь, что Г. Калайдовичь исполнитъ свое обѣщаніе и пришлетъ мнѣ обѣщанное», а въ письмѣ отъ 11 сентября того же года — «Что Калайдовичь? обѣщалъ мнѣ свои замѣчанія на I т. Исторіи и выписку объ Изокѣ, но не сдержалъ слова». Впрочемъ въ припискѣ къ послѣднему письму мы читаемъ: «Сію минуту получилъ ваше дружеское письмо и отъ Калайдовича; но прежняго его письма не получалъ.... къ Калайдовичу буду писать» (Письма Карамзина къ Малиновскому, письма 29 и 30, стр. 32 и 34).

5.

— Это «письмецо» было приложено при письмѣ къ Малиновскому отъ 28 Ноября (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, приписка къ 32-му письму, стр. 37).

6.

— Пергаментный Прологъ (XIII или начала XIV вѣка), изъ котораго были доставлены выписки исторіографу, принадлежалъ торговавшему въ Москвѣ старыми вещами Алексѣю Савину Шульгину, у котораго впослѣдствіи

Къ стран.

445. пріобрѣтенъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ Подробное изложеніе содержанія этой рукописи находится у Востокова въ Описаніи рукописей Румянцовскаго Музеума (стр. 447—454) и въ письмахъ Калайдовича къ графу Румянцову (Чтенія къ Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 150 — 153), въ которыхъ, между разными выписками изъ Пролога, приведено казавшееся Калайдовичу неизвѣстнымъ обстоятельство о принесеніи великою княгинею Ольгою изъ Царьграда креста, полученнаго ею отъ патріарха и еще хранившагося въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ то время, когда неизвѣстный намъ сочинитель помѣщеннаго въ Прологѣ житія занимался его составленіемъ.

О крестѣ великой княгини Ольги см. 382 прим. къ I тому Ист. Гос. Росс. (2-е изд.).

Выписки изъ сочиненнаго сыномъ Іоанна Грознаго, царевичемъ Іоанномъ Іоанновичемъ, житія св. Антонія Сійскаго помѣщены въ IX-мъ томѣ Ист. Гос. Росс (прим. 612).

Второе изданіе Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ подарилъ Калайдовичу по его просьбѣ. «Я прошу онаго (экземпляра Ист. Гос. Росс.) у Васъ не потому, чтобы не могъ имѣть его, у меня есть первое, но мнѣ лестно дорожить подаркомъ Автора, пріобрѣвшаго безсмертную славу и коего талантъ привыкъ я высоко цѣнить съ юныхъ дней моихъ» (Чтенія въ Общ. Исторіи 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 114).

Анкень (P. Hennequin), учитель въ Сиротскомъ институтѣ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, напечаталъ въ Москвѣ, въ 1818 году, Nouveau cours de Rhétorique à l'usage de jeunesse des deux sexes, не выходившій изъ ряду посредственныхъ. Въ посвященіи своего труда Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ онъ, между прочимъ, сказалъ:... j'ai osé croire que mon Cours de Rhétorique devoit contribuer à témoigner la joie, l'enthousiasme, qu'a répandus en cette Capitale Votre Auguste Présence».

Къ стран.

7.

445. Въ концѣ VIII тома Ист. Гос. Росс. послѣ примѣчаній, Карамзинъ дѣйствительно помѣстилъ нѣсколько доставленныхъ Калайдовичемъ замѣчаній и выписокъ изъ рукописей.

Слово «вымолъ», встрѣчающееся въ уставѣ великаго князя Ярослава о мостахъ въ Новгородѣ, по мнѣнію Карамзина, могло означать мельницу (Ист. Гос. Росс., 2-е изд., т. II, прим. 108). Это слово мы находимъ еще и въ двухъ межевыхъ грамотахъ, писанныхъ около 1504 года (Собр. Гос. Грам. и Догов. т. I, №№ 138 и 140), въ которыхъ оно имѣетъ значеніе рытвины или вымоины.

8.

447. Извѣстіе о 120 древнихъ серебряныхъ рубляхъ, найденныхъ близъ Серпухова, припись въ рукописи о переводѣ съ Греческаго языка Потребника въ 1329 году по повелѣнію великаго князя Іоанна Даніиловича Калиты и Слово о Даніилѣ Заточникѣ, заимствованное изъ рукописи XVI вѣка, помѣщены Карамзинымъ въ VIII томѣ Ист. Гос. Росс. (2-е изд., прим. стр. 149—155).

Соборъ, которому Карамзинъ не очень вѣрилъ и извѣстіе о которомъ сообщилъ ему Калайдовичъ, былъ Константинопольскій 1301 года. На немъ были даны Сарайскому епископу Ѳеогносту, предложившему въ присутствіи митрополита Максима нѣсколько вопросовъ, отвѣты, разрѣшавшіе настоятельныя нужды Сарайской церкви. Въ извлеченіи Карамзинъ напечаталъ дѣянія этого собора въ томъ же VIII томѣ (прим. стр. 147—149).

И настоящее «письмецо» къ Калайдовичу, какъ и многія другія, было препровождено Карамзинымъ черезъ Малиновскаго, вѣроятно изъ желанія не ставить подчиненнаго въ непріятное положеніе къ начальнику, котораго взглядъ на служебныя отношенія былъ ему хорошо извѣстенъ (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письмо 39, стр. 44).

Къ стран.

9.

447. Ошибка въ отчествѣ Калайдовича повторена исторіографомъ и въ слѣдующемъ письмѣ.

— Извлеченіе изъ письма Калайдовича объ изокѣ напечатано въ IX томѣ Ист. Гос. Росс. (прим. стр. 290).

— Настоящее письмо было переслано черезъ Малиновскаго. Въ письмѣ къ нему, отъ 3 Марта 1821 года, Карамзинъ приписалъ слѣдующее: «Прилагаю записку къ Г. Калайдовичу..... Сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, прикажите Г. Калайдовичу или другому сдѣлать подробное описаніе наружности, лица и вида Царя Ѳеодора Іоанновича, съ его изображенія надъ гробницею въ Архангельскомъ соборѣ — и какъ можно скорѣе мнѣ доставьте» (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письмо 47 стр. 52). Черезъ мѣсяцъ, именно 4 Апрѣля, Карамзинъ писалъ Малиновскому: «Скажите спасибо К. Ѳ. Калайдовичу за описаніе Ѳеодорова лица» (Тамъ же, письмо 49, стр. 54).

10.

447. Настоящее письмо исторіографа было написано въ отвѣтъ на слѣдующее письмо Калайдовича, отъ 2 Іюня 1821 года: «Ваше Превосходительство, Милостивый Государь! Давно уже собирался я прибѣгнуть къ Вамъ, съ испрашиваніемъ разрѣшенія въ одномъ важномъ для меня историческомъ обстоятельствѣ. Оканчивая изданіе твореній Туровскаго Епископа Кирилла, на иждивеніи знаменитаго нашего Мецената Графа Н. П. Румянцова, я нѣсколько затрудняюсь въ опредѣленіи Туровскаго эпархіальнаго престола. Тотъ ли это Туровъ, который получилъ названіе по имени Варяга Тура? Сей ли городъ Владиміръ 1-й отдалъ въ удѣлъ усыновленному своему племяннику Святополку? Епархія въ концѣ XI или началѣ XII вѣка, подъ названіемъ Туровской и Пинской учрежденная, находилась въ семъ ли древнемъ городѣ? И наконецъ тотъ ли это Туровъ, который нынѣ представляетъ бѣдное мѣстечко, лежащее Минской Губерніи

Къ стран.

447. въ Мозырьскомъ повѣтѣ, при впаденіи съ правой стороны рѣчки Езды въ Припеть? Вотъ вопросы, на которые всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство удостоить меня въ непродолжительномъ времени Вашимъ отвѣтомъ. Въ одномъ древнемъ извѣстіи упомянуто, что мѣстопребываніе Туровскихъ Епископовъ было въ монастырѣ Бориса и Глѣба, котораго нѣтъ и слѣдовъ въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Туровѣ. Не извѣстно ли Вамъ чего въ подтвержденіе и сего сказанія? — Извѣстіе въ Сынѣ Отечества о появленіи 9-го тома Вашей драгоцѣнной Исторіи сердечно меня и всѣхъ любителей Исторіи порадовало.... По времени, если Вамъ угодно, обѣщаю доставить новыя и любопытнѣйшія свѣденія о Лжедимитріѣ (Чтенія въ Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 115 — 116).

— По поводу обѣщанныхъ Калайдовичемъ свѣдѣній о Самозванцѣ Карамзинъ, 2 Августа 1821 года, писалъ Малиновскому: «Между тѣмъ сдѣлайте милость, постарайтесь, чтобы К. Ѳ. Калайдовичь *скорѣе* доставилъ мнѣ лѣтопись, купленную для Графа Румянцова: она содержитъ въ себѣ что-то неизвѣстное о Димитріи etc. Пожалуйста, исполните мою просьбу». Изъ письма къ тому же Малиновскому, отъ 30 Сентября 1821 года, видно, что Калайдовичъ не замедлилъ доставленіемъ лѣтописи. «.... Да нѣтъ ли еще какой бумаги о посвященіи нашего *перваго Патріарха*, Іереміи? вы мнѣ одну сообщили и не полную. Печатное мнѣ извѣстно, какъ въ *собраніи грамотъ*, такъ и въ *вивліоѳикѣ*. Нѣтъ ли чего въ Библіотекѣ Синодской? Поговорите о томъ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, котораго очень благодарю за лѣтопись о Димитріи; у меня былъ ея списокъ, но весьма худой» (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письма 51 и 52, стр. 56 — 57).

12.

448. Объ этомъ письмѣ къ Калайдовичу и о просьбѣ къ нему обращенной Карамзинъ сообщилъ и Малиновскому,

Къ стран.

448. въ письмѣ отъ 4 Мая 1822 года: «Пишу запросъ къ Г. Калайдовичу: убѣдите его отвѣчать мнѣ съ нѣкоторою подробностію объ одной изъ рукописей Гр. Толстаго» (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письмо 55, стр. 61). Калайдовичъ двумя письмами, отъ 15 Мая и 8 Іюня 1822 года, отвѣчалъ на запросъ Карамзина и, вмѣстѣ съ полною изъ рукописи графа Толстаго перепиською житія Іоанна Большаго Колпака, умершаго 3 Іюля 1589 года, сообщилъ и разныя свѣдѣнія о немъ (См. Чтенія Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 117—118). Карамзинъ объ этомъ Іоаннѣ юродивомъ говоритъ въ своей Исторіи (т. X, прим. 469).

13.

448. Надгробную плиту, положенную надъ тѣломъ Ливонскаго ландмаршала Белля, казненнаго по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго, Калайдовичъ нашелъ въ Москвѣ не вдалекѣ отъ Серпуховскихъ воротъ на Конной площади. Принадлежавшій графу Ѳ. А. Толстому списокъ Псковской лѣтописи былъ возвращенъ ему черезъ посредство его зятя, Арсенія Андреевича Закревскаго (впослѣдствіи графа), женатаго на его дочери графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ.

— Въ началѣ 1821 года у Карамзина изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго находилось только три рукописи, и въ числѣ ихъ Псковская лѣтопись, какъ это видно изъ слѣдующаго его письма къ послѣднему, отъ 3 Февраля 1821 года, адресованнаго въ Москву:

Милостивый Государь

Графъ Ѳедоръ Андреевичь!

Имѣвъ честь получить Ваше обязательное письмо, спѣшу отвѣчать, что у меня осталось *три* рукописи изъ Вашей драгоцѣнной библіотеки: 1) *Псков. лѣт.*, въ листъ; 2) *Морозов. лѣт.*, въ листъ; 3) Краткая лѣтопись, въ четверть листа. Онѣ еще мнѣ нужны, будутъ цѣлы и возвращены немедленно, когда въ Исторіи своей дойду

Къ стран.

448. до половины XVII вѣка. По вашей доброй ко мнѣ пріязни и любви къ Исторіи Вы конечно не будете на меня сердиться за то, что держу ихъ: это не безполезно. — Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь!
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

14.

449. Это письмо получено Калайдовичемъ, какъ видно изъ сдѣланной имъ на немъ помѣты, 29 Апрѣля 1824 года.

15.

449. Калайдовичемъ были собраны матеріалы для второй части Русскихъ Достопамятностей, въ которую между прочимъ должно было войти путешествіе по Святымъ мѣстамъ игумена Даніила. Разныя ученыя работы помѣшали Калайдовичу приступить къ печатанію этой части Достопамятностей, для которой подготовленные матеріалы сохранились между его бумагами

На порученіе Карамзина доставить свѣдѣнія о гробѣ Шуйскаго, Калайдовичъ отвѣчалъ письмомъ отъ 3 Іюля 1824 года (Ист. Гос. Росс. т. XII, прим. 527, и Чтенія въ Общ. Исторіи, 1862, кн. 3, Изслѣдованія, стр. 119). Сообщенныя имъ свѣдѣнія относились къ гробу Скопина-Шуйскаго, а не царя Василія Іоанновича Шуйскаго, а потому не удовлетворили исторіографа (см. письмо его къ Калайдовичу отъ 16 Сентября 1824 года).

16.

450. Письмо это напечатано въ журналѣ Русскій Зритель (1828 года, №№ 1 и 2, стр. 29 — 30), къ которому приложено и литографированное съ него факъ-симиле.

На это письмо Калайдовичъ отвѣчалъ, 3 Сентября 1824 года, обширнымъ и обстоятельнымъ письмомъ, къ которому приложилъ планъ Тушинскаго лагеря втораго

Къ стран.

450. Лжедимитрія. Письмо вмѣстѣ съ планомъ напечатано въ тѣхъ же нумерахъ Русскаго Зрителя (стр. 31 — 35). Карамзинъ былъ доволенъ отвѣтомъ Калайдовича и въ письмѣ къ Малиновскому, отъ 15 Сентября 1824 года, между прочимъ, написалъ: «На той почтѣ буду благодарить К. Ѳ. Калайдовича и за Экзарха и за описаніе Тушинскаго стана» (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, письмо 68, стр. 76.)

17.

450. Книга, о чтеніи которой упоминаетъ Карамзинъ въ этомъ письмѣ, была Іоаннъ Экзархъ Болгарскій — многолѣтній трудъ Калайдовича, вышедшій въ свѣтъ въ 1824 году и снискавшій автору высочайшія награды и лестные отзывы ученыхъ.

— Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ это время былъ адмиралъ А. С. Шишковъ, назначенный въ эту должность 15 мая 1824 года. Онъ же былъ и президентомъ Россійской Академіи, которой, въ ея засѣданіи 20 Сентября 1824 года, былъ представленъ присланный Калайдовичемъ экземпляръ изданной имъ книги подъ названіемъ: Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. «Книга сія принята Собраніемъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и поручено Секретарю оной изъявить Г. Калайдовичу благодарность именемъ Академіи» (Извѣстія Росс. Академіи, кн. 12, стр. 34 — 35).

VIII. (Статья Карамзина въ Spectateur du Nord).

473.

Статья эта помѣщена въ Октябрьской книжкѣ 1797 г. и занимаетъ отъ 53 до 72 страницы. Она перепечатана здѣсь со всею точностію и съ *особенностями*, принадлежащими автору; впрочемъ онѣ состоятъ только въ излишествѣ знаковъ препинанія, на которые Французы скупы, и въ нѣкоторыхъ неправильностяхъ слога и выраженія.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ КАРАМЗИНА, ПРИЛОЖЕНІЯХЪ КЪ НИМЪ И ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

Стоящія при именахъ цифры означаютъ страницы.

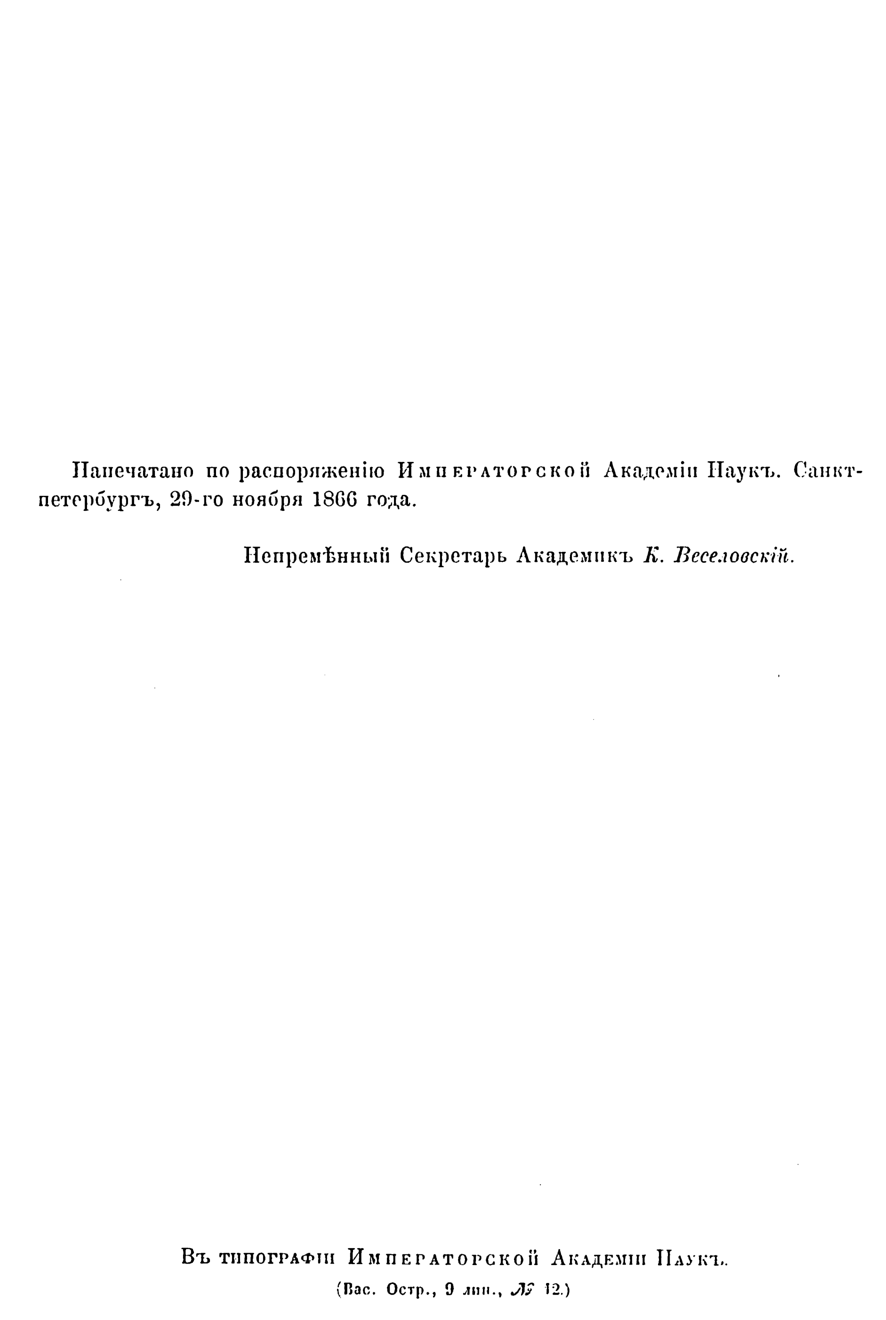
ПОПРАВКИ.

Стр.	*Письмо:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
38	32	подписывай	надписывай
139	127	представленъ къ Государю	представленъ Государю
273	242	матушкою	мамушкою
041	67	Ликарева	Лихачева

Сверхъ того, вверху страницъ 252, 253 и 254 выставленъ 1819-й годъ ошибочно вмѣсто 1818-го.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 29-го ноября 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ТОМУ СТО ЛѢТЪ.

Тому сто лѣтъ, подъ тихимъ кровомъ
Богобоязненной семьи,
Гдѣ чистымъ дѣломъ, чистымъ словомъ
Хранилась заповѣдь любви:

Въ краю гдѣ Волгой плодородной
Поятся нивы и луга,
Гдѣ жизнью бодрой и народной
Кипятъ рѣка и берега:

Тому сто лѣтъ, зимой суровой,
Младенецъ, Божья благодать,
Младенецъ, въ жизнь пришелецъ новой
Утѣшилъ страждущую мать.
Любуясь имъ она гордилась,
Заботъ и благъ въ немъ зря залогъ,
О немъ и о себѣ молилась,
Чтобъ ихъ другъ другу Богъ сберегъ.

Но жизнь и вся земная радость,
Все тѣнь, неуловимый паръ:
Въ чемъ предвкушаемъ счастья сладость,
Въ томъ часто намъ грозитъ ударъ.

Была молитва завѣщаньемъ
Передъ разлукой роковой,
Любви привѣтомъ и прощаньемъ
Съ новорожденнымъ сиротой.

Еще молитвы, сердцу милой,
Мать не успѣла досказать,
А смерти Ангелъ чернокрылой
Клалъ на уста ея печать.
Гробъ рядомъ съ юной колыбелью
И съ гранью жизни жизни даль:
И въ домъ попутчицей веселью
Вошла семейная печаль.

Но нѣжной матери моленье
Угодный небу ѳиміамъ:
Мать замѣнило провидѣнье:
Не по годамъ, а по часамъ

Младенецъ, отрокъ благодушный
И подросталъ и расцвѣталъ,
И втайнѣ матери послушный
Рѣчамъ загробнымъ онъ внималъ.

Ужъ раннимъ пламенемъ горѣли
Ребенка чуткіе глаза,
Пытливо вдаль они смотрѣли,
Въ нихъ вдохновенная слеза
Свѣтлѣлась чувствомъ многодумнымъ
Предъ блескомъ утреннихъ небесъ,
Или когда подъ вѣтромъ шумнымъ
Тревожно пѣлъ и плакалъ лѣсъ.

Все, что быть можетъ мысли пищей,
Или потребностью души,
Все съ каждымъ днемъ яснѣй и чище,
Еще въ пророческой тиши,

Еще невѣдомо для свѣта
Въ немъ развивалось красотой:
И проблескъ тихаго разсвѣта
Былъ дня прекраснаго зарей.

За утромъ дѣтскихъ обаяній
Настала зрѣлости пора:
Съ умомъ, алкающимъ познаній,
Съ душею, жаждущей добра,
Вступилъ онъ въ жизнь, какъ въ бой воитель,
Какъ тружeникъ любящій трудъ,
Служенья чистаго служитель,
Избранный промысломъ сосудъ.

Сперва, попыткою искусства,
На новый ладъ настроивъ рѣчь,
Успѣлъ онъ мысль свою и чувства
Прозрачной прелестью облечь.

Россія рѣчью сей плѣнилась,
И съ новой грамотой въ рукѣ,
Читать и мыслить пріучилась
На Карамзинскомъ языкѣ.

Понятьямъ міръ открылъ онъ новый,
Пустилъ ихъ въ общій оборотъ,
Снялъ съ рѣчи тяжкія оковы
И слову русскому далъ ходъ.
Не смѣйтеся надъ *Бѣдной Лизой*,
Младой красавицей въ тѣ дни:
Окутавшись забвенья ризой
Всѣмъ намъ она еще сродни.

Всё шире, глубже и просторнѣй
Онъ мирный подвигъ совершалъ:
И всё теплѣй, всё благотворнѣй
Лучи онъ свѣта проливалъ.

Казалось новый воздухъ вѣялъ
На вновь раскрытыя бразды:
И все, что онъ съ любовью сѣялъ
Несло сторичные плоды.

Намъ предковъ воскресилъ онъ лица,
Ихъ образъ въ насъ запечатлѣлъ:
И каждая его страница
Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
Своей живительной рукою
Событій нить связалъ онъ вновь,
Сроднилъ насъ съ русскою семьею
И пробудилъ онъ къ ней любовь.

Въ иномъ художественный пламень,
Но малъ запасъ рабочихъ силъ:
Здѣсь зодчій самъ за камнемъ камень
Въ свой исполинскій трудъ вносилъ.

Воздвигъ онъ храмъ сей величавый
Прекрасный стройностью частей,
Сей памятникъ и русской славы,
И славы собственной своей.

Любви къ трудамъ, къ добру, къ природѣ
Въ своихъ твореньяхъ учитъ онъ:
Онъ учитъ въ нравственной свободѣ
Блюсти общественный законъ,
Отечеству быть вѣрнымъ сыномъ
И человѣчество любить,
Стоять за правду гражданиномъ
И вмѣстѣ человѣкомъ быть.

Нѣтъ тѣни въ немъ противорѣчья:
Гдѣ авторъ тамъ и жизнь сама:
Тажъ теплота добросердечья
И трезвость свѣтлаго ума.

Предъ нимъ одна была дорога,
Проселковъ не искалъ ни въ чемъ:
Онъ чистотой души и слога
Былъ, есть и будетъ образцемъ.

Съ покорностью благоговѣйной
Къ Тому, Кѣмъ призванъ къ бытію,
Любилъ онъ свой очагъ семейной,
Всѣхъ ближнихъ какъ свою семью.
На горе братьевъ, на ихъ радость,
И на закатѣ позднихъ лѣтъ,
Какъ и въ довѣрчивую младость,
Въ созвучномъ сердцѣ былъ отвѣтъ.

И славы онъ извѣдалъ чары
И ласку и пріязнь Царей,
Судьбы дары, судьбы удары;
Но въ мирѣ съ совѣстью своей

Не зналъ онъ ропота въ печали,
Ни счастья суетныхъ тревогъ;
И жизни чистыя скрижали
На Божій судъ принесть онъ могъ.

Нашъ праздникъ надъ минувшимъ тризна,
Но мыслью жизни онъ согрѣтъ:
На немъ сочувствуетъ отчизна
Тому, что было за сто лѣтъ.
Въ своей отвагѣ разнородной,
Какъ ни забывчивы умы,
Здѣсь благодарности народной,
Здѣсь гласъ потомства слышимъ мы.

И въ день сей памятный межъ днями,
Столѣтняго преданья день,
Не носится ль еще надъ нами
Россію любящая тѣнь?

Не онъ ли самъ, роднымъ влеченьемъ
Возставъ изъ гроба, въ этотъ часъ,
Благословляетъ съ умиленьемъ
И слово русское и насъ?

Князь *Вяземскій.*

1-го Декабря
1866 года.

Продается въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ и у книгопродавцевъ по 2 рубля за экземпляръ.